

Андрей МЕДВЕДЕВ

ВОЙНА ИМПЕРИЙ

Тайная история борьбы Англии против России

Автор бестселлера
«Подлинная история
русского и украинского народа»

Annotation

Андрей Медведев – известный журналист, политический обозреватель телеканала «Россия», ведущий программы «Медвежий угол» на «Вести FM», автор нашумевшего фильма «Проект Украина», который собрал в Сети 1 миллион просмотров.

Нам кажется, что сегодня в мире происходит нечто ранее не виданное. «Арабская весна» и война в Сирии. Возвращение Крыма и санкции против России. Обеспокоенность британцев и американцев ситуацией на Кавказе и судьбой Грузии. Война в Афганистане и удары российских ВКС по боевикам ИГИЛ.

Дипломатическая схватка Москвы и Вашингтона в Центральной Азии.

Многие на самом деле уверены, что вот именно сейчас Россия и глобальный Запад впервые сошлись в таком жестком клинче. Но всё уже было. Этой истории больше 400 лет.

В западной науке это глобальное противостояние получило название Большая Игра. Считается, что она началась в 1856 году, после окончания Крымской войны.

Но есть и другая версия. Игра началась еще в Смутное время.

Какую роль в тех событиях сыграли англичане и для чего они отправляли в Россию войска? Когда и для чего была создана русская военная флотилия на Каспии? Почему началась первая Англо-афганская война и какая шпионская игра ей предшествовала? Почему британцы боялись русского похода на Индию и почему русские полагали, что Англия намерена аннексировать Среднюю Азию?

-
- [Андрей Медведев](#)
 -
 -
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)

- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Заключение](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)

- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)

- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)

- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)

- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)

- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)

- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)

- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)

- [310](#)
 - [311](#)
 - [312](#)
 - [313](#)
 - [314](#)
 - [315](#)
 - [316](#)
 - [317](#)
 - [318](#)
 - [319](#)
 - [320](#)
 - [321](#)
 - [322](#)
 - [323](#)
 - [324](#)
 - [325](#)
-

Андрей Медведев
Война империй
Тайная история борьбы Англии против
России

Серия «Медведев Андрей. Книги известного политического обозревателя»

© Медведев А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Памяти
Валентины Алексеевны Медведевой
и Саида Хамидовича Усманова
посвящается

Пролог

В ресторане со странным названием Olive Table на шумной кабульской улице Ахмад Захир-роуд по вечерам шумно. Выступают музыканты. Они поют народные песни, гости подпевают, иногда заказывают что-то, прямо как у нас «от столика справа звучит песня для наших гостей из Газни». И только ты пришел, официанты несут тебе на стол чай, черный или зеленый, но обязательно с кардамоном, и объясняют, что вот эта курица на гриле, которую ты выбрал из меню, она, конечно, немного острая, но вкусная. И да, да, это целая курица, именно. А салат вам большой не надо. На двоих и стандартного салата хватит.

Под потолком, над головами гостей, беззвучно работают телевизоры. Отчего-то там по вечерам показывают американские боевики с субтитрами на дари. Гости ресторана иногда поглядывают на экран, где американские морские пехотинцы лихо расправляются с бородатыми афганскими талибами, и недобро ухмыляются. Они знают, что в реальной жизни все не так, как в кино, что за 15 лет войны талибов так никто победить не смог. И теперь в Афганистане еще и боевики ИГИЛ.

Мимо нашего стола проходит человек, прислушивается к разговору и вдруг спрашивает:

– Русский?

Я киваю, встаю, чтобы поздороваться. А он радостно через переводчика начинает объяснять, что он бывший моджахед и воевал против нас. И воевал долго. И теперь счастлив, что знал таких отважных воинов, как русские. Не то что эти американцы. И когда же вы, русские, к нам вернетесь? Не воевать, с миром. Мы же помним, что вообще-то вы друзья. Вы же столько всего в Афганистане построили.

Такие разговоры случались в Кабуле часто. Бывшие моджахеды Массуда или Хикматияра подходили поговорить, спросить, не нужна ли помощь. По некоторым из них было видно, что их боевое прошлое никуда не ушло, что в столицу они приехали просто передохнуть – чтобы потом снова уехать в горы, где теперь, как когда-то с русскими, воюют с англичанами и американцами. Впрочем, с англичанами тут тоже когда-то уже воевали.

На следующий день после встречи в ресторане мы в резиденции бывшего президента Хамида Карзая говорим с ним о том, как идет

процесс, который американские официальные лица называют «борьбой с террором». Карзай отвечает не задумываясь.

– Как можно вести борьбу в течение 14 лет и каждый год заявлять, что следующий год будет еще хуже, что экстремизм и терроризм будут еще больше развиты, чем раньше? Как можно бороться с экстремизмом, обстреливая деревни и убивая мирных жителей?

Я спрашиваю его, что происходит в стране, что ждет Афганистан и кто ему поможет. Он смотрит внимательно и произносит:

– Знаете, распад Советского Союза и ослабление России с 1992 года обернулись для Афганистана настоящей катастрофой. Если бы Россия была сильной и находилась в дружеских отношениях с нами, мы бы не находились в таком упадке, в каком мы находимся по сей день. К сожалению, историю невозможно переписать и невозможно исправить ошибки Советского Союза и Афганистана, которые пагубно сказываются до сих пор. Но когда Советский Союз был сильным государством, с 1920 года, в Афганистане была стабильность. Никто не вторгся на наши территории, так как у нас был сильный союзник в лице России.

История имеет свойство повторяться, причем обычно она заставляет нас учить невыученные уроки снова и снова. На примере Афганистана это видно особенно хорошо. Именно эта страна была, возможно, главной точкой противостояния между Российской и Британской империями в 19 веке, которое принято называть Большой игрой. И вот снова, в 21 веке, она и все прилегающие территории стали полем уже новой Большой Игры между Россией и Западом. Есть, правда, небольшой нюанс: 150 лет назад Афганистан был нужен англичанам, чтобы русские не смогли пройти в Индию. Сейчас Афганистан нужен США, чтобы никто в регионе – Россия, Иран, Индия, Китай – не смог выстроить четкие экономические связи.

Хотя эта книга не только об афганской проблеме, потому что площадкой противостояния опять, как 200 лет назад, оказываются Центральная Азия и Балканы, Турция и Восточное Средиземноморье. И когда военные корабли стреляют с Каспия по базам террористов крылатыми ракетами «Калибр» – это не просто акт возмездия, не просто демонстрация силы России. Это наглядный пример того, что Россия снова участвует в Большой Игре, и теперь

уже она выступает по своим правилам. Хотя эта книга не совсем о Большой Игре в традиционном ее понимании.

Эта книга о русско-британском противостоянии, которое продолжалось более 300 лет, и о том, во что оно трансформировалось сегодня, как в наши дни противостояние с Западом связано с событиями, от которых нас отделяют столетия. В классическом понимании Большой Игры она проходила в нескольких регионах, и в том числе на Дальнем Востоке. Именно поэтому Англия так поддерживала Японию в конце 19 века, помогла ей перевооружиться к войне с Россией в 1904 году. В книге этот значительный эпизод умышленно очень мало освещен. С моей точки зрения, это предмет отдельного исследования, особенно с учетом всех произошедших в регионе изменений и усиления Китая. И кроме того, для нас актуально посмотреть и сравнить, как шло противостояние России и Англии в регионах, которые волнуют нас именно сегодня: на Балканах, на Кавказе, в Закавказье, в Центральной и Южной Азии.

Трудно разобраться, что же сегодня происходит в Сирии, зачем там наша база, зачем концерт в Пальмире, если не понимать, что борьба за контроль над этими территориями началась сотни лет назад. И трудно понять, зачем мы сегодня поддерживаем стабильность в Центральной Азии, зачем нам базы в Таджикистане, если не знать, как этот регион стал частью Российской империи. Русский историк и публицист Константин Скальковский когда-то написал:

«Люди с узкими воззрениями смеются, что у нас есть интересы в Сирии, и в Малой Азии, и в Афганистане, и в Индии, и в Китае. Но почему же не кажется им странным поведение англичан, которые свои интересы отыскивают и преследуют и в Южной Африке, и на разных островах Австралии, и в Бирме, хотя никакого отношения эти места собственно к границам Великобритании не имеют».

И с тех пор, как были написаны эти строки, мало что изменилось. У нас по-прежнему есть свои интересы в тех же регионах. И они по-прежнему напрямую связаны с вопросом: быть России или не быть, будет она играть серьезную роль в мировой политике или станет частью чужой игры?

Глава 1

В классической исторической науке принято считать, что Большая Игра имела четко определенные исторические рамки. Началась Игра после поражения Российской империи в Крымской войне в 1856 году и закончилась в 1907-м, когда Россия, Британия и Франция заключили союз, создав военно-политический блок в качестве противовеса «Тройственному союзу» Германии, Австро-Венгрии и Италии.

Якобы тот союз Петербурга и Лондона положил конец шестидесятилетнему противостоянию двух держав. Может быть, только одно объяснение тому, отчего историкам было так удобно загнать Большую Игру в столь нелепые временные рамки. Фактически подобную схему создали, и жестко ее придерживаются, как раз британские, американские и европейские исследователи. Причем понятно, что они – осознанно или нет – попутно с изучением истории вопроса решали серьезные политические задачи. Потому что именно такой подход к изучению Большой Игры позволяет вывести сам этот термин за рамки современной нам политологии и геополитики.

То есть Большая Игра – это якобы дело прошлое, она давно закончена, и сегодняшние события на Ближнем Востоке и в Южной Азии даже как-то нелепо сравнивать с противостоянием России и Британии в 19 веке. Это схема, которая позволяет избежать ненужных вопросов, которая отсекает лишние и опасные для Запада рассуждения о том, что Большая Игра – это не просто борьба за контроль над территориями в Азии и на Балканах и ведется она не только между Петербургом и Лондоном. Якобы речь шла и идет о насчитывающем множество столетий глобальном противостоянии двух систем, двух миров с разными религиозными взглядами, ценностями, отношением к другим народам и восприятием самих себя.

Российская историческая школа обычно придерживается именно этой, западной, точки зрения: Большая Игра длилась 60 лет, давно завершилась, и это лишь один, не самый важный, эпизод русской истории 19 века. Своей точки зрения на эти процессы новая Россия пока не выработала. Дело еще и в том, что в Советском Союзе серьезных исследований как таковой Большой Игры не велось. Потрясающие по глубине, по объему использованных

документов работы без преувеличения великих ученых Нафтулы Ароновича Халфина или Гоги Аббаровича Хидоятова касались не Большой Игры в целом, а лишь эпизодов англо-русского противостояния в Центральной Азии или английской колониальной политики в Индии и Афганистане.

Вообще, в СССР до Великой Отечественной войны о вековом противостоянии Британии и России еще помнили, более того, это противостояние в Центральной Азии продолжалось и в 20-е, и в 30-е годы. А после войны образ «вечного врага» стал прочно ассоциироваться с Германией. Русская же экспансия в Центральную Азию, покорение Туркестана были осуждены как хищнические империалистические устремления. И подобный подход сохраняется порой и сегодня и по-прежнему не позволяет системно посмотреть на Большую Игру.

Но если рассматривать Большую Игру как серьезный, глобальный процесс, который начался много столетий назад и продолжается, как показывают события в Сирии и Афганистане, и по сей день, то придется признать: Игра началась не в 1856 году и даже не в Русско-персидскую войну 1812 года, не в день убийства Павла I и не с присоединением Крыма Екатериной II. А началась она – и пусть не согласятся с этим многие историки – в 1612 году, когда охваченное смутой Русское государство едва не стало британской колонией. И тут стоит немного напомнить читателям, какая обстановка складывалась в мире в тот момент. Итак, краткий экскурс в геополитику 15–17 веков.

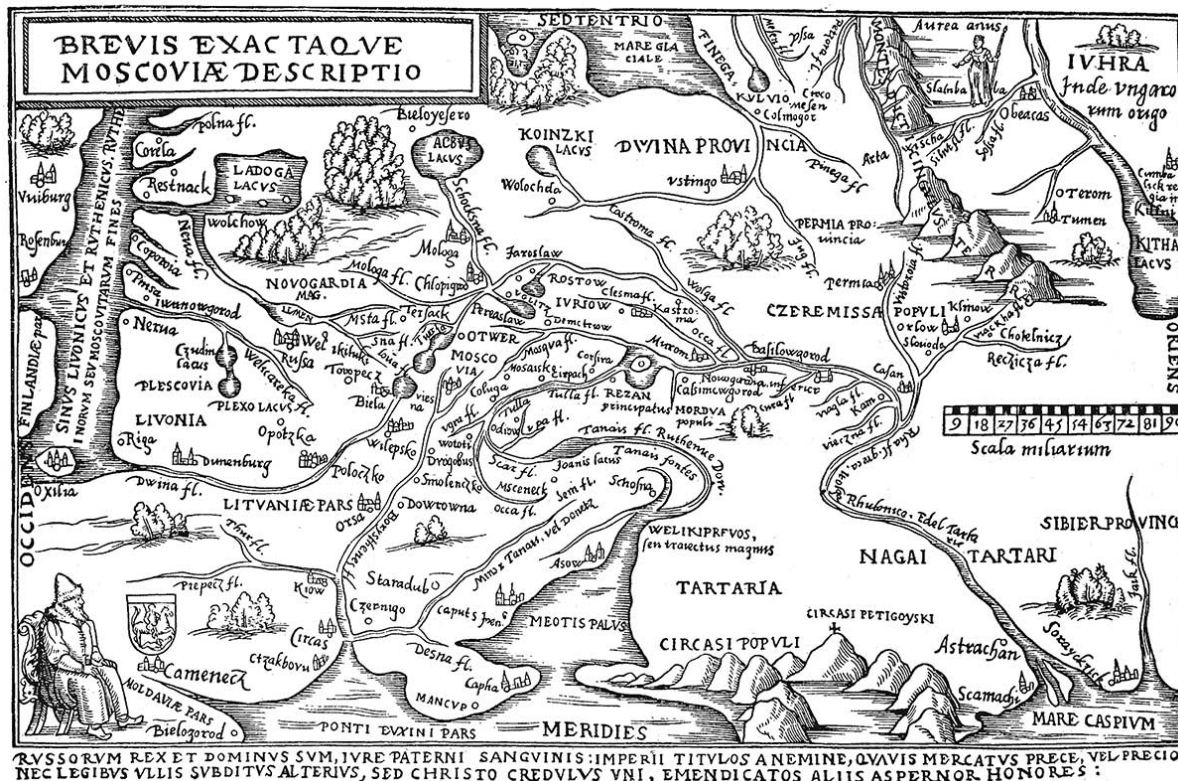
Конец 15 века – это удивительное время, начало эпохи Великих географических открытий. Европа открывала для себя мир. Португальский мореплаватель Бартоломео Диас огибает Африку, проходя Мыс Доброй Надежды, каравеллы Колумба обнаруживают Багамские острова, в 1498 году португальский мореплаватель Васко да Гама прокладывает морской путь в Индию, в 1513 году испанский конкистадор Нуньес де Бальбоа первым из европейцев вышел на берег Тихого океана. В то время Англия еще не была великой морской державой, мир делили между собой Испания и Португалия. Причем делили в буквальном смысле слова. В 1494 году при посредничестве римского папы в испанском городе Тордесилье было заключено соглашение. От Северного до Южного полюса была проведена Демаркационная линия. Все вновь открытые области к западу от этой черты должны были принадлежать испанцам, а к востоку – португальцам. Кстати, поэтому до сих пор в Южной

Америке самая большая страна, а именно Бразилия, говорит на португальском языке, в отличие от остальных стран, где в ходу испанский. То есть вот они, последствия договора шестисотлетней давности. Торговлю или иную деятельность в зоне чужих интересов было вести запрещено. Разграничение было проведено только по Атлантическому океану, потому как Тихий океан еще не был открыт, и разграничительная линия там была установлена только Сарагосским договором 1529 года, после того как известия о походе Нуньеса де Бальбоа достигли Европы.

Испания и Португалия отправляли в свои зоны влияния десятки экспедиций. При этом испанцы и португальцы конкурентов не терпели и нещадно уничтожали чужие корабли, пытавшиеся достичь берегов Америки или Индии. И потому Англия, Голландия, Франция были вынуждены искать новые пути в Индию и Китай, а также в Персию и Азию. Самым коротким и безопасным казался путь через северные моря, в обход Сибири. Была еще одна причина того, почему англичанам пришлось искать северный путь в Азию и Индию. Дело в том, что с конца 15 века Московское государство, Русь, освободившаяся от ордынского ига, оказалась, по сути, в экономической блокаде, которую устроили Швеция и Польша. Польско-литовское государство видело в усиливающейся Москве конкурента, который грозил стать новым центром объединения славянских, в первую очередь православных, земель. Шведы же полагали, что русские совершенно незаслуженно занимают огромные территории на севере, которые должны принадлежать им, шведам.

Нам обычно забывают рассказать в школе, что Полтава, победа 1709 года, вообще-то была лишь логическим завершением многовекового противостояния, что было четыре(!) шведских Крестовых похода на Русь, что в нашей истории до Северной войны 1700–1721 годов было еще семь войн со Швецией, причиной которых была борьба за влияние на Балтике и прилегающих территориях. Союзником России в этих войнах традиционно была Дания. Поначалу шведы воевали с новгородцами, после присоединения Новгорода к Московскому государству конфликт только усилился. Причем не только шведы шли походами на русских. В 1496 году русская «судовая рать» через Белое и Баренцево моря обогнула Скандинавский полуостров и атаковала владения Швеции на севере полуострова, а в итоге русские отряды дошли до Балтийского побережья. Впрочем, история русско-шведских войн

заслуживает особого, отдельного исследования. Но для понимания ситуации, в которой начиналась Большая Игра, эти события стоило упомянуть. Итак, и для русских, и для англичан торговля через Балтику, по сути, была заблокирована.

Россия во времена Ивана Грозного

В 1551 году в Англии была создана купеческая компания «Общество купцов, искателей стран и владений, неизвестных и доселе непосещаемых морским путем» (Mystery and Company of Merchant Adventurers for the Discovery of Regions, Dominions, Islands, and Places unknown) специально для исследования возможности использования Северо-восточного прохода в Китай и Азию. Ее основали Себастьян Кабот, Ричард Ченслер и сэр Хью Уиллоби.

Компания снарядила экспедицию из трех кораблей: «Бона Эсперанса» водоизмещением в 120 тонн, под командованием Уиллоби, «Эдвард Бонавентура» водоизмещением в 160 тонн, под командованием Ченслера и «Бона Конфиденца» водоизмещением в 90 тонн, под командованием Корнелия Дюрферта. В мае 1553 года корабли вышли из Ратклифа и направились на север. Вскоре эскадра попала в бурю, корабли разделились. Уиллоби на двух кораблях достиг Баренцева моря, добрался до Новой Земли, еще некоторое время путешественники шли вдоль побережья, потом были

вынуждены повернуть южнее: наступали холода и льды становились непреодолимыми.

14 сентября 1553 года Уиллоби встал на якорь в губе реки Варзина. Несколько раз он отправлял отряды в глубь материка в разных направлениях, но они возвращались ни с чем, не найдя ни людей, ни даже следов жилья. Хотя места эти не были какой-то уж дикой глухоманью, поморы регулярно занимались там рыбным промыслом. Собственно поморские рыбаки и нашли в мае 1554 года два корабля на приколе и 63 трупы членов команд, в том числе и тело капитана Хью Уиллоби. Снаряжение и товары с обоих судов были доставлены в Холмогоры и по повелению царя Ивана Грозного возвращены англичанам.

А вот капитан Ченслер, переживший бурю, поплыл в Белое море и добрался до западного устья Двины. 24 августа он вошел в Двинский залив, там тогда находился Николо-Корельский монастырь. Сейчас на этом месте расположен город Северодвинск. Ченслер поехал в Холмогоры, где представился воеводе Фофану Макарову. Дальше версии историков разнятся – по одной из них, сам воевода отправил Ченслера в Москву, к царю Ивану Васильевичу; по другой – британской версии – англичанин якобы сам, не спросив разрешения у воевод, поехал представляться Ивану Грозному.

Двинская летопись, впрочем, события описывает вполне определенно:

«И царя и великого князя прикащики Холмогорские выборные головы Филипп Родионов да Фофан Макаров с Холмогор послали к царю и великому князю к Москве о приходе от аглицкого короля Едварта посла Рыцарта и с ним гостей».

Так или иначе, но Ченслер в Москве с русским царем встретился, передал ему письмо от Эдуарда VI, которое было написано на всякий случай сразу на нескольких языках всем северным правителям:

«Мы позволили мужу достойному Гугу Виллибею и товарищам его, нашим верным слугам, ехать в страны донныне неизвестные и меняться с ними избытком – брать, чего не имеем, и давать, чем изобилуем, для обоюдной пользы и дружества»^[1].

В ответ на эту грамоту, как рассказывает Двинская летопись, «государь царь и великий князь королевского посла – Рыцарта и гостей английской земли пожаловал, в свое государство российское с торгом, из-за моря на кораблях им велел ходить безопасно и дворы им покупать и строить невозбранно». В феврале – марте 1554 года

Ченслер выехал из Москвы. Его возвращение в Лондон стало настоящей сенсацией. В торговле с Россией были заинтересованы и власти, и купцы, и, кроме того, Россия оставалась кратчайшим транзитным маршрутом для торговли с Персией и Востоком вообще.

И для реализации всех этих мероприятий в 1555 году в Англии была создана Московская компания. Она, кстати сказать, формально просуществовала аж до 1917 года. По сути, та система, которую мы сегодня постоянно наблюдаем в англо-американском обществе, в американском особенно, когда чиновник правительства, отработав, уходит в крупную корпорацию, а потом возвращается снова или в Госдеп, или в Пентагон, или в секретариат Белого дома, была заложена еще тогда, в 16 веке. Сращивание власти и бизнеса, где не всегда понятно, действует власть в интересах капитала или наоборот, – изобретение давнее. Членами-учредителями Московской компании стали высшие должностные лица правительства королевы Марии Тюдор, которая заняла трон после смерти малолетнего короля Эдуарда: главный казначей короны, королевский камергер, хранитель государственной печати, государственный секретарь. Во-первых, это позволяло компании использовать все рычаги государственного влияния, и не только юридические. Компания пользовалась и государственной казной, а прикрывал торговые корабли королевский флот. Во-вторых, государственная поддержка позволяла увеличивать оборотный капитал компании за счет средств пайщиков и частных предпринимателей. При этом, согласно отчетам, Московская компания была хронически убыточной. Что странно. И можно сделать вывод: или учредители просто уводили прибыль, или на самом деле торговля была лишь прикрытием для реализации политических целей Лондона, и ради этого Лондон был готов терпеть любые убытки. Купцы компании пользовались на территории России дипломатическим иммунитетом. А торговали они по большей части шерстяными тканями и оружием. Из России они везли пушнину, воск, пеньку, лес. Один из купцов компании, Генри Лейн, так описал встречу с русским царем:

«В 1555 г. вышеназванная компания купцов-предпринимателей при новой финансовой поддержке отправила туда два корабля, а именно: “Эдуард – Благое Предприятие” и другой, носивший имена короля и королевы, – “Филипп и Мария”. В письмах их величеств к названному москвиту были рекомендованы ему некоторые их подданные, туда ехавшие. Из них некоторые, а именно: Ричард Ченслор, Джордж Киллингуорзс, Генри Лэйн и Артур Эдуардс, по

приезде в бухту поднялись вверх по Двине до Вологды и отправились впервые в Москву. Там, по ознакомлении с привезенными ими грамотами, им был оказан особо любезный прием, отведено помещение и назначено содержание. Вскоре они были допущены к государю.

Когда наших ввели в помещение, где был государь, – в большую комнату, устланную коврами, они увидели людей, занимавших высшее положение и имевших еще более богатый вид; их было свыше ста и сидели они четырехугольником. Когда англичане вошли и поклонились, они все встали; остался сидеть один только государь; да и тот вставал всегда, когда читались или произносились имена нашего короля и королевы. После разговоров, ведшихся через переводчика, наши поцеловали его руку и были приглашены к обеду. Их отвели в другое помещение; к обеду их провели через различные комнаты, в которых можно было видеть массивную серебряную и позолоченную посуду; а некоторые предметы по величине были похожи на бочонки и на тазы для умывания. Когда они вошли в столовую, очень большую, они увидели, что государь сидит с непокрытой головой, а его корона и богатая шапочка находятся на высокой подставке рядом с ним. Неподалеку сидели его митрополит, разные его родственники и главные татарские начальники. Никто не сидел напротив него, а равно никто за другими столами не сидел спиной к нему. Когда за столами рассажены были приглашенные, для англичан, которых русские называли “гости корабельские” (*ghosti carabelski*), т. е. иноземцы или корабельные купцы, был приготовлен стол посередине комнаты прямо против государя. После этого начали разносить блюда молодые люди из знати в таком богатом наряде, какой описан выше. С государева стола (не считая того, что подавалось им прямо) наши получали каждое из его кушаний, подаваемых в массивной золотой посуде, которое присылали им, каждый раз называя их по христианскому имени, например: Ричард, Джордж, Генри, Артур. То же повторялось с хлебом и с напитками из очищенного меда (*thead*), приготовленного из белого светлого пчелиного меда (*honeu*). Когда все встали из-за стола, государь подозвал наших к своему столу, чтобы дать каждому по кубку из своих рук, и взял в свою руку бороду г. Джорджа Киллингуорзса, которая свисала через стол, и шутливо передал ее митрополиту, который, как бы благословляя ее, сказал по-русски, что это – божий дар. И действительно, в то время борода его была не только густая, широкая и русого цвета, но

в длину имела пять футов и два дюйма. После этого, откланявшись, уже когда стемнело, они отправились на свое подворье в сопровождении людей, несших кружки с напитками и готовые блюда с мясом»^[2].

Стоит заметить, что до блокады Руси с запада Польшей и Швецией Русское государство активно и широко торговало, в том числе и через Балтику и даже через Крым. Во всяком случае, пока там существовали итальянские колонии в Феодосии и Судак (Суроже). 14–15 века – это время, когда через московские владения непрерывным потоком идут европейские торговые караваны – с севера на юг. Везут товары в Орду, Византию, Персию. Москва торговала и с Западной Европой, через Псков и Новгород, при посредничестве Ганзейского союза. В 15 веке московские купцы становятся очень серьезными игроками, если можно так сказать, на евразийском рынке. Купцы даже делятся по группам – одни торгуют с Европой, другие только с Востоком, из купцов выходят казначеи московских Великих Князей.

Вообще в 15 веке, при Иване III, русская внешняя политика стала особенно успешной и интенсивной. В состав Русского государства входят Новгородская земля, Тверское, Ярославское, Ростовское и половина Рязанского княжества. У Великого княжества Литовского отвоеваны западно– и южнорусские города Новгород-Северский, Чернигов, Брянск, всего около трети литовской территории. При Иване III стоянием на реке Угре завершается ордынский период в истории Руси. И наоборот, Казанское ханство становится зависимым от политики Москвы. Русское государство распространяет свою власть на Приуралье, которое прежде контролировали новгородцы. А Москву посещают не только купцы, но и дипломатические посланники из Италии, Германии, Ливонии, Польши, Венгрии, Молдавии, Грузии. В Россию едут, по приглашению царя, европейские, прежде всего итальянские, мастера, архитекторы. Именно с их помощью начинается строительство нового Московского Кремля, Грановитой палаты, архитектор, военный инженер Аристотель Фьораванти строит Успенский собор в Кремле. Европа с изумлением смотрит на растущего и крепнущего год от года восточного соседа. Карл Маркс, который, скажем прямо, был неприкрытым русофобом (что довольно странно характеризует русских марксистов 19–20 веков), и то был вынужден написать про эпоху Ивана III так:

«В начале своего правления (1462–1505) Иван III был еще данником татар, удельные князья еще оспаривали его власть, Новгород, глава русских республик, властвовал над Северной Россией, Польско-Литовское государство стремилось завоевать Московию, наконец, ливонские рыцари еще не были обезоружены. К концу его правления мы видим Ивана III сидящим на независимом троне, рядом с ним – дочь последнего византийского императора, у ног его – Казань, обломки Золотой Орды стекаются к его двору, Новгород и другие русские республики поработаны, Литва лишена ряда своих владений, а ее государь – орудие в руках Ивана, ливонские рыцари побеждены. Изумленная Европа, в начале правления Ивана едва знавшая о существовании Московии, стиснутой между татарами и литовцами, была ошеломлена внезапным появлением на ее восточных границах огромной империи, и сам султан Баязид, перед которым Европа трепетала, впервые услышал высокомерную речь москвитя»^[3].

Это и правда был шок для Европы. Миру предстала новая страна: молодая, амбициозная, полная внутренних проблем, но с огромными амбициями и таким же потенциалом. Почти как в наши дни, когда в 2004 году ЦРУ прогнозировало, что через 10 лет Россия распадется на шесть или даже 14 субъектов, а в 2016 году было вынуждено признать, что вообще не способно работать внутри России и даже не может прогнозировать новые внешнеполитические шаги Москвы.

Так вот, еще при Иване III больше всего ростом русской силы были обеспокоены, как уже упоминалось, Польско-Литовское государство, Ливония, входившая в Ганзейский союз, и Швеция, господствовавшая на Балтике. Экономические санкции против России, попытки подорвать таким образом ее экономику возникли вовсе не в 21 веке. И не в 20-м, не в эпоху СССР. Все начиналось еще в те далекие времена. Сильная Россия раздражала Запад всегда. В исторической литературе нередко можно прочесть, что, дескать, при Иване Грозном Россия самоизолировалась от остального мира. Но правильнее будет сказать, что Россию изолировали. Барьер на пути русских товаров в Европу и на пути европейских технологий, искусства и науки в Россию был выстроен искусственно. Россию столь плотно блокировали, что, скажем, в 1496 году дьяк Григорий Истома был вынужден плыть в союзную Москве Данию кружным путем – через Белое море, до Тронхейма, откуда он сушей добирался в Копенгаген.

Ситуация становилась все хуже, в 1548 году немец Ганс Шлитте попытался завербовать в Германии для Москвы специалистов, как сейчас сказали бы, экспатов. Шлитте, безусловно, был авантюристом, но он вполне реально мог заработать на такой рекрутерской деятельности в пользу Ивана Грозного. Он собрал 123 человека – докторов, магистров и других ученых, колокольных, рудокопных и золотых дел мастеров, зодчих, гранильщиков, колодезников, бумажников, лекарей, типографщиков. Все они уже собирались ехать в Москву, точнее, плыть, когда в ганзейском городе Любеке Шлитте был внезапно арестован, якобы за долги. Мастера, им приглашенные, кто разбежался, кто был арестован. Дело в том, что из ливонской столицы Ревеля (нынешнего Таллина) в Любек пришло письмо, в котором содержалось требование не пропускать Шлитте на Русь, потому что если москвиты усвоят себе европейское военное искусство и технику, то не только Ливонии, но и всей немецкой нации и Европе не избежать страшных бед и напастей.

Демонизация русских и России – тоже не изобретение CNN или Fox News. В 1551 году Москва впервые пригрозила Ливонии войной, если там не прекратят стеснять русскую торговлю и задерживать иностранных купцов, едущих в Московию. Война разразилась несколькими годами позже, в 1558 году, когда под предлогом не выплаченной Ливонией так называемой «юрьевской дани» русская армия вошла в Ливонию, осадив несколько городов и положив начало Ливонской войне, продолжавшейся с перерывами 25 лет.

И вот, собственно, торговля с англичанами стала в разгар Ливонской войны для Русского государства «окном возможностей» для получения оружия и технологий. О культурном обмене речь уже особенно не шла. Не до того было, вопрос стоял о выживании страны. Русский историк Сергей Федорович Платонов, исследователь Смутного времени, так писал о тех событиях:

«Появление англичан в Москве совпало с теми огорчениями, какие пришлось русским людям переживать от закрытия западной границы. Оно давало надежду на благополучный выход из создавшегося кризиса. Вместо балтийских гаваней и Смоленского рубежа необходимые люди и товары могли проникать в Московское государство «Божьей дорогой – океан-морем» через Двинское устье. Притом английские корабли, как оказывалось, могли доставлять товары прямо из европейских гаваней без перегрузки в пути. До тех пор русские люди пользовались Беломорским путем лишь изредка для

сношений с Данией. Из Белого моря они плыли вдоль Мурманского берега до Норвежского Дронтгейма (Тронтьема), или даже до Бергена, а оттуда направлялись сушей до Копенгагена. Но эта дорога была сложна и неудобна; ею можно было пользоваться лишь в исключительных случаях и притом не для торговли, не для возки товаров. С появлением же англичан Беломорский путь, морем до Английских гаваней, обращался в наиболее удобный, совершенно не зависимый от враждебных соседей. Он создавал возможность прямых и правильных сношений с Западом как раз тогда, когда эти сношения насильственно прерывались на всех ранее действовавших путях. Понятна поэтому те радость и радушие, с какими были в Москве встречены английские гости, и та щедрость, с какой Московское правительство оказывало ласку и расточало льготы желанным пришельцам. В течение немногих лет англичане укрепили торговую связь с Москвой. У Николо-Корельского монастыря на острове Ягры в устье Двины они устроили свою пристань и поселок. Остров, где росло много диких красных роз, был назван «Розовым» (Rose Island). На нем стояли английские дома и амбары с товарами. Здесь происходила разгрузка кораблей; отсюда на мелких судах, «дощаниках» или «насадах», товар шел в Холмогоры и на Вологду; сюда же доставлялись русские товары для отправки в Англию. На всем пути между Холмогорами и Москвой, в главнейших городах англичане получили усадебные места и построили дома и склады. Они особенно оценили Вологду как лучшее место для склада английских товаров, так как «Вологда отлично расположена и торгует со всеми городами Московского государства», и они построили там свою факторию, обширную, как замок, по выражению одного современника. В самой Москве у англичан была усадьба в Китай-городе на Варварке у церкви (и ныне существующей) Максима Исповедника. Кроме собственно торговых складов и поселений, англичане пытались устраивать и заводы для обработки русского сырья. Уже в 1557 году началась в Холмогорах постройка канатной мастерской с мастерами из Лондона. Немногим позже англичанам было дозволено устроить на р. Вычегде железодельный завод для обработки обнаруженной там руды. Но все такого рода начинания играли лишь второстепенную роль в планах английских предпринимателей. Главное их внимание было устремлено на другие дела. Во-первых, они желали использовать природные богатства Русского Севера и, прежде всего, пушной товар; а во-вторых, они стремились через

Московские владения связаться с азиатскими рынками и проникнуть до Китая и Индии. Обе эти цели они преследовали с необыкновенной энергией»^[4].

Торговля англичан с Москвой не только в разгар, но и накануне войны вызывала невероятное раздражение у соседей. Ранней весной 1558 года в городе Данциг (Гданьск) был арестован купец Московской компании Томас Алькок. Его несколько раз допрашивали о цели путешествия из России в Англию через континент. Дознавателей интересовало, сколько военного снаряжения англичане поставляют русским. Хитрый Алькок поведал полякам, что основной объем военных товаров, который возят в устье Двины, предназначен Персии, а «московитам» отвезли лишь сто старых кольчуг. Правду ли сказал купец, поверили ему или нет – неясно, но его позже отпустили. А выйдя на свободу, Алькок тут же отправил с надежным человеком письмо в Холмогоры, агентам Московской компании, в котором предупредил коллег, что ганзейские города Данциг, Любек и Гамбург, находившиеся в дружбе с врагами Англии, – Шотландией и Францией, будут препятствовать английским судам не только на Балтике, но и в Северном море. И на самом деле, в морях разворачивалась настоящая пиратская война против русских, датчан и англичан. В политической сфере шла война пропагандистская и дипломатическая. В Европе рассказывали о страшных зверствах русских войск в Ливонии, печатали даже специальные информационные листки с картинками – русские казнят мирных жителей. А, например, 13 июля 1567 года польский король Сигизмунд писал английской королеве Елизавете (она к тому времени сменила на престоле Марию), объясняя причины морской блокады Московии:

«Дозволить плавание в Московию воспрещают нам важнейшие причины, не только наши частные, но и всего христианского мира и религии. Ибо неприятель от сообщения просвещается и что еще важнее – снабжается оружием, до тех пор в этой варварской стране невиданным; всего же важнее – снабжается самими художниками, так что если вперед и ничего не будут привозить ему, так художники, которые при таком развитии морских сообщений легко ему подсылаются, в самой той варварской стране наделают ему всего, что нужно для войны и что доселе ему было неизвестно»^[5].

Те же самые опасения повторяются и в письме Сигизмунда от 13 марта 1568 года, в котором он пишет королеве снова:

«Мы видим, что москвит, этот враг не только нашего царства временный, но и наследственный враг всех свободных народов, благодаря этому заведенному мореплаванию обильно снабжается не только оружием, снарядами, связями, чему, однако, ему можно положить конец, но мы видим, что он снабжается еще важнейшими вещами, ничем не предотвратимыми в своем действии и еще более полезными, – снабжается именно мастерами, которые не перестают выделывать для него оружие, снаряды и другие подобные вещи, до сих пор невиданные и неслыханные в той варварской стране, и сверх того, что всего более заслуживает внимания, он снабжается сведениями о всех наших, даже сокровеннейших намерениях, чтобы потом воспользоваться ими, что не дай Бог, на гибель всем нашим. Зная все это, мы полагаем, не должно надеяться, чтобы мы оставили такое мореплавание свободным»^[6].

На польские требования англичане, конечно, никак не отреагировали. И продолжили спокойно торговать с Москвой. Причем, по мнению исследователей, именно эта торговля, фактически контрабанда оружия и технологий в Россию, позволила англичанам в итоге потеснить Ганзейский союз на Балтике и вообще стала одним из факторов, превративших Англию в мировую державу, империю, над которой никогда не заходит солнце.

Но не только экономические выгоды играли свою роль, когда в Лондоне не прислушивались к отчаянным призывам поляков прекратить торговать с русскими. Дело было скорее в том, что Англия уже находилась на той стадии, когда крупные компании ищут внешние рынки для сбыта продукции и окраины для получения сырья. Польша же была экономически развита слабо, для Европы она была восточной окраиной, полуварварской, где в Поднепровье бродили шайки казаков. И англичане могли себе позволить отмахнуться от польских претензий. Попытки Польши стать по отношению к России такой цивилизующей метрополией англичанам, конечно, не нравились. Потому что они конкурентов не любили и колонизировать Россию намеревались сами.

Постордынская Русь была, конечно, по сравнению с Европой страной, скажем так, своеобразной, ее традиции, уклад жизни и быт, политическая система часто ужасали всех европейцев. Надо объективно оценивать то, какими были наши предки. Даже по сравнению с жителями Великого княжества Литовского и Русского или Польши. Взять хотя бы тот факт, что русское дворянство не

знало иностранных языков. Что в Москве университет появился на сотни лет позже, чем университеты в Кракове или Вильно.

И, судя по дневниковым записям английских купцов, Россию, Московское государство, они воспринимали как новую колонию, принципиальной разницы для них, скажем, между русскими и обитателями Западной Африки не было. И те, и другие англичанами воспринимались как малоприятные дикари, и Россия с точки зрения англичан вообще ничем не отличалась от той же Персии, это купцы Московской компании пишут в своих дневниках. Та же самая восточная деспотия, чиновничество, отсутствие даже зачатков парламентаризма. И в тот момент далеко не всем было понятно, что вот сейчас, на их глазах, на огромных евразийских просторах рождается новая политическая реальность, возникает новый игрок мировой политики, с которым придется считаться уже через сто лет. Снобизм, видимо, англичанам помешал рассмотреть естественные процессы.

В отчетах представителей Русской Компании содержится много нелестных отзывов о наших предках. Впрочем, отзывы эти часто заслуженные, но в них читается плохо скрываемое презрение. Ченслер писал, например, что «нигде нет такого разврата и пьянства, а также и по насилиям их – русские самый отвратительный народ в мире». Энтони Дженкинсон соглашался, что «пить – приятнейшее для них дело; они болтуны и великие лжецы, без всякого правдоподобия в своих словах, льстецы и лицемеры». Посол Рандольф получил такое впечатление при первом знакомстве с Холмогорами: русское «население по манерам грубое, одевается крайне просто, за исключением праздников и свадебных дней, жители много предаются пьянству и другим отвратительным порокам».

Англичане были крайне поражены невежеством русского духовенства, которое было трудно сравнивать не только с лондонскими церковниками, но и даже с духовенством Западной Руси. Томас Рандольф так описывает Николо-Корельский монастырь и его братию:

«В монастыре около 20 монахов. Он весь выстроен из дерева, монахи одеты, как и наши прежние, в черные капоры; церковь их красива, но переполнена нарисованными образами и восковыми свечами. Дома их низки, с маленькими комнатками. Живут монахи отдельно, едят вместе, сильно предаются пьянству, неучены,

писать умеют, но никогда не поучают, в церкви торжественны, молятся долго»^[7].

При знакомстве с русским купечеством англичане были поражены тем, как на восточный манер их постоянно пытались обмануть. Англичан, например, удивляло, что при продаже русские подмешивали к салу воду и делали такие толстые бочки для сала, что выигрывали на их весе до 8 процентов. Русский Север по описаниям англичан – это сплошная пустыня. «Эта часть страны большей частью покрыта лесами, кое-где пастбища и пахотные земли, много рек и необитаемых островов, как и большая часть этой области, по причине зимних холодов»^[8]. И столица, и провинциальные города на англичан производили удручающее впечатление. Энтони Дженкинсон, например, так описывает Вологду: *«Дома здесь построены из еловых бревен, скрепленных одно с другим; снаружи закругленных, форма квадратная, при постройке вовсе не употребляется ни железа, ни камня; покрываются дома березовой корой и сверху дранью. На крышах своих домов русские кладут землю для предохранения от пожаров, от которых они очень много страдают».* А Томас Рандольф так передает свои впечатления от Холмогор: *«Холмогоры – большой город, весь построенный из дерева, не обнесенный стеной, с разбросанными в беспорядке домами».*

Англичан раздражала грязь на улицах городов, их приводили в трепет русские пространства, где столько болот и рек, которые приходится постоянно объезжать, из-за чего невозможно точно измерить расстояние. Русские, в описаниях англичан, плохие и ленивые работники, мало на что годные. Биолог и путешественник Джон Традесконт в воспоминаниях сообщал, что *«он видел, как тридцать русских работников спускали на воду лодью с рычагами, производя при этом страшный крик. Он полагает, что с пятью работниками он сделал бы больше этих тридцати».*

Но надо признать, что при всем этом для исследования Русского Севера англичане сделали немало. Стефан Борро в 1556 году отправился искать путь в Китай через устье Оби. По представлениям тогдашних географов, она вытекала из озера Китая. Борро смог пробраться чуть дальше устья Печоры, у острова Вайгач ему пришлось остановиться. Встречный ветер, полярная ночь и льды не позволили ему завершить экспедицию. Были экспедиции и в 1580, и в 1586 годах, причем участникам экспедиций было приказано вести в пути дневники астрономические и географические, еженедельно

сверяя их между собой. Причем правило это соблюдалось неукоснительно. Хью Уиллоби, погибая, почти полгода продолжал вести журнал наблюдений, именно отсюда стали известны подробности последних трагических месяцев жизни двух экипажей английских кораблей.

И как раз при содействии Русской Компании Москва впервые установила дипломатические отношения с Центральной Азией. Не без выгоды для англичан, конечно. В эти годы Англия уверенно вытесняла Ганзейский союз и с рынка Европы, и с русского рынка, подмяв под себя кратчайший маршрут в Персию, Индию и Китай через Волгу.

Об этом сейчас как-то не принято вспоминать, но факт остается фактом – для развития русской дипломатии, военного дела и науки в постордынской Руси англичане сделали немало. В 19 веке, кстати сказать, отечественные историки научную и исследовательскую деятельность британцев в тот период оценивали скорее положительно, чем отрицательно. Даже несмотря на английские, для русских унижительные, оценки жизни в Московском государстве. Вот мнение упомянутого выше профессора Платонова:

«...Проникнуть через Московию в Азию – англичане стремились с не меньшей энергией. Их пионером здесь был замечательный путешественник Антон Дженкинсон, оставивший интересные записки о современной ему Москве. До своего появления в России он много ездил по Европе, был в Турции, Палестине, Северной Африке. Зимой 1557–1558 гг. он провел в Москве и добыл у царя разрешение на поездку в азиатские страны. Весной поплыл он Волгой на восток, имея конечной целью Китай. Из Астрахани, на одном корабле с персидскими и татарскими купцами, пошел он в море и высадился на полуострове Мангышлаке, откуда с большими приключениями добрался до Бухары. В Бухаре Дженкинсон зимовал и весной 1559 года замыслил ехать в Китай. Но постоянные войны и разбои кочевников закрыли ему на этот раз все пути, и он принужден был возвратиться в Москву. На первой попытке он, однако, не остановился. В 1561 году он снова явился из Англии в Москву и с царского разрешения отправился в Персию. На этот раз путь его из Астрахани лежал на Дербент и Шемаху. Он побывал в Тавризе, нашел шаха в Казбине, зимовал там и летом 1563 г. благополучно возвратился в Москву. Наблюдательный и образованный, Дженкинсон был одинаково способен на дипломатическую, коммерческую и научную работу. Его географические наблюдения и

измерения, этнографические описания, торговые справки, дипломатические переговоры принесли громадную пользу английскому правительству и тем торговым организациям, с которыми он был связан. Историк и географ одинаково пользуются трудами Дженкинсона как полезнейшим материалом для знакомства с обследованными им странами. Заслужив милость Ивана Грозного, Дженкинсон успел выхлопотать у него широкие привилегии для английской торговли не только в Холмогорах и Москве, но и в Казани и Астрахани, в Нарве и Дерпте; и, что всего замечательнее, он получил для английской торговой компании, к которой принадлежал, право беспошлинного провоза товара в Персию и Среднюю Азию (Бухару и Самарканд). За Дженкинсоном были направлены по азиатским маршрутам и другие агенты английской торговой компании (Т. Алькок, Д. Ренн, Р. Чейни, Р. Джонсон, А. Эдуардс). Московское правительство до времени поощряло все такого рода предприятия англичан: создавало монопольное право их торговой компании на беспошлинный торг по всему Московскому государству, дозволяло ей строить в городах свои фактории с широкой автономией, допускало и отдельных англичан селиться и торговать в стране, поскольку компания этому не противилась; наконец, оно охотно обращалось в Англию за необходимыми ему специалистами, которых оттуда и получало»^[9].

Стоит, конечно, сказать, что Азия для Руси не была такой уж terra incognita, во всяком случае еще в 9–10 веках торговля со Средней Азией и Персией уже происходила. Сначала она шла через Хазарское царство, после его покорения возникли прямые коммерческие связи. Но, конечно, больше торговали с Персией. Хорезм, Бухара, Хива – эти земли лежали уж слишком далеко и были малодоступны.

Русские ездили за Каспий и добирались до Индии задолго до англичан. Наш знаменитый соотечественник Афанасий Никитин еще в 1472 году создал путевые записи «Хождение за три моря», в которых рассказал о своей поездке по купеческим делам в Индию, Персию и на Кавказ. Но вот именно в 1558 году, то есть когда Энтони Дженкинсон посетил Бухару и Хиву, начались дипломатические отношения с Центральной Азией. В 1559 году в Москву с ответным визитом прибыло хивинское посольство «с поминками и любовным челобитьем, просячи дороги гостем и береженья», встреченное в столице с почестями. В 1564 году Иван Грозный получил личное послание правителя Бухары, в котором тот для расширения торго-

экономических связей предлагал дать дорогу «в свое государство людям его торговати ходити».

Причем очевидно, что разросшееся за последний век и за время правления Ивана Грозного Русское государство уже становилось империей. Одно поглощение территорий Казанского и Астраханского ханств превращало Россию в серьезного соперника и для европейских, и для азиатских правителей. Хивинское и Бухарское ханства в это время еще только складывались как государства на обломках империи Шайбанидов, русские воспринимали азиатов как партнеров равноправных. Москва уже тогда была заинтересована в торговле с Азией, была готова налаживать глубокие дипломатические отношения, и в 1566 году хивинскому послу, прибывшему в Москву с посланием от хана Ходжа-Мухаммеда, была выдана Иваном Грозным специальная грамота. Можно считать, что с этого момента официально и были установлены межгосударственные связи.

Хивинским купцам предоставлялось право свободного передвижения по всей территории России, им дали льготные условия для торговли в любом русском городе. Такие же привилегии получили и купцы из Бухары, имевшие отлаженные связи не только с Афганистаном, Ираном и Турцией, но и с Индией, а также Китаем. То есть фактически Иван Грозный заложил основы будущей многовекторной внешней политики России. Вряд ли он, конечно, думал о стратегии развития страны на сто или двести лет. Скорее какое-то невероятное чутье, государственное мышление русского царя подсказало ему, что именно в этом будущее его Отечества. Для него было, кстати, очевидно и то, что расположение России на перекрестке торговых путей между Европой и Азией позволяет ей диктовать свои правила игры внешним партнерам. Когда Англия открыто отказалась от военного союза с Москвой, когда попыталась ограничить торговлю через отвоеванную на время русскими Нарву, Иван IV повел себя очень решительно. Англичане фактически не выполнили свои обязательства по поставкам русским военного товара, собирались даже закрыть факторию в Нарве. И вот как раз в это время в Персии купцы Московской компании вели переговоры с шахом. Результатов этих переговоров ждали с напряжением и в Лондоне, и в Москве.

27 сентября 1570 года персидский шах решил заключить с англичанами договор. Согласно, как писали в русских источниках, «шаховой грамоте» англичанам полагался свободный проезд. Им

предоставлялись льготы и возможность свободной и беспошлинной торговли во всех землях шаха. И вот в тот момент, когда успех англичан казался очевидным и состоявшимся, Москва напомнила Лондону, что в действительности все будет зависеть от воли русского царя, без разрешения которого плавать по Волге никто не мог. И из русской столицы в Лондон был послан гонец к Елизавете I с посланием, которое датировано 24 октября 1570 года. Иван Грозный для начала напомнил «коллеге» о событиях предыдущих лет, о деятельности через английскую факторию в Нарве, о нарушенных англичанами обязательствах. В текущих условиях, когда от него лишь зависело, будут англичане получать колоссальные прибыли от торговли с Востоком или нет, Иван Грозный позволил себе чрезвычайно резкий, если не оскорбительный, тон общения. Он написал, что Елизавета как «пошлая девица» позволяла «мужикам торговым» управлять государственными делами. Что отчасти было верно, учитывая, какую роль в торговле играла приближенная ко двору купеческая элита. Царь пригрозил лишить «гостей» всех привилегий и перекрыть волжский транзит. Не прямо, но тонко намекнул, что и без английских товаров Россия проживет.

«И коли уж так и мы те дела отставим на сторону. А мужики торговые которые отставили наши государские головы и нашу государскую честь и нашим землям прибыток а смотрят своих торговых дел и они посмотрят как учнут торговати. А Московское государство покаместо без Аглинских товаров не скудно было. А грамоту б еси которую есмя к тебе послали о торговом деле прислала к нам. Хотя к нам тое грамоты и не приишеш и нам по той грамоте не велети делати ничего. Да и все наши грамоты которые есмя давали о торговых делех по сеи день не в грамоты»^[10].

Рисовальщик Ф. Яковлев

Гравировщик из Киева Андрейко

ЦАРЬ ИОАННЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГРОЗНЫЙ

(Иллюстрация к историческому повествованию Василия Андреева)

Иван Грозный

Английские историки, а с их легкой руки почему-то и русские, жесткий, даже оскорбительный тон письма объясняют так: дескать, русский царь сватался к Елизавете, она ему отказала, и он, разобиженный, написал ей всяких гадостей. Неудачное сватовство русского царя и последующая, прямо-таки подростковая, его обида отлично ложатся в тот образ Ивана IV, который создавался на Западе столетиями: параноик, психопат, жестокий и бессмысленный правитель, тиран, ничего не сделавший для страны. Схожий образ рисуют и отечественные историки и писатели, забывая о том, например, что за время его правления территория страны увеличилась в два раза: присоединены были Поволжье, Прикамье, территории нынешнего Башкортостана, Средний и Южный Урал, земли Войска Донского и Ногайской Орды. Впрочем, итоги правления Ивана IV – это предмет отдельного исследования. А вот история со сватовством Грозного к Елизавете никакого документального подтверждения не имеет. Более того, историки, которые приводят цитату про «пошлую девицу» в качестве доказательства теории неудачного романа монарха, обычно отчего-то не приводят письмо к «Елисавете» целиком. А между тем там нет ни слова о сватовстве. Как нет даже намек на это и в прочей доступной историкам переписке русского царя с английской королевой. А конкретно в этом письме, повторюсь, речь идет исключительно о торговле и невыполненных обязательствах англичан. Любой желающий может без труда отыскать текст этого послания. Англичане, напуганные перспективой потерять персидский и русский рынки, отправили в Москву своего посланника Энтони Дженкинсона, чтобы урегулировать все спорные вопросы. А через год они все же послали в Россию корабли с обещанным военным грузом, а взамен вновь получили возможность торговать с Персией.

Казалось, тем конфликт и закончился. Но в действительности в Лондоне сделали выводы. И, кстати, существует версия, что к неожиданной смерти Ивана IV были причастны английские лекари. Но куда интереснее другое.

В начале 17 века Московскую компанию в России представляли несколько агентов, которыми руководил Джон Меррик. Его отец, Уильям Меррик, также некогда был агентом Московской компании. Джон Меррик отлично говорил по-русски, хорошо знал бояр, приближенных царя и в Москве был известен как английский купец «Иван Ульянович».

Когда умерла Елизавета, новый король, Яков I Стюарт, в 1603 году послал в Москву русскому царю Борису Годунову (он, кстати, был при Иване IV одним из виднейших опричников) своего представителя, кавалера Томаса Смита. Он приходился внуком Эндрю Джадду, одному из основателей компании. А потом он стал первым губернатором Ост-Индской компании. И это, конечно, удивительное сочетание. Потому что именно Ост-Индская компания будет на протяжении целого столетия субъектом Большой Игры в Азии. А еще его биография является прямой демонстрацией того, как уже столетия выстраивалась форма правления западным обществом, когда члены одних и тех же семейств постоянно пребывают во власти или около власти, перетекая из руководства частными корпорациями в госструктуры и обратно. Как, например, сейчас это происходит в США.

Конечно, Томас Смит в Россию поехал не случайно. До этого главы компании туда не ездили, только агенты. А теперь, при новом царе, сменившем несговорчивого Ивана IV, Англия пыталась начать играть новую роль в русских делах.

На самом деле, еще со времени путешествия Ченслера в Лондоне всерьез думали о том, чтобы превратить Московское государство в английскую колонию или хотя бы экономически подчинить его себе. Не зря Ченслер писал в своем отчете: «Если бы русские знали свою силу, никто бы не мог соперничать с ними». Смутное время открыло для англичан в России новые возможности, страна, стоявшая на грани краха, казалась легкой добычей. Крестьянские восстания, а потом и польская и шведская интервенции – все говорило о том, что еще несколько лет, и Россия перестанет существовать на карте мира.

Известен проект начала 17 века, написанный примерно в 1603 году, по захвату Соловецкого монастыря, составленный неизвестным английским автором. Он называет дом «святых угодников» Зосимы и Савватия *«богатеишим в мире, а здания (его) по пространству в окрестности вдвое больше Лондонского Тауера»*^[11]. Англичане полагали, что доходы монастыря – это в первую очередь вклады русских царей, высоко чтивших своего небесного покровителя Николая-угодника, а также пожертвования паломников, что шли в обитель со всей страны. В записке содержались и сведения о боеспособности монастыря – стена, построенная 12 лет назад, гарнизон в 1500 человек. Для штурма и захвата монастыря автор записки предлагал отправить не менее 5000 солдат, снабдив их

осадной артиллерией, порохом, провиантом на шесть месяцев, а сама экспедиция должна была закончиться за четыре месяца.

Вообще, англичане использовали любую возможность, чтобы «застолбить» русскую территорию за собой. Когда на русский трон взошел Лжедмитрий, Джон Меррик встретился с самозванцем, чтобы еще раз подтвердить права компании и даже расширить их. Интересно, что при встречах Джон Меррик Лжедмитрию старался понравиться, в письмах сообщал, что тот является «несомненным сыном старого императора Ивана», потом, правда, он написал книгу о Лжедмитрии и назвал ее емко и просто: «Русский обманщик».

17 мая 1606 года самозванец был убит, а уже 4 июня Джон Меррик добился у нового царя, Василия Шуйского, аудиенции, где снова подтвердил права компании, в частности персидский транзит и монополию на торговлю на Русском Севере, а потом он повез письмо от Василия Шуйского к Якову I и заодно свой секретный доклад о русских делах.

Страна разваливалась на глазах. Чтобы изгнать из России поляков, в 1609 году Василий Шуйский заключил со Швецией договор о военной помощи. Предусматривался ввод, как сейчас принято говорить, «ограниченного контингента» шведских войск на русские земли. Надо понимать – шведы не собирались помогать бездарному Шуйскому, прозванному в народе «царем Васькой». Они хотели поучаствовать в разделе русских земель.

Пятнадцатитысячный отряд шведов, англичан, шотландцев и иных иностранных наемников под командой шведского полковника Якова Делагарди перешел границу и стал занимать земли в районе Тихвин – озеро Ильмень – Старая Русса – Порхов – Нарва.

Когда осенью 1610 года Джон Меррик вернулся в Россию, шведы уже захватили и Новгород, местные бояре признали шведского принца Карла-Филиппа кандидатом на русский престол. В Москве же был свергнут Василий Шуйский, боярская олигархия присягнула польскому королевичу Владиславу, в Москве правил гетман Жолкевский.

И вот тогда агенты Московской компании, да и сам Джон Меррик, решили, что настал решающий момент для превращения северо-восточной части Московского государства в английскую колонию. Они провели переговоры с английскими наемниками в шведском отряде Делагарди, а также с английскими наемниками в других частях страны.

Чем они закончились, русским историкам стало известно только в 1914 году. Тогда русский историк Инна Ивановна Любименко по результатам работы в архивах написала статью «Английский проект 1612 года о подчинении Русского Севера протекторату короля Иакова I», которую опубликовали в «Научном историческом журнале». Любименко, специалист по русско-британским отношениям, работая в архивах Лондона, нашла документальное подтверждение тому, что проект английской оккупации русских северо-восточных территорий рассматривался всерьез.

В частности, в архивах был найден своего рода проект оккупации, являвшийся протоколом совещаний капитана из отряда Деллагарди, Томаса Чемберлена, с «сэром Томасом Смитом, управляющим Московитской компанией, который был здесь посланником, и с некоторыми другими купцами, которые долго вели дела в этой стране». Проект этот относится ко второй половине 1612 года. В Лондон его привез, видимо, сам Джон Меррик, а вот писал его, судя по всему, как раз Томас Чемберлен или другой человек, знакомый с военным делом.

В документе содержится анализ положения в Московском государстве.

«Бедственное и горестное состояние населения Московии хорошо известно, ибо 8 или 9 истекших лет были таковы, что не только королевская династия, но в известной мере и вся знать его истреблена, большая часть страны по направлению к Польше разорена, выжжена и занята поляками; другая часть, по направлению к шведским владениям, захвачена и удержана шведами под предлогом помощи. Народ предоставлен самому себе, без вождя и в большом замешательстве. Но между тем он достаточно способен оказывать сопротивление, если будет сплочен и хорошо руководим»^[12].

Но дальше автор или авторы делают довольно странный вывод: что русский народ якобы «желает и даже вынужден необходимостью отдаться в руки какого-нибудь государя, способного защитить его, и [желает] подчиниться правлению иностранца, видя, что никого не осталось из его собственных [государей], могущих взять это дело на себя». Интересно, что пишется это в то время, когда народное ополчение Минина и Пожарского уже находится под Москвой, куда идут со всей страны, когда Троице-Сергиева лавра уже который месяц держит оборону от польско-казачьих войск.

Вряд ли руководители Московской компании, опытные купцы и дипломаты, не видели этого. Но колонизация России ими рассматривалась как бизнес-проект. А кто же пишет в бизнес-плане, что проект обречен на неудачу? Под такой деньги не дадут, а рисковать своими деньгами не очень хотелось. И в Московской компании тоже понимали, что надо попробовать убедить короля в том, что вторжение в Россию станет удачным и прибыльным делом. При этом автор упоминает, что в России идет восстание против интервентов и национал-предателей: *«Русские взбунтовались и осадили Москву с 100 тысячами человек и, насколько известно, находятся еще под нею»*.

Но Томас Чемберлен старается доказать, что русский бунт будет направлен только против шведов и поляков, а англичан русский Северо-Восток примет как освободителей.

«А теперь, не видя ничего, кроме враждебных действий со стороны Польши и кроме бесчестности со стороны Швеции, северные части этой империи, пока еще находящиеся в целости и не тронутые войною, но не свободны от ожидания и страха войны, поддерживающие давно сношения с нашей нацией ко взаимному благу обеих сторон и благодаря долгому общению получившие вкус к нашей натуре и условиям жизни, особенно же привлекаемые славою о великой мудрости и доброте его величества, – гораздо более желают отдаться в его руки, чем в чьи-либо иные»^[13].

Чемберлен между делом сообщает, что какие-то представители северо-восточного дворянства и купечества вели с англичанами переговоры и даже были готовы отправить послов «к его величеству при возвращении последнего (т. е. английского. – Прим. авт.) флота, если бы агент мог подать им какую-либо надежду или поощрение, что их желание может быть удовлетворено».

Надо понимать, что купцы Московской компании вряд ли стали бы рисковать и пытаться получить одобрение короля и финансирование оккупации без предварительной работы. Тем более без переговоров с местной политической элитой. То есть, видимо, Джон Меррик и правда заручился поддержкой бояр, которые были готовы представить вторжение как акт народного волеизъявления. Причем чтобы убедить короля в необходимости политической поддержки проекта, автор привел точные данные по географии русского Северо-Востока, были перечислены все товары, вывозимые англичанами из этой части страны: «лен, пенька, канаты, смола, деготь, сало, мачтовый лес (необходимый материал для нашего

флота), меха всех сортов, воск, мед, бобровые шкуры для шапок, воловьей, коровьей и буйволоьей кожи, поташ, льняное и конопляное масло, икра». Из Англии же, сообщали авторы проекты, везут сукно, олово и свинец на сумму 40 тысяч фунтов стерлингов ежегодно.

«Когда же мы представим себе, насколько более значительные количества сукна, олова и свинца легко могли бы найти сбыт вниз по течению Волги и других рек этих отдаленных восточных и северных краев, которые ведут с нами торговлю лишь через несколько посредников, и какой доход мог бы быть получен от всех тех богатых восточных товаров, которые мы получаем сейчас лишь через Турцию, по дорогой цене и с бесконечными опасностями от пиратов и врагов, особенно в случае возникновения конфликта с Испанией, то мы должны прийти к следующему решению.

Если бы у нас представилась возможность любыми средствами установить и наладить обеспеченную торговлю по этому пути, то она оказалась бы не только более доходной и благотворной для нашей страны, чем для любой иной, но (кроме того) в этом случае наше королевство превратилось бы в складочное место для вышеназванных восточных товаров, из которого они могли бы распространяться во Францию, Германию, Нидерланды и Данию, [способствуя] большей загрузке нашего флота и значительному приращению ввозных и вывозных пошлин его величества.

Таким образом, даже если бы не существовало иных важных доводов, кроме [соображений] пользы, то для его величества и нашей страны имелось бы достаточно оснований, чтобы взять в свои руки защиту этого народа и протекторат над ним на условиях, могущих обеспечить и оградить свободу торговли, которую мы уже ведем и которую предпримем в дальнейшем, как было изложено».

А дальше авторы довольно подробно указали, какие проблемы возникнут у Англии в случае победы польско-литовских войск или закрепления Швеции на северо-западе России. В проекте сообщается, что польский король Сигизмунд Третий полностью зависит от Австрии, и зависит от иезуитов, и настроен против англичан. Он якобы намерен отнять у англичан привилегии на беспошлинную торговлю в России и передать их голландцам. Между прочим, по мнению автора проекта, Голландия поддерживала польско-литовское вторжение в Россию «исключительно в предвидении того, что он [Сигизмунд] покорит эту страну». А в случае польской победы голландские купцы получают доступ к русским ресурсам, и мощь Голландии чрезвычайно возрастет, и

голландцы «могут стать единственными арбитрами и хозяевами морей».

И в конце автор проекта оккупации России делает такой вывод:

«Из всех этих соображений о явной выгоде в одном случае и явной опасности в другом я делаю заключение, что если бы ваше величество получило предложение суверенитета над той частью Московии, которая лежит между Архангельском и рекой Волгой, вместе с путем по этой реке до Каспийского или Персидского моря, или, по крайней мере, управления (сонтаиндс) и протектората над нею, с [установлением] свободы и гарантий торговли – это было бы величайшим и счастливейшим предложением, которое когда-либо делалось какому-либо королю нашей страны, – с тех пор как Колумб предложил Генриху VII открытие Вест-Индии. Этот последний пример, еще свежий в нашей памяти, учит нас не быть небрежно-расслабленными, когда такие предложения нам делаются...»

И наконец предлагается конкретный план немедленных действий:

«Пусть его величество соизволит дать полномочия одному или нескольким осмотрительным лицам, которые отправятся туда при ближайшей посылке флота в мае, чтобы вести переговоры с населением, если оно того пожелает, и заключить с ним договор на условиях суверенитета или протектората, как это будет указано в инструкциях его величества. После этого московиты могут также отправить сюда послов при возвращении флота в сентябре, чтобы утвердить договор, а тем временем пусть они приготовят для передачи в руки английских компаний, находящихся там, такое количество сокровищ и товаров, которое покрыло бы издержки вооружения и транспортировки того количества людей, какое они желают».

То есть России отводилась такая же участь, которая постигла Индию. И схема была, как будет показано в следующих главах, та же самая – оккупация за счет предательства местных элит, на средства местного населения. По мнению авторов проекта, договор с русскими должен был четко определить, «какие города или крепости» полностью перейдут под контроль англичан, как будет налажено снабжение английских войск в русских землях.

Правительство в Лондоне серьезно изучало проект Чемберлена и просчитывало все варианты. Канцлер казначейства сэр Джулиус Сизар оставил следующие записи, по мнению Инны Ивановны Любименко, очевидно относящиеся к «русскому проекту»:

«Московия, 14 апреля 1613 года.

Проект, касающийся Московии, северную часть которой предложено [передать] под королевский протекторат.

1. Действительно ли она будет предложена?

2. Следует ли ее принять? Денежные ресурсы короля. Средства короля удержат ее. Какое употребление король из нее сделает.

Какая зависть может возникнуть среди северных государей, если король примет суверенитет над ней, или согласится на эту их просьбу (видимо, речь идет о «просьбе» русских об английском протекторате. – Прим. авт.), или вступит в оборонительный союз. Первое лучше всего».

Классический случай: «и хочется, и колется». Англичане оказались перед сложным выбором. Превращение богатого Русского Севера в английскую колонию выглядело соблазнительно донельзя. Но судя по всему, в правительстве были не до конца уверены в том, что автор проекта пишет правду, что купцы Московской компании не приукрашивают и что русские встретят англичан как освободителей. То, как Россия избавилась от ордынского наследия, как покорила Казань и Астрахань, все знали и видели. И было ясно, что русские сильно отличаются от индусов, княжества которых англичане уже начали превращать в свои колониальные владения. Оставался открытым вопрос: если дворяне подпишут договор, то как отреагирует население, учитывая уже возникшее народное ополчение? Не скинет ли предателей вместе с оккупационными властями, как уже случилось в Москве? Хватит ли денег на содержание новой колонии, не будет ли войны со Швецией?

Впрочем, от проекта решили сразу не отказываться. Судя по записям Сизара о количестве возможно необходимых войск, он все же обсуждал все детали интервенции с Яковом I. А представители Московской компании начали формировать в Англии отряды наемников, еще не для оккупации, а пока что для обозначения присутствия в Архангельске. Известно, что несколько наемников из бывших английских офицеров – Артур Астон, Джейкоб Джиль во главе отряда в две сотни человек в 1612 году появились в Архангельске. Они рассказывали, что намерены поступить на русскую службу, чтобы воевать против Польши.

А Джулиус Сизар с королем все же, видимо, договорился. На упомянутом документе была сделана приписка: *«Инструкции даны купцам, состоящим на этой службе, сэру Меррику и г-ну Рэсселю 19 апреля 1613 года».*

Джону Меррику и еще одному члену правления – как сейчас говорят, топ-менеджеру – Московской компании были даны полномочия на ведение переговоров в России. Обоим присвоили ранг чрезвычайных королевских посланников. Но верительная грамота, выданная послам Яковом в мае 1613 года, была написана крайне осторожно, с массой оговорок, чтобы в случае провала предприятия связь компании и Английского двора не была бы очевидной.

«Мы достоверно извещены нашим верным и возлюбленным слугою Джоном Мерриком, бывшим резидентом в Московии, о бедственном и затруднительном положении этой славной страны и народа, ныне подвергнутого неминуемой опасности как вторжения врагов извне, так и внутренних беспорядков и мятежей.

По этому случаю вышесказанному Джону Меррику прошлым летом от различных значительных и главенствующих лиц этой страны были сделаны представления и предложения, клонящиеся к благу и безопасности этой страны и восстановлению в ней мира и власти при нашем посредничестве и вмешательстве, каковые предложения он не мог поддержать, как он бы хотел, ибо он не знал нашей воли. Знайте же, что, поскольку они (видимо, предложения. – Прим. авт.) ныне переданы нам, мы не мало тронуты, чувствуя нежное сострадание к бедствиям столь цветущей империи, к которой мы и наши августейшие предшественники всегда испытывали особое расположение»^[14].

Грамотой Меррику и Расселу были предоставлены полномочия «вести переговоры, совещаться, договариваться и заключать соглашения с вельможами (lords), [представителями] сословий, военачальниками, дворянством и общинами или с теми лицами, которые ныне правят и представляют государственные органы, какими бы именами и титулами они ни назывались, или с соответствующими представителями и уполномоченными по поводу вышеупомянутых представлений и предложений».

Посланникам короля Якова было бы нетрудно найти хоть кого-то из такого обширного списка возможных подписантов, кто от лица власти смог бы предоставить им возможность колонизировать русские земли. Есть в тексте один особо проникновенный момент. Английские предложения и планы были названы «клонящимися к защите и покровительству русской страны». Не правда ли, похоже на обращение Джорджа Буша к нации в марте 2003 года, когда началась война в Ираке? «Я обращаюсь ко всем мужчинам и женщинам в

армии Соединенных Штатов, которые находятся сейчас на Ближнем Востоке. От вас зависит мир, на вас возлагаются надежды угнетенного народа! Эти надежды не будут тщетными».

Но тогда у англичан ничего не вышло. Минин и Пожарский выбили из Москвы польский гарнизон, война продолжалась, но было ясно – Россия выстояла, в январе 1613 года в Москве был созван Земский собор, царем стал Михаил Романов.

Есть, правда, в истории русской Смуты еще одна загадка, связанная с английским влиянием. Как уже упоминалось выше, в Лондоне очень нервно реагировали на перспективу покорения Московского государства поляками. В том числе и потому, что они могли бы перекрыть волжский путь в Персию. В 1605 году первый польский оккупационный отряд входит в Москву. В 1608 году польские отряды Сапеги и Лисовского начинают из Москвы свой поход к Волге. Под их контроль переходят Ярославль и Кострома, и это важно: оба города лежат на пути в Архангельск.

Но 7 апреля 1609 польские войска разбиты под Ярославлем русским ополчением, в начале мая поляки снова пытаются вернуть контроль над городом, осаждают Кремль и Спасский монастырь, и 23 мая поляки уходят ни с чем.

Далее именно в Ярославле формируется народное ополчение. И есть важный момент: в этом городе был один из основных, как сейчас сказали бы, филиалов Московской компании. Штаб-квартира, конечно, была в Москве. Понятно, что собрать ополчение на голом энтузиазме было бы трудно. Даже те, кто шел за идею, нуждались в оружии и боеприпасах. Минин, как следует из летописей, тогда призвал: «Не жалеть нам имения своего, не жалеть ничего, дворы продавать, жен и детей закладывать».

Вопрос у современных историков возникает вполне справедливый – кому Минин и другие лидеры ополчения собирались «продавать» и «закладывать»? Как раз англичане были теми, кто мог дать деньги на войну с поляками, по совершенно прагматическим причинам, а именно для сохранения волжского транзита. И вот внезапно у Минина с Пожарским появились значительные средства.

«И учили им давать князь Дмитрей Михайлович Пожарской да Кузьма Минин многие столовые запасы и денежное великое жалованье по трицати по пяти рублев, смотря по человеку и по службе своим презреньем, и учинили ратных людей сытых и конных, и вооруженных, и покойных, и запасных»^[15].

Считается, что для сбора средств взаймы ополчению дали купцы Строгановы и еще ряд богатейших ярославцев. Но, справедливо замечают некоторые историки, война и Смута в России продолжались уже более десяти лет. И что в тех условиях означало «богатый купец»? Не до конца разорившийся. А у Московской компании деньги, конечно же, были. Прямых свидетельств тому, что поляков и шведов в России били на английские деньги, не существует. Но известно, что в Вологде, где также собиралось ополчение, иноземные купцы вошли в совет ополчения, чтобы организовать сопротивление Лжедмитрию II «с головами и с ратными людьми в думе заодин». И вот еще косвенное свидетельство того, что события 1612 года имеют еще один, малозаметный с первого взгляда, слой.

В тот момент, когда в Москве разворачивается вроде бы решающее сражение между ополчением и интервентами, поляки атакуют Вологду.

«Нынешнего 121 (1612) сент. 24 д. с понедельника на вторник, в последнем часу ночи, разорители нашей чистой, православной веры и ругатели креста Христа, Поляки и Литовцы с Черкасами и Русскими изменниками нечаянным набегом пришли в Вологду, взяли город, умертвили людей, осквернили церкви Божии, сожгли город и посады...»^[16]

Более того, отряды поляков, точнее польско-русские, которых летопись называет «литовские люди», в 1613 воюют по всему Русскому Северу. Пытаются взять Холмогоры, грабят Николо-Корельский монастырь, затем разоряют Неноксу, Луду, Уну. Считается, что так отряды наемников и лихих казаков искали наживы на мало разоренном северо-востоке. А если принять версию, что ополчение отчасти финансировали англичане и поляки атаковали не просто богатые районы, а опорные пункты Московской компании, то события начинают выглядеть несколько иначе. И становится понятно, что это был за английский десант под командованием «англицких немцев» Артура Астона и Джейкоба Джиля, который высадился в Архангельске 24 июля 1612 года якобы для помощи в борьбе с Польшей, и для чего англичане высаживались в Поморье.

Представитель отряда Яков Шав 10 августа 1612 года побывал в Переяславле у князя Пожарского, рассказал, что «пошли де они с ведома английского короля». Понятно, что и лидеры ополчения сообразили, что это за корпус «добровольцев» готовится для отправки в Россию, потому что англичанам было объяснено, что

«наемные люди не надобны», «оборонимся от польских людей и сами Российским государством и без наемных людей». Лидеры ополчения отправили одного из командиров – Дмитрия Чаплина, чтобы тот всех иностранцев отправил домой, причем ему следовало им сообщить, чтобы они более в Московское государство не приходили и тем себе «убытков не чинили». А воевод трех городов – Ярославля, Вологды и Архангельска строго предупредили, что иностранцев, точнее англичан, они в страну пускать не должны, чтобы те «здесь не рассматривали и не проводывали ни о чем». Архангельскому воеводе дополнительно поручили усилить контроль «и смотреть накрепко, чтоб с воинскими людьми корабли к Архангельскому городу не пришли и безвестно лиха не учинили»^[17].

Русский историк Николай Ульянов, изучая отношения России и Запада в 16–17 веках, пришел к выводу, что не только Англия, но и Запад вообще стремился Россию колонизировать, и планы оккупации всей, или хотя части, русской территории существовали не только в Лондоне и Варшаве.

«Исторически вопрос стоял не о движении России “навстречу западному миру”, а о движении западного мира в Россию и вовсе не с культуртрегерскими целями. Возникли планы ее завоевания. Польша, которой отведена была роль форпоста католической экспансии на Востоке, столетиями лелеяла эту мечту. Ее необычайно раздражал ввоз европейского оружия в Московское государство, по каковой причине английская королева Елизавета подверглась упрекам польского короля, обвинявшего ее в прегрешении перед всем миром за то, что позволила своим купцам продавать оружие “врагу рода человеческого”. Не чужд был идеи захвата Московии и германский мир. Из недр его вышел один из наиболее ранних завоевательных планов, принадлежавший немцу Генриху Штадену. Он заключал не только захват городов и земель, но также истребление населения. Штаден предложил и метод этого истребления – привязывать москвитов к бревнам и топить в реках и озерах.

План Штадена относится к концу XVI века, уже в начале XVII-го Европа делает попытку фактического захвата России. И она почти удалась. Поляки завладели Москвой, шведы северо-западом во главе с Новгородом, а север и Поволжье облюбовали себе англичане. Королевский совет в Лондоне постановил, чтобы земли вдоль Северной Двины и Волжского понизовья с городами Архангельском, Холмогорами, Устюгом, Тотьмой, Вологдой, Ярославлем, Нижним

Новгородом, Казанью и Астраханью должны отойти под протекторат короля Якова I.

Профессор О. Л. Вайнштейн в своей книге «Россия и Тридцатилетняя война» показал, что датский король в 1622 г. пытался захватить русские земли на Кольском полуострове. «Скорее бы нам разделаться с этими русскими!» – писал король своему канцлеру»^[18].

В 1618 году отношения Москвы и Лондона дали новую трещину. Английский посол Дадли Диггс вез в Россию почти 100 000 рублей – заем для русского государя. Деньги давали в обмен на обещание монопольной торговли и удаления с русского рынка голландцев. Прибыв в Холмогоры, Диггс узнал, что под Москвой стоят польские войска, включая 20 тысяч запорожских казаков, что несостоявшийся русский король Владислав вновь претендует на престол. Посол запаниковал и удрал из России вместе с деньгами. Купцы, которых он бросил, в русскую столицу добрались, атака поляков была отбита. В Москве англичанам всячески демонстрировали, что они сильно ошиблись, выбрали совершенно не ту линию поведения, которую следовало. У них на глазах заключали торговые контракты с голландцами, столь им ненавистными.

Окончательно английское влияние, и торговля вместе с ним, в России ушло в прошлое во время английской революции. Поначалу царь Алексей Михайлович просто наблюдал за событиями в Лондоне, но потом, узнав о казни короля Карла, отреагировал жестко. Поскольку Московская компания, точнее, ее руководство, было на стороне восставшего английского парламента, то русский царь решил не дожидаться, пока они решат и в Москве устроить какую-нибудь цветную революцию. 1 июля 1649 года Алексей Михайлович издает указ: *«а ныне... всю землю учинили большое злое дело, государя своего, Карлуса короля, убили до смерти... и за такое злое дело в Московском государстве вам быть не довелось»*. Англичан заставили покинуть страну, Английский двор на Варварке, учрежденный еще Иваном IV, был конфискован. Полностью отношения с Англией, конечно, не прервали, это было не выгодно, торговали через третьи страны. Когда была восстановлена монархия в Англии, восстановили и дипломатические отношения. Но английская монополия закончилась, мечты об исключительном волжском транзите остались в прошлом.

Рисованъ Жюковскимъ

Гравированъ въ Санктъ-Петербургѣ

ЦАРЬ АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧЪ

(Съ портрета, напечатаннаго въ Императорскомъ Эрмитажѣ)

Алексей Михайлович

При этом англичанам оставалось только наблюдать за тем, как развиваются отношения Москвы со странами Центральной Азии и Персией. Еще в 1616 году, во время царствования Михаила Федоровича Романова, хивинские купцы получили право доступа в Россию через Астрахань, их караваны всегда сопровождались вооруженными дружинами. В 1645 году бухарские купцы царским указом получают доступ на рынки Казани, Астрахани и Сибири. Российские торговцы, дипломаты в ханствах Центральной Азии также частые гости. Вот что пишет в челобитной царю Михаилу Федоровичу хивинский посол Амин-Бехадур:

«В страну нашу, падишах, в Ургенчский вилайет с каждым годом приезжают из русской земли из Хаджи-Тархана по 40 по 50 русских купцов, вы милостиво им не запрещаете [этого], они если хотят то ведут торговлю в Ургенче, если хотят то проезжают через наш Ургенчский вилайет в Бухару, если хотят то едут в Балх и пребывают там по 2, по 3 года; ни при проезде туда и ни при обратном проезде не заставляете проверять их вьюков и не заставляете расспрашивать о том, что продали и что купили, и при их отъезде в свою страну вы их сопровождаете своими людьми»^[19].

17 век – период небывалой прежде активности русской дипломатии в Центральной Азии. Там побывали десятки торговых и дипломатических посланников России: в 1620 году Иван Хохлов, в 1669 году Иван Федотьев и Матвей Муромцев, в 1675-м Василий Даудов, в 1695-м Семен Маленький. Некоторые ехали через Бухару и Хиву в Персию и Китай. За период с 1557 по 1682 год Россия и ханства Центральной Азии 36 раз обменивались дипломатическими миссиями. Только в 17 веке хивинские и бухарские послы ездили в Москву 16 раз, российские в Азию – 9. То есть обе стороны старались строить отношения, обе были заинтересованы в этом. Московские цари вели переписку с эмирами и ханами. Не все в этих отношениях было безоблачно, случались и конфликты – купцы часто жаловались на притеснение чиновников: русские на «азиатцев», те, в свою очередь, на русских таможенников и воевод. Стиль чиновничьего поведения в России и Азии не сильно отличался. В 16–17 веках имели место даже случаи задержания в российских городах купцов из Хивы, Бухары и Коканда. Бывало, что у них изымали товары, но обычно эти меры принимались как ответные санкции на

грабеж русских торговых караванов, на захват русских подданных в плен, их продажу в рабство в Персию и Афганистан.

С Персией отношения у Москвы тоже развивались весьма активно, кстати, вполне без помощи англичан, с конца 16 века. С 1588 по 1601 год в Персии побывали четыре русских посольства. Первым было посольство Григория Васильчикова, его задача состояла в том, чтобы утвердить российские владения на Тереке и Кавказе до Грузии и Шемахи, а также подтвердить намерения иранцев уступить Дербент и Баку в случае освобождения их от турецких войск. Васильчиков в ходе переговоров убеждал Аббаса I в возможности присоединения к антитурецкой коалиции западноевропейских государств только с помощью московского государя и лично Бориса Годунова. Потом Васильчиков сообщал царю: *«А шах Аббас меня, холопа твоего, принял с великой любовью и хочет с тобою государем в бротицкой любви и дружбе и в соединенье, и городов Баки и Дербени тебе государю поступаетца, и на всех недругов твоих государевых и своих хочет с тобою государем стояти заодин»*^[20].

Россия была сильно заинтересована в подписании союзного договора с Персией, чтобы вести войну против Османской империи. С другой стороны, подобные переговоры о военном союзе Москва вела со Священной Римской империей. Москва обещала Персии в обмен на военный союз помочь ей в продаже на европейских рынках персидского шелка-сырца, а заодно обещала поставлять персам огнестрельное оружие. Правда, похоже на то, что происходит на Востоке в наши дни? Москва и Тегеран во временном союзе против Турции.

Да и Персии был тогда очень нужен этот союз, потому что турецкая армия была сильнее, персы отступали, отдавали туркам свою территорию. Дипломатическая игра тогда, в 1601–1602 годы, когда в Тегеране было уже четвертое русское посольство, шла по-крупному. Россия хотела не просто вытеснить турок с Кавказа, чтобы спасти от них единовенную христианскую Грузию. Создав русско-персидскую коалицию, Москва надеялась, что римский папа и Венский двор надавят на Польшу и заставят ее заключить мир с Россией на выгодных условиях. А в Риме и Вене ждали, что Россия, вступив в войну с Турцией, создаст фактически второй фронт для Османской империи, что отвлечет турок от Венгрии, потому что император Рудольф II османам уже не мог противостоять. Ресурсов почти не оставалось. И поэтому персидский шах Аббас I отправил в

1600 году в Москву посольство во главе с Хусейн-Али-беком, и потом это же посольство проследовало в империю Габсбургов, Германию, Испанию и к папе римскому.

С началом Смутного времени отношения с Персией почти прекратились. Хотя Московское государство даже в те годы играло роль транзитного коридора и, по сути, оставалось посредником между Европой и Тегераном. Во всяком случае, через Москву проезжали персидские посольства из Европы. И как только была закончена Смута и на престол взошел Михаил Романов, в 1613 году в Персию отправились посланники Тиханов и Бухаров.

Правда, в какой-то момент пути Москвы и Тегерана стали расходиться. Персы закончили войну с Турцией. В Российском государстве узаконили статус персидских купцов, дали им многочисленные льготы, а вот шах от подписания подобных документов уклонялся. Но одновременно в октябре 1616 года шах Аббас I дал многочисленные торговые льготы англичанам из Ост-Индской компании, при дворе появились английские советники, купцы, агенты влияния. Большая Игра входила в новую фазу.

Глава 2

В эпоху правления Петра I в Лондоне Россию всерьез еще не воспринимали. Точнее, так было, когда молодой царь только взошел на престол. Для англичан, которые к тому времени уже и покорили Индию, и всю осваивали американский континент, и уже собирались делить испанское наследство, Россия оставалась страной дикой, варварской, той, что едва не стала английской колонией. Этаким серым пятном на краю Ойкумены. И мнение это о России отчасти было верным.

Когда в 1697 году в Европу отправилось русское посольство, это был первый случай со времен Ивана III, когда русский государь покинул Москву. Петр I поехал в Европу под именем бомбардира Петра Михайлова. Русские ехали в Европу заключать военные союзы против Османской империи, покупать оружие, инструменты, научные приборы и вербовать европейских специалистов для работы в России. Ну а сам Петр I просто хотел посмотреть мир. И конечно, это любопытство молодого царя сыграло определяющую роль в истории нашей страны.

Русские посетили Лифляндию, Кенигсберг, Берлин, а в Голландии, в городе Утрехте, Петр I встретился с английским королем Вильгельмом III. Встреча была неофициальной, но английский король подарил Петру роскошно отделанную быстроходную яхту.

Именно на ней 7 января 1698 года русский царь отправился в Лондон. Он еще раз встретился с Вильгельмом III, посетил парламент, на монетном дворе состоялась встреча русского царя с Исааком Ньютоном – тот был управляющим двором, известного английского математика Эндрю Фергюсона Петр I позвал работать в Россию. Тот, кстати, согласился, он потом преподавал математику в Навигацкой школе и в Морской академии.

По распоряжению короля Вильгельма русскому царю устроили в Портсмуте показательные морские сражения, а перед этим Петр походил по военным кораблям, вооруженным 80 и 100 пушками. Говорят, что молодой царь был так восхищен увиденным, что произнес: *«Если б я не был русским царем, то желал бы быть английским адмиралом»*.

Великое посольство покинуло Англию 25 апреля 1698 года и через два дня прибыло в Амстердам. Завершить в Англии

неоконченные дела царь поручил своему сподвижнику. Итог пребывания Петра в Англии подвел журнал Якова Брюса: *«Пересмотрев же все вещи, достойные зрения, наипаче же то, что касается до правления, до войска на море и сухом пути, до навигации, торговли и до наук и хитростей, цветущих там, часто его величество изволил говорить, что оной Английский остров лучший, красивейший и счастливейший есть из всего света. Там его величество благоволил принять в службу свою многих морских капитанов, поручиков, лоцманов, строителей корабельных, мачтовых и шлюпочных мастеров, якорных кузнецов, компасных, парусных и канатных делателей, мельнишных строителей и многих ученых людей, также архитекторов гражданских и военных».*

В числе нанятых на работу в России англичан оказались 23 шкипера, 30 квартирмейстеров, 30 лекарей, 60 подлекарей, 200 пушкарей, 4 компасных мастера, 2 парусных и 2 якорных, 1 резчик, 2 кузнеца, 2 конопатчика, 20 корабельных работников. При всем уважении к нашим предкам этот список дает понять, на каком уровне развития находились тогда в нашей стране наука, техника и морское дело. Помимо англичан на службу в Россию были завербованы сотни немцев и голландцев, были подписаны договоры о поставках вооружения в Россию. Но вторая цель Посольства достигнута не была – в союз с русскими против турок вступить не пожелала ни одна европейская страна. Даже Австрийская империя, которая с турками бесконечно воевала, решила, что для нее выгоднее будет поскорее заключить со Стамбулом мирный договор. Европа готовилась делить испанское наследство – умирающий король Испании Карл II наследников не оставил, свои кандидаты на престол были у австрийского императора и у французского короля. Было ясно, что договориться не получится, Австрия, Франция, Англия, Голландия и Пруссия – все готовились к войне.

Но на этом фоне – когда основные игроки собирались втянуться в войну, которая продлилась в итоге 13 лет, – Саксония и Дания начали вести свою политическую игру. Они решили вытеснить шведов из Прибалтики и Германии. И ситуация складывалась вполне удачно. Крупные игроки были заняты испанским наследством, умер шведский король Карл XI, престол наследовал его сын – Карл XII, которого многие считали сумасшедшим. Да и было ему всего 15 лет. Молодая крепнущая Россия показала себя достойным союзником, учитывая все предыдущие русско-шведские войны. И вскоре после возвращения в Москву начались тайные переговоры Петра I с

датским послом Паулем Гейнсом. В ноябре 1699 года Петр подписал договор с саксонским курфюрстом Августом II, который тот подписал заранее. У России в грядущей войне была своя задача: вернуть свои территории, «которые корона Свейская при начале сего столетнего времени, при случае тогда на Москве учинившегося внутреннего несогласия, из-под царской области и повелительства отвлекла и после того времени через вредительные договоры за собою содержать трудилась».

У Англии и Голландии был заключен со Швецией союзный договор. Прямо приказать русским не воевать они, конечно, не могли, но изо всех сил пытались сорвать заключение мира между Россией и Турцией. Москва не могла ввязываться в войну на Балтике, не получив гарантии того, что ей не придется сражаться на два фронта. Посол украинцев писал Петру из Константинополя: *«Послы английский и голландский во всем держат крепко турецкую сторону и больше хотят им всякого добра, нежели тебе, великому государю. Торговля английская и голландская корабельная в Турецком государстве исстари премногая и пребогатая, и что у тебя, государя, завелось морское корабельное строение и плавание под Азов и у Архангельского города, и тому они завидуют, и того ненавидят, чая себе от того в морской своей торговле великой помешки».*

Конечно, подробный разбор Северной войны не является задачей книги. Но обойтись без упоминания этого исторического периода было бы неправильно. Прежде всего потому, что Северная война очень характеризует английскую, точнее, теперь уже англо-американскую политику, где нет союзников, нет друзей, а есть лишь выгода. В начале войны английский король Вильгельм III попытался надавить на Данию через дипломатов, чтобы она вышла из союза с Россией, Польшей и Саксонией и заключила мир со Швецией. Англо-голландский флот выдвинулся к Датским проливам. Когда подошла шведская эскадра, то объединенная группировка в составе 59 кораблей атаковала Копенгаген, потом высадила десант. Карл XII пообещал полностью разрушить город, если датчане не подпишут мирное соглашение. Они быстро согласились, воевать не стали, впрочем, это для датчан скорее правило, нежели исключение. В годы Второй мировой войны они так же быстро сдались немцам, и мне как-то довелось общаться с пожилыми датчанами. Они рассказывали про ужасы немецкой оккупации. Оказывается, в Дании было все так

плохо, что в 1943 году в кафе и ресторанах там подавали только один сорт пива. Пришлось рассказать датчанам о блокаде Ленинграда.

Но вернемся к Северной войне. В августе 1700 года между Швецией и Данией был подписан договор, по которому последняя отказалась от союза с Россией, Саксонией и Польшей, признала независимость Голштинии и обязалась уплатить Швеции военные издержки.

Тогда Вильгельм III предложил через своего посла в Гааге посредничество для заключения мира уже между Швецией и Россией. Он послал Петру Первому письмо, где настаивал на прекращении военных действий и на обязательном принятии посредничества Англии в заключении мира. Пока письмо шло, русские потерпели страшное поражение под Нарвой. Потому Петр I в ответной грамоте, написанной 13 декабря, на предложения Вильгельма согласился. Но от переговоров отказался Карл XII, он считал вполне всерьез войну своим жизненным предназначением. Северная война продолжилась, Англия заняла позицию нейтралитета, но такого специфического, вполне дружественного Швеции. В июне 1701 года русский посол в Гааге А. А. Матвеев писал, что Вильгельм «во всем приятель добрый и надежный Шведу».

Но удивительно – на фоне всего этого дипломатического давления на Россию и атаки на Копенгаген, с началом Северной войны резко вырос объем русско-британской торговли. Экспорт из России в Англию подскочил, иначе и не скажешь, с 64 191 фунта стерлингов до 223 449 фунтов стерлингов. Колоссальная по тем временам сумма. Половина судов, приходящих в Архангельск, – это английские суда. В своем труде «Русско-английские отношения при Петре I» советский историк Леонид Никифоров писал: *«Увеличение торговли явилось следствием усиления потребности обеих сторон в товарах друг друга: Англия в связи с начавшейся войной за испанское наследство увеличила закупки материалов для флота, а русское правительство, нуждаясь в деньгах в связи с начавшейся Северной войной, стремилось расширить объем внешней торговли и, кроме того, также проводило усиленные закупки различных материалов, необходимых для снаряжения и вооружения армии (боеприпасы, сукно для армии, сера, свинец, медь и т. д.). Для Англии страны Балтийского побережья являлись в то время источником снабжения морскими припасами. Чэнс указывает, что “процветание Великобритании и других морских держав, разбросанных по морям,*

зависело тогда от продукции Балтийских регионов. Корпуса кораблей могли быть построены из британского дуба, но сосны для мачт и рей, пенька для веревок, лен для парусов, смола и деготь для всяких судовых нужд должны были привозиться оттуда, и остановка снабжения означала бы, что военные и торговые суда не могли бы выйти в море”».

В феврале 1705 года в Москву прибыл британский посланник Чарльз Уитворт. Ему было поручено в интересах британского правительства добиться торговых привилегий. Заодно он активно собирал данные о русских военных проектах, состоянии дел в области финансов, состоянии экономики, о планах русского правительства. Он писал отчеты о строящемся русском флоте, сопровождал Петра I в его походах, дабы получить наиболее полные данные о состоянии русской армии. Причем интересно, что в этот момент англичане уже не предлагали Москве помощь в переговорах о мире. Потому что в интересах Англии было продолжение войны на Балтике, чтобы Швеция не присоединилась к Франции – противнику англичан в войне за испанское наследство.

К сентябрю 1706 года шведы захватили Саксонию. Саксонский курфюрст, а по совместительству польский король Август Сильный вынужден был подписать унижительный сепаратный мир. Он отказывался от польской короны и разрывал союз с Россией. И вот в разгар войны между крупными европейскими державами в центре Германии оказалась сорокатысячная шведская армия.

Людовик XIV тут же попытался склонить Карла к союзу, напоминая ему о древней франко-шведской дружбе. Австрийский император Иосиф I шведов просто испугался и даже не протестовал, когда они стали вербовать людей в армию в австрийских владениях. В Лондоне тоже понимали – внезапно возникший шведский фактор надо как-то нейтрализовать. Направить, так сказать, шведскую мощь в нужное русло. К Карлу XII, в Саксонию, королевой Анной был послан главнокомандующий британскими войсками Джон Черчилль герцог Мальборо. Он заявил Карлу: *«Я вручаю вашему величеству письмо не от Кабинета, а от самой королевы, моей госпожи, написанное ее собственной рукой. Если бы не ее пол, она переправилась бы через море, чтобы увидеть монарха, которым восхищается весь мир. Я в этом отношении счастливее моей королевы, и я хотел бы иметь возможность прослужить несколько кампаний под командованием такого великого полководца, как ваше*

величество, чтобы получить возможность изучить то, что мне еще нужно узнать в военном искусстве».

Конечно, служить под началом Карла герцог не стал. Но переговоры со шведским королем он вел долгие, упорные, и вот совпадение – после визита Мальборо Карл решил в союз с французами не вступать и двинуться на Восток. Пойти в Россию. Упомянутый выше профессор Никифоров писал об этом вполне определенно: *«О влиянии миссии Мальборо на решение Карла XII направиться в Россию и не вступать в дальнейшие ссоры с императором могут быть различные мнения. Возможно, у Карла XII еще раньше созрело решение завершить разгром своего теперь единственного противника – России, чтобы развязать руки для дальнейших действий. Однако не исключено, что миссия Мальборо ускорила вторжение шведов в Россию. Во всяком случае Карл XII двинулся в Россию, и попытка Людовика XIV привлечь шведов на свою сторону потерпела неудачу».*

Русский посланник в Лондоне в это же время вел переговоры о союзе России и Англии. Или хотя бы о том, чтобы Лондон взял на себя посредничество в переговорах о мире со шведами. Лондон отвечал отказом, точнее, тянул время. При этом русские объясняли, что не хотят захвата шведских земель, а воюют лишь за возвращение своих исконных владений. Английский двор и правительство почти два года не могли дать внятного ответа на русские предложения. А русского посла Матвеева как-то даже сначала избили, а потом и арестовали по письменному приказу шерифа якобы за неуплату долга в 50 фунтов стерлингов. Его удалось освободить только с помощью иностранных дипломатов. Британские власти обвинили во всем купцов – дескать, не разобрались, погорячились.

27 июня 1709 года русские разбили шведскую армию под Полтавой. Карл XII бежал в Бендеры, где стал то ли гостем, то ли пленником турецкого султана. Август Сильный немедленно снова объявил себя королем Польши. А в Лондоне тут же изменилось отношение к России. В феврале 1710 года посол Уитворт вручил Петру I грамоту королевы Анны. Королева извинялась за задержание русского посла Матвеева, а Петр I впервые был назван «цесарем», то есть императором.

В Лондоне были вынуждены признать – они «проспали» Россию. Проспали рождение нового игрока на поле европейской политики. Можно сколько угодно говорить, что шведская армия была ослаблена, что казна была пуста и лишь поэтому русские победили

под Полтавой. Но русские победили армию, с которой, напомним, не захотел связываться император Австрии, перед которой капитулировала Дания и которую очень хотел видеть в союзниках король Людовик. Лондон отчаянно не хотел укрепления России на Балтике и на южном направлении, а с другой стороны, ничего не мог поделаться со своей зависимостью от русских товаров. Английский импорт из России с 1697 по 1701 год составил 494 тысячи фунтов. А с 1712 по 1716 год он вырос до 823 тысяч фунтов. Очень напоминает нынешнюю ситуацию, когда Евросоюз постоянно пытается давать Москве ценные указания, как-то влиять на политику России, но от поставок русского газа Европа при этом не отказывается.

Даже запрет Петра I отгружать товары англичанам через Архангельск, а возить исключительно через Санкт-Петербург англичан не оттолкнул. Они были вынуждены согласиться с указом царя «российские товары пеньку и юфть, сало, икру, клей, поташ, смольчуг, ремень и прочие тому подобные товары для отпуску за море привозить в Санкт-Петербург, а к городу Архангельску возить заказано». Англичанам было важно не только сохранить торговлю с русскими, но и не потерять русские военные заказы. Еще раз напомним – у Англии союзный договор со Швецией. Но Англия одновременно продает России военные товары и военные корабли. Да, русские верфи активно работали, создавали, по сути, с нуля Балтийский флот, но их мощностей не хватало, не были отлажены технологии, и в 1711 году по приказу Петра за границу едет корабельных дел мастер Федор Степанович Салтыков. Едет он покупать корабли, ему помогает русский посол в Амстердаме князь Борис Иванович Куракин. Петр распоряжается: *«Прошу вас, чтоб гораздо трудились в покупке кораблей, ибо наша ныне война в том состоит»*. Всего Салтыков купил в итоге в Англии 11 линейных кораблей и два фрегата, а в Голландии – 6 линейных кораблей и 7 фрегатов. Разумеется, англичане отлично понимали, кто и для чего скупает корабли на их верфях, хоть Салтыков и действовал инкогнито и как бы с тайной миссией.

Шведы, конечно, были происходящим недовольны. На Балтике началась настоящая пиратская война – шведские каперы, то есть пираты, имеющие разрешение от правительства атаковать и захватывать корабли противника, нападали на британские и голландские торговые суда. К 20 июля 1714 года их число достигло 130. В Риге скопилось такое количество товаров, что можно было загрузить 400 торговых кораблей, но добраться до балтийских портов

удавалось лишь немногим отчаянным купцам. Тогда в марте 1715 года Англия направила в Балтийское море эскадру адмирала Джона Норриса. Голландцы отправили свои военные корабли, а потом к ним присоединилась русская эскадра. Осенью того же года Петр I и английский король Георг I заключили союзный договор. Георг был не просто королем, он был еще и курфюрстом Ганноверским, и как только с помощью союза с Россией он смог получить контроль над Бременом и Верденом, он тут же перестал быть союзником Петра. Более того, Англия снова принялась искать возможность заключить союз со Швецией и попытаться с помощью этого союза ослабить Россию. К этому времени погиб в бою Карл XII, который сильно не любил англичан, и союз с Лондоном становился вполне возможным. На шведский престол вступила сестра Карла – Ульрика Элеонора. Позиции Англии при шведском дворе усилились.

Английский резидент в Петербурге Джеймс Джеффрис писал в апреле 1719 года в Лондон: *«Проживи еще царь года три – у него будет флот в сорок кораблей от семидесяти до девяносто пушек каждый, да двадцать тридцати-сорокапушечных фрегатов, построенных здесь и как нельзя лучше... Предоставлю вам судить, входит ли в интересы Великобритании быть зрительницей возрастающего могущества России, особенно на море. Скажу, что давно пора отозвать этих мастеров из царской службы. Здесь пять мастеров, кроме простых рабочих, все они британские подданные. Трое из мастеров признаются такими плотниками, что лучше и в Англии не найдется, а так как я не сомневаюсь, что все они верные подданные короля и расположены к его правительству, не сомневаюсь, что они возвратятся домой, если им на родине предоставлено будет положение, сколько-нибудь вознаграждающее за то, что они потеряют здесь».*

В конце Джеффрис добавлял: *«Не знаю, какие бы еще пути могли быть найдены, чтобы воспрепятствовать утверждению царя на Балтийском море».*

И на самом деле, был даже издан королевский указ, предписывавший британским подданным немедленно вернуться на родину. Причем его стали распространять среди англичан без уведомления российских властей. Отношения обострились настолько, что английская эскадра была отправлена в Балтику, но уже для того, чтобы вместе со шведами выступить против русских. А русские дипломаты получили послание на имя Петра I от английского посланника при шведском дворе:

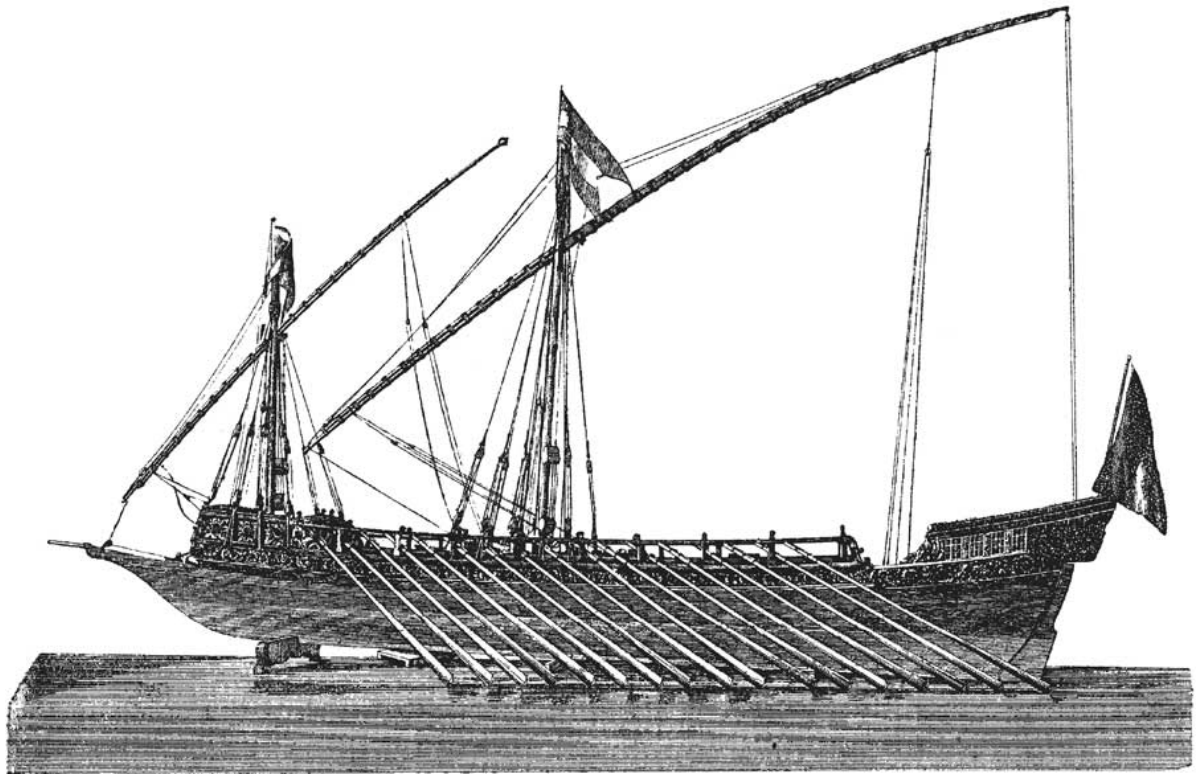
«Король великобританский, государь мой, повелел мне донести вашему царскому величеству, что королева шведская приняла его посредничество для заключения мира между вашим величеством и короною Шведскою. Королева шведская приняла посредничество Великобритании потому, что эта держава никогда не принимала участия в Северной войне; уповаюсь, что это рассуждение принято будет и вашим величеством, что ваше величество соизволите повелеть пресечь все неприятельские действия в знак принятия посредничества и склонности к миру. Я прошу позволения донести вашему величеству, что король, государь мой, повелел кавалеру Норрису прийти с флотом к здешним берегам как для защиты торговли его подданных, так и для поддержания его медиации и что его величество вместе с королем французским и другими своими союзниками (между которыми находится и Швеция) принял меры, чтоб его медиация получила ожидаемый успех и чтобы в скором времени прекращена была война, которая так долго тревожила Север»^[21].

По форме и по сути послание очень характерное. России предлагалось или согласиться на английские предложения, или получить разного рода неприятности. Войну, например. Это очень характерно для англосаксонской дипломатии. Любые переговоры последних лет – по Сирии ли, по Украине ли, или же между Россией и США проходили по схожей схеме – сдавайтесь, или будет хуже. И американские дипломаты отступали, когда видели силу России.

Тогда, в 18 веке, все случилось точно так же. Царь Петр I на угрозы англичан не отреагировал, видимо, окончательно осознав, что это за «союзники», и русские суда принялись высаживать десанты на шведскую территорию, захватывать торговые корабли, которые везли товары в Швецию. Не то чтобы молодой русский флот был сильнее английского. Нет. Но Балтика – море своеобразное, там много заливов и шхер – небольших архипелагов из скалистых островков с узкими и мелководными проливами. И дело в том, что русские плавали по шхерам на гребных судах. Англичане на фрегатах туда пройти не могли. Русские в очередной раз в истории обратили свою слабость в силу. По шхерам гребной русский флот мог спокойно пройти от Кронштадта до Стокгольма, и только в четырех пунктах английские парусные корабли могли перехватить русские суда. Но не перехватили. И в июле 1719 года русский флот под командованием адмирала Апраксина высадил несколько десантов на шведскую территорию.

Русские войска атаковали окрестности Стокгольма, уничтожили город Норрчепинг и несколько чугунолитейных заводов в его окрестностях. Вдоль северного берега Швеции шел другой отряд генерал-майора Ласси. Он высаживал десанты в прибрежных городах, тоже уничтожая литейные заводы. 29 августа 1719 года Англия и Швеция подписали предварительный мирный договор. По одному из пунктов договора англичане обязались предоставить помощь в борьбе с Россией. И Лондон даже без договора не собирався сидеть и ждать, пока русские победят шведов. В Польше и Пруссии британские дипломаты вели активные переговоры, пытаясь спровоцировать новую войну против России. Однако они закончились провалом – все уже начали понимать, что победить Россию не получится, и даже безболезненно поучаствовать в войне с ней тоже будет невозможно.

А русский флот в очередной раз устроил рейд по шведскому побережью, и 27 июля 1720 года, когда шведы вышли в море, чтобы разгромить русскую эскадру, в сражении при Гренгаме русские вновь доказали противникам, что смекалка, отвага и ловкость важнее технологий. И то, что часто воспринимается как русская слабость, на самом деле легко превращается в силу. Шведский отряд вышел в море под прикрытием английского отряда. У шведов было подавляющее превосходство в вооружении. Только на одном линейном корабле было 52 пушки, столько же, сколько у русских всего, на 61 скампавее. Скампавея – это парусно-гребное судно, в длину 30 метров, в ширину 5, осадка около метра. На борт скампавея могла принимать до 150 солдат. Так вот когда шведский отряд – один линкор и четыре фрегата – атаковал русских, те сделали вид, что отступают, заманили корабли противника в узкий пролив, где шведы не смогли маневрировать, а при попытке развернуться все четыре фрегата сели на мель. В ходе четырехчасового боя фрегаты были взяты на абордаж. 43 русские скампавеи были так сильно повреждены, что их решили не восстанавливать, а сжечь прямо на месте боя. Но потеря была невелика – русским ведь достались четыре фрегата, на которых в совокупности было установлено 104 орудия. Вся эта баталия разворачивалась на глазах англичан и произвела на них серьезное впечатление. Гребной флот оказался грозным противником, а главное – мощные британские суда были против него беспомощны, во всяком случае, на Балтике.

Гребная галера скампавея

Надавить на Петра экономически Лондон не мог, потому что зависел от поставок русских товаров – леса, смолы и пеньки. И не ввязываясь в войну на суше, ослабить Россию Англия не могла никак. Поскольку воевать не хотелось, англичане ушли с Балтики и вмешиваться в ход Северной войны перестали. Этот раунд остался за Россией. 30 августа 1721 года был подписан Ништадтский мирный договор, русские закрепились на Балтике, страна, которая еще чуть больше ста лет назад была на грани полного распада и едва не стала колонией Англии, показала Европе, что теперь без учета ее мнения никакие европейские дела решаться не будут.

И весь 18 век в Лондоне с ужасом и тревогой наблюдали за усилением Русского государства. За тем, как Российская империя вмешивается то в одну, то в другую войну на континенте, за тем, как правительства государств, из тех, что еще вчера смеялись над «русскими варварами», теперь просят русских о союзе, поддержке, защите. За тем, как русские начинают чувствовать свою подлинную силу и верить в себя. Например, в 1733 году, после смерти Августа II разгорелась политическая борьба за польский престол между Саксонией, Пруссией и Россией и Францией. Все пытались поставить своего кандидата, мнение поляков уже мало кого интересовало. Императрица Анна Иоанновна отправила в Польшу

экспедиционный корпус фельдмаршала Бурхарда Кристофа Миниха, чтобы тот поставил на престол прорусского кандидата саксонского курфюрста Августа. Французский король отправил отряд военных и десантных кораблей с экспедиционным корпусом в порт Данциг, чтобы силой посадить на престол Станислава Лещинского. Рассказывают, что русский командующий, узнав о высадке французов, сказал своим подчиненным со злой иронией: *«Благодарю Бога. Россия нуждается в руках для извлечения руд»*. В итоге все вышло так, как хотели русские, французы ушли несолоно хлебавши, а 25 декабря 1734 года в Кракове состоялась коронация Августа III.

Практически тут же Людовик XV объявил войну австрийскому императору Карлу VI. Францию поддерживали Испания и Сардинское королевство. Французы двинулись в Германию, заняли Лотарингию, овладели Келем и Филипсбургом.

Вена попросила Петербург о помощи, и в июле 1735 года двенадцатитысячная русская армия появилась на Рейне, практически в центре Европы. И даже разгром французов Лондон не обрадовал, потому что Россия становилась слишком важным игроком.

Уже при императрице Елизавете Петровне англичане попытались изменить расстановку сил на южных рубежах Российской империи. Они предложили персам построить на Каспийском море военный флот, персидский шах Надир с радостью согласился получить корабли «европейского маниру». Англичане – история сохранила имя одного из них, некий Элтон – построили персам два судна, что крайне возмутило императрицу Елизавету Петровну. Как писал историк Сергей Соловьев, 24 апреля 1746 года *«при докладе об иностранных делах она рассуждала, что английские купцы действуют в Персии так, что для России могут быть от этого дурные следствия, что они там уже построили два корабля и еще строить хотят, а для России было бы очень вредно, если бы у персиян заведен был флот. Англичанам позволено торговать с Персиею через Россию; но от этой торговли велика прибыль только англичанам, а здешней империи, особенно купцам и фабрикантам, помешательство и убытки происходят; очень жаль, что такое позволение дано, и всеми мерами надобно эту английскую торговлю прекратить. Канцлер [А. П. Бестужев] отвечал, что такие известия и в коллегии Иностранных дел получены, что один военный корабль в Персии построен, а другой заложен и что в этом один из англичан, недобрый человек, именем Элтон, упражняется, а беглые из России разбойники помогают; от коллегии Английскому*

двору сделаны представления, чтоб этот Элтон вызван был из Персии, и объявлено, что если он вызван не будет, то и торговля англичан с Персией вся пресечена будет. От английской компании к этому Элтону писано, чтоб выехал из Персии, за что обещана ему погодная пенсия по смерти до 2000 рублей; но он, несмотря на то, оттуда не едет, а иначе поступить с ним Английскому двору нельзя, ибо известно, что английский народ вольный»^[22].

Вообще со времен царя Алексея Михайловича негласно считалось, что, кроме русских, никто своего флота на Каспии иметь не может. Точнее сказать, Россия просто не допускала подобного. Туркменские пираты, которые занимались грабежом и работоторговлей, нападая на русских и персидских моряков, флотом считаться, конечно, не могут. Торговые корабли, правда неплохо вооруженные, были на Каспии у англичан, и в качестве наказания Елизавета Петровна распорядилась задержать английские суда в Астрахани, и им предложили отныне возить свои товары в Персию на русских кораблях. Императрица тогда высказалась вполне определенно: «...так как эта коммерция для здешней империи не только не полезна, но и опасна быть видится, то о поправлении этого дела надобно прилагать старания, а лучше эту коммерцию отклонить и вовсе прекратить».

В августе 1746 года на Каспии появился первый персидский военный корабль. В Петербурге стали разрабатывать план ответных действий, тем более что заговорщиками был убит Надир-шах. И тайный совет решил «воспользоваться смутю в Персии и смертью шаха для искоренения корабельного строения, заведенного Элтоном: для этого предписать находящемуся в Гиляни резидентом Черкасову подкупить из бунтовщиков или других персиян, чтоб сожгли все корабли, построенные или еще строящиеся, сжечь также заведенное там адмиралтейство, анбары, парусные и прочие фабрики и инструменты, что можно будет, то бы все сожгли, а иное разорили б до основания, к чему хотя несколько их разных людей уговорить, чтоб они это сожжение как можно скорее сделали, и за то им хотя бы и знатную сумму из казенных денег выдать. Равномерно и о том стараться, чтоб заводчика этого корабельного строения Элтона оттуда достать, или уговорить, или тайно схватить, или у персиян за деньги выпросить и немедленно в Астрахань отослать».

Елизавета план одобрила, и он был осуществлен в 1751 году. Офицеры и матросы Каспийской флотилии, участвовавшие в операции по уничтожению персидского флота, были повышены в

чинах и награждены. Элтона захватить не удалось. Формально Лондон не имел отношения к попытке создания персидского флота на Каспии. И обвинять британское правительство Петербург не мог. Но, по сути, за действиями таинственного Элтона стояла Ост-Индская компания, та, что якобы пыталась отозвать его из Персии письмом. А в разворачивающейся Большой Игре эта компания была особым, отдельным субъектом. Да и не только в ней, но и в международной политике вообще. Это, без всякого сомнения, уникальное явление и в экономике, потому что, по сути, именно Ост-Индская компания заложила основы современного мироустройства, когда целыми странами управляют частные корпорации и транснациональные банки, а войны в интересах государства и корпораций ведут частные армии, состоящие из наемников. При этом непонятно порой, где заканчиваются корпорации со своими интересами и начинается государство. И наоборот.

Вообще сама идея того, что может существовать государство, управляемое ни монархом, ни парламентом, ни даже каким-нибудь мятежником, а структурой неодошевленной, юридическим лицом, компанией, многое объясняет. Если государства, в основе которых все-таки существует представление о личной власти, о личной ответственности, о личном управлении, уступают место обезличенным корпорациям, то это меняет весь политический уклад. Потому что цель любой коммерческой структуры – извлечение прибыли. Любой ценой. Нельзя создать коммерческую организацию, которая не будет извлекать прибыль. И в этом смысле англичане сразу показали, для чего вообще существует сама Британская империя. А именно для извлечения прибыли.

Английская Ост-Индская компания появилась в 1600 году. Она пережила три династии на английском престоле – Тюдоров, Стюартов, ганноверцев и протекторат Кромвеля – и просуществовала два с половиной столетия. И Ост-Индская компания была государством в государстве, тем не менее с государством, то есть с Британской империей, тесно связанным. Можно даже больше сказать – не будь компании, не появилась бы Британская империя в том виде, в каком мы ее знаем.

К моменту появления в Индии европейцев – это были португальцы – в 16 веке никакого единого государства на полуострове Индостан, конечно, не существовало. Территорию нынешней Индии населяли разные народы, которые находились на разных уровнях развития и разделялись на разные религиозные

группы. Раздробленность Индии выражалась также в огромном разноязычье и отсутствии единой письменности. Только основных языков было минимум три – индустани, в Индостане, на нем же говорили городские купцы, бенгали, на котором говорили в нижнем течении Ганга, и маратский язык, на котором общались в западной части Декана. На южных берегах преобладали дравидийские языки. На северо-западе говорили на панджаби, в соседних княжествах на кашмирском, при этом знать официально говорила на фарси, особенно в центральной части, которую занимало государство Великих Моголов, созданное великим реформатором и завоевателем, уроженцем узбекского Андижана Захиредином Мухаммедом Бабуром и его внуком Акбаром. Остальная условная Индия разделялась на множество феодальных государств, в Ауде и Хайдерабаде, в Майсоре и ряде мелких княжеств власть находилась в руках феодалов-мусульман. В маратских княжествах и в большинстве раджпутских господствовали индусские князья – раджи. Они бесконечно воевали между собой. Примерно такая обстановка была в Индии, когда там в 1612 году появились англичане. Тогда могольский падишах Джахангир, сын Акбара, разрешил им основать торговое представительство в Сурате.

У англичан опыт взаимодействия с туземными правителями уже был, причем неплохой. Напомню – первым губернатором компании стал Томас Смит, купец и дипломат, один из тех, кто пытался несколькими годами ранее вести английскую игру в России, чтобы поставить под контроль путь из Архангельска в Персию. История Индии в этом смысле – довольно яркий пример того, что могло, точнее, должно было произойти и с нашей страной, пойдя все в 1612 году по замыслу англичан. Да и как все может случиться в России сегодня, окажись у руля государства человек безвольный и слабый.

Когда Ост-Индская компания была основана – ее полное название, кстати, звучало как «Компания купцов Лондона, торгующих в Ост-Индиях», – акционерами новой структуры стали, как и в случае с Московской компанией, не только купцы, но и представители английского истеблишмента. Люди близкие к королеве, родственники министров, члены парламента, где у компании тут же возникло серьезное лобби. Компания состояла из двух органов: собрания акционеров и совета директоров во главе с управляющим. Первые путешествия финансировались путем подписки: постоянного капитала не было. В 1609 году король Яков I

даровал Компании хартию, которая объявила срок ее монопольной торговли неограниченным.

Англичане в Индии, как и в России, терпеть конкурентов на важном для них рынке не собирались. И в 1612 году, даже если бы поляки смогли победить, отбиться от ополчения, то вряд ли бы сохранили контроль над русскими землями, учитывая замыслы англичан. Скорее всего английский экспедиционный корпус нанес бы по ним удар. Во всяком случае, в Индии англичане повели себя именно так. Они показали португальцам, что не дадут им усиливать влияние, и в битве при Сували разгромили португальские экспедиционные войска. В 1640 году англичане основали второе торговое представительство, в Мадрасе. Через семь лет у Компании было уже 23 фактории. В Европу вывозят ткани, чай, специи, красители, хлопок. В 1690 году было основано поселение Компании в Калькутте, которая потом станет столицей Британской Индии. Англичане в итоге практически вытеснили из Индии португальцев, за ними остался только район Гоа, который вообще оставался в 20 веке последней европейской колонией в Южной Азии. Только в 1961 году индийские войска в ходе военной операции окончательно вытеснили португальцев оттуда. Индусы бросили против 4,5-тысячного гарнизона Гоа, состоявшего из солдат, полицейских и пограничников, 45-тысячную группировку, авиацию и весь свой флот. В результате Гоа был захвачен после трехдневных боев. В самой Португалии это посчитали аннексией и агрессией против национальной территории.

Основной оборот Ост-Индской компании строился вокруг торговли индийскими товарами в Европе, за них англичане получали серебро, которое шло из испанской Мексики. Английский королевский двор Компанию всячески поддерживал и, что называется, «прикрывал» в сложных ситуациях. Повторюсь, среди аристократии было полно акционеров. Компания получала королевские хартии и дипломатическую поддержку, по сути иммунитет, а взамен она предоставляла крупные займы короне. В 1657 году Компания получила хартию, превратившую ее в организацию с постоянным капиталом. Потом, когда в Англии была восстановлена монархия, Компания получила от короны остров Святой Елены и Бомбей. Забегая немного вперед, скажу, что, когда на острове Св. Елены оказался плененный Наполеон Бонапарт, охраняли его не английские войска. Точнее, не только английские войска, а армия как раз Ост-Индской компании, наемники. Это

показывает, какую роль играла Компания в истории Англии. Сращивание государства и частной корпорации происходило год за годом, в 1683 году государство предоставило Компании право адмиралтейской юрисдикции, а через три года разрешило чеканить в Индии свою монету.

К середине 18 века, когда в Семилетней войне Франция потерпела поражение от Британии и, как результат, стала терять колониальное влияние, Ост-Индская компания превратилась в настолько мощную силу не только в Индии, но и во всей Южной Азии, что фактически заменила собой власть местных раджей и найбов на некоторых территориях. Скажем, в 1765 году Компания добилась получения права на сбор налогов в Бенгалии. Сбирать налоги стало выгоднее, чем торговать бенгальскими товарами в Европе.

Этому предшествовала ползучая оккупация Бенгалии с конца 17 века, когда для защиты складов там была построена крепость Форт-Вильям, где разместились и штаб-квартира Компании в Бенгалии, более того, в ее управлении находились три деревни около Калькутты. Компания стала заминдаром – то есть землевладельцем. К 1717 году англичане получили под контроль еще 38 деревень со всеми землями. Ее товары освобождались от пошлин при условии ежегодной уплаты в казну Великих Моголов 3 тысяч рупий, и, кроме того, английские грузы были освобождены от таможенного досмотра. Доходы Компании в 1717 году составили 278,6 тысячи фунтов стерлингов, в 1729-м уже 364 тысячи фунтов стерлингов. Довольно показательный пример.

Около факторий английской компании в Калькутте, Дакке, Касимбазаре и других городах Бенгалии стали создаваться ткацкие поселения. Только лишь в Калькутте на англичан работали больше 8 тысяч ткачей. Индийские агенты Компании раздавали ткачам материал, давали заказы, забирали готовый товар, обычно не без выгоды для себя. Рост английской торговли увеличивал зависимость Бенгалии, и местный наваб, который к тому времени уже мало подчинялся центру, будучи таким полунезависимым правителем, попытался обвинить англичан в том, что они нарушают договоренности, монополизировали всю торговлю, впрочем, сделать он уже ничего не мог. Компания работала жестко, закупала, например, будущий урожай оптом. Еще задолго до начала сезона сбора, скажем, зерна или риса представители Компании раздавали различные суммы индийским купцам, которые в свою очередь

раздавали авансы скупщикам, а те – крестьянам. Таким образом, урожай заранее дешево закупулся. Точно так же у ремесленников и ткачей заранее скупался весь будущий продукт.

Правитель Бенгалии наваб Сирадж-уд-Даул в 1756 году напал на Калькутту, взял ее штурмом и расправился со всеми пленными, закрыв 140 человек в небольшую камеру военной тюрьмы, где люди или задохнулись, или умерли от теплового удара. Генерал Роберт Клайв отбил город у индийцев, ответный поход окончился неудачей, а через год Сирадж-уд-Даул попытался объединиться с французами, точнее, французской Ост-Индской компанией, которая начала войну против англичан за колониальные владения в Индии. Это был такой локальный отголосок Семилетней войны. В 1757 году в битве при Плесси войска Британской Ост-Индской компании во главе с Робертом Клайвом разбила индийские войска, с этого дня началось шествие Компании по всей Индии.

На место бенгальского наваба англичане посадили лояльного им человека, причем ходили слухи, что Роберт Клайв взял за это с него крупную сумму. Новый наваб официально уступил англичанам право подоходного сбора, через год они получили уже от делийского императора право взимать и поземельную подать. В 1764 году английские войска разбивают индийцев в битве при Буксаре, делийский император Шах-Алам явился с повинной в английский лагерь. Был подписан унижительный для императора Аллахабадский договор, согласно которому Компания получила 400 тысяч квадратных километров на востоке Индии, дивани – право на правление Бенгалией, Бихаром и Ориссой, полный контроль над навабством Бенгалия и конфисковала бенгальскую казну. Англичане захватили ценностей на колоссальную сумму – 5 миллионов 200 тысяч фунтов стерлингов. И главное, в 1765 году Бенгалия досталась Клайву в полную и вечную собственность, то есть буквально в его частную собственность. Он до конца жизни получал ренту за Бенгалию. Клайв стал английским губернатором Бенгала и на этом посту добился многого: отбил нападение делийского принца, отобрал Мадрас у французских конкурентов, поставил под контроль Хайдерабадское княжество, которое оставалось формально независимым, но без консультации с англичанами там не принималось ни одно решение. Клайв окончательно выгнал из Индии голландцев, которые тоже было попытались там немного поколонизировать.

Такая же жесткая экспансия шла и вокруг остальных баз Компании в Бомбее и Мадрасе. Компания почувствовала вкус победы и возможность наживы и принялась захватывать и ставить под полный колониальный контроль индийские государства. Четыре англо-майсурские войны за Майсур 1766–1799 годов и англо-маратхские войны за центральную часть Индии 1772–1818 годов привели к тому, что Компания фактически подчинила себе Индию. То есть элита, конечно, сохраняла свои посты, владения и даже доходы, и Компания признавала их «туземные государства». Но влиять уже ни на что махараджи, наибы, императоры и султаны не могли. Вариантов у них было немного. Первый – просто потерять все, что они имели. Пример Бенгальского наваба весьма наглядно демонстрировал, что это может случиться быстро и легко. Поэтому обычно все соглашались на подписание субсидиарного договора. Местные правители передавали Компании ведение иностранных дел, брали на себя обязательства оплачивать содержание армии Компании и британского чиновника при своем дворе. Любые споры с соседними княжествами подписант мог решать только при посредничестве Компании, было запрещено брать на службу европейцев без разрешения Компании, обычно часть территорий становилась подконтрольна Компании.

В каждом захваченном регионе Компания становилась реальной властью, она собирала налоги, контролировала деятельность местных чиновников, и повторялась примененная в Бенгалии схема: урожай крестьян скупался за год вперед по минимальным ценам, ремесленники прикреплялись к факториям, где за труд им платили гроши. При этом выросшие налоги разоряли население. И, например, во время голода в Бенгалии в 1769–1770 годах умерли от 7 до 10 миллионов человек. И тут все взаимосвязано, потому что как раз незадолго до этого, в 1767 году, английское государство обязало Компанию ежегодно выплачивать министерству финансов 400 тысяч фунтов стерлингов. В итоге из-за голода и разорения Бенгалии Компания оказалась на грани банкротства, ей дали заем, но взамен в 1773 году парламент принял билль премьер-министра Норта, вошедший в историю как Акт о регулировании. Государство обязало совет директоров Компании регулярно отчитываться перед министерствами финансов и иностранных дел.

На посты троих из четырех советников калькуттского генерал-губернатора были назначены государственные чиновники. Причем ставленники правительства попытались забрать себе большую часть

полномочий. Во всяком случае, именно из-за этого возник конфликт в Бенгалии между генерал-губернатором Хейстингсом и его советником Фрэнсисом, который был ставленником правительства. Последний считал, что у Компании нужно отобрать политическую власть и провозгласить суверенитет над английскими владениями в Индии. С другой стороны, этот конфликт показал, насколько представители Компании лучше понимали местные реалии, нежели присланные из Лондона чиновники. Генерал-губернатор предлагал использовать систему, заложенную еще Великими Моголами, когда крестьяне владели небольшими участками земли. Но в итоге решили согласиться на предложение лондонских советников, у крестьян отобрали все старые права, сведя их к положению арендаторов, а собственниками земли остались только заминдары – крупные частные собственники, нередко связанные с самой Компанией. Кстати, именно такая несправедливая система землевладения в итоге стала одной из причин восстания сипаев в середине 19 века.

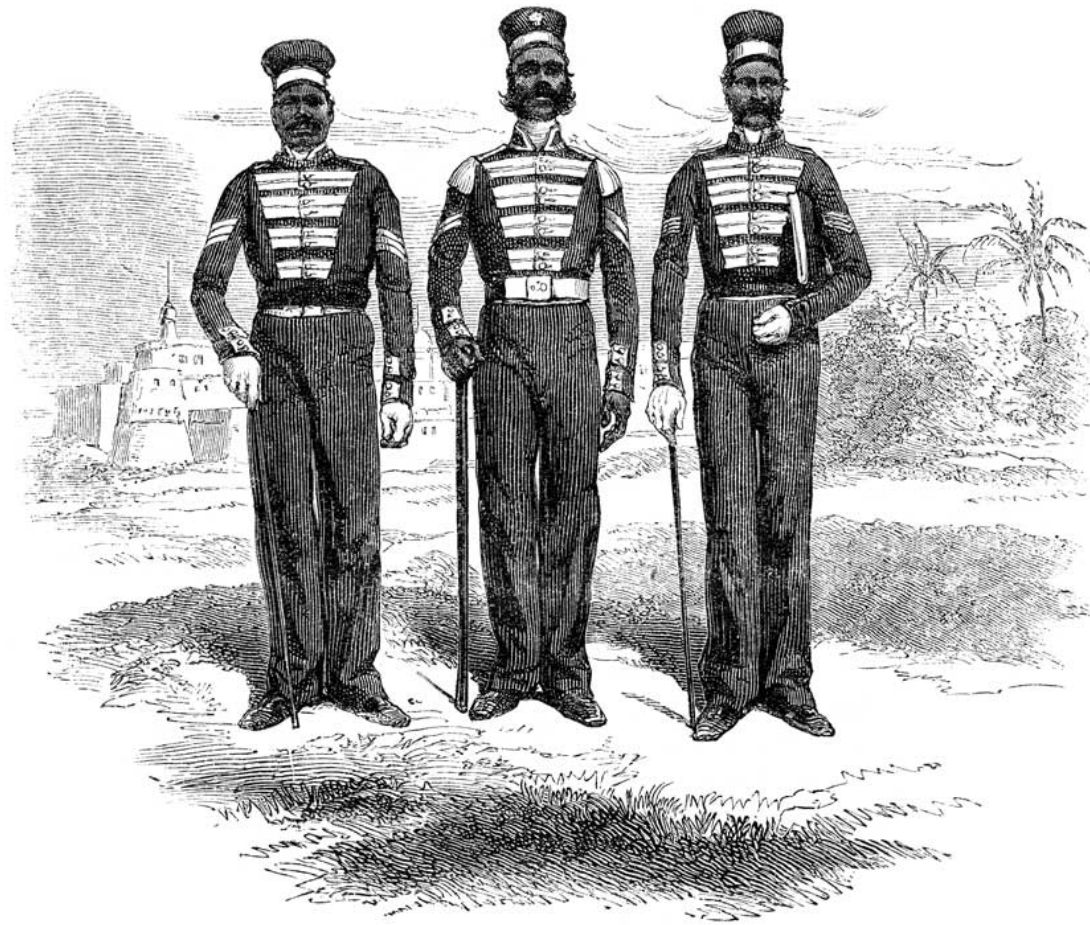
И государство постепенно, год за годом, все сильнее подбиралось к богатеющей Ост-Индской компании. В 1784 году был принят акт Питта, согласно которому учредили правительственный контрольный совет по делам Индии и генерал-губернатор стал наконец представлять именно государство. Владения компании в Индии и она сама передавались британскому Контрольному совету. Но Компания сохранила полную независимость в сфере торговли, и даже ее формальное подчинение Лондону мало на что повлияло. Это по-прежнему была частная корпорация, только теперь она оказалась чуть больше «под крышей» государства, а все принятые акты лишь усилили слияние чиновников и бизнеса.

Тем более что сам факт присутствия в качестве генерал-губернатора официального чиновника на ход захвата Индии не влиял. Разве что только ускорил его, потому что Компания фактически олицетворяла всю Империю. С конца 18 века, начав с Бенгалии, к середине века 19-го англичане подчинили себе последовательно Кочин, Джайпур, Траванкур, Хайдарабад, Майсур, княжества на северо-западе Индии, центральноиндийские княжества Гуджарат и Синд. К середине 19 века англичане полностью подчинили Панджаб и Северо-Западную границу, это нынешняя граница Пакистана и Афганистана.

Важную роль в захвате Индии играли войска Ост-Индской компании. Сначала англичане воевали традиционно – экспедиционным колониальным корпусом. Но вскоре они стали

нанимать на службу и обучать местных жителей, так, уже в 1757 году, когда англичане громили Сираджа-уд-Даула, в английском отряде было 2000 местных наемников. Но по-настоящему формирование войска Компании началось в 1772 году генерал-губернатором Уорреном Хейстингсом. Он как раз сделал основой армии индийских наемников, сипаев. Слово «сипай» происходит от персидского «сипахи» – солдат. Структура войск Компании была такова: старшие офицерские должности обычно занимали англичане, младший состав и рядовой – туземцы. При этом в Индии под контролем Компании оставались и собственно британские подразделения. Так, на 1796 год войска Компании насчитывали 70 тысяч, из них как таковых британцев 13 тысяч, а еще 57 тысяч сипаев. Для туземных подразделений была сформирована отдельная иерархия унтер-офицерских чинов. Сипай соответствовал рядовому британской армии, выше шли ланс-наик, наик и хавильдар в пехоте или ланс-дафадар-стажер, ланс-дафадар и дафадар в кавалерии – то же самое, что сержант, капрал и ефрейтор. Кстати, эти же названия до сих пор используются в индийских и пакистанских наземных войсках.

Пик численности войск Компании был достигнут в 1806 году – ее частная армия состояла из 158 500 человек. Из них сипаев было 134 тысячи. На тот момент вооруженные силы Британской Ост-Индской компании превосходили по численности собственно королевские войска и любую европейскую армию, кроме русской. Офицеры обучались в военной академии Компании в Аддискомбе в графстве Суррей, где изучали не только военное дело, но и язык хиндустани, механику и математику. И было чего ради содержать такую армию и вкладывать миллионы в ее боеготовность.

Сипаи

Все было ради прибыли и ради влияния Англии в Южной Азии. Компания была не просто богата, а сверхбогата. Она шокировала и восхищала размахом деятельности. На Темзе стояли огромные Ост-Индские доки, именно там разгружали хлопок, специи, краски, чай, драгоценности, шелка. Работать в Компании было невероятно престижным и прибыльным делом. За 10–15 лет службы в Индии люди сколачивали огромные состояния. По возвращении они строили себе шикарные особняки, нередко в индийском стиле, заводили поместья, привозили с собой индийскую прислугу. Возникла новая генерация англичан – родившихся и выросших в индийской колонии. Эти «британские индийцы» стали особой социальной прослойкой, они на самом деле внесли огромный вклад в английскую историю, культуру, военное дело. Среди них, например, Редьярд Киплинг, родившийся в Бомбее и большую часть своего творчества посвятивший именно Британской Индии.

В то время, когда Британия стала закрепляться в Индии, то есть в середине 18 века, на долю Индии приходилось порядка 27 % мирового ВВП. Это была вторая после Китая по богатству страна на планете. К тому моменту, когда Британскую империю стали именовать «мастерской мира», когда она стала самым влиятельным государством в мире, доля Индии составляла 1,5 %. При этом разрушение традиционных ремесел и деградация земледелия привели к гибели от голода до 40 миллионов индийцев. Англичане с помощью Ост-Индской компании высосали из Индии все, что могли. Индия стала одним из главных источников британского экономического, политического чуда 19 века. Без Индии не было бы ни имперского величия, ни промышленной революции в Англии, не создалась бы английская банковская система в том виде, в котором мы ее знаем. И недаром Индию называли жемчужиной в короне Британской империи. И, собственно говоря, после того, как Британия дала независимость Индии в 1947 году, империя тут же перестала существовать. Вся мощь Британской империи – это была Индия. Поэтому весь 18 и 19 века англичане воспринимали практически всю политику на евроазиатском континенте через призму обороны Индии. Именно поэтому они так внимательно следили за тем, что происходило в Османской империи, на Кавказе, на Балканах, в Персии и в Афганистане. Именно поэтому англичане с таким напряжением смотрели, как разрастается, усиливается и становится все более уверенной в себе Российская империя.

Хотя после инцидента с уничтожением персидских кораблей, построенных англичанами на Каспии, отношения Англии и России до конца 18 века были вполне дружественными. Не союзническими, каждая сторона уже отлично понимала, что можно ждать от «партнера», но и до открытого конфликта дело не доходило. Ссориться с русскими англичане не хотели. Британская империя обладала, безусловно, сильнейшим флотом в мире. И военным, и торговым. Но также всем было ясно, что без сухопутной операции русских победить невозможно, а воевать с русскими – это не то же самое, что разгонять туземные армии в Индостане. Промышленный потенциал Британской империи был куда выше, экономика была мощнее, чем в Российской империи. Но английская экономика весьма сильно зависела от русской торговли. В третьей четверти 18 века в русские порты ежегодно прибывало от 600 до 700 английских торговых судов.

Поэтому отношения двух держав в конце 18 века строились в форме этакое дружелюбного недоверия. Об отношениях с Англией в эпоху Екатерины II очень емко сказал историк Сергей Соловьев:

«Содержанием отношений с Англиею по-прежнему были бесплодные толки о союзе. Делали друг другу взаимные комплименты: Панин (Никита Панин – фактический глава русской внешней политики в первой половине правления Екатерины Второй. – Прим. авт.) в заметках своих для императрицы называл англичан торгошами, лавочниками; новый английский посланник Макартней, жалуясь на медленность переговоров, писал своему министерству, что не может быть иначе в стране, где все дело ведется в лавках, величаемых коллегиями, и мелкими купцами, которых угодно называть членами комиссий. Это относительно торгового договора; что же касается политического союза, то Макартней нашел другого противника уже не в членах русских комиссий; он писал: “Король прусский не желает, чтоб русский двор имел других союзников, кроме него”»^[23].

Договор о мире, дружбе и взаимной торговле граф Панин и английский посланник Джордж Маккартни в июле 1766 года в итоге подписали. Никита Панин, правда, хотел пойти дальше и создать «Северный аккорд» – союз всех северных держав, который был мало возможен, потому что Англия не могла быть союзником Саксонии из-за противоположных интересов. И кроме того, в Лондоне хотели оказывать России помощь в случае войны с Османской империей. А Панин пытался включить и такой пункт в договор. Ослабить турок руками русских, впрочем, были всегда рады, и поэтому Англия в ходе Русско-турецкой войны 1768–1774 годов занимала позицию дружественного России нейтралитета.

Когда Екатерина II приняла решение отправить в ходе войны в Восточное Средиземноморье русскую эскадру, то о возможной английской поддержке она написала вполне определенно:

«Об Англии справедливо можем мы сказать, что она нам прямо доброжелательна, и одна из дружественных наших держав, потому что политические наши виды и интересы весьма тесно между собой связаны и одним путем к одинаковой цели идут. Кроме того, имеем мы с великобританской короной трактат дружбы и коммерции, которым взаимная наша навигация в землях и владениях обеих сторон поставлена в совершенной свободе. Довольно, кажется, было бы сих двух оснований к удостоверению нашему, что порты его британского величества будут отверсты эскадре нашей;

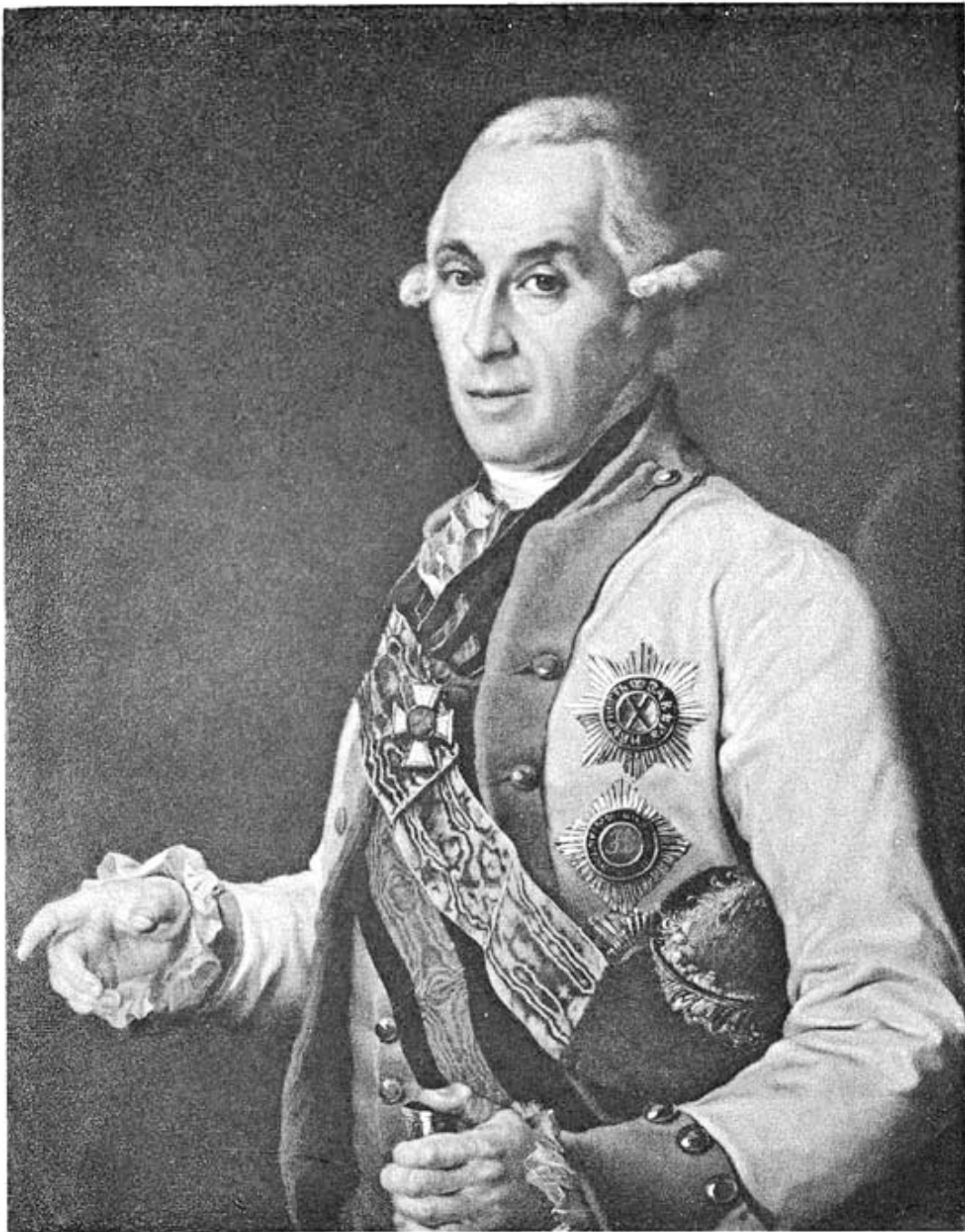
но и затем еще, начиная экспедиции наши в Средиземное море, изъяснились мы откровенно чрез посла нашего с королем великобританским и получили уверение, что дружественные, и как таковые снабжаемы всякой, по востребованию обстоятельств, нужной помощью»^[24].

И кстати, английские послы в европейских столицах тогда заявили, что попытка воспрепятствовать проходу русской эскадры будет рассмотрена как акт, враждебный Британии. Англия предоставила свои порты для базирования и ремонта русских кораблей. В ходе Русско-турецких войн 1768–1774 годов и 1787–1791 годов Англия активно продавала в Россию оружие, строила по русскому заказу военные корабли. Да и английские офицеры охотно нанимались на русскую службу. Многие стали известны и прославили и себя, и Россию великими победами.

Вот, например, судьба адмирала Самуила Карловича Грейга. Он родился 30 ноября 1736 года, его отец был капитаном торгового судна, сам он тоже стал моряком. Ему было всего 14 лет, когда он стал волонтером военно-морского флота Великобритании. Во время Семилетней войны он уже был помощником капитана, участвовал в морских сражениях, в 1761 году стал лейтенантом флота. Он оказался в России, когда правительство Екатерины Второй принялось модернизировать флот и обратилось к Лондону с просьбой прислать нескольких боевых офицеров, чтобы те помогли в этом начинании. Состоянием русского флота, точнее, боевой подготовки, императрица весьма недовольна, в одном из писем она сообщала:

«У нас в излишестве кораблей и людей, но у нас нет ни флота, ни моряков. В ту минуту, когда я подняла штандарт и корабли стали проходить и салютовать, два из них погибли было по оплошности их капитанов, из которых один попал кормою в оснастку другого, и это во сте, быть может, тузах от моей яхты; добрый час они возились, чтоб высвободить свои борта, что наконец им и удалось, к великому ущербу их мачт и оснастки. Потом адмиралу хотелось, чтоб они выровнялись в линию; но ни один корабль не мог этого исполнить, хотя погода была превосходная. Наконец, в 5 часов после обеда приблизились к берегу для бомбардирования так называемого города. Впереди поместили одну бомбардирскую лодку и когда хотели поставить около нее другую, то с трудом успели такую найти, потому что никто не держался в линию. До 9 часов вечера стреляли бомбами и ядрами,

которые не попадали в цель. Сам адмирал был чрезвычайно огорчен таким ничтожеством и признается, что все выставленное на смотр было из рук вон плохо. Надобно сознаться, что корабли походили на флот, выходящий каждый год из Голландии для ловли сельдей, а не на военный»^[25].

Пис. Левицкий

Peint par Lezlie

*Самуилъ Карловичъ Samuel Karlovitch
Грейгъ, Greigh,
1736 — 1788 1736 — 1788*

Адмирал Самуил Грейг

И вот попавший на русский флот Грейг в 1764 году получил звание капитана первого ранга. Он командовал кораблями Балтийского флота, а в 1770 году Грейг возглавил один из отрядов,

входивших в эскадру, отправленную в Средиземное море. В Хиосском сражении Грейг командовал центром эскадры. В бою он проявил подлинный героизм и был немедленно возведен графом Орловым в звание адмирала. В 1772 году руководил морской атакой на Чесменскую крепость, а потом и сам стал командовать русской эскадрой в Средиземном море.

В 1775 году Грейг стал губернатором Кронштадта, через три года разгромил шведский флот в Гогландском сражении. Но вскоре умер от тифа. Самуил Грейг был не просто флотоводцем, он был и реформатором русского флота: под его руководством были усовершенствованы конструкции корпусов кораблей, впервые в практике русского флота была обшита медными листами подводная часть корабля, что значительно улучшило его ходовые качества.

В годы русско-турецких войн англичане помогли Российской империи в переоснащении оружейной промышленности. Русские дипломаты смогли уговорить английских инженеров поехать на работу в Петербург, они установили там новейшие английские воздухоудные машины, сверлильные станки, которые фактически украли, покидая Англию. Человека, который сделал это и поднял на совершенно новый уровень производство пушек в России, звали Чарльз Гаскойн, или по-русски Карл Карлович Гаскойн. На заводах, руководимых Гаскойном, брак орудийных стволов никогда не превышал 4 %. Он стал действительным статским советником, но получал жалованье выше генералов русской армии. Между прочим, именно Гаскойн основал чугунолитейные заводы в Кронштадте и Луганске и Механический завод в Петербурге. Его биография могла бы стать основой приключенческого фильма. Гаскойна незаслуженно забыли после революции, а в 1930-е годы была уничтожена и его могила.

В 1793 году Российская империя начала подготовку к военной операции, которая могла бы изменить ход мировой истории. Черноморский флот был усилен, в Херсон прибыл новый главнокомандующий граф А. В. Суворов, а на Санкт-Петербургском монетном дворе мастер Тимофей Иванов тайно чеканил медали, на одной стороне которых была изображена Екатерина II, а на другой – горящий Константинополь, падающий минарет с полумесяцем и сияющий в облаках крест. Российская империя решила захватить проливы Босфор и Дарданеллы. Это сейчас они открыты для русских кораблей, а тогда турки держали русский флот взаперти. Но весной 1793 года в Польше началось восстание, и Екатерина была

вынуждена отказаться от похода на Стамбул. Однако от этих планов императрица не отказалась. Новую операцию по расчленению Османской империи запланировали на 1797 год. План был таков: отряд графа Зубова должен был через Персию пройти в турецкую Анатолию. Суворов с армией направился бы в Турцию через Балканы, а вице-адмирал Ушаков атаковал бы Стамбул с моря, с пролива Босфор.

Но 6 ноября 1796 года Екатерина Великая умерла, и на престол взошел Павел I. Он прекратил подготовку к Стамбульской операции и вообще первые месяцы своего правления вел крайне осторожную внешнюю политику: не вмешивался в европейские дела, лишь наблюдая за ними. А в Европе уже разгорался пожар. Французская армия под командованием Наполеона Бонапарта вторглась в Италию, громя австрийские корпуса и армии. Французы заняли Венецию, острова Средиземного моря, затем захватили Мальту, а позже французская армия высадилась в Египте, оккупировав его после быстрого разгрома турецких войск.

В начинавшейся на континенте войне Павел I выступил против французов на стороне Англии, которая, конечно, не могла допустить такого усиления своего давнего соперника Франции. Хотя объективно Россия от участия в войне ничего не приобретала. По сути, Павел предоставил Британии русских солдат в качестве пушечного мяса. 29 декабря 1798 года в Петербурге был подписан русско-английский договор, согласно которому Россия обязывалась направить в Европу для военных действий против Франции 45-тысячную армию, а Англия со своей стороны соглашалась предоставить единовременную денежную субсидию в 225 тысяч фунтов стерлингов плюс ежемесячные выплаты в размере 75 тысяч. Именно тогда русская армия совершила свой знаменитый поход по Европе под командованием Суворова и отчаянный переход через Альпы.

Другой русский экспедиционный корпус был высажен в Голландии, где потерпел сокрушительное поражение. Правда, в итоге Англия заполучила весь голландский флот, а России не досталось ничего. Как не досталось ничего и в случае с Мальтой. Павел I был уверен, что остров достанется русским. Ведь он, Павел, был гроссмейстером Мальтийского ордена, остров он совершенно всерьез намеревался сделать российской губернией, а в перспективе одной из баз российского флота на Средиземном море. Но англичане

не только не отдали остров союзникам, но и сделали его своей колонией.

Постепенно Павел осознал всю глупость затеянной им военной авантюры. А Наполеон тем временем вернулся во Францию, бросив свои войска в Египте, и стал первым консулом Франции – фактически диктатором с огромными полномочиями. И как ни странно, он заговорил о необходимости мира с Россией. Он пишет министру Талейрану в январе 1800 года: *«Мы не требуем от прусского короля ни армии, ни союза; мы просим его оказать лишь одну услугу – примирить нас с Россией»*. Примерно такая же мысль о союзе с Францией пришла в голову и разобитого на англичан русского императора. На донесении, полученном 28 января 1800 года от русского посланника в Берлине, где сообщалось о попытках французов установить контакт, Павел пишет: *«Что касается сближения с Францией, то я бы ничего лучшего не желал, как видеть ее прибегающей ко мне, в особенности как противовесу Австрии»*.

24 августа начинается блокада Англии со стороны России. Британцы захватили несколько датских торговых судов, которые шли в Санкт-Петербург. В ответ Павел выпустил указ: *«Уведомясь, что английское правительство в нарушение общих народных прав дозволило себе насильственным образом обидеть датский флаг заарестованием купеческих их кораблей, шедших под прикрытием датского военного фрегата; таковое покушение приемля Мы в виде оскорбления, самим нам сделанного, и обеспечивая собственную нашу торговлю от подобных сему наглостей, повелеваем: все суда, английской державе принадлежащие, во всех портах Нашей империи арестовать и на все конторы английские и на все капиталы, англичанам принадлежащие, наложить запрещение; а каким образом в сем поступить, имейте снести с президентом коммерц-коллегии князем Гагариным»*.

ПАВЕЛЪ ПЕРВЫЙ
П. ПЕРВЫЙ

PAUL PREMIER
PAUL PREMIER

Павел Первый

Британцы отпустили датские корабли, Павел остыл и указ отменил, но еще через два месяца он окончательно порвал отношения с Лондоном. 23 октября 1800 год был наложен «секвестр на все английские суда, в российских портах находящиеся», заодно

император приказал наложить запрет на продажу английских товаров и остановить долговые платежи англичанам, он распорядился назначить комиссаров для ликвидации долговых расчетов между русскими и английскими купцами. Уже 19 ноября вышло общее предписание о том, чтобы «впредь до особого повеления не впускать в Россию никаких английских товаров». Это экономическая война, и в Лондоне понимали катастрофические для британцев последствия куда лучше, чем, видимо, сам Павел. В декабре 1800 года Россия подписывает вместе с Пруссией, Швецией и Данией договоры, возобновлявшие в более широких размерах систему вооруженного нейтралитета 1780 года, а в декабре русский император написал Бонапарту, предложив принцип невмешательства: *«Я не говорю и не хочу пререкаться ни о правах человека, ни о принципах различных правительств, установленных в каждой стране. Постараемся вернуть миру спокойствие и тишину, в которой он так нуждается»*^[26].

И Наполеон Бонапарт соглашается. Видимо, первым из европейских монархов он понимает, что союз с Россией, настоящий союз, выгоднее любой войны и может сделать того, кто в этот союз вступит, главным игроком на европейском политическом поле. Впрочем, это ясно и в Лондоне, где решают не допустить франко-русского союза. Потому что речь идет ни много ни мало о существовании Британской империи. Наполеон освобождает 6000 русских пленных, взятых во время Швейцарского похода Суворова и других операций в Европе, причем без всяких условий. Солдаты идут домой в полной униформе, с оружием и знаменами.

А Павел наносит по Англии новый удар. 18 февраля 1801 года он запрещает вывоз из России жизненно важных для англичан товаров: такелажной пеньки, древесины для корабельных мачт и палубного теса, смолы для пропитки швов. «...Чтобы со стороны коммерц-коллегии приняты были меры, дабы пенька, от российских портов ни под каким видом и ни через какую нацию не была отпускаема и переводима в Англию, а потому и должно принять предосторожность, чтобы комиссии, даваемые от англичан по сей части купечеству и конторам других наций, не имели никакого действия; российскому же купечеству объявить, что ежели таковой перевод, под каким бы то предлогом ни было, открыт будет, то все количество сего товара будет описано и конфисковано в казну без всякого им платежа».

Историки традиционно объясняют эти постановления якобы безумием Павла I. Хотя все, что он делал, происходило в логике экономического удушения обидевших его англичан. Ведь одновременно Россия возобновила свою торговлю с Францией. Французским пиратам и военным запретили нападать на русские корабли. «Вследствие мер, принятых со стороны Франции к безопасности и охранению российских кораблей, повелеваем сношения с сею державою разрешить и прежде положенные на сие запрещения отменить».

Конечно, англичане не сидели сложа руки. Как только союзники сколотили антианглийский блок, Лондон отдает приказ захватывать все корабли, принадлежащие балтийским государствам, вступившим в союз с Россией. В ответ на это Дания захватила Гамбург, а Пруссия Ганновер – территории, которые традиционно контролировала Англия.

Но это в целом были не самые тревожные для Лондона звоночки. Куда хуже было то, что Павел I всерьез решил отобрать у них Индию. Вообще налаживание связей с Азией было одной из целей русского императора и до этого. Он искренне хотел наладить несколько подпорченные в царствование Петра I отношения с Хивой. При Павле были созданы или усилены Астраханская, Кизлярская, Моздокская и Троицкая таможни. Вдоль торгового пути из столицы империи через Нижний Новгород в Оренбург и далее в Бухару и Хиву создавались новые торговые конторы. Но теперь Павел решает отправить войска через Среднюю Азию, чтобы ударить в самое сердце Британской империи.

12 января 1801 года Павел отправил к атаману Войска Донского, генералу от кавалерии Орлову, несколько рескриптов. В первом из них государь писал:

«Англичане приготовляются сделать нападение флотом и войском на меня и на союзников моих – шведов и датчан. Я и готов их принять, но нужно их самих атаковать и там, где удар им может быть чувствителен, и где меньше ожидают. Заведении их в Индии самое лучшее для сего. От нас ходу до Индии от Оренбурга месяца три, да от вас туда месяц, а всего месяца четыре. Поручаю всю сию экспедицию вам и войску вашему, Василий Петрович. Соберитесь вы со оным и вступите в поход к Оренбургу, откуда любую из трех дорог или и всеми пойдите, и с артиллериею, прямо через Бухарию и Хиву на реку Индус и на заведении английския, по ней лежащия. Войска того края, их таковаго же рода, как ваше, и

так, имея артиллерию, вы имеете полный авантаж. Приготовьте все к походу. Пошлите своих лазутчиков приготовить или осмотреть дороги; все богатство Индии будет вам за сию экспедицию наградою. Соберите войско к задним станциям и тогда уведоьте меня, ожидайте повеления итти к Оренбургу, куда пришед опять ожидайте другого – итти далее. Такое предприятие увенчает вас всех славою, заслужит, по мере заслуги, мое особое благоволение, приобретет богатства и торговлю и поразит неприятеля в его сердце. Здесь прилагаю карты, сколько у меня их есть. Бог вас благослови.

Есмь ваш благосклонной, Павел»^[27].

В следующем рескрипте, от 12 января, император уточняет задачу экспедиционному корпусу:

«Индия, куда вы назначаетесь, управляется одним главным владельцем и многими малыми. Англичане имеют у них свои заведения торговая, приобретенная или деньгами, или оружием, то и цель все сие разорить и угнетенных владельцев освободить и ласкою привести России в ту же зависимость, в какой они у англичан, и торг обратить к нам. Сие вам в исполнение поручая, пребываю вам благосклонным. Павел».

И на следующий день Павел снова шлет письмо казачьему атаману.

«Василий Петрович. Посылаю вам подробную и новую карту всей Индии. Помните, что вам дело до англичан только и мир со всеми теми, кто не будет им помогать; и так, проходя их, уверяйте о дружбе России и идите от Инда на Гангес, и так на англичан. Мимоходом утвердите Бухарин, чтоб китайцам не досталась. В Хиве высвободите столько-то тысяч наших пленных подданных. Если бы нужна была пехота, то вслед за вами, а не инако, прислать будет можно. Но лучше, кабы вы то одни собою сделали.

Вам благосклонной. Павел»^[28].

Генерал Василий Петрович Орлов, герой русско-турецких войн, участник штурма Измаила, к выполнению высочайшего повеления приступил «со всевозможною поспешностию». В поход выступили всего 22 507 человек при 14 орудиях. Все полки разделены были на четыре эшелона, из которых первым, в составе 13 полков, командовал генерал-майор Платов, будущий герой войны 1812 года. Его для этого похода освободили из Петропавловской крепости, где он сидел, будучи заподозренным Павлом в каком-то заговоре.

Уже 1 марта генерал Орлов донес государю, что полки *«со всех пунктов выступили в поход минувшего февраля 27-го и 28-го чисел, и продолжать буду марши от 30 до 40 верст в сутки»*. Конец февраля, очевидно, не самое удобное время для военных походов – в Донских степях, где шли казаки, бушевали метели, стоял мороз, и передвигаться было крайне трудно. Артиллерия вообще еле двигалась. А из-за раннего вскрытия рек приходилось часто изменять маршрут, вследствие чего казаки по несколько дней не получали продовольствие и фураж. На самом деле экспедиция была плохо подготовлена, центральноазиатских эмиров и ханов никто не предупредил, и вряд ли казаки смогли бы пройти по их землям без боев. Казаки шли без заготовления продовольствия, без обоза, без лазаретов и даже без маршрутов. Этому авантюрному походу предшествовала переписка Павла с Наполеоном. 9 декабря 1800 года первый консул писал: *«Я желаю видеть скорый и неизменный союз двух могущественнейших наций в мире... ибо, когда Англия, император Германии и все другия державы убедятся, что как волю, так и руки наших двух великих наций стремятся к достижению одной цели, оружие выпадет у них из рук, и современное поколение будет благословлять ваше императорское величество, как избавителя от ужасов войны и раздоров партий»*.

Ответ Павла от 2 января 1801 года был положительным: *«Несомненно, что две великия державы, вошедшия в соглашение между собою, повлияют на остальную Европу самым положительным образом, и я готов это исполнить»*. Он посылает Наполеону еще одно письмо, практически тут же, сообщая об угрозе со стороны Англии. *«Не мне указывать вам, что вам следует делать, но я не могу не предложить, нельзя ли предпринять или, по крайней мере, произвести что-нибудь на берегах Англии; подобные действия, произведенныя в то время, когда она видит себя изолированную, могли бы заставить ее раскаяться в своем деспотизме и в своем высокомерии. Прошу вас принять в соображение то, что я вам предлагаю и указываю»*^[29].

Французы также должны были ударить по Британской Индии совместно с русскими казаками. Командование французским корпусом было поручено генералу Массена. Он должен был взять вверенный ему корпус, спуститься с ним на судах по Дунаю до Измаила, пересечь Черное и Азовское моря и войти в Таганрог. Дальше – марш через Южную Россию, по Каспийскому морю из Астрахани в персидский порт Астрабад. Все перемещение из

Франции в Астрабад по предварительным подсчетам должно было занять восемьдесят дней. Следующие пятьдесят дней должны были уйти на поход через Кандагар и Герат, и планировалось, что к сентябрю того же года объединенный отряд достигнет Индии.

Павел, правда, отправил казаков, не дожидаясь прибытия французского корпуса. И вообще, он был в той ситуации слишком самоуверен – чего стоит только вот это распоряжение Платову: *«Мимоходом утвердите Бухарин, чтоб китайцам не досталась»*, то есть по пути в Индию еще и Бухару захватить. Известие о походе заставило Лондон содрогнуться. Франция и Россия с союзниками и так поставили Англию в сложное положение, по сути, речь шла об общеевропейской блокаде. Кроме всего прочего, Павел ведь запретил поставлять в Англию русское зерно, затянься блокада еще на месяцев шесть-восемь, и британцам пришлось бы туго. Из-за блокады стало трудно продавать вывезенные из колоний товары. А за три года до этого в Ирландии произошло восстание против английского владычества, которое подавили с особой жестокостью. Одним словом, страну и так лихорадило, без русских авантур с походом на Индию. Политический кризис в итоге привел к отставке кабинета английского премьера Уильяма Питта Младшего 2 февраля 1801 года.

И трудно сказать, чем закончилось бы дело, если бы 12 марта 1801 года император Павел I не был убит заговорщиками в Михайловском замке. События той ночи были долгое время в Российской империи засекречены, официально считалось, что государь скончался от апоплексического удара, впрочем, в народе обычно к этим словам иронично добавляли сочетание «табакеркой в висок». То есть и до 1905 года, когда официально признали, что Павла убили заговорщики, в числе которых был его сын, расправа над Павлом не являлась ни для кого секретом. И почти сразу после смерти императора по столице поползли слухи, что к смерти Павла, к дворцовому перевороту были причастны англичане и англофильское лобби при дворе. И косвенных доказательств тому есть множество. Прежде всего, сообщения о смерти Павла I стали появляться в английских газетах задолго до смерти. Еще чаще писали о безумии русского императора. То есть, выражаясь современным языком, была проведена информационная подготовка. Как, например, перед нападением на Ирак в 2003 году американские СМИ несколько месяцев убеждали граждан США, что у Саддама Хусейна может быть оружие массового поражения и поэтому Америка просто

вынуждена начать военную операцию. Или в начале гражданской войны в Сирии все западные СМИ в один голос твердили, что никто в стране, кроме кучки оппозиционеров, не поддерживает режим Башара Асада и поэтому цветной переворот в стране – это благо, а возможное вторжение сил НАТО или просто США и союзников – тем более.

Англичанам было на кого опереться в России – среди дворянства Павел снискал дурную славу. Его не любили, его реформы ненавидели, его считали сумасшедшим. Подробный разбор неоднозначного правления Павла не является предметом этой работы. Все желающие могут без труда прочитать о том, сколько бестолковых и абсурдных решений было принято им и в то же время сколько пользы он принес России. Поскольку Британия была главным внешнеэкономическим партнером России, блокада торговли, введенная Павлом, означала колоссальные убытки для русских помещиков. А кто же были крупнейшими землевладельцами? Церковь и дворяне. Высший класс в России, как часто бывало в подобных ситуациях, оказался в национальном смысле совершенно дезориентированным. Потеря прибыли – а она, конечно, маячила на горизонте, тем более что и англичане намеревались в ответ ввести блокаду русских портов, оказалась важнее интересов страны.

Важно, что инициатором заговора был дипломат, вице-канцлер Российской империи Никита Панин. Страстный искренний англоман, он считал русско-французский союз «постыдным делом» и активно работал против сближения Парижа и Петербурга. Он попал в опалу как раз в тот момент, когда коалиция Англии и России развалилась. Одновременно с этим из России был выслан английский посол Чарльз Уитворт. Павел писал русскому посланнику в Лондоне графу Воронцову:

«Имея давно уже причину быть недовольным поведением кавалера Витворта в теперешних обстоятельствах, когда нужны ... мир и согласие, дабы избежать неприятных следствий, какия могут произойти от пребывания при моем дворе лживых министров, желаю, дабы кавалер Витворт был отозван, о чем вы, сообщая аглицкому министру, требуйте назначения другого министра...»^[30].

Впрочем, и будучи высланным, Уитворт продолжал руководить заговором, находясь в Копенгагене. А заговор окончательно оформился в ноябре 1800 года, когда руководство в свои руки взял

граф Петр Пален, губернатор Петербурга и руководитель внешнеполитического ведомства в последние три месяца жизни императора. Огромную роль в заговоре играла и Ольга Жеребцова, сестра князя Платона Зубова, который был последним фаворитом Екатерины II. Жеребцову считали любовницей посла Уитворта. Ее близкий родственник князь Петр Лопухин рассказывал:

«Уитворт через посредство О. А. Жеребцовой был в сношениях с заговорщиками; в ее доме происходили сборища, через ее руки должна была пройти сумма, назначенная за убийство или по меньшей мере за отстранение императора Павла от престола... За несколько дней до 11 марта Жеребцова нашла более безопасным для себя уехать за границу и в Берлине ожидала исхода событий... Как только известие о кончине императора Павла дошло до Берлина, Жеребцова отправилась дальше, в Лондон. Там она получила от английского правительства сумму, соответствовавшую 2 млн руб. Эти деньги должны были быть распределены между заговорщиками, в особенности между теми, которые принимали участие в убийстве. Но Жеребцова предпочла удержать всю сумму за собою, будучи уверена, что никто не отважится требовать заслуженного вознаграждения»^[31].

Причем судя по тому, какими огромными суммами обладали заговорщики, финансирование могло исходить только из Лондона. Есть сведения, что за содействие в возвращении в Петербург опального семейства Зубовых, участников убийства, Пален дал взятку в 200 тысяч рублей – целое состояние. И очень важно посмотреть, что же сделал участник убийства Павла, его сын Александр I, сразу после того, как взшел на престол. Одним из первых указов царя, подписанных уже 12 числа, был рескрипт о прекращении казачьего похода на Индию. Фельдъегерь с пакетом для генерала Орлова догнал казаков 23 марта в селе Мечетном Саратовской губернии. Они только собирались выходить, что называется, на «оперативный простор», но именно в этот момент поход был прерван. Вероятно, трагическая смерть Павла, точнее, его убийство предотвратило неминуемую гибель 22 тысяч казаков. Они, конечно, были невероятно храбрыми и умелыми воинами, умели выживать в самых лютых условиях, но вряд ли они дошли хотя бы до афганской границы. Потому что непонятно, сколько схваток с хивинскими, бухарскими или туркменскими отрядами пришлось бы на долю казаков.

И вряд ли можно считать совпадением, что всего за три месяца до этого, 24 декабря 1800 года, в Париже было совершено покушение на Наполеона. Роялисты, сторонники свергнутых Бурбонов Жозеф Пьер Пико де Лимоэлан и Робино де Сен-Режан, взорвали бочонок с порохом, припрятанный в тележке на улице Сен-Никез, по которой Бонапарт следовал в карете в Оперу на премьеру оратории Гайдна «Сотворение мира». У первого консула и председателя Государственного совета Французской республики не было никаких сомнений в том, что за покушением стоят еще и англичане, во всяком случае он высказывался об этом вполне определенно. А узнав о случившемся в Санкт-Петербурге, Бонапарт заявил: *«Эти проклятые, бессовестные англичане! Они промахнулись по мне на улице Сен-Никез 3 нивоа, но они попали в мое сердце... там, в Михайловском замке Петербурга...»*^[32].

С приходом к власти Александра I союз с Парижем был разорван. Граф Пален как глава русской дипломатии по повелению императора сообщил находившемуся в продолжительном отпуске в Саутгемптоне бывшему посланнику в Лондоне С. Р. Воронцову 13 марта 1801 года, что *«петербургский кабинет, вернувшись отныне к своим принципам, некогда снискавшим ему всеобщее доверие Европы, готов сблизиться с сент-джемским кабинетом, чтобы восстановить между Россией и Великобританией единодушие и доброе согласие, которые всегда характеризовали отношения этих двух империй... Соболаговолите сделать британскому кабинету первые предложения относительно этого и одновременно дайте понять ему, что как только лондонский двор приступит к назначению представителя при нашем дворе, е.и.в. не замедлит со своей стороны ответить взаимностью на этот акт восстановленного доверия и снабдит вас, г-н граф, своими полномочиями»*^[33]. В письме особо подчеркивалось, что Петербург, *«желая видеть восстановленным доброе согласие между двумя странами, будет, разумеется, этому способствовать всеми средствами, которые он сочтет совместимыми с самой строгой справедливостью»*^[34].

Единственное, о чем попросил Александр, – это условие признания Англией принципов вооруженного нейтралитета, что на самом деле было крайне важно. Потому что зимой 1801 года, еще при жизни Павла, англичане перешли к решительным действиям. Флот адмирала Паркера, пройдя вдоль берегов Швеции, вошел в Балтийское море и подверг варварской бомбардировке Копенгаген.

Дальше флот направился к базе русского флота – Ревелю, правда, там они не решились атаковать корабли, находившиеся под прикрытием русских береговых батарей. А потом воевать надобность отпала. С помощью убийства Павла I англичане решили сразу несколько проблем: ликвидировали опасного, несговорчивого русского императора, сделали его сына Александра заложником этого убийства, потому что впоследствии Александр так и не смог оправиться от внутреннего ощущения, что он совершил страшный грех, и по большому счету до самой своей кончины он был глубоко надломленным человеком. И потом англичане использовали Александра как проводника своих интересов и политики. Но самое главное – им удалось устранить ставшую внезапно столь реальной угрозу Индии. Но внутренний страх того, что русские могут повторить поход к берегам Ганга, преследовал Лондон до самой русской революции 1917 года.

Глава 3

После незавершенного похода казаков на Индию английские политики еще долго приходили в себя. Степень ужаса, охватившего официальный и деловой Лондон, трудно представить. Все осложнялось еще и тем, что англичане отлично понимали две вещи. Во-первых, что русские действительно способны дойти до Индии. После суворовских рейдов по заснеженным Альпам ни у кого не было сомнений, что русский солдат обладает волей, упорством, храбростью и невероятной выносливостью. И даже расстояние в тысячи километров не являлось для русской армии серьезной преградой. Учитывая то, насколько расширились границы Российской империи всего за 200 лет, за 17 и 18 века, англичанам было нетрудно оценить потенциал русских военных, дипломатов, путешественников. Во-вторых, в Лондоне понимали, что Индия для русских – это не какая-то далекая, неизвестная земля, что пути в Индию русскими купцами неплохо изучены и что вообще-то от Астрахани или даже Москвы до Дели и Лахора куда ближе, чем от Лондона. И связи между странами были куда теснее, чем нам сегодня кажется.

Еще в 1532 году Бабур, основатель империи Великих Моголов, направил в Москву посла с предложением дружбы Великому князю Московскому. Пока посол добирался до русской столицы, Бабур умер и был похоронен в Кабуле. Впрочем, Великий князь Московский Василий III на предложение Бабура и так не согласился – просто не имел достаточно сведений о положении дел в Индии.

Постоянные и плодотворные торговые отношения между русскими и индийскими купцами сначала были установлены через Центральную Азию, это произошло, когда в Астрахани появилась колония купцов из Индии. И ездили они туда довольно регулярно. Причем часто индийские торговцы добирались и до Казани, и до Нижнего Новгорода. Во всяком случае, уже в 1638 году казанский воевода И. В. Морозов сообщал в столицу о приезде в Казань персидских и индийских купцов и отправлял царю роспись, то есть список, привезенных ими даров и товаров.

«В нынешнем, государь, во 146-м году августа в 2 день писали к нам, холопом твоим, из Астарахани окольничей и воеводы Федор Васильевич Волынской с товарищи. – По твоему государеву указу отпустили де они из Астарахани к тебе, государю, к Москве

персического шах-Софиева купчину Бежим-бека с шаховыми товары, а с ним шаховых и его купчинных людей 35 человек. ...

Да с шах-Софиевым же, государь, купчиною приехали в Казань индейцы торговые люди Моллачко да Кишнячко, а нам, холопом твоим, подали в твоей государеве съезжей полате астраханскую проезжую грамоту, а в проезжей их грамоте написано, что они отпущены с товары. ... И те купчинины росписи даром и товаром и индейцов товаром послали к тебе, государю, под сею отпискою с казанцом сыном боярским... (Оставлено место для вписания имени.) А отписку, государь, и даром и товаром роспись велели подать в Посольском приказе твоим государевым дьяком думному Федору Лихачеву да Максиму Матюшкину да Григорью Львову. А купчин отпустили к тебе, государю, к Москве с тем же астраханским приставом с Ондреем и с толмачем с Митькою. Да с ними ж отпустили индейцов Моллачка да Кишнячка с их товары августа в 21 день»^[35].

Причем из росписи видно, что «индейцы» настроены были на серьезный бизнес в Московском государстве.

«У индейцев у Моллачка Седукова да у Кишнячка Молтаева товару: 4600 киндяков, 900 араней, 700 полукисей, 50 кумачей красных, 150 выбоек меньшие руки, 11 выбоек арапских, (л. 17) 196 киндяков, 48 полукисей, 57 ансырей шолку ласу, 40 зенденей, 120 выбоек ардевилских, 26 фереспирей, 15 фат, 200 ансырей шолку аряского, 18 дараг гилянских, 18 дараг кошанских, 150 дараг ляковых, 7 кушаков шолковых, 2 дороги теврюские, 8 скатертей, 16 кисеи, 7 пуд с четью ладану, 3 кисеи, 54 киндяка, 16 бязей лощеных, 64 ансыря шолку ряжского, 9 ансырей шолку пырсу»^[36].

В 1647 году царь Алексей Михайлович приказал астраханскому воеводе построить двор для индийских купцов. Из документов известно, что уже в 1649 году этот двор функционировал. Из Астрахани некоторые индийские купцы распространили свою деятельность на Саратов, Ярославль и Москву. В 1648 году индийский купец Сутур получил от царя Алексея заем в 4000 рублей, оставив в залог товаров на сумму в 5000 рублей. По мнению русского и американского историка Георгия Вернадского, большинство индийских купцов, имевших дела с Россией в 17 веке, были родом из Пенджаба и Синда. «Они принадлежали к вишнуитским сектам и имели в Астрахани храм, где почитали бога Кришну. Среди импортируемых из Индии товаров были драгоценные камни, дорогие ткани, специи, лечебные травы и рис. Экспорт в

Индию включал меха, кожу, медь, лебяжий и гусиный пух и такие западные товары, как шерстяные ткани, зеркала, стекло, иголки, булавки и бумагу»^[37].

Индусы посещали ежегодную Макарьевскую ярмарку у Нижнего Новгорода, а также Москву. Ездили торговать и на Кавказ, и в Крым. Причем как раз через астраханскую таможню. Вот, например, «Выпись Астраханской таможни об отпуске из Астрахани в Персию товаров индийского купца Дурги Лала»:

«По государеву цареву и великого князя Феодора Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, указу и по подписной челобитной за пометою дьяка Лариона Вязмина велено справитца в таможне об отпуску из Астарахани вниз Волгою рекою за море индейца торгового человека Дургичка Лалуева посыльного ево товару с-ындейцом же торговым человеком с-Ыгнеткою, на клади, где попадетца. А товару с ним: 10 половинок сукна кармазину, 112 юфтей красного товару, 2 пуда рыбья зубу, 6 фунтов гвоздики, 50 аршин стамеду розных цветов, 10 аршин изуффри. А тот товар во шти таях да в дву чемоданах за таможенною печатью»^[38].

В 1679 году Посольский приказ отвел в Москве специальное здание индийским, персидским и армянским купцам. Известно, что в 1646 году царь Алексей Михайлович направил падишаху Шах-Джахану «торговых людей» с грамотой «о дружбе... и оных государственных делах». Эта была первая официальная попытка наладить русско-индийские дипломатические отношения.

В архивах сохранилась проезжая грамота, выданная Посольским приказом купцам Сыроежину и Тушканову, отправленным в Индию с грамотой царя Алексея Михайловича к индийскому падишаху и с товарами.

«По нашему указу посланы от нас в-Ындею к индейскому шах Джагану в гонцах с нашими грамотами торговые люди казанец Микита Сыроежин да астароханец Василей Тушканов, а для тое посылки пожаловали есьмя их, велели им взяти с собою товаров своих безошлинно Миките на 1000 на 500 рублей, Василью на 1000 рублей. И как они, Микита и Василей, едучи в-Ындею и из-Ындеи с товары своими в которой город приедут, и воеводам нашим и дьяком и приказным людем велети их везде пропускати без задержанья и наших пошлин с тех их товаров у Микиты с 1000 с 500 рублей, а у Василья с 1000 рублей таможенным головам и

целовальником и откупщиком и на мытех мытчиком имати не велити»^[39].

Послы должны были сообщить индийскому падишаху о восшествии на русский престол царя Алексея Михайловича, о его желании быть с Шах-Джаханом «в братской крепкой дружбе» и установить торговые отношения между странами. Причем вот что привлекает внимание: послами были отправлены не посольские дьяки, а купцы из Казани и Астрахани. То есть люди, знающие традиции Востока, языки, восточные нравы и этикет. Русский царь в грамоте индийскому коллеге пишет:

«И ныне послали мы, великий государь наше царское величество, к вам, брату нашему, великому государю, к вашему шах-Джаганову величеству, с сею нашею царского величества любительною грамотою наших легких гончиков Микиту Сыроежина да Василья Тушканова. А велели им сее нашу великого государя грамоту вам, брату нашему, великому государю, подать и про наше великого государя здоровье сказать, а ваше, брата нашего, великого государя, здоровье видети и о дружбе и о любви напомянуть. И вам бы, брату нашему, великому государю, шах-Джаганову величеству, от нынешнего времени с нами, великим государем, быти в крепкой братцкой дружбе и любви, так же, как с нами, великим государем, окрестные великие государи в дружбе и в любви и в ссылке без урыву. А что у нас, великого государя, в наших великих и преславных государствах Российского царствия вам, брату нашему, великому государю, будет годно, и вам бы, брату нашему, великому государю, с нами, великим государем, о том обослаться послы или посланники и о всем с ними отписати. И мы, великий государь, вам, брату нашему, великому государю, за то не постоим»^[40].

Правда, до Индии посольство в итоге не добралось – персидский шах Аббас находился в состоянии войны с Шах-Джаханом из-за Кандагара. И потому русских послов просто не пропустили. В 1674 году русский царь решил отправить новое посольство в государство Великих Моголов, чтобы все же наконец установить с Индией официальные дипломатические и торговые отношения. Возглавил посольство астраханский купец Мухамед Юсуф Касимов. Он получил указание сначала отправиться в Бухару вместе с Василием Даудовым, назначенным туда послом. Касимов получил инструкции из Посольского приказа 28 февраля 1675 года.

«Наказная память из Посольского приказа Мухаммеду-Юсуфу Касимову.

Лета 7183-го февраля в 28 день. По государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, указу память астараканцу Маметъ-Исуну Касимову. Ехати ему великого государя з грамотою и для ево великого государя, дел из Бухарские земли к индейскому шаху в посланникех. А от великого государя послана с ними к индейскому шаху грамота руским письмом за государственною большою печатью, да в запас с той, великого государя, грамоты списки полатине да по-татарски, оба списки за тою же большою печатью.

И как, аже даст бог, будучи у бухарского хана и в Бухарской земле, великого государя дела по наказу исполнят и бухарской хан Василья Даудова к великому государю к Москве, а ево, Маметъ-Исуну, к индейскому шаху отпустит, и Маметъ-Исуну ехати из Бухарские земли к индейскому шаху на которые места ближе, и податнее, и безстрашно, разведывая, чтоб ему до Индейского государства доехать здорово.

А как приедет в первой индейской город, и ему говорити того города владетелю, что послан он от великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца и многих государств и земель восточных и западных и северных отчича и дедича и наследника и государя и облаадателя, к великому государю их... величеству в посланникех о их государских надобных делех, а с ним посланы от великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца и многих государств и земель восточных и западных и северных отчича и дедича и наследника и государя и облаадателя, к великому государю их Эвреинзеп-шахову величеству грамоты о дружбе и о любви и о иных государских добрых делех. И он бы, державец, отпустил ево к государю своему, дав корм и подводы, не задержав, и проводити до того города, где ныне государь их шахово величество, велел. Да как ево ис первого города отпустят, и ему ехать до стольного индейского города потому ж, не мешкая нигде ни часу. А дорогою едучи, проведывать, которые послы и посланники из-ыных государств приходят к индейскому шаху, и на приезде у самого ль шаха бывают, и ево видят ли, и посольства свои перед ним ли отправляют»^[41].

В письме к шаху Ауренгзебу, в котором он называл падишаха «наш брат, великий господин, высочество, правитель Индии и всей восточной страны», он выразил свое желание жить с падишахом в мире и дружбе.

«И ныне послали мы, великий государь наше царское величество желая быть с вами, братом нашим, с великим государем шах величеством, в дружбе и в любви и в ссылках, как и з братом нашим, высокостольнейшаго места с шах-Сулеймановым величеством, и сыными великими государи, послали к вам, брату нашему, великому государю к вашему шах... (Пропуск имени в документе; зачеркнуто: Джаганову) величеству, с сею нашею царского величества любительною грамотою наших посланных Маметъ-Исуна Касимова да подъячего Ивана Шапкина. А велели им сее нашу великого государя грамоту вам, брату нашему, великому государю, подать и про наше великого государя здоровье сказать, а ваше, брата нашего, великого государя, здоровье видети и о дружбе и о любви напомянуть. И вам бы, брату нашему, великому государю шах-Джаганову величеству, от нынешнего времени с нами, великим государем, быти в крепкой братцкой дружбе и любви так же, как с нами, великим государем, окрестные великие государи в дружбе и в любви и всылке без урыву. А что у нас, великого государя, в наших великих и преславных государствах Росийского царствия вам, брату нашему, великому государю, будет годно, и вам бы, брату нашему, великому государю, с нами, великим государем, о том обослаться послы или посланники и о всем с ними отписати»^[42].

Касимову поручалось установить между двумя странами дипломатический обмен. Москва хотела получать из Индии серебро и драгоценные камни и предлагала в свою очередь меха. Касимов также был уполномочен нанять специалистов по строительству мостов и других мастеров, купить лечебные травы, семена садовых растений, небольших животных и птиц для царских владений.

Касимов добрался с русским посольством до Бухары. Оттуда он отправился в Кабул (тогда владение Великих Моголов). Наместник Ауренгзеба в Кабуле доложил падишаху о миссии Касимова, но тот написал, что до сих пор в Индии не было русских послов. Он приказал своему наместнику выдать Касимову 2000 рупий, обеспечить его безопасность, но отправить его обратно. Более того, Касимов должен был при любой возможности выкупать русских пленных, попавших в рабство к восточным правителям. И эта часть миссии на самом деле удалась. По возвращении в Москву он пишет царю:

«Челобитная Мухаммеда-Юсуфа Касимова об отводе ему в Москве двора для постоя с выкупленными в Индии русскими пленными.

Царю государю и великому князю Феодору Алексеевичу, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцу, бьет челом холоп твой астраханской житель Мамы-Суфко Касимов. По твоему, великого государя указу послан я, холоп твой, в-Бндейскую землю посланником, и был я, холоп твой, в-Бндейской земли. А ныне я, холоп твой, еду к тебе, великому государю, к Москве, с полонениками твоих великого государя ратных людей, а полонеников 40 человек. И стою я, холоп твой, ныне в селе Ивановском. Милосердый государь царь и великий князь Феодор Алексеевич, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержец, пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мне отвести двор, где ты, великий государь, укажешь, чтоб мне, приехав к тебе, великому государю, к Москве, было где постоять»^[43].

Сохранилась и роспись доставленных в Москву пленников. Большинство – это русские, похищенные степняками в ходе набегов и проданные через Бухару и Хиву дальше на Восток. Вот пример одной из таких историй, человек как раз был спасен Касимовым.

«Ивашка Хашал сказал. Родиною де он которого города и чей сын и какой породы и где взят в полон, то не помнит, взят мал и продан в-Бндею индейцу, а как зовут того не знает. И как де хозяин ево умре, и по смерти де своей отпустил ево, Ивашка, на волю, и из-Бндеи пришел в Балх и жил у сотника у Куземки Фролова. И как де приехал в Балх посланник Маметъ-Исуп Касимов, и у Куземки де ево, Ивашка, выкупил, а окупу за него дал из государевы казны товару за 35 рублей. И ис Хивы до Яику ехал он, Ивашко, на государеве ж подводе, (л. 389) и на корм де давал ему посланник Мами-Юсуф из государевы ж казны по 10 денег на день»^[44].

Кроме прочего, Касимову удалось собрать важные сведения – внимательно изучить пути, особенно водные и горные, ведущие в Индию, узнать о титулах шаха, получить аудиенцию в Кабуле. Русский ученый, историк и тюрколог академик Василий Бартольд особо обращал внимание на патриотизм Касимова. На его желание, личное стремление помочь стране.

«Касимов был одним из татарских общественных деятелей, которые оказали огромные услуги России для контакта при сношениях с переднеазиатскими и даже восточноазиатскими государствами»^[45].

Посольство Касимова признать безрезультатным никак нельзя. Русским дипломатам удалось выкупить пленников, разведать дорогу в Индию через Среднюю Азию, через Балх, Хиву и Чарджоу.

Опираясь на сведения, полученные от индийских купцов, они подробно расписали маршрут движения до Индии, определили скорость и время переходов, места переправ через реки и ночлегов. Именно посольством Касимова было описано два возможных пути в Индию. Морской – через Астрахань, Шемаху и Ормузд, которым в свое время воспользовался Афанасий Никитин, и по суше, через Персию и Афганистан. А вообще торговля России с Индией и Центральной Азией идет весьма активно весь 17 век. Есть записки еще первой трети 17-го столетия, которые свидетельствуют, что не только азиатские купцы в России, но и русские купцы в том регионе – гости частые. В декабре еще 1622 года русский посланник в Бухару И. Д. Хохлов разбирался с убийством в Ургенче русского купца Юдина, ездившего для торговли в Бухарское ханство и Индию. Русский посланник сообщает в Приказ. Как выясняется, купец оказался заложником ситуации – Ургенч разорили набегом казаки, пришедшие с Яика. Купца убили, чтобы отомстить.

«Да в Хиве ж де присылали к ним Арап-хановы дети Шири-салтан от себя и от брата своего от Обалгазы-салтана просить подарков, а не даст, и они ево велят убить. И он де, Иван, в подарках отказал. И царевич де к ним приказал – будет им подарков не дать, и им быть побитым так же, как и Левонтью Юдину. А Левонтей де Юдин был для торгу в Бухарех и в-Индее 7 лет, и шол через их Юргенскую землю, и его де из животов убили за то, в то время как тот торговой человек в Юргенскую землю пришел и дожидался корована, и пришли с Еика казаки Нечай Старенькой с товарыщи и взяли город Юргенч и людей побили и корысть многую поймали, а отойти было не на чом, лошадей не было, и они сели в городе. А юргенской Арап-царь, собрався, их осадил и зговорил их на то, что отпустити всех живых и лошади под них дати, а дал де им на том душу. А как де они здались, и он на правде своей не устоял, всех побил, да и того де русского торгового человека убил за то ж, что казаки ему многую шкоту учинили. И он де, Иван, приказывал с приставом к царю, чтоб их царь грабить и детем своим с них поминков имати не велел. И царь де приказал, что дети ево не слушают, а поминков им не дать нельзе. И он де, Иван, дал царевичем по юфте кож красных да по юфти шуб белых»^[46].

В 1695 году купец и путешественник Семен Маленькой с грамотой царей Ивана и Петра Алексеевичей отправился через Персию в Индию. Морем до Шемахи, затем Исфахан, порт Бендер-Аббас, откуда на корабле путешественники добрались до города

Сурата. Оттуда Маленькой (в других источниках Маленький) отправился в столицу, где его принял император Аурангзеб. Великий Могол после нескольких встреч с гостем подписал указ, дававший право русским купцам вести в Индии беспошлинную торговлю. А в качестве особой милости подарил Маленькому слоненка. Три года Семен Маленькой вел торговлю в Индии, побывал в Агре и Дели. Закупив немалое количество товаров, он отправился назад в Персию, в Бендер-Аббас, но в море на него напали пираты. И несколько месяцев спустя он скоростижно скончался в персидской Шемахе. Об этом рассказал его слуга, со слов которого была составлена пояснительная записка русскому царю:

«В Сурате жили они с 5 месяцев. От Сурата поехали они в лашкерь (сиречь в войско индейское), которое стояло при городке небольшем Барунпуре, в котором был и царь индейский, а того войска было тысяч с 60, и ехали до того места сухим путем 3 месяца на наемных подводках. И в тот городок принял их с честью казначей царской с служилыми людьми. И тот казначей ево, купчину Малинькова, ставил пред царя, да при нем одного толмоча, которого они наняли в Астрахани. И посланную с ним, купчиною, государеву грамоту принял тот казначей. И жили они в том городе с год с лишком на своем харчу, а постоялой двор зделали сами, потому что в том городе дворов нет, а вместо дворов живут в полатках и в кибитках. И царь индейской в дар царскому величеству послал с ними слона малинькова. А царь де индейской в то время был с лишком во сто лет; у него детей 4 царевича, а одеяние они носят белое из парчей бумажных тонких, а на голове носят чалмы белые ж. А по средам и пяткам носят ево в мечети, в носилках за стеклами, по осьми человек, а перед ним водят слонов ево воинских, на которых зделаны чердаки деревянные осьмиугольные, а привязываются к ним подпругами. А в тех чердаках сидят по 3 и по 4 человека ево дворовых людей, одни с трубами, з бубнами, а иные з знаменами, а на иных слонах седла. А позади слонов заводные кони в уряде, а позади коней царь и дети ево царевы, затем полатные люди на носилках же, затем служилые люди, конница. И из лашкера отпущены они в столичные их городы, в первой город Ак-Парабат (он же называется Агра). А стоит тот город на большой реке, а как тое реку зовут, не ведает. А тот город каменной, а зделан в три стены, а между городами промежку пустого места сажен по 20, а жилья между ими нет, только в замке царской дом да мечеть да приказ, а жилья – около города большого. Да кругом большого ж

города выкопан ров и пущена вода, в которой рыба да черепахи большие. А до того города ехали они сухим путем на наемных волах телегами, а шли до того города из лашкеру 2 месяца, а жили в нем с неделю. А встречи им и приему в том городе и корму дачи не было, а постоянной двор был дан. А в том городе царев дом и мечеть и приказ каменные, и полаты росписаны красками, а в них какия убранства, не ведает. А из Ак-Парабата поехали в город Шажу-Набат (которой называется Дилли), сухим же путем на волах же наемных, и ехали с неделю же. В Шаже-Набате жили 4 месяца, и вышеписанные привезенные товары продавали тамошним людям разными ценами, а по чему, не упомнит, на тамошния деньги серебряные, называемые рупы, а ходят там по 13 алтын по 2 деньги рупа, а величиною они с деньгу медную, а весом против серебряного здешнего полтинника. А встречи и приему в том городе им и дачи корму не было. А тот город каменной и стоит при реке небольшой. А у жителей в том городе Шаже и Ак-Парабате дома каменные ж. А индейцы де люди тихие и ласковые и в торгу обходительные и правдивые, а желание их к товаром больши: к сукнам тонким аглинским, к юфти»^[47].

Петр I, проводя свои реформы и расширяя влияние России, был всерьез настроен расширять империю не только на Запад, но и на Восток. Сама география России заставляла это делать. Впрочем, как раз при нем отношения с центральноазиатскими государствами были несколько подпорчены. Дело в том, что Петр I отправил в регион военную экспедицию. Причиной тому послужили сведения, что якобы в Амударье имеются богатые запасы золотого песка, а хивинцы, дабы скрыть это, с помощью специальной дамбы отвели течение реки в Аральское море. Потому в изданном 2 июня 1714 года указе «О посылке Преображенского полка капитан поручика кн. Алекс. Бековича-Черкасского для отыскания устьев реки Дарьи...» говорилось, что экспедиции надлежит исследовать прежнее течение Амударьи и, если возможно, опять обратить ее в старое русло, склонить хивинского хана в подданство, на пути к Хиве и особенно при устье Амударьи устроить, где нужно, крепости, утвердившись там, вступить в сношения с бухарским ханом, склоняя и его к подданству. В распоряжение Бековичу давалось 4000 регулярных войск, 2000 яицких и гребенских казаков и 100 драгун, кроме того, в экспедицию вошли несколько морских офицеров, 2 инженера и 2 купца.

Александр Бекович, мусульманин по происхождению, принявший христианство, показался Петру идеальной фигурой для ведения дел с Востоком. В апреле 1717 года Бекович с экспедицией отплыл из Астрахани, и только в середине июня русский отряд вышел в пустыню и направился на восток в сторону Хивы. До Хивы оставалось чуть больше 120 километров урочища Карагач, у которого по разным данным то ли отряд Бековича вступил в бой с 24-тысячным отрядом хивинского хана, который продолжался три дня, то ли хивинский Шергази-хан просто встретил русский отряд, и, обменявшись любезностями, Бекович с ханом направились к городу верхом, причем несколько сокращенная охрана первого следовала чуть поодаль.

В любом случае обе версии сходны в том, как развивались события дальше. Хан объяснил Бековичу, что не сможет разместить и накормить в Хиве такое множество людей. Вместо этого он предложил русским разделить на несколько групп, чтобы можно было надлежащим образом расселить и накормить их в окружающих селениях. Бекович согласился и приказал своему заместителю майору Франкенбургу разделить отряд на пять частей. Тот возражал и отказывался выполнить приказ. Бекович настоял на своем, и в результате войска были разделены на небольшие группы.

Произошло именно то, чего ждали хивинцы. Они одновременно напали на ничего не подозревавших русских во всех точках. В числе первых погиб сам Бекович. Его схватили, сорвали мундир и на глазах хана изрубили на куски. По другой версии, его закололи кинжалом во время пиршества у хана. По третьей, его казнили на глазах у толпы. Расхождение в сведениях объясняется тем, что очень немногим из участников экспедиции удалось спастись. После провала похода в 1718 году был морем эвакуирован гарнизон Красноводска. Часть пленников прожила в Хиве до 1740 года, когда персидский Надир-шах взял Хиву и освободил русских, дал им деньги и лошадей, чтобы они добрались до дома. Никакого возмездия со стороны русских, как могло случиться, для хивинского хана не последовало. Хива была слишком далеко, а Петр, воевавший со шведами, просто не мог тратить столько сил на новую экспедицию.

Но как раз Петр был первым русским царем, который посмотрел на Центральную Азию с глобальной, геополитической точки зрения. Как вспоминал великий русский государственный деятель, дипломат, основатель Челябинска Алексей Иванович Тевкелев, происходивший

из знатного татарского рода, настоящее имя которого было Кутлу-Муххамед Тевкелев, Петр Первый как-то заявил ему: *«Его Императорское Величество Государь Император Петр Великий в 1722-м году будучи в Персицком походе и в Астрахани чрез многих изволил уведомитя об оной орде; хотя де оная Киргиз Кайсацкая степной и лехкомысленной народ, токмо де всем азиатским странам и землям оная де орда ключ и врата; и той ради причины оная де орда потребна под Российской протекцыей быть, чтоб только чрез их во всех Азиатских странах комониканцею иметь и к Российской стороне полезные и способные меры взять. И ежели же моими трудами оная орда приведена будет в Российское подданство; то соизволил Его Императорское Величество изустно мне милостиво объявить: за то я низжайшей от Его Императорского Величества к немалому награждению удостоен буду. Но токмо оное за кончиною Его Императорского Величества тогда в действо не произведено»*^[48].

Вообще, жизнь и деятельность Алексея Тевкелева заслуживает отдельной книги, это личность неоднозначная, человек, в котором жестокость в подавлении восстаний сочеталась с бесстрашием в азиатских походах и дипломатических экспедициях. Тевкелев, кстати, был одним из руководителей того самого несчастливого отряда под командованием Бековича-Черкасского.

Тогда на южных границах России шла бурная, опасная и не всегда понятная в столицах жизнь. Прежде всего, стоит сказать, что как таковой границы и не было. Не всегда ясно было, где заканчивались владения русского царя и начиналась территория, подконтрольная степным народам. Приграничье было суровым краем, кочевники совершали набеги на русские деревни и поселения, в ответ уральские казаки совершали карательные рейды по степям. Вот мы все ведь читали «Капитанскую дочку» Пушкина?! И вряд ли задумывались, что за место такое, пограничная Белогорская крепость, где служит юный Гринев. А это как раз часть одной из оборонительных линий, которые были сооружены для защиты от набегов из Центральной Азии. О них еще будет отдельно сказано чуть ниже. Так вот надо на секунду представить, что для наших предков, скажем для Пушкина, набег кочевников и захват русских, угон их в рабство в Бухару – это реальность. Это то, что происходило на южных рубежах Российской империи. Более того, даже в середине 19 века это все еще страшная повседневность, то есть только подумайте, что Тургенев или Достоевский, Толстой или Менделеев

могли читать в газетах, что на Каспийском море туркменские пираты захватили в плен русских рыбаков. Но в южном пограничье шла не только война, шла и активная торговля, кочевники пасли скот, часто перегоняли его в русские владения для продажи, основным населением степей, прилегающих к России, были казахи, или, как их тогда называли, киргиз-кайсаки.

Еще при жизни Петра I, как сейчас сказали бы, спецпредставителем по центральноазиатскому направлению был назначен Иван Кириллович Кирилов. Про таких говорят – сам себя сделал, он происходил из посадских людей и начал карьеру подьячим Сысского приказа, потом стал обер-секретарем Сената. Географ, правовед – он учился три года в Кенигсбергском университете – градоначальник, строитель медного и железного заводов в Тобольске. Кирилов был основателем отечественной экономической географии, он впервые составил экономико-географическое описание страны под названием «Цветущее состояние Всероссийского государства, в каковое начал, привел и оставил неизреченными трудами Петр Великий». Так вот именно этот человек стал инициатором обустройства азиатских рубежей Российской империи и при котором кочевые народы стали переходить в русское подданство.

«Для водворения русского владычества был избран весьма удачный план, главная мысль которого заключалась в стремлении возвести укрепления по южной окраине Башкирии; исполнением такого стремления достигались три важные цели, непосредные и беспокойные башкиры стали бы сдерживаться рядом укреплений от хищных набегов; было бы можно зорко следить за действиями кочевников киргизских степей, людей не менее беспокойных, чем башкиры, и наконец, этою линией прекращались бы сообщения башкир с казахами. Теснимый с юга зюнгорским владетелем калмык, а с севера – беспрестанными набегам башкир, Абулхаир-хан решился просить защиты и покровительства у русской императрицы. Такие просьбы он посылал в 1718 и 1726 годах, но правительство их не удовлетворило. И вот он в очередной раз в 1730 году обратился через Алдырь-бая старшину к уфимскому воеводе с заявлением о своем намерении принять русское подданство и, по требованию воеводы Бутурлина, прислал уполномоченных в Уфу; отсюда их с Алдырь-баем послали в столицу. Из столицы для переговоров с Абулхаир-ханом было отправлено целое посольство, при котором находились переводчик и два

землемера – Писарев и Зиновьев, несколько уфимских дворян и старшины Алдыр-бай и Таймас»^[49].

В Санкт-Петербург был послан сын Абулхаира Эрали-султан, с ним поехали самые знатные казахи, Эрали-султана приняла для переговоров императрица Анна Иоанновна и 19 февраля 1731 года подписала грамоту о принятии киргиз-кайсаков, то есть казахов, под русское покровительство. В октябре 1731 года в степь, к казахам, во главе особой миссии для вручения Абулхаир-хану царской грамоты и приведения к присяге султанов и старшин был послан Алексей Тевкелев. Причем в своих записках он упоминает о том, что он смог освободить из плена более 800 рабов, захваченных кочевниками в прежние годы.

«Ведая ж я низжайшей означенных степенных народов древние лехкомышленные обычаи и нравы и к вольности привыкших, и чтоб такая новость их не возбудила и впредь поколебать, представлял Хану солтанам и знатым старшинам о постройке поблизости их кочевья города, от чего толкуя им многие разные ординские их ползы в торгу и прочие последовать могут, а в самом деле чтоб положить на их узду, чтобы они впредь всегда непоколебимо в верности и в послушании были; на что он Хан со всею ордою склонясь, и признавая оное представление мое полезным, просил Ее Императорского величества Государыни Императрицы Анны Иоанновны письменно о постройке на устье реки Орь города. А при отправлении моем в Киргиз Каусацкую Орду на дорожной мне низжайшему проезд из Государственной Коллегии Иностранных Дел дано только пятьсот рублей, да Хану и всем Киргизцам в подарки на тысячу на пять сот рублей товару, да издержанных мною будучи в Орде заплачено ис казны с девять сот рублей, всего мною издержано в Орде казенных денег и с теми, что мне на проезд дано, пятистами рублями, две тысячи девятьсот рублей.

Будучи же там в Киргиз Кайсацкой Орде я низжайший взятых в плен ими Киргизцами и Каракалпаками Руских и иноверцов подданных Российских не меня осьми сот человек освободил, и еще при себе из Киргиз Каусацкой Орды в Россию отослал. И по оному Ханскому прошению город Оренбург, по возвращении моем из Киргиз Каусацкой Орды, построить в 1733 году проектировал Статский Советник Иван Кирилов, которой, тогда еще будучи Тайным Советником, что ныне Граф Алексей Петрович Бесстужев-Рюмин, признавая к Российской Империи полезным, о постройке города Оренбурга его Кирилова подкреплял и руководствовал; почему уже

построили оный город Оренбург и прочие крепости мы со оным Кириловым двоя»^[50].

Ту же самую идею – построить город на реке Яик, с помощью которого можно было бы контролировать новых подданных, систематизировать торговлю с Центральной и Южной Азией, – выдвинул и Кирилов, по мнению многих исследователей, как раз идею Кирилова и внушил Тевкелев хану Абулхаиру. И тот уже как бы от своего имени с этой идеей вернулся к русским. В русское подданство перешли, конечно, не все казахи, а только Младший жуз, или, как их называли тогда в России, «*Меньшая орда*» – группа казахских родов и племен, состоящая из трех племенных союзов: алимулы, байулы и жетыру. Они традиционно обитали в северной части современного Казахстана. В своем проекте Кирилов писал: «... *Но всего лутче, что по представлению Тевкелева желает Абулхайрхан российскую крепость близкую к его владению построить, от которой себе защиты надеется, нам же явная польза и всего намерения фундамент есть...*»

Базовой идеей проекта Кирилова было основание в устье реки Орь нового города-крепости и цепи укреплений по Уралу и другим рекам, вследствие чего граница империи стала бы более прочной. Но установить новые торговые и политические связи с Востоком было для России не менее важно. Как писал Кирилов, место, выбранное для города, было «во всем изобильное», и дорога к Аральскому морю и дальше в Азию была более удобной и безопасной, нежели традиционная, через Астрахань. В обширной записке Кирилова под названием «Представление начальника Оренбургской экспедиции И. Кирилова на имя имп. Анны о трех казахских жузах и о Каракалпакии» подробно разбиралась ситуация в приграничной степи и делались выводы о том, что России просто жизненно необходимо обозначить и подтвердить свое присутствие в регионе, что России нужно заключить твердый союз с казахами и киргизами, который принесет в итоге пользу всем, и что восточная торговля неизбежно даст казне большие прибыли.

«Поныне они были неприятели и непрестанно российским, казанским, яицким, волским, уфинским, сибирским граничным жителем, воровския малыми партиями нападения чинили, и ежегодно, как скот, пленников отгоняли и продавали в работу в Бухарию и Хиву, купецкия караваны разбивали и многия пакости делали, о чем хотя публично неведомо и невидно, но токмо одно разсудить надлежит, что в Хиву и в Бухары таких русских

пленников натаскано и обретаются там в работах многия тысячи, oprичь иных владений, куда також-де развозятца. А как будут оныя киргис-кайсаки в российском подданстве, которых во всех ордах больши ста тысяч человек, есть, тогда гораздо покойнее в российских помянутых владениях будет. Как уже Абулхаир-хан в нынешнем году службу показал, что противной парти Средней орды хан, с киргисцами в десяти тысячах собрався, хотел нечаянно на уфинской уезд напасть и разорить, то оной подданной Абулхаир-хан тотчас нарочных прислал и дал знать, по которому известию в Уфинском уезде пожалованной от е.и.в. в прошлом 1733 г. Таймас-батыр собрался з башкирцами и тех идущих киргисцов встретил, и разбил так, что ханское знамя и многих киргисцов побили и гнали до самых их жилищ.

Большой киргис-кайсацкой орде, которая ныне просит у е.и.в. в подданство, не токмо отказывать не надлежит, но и всякими образы приласкать, потому что от той и протчих киргис-кайсацких орд бухарцы и другая тамошня народы в страхе находятца, ибо потеряв города и правинции контайше, назад тому лет пять, оною Большою ордою подошли к самой Бухаре и всех их, узбеков, разорили, а город в такой жестокой осаде имели, что принуждены были человеческое мясо, ежели то правда, есть, и едва от плену спаслись дачею многих подарков старшинам; а то подлинная правда, что баранов и овец, от коих бухарския овчинки выходили, едва не всех перевели. Когда ж они будут под российской протекциею, то и для зенгорского-калмыцкого владельца и для Бодокшана надобны, и так, что вместо здешних войск чюжия да и на чюжих же воевать будут, чему явная проба. Что бухарской хан, уведав о хане Абулхаире, которой учинился е.и.в. подданным, присылал к нему посланцов, прося, дабы с ним жил в дружбе, а как Большая орда принята будет, то наипаче принудятца к тому, что Россия от них пожелает.

Водокшанская провинция нужна в российское владение для многова в ней имеющагося богатства, что золота, лалов, лапис, лазори в ней довольно. Та правинция принадлежала и всегда была во владении самаркандских, а потом бухарских ханов. А за несколько лет, слабостию бухарских ханов, отлажилась и хана своего не имеют, но наподобие республики старшины народныя содержат, которых около 40 человек есть. И как говорят, что во время бухарского владения одного золота бухарскому хану приходило пуд по 500 и больши, oprичь дорогих каменьев. А ныне оныя старшины

установили между себя, что им в каждом году съезжатица с своими людьми в одно время и десять дней в тех горах золото и камень доставать, и кому сколько по щастию достанется, тем во весь год и довольствуютца. Чего ради, не веря друг другу, от каждой старшины крепкия караулы содержат и никого в те горы и места не впускают. Однако ж и по такому худому распорядку в городех жители богатства много имеют, продавая золота и камня, к тому ж изобильны плодами земными и рукодельем, чего ради зенгорской владелец, яко ближней сосед, желает обратца до них. А с российскую сторону допускать и такова богатова места своему опасному соседу отдавать не надлежит. А лутче бы, ежели бог допустит, в свое владение чрез вышепомянутые чюжия войски достать и богатство, так как из Америки гишпанцы и португальцы получают, сюда вывозить, что при добром начале и прилежном попечении, буде нечаянных случаев не воспоследует, без движения больших российских войск исполнитца может.

Что же ко внутренней комерции касается, то в новом городе у Орь-реки и на аральской пристани в скором времени распространитца может, потому что, кои купеческия кораваны ходят из Ташкенту, из Туркестану и из Ходжанта для покупки русских товаров в Бухарию, те обратятца в помянутыя новые места, ибо им гораздо способнее сюда приезжать, нежели в Бухары; да не купечества сами для того способу на житье приедут из разных городов, имеет лишь бы им пристойная привилегия пожалована была. А имянно: бухарцы, хивинцы, индейцы, армяня и другия, а может быть и европейския иноземцы поедут, а особливо выгнаныя зальцбургския эмигранты, кои покрову себе везде сыскивают»^[51].

Императрица Анна Иоанновна записку прочла и наложила резолюцию:

«Вышеписанное представление всемилостивейше опробуется и ныне указали по оному учинить. 1) город при устье Орь-реки строить и дать ему имя впредь; 2) пристойную привилегию сему городу написав, представить нам для конфирмации; 3) к строению и работе нарядить тептерей и бобылей, сколько по рассмотрению потребно будет; 4) для первого случая и содержания города перевести из гварнизонов: из уфинского половину полка да из казанского – один или два полка; 5) которые из уфинского полку взяты в армейские полки, тех для сей экспедиции возвратить, а вместо их употребить рекрут, которыми надлежало было

комплектовать гварнизон; б) из Уфы половины дворянских рот и казаков и недорослей уфинских и мензелинских взять туда ж, а яицких и сакмарских казаков же нарядить сколько возможно; ...

...к отправлению вышеписанных всех дел определить обер-секретаря Ивана Кирилова и с ним быть мурзе Алексею Тевкелеву, которых туда отправить немедленно и дать полную инструкцию и указы за нашим подписанием, а сколько каких людей потребно, отсюда и из Москвы о том донести нам»^[52].

7 июня 1734 года новый город получил название Оренбург – город на реке Ори. Первоначальное место для города у слияния рек Ор и Яик было выбрано в ходе экспедиции Ивана Кирилова. После его смерти уже новый начальник Оренбургской экспедиции Василий Татищев решил, что место слишком неудобное, и в 1739 году началась подготовка к строительству города ниже по течению Яика у места под названием Красная Горка, а уже новый начальник экспедиции Иван Неплюев решил начать строительство там, где сейчас находится Оренбург. Город, построенный на Ори, продолжил развиваться как Орская крепость, а выстроенный на Красной Горке – как Красногорская крепость, потом его переименовали в Красногорскую станицу.

Иван Неплюев был из тех чиновников, которые свою деятельность на государственном посту понимали именно как служение. Он в начале строительства нового города поселился в землянке, в выстроенный для него дом Неплюев переселился лишь после того, как были закончены казармы для гарнизона и часть домов для русских поселенцев. 15 марта 1744 года была образована новая, Оренбургская губерния. Как и задумывали отцы-основатели, новый город стал играть важную роль в торговле в Востоком. Иван Неплюев, как сказали бы сейчас, продемонстрировал себя «эффективным менеджером», главой региона, умеющим привлекать инвестиции. Он разослал десятки писем российским и азиатским купцам с предложением начать торговлю в Оренбурге – новом городе, форпосте империи, где делалось максимум возможного для комфортного функционирования бизнеса.

Carl von Linné

Иван Иванович Неплюев

Осенью 1744 года в Оренбург прибыли первые торговые караваны из Средней Азии. В 1749 году Иван Неплюев писал в Сенат, что бухарские и хивинские торговые караваны привезли для торга персидское серебро, причем немало – 418 пудов 22 фунта. Чтобы расширить и улучшить торговлю в Оренбурге, правительство империи приравнивало ее к ярмарке, что согласно тогдашним законам позволяло вести торг и оптом, и в розницу, причем всем – и русским, и приезжим. В неярмарочных городах такое право было только у местных купцов. В июне 1752 года Коммерц-коллегия издала соответствующий указ: *«Торг в Оренбурге признавать ярмаркой и дозволить русским и азиатским купцам продавать и покупать товары оптом и в розницу с платежом по тарифу»*. Приезжим казахам и киргизам разрешалась беспошлинная торговля в Оренбурге, более того, меновой торг по Оренбургской пограничной линии любыми товарами, кроме хлеба и сена, можно было проводить только в губернской столице.

И надо откровенно признать, что Оренбург превратился не просто в крупнейший центр торговли с Азией, но и в центр сбора и анализа разведывательной информации, и центр контрразведки. Поначалу эти функции выполняла Канцелярия Оренбургского губернатора. А потом, с конца 18 века, специально созданная структура – Оренбургская пограничная комиссия. В первое время сбор разведывательной информации велся с помощью негласного опроса прибывающих в город купцов и путешественников. Ежегодно в город приходили сотни караванов из Хивы, Бухары, Ташкента и других среднеазиатских городов, первые караваны обычно отправлялись в середине февраля, следующие – в апреле – мае, и примерно за 50–60 дней пути они прибывали на Меновой двор Оренбурга. В обратный путь купцы из Азии отправлялись в августе – ноябре.

Главной проблемой для торговли оставались разбойничьи шайки кочевников, грабившие караваны в степи. Русские власти пытались с этим бороться, отправляли требования и письма правителям Хивы, Бухары и Коканда, под условным контролем которых находились кочевники, летом, в разгар торгового сезона, степь патрулировали отряды казаков, несколько казачьих сотен, иногда с приданными военными офицерами.

На самом деле реальный оборот был куда больше, потому что золото, серебро и драгоценные камни не облагались пошлиной. С 1748 по 1755 год по официальным данным в Оренбурге было продано, точнее, меняно на русские товары, 50 пудов золота, 4600 пудов серебра. Или, например, только за один 1750 год торговля показала такие результаты: «В привозе и вымене на товары имела серебра до тысячи пятисот пудов», золота «в индейских, персидских и бухарских монетах состоящего» чуть меньше десяти пудов, и только таможенных сборов казна получила 52 271 рубль. Причем последний показатель был довольно стабильный. Оренбургская таможня ежегодно приносила в русскую казну 40–50 тысяч рублей. Азиатские купцы брали железные и медные товары, юфть – особый вид кожи грубой выделки, седла и хлеб. Каменный Гостиный двор в Оренбурге считался одним из крупнейших в империи, а вообще торговля с Азией приносила купцам огромные прибыли, некоторые получали до ста процентов от вложенного.

Особую роль в торговле играли «казанские торговые татары» – то есть казанские купцы-мусульмане, которым было проще найти с азиатами общий язык в буквальном смысле слова: и татарский и, например, узбекский – это тюркские языки. Им было проще взаимодействовать с «азиатцами» и потому, что они тоже были мусульманами. И уже в 1750 году Иван Неплюев при содействии Тевкелева решил организовать специальную кампанию для постоянной торговли с Индией «из шести лучших купцов, торговавших в Оренбурге: Журавлева, Твердышева, Кикина, армянина Макарова, грека Мавродия и татарина Абдуллы Хаялина, из числа которых последний в 1750 году отправил в Индию для опыта небольшие два каравана с товаром, по выписной цене на восемь тысяч рублей»^[53].

Один караван Абдуллы Хаялина с товаром выехал из Оренбурга 11 сентября 1751 года, в составе каравана были: сакмарский казачий старшина Кубек Байназаров, приказчики Надир Сафаров, Якуб Ягаферов и Исмагил Бикмухаммедов. Караван сопровождал хивинский посол Ширбек. Впрочем, постоянной торговли с Индией на широкую ногу, как того хотели русские чиновники, не получилось. Прежде всего потому, что индийский рынок был уже жестко контролируем Ост-Индской компанией.

О дальнейшей судьбе купцов русский историк Малиновский в указанном труде сообщает, что они «благополучно прибыли в Индию и торговали там, но так как все они были магометане, то по вере

своей, несмотря на излишнюю дальность пути, проехали из Индии в Мекку для поклонения гробу Магометову. Когда возвратились они оттуда, так же отправляла ль означенная компания еще караваны в Индию и с каким успехом, в делах архива нет более сведений».

В 1753 году купцы Надир Сафаров и Якуб Ягафаров совершили новое путешествие в Индию, причем это была не просто торговая поездка, перед купцами стояла задача по возможности установить и дипломатические отношения с Индией. В составе этой экспедиции были Якуб Ягафаров, Надир Сафаров, Исмагил Бикмухаммедов, мелла Габдрахман. Все отлично знали обычаи Азии и арабский язык, потому что читали Коран, один из участников этой поездки Исмагил Бикмухаммедов вел дневниковые записи, которые назывались «Исмагил ага саяхате» («Путешествие Исмагила Бикмухаммедова в Индию»). Эта миссия, как и предыдущие, закончилась довольно плачевно: купцы добрались до Индии, но из-за войны не смогли торговать, потеряли товары во время нападения пиратов, кто-то погиб в пути, сам Исмагил Бикмухаммедов был вынужден жить в Турции, не имея денег, чтобы вернуться в Россию, и лишь в конце жизни он смог это сделать.

В 1763 году русское Адмиралтейство отправило в Англию морских офицеров для прохождения мореходной практики. *«Велено государственной Адмиралтейской коллегии послать из морских офицеров в Англию для употреблению тамо на аглицких кораблях валунтирами, для примечания тамошних военных порядков и обо всем в пользу к приобретению в знание оным»*^[54].

Причем, что интересно, они практику эту проходили не просто на кораблях британского флота, с которым, как уже упоминалось, в ту пору были установлены теснейшие связи, а именно на кораблях Ост-Индской компании. И мореходная практика русских офицеров состояла в плавании в Индию. В инструкции, врученной офицерам в Лондоне русским послом графом Воронцовым, указывалось, что им помимо изучения основной специальности надлежит изучать природные особенности Индии, состояние ее промышленности, земледелия и торговли. Один из участников той экспедиции, мичман Никифор Полубояринов, оставил интереснейшие записки, озаглавленные «Журнал путешествия мичмана Никифора Полубояринова в Индию в 1763–1764 гг.». Записки эти довольно подробные, и жизнь британской колонии в ней описана весьма ярко:

«Вышеупоминаемый город Бомбе почитается по всему Малепарскому берегу и аглицких поселений наилучшей и большой как

строением, так и для карабельной пристани и для всего купечества, понеже из оного все привезенные из Европы товары и в прочие места отвозя, и состоит на самом берегу острова и построена крепость. Вокруг оной не менее трех миль аглицких и около канал, который наполнен водою, да еще и другой делается новый, и довольно вооружена пушками, також и в прочих местах острова поделаны батареи. В оном солдат гарнизона содержится около 500 человек, да черных солдат тамошних народов, которых они за деньги набирают по вольности, называются сипаи, до 300 человек, о которых я слышал, что оные в военное время в тамошних местах способнее и почитаются за легкую армию, понеже оные не столь тягостны в тамошних жарких климатах, как европейцы. Оный город был прежде португальский, но токмо по свойству государей отдали в приданое аглицкому королю, а он повелел владеть остынской компании.

В оном городе жительство имеют по большей части тамошние индийские черные народы, которые купечество с англичанами имеют и разных законов как магометанского, дужентуского и малебарского марато, так и других язычных и идолопоклонных народов много и весьма раствуют оных языки.

В домах живут, которые достаточные, у тех наподобие европейских тамошних аглицких манер, а бедные живут как и по всему Малебарскому берегу в шалашах, сделанных из листьев коконатного дерева и из плантонов и питаются по большей части коконатными или чеколатными орехами, сорочинским пшеном и всякими фруктами и зеленью, а прочие и такие есть народы, которые, кроме зелени, ничего не едят и оные почитаются за наилучший народ по их законам, которые должны при старости сами себя живого сжечь.

Все тамошние индийские народы хотя и принадлежат по описанию великому моголу, императору индийскому, но токмо, как по объявлению тамошних жителей, что оные в нынешнее время многие от него совсем отделившись, и разделились на многие княжества, так что и по одному Малебарскому берегу до десяти оных князей или принцев их находится, из которых некоторые весьма препятствуют своим нападением на тамошние европейские поселения и в купечестве проходящим купецким кораблям.

Я слышал, что великий могол получает в год доходов до сорока миллионов фунтов стерлингов, выключая, что ему дарит его протекции принцы, також и знатное купечество в подарок как

алмазных камней, так и прочих дорогих других вещей, а одних только пошлин и податей собирается»^[55].

То есть Индию русские изучили неплохо, представление о ней и о положении дел в ней они имели. Часть морских офицеров понимали, как добраться в Индию морским путем. Кстати, Михаил Ломоносов предлагал плавать в Индию и в Китай через Северный Ледовитый океан, предвосхитив открытие Северного морского пути через двести лет.

Особого упоминания в рассказе об истории «русской Индии» заслуживает человек, которого звали Филипп Сергеевич Ефремов. Его официальная биография, оставляющая много вопросов, могла бы стать основой сценария отличного исторического боевика. Уроженец Вятской губернии, он в 1763 году поступил служить капралом в Нижегородский пехотный полк, через два года получил повышение до каптенармуса, в 1774 году стал унтер-офицером и был отправлен на заставу Донгуз крепости Илецкая Защита. Именно в это время на юго-востоке империи разгоралось восстание Пугачева. И как раз на ту заставу, где служил Ефремов, напали примкнувшие к восстанию башкиры и казаки, его захватили в плен. Почти как у Пушкина в «Капитанской дочке». Правда, в отличие от вымышленного Гринева, реального Ефремова собирались вешать, он смог бежать, но тут же попал в плен к «киргизцам», которые продали его в рабство в Бухару. Но там пленника ждала неплохая карьера – армия эмира пребывала в плачевном состоянии, воевать толком не умела, и офицеры, даже пленные, хорошо ценились. Филипп Ефремов смог заслужить доверие кушбеги, то есть главного министра, Данияр-бека. Он получил чин юз-баши, сотника, и в этой должности участвовал в войнах, которые вел Бухарский эмират. Он храбро сражался под Самаркандом, Мервом и во время похода на Хиву. Его, даже при том, что он отказывался принять ислам, пожаловали землей и деньгами. Но Ефремов сумел получить поддельные документы. И бежал. Он описывал это в своих воспоминаниях так:

«Аталык пожаловал меня тогда землею и деньгами и приказал быть в готовности к походу в Хиву с новым войском; обстоятельство сие подало мне повод и способ к уходу. Я просил писаря, чтобы он написал мне грамоту в таком смысле, якобы аталык послал меня послом в город Кукан, коего владетель ссорился тогда с бухарским; за сие обещался щедро наградить его деньгами. Он написал мне таковую грамоту и в благодарность получил от меня 100 червонных. Грамоту показал я сказанной ключнице и

просил ее об доставлении для приложения к оной ханской печати, в чем она мне и услужила, надеясь чрез то и сама уйти вместе со мною. Дни чрез два получил потом я от аталыка приказание ехать в Хиву. Отправляясь якобы к новосоставленному его войску, я поскакал с двумя русскими в Кукан, а ключницу принужден был оставить, ибо, взяв оную с собой, никак бы не мог спасти ни себя, ни ее, аталык хватился бы ее тотчас и послал бы искать повсюду.

Дорогою до Кукана, который проехал я мимо, снабжали меня с излишеством провизиею; по прибытии же в город Маргылян назвался купцом, переделался в купеческое платье и расположился в караван-сараяе, где, услышав, что некоторые купцы намереваются ехать в город Кашгар, состоящий под покровительством китайского богдыхана и имеющий потому для охранения своего китайское войско, купил такого же товару, каким и они торгуют, и, назвав себя нагаем (нагаями называют в тамошних странах всех в России живущих татар), поехал вместе с ними»^[56].

Кукан в этом тексте – Коканд, столица ханства, с которым Бухара вела тогда войну. Дальше было многолетнее, невероятное путешествие через Тибет, Кашмир, Индию и Англию, но в итоге он возвратился в Россию после девятилетнего странствования. В своей книге «Странствование Филиппа Ефремова в Киргизской степи, Бухарии, Хиве, Персии, Тибете и Индии и возвращение его оттуда чрез Англию в Россию» он описал подробно жизнь и систему власти в тех странах, где он побывал, и главное – в конце его труда было приложено «означение расстояний до Бухары от Оренбурга и Астрахани и некоторое собрание слов бухарских с переводом их на российский и татарский языки». То есть было подробно описано, сколько переходов от одного пункта до другого, сколько потребуется остановок и кто кочует в тех местах. Интересно, что когда он вернулся, то был принят в 1783 году лично Екатериной II, далее ему дали чин прапорщика, устроили в Коллегию иностранных дел переводчиком с восточных языков.

Дальнейшая карьера Ефремова выглядит интересно: Санкт-Петербургская портовая таможня, затем с чином коллежского асессора направлен в суд на Кавказе. За службу ему был пожалован бриллиантовый перстень. А по представлению Потемкина его назначили в Астраханскую портовую таможню директором. Затем он стал чиновником Палаты Уголовного суда в Вологде. Затем Одесса, особые поручения, в 1796 году Ефремов пожалован на дворянское достоинство, ему дают герб, дальше он становится директором

Кизлярской пограничной таможни, где, по свидетельству начальства, приумножил сбор пошлинной суммы. Его последняя должность снова связана с Азией – директор учреждавшейся Бухтарминской пограничной таможни. Это где сейчас находится город Усть-Каменогорск. Закончил он службу в чине надворного советника, что соответствует чину подполковника в армии. Биография крайне необычная. Скорее напоминает историю разведчика, чем просто случайного пленника киргизских разбойников. Кто знает, может, под видом бегства и похищения была реализована операция по долгосрочному оперативному внедрению агента русской разведки. Это звучит фантастично – но и судьба Филиппа Ефремова разве не фантастична сама по себе? И нет ответа на вопрос – почему сама Екатерина II приняла его по возвращении из путешествия? Дальнейшая его судьба весьма показательна – его как кризисного управленца кидают с одного участка работы на другой. И почти везде работа связана с таможней – лишь изредка передышки в каких-то губернских судах. А что такое таможня в те годы? Это граница, это как раз сбор разведывательной информации и контрразведка. Что важно – на каждом таком месте Ефремов демонстрирует высокую эффективность. Он всякий раз повышает собираемость таможенных платежей и борется с контрабандой. И он не взяточник, во всяком случае, по воспоминаниям современников, в отставке он жил довольно скромно и порой даже нуждался в средствах. Так что не все так просто в истории Филиппа Ефремова.

К концу 18 века торговые связи России с Индией сложились более чем тесные. В российских городах, в основном торговых, возникают даже целые колонии индийских купцов. Одна из самых крупных – в Астрахани, о чем нынешние жители этого города, возможно, даже и не знают. Иоганн Готлиб Георги, немецкий натуралист, этнограф, путешественник, академик Российской академии наук, глубокий ученый, первым высказавший предположение о тектоническом происхождении озера Байкал, в конце 18 века создал фундаментальный труд «Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, вероисповеданий и прочих достопамятностей». Астраханскую колонию индийских купцов он описал довольно подробно, и позволю себе привести здесь обширную цитату, поскольку она весьма любопытно характеризует царивший там быт и нравы. В особенности интересно то, что к традициям индийцев, к их особенностям быта и власти Российской

империи, и местное население относились толерантно, во всяком случае им никто не мешал справлять необычные для нашей страны религиозные обряды.

«Народ индийский со времени данных ему от Петра Великого преимуществ живет постоянно в Астрахани, да несколько семей в Кизляре на Тереке; переселился же туда из разных западных сторон Индии, и большею частью из провинции персидской Мултянской, и, следовательно, суть прежние подданные великого могола. Они составляют между собою как в Астрахани, так и Кизляре соединенное общество от двух до четырех сот человек, под судом и расправою губернского правления; судей же и начальников избирают они из между себя. Вид индийцев сих весьма сходен с татарским. Они большею частью высоки, тонки, сухощавы; волосы имеют редкие, черные; глаза малые, черные; небольшие бороды, нос сухой, губы малые, зубы весьма белые, изжелта бледный цвет лица и важную осанку. В походке и поступках своих оказывают ленивую важность, говорят тихо, с расстановкою, и всегда подумав. Они в слове своем устойчивы, учтивы, услужливы, терпеливы, весьма решительны, осторожны и любят уединение.

Язык их есть весьма сходное с монгольским наречие, а потому и легко научаются оному калмыки. Пишут на оном собственными своими буквами, с левой на правую сторону, тростником, очиненным и обмакиваемым в тушь или китайские чернила. Они считают, как и мы, до десяти. Один называется на их языке ик, два – ду, три – треи, четыре – чаас, пять – пани, шесть – пни, семь – затше, восемь – ати, девять – нау, десять – да, одиннадцать – яра, двенадцать – бара, тринадцать – тера, двадцать до пятидесяти – пандша, сто – сан, тысяча – гасаар, бог – Такур, человек – аадми, жена – пар и т. д.

Российские наши индийцы все купечествуют, частью собственным капиталом, не выезжая из России во всю свою жизнь никуда, и частью бывая прикащиками товарищами индийских торговых домов, торгующих в разных местах. Торговля их весьма сходствует с армянскою. Они привозят в караванах своих разные белые и пестрые индийские материи из роду льняных, называемых ими мунгру, также бумажные, шелковые и полушелковые, индийские, персидские и бухарские материи, катуны, ситцы и тем подобные. В рассуждении цены, сии рукоделия их хороши; но, оставя цену, гораздо хуже европейских добротой, красотою и прочностию; почему на место оных и отправляются в те стороны индийцами

тонкие сукна, краски, всякий мелочный товар и тому подобное. Но торговля их имеет перерос великий. А как ныне запрещено им вывозить всякие необделанные вещи, покупать же на российские деньги в Индии для них убыточно, то и переторговывают они в России деньгами своими, что и составляет многих из них главное упражнение. Они имеют все свойства добрых ростовщиков, добрый запас денег, осторожны, молчаливы, проценты берут не больше дозволенных законами, но берут оные вперед за год, не притесняют своих должников, и необходимость одна заставляет подавать жалобы. Людям, не от оплошности своей пришедшим в несчастье, не только ни малейшаго не оказывают презрения, но часто оказывают им знатную помощь; причем стараются сделать сие скрытно, поелику таковое доброе дело, по вере их, будет чрез то иметь больше своего достоинства. Они все зажиточны, а некоторые имеют знатные капиталы.

Во всех вещах презирают они пышную наружность. Астраханские индийцы все живут в выстроенном для них от казны каменном гостином дворе, который составляет четырехугольник, вокруг площади, дверями на двор. Лавка каждого составляет и горницу его и состоит из самой себя; в оной нет ни одного окна, кроме отверстия в плоском потолке, сквозь которое входит несколько света и которое зимою закрывается, а летом сеткою задергивается. Почему во весь день горят у них лампы. В лавке находится широкая, вышиною от земли на два фута скамья, как у татар, покрытая хорошими коврами, на которых они сидят, пишат, едят, и спят, да небольшая железная печь, в которой варят. Товары расположены по полкам, около стен лавки. При всей темноте в лавках, всегда видна в оных чистота.

Они одеваются, по образу восточных народов, весьма сходно с татарами. Носят длинные и широкие штаны, чулки сафьянные, или суконные большею частью, туфли, узкие полусапоги, и те и другие остроконечные, рубахи шелковые или тонкие бумажные, и высокие, подобные кеглям, шапки, с узенькою опушкою, полукафтанье, до икр достоящее, шелковое, и длинный, тонкаго сукна, кафтан, подпоясываясь по оному шелковым кушаком. Шея голая, на бороде немного волос, а голова обрита. Из набожности некоторые из них дают духовным своим сделать у них на челе знак, похожий на латинскую букву Н шафранною мазью, сверх которого кладут золотыя дощечки.

Веря преселению души, не едят они ни животных четвероногих, ни птиц, ни рыб, а еще менее убивают или режут что-либо живущее.

Вседневная их приправа есть каша из сарацинского пишена (полов) с изюмом, маслом коровьим, тмином, а иногда и с шафраном. Дыни, арбузы и другие плоды, сырые или жареные, – также обыкновенные их кушанья. Напитки их: вода и кофе, а иногда, чтоб подвеселиться, и питье, делаемое из конопель с ассафетида; хмельных или крепких напитков они вовсе не употребляют. Все курят табак, по-армянски, чрез калиан, но никогда многие чрез один и тот же не курят вместе, а всяк чрез свой собственный или поднесенный.

В образе жизни, нравах и обычаях имеют они великое сходство с китайцами. Весьма любят чистоту в жилищах своих, одеянии и пище. Кушанье варят частью в общих котлах, но каждый держит собственные свои блюда и сосуды для питья. По целому дню просиживают одни в лавках своих на тюфяках, поджавши ноги, в каковом положении и едят. Ночью спят на скамьях, подложив одну только подушку под голову, и под тонким одеялом. Постороннему не дозволяют трогать их кушанья, дабы чрез то оные не были осквернены; после чего они уже есть оных не станут. Прежде вкушения бросают они понемногу кушанья в воду рыбам. Отъевши, идут к воде умываться и молиться.

Живущие в Астрахани и Кизляре индийцы не имеют у себя жен по причине опасных своих и трудных путешествий в Киргизские степи, по причине непостоянства их пребывания и что при смерти их, по обычаю земли своей, не могут с женами так разлучаться, поелику законы российские то запрещают. Многие индийцы живут с татарами. К большей части увеселений они равнодушны. Отъевши, любят они поспать часа два, потом курят табак, играют в шашки по индийскому обычаю, забавляются музыкою на своих простых инструментах или смотрят на Татарские пляски, шутовства в обмарачивании друг друга проворными обманами и другия скоморошничества.

Мертвецов своих сожигают вне города, в сделанной нарочно печи, и прах развевают по воде.

Они последуют языческому браминскому исповеданию. Брамины почитают вообще жизнь тюремным заключением, смерть же и степени преселения души подобны состоянию зародыша и преддвериям к истинной и существенной жизни человеческой. А

потому и привязаны они так мало к удовольствиям сея жизни, наблюдают строгую умеренность в пище и питии, трудные дела заслуг, воздержание и другие добродетельныя упражнения. В Астрахани имеют они небольшую молитвенную храмину (Такур Дуара), похожую на их лавки, только без скамьи. В оной стоит малый жертвенник, а на оном бурханы Рамдиши и Балемуконда, в мужеском виде, Латне Мандиши и Ситамата в женском, все из крутца с толстою позолотою, образом как монгольские бурханы, весьма чистой работы. Пред идолами сими поставлены жертвенные чашечки с сарацинским пшеном, плодами и некоторыми сахарными приправами. Подле жертвенника висят два малые колокола. Пол божницы сей покрыт коврами. Священнослужитель их есть из браминов, называемых гузандии, который отменяется от них одною турецкою повязкою на голове в своем одеянии и жизнь ведет весьма набожную, строгую, ограниченную и самую трудную.

Они отправляют всякое утро и вечер в божнице сей свои моления, которые в праздничные их дни бывают повеликолепнее. Пред молитвою все моются в бане, неподалеку от божницы выстроенной; священнослужитель стоит босыми ногами пред жертвенником лицом к оному. Пономарь безпрестанно бьет колотушками в колокола, а равно и гузандий часто гремит в ручные колокольчики Миряны при входе в божницу кланяются низко к жертвеннику, целуют ноги у гузандия и, поджав ноги, садятся с покрытыми головами против жертвенника, обращая лице свое к истуканному. Гузандий читает тихо много молитв, с благоговением и как бы распевая, которые повторяют тихо за ним миряны. Часто все глубоко воздыхают и повергаются лицом на пол. Молитвы их распорядены по двум четкам, на Сурмони из оных двадцать восемь, а на Малге сто восемьдесят зерен коральных. По окончании молитве священнослужитель окропляет мирян освященною водою, состоящею из распущенаго в воде леденцу; но иные утверждают, яко бы она из мочи рыжей коровы, каковыя у них в великом уважении, ибо они верят, что рыжая рогатая скотина первая из всех животных, созданных богом, должна быть; а потому и преимущественно приносится в жертву бурханам. При больших торжественных молебствиях гузандий освящает немного сахарцов и воды наипаче, в которую он погружает одного из бурханов, едущаго на осле, со многими светильниками в руке из растрепанных и в масло обмоченных тряпич. Потом садится на пол и принимает

от пономаря сахарцы и воду освященные со вздохом и молитвами, сопровождаемыми великим благоговением. В чем следуют ему после и все миряны.

Каждого года четвертое число октября торжествуют они праздник принятого в число бурханов подвигоположника Рандши за основание благоденствия их народа. Тогда всякий индеец наилучше убирает лавку свою, освещает оную восковыми свечами и лампадами, не торгует ничем и весь день посвящает на молитвы и угощение хороших приятелей. Хозяин сидит в лавке своей, в лучшем одеянии своем; около него раскладены наилучшие его товары, а перед ним высыпаны все его наличные деньги; так же разложены торговые книги, ради обозрения всего прочаго его имуществва. Показывают благословение, дарованное им от богов, и с радостною благодарностью за то отзываются. Приятели их и посетители, хотя бы они их и никогда не видали, угощаются кофеем, чаем, напитками, приготовленным кушаньем, плодами и прочим, и при том бывают опрыскиваемы благоухающими водами. В тот же день раздают они богатая милостыни.

Из благочестиваго побуждения дают они обеты всякого рода, часто весьма тяжелые, как-то не жениться, быть затворником, странствовать в отдаленнейшие места, много молиться, жить в нищете и прочее тому подобное. Затворники, или отшельцы и путешествователи, из набоженства, часто виданы без всякого лоскутка на теле их, кроме срамнаго Места. Но обеты таковыя для богатых бывают сносны, поелику они заставляют других исполнять вместо их оные. Перевозимы будучи чрез реку, индийцы поют, пока не выдут на землю, причем, статья может, Страх песенки припевает»^[57].

Глава 4

Так что, учитывая, как много русские знали об Индии, и главное, о путях в эту страну, поход казаков в 1801 году не был такой уж страшной авантюрой. Скорее можно было говорить о слабой материально-технической подготовке похода и полном отсутствии детальной проработки маршрута. Но при других исходных данных русский бросок к берегам Инда и Ганга выглядел вполне реальным. Англичане это отлично понимали, и уязвимость Индии для них была очевидна. Как и то, что любой завоеватель, который попытался бы атаковать «жемчужину короны» с моря, был бы обречен: британский флот в то время конкурентов не имел. А вот на суше все было не так однозначно, потому что британские генералы всерьез сомневались, смогут ли английские солдаты, или тем более сипаи, противостоять русской армии.

Более того, в Лондоне помнили, что вовсе не Павел I с Наполеоном впервые задумались о военном походе на Индию. Еще во времена правления Екатерины Великой, в 1791 году, французский эмигрант маркиз де Сент-Жени предложил императрице план похода в Индию через Бухару и Кабул. Местом сосредоточения русских войск должен был стать Оренбург. Результатом должно было быть восстановление власти Великого Могола. По мнению Сент-Жени, этот поход привлек бы на сторону русских мусульман Южной Азии и привел бы к восстанию в самой Индии против владычества англичан. Дальше обсуждения плана дело не пошло, но показательно, что Екатерина отнеслась к нему довольно серьезно.

Военные Ост-Индской компании в Калькутте и генералы в Лондоне понимали: сухопутный путь в Индию, который предполагает переброску больших военных подразделений с севера, есть только один. Через Персию и Афганистан. И потому уже в 1800 году, как раз в тот момент, когда Павел и Наполеон выстраивали отношения между двумя странами, англичане решили действовать на опережение. Летом 1800 года в Тегеран прибыла британская дипломатическая миссия, ее возглавлял Джон Малкольм, молодой офицер, сотрудник политического департамента компании, карьера которого началась, когда ему было всего 13 лет. Он отлично говорил на персидском, знал местные традиции. Впрочем, все это было не исключением, а правилом – большинство и британских, и русских офицеров, прославившихся как участники Большой Игры, обладали

схожими биографиями. С юного возраста в погонах, на войне, с боевым опытом, со знанием языков, с пониманием реалий Азии и местных традиций.

В Тегеран Малкольм прибыл с эскортом в 500 человек, включая 100 индийских всадников и пехотинцев и 300 слуг и помощников. Ему было поручено любой ценой подписать с шахом договор о совместной обороне. Англичане обещали поддержать шаха в случае войны с Афганистаном, а он в свою очередь, по их замыслу, должен был не пустить в Персию французов. Угрозу Индии британцы хотели остановить на дальних рубежах. Договор был подписан – уж очень красиво умел говорить Малкольм, и очень уж шаху понравились дары, поднесенные дипломатом. Богато украшенные ружья и пистолеты, усыпанные драгоценностями часы, позолоченные зеркала для шахского дворца.

Вскоре, правда, шах убедился, что подписанный договор не гарантирует дружбы с англичанами, что в целом является характерной чертой англосаксонской современной политики. 8 января 1801 года Павел I подписал указ о присоединении Грузии к Российской империи, в сентябре того же года Александр I подтвердил решение отца. Это вызвало беспокойство в Тегеране, а в 1804 году, когда русская армия двинулась дальше на юг и осадила крепость Эривань, столицу Армении, персидский шах решил, что настало время обратиться к англичанам за помощью. Но к этому времени Российская империя и Англия стали формальными союзниками против Наполеона, и в Лондоне на призыв шаха никак не отреагировали. Кстати, формально все было правильно – в договоре Малкольма про русских слова единого не говорилось, там упоминались только Франция и Афганистан. Разобиженный шах в ответ подписал в 1807 году договор с Наполеоном, в котором говорилось о разрыве всех отношений с англичанами. Одновременно с этим шах соглашался объявить Британии войну и позволить французским войскам пройти в Индию, принять у себя в Тегеране французскую военную миссию. Англичане в ответ отправили к шаху сразу двух послов – одного из Лондона, другого из Калькутты. Просто правительство и Ост-Индская компания не успели проконсультроваться между собой.

Одну миссию, калькуттскую, возглавил все тот же Джон Малкольм, который принялся угрожать шаху, обещая тому множество проблем со стороны Англии. Общался он через посланников – шах его даже не принял, и потому ему пришлось

уехать ни с чем. В то же время шах понимал, что французы ему помогать в случае войны с Англией не станут. И когда в Тегеран прибыл посол из Лондона, сэр Харфорд Джонс, шах согласился выгнать французскую миссию, договор с Наполеоном признать ничтожным, а при участии Джонса было заключено новое соглашение. Шах обязывался не позволять вооруженным силам какой-либо другой страны пересекать его территорию с целью нападения на Индию, а также не участвовать в каких-либо предприятиях, враждебных британским интересам, а также аналогичным интересам Индии. В обмен на это Англия официально пообещала военную поддержку. Или же Персия должна была получить достаточное количество вооружения и военных советников, чтобы быть способной воевать самостоятельно.

Однажды уже столкнувшись с английским коварством, шах на этот раз решил все оформить документально и точно. Ему удалось выбить из англичан ежегодную помощь в размере 120 000 фунтов стерлингов на модернизацию его армии. Ответственным за это назначили Джона Малкольма, который к тому моменту уже стал генералом. И в Лондоне, и в Калькутте понимали, что никто лучше него не справится с этой важной миссией. Как и с другой, более деликатной. Ему и группе сопровождавших его военных советников было поручено собрать максимум сведений о географии Персии и Афганистана, об отношениях между племенами, о состоянии дорог и возможности преодоления пустынных пространств Южной Азии войсками потенциального противника. Русских или французов. Англичане боялись всех. Дело в том, что Наполеон, несмотря на смерть Павла I, несмотря на то, что Россия не была его союзником, планов атаковать Индию не оставил. И это не было секретом для европейских политиков. Русский журнал «Вестник Европы» в 1808 году публикует перевод статьи из венского журнала как раз о будущем походе французов:

«Народы Европы не могут любить Англичан. Высокомерие, национальный эгоизм и грубость уничтожают в них всякую любезность; но характер сей нации вообще благородный; но множество великих людей, возвысивших ее своими дарованиями и приносящих честь всему человечеству; но просвещение и образованность ее, достигшие до высокого совершенства; но разнообразные и великие предприятия для пользы общества, которыми она славится; но законы ее и конституция, превосходные, несмотря на многие недостатки, служат основанием того

уважения, которое имеют к ней все просвещенные люди. Намерение напасть на восточную Индию кажется близким к произведению в действие, и горе Англичанам, если оно увенчано будет успехом! Соотечественники их, знающие положение мест, видят опасность и предсказывают потери. Одни высокомерные, утопающие в ничтожестве Лондонские Набобы мечтают о возможности отразить Наполеоновы войска своими Индийскими Сепоисами (Индийские солдаты).

Все обстоятельства теперь споспешествуют сему великому предприятию – Англия ни чем не может остановить его, как самым скорейшим миром.

Уже несколько раз Англичане были остерегаемы на счет сего ужасного предприятия Наполеонова. Император Наполеон, в походе своем против Ост-Индии, конечно не встретит ни в Персии, ни в Индии препятствий непобедимых. На дороге находится одна только степь, которую, с помощью верблюдов, можно пройти в три или четыре дни: следовательно (так мыслит Издатель Минервы) 40 или 50 тысяч войска, снабженного нужными припасами, могут если не уничтожить, то без сомнения поколебать с корнем владычество Англичан в Ост-Индии. Дорога в сию страну указана Французам Природою, Политикою и опытом Историческим. Она та же самая, которую избрал Шах-Надир в 1738, когда он вторгся из Персии в Ост-Индию, и разорив Дели, сделался повелителем сего великого Царства.

Нельзя предполагать, чтоб, по прошествии семидесяти лет, Французское войско, ведомое сими опытами, могло встретить на пути своем к Дели более затруднений, нежели Персидское. Сей город, чрезвычайно обширный, могущий быть главною квартирою великой армии, хранилищем многочисленных военных запасов, и средоточием сообщения между владельцами и народами Индийскими, доставил бы важные пособия Французскому войску, привел бы его в состояние заключить союз с Мараттами, и открыл бы ему дорогу далее на Запад, – дорогу, которую назначает самая Политика, и именно – прямо в Бомбай.

Завоевание Бомбая было бы сильным потрясением Британского могущества в Ост-Индии. Это единственная Английская гавань во всем Индостане, к которой могут приставать большие корабли. Сей город почитают Англичане вторым из всех, принадлежащих им в Азии; сверх того имеет в нем пребывание полномочное и прикрепленное великими военными силами Правительство.

Скажем последнее свое мнение: никто не будет столь безрассуден, чтобы почитать поход в Ост-Индию незатруднительным; но можно из всего, что мы говорили выше, заключить, что все препятствия уничтожатся, есть ли только планы Завоевателя не будут слишком обширны».

Весной 1810 года в небольшом оазисе Нушки, недалеко от афганской границы, в том районе Азии, который принято называть Северным Белуджистаном, два молодых человека нанимали проводников и охрану, чтобы ехать в Герат, находящийся на границе с Персией. Они объясняли, что они братья, татары по национальности, работают на индийского купца. А в Герат им нужно, чтобы купить лошадей. В оазис Нушки они прибыли из Келата, неофициальной столицы Белуджистана, туда они приплыли на купеческом судне из Бомбея. Через несколько дней, наняв сопровождение, татарские братья разъехались – один отправился в Герат напрямую, другой решил ехать на юг Персии, в Керман. В действительности они не были ни татарами, ни торговцами, старшего из них звали Чарльз Кристи, младшего Генри Поттинджер. Капитан и лейтенант 5-го Бомбейского пехотного полка были отправлены с опасной миссией генералом Малкольмом. Им предстояло пройти через места, где до них почти не было европейцев, где не существовало никаких законов, кроме родоплеменных. Несмотря на тщательно подготовленную легенду, несмотря на знание языков, оба разведчика вызвали у местных подозрение. Более того, за несколько часов до отъезда они узнали, что их ищут посланники властителя Синда, пока еще не зависимого от англичан индийского государства, осколка империи Великих Моголов. Тот откуда-то узнал, что двое англичан рыщут около границ его государства и, видимо, ведут разведку.

Генри Поттингер

Путешествие Кристи и Поттинджера продолжалось почти три месяца. И это, без всякого сомнения, была уникальная разведывательная операция, и, конечно, оба офицера были настоящими героями. Все три месяца они тайно вели записи, фиксируя все, что видели, что слышали, что могло иметь значение для обороны Индии. Они отмечали родники и реки, посеvy сельскохозяйственных культур и прочую растительность, количество осадков и характер климата, описывали укрепления попадавшихся по пути кишлаков и детально описывали индивидуальные особенности местных ханов и их союзников. Кристи и Поттинджер даже описывали развалины и памятники истории, собирая местные байки и легенды о них. Кристи смог, кроме всего прочего, составить карту своего маршрута, на основе которой позднее составили первую военную карту западных подступов к Индии.

Лейтенанту Поттинджеру пришлось в путешествии куда сложнее, чем его товарищу. И не только потому, что по дороге он пересек две пустыни, но и потому, что из-за опасности разоблачения ему на ходу пришлось менять свою легенду – из опасения быть ограбленным и убитым афганскими племенами он решил назваться татарским паломником, хаджи. И это при том, что он обладал весьма поверхностными знаниями об исламе и практически не умел делать намаз. Надо признать, что лейтенант Поттинджер был рискованным парнем. Несколько раз он даже сумел в мечетях сделать вид, что читает молитву. Перед отъездом из Бомбея он не поленился выучить у своего слуги несколько основных сур из Корана. Один раз его едва не разоблачили на рынке, где он покупал пару сапог. Старик в толпе, собравшейся вокруг, обратил внимание, что ноги у Поттинджера слишком уж нетипичные: нет мозолей, трещин, то есть человек явно привык носить хорошую обувь. Офицер поспешил скрыться, больше никогда не переодевал сапоги прилюдно и даже старался давать ногам загорать на привалах, чтобы они стали такими же темными, как лицо и руки. В другом кишлаке мальчишка лет 12 пристально посмотрел на разведчика, внезапно произнес: *«Если бы он не сказал, что он паломник, я бы поклялся, что он приходится братом тому европейцу Гранту, который приезжал в прошлом году в Бампур...»*

Дело в том, что за год до этого капитан Грант из Бенгальской туземной пехоты был направлен с официальной миссией в Восточную Персию. И мальчишка его там видел. Удивительное стечение обстоятельств – подросток, который, пожалуй,

единственный из местных жителей встречал живого европейца, попался Поттинджеру на пути. Он потом вспоминал: «Я попытался игнорировать замечание паренька, но мой смущенный вид меня выдал». Местный хан спросил у англичанина, правда ли, что он на самом деле европеец. И добавил, что бояться ему нечего. Здесь, около персидских границ, ему вреда не причинят. Тогда лейтенант на ходу сочинил легенду, что он европеец, но из небогатых слоев, и был вынужден наняться на службу к одному крупному индийскому купцу. А паломником он назвался, потому что не был уверен, что иначе выполнит задание своего босса. Хан, к счастью для разведчика, ему поверил и даже восхитился тем, как тот ловко выдавал себя за паломника. В дневниках Поттинджера есть немало упоминаний о том, как был труден его маршрут с технической точки зрения. Постоянная жажда, жара, невыносимый климат. Он писал:

«Человек с терпением и надеждой может выдержать усталость и голод, жару или холод и даже длительное полное отсутствие естественного отдыха. Но чувствовать, что у вас в горле все пересохло так, что вы с трудом можете вздохнуть, опасаться пошевелить языком во рту, боясь при этом задохнуться, и не иметь возможности избавиться от этого ужасного ощущения, это... это самое страшное испытание, которое может ждать путешественника».

Капитан Кристи тем временем добрался до Герата – одного из самых больших городов Афганистана. Он тоже по дороге изменил легенду. Назвался паломником и лишь в Герате снова стал представляться торговцем лошадьми. Базары Герата считались едва ли не самыми богатыми в Азии, через него шли основные дороги на запад к караванным городам Персии – Мешхеду, Тегерану, Керману и Исфахану, на восток к Кабулу и дальше в Индию. И вот именно это положение Герата было для англичан определяющим, потому что именно здесь, именно этим путем, вражеские, читай русские, войска могли пройти до одного из двух горных проходов в Индию, Хайберского или Боланского перевалов. Более того, долина Герата была весьма плодородной и могла не просто прокормить армию вторжения, но и обеспечить ее припасами на будущий поход. Кристи прожил в Герате месяц, собирая сведения о возможностях обороны города, о его казне, о политических взглядах местной элиты. Затем он перебрался в персидский Мешхед, якобы для того, чтобы посетить святыне места перед покупкой лошадей.

В Персии он почувствовал себя в безопасности. Даже если бы обнаружилось, что он шпион, офицер Ост-Индской компании, это вряд ли стало бы проблемой, учитывая, как тесно Тегеран сотрудничал с англичанами. Через несколько дней Кристи и Поттинджер встретились в Исфахане. Поначалу они даже не узнали друг друга, настолько они оба загорели и обросли за месяцы, проведенные в пути. За невероятное путешествие, за смелость, отвагу, за находчивость молодые офицеры, совсем мальчишки с современной точки зрения, были должным образом вознаграждены. Лейтенанта Поттинджера, которому еще не было 21 года, ждала многолетняя работа, рыцарское звание, должность губернатора Гонконга. Кроме секретных отчетов для начальства, Поттинджер написал книгу о своих приключениях, ставшую в Англии своего рода бестселлером. А вот капитан Кристи согласился на предложение генерала Малкольма остаться в Персии в должности военного инструктора. Он стал обучать персидские войска для возможного противостояния русской агрессии. И по иронии судьбы он был убит как раз в схватке с русскими.

Как уже упоминалось, интересы Российской империи и Персии столкнулись на Кавказе. Русско-персидская война шла с 1804 по 1813 год, и за ее ходом Лондон и Калькутта наблюдали с вниманием и напряжением. Это была война, в которой Тегеран регулярно пытался вытеснить русских из зоны своих традиционных, как считали персы, интересов. Как правило, военные походы персидской армии заканчивались одним и тем же результатом – победой русских. И расширением русского влияния в Закавказье.

Один из таких эпизодов заслуживает особого внимания, потому что долгие годы он был несправедливо забыт. Это героический, невероятный поход полковника Карягина летом 1805 года, который был совершен на территории нынешнего Карабаха. Персидский правитель Баба-хан решил поквитаться с русскими за проигранную кампанию 1805 года. Он выслал 40-тысячное персидское войско под командованием наследного принца Аббас-Мирзы. Отряд перешел Аракс, батальон семнадцатого егерского полка под командованием майора Лисаневича был не в силах удержать переправу, и князь Павел Дмитриевич Цицианов, главнокомандующий русскими войсками на Кавказе, отправил на помощь к нему другой батальон и два орудия под командованием шефа того же полка, полковника Карягина.

Павел Михайлович Карягин начал свою службу рядовым в Бутырском пехотном полку во время Турецкой войны 1773 года. Когда Бутырский полк был перебазирован на Кубань, Карягин попал в суровую обстановку, где на кавказской оборонительной линии шли бесконечные стычки с горцами. Он был ранен при штурме Анапы, и с этого времени вся его жизнь проходила в войнах и походах. В 1803 году его назначили командиром семнадцатого полка, расположенного в Грузии. Карягин выступил из Елизаветполя двадцать первого июня и через три дня, подходя к Шах-Булаху, увидел передовые войска персидской армии. Под командованием Карягина были 493 солдата и офицера и два орудия.

Замечательный русский военный историк Василий Александрович Потто в своем фундаментальном пятитомном труде «Кавказская война» описывает первую стычку с персами так:

«Карягин, подходя к Шах-Булаху, увидел передовые войска персидской армии, под начальством сардаря Пир-Кули-хана.

Так как здесь было не более трех-четырёх тысяч, то отряд, свернувшись в каре, продолжал идти своей дорогой, отражая атаку за атакой. Но под вечер вдали показались главные силы персидской армии, от пятнадцати до двадцати тысяч, предводимые Аббас-Мирзой, наследником персидского царства. Продолжать дальнейшее движение русскому отряду стало невозможным, и Карягин, осмотревшись кругом, увидел на берегу Аскорани высокий курган с раскинутым на нем татарским кладбищем – место, удобное для обороны. Он поспешил его занять и, наскоро окопавшись рвом, загородил все доступы к кургану повозками из своего обоза. Персияне не замедлили повести атаку, и их ожесточенные приступы следовали один за другим без перерыва до самого наступления ночи. Карягин удержался на кладбище, но это стоило ему ста девяноста семи человек, то есть почти половины отряда»^[58].

Еще раз вчитайтесь: так как врагов было не более трех-четырёх тысяч, отряд (в котором было меньше 500 штыков) шел дальше, выполняя поставленную задачу. Персы, атакуя укрепленную русскую позицию, понесли большие потери, и следующие сутки Аббас-Мирза принялся обстреливать лагерь, не рискуя снова атаковать. При этом сам Карягин сдаваться даже не думал. На третий день, 26 июня, у осажденных закончилась вода, а персы установили новые легкие батареи на господствующих высотах. Карягин был трижды контужен и ранен пулей в бок навывлет. Большинство офицеров также выбыли

из строя. Солдат, еще не раненных, осталось около ста пятидесяти человек. При этом русские постоянно совершали вылазки из лагеря и наносили персам ощутимые потери. Например, солдаты под командованием поручика Ладинского ворвались в персидский лагерь, добыли воду и принесли с собой 15 фальконетов. Ладинский рассказывал:

«Я не могу без душевного умиления вспомнить, что за чудесные русские молодцы были солдаты в нашем отряде. Поощрять и возбуждать их храбрость не было мне нужды. Вся моя речь к ним состояла из нескольких слов: “Пойдем, ребята, с Богом! Вспомним русскую поговорку, что двум смертям не бывать, а одной не миновать, а умереть же, сами знаете, лучше в бою, чем в госпитале”. Все сняли шапки и перекрестились. Ночь была темная. Мы с быстротой молнии перебежали расстояние, отделявшее нас от реки, и, как львы, бросились на первую батарею. В одну минуту она была в наших руках. На второй персияне защищались с большим упорством, но были переколоты штыками, а с третьей и с четвертой все кинулись бежать в паническом страхе. Таким образом, менее чем в полчаса мы кончили бой, не потеряв со своей стороны ни одного человека. Я разорил батарею, набрал воды и, захватив пятнадцать фальконетов, присоединился к отряду»^[59].

В ночь на 29 июня Карягин решил прорываться из окружения. Обоз оставили на разграбление, с собой взяли оружие, пушки, в том числе и трофейные фальконеты, боеприпасы. Под покровом ночи с помощью армянского проводника русский отряд смог уйти от преследования, а начавшаяся буря еще раз спасла его. Под утро русские оказались под стенами крепости Шах-Булах, занятой небольшим персидским гарнизоном. Поскольку персы спали, в том числе и поставленные в охранение – они ведь все были уверены, что русские сидят далеко и в окружении, – Карягин приказал атаковать. Был сделан залп из орудий, которым выбили ворота, и за десять минут русский отряд захватил крепость. Начальник гарнизона, Эмир-хан, родственник наследного персидского принца, был убит.

Как только отряд Карягина овладел крепостью, у ее стен образовалась персидская армия, преследовавшая русских. Наши приготовились к бою, но персы через несколько часов прислали парламентаря. Попросили выдать тело убитого Эмир-хана. Карягин просьбу выполнил, тем переговоры и закончились, и началась блокада. Четыре дня осажденные питались травой и конским мясом. В одну из ночей армянский проводник отряда Юзбаш выбрался из

крепости, дошел до армянских аулов и передал князю Цицианову записку о положении отряда. Карягин написал ему: *«Если ваше сиятельство не поспешит на помощь, то отряд погибнет не от сдачи, к которой не приступлю, но от голода»*.

К Цицианову еще не подошли резервы, и все, что он мог, – это написать в ответ полковнику Карягину:

«В отчаянии неслыханном, прошу вас подкрепить духом солдат, а Бога прошу подкрепить вас лично. Если чудесами Божьими вы получите облегчение как-нибудь от участи вашей, для меня страшной, то постарайтесь меня успокоить для того, что мое прискорбие превышает всякое воображение».

Все тот же отчаянно храбрый Юзбаш доставил письмо в осажденную крепость, а в последующие дни русские предприняли с его же помощью несколько вылазок в окрестности персидского лагеря за водой и провизией. Это позволило Карягину продержаться еще целую неделю. Наконец Аббас-Мирза, потеряв терпение, предложил Карягину сдаться, перейти на службу к нему, а в случае согласия пообещал полковнику серьезное жалованье. Оставшийся отряд он пообещал отпустить. Карягин попросил четыре дня на размышление, но при условии, что персы дадут русским съестные припасы и воды. Аббас-Мирза согласился, и персы четыре дня снабжали русский отряд, пока солдаты и офицеры наслаждались передышкой. На четвертый день Аббас-Мирза прислал парламентаря, чтобы узнать, что там надумали русские. Карягин ответил: *«Завтра утром пускай его высочество займет Шах-Булах»*. И так вышло, потому что, как только наступила темная южная ночь, весь отряд вышел из Шах-Булаха и отправился к другой крепости, Мухрату. Отряду удалось, с помощью Юзбаша, обойти персидские посты скрытно, и лишь утром персы поняли, что русские ускользнули из-под носа. Утром авангард отряда, с ранеными солдатами и офицерами, уже занял новую крепость, а сам Карягин с остальными людьми и с пушками был на подходе. Во время этого перехода произошел такой случай. Отряд шел по пересеченной местности, и на пути русских солдат оказался глубокий овраг. Из книги Василия Потто:

«“Ребята! – крикнул вдруг батальонный запевала Сидоров. – Чего же стоять и задумываться? Стоя города не возьмешь, лучше послушайте, что я скажу вам: у нашего брата пушка – барыня, а барыне надо помочь; так перекатим-ка ее на ружьях”».

Одобрительный шум пошел по рядам батальона. Несколько ружей тотчас же были воткнуты в землю штыками и образовали сваи, несколько других положены на них, как переводины, несколько солдат подперли их плечами, и импровизированный мост был готов. Первая пушка разом перелетела по этому в буквальном смысле живому мосту и только слегка помяла молодецкие плечи, но вторая сорвалась и со всего размаху ударила колесом по голове двух солдат. Пушка была спасена, но люди заплатили за это своей жизнью. В числе их был и батальонный запевала Гаврила Сидоров.

Как ни торопился отряд с отступлением, однако же солдаты успели вырыть глубокую могилу, в которую офицеры на руках опустили тела погибших сослуживцев. Сам Карягин благословил этот последний приют почивших героев и поклонился ему до земли.

“Прощайте! – сказал он после короткой молитвы. – Прощайте, истинно православные русские люди, верные царские слуги! Да будет вам вечная память!”

“Молите, братцы, Бога за нас”, – говорили солдаты, крестясь и разбирая ружья»^[60].

Между тем персы догнали русский отряд, атаковали его, но Карягин снова смог организовать оборону, хотя русские орудия несколько раз оказывались в руках противника и их приходилось отбивать. К счастью, русский отряд, потрепанный и измученный, отступил к Мухрату, и оттуда уже Карягин тотчас послал лазутчика с письмом к Цицианову. «Теперь я от атак Баба-хана совершенно безопасен по причине того, что здесь местоположение не позволяет ему быть с многочисленными войсками». Одновременно Карягин отправил письмо к персидскому принцу в ответ на его предложение предать Родину.

«В письме своем изволите говорить, что родитель ваш имеет ко мне милость; а я вас имею честь уведомить, что, воюя с неприятелем, милости не ищут, кроме изменников; а я, посевший под ружьем, за счастье сочту пролить мою кровь на службе Его Императорского Величества».

Пока отряд Карягина отчаянно сражался с персами, приковывая их многотысячный отряд, правильнее сказать армию, то к одной крепости, то к другой, князь Цицианов собрал войска, рассеянные по границам, и перешел в наступление. Тогда и Карягин отступил из Мухрата, и у селения Маздыгерт его со всеми почестями встретил Цицианов. Русские войска, одетые в парадную форму, были

выстроены как на парад, и когда показались остатки героического отряда, Цицианов лично отдал команду «На караул!».

Русский император пожаловал Карягину золотую шпагу с надписью «За храбрость», а проводник отряда армянин Юзбаш получил чин прапорщика, золотую медаль и двести рублей пожизненной пенсии. Павел Михайлович Карягин сам отвел остатки своего батальона в Елизаветполь, сейчас это город Гянджа. Израненный, контуженый, едва стоявший на ногах от усталости полковник не лег в лазарет, а снова повел своих солдат в бой. Буквально через несколько дней русский обоз, следовавший из Тифлиса, был атакован персами. Русские солдаты, охранявшие обоз, составили каре из своих телег и приняли бой. Персы расстреливали русских из орудий, офицеры погибли в бою, и солдаты уже готовились к последней, смертельной схватке, когда батальон полковника Карягина, подоспевший к месту боя, атаковал персидский отряд, ворвался в лагерь неприятеля и захватил батарею. Русские тут же развернули отбитые пушки на вражеский лагерь и открыли шквальный огонь прямой наводкой. Персами овладела паника, когда они слышали, что их атакует отряд все того же Карягина, который всего неделю назад уже потрепал их с такой же горсткой храбрецов. Русские захватили весь персидский лагерь, обоз, несколько орудий, знамена и множество пленных. К сожалению, ранения подорвали здоровье героя, и в 1807 году полковник Павел Карягин скончался.

Война с Персией не прекращалась и в 1812 году, когда Россия отражала нашествие Наполеона. В это время Лондон и Петербург были союзниками, причем скорее юридически. Англия, конечно, обещала помогать русским деньгами и оружием, но не спешила это делать. Поставки были нерегулярными, и оружие русской армии приходило некачественное и бракованное. А в Закавказье в то самое время, пока русские гибли на Бородинском поле, когда горела Москва, когда русская армия топила французскую в Березине, англичане воевали против русских. Буквально.

В 1856 году премьер-министр Великобритании лорд Генри Палмерстон сформулировал, вероятно, самую универсальную формулу, характеризующую внешнюю политику Британии и, как теперь, в 21 веке, становится ясно, англосаксов вообще, включая американцев. «У Англии нет вечных союзников и постоянных врагов – вечны и постоянны ее интересы».

И вот, пожалуй, ситуация, сложившаяся в 1812 году, этот тезис отражает весьма ярко. В начале года персы решили все же отбить у русских Карабах. Командующий русскими войсками в регионе Петр Степанович Котляревский рапортовал начальству о том, что готовится вторжение. Ему отвечали, что переживать не стоит, что идут переговоры о мире и что до их завершения боевые действия запрещены и на провокации поддаваться не стоит. Персы, правда, набеги продолжали. Во время одного из них горстка русских солдат – их было всего шестьдесят человек, это были егеря все того же прославленного 17-го, карягинского, полка – с одним орудием, под командованием капитана Кулябки, отбила атаку четырехтысячного персидского отряда. Дело кончилось тем, что персов разбили наголову и к ним еще попал в плен хан Гуссейн-Кули.

Надо понимать, что российские генералы и дипломаты переговоры с персами вели не от хорошей жизни. В июне в Россию вторглась Великая армия Наполеона, и все силы были брошены на отражение этого нападения. Кавказский генерал-губернатор Николай Федорович Ртищев именно поэтому отправил в ставку наследного принца, командующего персидской армией Аббас-Мирзы, своих переговорщиков.

При этом в Тегеране, конечно, помнили поход Карягина, помнили и другие эпизоды войны и иллюзий насчет умения русских воевать и побеждать не испытывали. Единственная причина, по которой шах чувствовал себя так уверенно и нагло, была проста. За его спиной стояла Англия. Одержимая идеей защитить Индию от возможного похода русских, о котором в тот момент никто и не помышлял, Лондон и Калькутта решили максимально укрепить позиции персов и турок на южных рубежах России. В марте 1812 года посол Великобритании в Персии сэр Гор Оусли подписал договор, согласно которому Англия превращалась в союзницу Тегерана в случае войны с Российской империей. Ну и заодно дипломат пообещал, что Лондон надавит на Петербург, чтобы русские вернули Грузию и Дагестан и ушли из пока еще спорного Карабаха. Англичане быстро перешли от слов к делу, и в июне 1812 года в Персию прибыл уже известный нам генерал сэр Джон Малкольм. Вместе с ним на этот раз приплыли 350 британских офицеров и сержантов для обучения персов европейской системе ведения боя. Кораблями было также доставлено 30 тысяч ружей, 12 орудий и сукно для мундиров персидских пехотинцев, закуплено все это было на деньги Ост-Индской компании. Но шах, конечно же,

получил эту помощь безвозмездно, кроме того, ему предоставили финансирование на три года войны с Россией.

Вообще такая тактика не является каким-то исключением из британской и теперь уже и американской политики. Достаточно вспомнить, как Грузия получала бесплатно вооружение и инструкторов накануне войны августа 2008 года. Грузинские военные были перевооружены и переодеты по стандартам НАТО, и даже была введена натовская система военного управления, где основой является бригада, а не дивизия.

Так что в 1812 году после прибытия английских инструкторов и получения денег и оружия персидский шах уже начал грезить о скорой победе. И когда русские переговорщики приехали к нему, то с ними персы даже не стали разговаривать – их встретил британский посол сэр Гор Оусли. И мало того, что переговоров, по сути, и не состоялось, так еще вместе с дипломатами в русскую ставку прибыл Роберт Гордон, секретарь Оусли, и передал, что шах требует от русских немедленно вернуть Грузию. Иначе войны не миновать. И в августе 1812 года, когда армия Наполеона уже два месяца шла по России, персы под командованием англичан (вроде бы наших союзников?) атаковали русских в Закавказье. Аббас-Мирза во главе 40-тысячной армии шел вперед, быстро занял Ленкорань, русские отряды отступали, огрызаясь.

В конце сентября русский генерал-губернатор Николай Ртищев отправил к Аббас-Мирзе новых переговорщиков. Он предложил от лица Российской империи огромные уступки. Русские были готовы уйти из Талышского ханства (сейчас это территория Азербайджана, где находится город Ленкорань), сделать его независимым государством, этакой буферной зоной между двумя империями. Но персы русские предложения отвергли, сочтя, как это часто бывает, вежливость и готовность к разумным компромиссам за проявление слабости.

А тем временем под Москвой произошло Бородинское сражение, всем стало ясно, что блицкрига у французов не получилось, русская армия сохранила боеспособность, а в объективных условиях русской кампании (климат, время года, близкая зима, неподготовленные тылы) это означало, что французы увязли в войне. В перспективе это могло означать и разгром Великой армии, а англичане хотели, конечно же, поучаствовать в дележке европейского пирога, для чего следовало быстренько объявить себя лучшими друзьями русских и России. В Лондоне решили чуть

смягчить персидскую политику. Лорд Оусли стал настаивать на мире, большая часть английских офицеров и сержантов из персидской армии были отозваны, но не все. Так сказать, на всякий случай.

И вот в октябре 1812 года состоялась битва, которую некоторые историки полагают официальной точкой отсчета Большой Игры, потому что русские и английские военные впервые столкнулись в открытом сражении. 22 октября принц Аббас-Мирза со всей своей армией численностью около 30 тысяч человек подошел к реке Аракс около Асландуза. Персидская пехота заняла позиции на левом берегу. На правом расположили конницу. Английские инструкторы настаивали на необходимости провести рекогносцировку местности, выслать пешую и конную разведки, поставить пикеты. Персы отмахнулись – у русских нет сил атаковать. И это было чистой правдой. Как правдой было и то, что между двумя русскими начальниками произошел серьезный конфликт. Генерал Котляревский несколько раз убеждал генерала Ртищева, что не стоит тянуть, что надо атаковать персов, пока они не собираются в один отряд. Ртищев предпочитал вести переговоры. Они ругались постоянно, однажды Ртищев оскорбил Котляревского, сказав, что, видимо, трудно быть генералом в таких молодых годах. Оскорбленный Котляревский предложил уволить его со службы. Впрочем, Ртищев быстро опомнился и при первой же возможности извинился, сказав: *«Я виноват, простите меня, Петр Степанович, вы лучше меня знаете местные обстоятельства и самую сторону; сделайте, что ваше благоразумие велит вам, но дайте мне только слово не переходить Араке»*^[61].

И это правда. Котляревский лучше кого бы то ни было знал местные обычаи и умел воевать. Он вырос на войне. Сын бедного сельского священника, Петр Степанович Котляревский родился 12 июня 1782 года в селе Ольховатке Харьковской губернии. Отец и не помышлял, что сын его станет офицером, планировалось, что Петя пойдет в семинарию. Но как порой поворачивается судьба, одна случайная встреча меняет все. Зимой 1793 года сильная метель заставила проезжего офицера искать убежища в селе Ольховатке. Звали офицера Иван Петрович Лазарев, в будущем он стал одним из покорителей Кавказа. Лазарев прожил в доме священника неделю и, присмотревшись в мальчику, сказал отцу, что тот наверняка станет отличным военным. Через год 12-летний мальчик Петя Котляревский был отправлен на Кавказ, где поступил в четвертый батальон

Кубанского корпуса, которым командовал тогда Лазарев. Когда ему было 14 лет, он уже участвовал в персидском походе, в осаде Дербента. Он прослужил в звании сержанта шесть лет, в 1799 году стал офицером, и его перевели в семнадцатый егерский полк, командовать которым назначили Лазарева. В качестве его адъютанта Котляревский участвовал в переходе через Кавказские горы, когда Лазарев шел отбивать у персов Грузию. За первое же сражение в Грузии Котляревскому дали чин штабс-капитана и крест Святого Иоанна Иерусалимского. А после смерти Лазарева молодой офицер получил в командование егерскую роту, при этом он отказался от должности адъютанта кавказского наместника князя Цицианова. Причем тот Котляревского понял, доложил императору о подвигах и рвении офицера и представил его к наградам: чину майора и ордену Святой Анны 3-й степени с бантом.

В 1805 году Котляревский – участник похода Карягина, где он был дважды ранен и потом награжден орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом, в 1807 году – произведен в подполковники, в следующем году – в полковники, а в 1809 году уже назначен начальником самостоятельного отряда, расположенного тогда в Карабахе. В 1810 году он разбил превосходящий по численности персидский отряд возле Мигри – небольшого пограничного селения. По первоначальным данным туда выдвинулся небольшой, примерно равный по силам русскому, отряд. Позже выяснилось, что туда направляется вся персидская армия. Правда, к ее подходу Котляревский уже взял Мигри, расположенный на скалах и считавшийся оттого почти неприступным. Он выбил оттуда персидский гарнизон и отбил пять батарей. А на следующий день десятитысячный корпус под начальствованием Ахмет-хана, при котором в качестве советников состояли несколько английских офицеров, блокировал село. Котляревский приказал солдатам спрятаться в садах, запретил перестрелки и требовал, чтобы никто не показывался на глаза персам. Все передвижения происходили скрытно – персы не могли понять, сколько русских находится в селении. А вот сам Котляревский со всеми офицерами каждый день обедал и ужинал на подмостках, сделанных в ветвях огромного дерева, на виду у персидской армии. Английские советники посоветовали не штурмовать село, а перекрыть доступ воды, отвести ручей. Котляревский, впрочем, это предвидел, заранее прикрыл доступы к источнику двумя батареями. Видя, что блокада толку не приносит, персы отошли на позиции возле реки Аракс. Ночью

Котляревский повел батальон в атаку. Шли только с одними штыками, без ранцев и без патронов. Своим подчиненным отчаянно храбрый Котляревский не раз говорил: *«Идущему вперед одна пуля в грудь или в лоб, а бегущему назад десять в спину»*.

И вот под покровом ночи пятьсот русских солдат и офицеров подкрались к лагерю противника и по условному сигналу, без выстрелов и криков с разных сторон бросились на персов в рукопашную схватку. Персы бежали в ужасе – они не понимали, сколько нападавших, где можно скрыться, и бросались с обрыва в реку. Котляревский потерял тринадцать человек убитыми и ранеными. Потери противника исчислялись сотнями. Вот такой русский генерал встал на пути персидской армии под английским командованием в 1812 году.

Котляревскому было очевидно – войны не избежать, а постоянные набеги персов из-за реки Аракс не ставят целью только угон скота или лошадей. Идет разведка. Подготовка к походу. Он отправил персидскому наследному принцу такое вот письмо:

«Вы происходите от знаменитой фамилии персидских шахов, имеете между родными стольких царей и даже считаете себя сродни небесным духам; возможно ли, чтобы при такой знаменитости происхождения, зная всю малочисленность моего отряда, вы решились тайно воровать у него лошадей? После этого вам не прилично называться потомком столь знаменитого рода».

Аббас-Мирза не ответил на письмо, а войска его стали готовиться к походу. Котляревский понимал: если персы сейчас прорвутся через Карабах, то дальше они вторгнутся в Грузию, а там они смогут атаковать русских уже на Северном Кавказе. Генерал решил ударить по персам первым. Он обратился к солдатам с речью: *«Братцы! Нам должно идти в Араке (то есть на реку Аракс. – Прим. авт.) и разбить персиян. Их на одного десять, но храбрый из вас стоит десяти; а чем более врагов, тем славнее победа. Идем, братцы, и разобьем!»*

И тут же он отдал штабу приказ, что «в случае его смерти, команду над отрядом должен принять старший штаб-офицер, и если бы случилось, что первая атака была неудачна, то непременно атаковать в другой раз и разбить, а без того не возвращаться и отнюдь не отступать».

19 октября ранним утром, когда солнце еще не поднялось над горами, а только окрасило вершины, отряд в составе двух тысяч человек при шести орудиях переправился через Аракс. Русские

построились в каре и двинулись вперед. Отряд сопровождала татарская конница, точнее, сейчас бы сказали, что была она азербайджанской, но в 19 веке было принято называть азербайджанцев закавказскими татарами. В таком порядке отряд зашел в тыл персидским войскам. Вел русских проводник, азербайджанец Мурад-хан. При переправе одно из шести орудий утонуло в реке. Котляревский сказал солдатам: *«Эх, братцы, если будем хорошо драться, то и пятью орудиями побьем персиян, и тогда, вернувшись, вытащим это, а если не вернемся, то оно нам и совсем не нужно».*

Персы появления русского отряда не ожидали и вообще вели себя совершенно беспечно. Рассказывают, что, когда вдали среди белого дня показалась кавалерия Котляревского, Аббас-Мирза сказал сидевшему подле него английскому офицеру: «Вот какой-то хан едет к нам в гости». Англичанин, посмотрев в подзорную трубу, вернул ее принцу и хладнокровно ответил: *«Нет, это не хан, а Котляревский».*

*Генералъ отъ Инфантеріи,
Петръ Степановичъ
КОТЛЯРЕВСКІЙ
сдѣланъ 21 Октября 1851 года С*

Петр Котляревский

Другие историки рассказывают, что персидский дозор под командованием капитана Линдсэя и вовсе столкнулся с русскими, что выбирался из прибрежных зарослей лицом к лицу. Не сразу поняв, что это враги, англичанин поспешил в лагерь предупредить начальство. Тем временем русский отряд тройным каре атаковал персидскую конницу и сбросил ее с командной высоты. Внезапное появление русского отряда распространило в персидском лагере всеобщую панику. Когда же началась штыковая атака, персы бежали. Тридцать шесть фальконетов и весь персидский лагерь достались в руки победителям. Аббас-Мирза пытался контратаковать, однако Котляревский предугадал маневр, ударил с фланга при поддержке артиллерии.

Аббас-Мирза отступил и собрал свои отряды в Асландузе, где находилось укрепление, построенное на высокой горе, у реки Дара-Урты. Котляревский дал солдатам днем отдохнуть, а в ночь на 20 октября гренадеры и егеря пошли к позициям персов. Дорогу указывал беглый русский солдат, который успел похитить в персидской армии. Он привел отряд с той стороны лагеря, где не было пушек. Когда русские подошли к позициям, то по сигналу они молча, без единого звука, атаковали. Получив приказание не щадить никого, кроме самого Аббас-Мирзы, солдаты, страшно ожесточенные, стреляли и кололи штыками всех подряд. Персы кинулись было в Асландузский замок, обнесенный палисадами и окруженный двумя глубокими рвами, но Котляревский с ходу взял его штурмом, не дав гарнизону опомниться. Аббас-Мирза едва успел бежать в Тавриз в сопровождении лишь двадцати человек из своего конвоя. Все возле Асландуза было в буквальном смысле слова завалено телами убитых персов.

Котляревский в рапорте написал, что потери противника составили не менее 1200 погибших. Правда, в реальности их было в девять (!) раз больше. Но он сказал адъютанту донесение не менять: «Напрасно писать – все равно не поверят». В этом бою были убиты все английские инструкторы. Среди них был и майор Чарльз Кристи, тот самый героический разведчик, который прошел через Южный Афганистан за два года до этого. Он пытался удержать подчиненных от бегства, организовать оборону, был тяжело ранен и не захотел сдаваться в плен русским. Раненого английского майора хотели вынести в лазарет, но он ударил ножом офицера, пытавшегося помочь ему встать, отбивался от солдат, в итоге был застрелен казаком. Для Чарльза Кристи этот его последний бой был, видимо,

принципиальным. Наверное, он полагал, что тут, на Кавказе, он защищает дальние подступы к Индии. Потому что именно так прошли его последние годы. Он шпионил, пытаясь разобраться, смогут ли русские дойти до берегов Ганга и Инда. И тут, на небольшой речушке в Закавказье, он, вероятно, в последние часы жизни с ужасом осознал, что худшие предположения верны, что русские дойдут, потому что отчаянно храбры и умеют воевать, а Персия им не станет преградой.

Русским войскам в Асландузском сражении достались одиннадцать английских пушек с надписью «От короля над королями – шаху над шахами» и пять знамен. В Казанском соборе, где расположена могила М. И. Кутузова, до революции среди 107 знамен, ставших трофеями Отечественной войны 1812 года, было и два знамени, захваченные при Асландузе и под Ленкоранью отрядом Котляревского, как признание его военного подвига и полководческого гения. Их можно было отличить от множества других, там же находившихся, тем, что на древках вместо орла они имеют расprostертую руку. Сам Котляревский говорил друзьям: *«Кровь русская, пролитая в Азии, на берегах Аракса и Каспия, не менее драгоценна, чем пролитая в Европе, на берегах Москвы и Сены, а пули галлов и персиян причиняют одинаковые страдания»*. Он умер в 1851 году, но в Грузинском гренадерском полку, который носил имя генерала Котляревского, на ежедневной переключке фельдфебель Первой роты Первого батальона называл: *«Генерал от инфантерии Петр Степанович Котляревский»*. Правофланговый рядовой отвечал: *«Умер в 1851 году геройской смертью от 40 полученных им ран в сражениях за Царя и Отечество!»*

Тогда, в октябре 1812 года, главнокомандующий русскими войсками в Закавказье узнал о сражении лишь из рапорта генерала, который начинался словами: «Бог, “Ура!” и штыки даровали победу Всемиловейшему Государю!» В январе 1813 года Котляревский взял штурмом крепость Ленкорань, хотя гарнизон крепости был больше, чем его отряд, по численности почти в два раза, и Персия была вынуждена подписать Гюлистанский мирный договор с Российской империей. Все то время, пока шла война, пока подстрекаемые англичанами персы пытались выкинуть русских за Кавказский хребет, сами англичане развернули активнейшую разведывательную деятельность в Средней Азии, которую они также считали потенциально опасным направлением, если русские решат атаковать Индию, тем более в Лондоне помнили поход казаков.

Британские политики преследовали и еще одну цель. Руководство Ост-Индской компании уже жестко настроилось на дальнейшую экспансию на Запад. Судьба пока еще независимых княжеств, вроде Синда, была предрешена. А лежавший дальше Афганистан тоже становился объектом интереса Компании. Небольшая и очень бедная горная страна, население которой в начале 19 века не превышало 5 миллионов, тем не менее стала одной из ключевых точек геополитического противостояния между Россией и Британией. Впрочем, и по сей день Афганистан по-прежнему остается одной из беднейших стран мира и вместе с тем точкой геополитического напряжения и раздора. Он снова объект Большой Игры, хотя в нынешней ситуации, когда появилось множество новых игроков, Афганистан пытается быть субъектом, играть самостоятельную роль. Так чем же так привлекала и привлекает всех эта страна? Бедное государство, в котором нет ресурсов, где половина населения и сейчас живет по укладу 17–18 веков? Ответ очень простой: географическое положение. Афганистан находился на пересечении важнейших путей, связывающих Индию, Иран, Среднюю Азию и западные области Китая. Через земли афганцев веками шли торговые караваны индийских купцов в среднеазиатские ханства, перевозились китайские товары в Иран и далее в Европу. И вот контроль над этими путями был важен для Ост-Индской компании. Потому что он позволял оптимизировать расходы и сократить путь в Европу. А кроме того, контроль над Афганистаном позволял ощущать некоторое спокойствие за судьбу индийских колоний.

Подбираться к Афганистану британцы стали с начала 19 века. 12 марта 1809 года в Тегеране в результате переговоров между Ираном и Англией был подписан договор, по которому шах обязывался оказывать Англии всемерное содействие в случае ее войны с Афганистаном. Одновременно с этим англичане отправили дипломатическую миссию во главе с Чарльзом Меткафом в столицу Пенджаба, город Лахор. Махарадже Ранджит Сингху сделали предложение, от которого он не смог отказаться. Потому что у его восточных границ стояла армия Ост-Индской компании. Он был вынужден признать господство Англии над левобережьем реки Сатледж, входившим ранее в состав Пенджаба. Но англичане заявляли, что ему предоставляется полная свобода действий в областях к северу и западу от Сатледжа. Границы этой территории умышленно не были определены. И вот как раз там, к западу и к

северу, находились земли, которые контролировали афганские племена. То есть англичане пытались, с одной стороны, ослабить Пенджаб, с другой – чужими руками попробовать «пощупать» оборону и реакцию афганцев.

У сикхов с афганцами отношения были сложными, потому что после распада империи Великих Моголов часть Пенджаба оказалась под контролем афганских племен. Но махараджа был человеком весьма искушенным, период его правления принято считать «золотым веком» в истории Пенджаба. Его государство было светским, на посты люди назначались независимо от вероисповедания и происхождения. Он даже звал на службу европейцев, его армией командовал француз Жан Франсуа Аллар, в прошлом адъютант наполеоновского маршала Гильома Брюна. В Пенджабе было запрещено брать на службу людей только одной национальности. Англичан. Так что Ранджит Сингх понимал, что лучше ему не поддаваться на английские провокации.

В это же время в 1808–1809 годах в Кабуле побывало первое английское посольство во главе с выдающимся дипломатом и военным Маунтстюартом Эльфинстоном. Ему было поручено детально и всесторонне изучить Афганистан, понять настроение политической элиты, разобраться, можно ли найти среди них потенциальных союзников. Потому в составе посольства были офицеры и чиновники Ост-Индской компании. А обстановка в Афганистане была весьма напряженной. Два претендента на кабульский престол из пуштунского племени садозаев – сводных братьев Махмуд-Шах и Шуджа уль-Мульк – долго вели гражданскую войну. В 1803 году Шуджа уль-Мульк победил, но брат затаил обиду и стал собирать новое войско. И потому Шуджа с радостью принял британскую миссию в надежде получить от нее содействие в борьбе за престол.

В феврале 1809 года посольство Эльфинстона, отправившееся из британских владений в Индии, прибыло в Пешавар. Вот что важно понять – путешествие продолжалось почти пять месяцев. Хотя можно было добраться за два. Но в пути члены миссии делали карты, зарисовывали возможные дороги, горные проходы, колодцы, знакомились с вождями племен, раздавали подарки. Потом миссия пробыла еще несколько месяцев в Кабуле, где офицеры и дипломаты тоже даром времени не теряли, и только в июне 1809 года Эльфинстоном и Шуджой уль-Мульком был подписан первый англо-афганский договор. Он предусматривал участие Афганистана на

стороне Англии в борьбе против Франции и Ирана в случае их попыток предпринять наступление на Индию. Ужасный призрак русско-французского похода на Индию теперь бесконечно нависал над умами лондонских политиков. Ост-Индская компания обязалась, согласно этому договору, в случае войны профинансировать афганскую армию. По сути, договор был так составлен, что афганцы превращались в наемников Компании. При этом, случись война между Персией и Афганистаном, на англичан никаких союзнических обязательств договор не возлагал.

Правда, Пешаварский договор практически тут же после заключения потерял смысл, потому что, пока Шуджа уль-Мульк подписывал его, власть захватил ненавистный родственничек, Махмуд-Шах, и Шуджа был вынужден скрыться в английских владениях, он поселился в Лудхиане, небольшом городке на реке Сатледж, у самой границы Пенджабского государства. Там, помимо самого западного офиса Ост-Индской компании, располагалась резиденция британского политического агента, это был разведцентр, курировавший всю деятельность завербованной агентуры в Северной Индии и Афганистане. Из средств Ост-Индской компании Шуджа уль-Мульк получал небольшую пенсию, англичане решили оставить его при себе, на случай если им понадобится сменить власть в Кабуле. Точнее, не если, а когда.

В Афганистане тем временем маховик гражданской розни раскручивался все сильнее. Феодалные группировки стали сражаться за трон, центральная власть уже мало на что влияла. Соседи, увидев, что происходит, решили немножко перекроить границы страны. Персия поставила цель отобрать у афганцев Герат, сикхи таки пришли к выводу, что им тоже можно расширить свои владения на запад, бухарские эмиры распространили контроль на территории к югу от Амударьи, например на Мазари Шериф. В 1818 году Махмуд-Шах, как некогда Шуджа уль-Мульк, был свергнут. Он переехал в Герат, где вскоре умер. Власть над Гератским оазисом перешла к его сыну Камрану. Остальной Афганистан поделили между собой влиятельные, как сейчас сказали бы, полевые командиры из рода баракзаев. Под их контролем оказались Кандагарский, Кабульский и Пешаварский уделы с общим населением без малого почти 2,5 миллиона человек.

В Кандагаре правили пять братьев во главе с Кохендиль-ханом, в Пешаваре – Султан Мухаммед-хан, в центральном владении – кабульском – в конечном счете утвердился Дост Мухаммед-хан. Все

они были сводными братьями, детьми важного сановника Фатх Али-хана, который был визирем при Махмуд-Шахе. Но как водится в таких случаях, родня теплых чувств друг к другу не испытывала. Каждый из них был бы рад при случае свести братьев со свету. Единое афганское государство де-факто распалось. Но постепенно среди баракзайских правителей определился лидер – кабульский владыка Дост Мухаммед-хан. Кабул все же воспринимался традиционно как столица, через него шли основные торговые маршруты, городской базар был одним из богатейших в регионе. В 1826 году Дост Мухаммед присоединил город Газни и принял титул эмира, братья молча с этим согласились, сохранив при этом статус-кво, по сути, Досту Мухаммеду они не подчинялись, но эмиром признали.

Впрочем, как уже говорилось, Афганистан был только одним из направлений, где развернули деятельность агентура и дипломатия Ост-Индской компании. Другим не менее важным для англичан направлением стала Средняя Азия. Она, по замыслу Лондона и Калькутты, должна была стать плацдармом для сдерживания русской экспансии на юг на дальних рубежах Британской империи. Если Афганистан был этаким трамплином для продвижения в Центральную Азию, то сам регион виделся буфером. В идеале англичанам хотелось бы получить контроль над союзом мусульманских государств Азии – Хивы, Бухары и Коканда, который, во-первых, ограничил бы русское проникновение на юг, во-вторых, стал бы дополнительной колонией британской короны, в-третьих, был бы отличным плацдармом для размещения британских гарнизонов под брюхом у русского медведя.

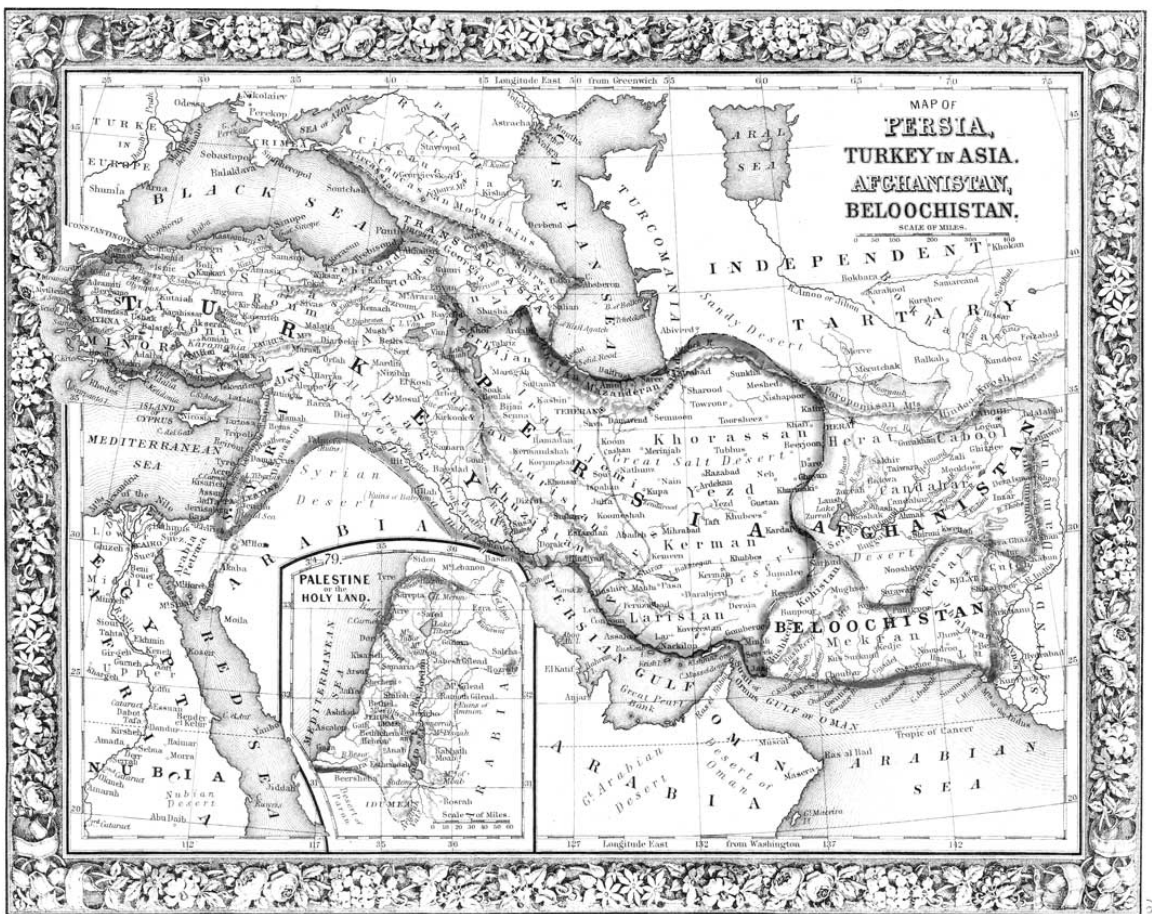
А в Петербурге с начала 19 века одновременно с экспансией на Кавказ было принято решение активизировать работу на азиатском направлении. Прежде всего по причинам вовсе не политическим, а экономическим. В 1802 году министр коммерции граф Николай Петрович Румянцев на встрече с Александром I высказал мысль, что самыми богатыми являются те страны, которые играют роль посредников в международной торговле. В качестве примера он привел Англию. О том, какова прибыль от английской торговли и каковы выгоды Британии, имели представление даже неспециалисты. Русский журнал «Вестник Европы» сообщал своим читателям:

«Сия великая часть Азии вообще называется Индостаном и есть без сомнения благословеннейшая страна в мире; граничит к

Северу с Королевством Тибетским, отделяясь от него цепью гор; к Югу с Индейским Океаном; к Востоку с рекою Борампутером и заливом Бенгальским; к Западу с рекою Индом, Персиею и Арабским заливом. Число людей в Индостане не велико по обширности земли; Английские Колонии многолюдны, но в других местах очень мало жителей.

Индейских товаров вывозится ежегодно на 70 миллионов рублей или более.

Индейские Колонии не на таком основании принадлежат Англии, как другие; они зависят от Директоров Компании, которые в Индейских делах имеют сношение с избранною Правительством Комиссиею. Сии Директоры управляют через своих Губернаторов обширную страну за 24,000 верст от Лондона, которая втрое обширнее и многолюднее Англии, и приносит чистого доходу более того, что получает Английское Правительство с вычетом процентов государственного долга: ибо ему, за уплатою их, не остается и семидесяти миллионов рублей, а Компания, заплатив проценты своего долга, имеет еще 90 миллионов рублей доходу» [62].

Афганистан и Персия в 19 веке. 1864

По мнению российских министров, Россия тоже могла получить выгоды от транзитной торговли, уже просто в силу своего географического положения. Для этого даже не надо было брать под контроль всю Среднюю Азию или Персию. Достаточно было не отдавать уже имевшиеся пути: через Каспийское море, Оренбург и Троицк, новую дорогу, проложенную в 1800 году горными офицерами Бурнашевым и Пospelовым, от Иртышской линии до Ташкента через казахскую степь. Граф Румянцев полагал, что дороги через Оренбург и Астрахань могут стать новым маршрутом из Азии в Европу и из России в Индию. Тут главным было только обеспечить безопасность торговых караванов, чего сделать пока не удавалось. И тогда в Бухару была отправлена специальная миссия. Руководителем этого торгово-дипломатического посольства был назначен поручик по квартирмейстерской части Свиты Его Императорского Величества Яков Петрович Гавердовский, героический офицер, впоследствии погибший в Отечественной войне 1812 года. Согласно утвержденной 14 ноября 1802 года инструкции, Гавердовский и его спутники должны были как раз установить нормальные торговые отношения, ликвидировать факторы, мешавшие свободной торговле. В первую очередь речь шла именно о безопасности караванов. Также миссии предписывалось собирать «основательные» сведения о казахских жузах в тех местах, где лежат торговые пути, о месторождениях полезных ископаемых в Мугоджарских горах у верховьев рек Ори и Эмбы.

В инструкции в частности говорилось: *«Поелику Бухария сама по себе не заслуживала бы дальнейшего внимания, если б не была она пунктом соединения путей к китайскому, персидскому и индейскому торгу ведущих»*. Непосредственно подготовкой экспедиции занималась оренбургская пограничная комиссия, орган российской разведки и контрразведки в Азии, о котором будет отдельный рассказ. В июле 1803 года посольство отправилось из Оренбурга. Сам Яков Петрович Гавердовский писал в составленном по итогам поездки обзрении:

«Для препровождения до Бухарии предположено было вызвать известных по своей силе начальников киргизского народа из тех обществ, которые располагаются кочевьем по лежащему туда пути, с тем, дабы они доставили на границу потребное число

верблюдов для перевозки тяжестей и взяли на себя обязанность в проезд наш печься о безопасности.

Несчастье, преградившее нам путь в Бухарию, лишило нас всех плодов приобретенных к познанию Степи. Единая обязанность, сопряженная с желанием доставить хотя что-нибудь любителям сего рода путешествий, заставили меня собрать последние кое-как спасенные отрывки и привести их в ясность»^[63].

Несчастье, о котором пишет Гавердовский, было банальным разбойным нападением кочевников. Первые полтора месяца посольство благополучно продвигалось по западному региону казахской степи, но 9 сентября в урочище Ходжа-Берген подверглось внезапному нападению. Казахи из Младшего жуза почти полностью разграбили караван, некоторые купцы и дипломаты попали в плен. Гавердовскому удалось организовать оборону и оторваться от нападавших. 21 сентября он смог с остатками отряда добраться до Орской крепости.

Проект русского транзитного маршрута был на время забыт, а потом Российская империя уже была озабочена другими проблемами, война с Наполеоном становилась неизбежной, и Азия на время отошла на второй план. В отличие от Кавказа, азиатское направление не требовало настолько пристального внимания. И уж тем более военного вмешательства. А вот англичане как раз в этот момент усилили свою разведывательную работу и экономическую экспансию на рынки Бухары, Хивы и Коканда. Все шпионские операции в регионе планировались и осуществлялись специальным управлением Ост-Индской компании, причем огромное число филиалов и, главное, активная торговая деятельность позволяли британцам обеспечивать прикрытия своим агентам.

Собственно, Компания и так фактически занималась промышленным шпионажем в регионе, собирая сведения об экономической ситуации в странах на основании анализа торговых потоков и объема сделок. Можно сказать, что Ост-Индская компания была предтечей сегодняшних корпораций, которые содержат свои штатные частные армии и частные разведки. Англичане решили основную работу сосредоточить на Бухарском эмирате, который поддерживал тесные связи, с одной стороны, с Индией, с другой – с Россией, с третьей – с Афганистаном, где представители правящих династий плотно общались между собой, кроме того, в Бухаре был силен религиозный фактор, она была азиатским центром исламской науки, это позволяло предполагать, что эмират точно не попадет под

русское влияние в силу религиозного антагонизма. Так как в Бухаре проживали десятки индийских купцов, у Ост-Индской компании к началу 19 века там уже имелась какая-никакая, но действующая агентурная сеть. Это, конечно, были не кадровые разведчики, не офицеры Компании, но информацию, судя по всему, от них в Калькутте получали исправно.

В 1812–1813 годах в Центральную и Среднюю Азию был направлен купец Мир Иззет Улла. То есть официально он просто поехал прикупить товаров, но его путешествие продолжалось полтора года, а маршрут был проложен именно по районам, которые интересовали руководство Ост-Индской компании с точки зрения сбора информации. Мир Иззет Улла выехал из города Шахджеханабада 20 апреля 1812 года. Первоначально он отправился в Кашмир, оттуда, перевалив через Каракорумский хребет, попал в Тибет, потом в Восточный Туркестан, где посетил Яркенд и Кашгар, а затем он добрался до Средней Азии, проехав Коканд, Самарканд и Бухару. В Индию он вернулся через Балх и Кабул 16 декабря 1813 года.

Считается, что это путешествие было организовано по заданию Уильяма Муркрофта, военного коннозаводчика и разведчика Ост-Индской компании. Потому что через несколько лет сам Муркрофт отправился в путешествие очень похожим маршрутом, и вообще, поездка Мира Иззет Уллы была своего рода проверочным мероприятием, разведкой путей к северу от Гиндукуша, которые тогда были мало изучены англичанами, но при этом являлись для них крайне важными. О том, кем был Мир Иззет Улла, точных сведений нет. По отрывочным данным можно понять, что он был индийцем-мусульманином, и, судя по содержанию его записок, он именно что выполнял разведывательное задание. Записки его были составлены на персидском языке, и похоже, что купцу-разведчику дали указания насчет того, что он обязан отмечать, на что обращать внимание: наименования населенных пунктов, их ориентация по странам света, расстояния между ними, качество и проходимость дорог, сведения об обеспеченности питьевой водой, фуражом, топливом, кроме того, он должен был указывать пункты, удобные для устройства походных военных лагерей, описывать вооруженные силы и фортификацию местных государств. Именно поэтому записки Иззет Уллы не отличаются художественной красотой, однако в них есть ряд интересных данных по истории и этнографии. Скажем, он довольно подробно описал Кокандское ханство.

«В армии Кокандского эмира состоят 10 000 всадников, которые получают в вознаграждение за военную службу земли и селения.

Кокану подчиняются следующие племена: киргизы, тюрки, кыпчаки, минги и казаки (речь идет о казахах. – Прим. авт.).

Большинство солдат вооружено копьями, а часть – огнестрельным оружием – имеют кремневые ружья.

Кокану принадлежат описанные выше города Ош и Наманган, Кассан и Чуэт, каждый из которых в дне пути от Намангана, – Андижан, Мургалан, Кан-и бадам, Исфарак и Худжанд. К северу от Андижанских гор имеется смежная с российской территорией огромная область, населенная племенами казаков и каракалпаков.

Разговорным языком населения является тюркский, но среди городского населения имеются также изъясняющиеся по-персидски»^[64].

Персидский текст дорожника Мир Иззет Уллы не был опубликован, и неизвестно даже, где хранился оригинал до конца 19 века. Тогда он попал в руки сотруднику Министерства иностранных дел правительства Индии, то есть колониального правительства. Его подарил чиновникам один из индийских навабов.

И вот что еще интересно – первая публикация дорожника Мира Иззет Уллы была сделана в 1826 году в Париже, через 13 лет после его возвращения из путешествия. Опубликована была лишь часть записей, а французский перевод был сделан не с оригинала рукописи, а с копии, доставленной издателю. В предисловии же было сказано, что эта копия была доставлена издателю «одним из наших друзей». Английский перевод этого манускрипта вышел через несколько десятков лет. Видимо, речь здесь идет о противостоянии разведок, и текст скорее всего был похищен. Хотя лично у меня есть предположение, как это могло случиться. Но поделюсь я им чуть позже.

Так вот английский перевод записок, сделанный капитаном Хендерсоном – сотрудником Форин-офис в Индии, был издан в 1872 году в Калькутте. О судьбе Мира Иззет Уллы больше ничего неизвестно, и где закончил жизнь британский агент, сказать невозможно.

Именно в это время началось противостояние русской и британской разведок в Средней Азии. Русские не желали спокойно смотреть, как англичане хозяйничают у них под носом. И англичане, конечно, не могли не понимать, что вторгаются в зону русских

интересов. Кстати, русская военная разведка как раз и появилась одновременно с началом этого противостояния. В 1810 году военным министром Российской империи был назначен генерал Барклай-де-Толли. В 1807 году, после заключения Тильзитского мира, князь Петр Михайлович Волконский был направлен во Францию для изучения устройства французской армии и ее Генерального штаба, а по возвращении оттуда, в 1810 году, был назначен генерал-квартирмейстером Главного штаба русской армии.

Когда Волконский вернулся в Россию, он написал для Барклая-де-Толли отчет «О внутреннем устройстве французской армии и генерального штаба». Именно после этого военный министр поставил перед императором Александром I вопрос об организации постоянного органа военной разведки. Императора не надо было слишком долго убеждать, была выделена особая секретная статья в бюджете военного ведомства, а в январе 1810 года – создана «Экспедиция секретных дел при Военном министерстве», через два года переименованная в «Особенную канцелярию при военном министре». Это был прообраз современного ГРУ, или, выражаясь официально, ГУ ГШ, то есть Главного управления Генерального штаба. Было определено, что новое ведомство будет работать в трех направлениях: стратегическая разведка – добыча сведений за границей, тактическая разведка – сбор сведений о противнике на границах Российской империи и контрразведка – выявление и нейтрализация вражеских агентов.

Первоначальный штат «Экспедиции секретных дел» состоял из управляющего, четырех экспедиторов и переводчика. Всех сотрудников отобрал лично Барклай-де-Толли, все сотрудники владели несколькими иностранными языками, подчинялись они напрямую министру. Результаты их деятельности не включались в ежегодный отчет военного ведомства, а круг их обязанностей был засекречен, или, как писали в документах, определялся «особоустановленными правилами». Руководителями военной разведки России поочередно были три близких товарища Барклая-де-Толли. С 29 сентября 1810 года разведку возглавлял полковник Алексей Васильевич Воейков, который воевал вместе с де-Толли в Финляндии. С 21 марта 1812 года руководителем стал граф Арсентий Андреевич Закревский, бывший адъютант министра, а в январе 1813 года управление разведывательным органом взял на себя полковник Петр Андреевич Чуйкевич, военный исследователь, тактик, аналитик, написавший две книги – «Подвиги казаков в Пруссии» и

«Стратегические рассуждения о первых действиях россиян за Дунаем». Как раз после их издания Чуйкевича и пригласили на службу в Секретную экспедицию.

В январе 1810 года Барклай-де-Толли попросил у императора Александра разрешения направить за границу специальных русских агентов под видом работников посольств. Им было поручено собрать сведения о войсках потенциальных противников, «об устройстве, оборудовании и вооружениях, расположении по квартирам с означением мест главных запасов, о состоянии крепостей, способностях и достоинствах лучших генералов и расположении духа войск». Им также поручался экономический шпионаж, и еще они должны были предложить планы действия России в случае войны с каждой конкретной страной.

И через несколько недель они отправились к местам службы. Первые в истории офицеры русской разведки. В Париж поехал полковник Александр Иванович Чернышев, в Вену – полковник Федор Васильевич Тейль фон Сераскеркен, в Берлин – полковник Роберт Егорович Ренни и поручик Григорий Федорович Орлов, в Дрезден – майор Виктор Антонович Прендель, в Мюнхен – поручик Павел Христианович Граббе, в Мадрид – поручик Павел Иванович Брозин.

Полковник Чернышев, ветеран русско-французских войн 1805–1807 годов, кавалергард, вошел в историю как самый лучший разведчик того времени. Он очень быстро смог создать во Франции сеть информаторов, завербовать чиновников, генералов, банкиров. Обаятельный и веселый, такой русский жизнелюб при больших деньгах, стал душой множества компаний, он был, как сказали бы сейчас, главным тусовщиком. За бокалом шампанского на рауте или на балах он между делом узнавал важнейшие сведения. Именно он еще в декабре 1810 года сообщил, что Наполеон уже принял решение о войне против России. Он смог завербовать даже военного чиновника, который составлял отчеты для Наполеона в единственном экземпляре. Надо заметить, что гениальному разведчику было всего-то 25 лет.

Помимо стратегической разведки, которая велась в Европе, на западных рубежах, Кавказе и в Азии осуществлялась тактическая разведка.

Одним из русских полевых, или тактических: разведчиков Российской империи был сын муллы, переводчик, поручик Башкирского войска Абдулнасыр Субханкулов. По поручению

оренбургской пограничной администрации – а именно этот орган отвечал за сбор разведывательных данных на азиатском направлении – он дважды был послан в Азию: в 1810 году в Бухару и в 1818 году в Хиву. Причем оба раза он ездил официально. В Бухару его отправили с личным посланием Александра I к бухарскому эмиру. Он встретился с кушбеги, первым министром двора, передал ему заверения в дружественном расположении русского правительства, выразил пожелания усилить торговлю между двумя странами и особо обозначил необходимость обеспечить безопасность купеческих караванов. Но была у Субханкулова и секретная инструкция. Он должен был выяснить взаимоотношения Бухары с Хивой и Персией, понять, насколько активно идет торговля и с кем, есть ли судоходство на Амударье и как относятся к России туркмены и каракалпаки.

Помимо этого у поручика была еще одна задача: вернуть на родину фальшивомонетчика татарина Валита Хамитова, уроженца деревни Иштеряповой Уфимского округа Казанской губернии. Хамитов нелегально выехал в Бухару через Троицкую крепость и там наладил производство фальшивых русских денег, изготавливая их по 8000 рублей ассигнациями в неделю. Преступная деятельность Хамитова очень беспокоила российские власти. Еще 2 сентября 1802 года министр коммерции граф Румянцев доложил о ней императору Александру I, и, кстати сказать, неудачная миссия Якова Гавердовского одной из целей имела заполучить в Бухаре Хамитова.

На этот раз Абдулнасыр Субханкулов потребовал у бухарских властей отдать злодея. Но бухарские власти не выдали преступника. По возвращении Субханкулов представил ценный отчет о внутривосточной ситуации в Бухаре, о войне эмира с Хивой, о торговле и русских рабах. 23 марта 1811 года Абдулнасыр Субханкулов был награжден «золотой медалью на красной ленте за усердное исполнение своих обязанностей при отправке в Бухарию». Сверх того, ему было выдано 750 рублей. Вот как раз в своем отчете разведчик сообщал, что в Бухаре в последнее время усилился приток водным путем английских купцов «с немалым своим коварным умыслом», которые всюду скупают «разные вещи и хлеб для себя высокою ценою, а продают оные в народе со значительным для себя убытком»^[65].

На самом деле, конечно, это были не совсем английские купцы, то есть не этнические англичане, это были индийцы, представители Ост-Индской компании, и демпинговать они могли только при

условии, что Компания покроет их убытки. А для нее эта операция была проверкой, попыткой понять, можно ли вытеснить с рынка российских купцов, татар и башкир. Вероятно, что с помощью распродажи товаров по совсем низким ценам индийские купцы пытались набрать лояльную агентуру. То есть тех, кто будет собирать сведения, кто примет у себя в гостях человека с рекомендательным письмом. Вероятно, эта акция была как-то связана с поездкой Мира Иззет Уллы, потому что его путешествие в Азию произошло как раз через год. Характерно, что в записках поручика Субханкулова от 1818 года, когда он посетил Хиву, английское влияние в регионе уже не упоминается. Видимо, потому, что англичане все эти годы были настроены на экспансию в Бухару. Поручик тщательно собрал сведения о городе, нравах населения и чиновников, о настроениях и междоусобных распрях местной элиты. Одной из задач Субханкулова – в Хиву он ездил официально как представитель оренбургских властей – было выяснить, как намерены хивинцы разбираться с ограбившими русский караван туркменами.

«В бытность мою в Хиве достоверно узнал я, что грабившие караван точно трухменцы и каракалпаки, что большая часть товаров сих поступила в руки имралиевского и чавдурского родов трухменцам и каракалпакам разных родов. По возвращении их в Хиву и до прибытия еще из Бухарии посланника хан Мухамметь-Рахим приказал все ограбленное отобрать, имперялы и серебряную российскую монету перечеканить.

Главный хивинского владения г. Хива расположен на ровном месте, обнесен земляным валом вышиною близ трех сажен, в нем трое городских ворот. Строение глиняное и частое, ширина улиц не более полутора сажен, в нем домов считается до 800. Среди оного устроена крепость, обнесенная также небольшим земляным валом, в коей одни ворота; внутри сей крепости хранятся медных разного разбора двенадцать пушек, некоторые с лафетами, но худо устроенные; сказывают, что при выстрелах из них употребляется в каждую хивинского делания пороха до трех фунтов; в оной крепости имеет жительство и хан Мухамметь-Рахим. Бухарской нации узбек Мухаметь-Шариф по какому-то случаю назад тому 15 лет был в Англии и там научился лить пушки, третий год как находится у хивинского хана при артиллерии и вылил ныне одну медную пушку длиною около трех аршин, канониры при нем: 1-й, города Кузнецка пленник, именуемый Сидор, 2-й, беглый российский солдат из татар Батырша. Военные хивинские чиновники, живущие

в сем городе, говорят, что у них на каждое орудие пороха по одному пуду и ядер на пять-десять выстрелов есть в готовности, и что отбитые от генерала Бековича орудия отправлены тогда же в Бухарию; сии же чиновники проговаривают, что если когда из России приедут к ним войска с намерением взять их под свою державу, тогда они в первый раз будут драться, если же побить их будут не в силах, то, возвратившись в свое место, не оставят принять с хлебом и солью; потом, расставив по квартирам, будут ожидать удобного случая, чтоб часть сего перерезать, а остальных употребить в невольническую работу»^[66].

1819 год стал, скорее по совпадению, переломным в Большой Игре. Летом этого года из Тифлиса в Хиву отправился 24-летний офицер Николай Муравьев. Участник Отечественной войны 1812 года, взятия Парижа, дипломат, он был квалифицированным военным топографом и совершил целый ряд секретных миссий на территории Персии, где странствовал с фальшивыми документами под видом мусульманского паломника. Именно его генерал Ермолов, кавказский наместник, решил послать в Хиву, чтобы наладить, точнее, активизировать, торговлю между ханством и Российской империей. Еще молодому офицеру было поручено составить географическое описание берегов Каспия, изучить возможные пути в Индию, установить контакты и попробовать наладить торговлю с туркменами. И конечно, ему надо было понять – не пытаются ли англичане проникнуть в Хиву и распространить свое влияние на этот регион.

Генерал Николай Муравьев

После событий Персидской войны 1804–1813 годов русской военной элите стало ясно, что недооценивать коварство англичан опасно, и при этом было очевидно, что столкновение интересов двух империй уже произошло. Формально главой экспедиции был Елизаветпольский окружной начальник майор Пономарев, капитан Муравьев был представителем Генерального штаба, то есть, говоря прямо, именно он был настоящим разведчиком. 28 июля 1819 года экспедиция высадилась на туркменских берегах Каспийского моря. В течение полутора месяцев Муравьев обследовал побережье,

составлял карты, общался со старейшинами туркмен-иомудов, уговаривал их сопроводить его в Хиву. И 19 сентября Муравьев в сопровождении денщика и отрядного переводчика-армянина вместе с небольшим отрядом туркменов отправились к заданной цели.

«Во все время поездки моей ходил я в Туркменском платье и называл себя Турецким именем Мурад-бек; сие имело для меня значительную выгоду потому, что хотя меня и все в керване знали, но при встречах с чужими я часто слыл за Туркмена поколения Джафарбай и тем избавлялся от вопросов любопытных».

Правда, в какой-то момент Муравьев едва не погиб. Встреченные туркмены поняли, что перед ними в составе каравана едут русские.

«Они смотрели на нас с любопытством и спрашивали у проводников, что мы за люди, – это пленные Русские отвечали наши; нынче пришли сюда их к берегу, мы поймали трех и везем продавать. – Везите, везите их проклятых неверных, отвечали Игдыры с злобной усмешкою, мы сами трех Русских теперь продали в Хиве, и за хорошие деньги»^[67].

Впрочем, до Хивы экспедиция добралась без приключений. 5 октября Муравьев собирался въехать в город, но был остановлен сановниками ханского двора, посольству было назначено дожидаться приема в небольшой крепости Иль-Гельды. Более месяца Муравьев был, по сути, в положении пленника. Хан никак не мог понять, что ему делать – убить русского, но тогда возможно, что русские пришлют сюда войска. Принять русского? Но как это будет воспринято в Бухаре, и вообще, зачем этот русский сюда приехал? Каждый день Муравьев ожидал, что его казнят. Только утром 16 ноября было наконец получено приглашение хана, и на следующий день Муравьев въехал в Хиву. Ему тут же нанесли визиты высшие чиновники – начальник таможни, первый визирь и диван-беги, то есть премьер-министр. 20 ноября Муравьева принял хан. Ему были вручены подарки от Ермолова, а Муравьев объяснил, что российский император хотел бы развития взаимовыгодной торговли между обеими странами, что послужило бы их процветанию.

«Главнокомандующий наш, желая вступить в тесную дружбу с Вашим Высочеством, хочет войти в частые сношения с вами. Для сего должно сперва утвердить торговлю между нашим и вашим народами в пользу обеих держав. – Теперь кербаны ваши, ходящие через Мангышлак, должны идти 30 дней почти безводной степью, трудная дорога сия причиною, что торговые сношения

наши до сих пор еще очень малозначительны. Главнокомандующий желал бы, чтобы караваны сии ходили к Красноводской пристани, что в Балканском заливе; по сей новой дороге только 17 дней езды, и купцы ваши всегда найдут в предполагаемой новой пристани Красноводской несколько купеческих судов из Астрахани, с теми товарами и изделиями, за которыми они к нам ездят»^[68].

Но хан прямо не ответил ни на одно предложение и сказал, что отложит решение этого вопроса до прибытия хивинского посольства на Кавказ. А именно это предложил ему Муравьев. И оно действительно было послано, сам же Муравьев в своих записках подробнее описал свое пребывание в Хиве, нравы и быт, и особое внимание он уделил проблеме русских рабов. Жизнь этих людей, условия, в которых они находятся, Муравьева ужаснули.

«У Ат Чапара было 7 Русских невольников, из коих один жил в Иль Гельди, 3 в Хиве и 3 по другим местам. Живущий в Иль Гельди назывался Давыдом, его схватили еще 14-летним мальчиком около Троицкой крепости на Оренбургской линии и продали в Хиву. – Он уже 16 лет в неволе. – Был продан и перепродан несколько раз и давно принял нравы и обычаи Хивинцев, но не переменил закона своего.

Я желал сам поговорить с Давыдом и приказал ему прийти к себе ночью. – Ему под опасением смерти запрещено было с нами видаться, однако же он пришел в полночь и подтвердил те же самые вести на мой счет, которые уже знал от Туркменов. Он также дал мне многие сведения насчет положения Русских невольников в Хиве.

Их ловят большею частью Киргизцы на Оренбургской линии и продают в Хиву. Число Русских невольников в Бухарии находящихся, говорят, столь же велико, как и в Хиве. – Проводя целый день в трудной работе, к коей ни Туркмены ни Хивинцы неспособны, они получают на содержание в месяц по два пуда муки и больше ничего, разве иногда бросят им изношенный кафтан. Они продают излишество получаемого хлеба и копят деньги, присоединяя приобретаемые воровством. – Когда же соберут сумму, превышающую за них заплаченную 20 или 30 тиллами (1 тилла равен 4 р. (серебр.)) (что обыкновенно удается им после двадцати лет неволи), то откупаются у своих хозяев; однако же получивши свободу должны остаться навсегда в Хиве, – по второму подозрению о побеге лишают их жизни. За 25-летнего Русского

платят по 60 и по 80 тилла, за Персиянина меньше. – Сих последних считается до 30 000 в Хиве, Русских же до 3000. —

Хозяева имеют право убивать невольников своих, но редко сие делают, чтобы не лишаться работника; а выкалывают им один глаз или отрезают ухо, при мне Ат Чапар хотел отрезать Давыду ухо за то, что он ездивши в Хиву, поссорился с Персидским невольником и ударил его ножом. Он бил его плетью сперва по лицу, потом, выхватя нож, приказал его повалить, дабы исполнить свое намерение; но его удержал от сего приказчик его Узбек Магмед Ага».

Когда Николай Муравьев уезжал из Хивы, несколько пленников вышли его провожать, не тайно, конечно, но во всяком случае, они старались сильно не бросаться в глаза.

«Какой-то русской, подводя мне лошадь, шепотом ругал Хивинцев за неловкость их в приводе лошади. Ехавши через Хиву, я видел во многих местах несчастных соотечественников наших, собравшихся в особенные толпы, они кланялись мне и называли своим избавителем.

Один из них шел долго подле моей лошади, и когда я оборотился к нему, сказал мне: господин Посланник, примите мое усерднейшее почтение и не забудьте нас несчастных по возвращении вашем в отечество; по виду его мне казалось, что он не из простолюдинов».

Находясь в Хиве, Муравьев отдал в починку свое сломанное ружье. И когда его вернули, он не сразу проверил качество ремонта. Он решил это сделать лишь перед самым отъездом.

«Когда уже совсем сбирались в дорогу, я хотел его зарядить, но дух в левый ствол не пошел; я приказал его вычистить, и вытащили из него свернутую бумагу. Когда все разошлись, я развернул оную и нашел в ней следующее.

“Ваше Высокородие, осмеливаемся вам донести, Российских людей найдется в сем Юрте тысячи три пленников и претерпев несносные труды глад и холод и разные нападки сжальтесь над нашим бедным состоянием, донесите Его Императорскому Величеству, заставьте вечно молить Бога есмь пленник”».

До глубины души русского офицера поразила история русского старика, раба, с которым он увиделся тоже накануне отъезда.

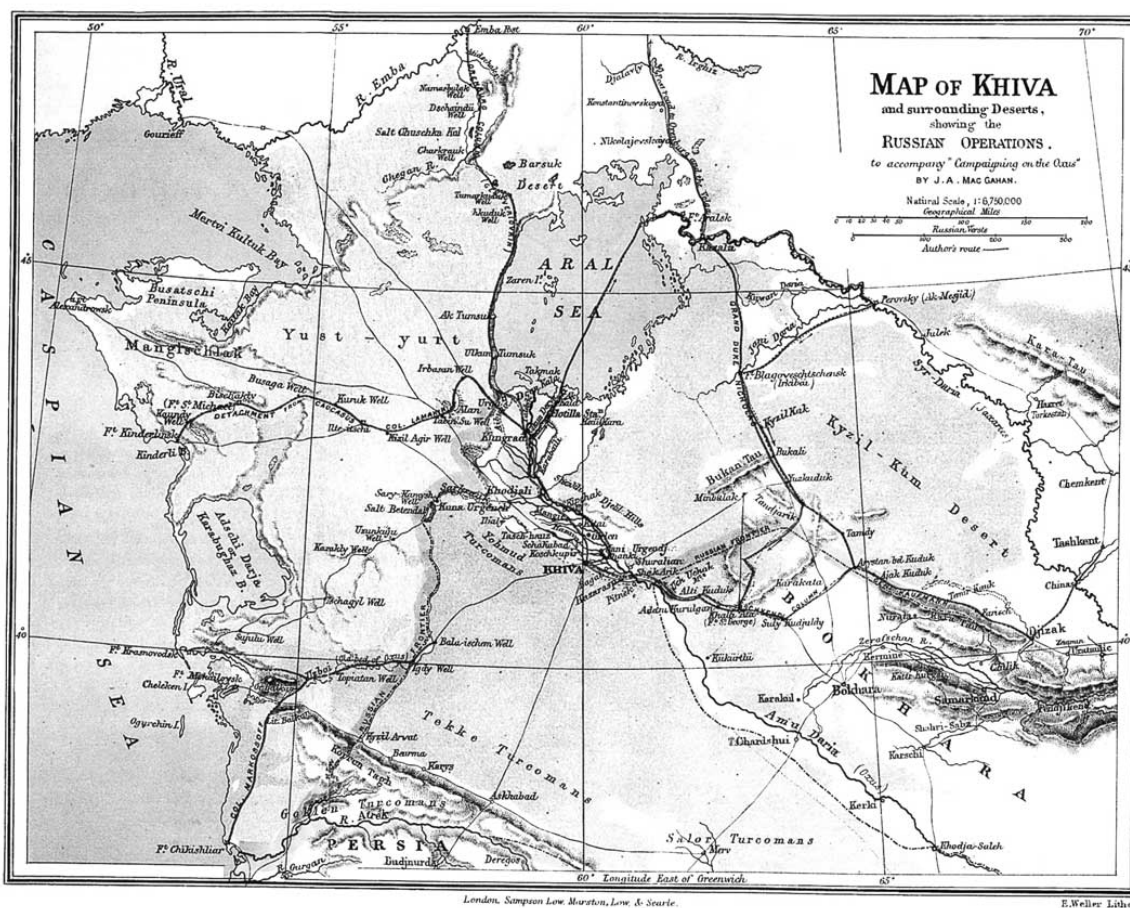
«Старик сей по имени Осип Мельников уже 30 лет был в неволе, он был солдатской сын, и только одна неделя прошла после его женитьбы, как его схватили Киргизы близь Пречистинской крепости и продали в Хиву; в течении слишком тридцатилетней

жестокой неволи, трудясь по ночам, и продавая часть пойка ему положенного, он накопил то число золота, которое требовал от него хозяин для выкупа, но сей последний взял у него сии деньги, вместо обещанной свободы продал его другому».

По возвращении на Кавказ Муравьев составил подробную записку о положении дел в Хиве и о том, как, по его мнению, Российской империи следует поступить, а именно, полагал Муравьев, Хиву следует подчинить силой оружия. То есть он не писал об этом совсем уж прямо, но подробный анализ хивинского войска, крепостей и вооружения, и также резервов, приводил его к мысли о том, что война с Хивой слишком сложной не будет. Во всяком случае, пораженный увиденным – рабами, жестокими нравами, дикими для европейца обычаями, – капитан считал, что это просто нужно сделать.

«Из сказанного выше о Хивинском ополчении можно удостовериться, что они не в силах противиться образованному неприятелю и что самая большая сила владения сего состоит в неизмеримых безводных степях, окружающих оное. – Природное укрепление сие могло бы устроить всякое Европейское войско, кроме Российского.

В нынешнее же время с большею известностью того края можно поручиться за удачу сего предприятия. – Нет никакого сомнения, что с тремя тысячами Русского войска, предводимого решительным и бескорыстным начальником, можно покорить и удержать под своим владычеством Хиву, столь полезную для нас по многим важным отношениям Азийской торговли».

Карта Хивы XIX века

В декабре все того же 1819 года генерал-майор Александр Никитич Сеславин, герой Отечественной войны 1812 года, отправил письмо начальнику Главного штаба Петру Михайловичу Волконскому. Тому самому, что был одним из отцов русской военной разведки. Письмо было скорее дружеское – от одного старого вояки другому. Но писал Сеславин о походе на Индию. Активность англичан в Турции, Персии, на Кавказе и в Азии заставила его вернуться к рассуждениям о том, что Российской империи пора призадуматься и наконец ударить зарвавшихся бриттов в самое уязвимое место. Сеславин обращался к старшему товарищу по службе:

«Ваше сиятельство милостивый государь!

Близ полугодика как я просил Вас поручить мне должность, ежели его императорскому величеству не угодно, чтоб я, скрыв мое звание, сделал путешествие от Калькутты в Ост-Индии чрез Делли, Кагор, в Кабул, осмотрев берега рек Гангесса (Gange) и Инда, оттуда через Бухарию и степи в Оренбург или Солочковскую крепость, пункты, откуда должно начать наши движения, ежели

бы решено было когда-нибудь предприятие на *Ост-Индские английские владения*.

Рассуждая часто об *Англии* и о причинах возвышения ее, утвердился я в той мысли, что не в *Европе* должно искать средство ослабить влияние *Англии* на твердую землю, но в *Ост-Индии*. *Россия* к ней ближе всех, одна *Россия* в состоянии разрушить владычество англичан в *Индии* и овладеть всеми источниками ее богатств и могущества. Вот что побудило меня предпринять путешествие в *Ост-Индию* не через *Персию*, ибо на коварных персиян полагаться нельзя, но через *Бухарию* и *Кабул* должно будет проходить; будущая внутренняя война в *Персии* за наследство и неминуемая война англичан с *Северною Америкою*, удвоив долг *Англии* до двух тысяч миллионов фунтов стерлингов, подадут нам способ исполнить наше предприятие. Три года тому назад, как наши купцы из *Сибири* встретились с англичанами, переодетыми в молебщиков, у источников *Гангесса (Gange)*, которая выходит из ледяных гор *Гималаиа* в *Багхирати* или *Доли*. Из сего я заключаю, что ежели из *Сибири* и с *Оренбургской* линии из разных пунктов посланы будут надежные люди в направлении на *Тибет*, *Багхирати*, *Кагор* (так в тексте, видимо, имеется в виду *Лахор*. – Прим. авт.) и *Делли*, мы будем иметь подробное сведение о путях самых трудных для прохождения войск и неизвестных по сие время. От *Делли*, первая английская колония, останется 1000 верст до *Калькутты*, земли населенные и изобильные, следовательно удобные для прохождения войск.

Армия, употребленная в последней войне в *Индии*, под командою генерала *Гастинга*, состояла из 90 000 человек, из коих 10 000 единственно европейских войск, прочие же из индийских дисциплинированных солдат (*sirayes*), под командою европейских офицеров. Нынешняя оборонительная линия английской земли в *Индии* 2500 английских миль. Всего же народа считается в *Индии* около 100 миллионов на пространстве одного миллиона квадратных миль. Три пятых сего многочисленного народа повинуются ныне *Великобритании*. Армия ее коснулась гор *Тибета* и открыла источники *Гангесса (Gange)* и *Инды (Indus)*. В 1819 г. подробная опись регулярных и иррегулярных войск, содержимых в восточной *Индии*: европейской инфантерии 20 978; кавалерии 4692; артиллеристов 4583; всего 30 253 человека. *Индийской* инфантерии 132 815 человек; кавалерии 11 011; артиллеристов 8759; всего регулярных индийских войск (*sirayes*) в службе компании 152 585 чел.

Всего-навсего регулярных войск 182 838 чел. Сверх того находится 24 или 25 000 иррегулярных и около 6000 инвалидов.

1 декабря 1819 года

Паламос в Каталонии»^[69].

На это письмо начальник Генштаба не ответил. Во всяком случае сам Сеславин писал приятелю из Парижа в ноябре 1821 года: *«В августе 1819 г. из Марселя я просил позволения государя отправиться мне под другим именем в Калькутту и оттуда через Дели, Агру, Аллага-Бату, Лахор, Кабул, Балк, Великую Бухарию, Самарканд, Хиву, Грег, Киргизские степи в Оренбург. Путешествие сие могло бы, может быть, решить вопрос европейских политиков: может ли Россия внести оружие свое в ост-индийские английские владения, может ли она повсюду находить себе нужное продовольствие и уничтожить владычество англичан в Индии? Нельзя сказать, чтобы я не хотел быть полезным Отечеству. Я не получил ответа»*^[70].

Привлекает внимание в том письме 1819 года то, насколько тщательно Сеславин изучил вопрос, проанализировал возможности вторжения. И особенно интересной выглядит фраза о том, что три года назад, то есть в 1816 году, «наши купцы из Сибири встретились с англичанами, переодетыми в молебщиков, у источников Гангесса». Переодетые англичане – это, очевидно, разведчики Ост-Индской компании, другого не дано. Понятно, что купцы из Сибири – то есть торговля с Индией все же существовала, пусть и не активная, и пути в Индию знали – тоже были не простые ребята, вряд ли разведчики, скорее просто сотрудничали с Оренбургской Пограничной комиссией. Но не просто ведь так они обратили внимание на англичан и сообщили куда следует. Значит, битва разведок на горных тропах Гималаев и дорогах Азии уже шла вовсю.

И как раз этапом такой тайной войны стала экспедиция Уильяма Муркрофта, которая и началась в этом 1819 году. Экспедиция, которая никогда не закончилась, но которая вошла в историю разведки и путешествий.

Глава 5

В 1808 году в Индию по приглашению Ост-Индской компании прибыл специалист по разведению лошадей Уильям Муркрофт. Ему поручили управлять конными заводами. Он считался одним из лучших специалистов в Англии.

Муркрофт родился в 1767 году, точная дата неизвестна, в Ормскирке, графство Ланкашир, в семье богатого фермера. Дохода семьи хватило на то, чтобы обеспечить обучение Уильяма на врача-хирурга в Ливерпуле. Но когда он уже заканчивал учебу, рогатый скот в этой части Англии поразила неизвестная эпидемия. И молодой Уильям Муркрофт устроился на работу ветеринаром, он хотел понять, что происходит с животными, что это за таинственная болезнь, и его усердие, любопытство, умение работать произвели на землевладельцев графства такое впечатление, что они предложили ему оплатить обучение в колледже. Но с одним условием – он оставит хирургию, чтобы учиться в ветеринарном во французском Лионе. И Муркрофт согласился. Это тот самый случай, когда какая-то мелочь, небольшое обстоятельство меняют и определяют судьбу человека.

Он прибыл во Францию в 1789 году, в разгар Великой революции, но, несмотря на бурные события, смог окончить обучение и стать выпускником-англичанином с дипломом ветеринарного хирурга. Вернувшись в Англию, Муркрофт создал «больницу для лошадей» в Лондоне, на Оксфорд-Стрит, открыл первый в стране ветеринарный колледж, совершил революции в коневодстве, предложив новые хирургические методы лечения хромоты у лошадей. Он оформил четыре патента на производство новых подков.

Когда в 1803 году Муркрофта мобилизовали, потому что Англия ожидала вторжения Наполеона, он попал в Вестминстерский конный добровольческий отряд и в это время познакомился с Эдвардом Пэрри, директором Ост-Индской компании. И вот как раз Пэрри принял талантливого ученого, ветеринара, врача Муркрофта на работу в Компанию. В 1808 году Муркрофт сошел с корабля в Калькутте.

Положение дел в индийских колониях в области коневодства Муркрофт нашел ужасающим. Разведение шло как попало, породистых лошадей скрещивали с местными недоросликами,

бумаги военные коневоды фальсифицировали, чтобы списывать деньги. Первым делом Муркрофт избавился от бракованных лошадей, затем он решил вопрос с кормовой базой – он стал первым в промышленных масштабах выращивать овес в Индии. Весь 1811 год Муркрофт путешествовал по индийским княжествам в поисках лучших племенных лошадей. В Бенаресе словоохотливые торговцы рассказали ему, что самый большой и лучший лошадиный рынок в мире находится в Бухаре. Тогда ученый стал планировать поездку в Среднюю Азию, нанял на работу перса, которого звали Иззат Аллах Мир, и вместе они принялись разрабатывать маршрут. Еще Муркрофт намерился посетить Тибет, где, как ему сказали, тоже есть отличные экземпляры.

В мае 1812 года он отправился туда через предгорья Гималаев вместе с капитаном Уильямом Хирси. Оба представлялись индуистскими торговцами-паломниками и везли с собой немало товара на продажу. Сразу вспоминается письмо Сеславина, где он упоминает «англичан, переодетых молельниками», то есть паломниками. Правда, Сеславин писал о некой встрече 1816 года. Но произошла она там же, где был Муркрофт, у истоков Ганга, и вместе с тем очевидно, что такой способ маскировки – паломник или купец, широко применялся английской разведкой.

Тибетцы поначалу не хотели пускать к себе иностранцев, маскировка не сильно помогла Муркрофту. Но он сумел уболтать местных влиятельных сановников, пообещать выгоды для Тибета и для них лично, он подлечил нескольких из них, и в итоге ему разрешили проехать по Тибету и даже посетить озеро Мапам-Юмцо, или, как его еще называют, Манасаровар, которое считается священным. По легенде, озеро Манасаровар было первым сотворенным в сознании Брахмы объектом. Название озера «Manas sarovara» образовано от санскритских слов manas (сознание) и sarovara (озеро).

И вот там, на Тибете, Муркрофтом овладела идея о том, что индийские колонии Англии в опасности, и опасность эта идет от русских. Причиной тому стали две собаки, которых путешественник встретил в доме тибетского сановника. Собаки были явно европейские – терьер и мопс, это были абсолютно не азиатские породы. Кроме того, в Азии собак для развлечений редко держали, в местных условиях требовались собаки крупные и злые, вроде туркменских алабаев или тибетских мастифов. Собаки сановника принялись ласкаться к Муркрофту, явно признав в нем европейца, а

сановник подтвердил, что ему их подарили русские купцы. Для Муркрофта это был неприятный факт. Оказывается, русские добрались уже до Тибета, здесь их принимают, они знают даже такие сложные пути в Индию. Путешественник не поверил только в то, что собак подарили купцы. Он попытался управлять ими, те стали выполнять команды, и у Муркрофта родилось подозрение, что собаками на самом деле владели не купцы, а военные. Возможно, разведчики.

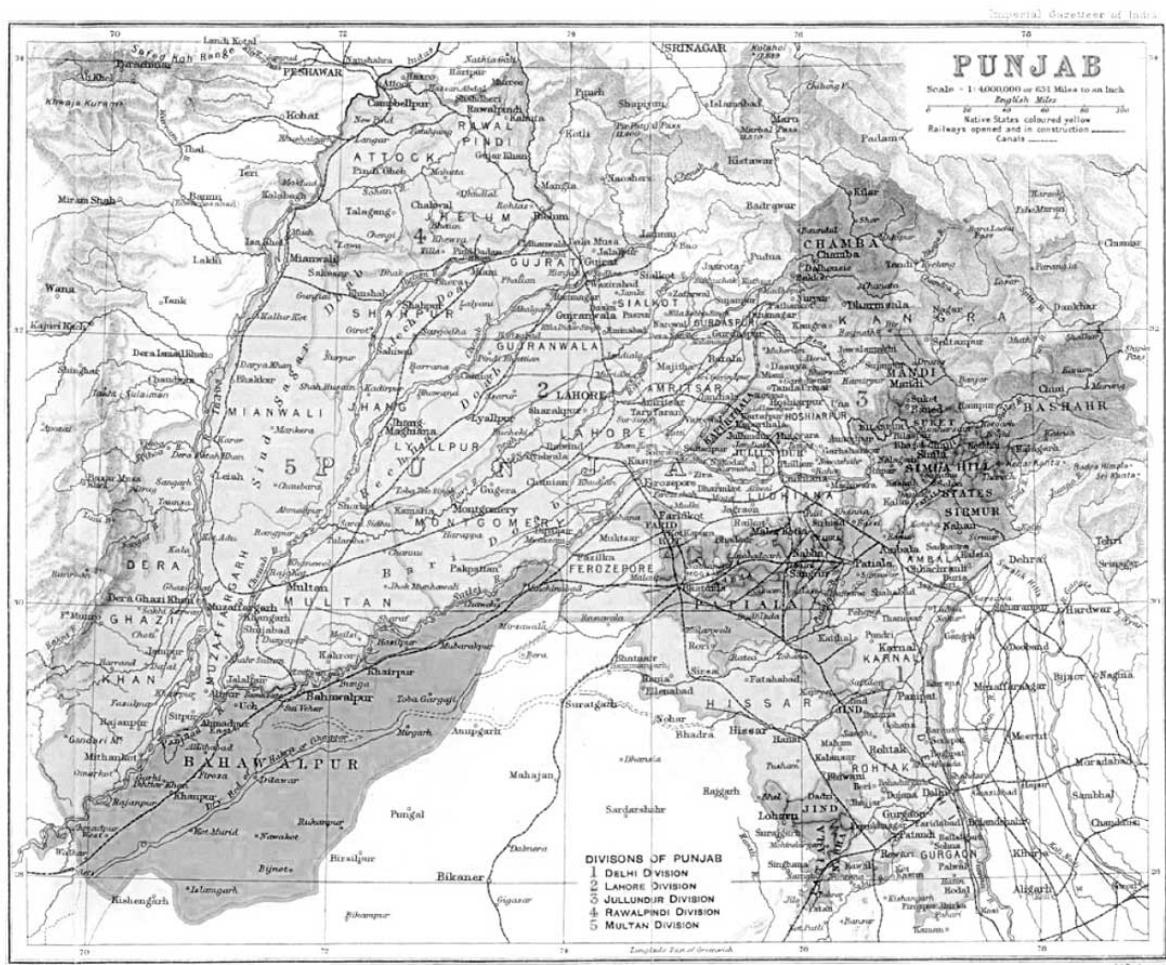
По возвращении в Калькутту Муркрофт получил выговор за то, что не привез лошадей из экспедиции, но ему было все равно. Он принялся писать начальству сообщения о том, что Российская империя, видимо, готовит экономическую экспансию на еще не освоенные рынки Азии, что Ост-Индская компания должна решить, будут ли коренные жители Туркестана и Тибета «одеваться в ткани из России или из Англии» и станут ли они покупать «железные и стальные орудия, произведенные в Санкт-Петербурге или Бирмингеме»^[71]. Более того, Муркрофт полагал, что русские намерены захватить Центральную Азию, а затем эта участь постигнет и Индию. Руководство Ост-Индской компании, впрочем, понимало, что если атака на Индию со стороны русских и может произойти, то вряд ли именно сейчас, когда Россия ведет войну на Кавказе, и если у нее есть задачи в Азии, то это скорее защита своих границ от набегов киргизов и туркмен. И потому правление Компании ответило путешественнику, что ему не надо тратить время впустую и нечего ему ездить в «дикую местность на романтические экскурсии, к берегам Амударьи, и на равнины китайской Татарии». Но ученый не отступал. Он был уверен, что экспедиция важна. И даже не потому, что он должен купить туркменских ахалтекинских скакунов, так необходимых Компании, а потому, что русская угроза казалась ему самой очевидной. И в 1819 году он добился своего.

Союзником Муркрофта стал Чарльз Меткальф, глава Политического и Секретного отдела Компании, то есть фактический начальник разведки, который тоже считал, что предположение о возможном русском вторжении не лишено оснований. Меткальф уговорил, как сейчас сказали бы, топ-менеджеров, чтобы они согласились на экспедицию и оплатили ее. Но при этом Муркрофт, конечно, не должен был никак ассоциироваться с Ост-Индской компанией. Распространенная практика спецслужб. В случае провала ему было не на что рассчитывать, Калькутта сразу отказалась бы от него, заявив, что он действует по своей инициативе. Но такого

патриота Англии, как Муркрофт, а он был без всяких сомнений настоящим патриотом, это не могло испугать. Он согласился отправиться в путь сразу, как только появится возможность. Меткальф же делал все, что от него зависело, чтобы обеспечить ученого-разведчика картами, проводниками и деньгами. То есть он, конечно, получал сведения из Средней Азии, и даже некая слабая агентура там у него была, но лишний человек в Азии был бы ему не лишним. Нужно понимать – для англичан на тот момент Средняя Азия была настоящим белым пятном на карте. Они не слишком хорошо представляли себе внутренний уклад в Бухаре, Хиве и Коканде, в отличие от русских. Но маршрут был составлен так, чтобы заодно собрать сведения и о других районах Азии, где позиции англичан были еще не так сильны.

Экспедиция началась поздней осенью 1819 года, в марте 1820 года Муркрофт пересек границу подконтрольной англичанам Индии, с караваном, груженным лучшими британскими экспортными товарами: от фарфора до пистолетов, ножей и хлопка. Спутниками Муркрофта в этом походе стали молодой англичанин Джордж Требек и Джордж Гутри, наполовину индеец. Всего в поход отправились почти 300 человек, а товаров было закуплено на 4000 британских фунтов.

Оставив караван на границе Пенджаба, Муркрофт с несколькими спутниками поехал в город Лахор, чтобы получить у Ранджит Сингха разрешение на проезд через его территорию. В мае он наконец добыл нужные бумаги. По опыту предыдущих путешественников, в том числе, вероятнее всего, из записок Мира Иззет Уллы, было понятно, что кратчайшая дорога в Бухару лежит через Афганистан. Но в это время там как раз шел очередной виток гражданской войны, поэтому Муркрофт решил не рисковать и добраться до Бухары с востока, через китайский Туркестан. Это, впрочем, официальная версия. К неофициальной вернемся чуть позже. К осени он добрался в город Лех, столицу буддистского королевства Ладакх, расположенную на самом севере Индии, за перевалами Великого Гималайского хребта. Ладакх переводится как «Страна перевалов». И сегодня, в 21 веке, Ладакх большую часть года отрезан от Большой земли заснеженными перевалами. Это один из самых малонаселенных районов Азии. До 40-х годов 19 века Ладакх был независимым королевством, затем его захватили махараджи Джамму. А затем их самих подчинили англичане.

Карта Пенджаба

В 1820 году Муркрофт и его спутники стали первыми англичанами, которые добрались до Ладакха. После этого экспедиция попыталась получить от китайских властей разрешение на проход через Каракорум. Те, впрочем, не горели желанием пропускать англичан в подконтрольный им Туркестан, или Синьцзян-Уйгурский автономный район, как его называют сейчас. Китайские купцы долгие столетия обладали монополией на Каракорумский транзит. Более того, китайцы вполне справедливо, учитывая опыт соседней Индии, опасались, что за английскими купцами придут английские военные. На самом деле, до сих пор дороги через Каракорум для китайцев считаются стратегическим направлением, и новое Каракорумское шоссе в Пакистан китайские компании построили в кратчайшие сроки. Именно в этом году, в этом месте произошла, можно сказать, первая встреча разведок двух империй. Муркрофт случайно выяснил, что в Восточном Туркестане, в городе Яркенде, откуда ему должны были дать разрешение на проезд, находится его конкурент, российский купец, по

национальности персидский еврей, выполнявший важные политические и коммерческие задания Санкт-Петербурга. Здесь его звали Ага Мехди, в России – Мехти (по английским источникам Мехди) Рафаилов.

В архивных российских документах сведений о нем хранится немного. Сообщается лишь, что он «кабульский житель». По английским данным, Рафаилов был выходцем из Персии, его мать была когда-то рабыней, а отец – купцом. Родители Мехти рано умерли, мальчика воспитали друзья отца. Сначала он был подручным, слугой, разносчиком, дорос до приказчика, сам принялся торговать и именно как купец попал в Россию. Англичане были уверены, что в России он даже крестился. В российских архивах таких сведений нет. В своих записках Уильям Муркрофт отмечал, что Мехти Рафаилов был умен, хитер, знал несколько восточных языков, как минимум тюркский, персидский и пенджабский. Рафаилов писал об этом так:

«И не к похвале моей осмеливаюсь донести, что при малом богатстве языка российского имею я основательные познания в языках турецком, персидском, индейском и татарском, с помощью коих надеюсь и обязуюсь оказать усердные услуги мои России небесполезны»^[72].

В те годы главный путь из русских владений в Восточный Туркестан и дальше в Северную Индию шел через город Семипалатинск, он находился на Иртышской (по другому названию Сибирской) пограничной линии. Город основали как крепость еще в 1718 году, и название он получил именно от семи первых зданий, построенных тут. Сейчас это территория Казахстана, что, конечно, является диким историческим недоразумением, не меньшим, чем передача Крыма Украине генсеком Хрущевым. До 1803 года российским купцам в целях безопасности не разрешалось отправлять свои караваны через Семипалатинскую таможню. После того как были получены некие договоренности с кочевыми ханами и караваны пошли, нередко в сопровождении русских военных отрядов, российские купцы стали часто посещать китайские города, доходы от китайской торговли в регионе за 10 лет выросли вдвое.

И вот в 1807 году купцы стали привозить в Семипалатинск кашемировые шали. Дело было крайне прибыльное, шали пользовались большим спросом в России и Европе. Причем ситуация была для русских купцов странная. В одном из журналов писали: *«Не должно также пропустить и того обстоятельства, крайне*

для России невыгодного, что как азиатские народы, от которых привозятся к нам шали и шалевые платки, мало имеют надобности в наших товарах, то Россия доплачивает ежегодно за их продукты знатные суммы золотом и серебром»^[73].

В 1807 году в Семипалатинск из Кашмира приехал как раз с тюками шалей Мехти Рафаилов, приказчик крупного купца Семена Мадатова. И вот вдвоем они повезли товар прямо в столицу. Если и 20 лет спустя торговля шальями приносила, как следует из статьи, прибыль и сопровождалась трудностями, то в 1807 году купцов, поставлявших дефицитный товар, приняли в соответствующем Департаменте МИД. И даже сам министр Румянцев поручил им отправиться с товарами в Западный Китай и Северную Индию. Он подписал указ о свободном пропуске Рафаилова туда и обратно и о выдаче ему денежного «вспоможения».

4 августа 1808 года купцы с новыми товарами выехали из Семипалатинска. В этой истории есть, конечно, один непонятный момент – с чего вдруг торговцев шальями решил поддержать сам глава МИД империи? И зачем им выдавали деньги? Скорее всего не в шальях, точнее, не только в них, было дело. Хотя и экономическое сотрудничество с Азией было для русских очень важным. Вероятно, и вся дальнейшая судьба Рафаилова наводит на эту мысль: тогда в Петербурге он был завербован в качестве русского агента. До учреждения Барклаем-де-Толли русской разведки эти функции выполнял отдел МИД. И путешествие Рафаилова с его товарищами тоже говорит о том, что не был он простым купцом. Три года они передвигались по основным дорогам Азии, точнее, Восточного Туркестана, побывали в Кульдже, Аксу, Кашгаре, Яркенде и Кашмире и возвратились в Семипалатинск в начале марта 1811 года.

Командующий войсками Сибирской линии Григорий Иванович Глазенап канцлеру (то есть главе МИД) графу Николаю Петровичу Румянцеву докладывал:

«Отправлены Вашим сиятельством; в прошлом 1808 году чрез крепость Семипалатинскую в китайские пределы грузинской дворянин Семен Мадатов, кобульской житель из еврей Махти Рафулла, в числе четырех человек. Дворянин Мадатов по своим делам остановился в Семипалатинске, а еврей Махти Рафулла препровожден с караваном нашим до китайского города Кулжи, отколе пустился по границе китайской к достижению Кашемира. Махти Рафулла исполнил свое предприятие, был в Кашмире довольное время, испытав ход тамошней торговли, и ноне

возвратился в пределы наши к Семипалатинской крепости. Рассмотрел я также товары, приобретенные им в Кашире. Они состоят из одних шалей тамошней выработки, но превосходного достоинства, все эти вещи повез он с собою, таможенно запечатанные в тюки, до Санкт-Петербурга, ноне по приказанию моему должен явиться Вашему сиятельству»^[74].

Позже Глазенап пишет новое донесение, где сообщается, что купцы, «приобретши местное познание о ходе тамошней торговли, удостоверили меня, что естьли отправлять наши товары из крепости Семипалатной в китайский город Аксу, то можно завести важнейшую связь с купечеством китайским, прибывающим туда из внутренности своего государства и из городов Кульжи, Кашкарии, Тибета, Бухарин, Ташкинии, Кокана и Кашира, и что посредством сих торговцев, а в особенности кашемирских, весьма удобно можно передать к нам всякий индейский товар, тем паче, естьли наши купцы постараются приобрести доверенность их... будут получать в обмен за российский товар золото, серебро, жемчуг, разных пород камня, шали кашемирские, шелк, хлапчатую и пряденую бумагу, шелковые и бумажные материи, шерсти, краски и чай».

По возвращении Мехти Рафаилов составил свой отчет, где привел подробные географические и этнографические данные о народах и странах, о занятиях населения, торговле, государственном управлении, об организации войск, отношениях с соседними странами. Такую серьезную работу, в том числе и аналитическую, правительство Российской империи не могло не оценить. И 26 ноября 1811 года была «всемилоостивейше пожалована кабульскому жителю Мехти Рафаилову золотая медаль с надписью “За полезное” на красной ленте для ношения на шее»^[75]. Такой медалью награждали за успехи в торговле. В документах так и было написано: «Для награды за успехи в торговле и промышленности». Она изготавливалась из золота или серебра, носилась на груди или на шее. На лицевой стороне медали было изображение Александра I, на оборотной – два рога изобилия с сыплющимися из них монетами, кадущей и дубовая ветвь. Так что Рафаилов был одновременно и купцом, и агентом.

В марте 1812 года он обратился в министерство, чтобы ему присвоили классный чин, как он объяснял, для удобства работы, «не из бесполезного тщеславия». И в том же году он подал на имя графа Румянцева свой бизнес-план: «Проект на открытие путей, ведущих из России в Индию».

«Проект» содержал сведения о народах и странах Азии, об их экономике, о выгодах, которые могла принести России торговля с ними, и главное, что упоминал Рафаилов, – это то, что Россия могла бы «покровительствовать» некоторым из них. Неизвестно, получил ли проект какой-либо отзыв, а в сентябре 1813 года купец-агент отправился по приказу министра с товарами на 160 тысяч рублей в Северный Китай. Генерал Глазенап отписал в Петербург, что Рафаилову поручено доставить письмо к «тибетскому владетелю... приглашая его вступить с нами в торговые сношения. Самому же Рафаилову поручил... делать путевые замечания свои насчет удобства таковых сношений и прочем». При чем эта поездка, видимо, была использована для легализации русских разведчиков в Азии, точнее, для того, чтобы они могли посетить разные места под надежной легендой. Годом ранее тот же Глазенап сообщил министру:

«По случаю открываемых торговых сношений с китайскими городами... нахожу я нужным, дабы достоверно изведать пути, туда ведущие, отправить тайно при кабульском жителе Мехти Рафулле... омского военного сиротского отделения учителя Лешева, хорошо знающего инженерную науку... Но как он не знает татарского языка, почему и должен представлять из себя немого, то в переводчики ему командировать урядника сибирского линейного казачьего войска Белевцова, бывшего несколько раз за границей, кои уже по приказанию моему растят бороды»^[76].

То есть в составе каравана Рафаилова путешествовал военный инженер. Как можно предположить, для изучения военных возможностей азиатских стран. Караван Мехти Рафаилова выступил из Семипалатинска под прикрытием отряда из 70 казаков. Он прошел через Семиреченский край, вдоль озера Иссык-Куль, затем добрался до Кашагара, где он быстро распродал товары и в итоге прожил 13 месяцев. Его приказчик привел к нему новый караван, и он снова выгодно продал товары за серебро. Вскоре он все же добрался до Тибета, встретился с ханом Акбар-Махмудом и передал ему письма русских министров. Рафаилова в Тибете приняли прекрасно. Ему разрешили торговать без пошлин, пообещали покровительство русской торговле. В Тибете российский купец прожил 34 дня, и в Кашмир в итоге не добрался – все шали он купил там же, на месте. Перед отъездом из Тибета Рафаилов снова увиделся с ханом, забрал письмо для генерала Глазенапа и возвратился в Семипалатинск почти через два года после отбытия оттуда. Письмо от тибетского

правителя было воспринято в Петербурге весьма серьезно. Тот писал:

«Присланное Вами ко мне по высочайшему соизволению дружеское письмо Ваше, изъявляющее многие благоволения, с избранным купцом Ага Мехтием я имел щастие получить. Содержание оного чрезмерно меня обрадовало, и такое благоволение, кое я ожидал с давнего времени, успокоило душевную скорбь мою. Изустные препоручения Ваши, вверенные оному Мехтию, подробно мне рассказаны касательно открытия торговой дороги и дружеских обоюдных сношений, а равно и отправления посланцев... Надеюсь в скором времени отправить посланником ближайшего и вернейшего мне человека, а как дороги чрез Бухарию, Кабул и Индею весьма опасны по причине грабежей и по дальности расстояния, стоят больших издержек, то и прошу Вас, благоволите открыть тибетскую дорогу, которая безопаснее и ближе к Индии, а сверх того сие принесет величайшую пользу обеим сторонам»^[77].

Сам Рафаилов сообщал уже в личном отчете:

«В бытность мою в вышепомянутых городах, по короткому знакомству моему с индейскими, ауганскими, кашемирскими и персицкими знатными купцами [узнал], что они охотно желают завести на границах российских и внутри оных постоянной торг и учредить купеческие конторы, даже на таких условиях, какие предложит российское правительство...

Не смею умолчать, чтобы не доложить... что владетель индейской провинции и города Лагора Ранджицын Бадша (имелся в виду Ранджит Сингх. – Прим. авт.) ищет покровительства, но не знает, где его найти»^[78].

Собственно, писал Рафаилов о борьбе Ранджит Сингха с влиянием Ост-Индской компании. И это был как раз тот момент, когда властитель Пенджаба спешно пытался понять, как его государство может избежать судьбы его соседей.

В 1819 году купцу пожаловали новый чин коммерции советника и поручили ему готовиться к поездке в Северную Индию. На этот раз правительство, видимо вспомнив отчет купца о событиях в Пенджабе, поручило ему секретную миссию. Он должен был доставить письмо российского министра иностранных дел Карла Васильевича Нессельроде «владельцу Панджабских областей Ранджит Дсинг. Таково же содержание письма... к правителю

Кашемирскому и к независимому владельцу одной части Тибета Ранджет Акибету, с некоторыми переменами только в титулах».

В письме к властителю Пенджаба говорилось:

«Имею честь сим уведомить Ваше Высочество, что ныне в столь счастливое время высокопочтенный наш чиновник надворный советник, знаменитый между торгующими персидскими и велико-татарскими купцами, с давних времен Вам известный и верно усердствующий Ага Мехти Рафаилов, приехав к нам в Россию, представил всю Вашу славу, великоление и могущество... наконец, гостеприимство, оказываемое приезжающему из разных соседственных мест купечеству, а особливо велико-российским подданным купцам. Все сие для меня приятно донес я Его Императорскому величеству... государю Александру Первому. Его Императорское величество... указать соизволил мне вступить в дружественное сношение с Вами чрез верных и усердных чиновников, дабы подданные купцы российские и Ваши имели свободный проезд во взаимные области»^[79].

Все письма были написаны по-персидски и специально запакованы в мешочки из красной узорчатой парчи. В Омске, через который проезжал купец, Рафаилов составил небольшую аналитическую записку, где, в частности, говорилось, что «Кабульское владение с Кашемиром опасаются завоевания англичан».

30 апреля 1820 года Рафаилов выехал из Семипалатинска с большим караваном. Не без приключений купцы – Мехти и его приказчики Муса-Хан и Мухамед Зугур Зарипов – добрались до Восточного Туркестана, откуда Рафаилов направился в Тибет. Поначалу путешествие протекало хорошо, но за шесть дней до приезда в Тибет Рафаилов неожиданно заболел. Три дня он промучился и умер от «опухоли всего тела». Его похоронили прямо у дороги, на которой прошла почти вся его жизнь. Не исключено, что Рафаилов был отравлен, слишком уж странно выглядели симптомы его болезни. Имущество и товары купца достались его спутнику Мухамеду Зарипову, и он все же добрался до цели. Но когда в Тибете узнали о смерти Рафаилова, имущество у купцов отобрали, как отобрали и письма российского Министерства иностранных дел. Товары, правда, купцам оставили, Мухамед Зугур в итоге продал их в Кашмире, а вещи Рафаилова из Тибета смогли вернуть лишь частично с помощью посланника кокандского хана. Но интересно, что письмо Нессельроде к Ранджит Сингху оказалось каким-то

образом у Муркрофта. Как следует из разрозненных записок Муркрофта, с самого начала последнего путешествия Рафаилова Муркрофт следил за ним: через агентуру наводил справки о пути следования, другие агенты пытались установить контакт с купцом. Англичанин писал, что даже хотел лично встретиться с Рафаиловым, но внезапная смерть разрушила эти планы. *«Мне очень хотелось с ним увидеться, чтобы наилучшим образом убедиться в его истинных намерениях, а также в намерениях честолюбивой державы, под патронажем которой он работает»*^[80].

Скорее всего, правду мы никогда не узнаем, но вполне возможно, что именно Рафаилов подарил когда-то тибетским чиновникам тех самых собак, что так напугали Муркрофта, не исключено, что с помощью тибетских чиновников английский разведчик узнал о путешествии Рафаилова. И тем более нельзя исключить, что русского агента убили, чтобы завладеть письмом к владыке Пенджаба. Потому что Муркрофт открыто писал, что, читая письмо к Ранджит Сингху, он «не испытывал больших угрызений совести», что читал это письмо, потому что о нем и его содержании знали вообще «очень многие»^[81].

Можно также предположить, что если о письме русских к владыке Пенджаба и правда знали «многие», то поездка Муркрофта по такому странному маршруту состоялась не случайно. А именно – поначалу англичанин поехал в Лахор, чтобы получить у агентуры подтверждение того, что здесь ждут русских посланников. В Петербурге английская агентура также имелась, и возможно, что в Калькутте не просто так решили позволить Муркрофту отправиться в экспедицию. А из Лахора английские разведчики отправились в Лех, чтобы дожидаться донесений от шпионов в Восточном Туркестане, которые следили за Рафаиловым. И дальше, купца мог отравить любой завербованный человек – проводник, погонщик, даже хозяин придорожной гостиницы.

Эта версия не кажется такой уж дикой и фантастической, если предположить, что в штаб-квартире Ост-Индской компании действительно узнали о планах русских установить официальные отношения с Пенджабом и планах Сингха получить покровительство русских. Это разрушало, прежде всего, планы англичан по покорению богатого Пенджаба и создавало опасную вероятность того, что завтра-послезавтра в Лахоре появятся русские военные инструкторы, русское оружие. В таком случае там даже не понадобилась бы русская армия. Тут, правда, надо заметить, что в

руководстве российского МИД и в военной разведке тоже не питали иллюзий по поводу того, кто такой Муркрофт. В документах МИД и он сам, и его спутник Джордж Требек прямо назывались «фискалами», то есть шпионами, также там сообщалось, что они подкупами добивались расположения чиновников и вельмож в Кашмире и Тибете. А это объясняет, как к Муркрофту попали вещи и документы Рафаилова. Русская разведка попыталась предпринять ответные шаги: была перехвачена переписка Муркрофта.

«Находящиеся в Тибете англичане, узнав сии обстоятельства (то есть узнав о смерти Рафаилова. – Прим. авт.), послали письма к агентам своим в Яркенд. Один из товарищей Рафаилова, татарин Фейзулла Сейфуллин, нашел случай перехватить сии письма и доставил оные по возвращении своем на Сибирскую линию г. генерал-лейтенанту Капцевичу. Из числа сих писем три писаны на тибетском языке»^[82].

А в Петербург полетело донесение генерал-губернатора Западной Сибири Петра Михайловича Капцевича министру иностранных дел Нессельроде.

«Посланный в июне месяце сего года для прикрытия отправленного из крепости Семиполатинской в Кашкарию купеческого каравана здешнего линейного казачьего войска отряд в числе 146 человек под командою одного казачьего офицера, сопроводив караван тот... возвратился прошлого ноября 27 числа в крепость... Командир сего отряда по прибытии своем донес мне, что повстречавшийся с ним за границею... бухарец Ахун объявил ему, что отправленный по высочайшему соизволению прошлого 1820 года в последних числах апреля по особым поручениям в Тибет надворный советник Мехти Рафаилов на пути своем... не доходя до города Яркенда, помер»^[83].

А Муркрофт тем временем писал доклады своим начальникам о том, что влияние русских в Восточном Туркестане столь велико, что русская поддержка любого восстания сможет избавить регион от власти Китая. Он писал, что Рафаилов наверняка имел дополнительную задачу провести в пути политическую и географическую разведку территорий. Поскольку такую же задачу имел он сам, то рассуждал Муркрофт логично, а из информации о том, что Рафаилова сопровождали казаки, англичанин делал вывод о том, что миссия купца была опасной для Англии. Там, где пройдут караваны с русскими товарами, смогут пройти и казаки, и артиллерия, и пехота. Интересно, что в одном из писем Муркрофт

сообщал, что, проживи Рафаилов еще несколько лет, *«он смог бы реализовать такие сценарии, от которых содрогнулись бы многие кабинеты Европы»*.

То, что Муркрофт и его спутники шпионы, понимали не только русские. Понимали это и в Пенджабе, очевидно это было и китайцам. И вскоре после смерти Рафаилова на англичан начались покушения. Неизвестный ночью через окно выстрелил в Требека, который работал за столом при свете лампы. Потом были два нападения уже на самого Муркрофта, в него стреляли, одного из нападавших он убил. Через несколько дней англичане почувствовали себя неожиданно плохо, они решили, что это какая-то местная лихорадка. Но как-то ночью к ним пришли два незнакомца и жестами объяснили, что англичан отравили. Незнакомцы дали выпить странный отвар, после чего Муркрофт и его спутники почувствовали себя лучше. Прекратились и покушения. И кто стоял за ними – китайцы или Ранджит Сингх, – выяснить не удалось.

Stodart

RUNJEET SINGH.

THE FOUNDER OF THE PUNJAUB EMPIRE.

From a Drawing by an Indian Artist.

Ранджит Сингх

Время шло, а разрешение на посещение Восточного Туркестана от китайцев не приходило. Есть версия, что именно Рафаилов перед отъездом в Тибет успел объяснить китайским чиновникам, кто такой на самом деле этот путешествующий коннозаводчик. Как сказали бы сейчас, топ-менеджмент Ост-Индской компании начал злиться: на экспедицию потрачены деньги, а Муркрофт где-то там сидит и бездельничает. Ему прислали два письма, причем в последнем содержалось требование вернуться в Калькутту. Но он то ли не получил его, то ли проигнорировал. Возможно, он действовал по своему плану, заранее оговоренному с главой разведки Компании Чарльзом Меткальфом. И весной 1824 года ученый двинулся-таки в Бухару. Причем по традиционному маршруту, через Кашмир и Пенджаб, обходя Лахор – столицу, где сидел Ранджит Сингх, далеко с севера. Через Хайберский перевал его отряд попал в Афганистан, где у них начались проблемы. Прежде всего потому, что афганская элита твердо полагала – эти англичане разведчики, передовой отряд армии Компании. Кстати, сам Муркрофт не раз заявлял, что, если англичане не заберут Афганистан себе, это сделают русские. Он вообще был уверен, что хватит одного британского полка, чтобы посадить на трон лояльного Лондону человека. Путешествие через Афганистан продолжалось восемь месяцев. В дороге отряд, по традиции, собирал все возможные сведения о стране: о реках, дорогах, крепостях и источниках воды. Больших проблем им удавалось избегать благодаря ветеринарным навыкам Муркрофта. Он лечил афганцам лошадей, коров, прочий скот. Люди в благодарность показывали удобные маршруты и предупреждали об опасностях.

Наконец путешественники достигли берега Амударьи и, переправившись на соседний берег, через две недели достигли города Карши, второго по величине в Бухарском ханстве. 25 февраля 1825 года Муркрофт со спутниками добрались до самой Бухары. Он записал в дневнике: *«Мы оказались перед воротами города, который целых пять лет был целью наших путешествий, оправданием переносимых лишений и опасностей»*. Но когда он въезжал в город, бежавшие ему навстречу дети принялись радостно кричать: *«Смотрите, русские, русские (орос, орос)!»* Он понял, что коварные московиты опередили его.

И на самом деле это было так. В 1820 году Бухару посетила русская дипломатическая миссия. Еще в 1815 году в Петербург прибыл представитель бухарского эмира Азимджан Муминджанов, он как раз и ходатайствовал о посылке царского представителя для

заключения договора о торговле. Ходатайство рассмотрели, решение вынесли положительное, но готовили экспедицию аж четыре года. Только в июне 1820-го представителю Хайдар-хана вручили ноту, где говорилось, что царский дипломатический чиновник вскоре прибудет в Бухару. Главой посольства назначили действительного статского советника Александра Федоровича Негри, грека по происхождению, он отлично владел турецким и персидским языками, был старшим советником Российской императорской миссии в Тегеране. Торговые отношения с Бухарой были только одной, официальной, задачей миссии. Другой был, разумеется, сбор информации о природных ресурсах, правителях среднеазиатских ханств, их отношениях, связях с Афганистаном, Ираном, Османской империей, с Северной Индией, о возможностях судоходства по Сырдарье и Амударье, получение сведений о городах Туркестане и Ташкенте, а также афганских Кабуле, Кандагаре. Переводчику экспедиции Шапошникову генерал-губернатор Оренбурга отдельно поручил *«разведать верным образом об именах чиновников, облеченных властью по управлению... Узнать, какою формой отправляются, куда поступают бумаги, от нас посылаемые... Весьма было бы полезно, если бы Вы успели снискать дружбу в ком-нибудь из чиновников бухарских и могли бы продолжить с ним переписку по возвращению вашему в отечество. Сие могло бы весьма часто облегчать сношения нашего пограничного начальства и предупреждать оное из того края сведениями»*^[84].

В состав посольства были включены четыре офицера Генерального штаба: поручик Вольховский (между прочим, соученик А. С. Пушкина, с отличием окончивший Царскосельский лицей), поручик Тимофеев и два инженера подчиненного ГШ Отдельного Оренбургского корпуса подпоручики Тафаев и Артюхов. Командовал ими капитан Егор Казимирович Мейендорф. Он происходил из прибалтийских баронов, родился в семье генерала от кавалерии. В 1811 году он попал в армию, и тут же началась война с Наполеоном, где Мейендорф стал участником многих сражений при Полоцке и Борисове, он участвовал в европейском походе, сражался при Виртемберге, Галле, Лейпциге, под Парижем. За смелость и мужество его наградили орденами и золотой шпагой с надписью «За храбрость». Он знал немецкий и французский языки, был прекрасным математиком, а за составление плана города Павловска получил бриллиантовый перстень, то есть он был еще и отличным топографом. И потому ему было вручено «Наставление... касательно

обозрения Киргизской степи во время следования... с посольством в Бухару». Мейендорф должен был исследовать дорогу до ханства, как и течения рек, изучить возможность заселения обширных просторов к югу от Оренбурга, назначить «места, удобные для крепостей вдоль по дорогам от крепостей Орской и Троицкой... до реки Сырдарьи, на коей равномерно назначить место, удобное для крепости»^[85]. 10 октября 1820 года посольство Негри отправилось в путь из Оренбурга. Из записок Мейендорфа:

«Так как нам предстояло пересечь необъятные степи, посещаемые только кочевыми ордами, правительство снабдило нас конвоем из двух сотен казаков и двухсот пехотинцев, к которым затем присоединились двадцать пять всадников-башкир. Мы взяли с собою 2 артиллерийских орудия; 358 верблюдов везли наш багаж. Кроме того, у нас было 400 лошадей... Чтобы преодолеть за два месяца пустыню, требовалось по 150 фунтов сухарей на каждого солдата и по 4 центнера овса на каждую лошадь, кроме того, крупы для отряда, двойного запаса снарядов для наших двух пушек, 15 кибиток, или войлочных палаток, 200 бочек для воды, наконец, немалое количество бочек водки. 320 верблюдов были нагружены провиантом для конвоя и 38 – багажом членов посольства и продовольствием для них»^[86].

20 декабря русские дипломаты въехали в Бухару, эмир Хайдархан принял их в своем дворце. Александр Негри с эмиром встречался несколько раз, и вроде бы они договорились о безопасном следовании караванов, о том, что бухарские войска будут охранять идущие на север торговые обозы до Сырдарьи, а оттуда до Оренбургской линии их должен оберегать русский конвой. Но вот создать русское посольство у себя в Бухаре эмир не позволил и весьма прохладно воспринял идею об открытии бухарской миссии в русской столице.

Посланники Александра I смогли выкупить из плена семь русских невольников, еще восемь сбежали от хозяев и спрятались в обозе посольства. Капитан Мейендорф очень подробно описал быт и повседневную жизнь бухарцев, и вот как раз наличие изрядного числа рабов он отметил особо.

«В Бухаре насчитывается около 3000 татар, русских подданных по рождению; это по большей части преступники и дезертиры. Иные явились сюда искать счастья, а человек 300 занимаются изучением религии.

Число афганцев в Бухаре сильно возросло с 1817 года благодаря прибытию эмигрантов из Кабула, бежавших от происходивших на их родине смут. Их насчитывается около 2000.

В Бухаре живет несколько сот калмыков. Некоторые из них владеют землей возле города, но большинство – военные. За последние четыре-пять лет число индусов в Бухаре сильно выросло: около 300 – коммерсанты, часть которых прочно осела там, часть же уезжает и приезжает с караванами из Кабула.

Среди купцов представители всех стран, прибывающие в Бухару по различным делам: там можно встретить купцов из России (за исключением татар), немного кокандцев и ташкентцев, персов, но нет ни китайцев, ни тибетцев. Встречаются иногда кашмирцы, отличающиеся прекрасной фигурой. У одного из них, высокого и хорошо сложенного, были черные гордые глаза, орлиный нос, великолепная борода. Я ему сказал, что он похож на красивого еврея, и он был очень недоволен, как этого и следовало ожидать. Тем не менее я оказался прав: сходство было столь поразительно, что при виде этого человека легко можно согласиться с мнением тех, кто рассматривает кашмирцев как еврейских колонистов.

Я видел в бухарских караван-сараях несколько афганцев из восточных горных частей страны. Эти люди отличались прекрасной фигурой, весьма выразительны, но дики. Если их спросить, из какой они страны, то услышишь грубый ответ, содержащий богохульства.

Афганцы, о которых я только что говорил, одеты иначе, чем кабульцы: они закутываются в длинный кусок холста, как римские сенаторы в свои тоги. Помимо этого они, хотя и являются мусульманами, бреют себе только макушку, волосы их очень длинны около ушей и на затылке, поэтому бухарцы называют их «кяфирами» («неверными»).

У каждого знатного человека есть рабы, чаще всего персы; во время нашего пребывания в столице в их числе был только один сияхпуш, не знавший еще местного языка. Русских рабов – около десяти. Многие откупились и стали заниматься ремеслами; их презирают, как «неверных». Искренность тех, кто принял ислам, весьма подозрительна. В общем, число находящихся в Бухаре рабов составляет несколько тысяч.

Участь рабов в Бухаре внушает ужас. Почти все русские жаловались на то, что очень плохо питаются и измучены побоями. Я видел одного раба, которому его хозяин отрезал уши, проткнул руки гвоздями, облил их кипящим маслом и вырезал кожу на спине, чтобы

заставить его признаться, каким путем бежал его товарищ. Куш-беги, увидев однажды одного из своих русских рабов в пьяном виде, велел на следующий день повесить его на Регистане. Когда этого несчастного подвели к виселице и стали принуждать отказаться от православия и сделаться мусульманином, дабы заслужить помилование, он предпочел умереть мучеником за веру»^[87].

При этом о бухарцах, о царящих в эмирате нравах он оставил отзыв весьма и весьма нелестный. Человек немецких кровей и русского характера, он не понимал и не принимал восточные способы общения, лесть и раболепие.

«Отличаясь друг от друга во многих отношениях, таджики и узбеки имеют много общего. Многие узбеки ведут торговлю, особенно правительственные чиновники. Соблазн наживы и жажда богатства способствуют росту их продажности и увеличивают неправосудие. Более того, доносы, интриги, зависть, столь распространенные при восточных дворах, оказывают на нравы ханских фаворитов пагубное влияние; они владеют искусством тонкого обмана и униженного раболепия, если этого требуют обстоятельства.

В стране, где ложь расценивается как талант, недоверие как обязанность, притворство как добродетель, не могут существовать радости искренней дружбы, неизвестны откровенность и доверие.

Известно, что во всех мусульманских странах употребление крепких напитков воспрещено и даже карается смертной казнью. Однако довольно много бухарцев, особенно состоятельных или молодых, предаются пьянству, но это всегда происходит втайне, и поэтому на улице никогда не видно пьяных. Тюрю-хан, предполагаемый наследник престола, потеряв вкус к плохому бухарскому вину, ежевечерне опьяняет себя опиумом.

Один молодой бухарец из хорошей семьи, которого я спросил, в чем состоят его развлечения, сказал мне, что он дает обеды, во время которых рабы играют на музыкальных инструментах, ходит на охоту и, наконец, у него есть свои джуани, или любимцы. Я был удивлен спокойствием, с которым он произнес это слово, которое свидетельствовало, насколько свыклись здесь с самым постыдным пороком».

После трехмесячного пребывания в Бухаре 23 марта 1821 года русские дипломаты двинулись в обратный путь. С точки зрения политической, посольство оказалось довольно бессмысленным: никаких письменных соглашений не заключили, договоров не

подписали. Впрочем, для отношений между странами Азии и среднеазиатских государств с Россией это было делом обычным: когда в Бухару много десятков лет спустя прибыла миссия офицера Игнатьева, многие важные вопросы обсудить с бухарцами оказалось невозможно, даже при наличии ранее подписанных договоров. Бухарцы заявили, что этих договоров никогда в глаза не видели, а прочие потеряли. Кроме того, эмиры и ханы старались вообще ничего не подписывать, не обещать и главное не делать, поскольку полагали, что это может нести угрозу устойчивости их режимов.

Но вот что касается сбора научных и разведывательных сведений об Азии, то в этой части экспедиция оказалась крайне удачной. Поскольку в ней принимали участие не только офицеры Генштаба, но и, например, Эдуард Александрович Эверсман, российский натуралист, ботаник, зоолог, врач, то удалось собрать уникальные сведения о природе региона. Об Эверсмане стоит сказать несколько слов отдельно. Он родился в Германии, учился в Дерптском университете, стал доктором медицины и переехал из Германии к своему отцу, в Златоуст. Отец там был директором Златоустовского оружейного завода. Эверсман выучил персидский и татарский языки, работал врачом на заводе у отца, а когда он по просьбе военного генерал-губернатора стал врачом русского посольства в Бухаре, то там он проявил отчаянную храбрость. Пользуясь общим переполохом, который вызвало прибытие таинственных русских, он переделся в татарского купца и смог незамеченным пройти в город, а потом поселиться в караван-сараях. Сама русская миссия жила за городскими стенами – так потребовал эмир, не доверявший чужакам. А отважный русский немец разгуливал по Бухаре, собирая факты, которые потом были им описаны. При этом сведения, которые собрал Эверсман, тоже характеризуют Бухару того времени, скажем так, довольно своеобразно. Как писал доктор, в городе было распространено пьянство, а жители не понимали ничего в «утонченных чувствах», думали лишь об интимных утехах. Эмир Бухары не был исключением, и помимо гарема, он наслаждался услугами «тридцати или сорока развращенных существ», в городе, который, по мнению доктора, демонстрировал «все ужасы и мерзости Содомы и Гоморры».

Эверсман смог так убедительно выдавать себя за татарского купца, что три месяца даже тайные осведомители эмира ничего не подозревали и он мог записывать все, что увидел за день. А узнал его

случайно купец, видевший доктора еще в Оренбурге. Доктор поначалу решил уйти с купеческим караваном в Кашгар, но потом все же не стал рисковать и присоединился к посольству. Эверсман вернулся в Оренбург и до конца жизни занимался наукой и исследованиями в университетах России. Через два года после возвращения он опубликовал в Берлине на немецком языке свое «Путешествие из Оренбурга в Бухару». Отдельную книгу «Краткое начертание путешествия Российского посольства из Оренбурга в Бухару в 1820 году» написал Мейендорф. А уж какие отчеты легли на столы начальника Генерального штаба и русской военной разведки, можно только догадываться. Экспедиция привезла в Россию уникальную рукопись «Тарих-и Муками-хани» («Мукимхановская история»), древний источник из истории Бухарского ханства.

Так что Муркрофт опоздал. Россия не меньше Англии была заинтересована в азиатских рынках сбыта и не намерена была сдаваться в этой гонке за влиянием. Муркрофт, который не менее активно, чем русские, собирал информацию разведывательного характера, был вынужден лишь признать: бухарские базары забиты русскими товарами, местные купцы постоянно ездят в Оренбург и в Сибирь, например в Омск. Причем, как выяснилось, бухарцы предпочитают русские товары английским, потому что те дешевле. Лошадей, тех прекрасных ахалтекинцев, которых он искал столько лет, в городе не оказалось. Тогда Муркрофт, подавленный всем увиденным, решил вернуться в Индию, он спешил, чтобы проехать перевалы до того, как их занесет снегом. Зимой 2001 года автор этих строк снимал репортаж в горах на перевале Саланг, через который идет дорога, связывающая север и юг Афганистана. Так вот оказалось, что даже в 21 веке бывают периоды, несколько недель, когда проехать через перевал, по пусть и разбитой, но все же приличной, заснеженной дороге, почти невозможно. А что говорить о начале 19 века?

Когда отряд переправился через Амударью, спутники разделились. Муркрофт решил съездить в несколько кишлаков, где вроде бы можно было купить хороших лошадей. И по дороге туда он умер. Вскоре афганцы привезли его тело в Балх, где оставался Требек. Спутники похоронили ученого, но через некоторое время умер и Требек, потом Гутри, а потом и их переводчик. В английской исторической науке бытуют две версии: по одной из них, англичан отравили русские агенты, чтобы завладеть документами Муркрофта,

по другой – их отравили афганцы, чтобы завладеть имуществом. Но вот что интересно: через двадцать лет два французских миссионера смогли попасть на Тибет, и там они услышали, что в этих местах долгое время жил англичанин по фамилии Муркрофт, который всем говорил, что он кашмирец. А когда он умер по дороге в Ладакх, то у него в доме нашли карты и письма. Это скорее всего был не Муркрофт, а кто-то из его слуг-кашмирцев. После смерти он присвоил документы и поселился в Тибете. Бумаги Муркрофта оказались разбросанными по всей Азии, их сбором занимались все разведки: и русская, и английская, и французская. И те записки, что вышли от имени путешественника в 1841 году, были компиляцией из найденных фрагментов, сохранившихся дневников, отосланных заранее домой, из писем, собранных агентами Ост-Индской компании.

Со смертью Муркрофта, возможно, связана и еще одна загадка. Он скончался 27 августа 1825 года. В 1826 году во Франции были опубликованы записки Мира Иззет Уллы, о которых говорилось в предыдущей главе. Так вот вполне вероятно, что попали они туда именно из Афганистана. Не исключено, что Муркрофт возил с собой ту самую копию документа, которая попала к издателю.

На самом деле охота за бумагами ученого и шпиона шла больше десяти лет. В сентябре 1833 года губернатор Оренбурга Василий Алексеевич Перовский пишет директору Азиатского департамента Министерства иностранных дел Константину Константиновичу Родофиникину: *«...Состояние заграничной торговли zdeшнего края и сношения с соседними народами заставляют желать, чтобы можно было получать верные и основательные сведения обо всем происходившем в областях Средней Азии и о положении тамошних дел. Поэтому, – добавляет губернатор, – было бы удобно посылать посланника не от правительства, а от местного начальства, при этом избегается гласность и сократятся большие издержки».*

Письмо генерал-губернатора рассматривали военный министр и глава МИД империи, оно дошло и до царя, оставалось лишь решить, кто отправится с тайной миссией в Бухару. А именно состояние торговли было предметом беспокойства русских властей. И вот вскоре Перовский сообщал в столицу, что человек им подобран, рекомендует он его как «чиновника, известного своим усердием, образованностью... имеющего все нужные для сего довольно трудного поручения качества». Звали чиновника Петр Иванович Демезон. Он родился в 1807 году в Сардинском королевстве, в семье

врача. Как он попал в Россию, неизвестно, но в те годы немало иностранцев ехали в нашу страну искать работу, возможно, так же произошло и с родителями Демезона. По распоряжению министра народного просвещения Петр Демезон был зачислен казеннокоштным (то есть учившимся за государственный счет) студентом Казанского университета «с оставлением в России, Петербурге, для обучения восточным языкам у ориенталиста Г. М. Влангали». Потом он служил в Казанском университете, стал специалистом по восточной словесности. А в феврале 1831 года он был отправлен в Оренбург, в распоряжение губернатора, для службы в государственных учебных заведениях. Позднее он преподавал в Неплюевском военном училище, а заодно был «причислен в Оренбургскую пограничную комиссию переводчиком».

Петр Иванович Демезон

Работая переводчиком, как и преподавателем, Демезон постоянно совершенствовал язык, углублял знания восточного этикета, стал отлично разбираться в тонкостях ислама, восточных обычаев и восточного этикета. И вот именно его и выбрали в качестве русского разведчика, отправляемого в Бухару. Причем поехал он туда под видом не купца даже, а татарского муллы по имени Мирза Джафар. Правда, этот маскарад был нужен лишь для того, чтобы добраться до Бухары. А там он уже сам откровенно заявил, что является посланником Перовского, европейцем, принявшим ислам. Сам Петр Иванович пишет, что слухи о прибытии с караваном русского посланника купцы стали распространять еще

до того, как он доехал до границ эмирата. В итоге он встретился с кушбеги – первым министром двора, которому он передал письмо от Перовского. Это был формальный повод для встречи. И потом таких встреч было еще много.

«Я постоянно ощущал себя объектом пристального внимания и подозрений со стороны бухарцев. Мало-помалу мне удалось рассеять подозрения, вызванные своим появлением, благодаря моему мусульманскому костюму, той старательности, с какой я молился и выполнял малейшие предписания мусульманской религии, серьезным дискуссиям с муллами, муфтиями и самим кушбеги о теологии, коране, традициях, об арабском, турецком, персидском языках. Я не узнал бы многого, если бы меня не считали мусульманином. После многих месяцев скованности я был рад, завоевав доверие кушбеги, который стал теплее относиться ко мне и согласился на несколько свиданий со мной, чего раньше я не был удостоен. Кончилось тем, что наши встречи стали довольно частыми. Его обращение стало более дружественным, его разговор – более откровенным. День ото дня отношение ко мне улучшалось. За несколько дней до отъезда я удостоился чести быть представленным хану»^[88].

Мулла Джафар посещал мечети и медресе, где участвовал в религиозных диспутах. Он, без всякого сомнения, был уникальным, просто невероятным разведчиком. А перед отъездом губернатор Перовский составил для него инструкцию, которая называлась «Записка о предметах, долженствующих обратить на себя внимание господина де Мезона при проезде его в Бухарию» и отдельный пункт которой был посвящен Муркрофту.

«В 1825-м году был в Бухарии англичанин Муркрофт, прибывший туда из Индии и убитый на обратном пути в Хульме. Пожитки его и товарищей сделались добычею местного начальника и продавались публично. Бумаги его, не имеющие никакой цены для тамошних жителей, могли сохраниться, и вероятно даже, что можно достать оные за современные подарки и обещание будущих наград. Правительство вероятно не откажется пожертвовать несколькими тысячами рублей, если представлены все записки сего путешественника»^[89].

Интересно – из записки следует, что русские были уверены, что английских разведчиков именно убили. Особый пункт был посвящен русским рабам.

«Находящиеся в Хиве русские пленные единственным способом избавления себя от неволи находят крайне трудное бегство чрез Киргизскую степь в Россию, между тем как в Бухарию им бежать гораздо ближе, а оттуда они могли бы довольно удобно выходить в Россию с караванами. По какой причине не употребляют они сего средства? Не найдутся ли в Бухарии люди, которые бы согласились покупать пленных в Хиве, вывозить их в Бухарию, а оттуда отправлять в Россию? Хивинцы продают пленных единоверцам, и потому предположение сие кажется весьма удобоисполнительным»^[90].

Нет, вероятно, смысла приводить здесь все 25 пунктов секретного документа, но Демезон постарался выполнить все, ему порученное. В своих «Записках о Бухарском ханстве» он писал:

«Муркрофт и два его спутника, приехавшие из Индии в Бухару в 1825 г., на обратном пути были отравлены. Первый в Андохе и двое других в Мазаре, в двадцати пяти верстах от Балха. Часть их имущества и их бумаги до сих пор находятся в руках правителей Мазара. Англичанам пока не удалось заполучить бумаги своих, погибших в Бухаре, посланцев. Попытки, предпринятые доктором Хонигбергером во время его поездки в Балх, также были безуспешны»^[91].

И переводчик экспедиции Негри в Бухару в 1820 году Шапошников, и Петр Демезон, и те разведчики, что посещали Среднюю Азию позднее, действовали под контролем одного и того же органа разведки и контрразведки, который носил название Оренбургская пограничная комиссия, или сокращенно ОПК. И эта структура заслуживает того, чтобы рассказать о ней отдельно. С того самого момента, как был образован Оренбургский край, как был построен Оренбург, он стал центром азиатской торговли в России. Однако поскольку никаких постоянных каналов для получения информации из Азии у русского правительства не было, а оно, как Министерство иностранных дел России, в любых данных о состоянии дел в Азии крайне нуждалось, то задача по сбору и анализу информации была возложена на канцелярию губернатора Оренбургского края.

Но никакого специального ведомства, которое могло бы выполнять такие функции, ни в губернском аппарате, ни в России вообще тогда еще не существовало. И тогда в декабре 1774 года по инициативе графа Петра Ивановича Панина была образована Оренбургская экспедиция иноверческих и пограничных дел при

Оренбургской губернской канцелярии, потом в январе 1782 года она стала Оренбургской пограничной экспедицией, а с марта 1799 превратилась в ОПК. Первоначально Комиссия разрешала земельные споры между киргизами, башкирами, оренбургскими и яицкими казаками. Занималась она также освобождением угнанных в рабство русских людей, а после крестьянской войны Пугачева ОПК поручили вести следствие по делам участников бунта и розыском бежавших преступников. И вот как раз тогда она стала превращаться в орган оперативной и разведывательной деятельности.

Но вообще сбором секретных сведений и экономической информации в начале 19 века занимались сразу три структуры. Оренбургская пограничная комиссия, Специальное отделение штаба Отдельного Оренбургского корпуса – оно, понятное дело, подчинялось военному министерству и Генштабу, и Оренбургская таможня, которую курировало Министерство финансов. Все три структуры на месте оперативно подчинялись лично генерал-губернатору, именно он, в зависимости от обстановки, ставил им задачи, давал указания, заслушивал отчеты и координировал разведывательные мероприятия.

Оренбургская линия

Вся развединформация, собранная в ОПК, штабе корпуса и таможне, поступала в канцелярию генерал-губернатора, обобщалась и потом как рапорт за его подписью направлялась военному министру и главе МИД. Впрочем, канцелярия все же формировала отчеты с учетом специфики ведомств. В МИД отправляли данные о внутренней политике азиатских государств, об их отношениях, о сведениях, полученных из Индии и Афганистана; в Генштаб адресовали сведения о состоянии армий стран региона, о войнах, которые ведет в Южной Азии Ост-Индская компания.

И с 1830-х годов одной из основных задач всех трех структур, а ОПК в особенности, становится противодействие британской разведке в регионе. При этом штат Комиссии был достаточно невелик – от 30 до 40 человек. Хотя небольшим его можно считать по нашим нынешним меркам. Для России того времени это был приличный штат для спецслужбы. Для сравнения: в Третьем отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии, главном органе политического сыска Российской империи (по сути, это как сейчас объединенные ГУПЭ МВД и службы по противодействию экстремизму и терроризму ФСБ), трудились в 1826 году всего 16 человек, в 1829 году – 20 человек, в 1841 году штат расширили до 28. Это на всю огромную страну. Так что ОПК была органом более чем внушительным.

Председатель Комиссии по чину соответствовал генерал-майору, назначался МИД, а утверждался лично императором. Что показывает, какое значение придавали власти империи этой спецслужбе. На должность председателя назначались или военные, или ученые-востоковеды. Причем кроме русских чиновников и офицеров в состав Комиссии входили и несколько высших представителей крупных казахских родов. Сделано это было потому, что ОПК была, помимо прочего, органом, который управлял оренбургскими «киргизами», то есть перешедшими под покровительство России казахами Малой и Средней Орды. Комиссия решала административные проблемы на подконтрольных территориях. Часто чиновники генерал-губернатора находились при казахских султанах как полномочные представители русских властей, и, как правило, ехали они с силовым сопровождением. На это выделялись одна-две казачьи сотни. ОПК занималась справедливым распределением кочевков, разбирала взаимные претензии, возникавшие между казахами.

Работа Комиссии была строго регламентирована и разделена по направлениям, за которые отвечали отделения: исполнительное, судное, уголовное и счетное. Каждое отделение состояло из «столов» – групп чиновников, которые отвечали за конкретные участки работы. И вот как раз за разведывательную работу отвечал первый «стол» исполнительного отделения Комиссии. Как – если кто помнит – были в советских НИИ Первые «секретные» отделы. Всю поступившую информацию докладывали председателю Комиссии, и три-четыре раза в месяц отправлялись докладные записки на имя губернатора Оренбурга.

Полевыми агентами Комиссии (термин «полевой агент» из лексикона ЦРУ, но в данном случае он подходит по смыслу), которые вели оперативную, разведывательную, контрразведывательную работу, были «попечители прилинейных киргизов» – чиновники, управлявшие выделенными районами, часто они жили в поселениях оборонительной линии. Полевыми агентами были и переводчики ОПК.

Эти чиновники занимались вербовкой агентуры, подбором сочувствующих и доверенных лиц, из них нередко набирались проводники и разведчики. Сотрудники ОПК обязательно включались в состав делегаций для встречи официальных посланников азиатских государств. Дипломаты, приезжавшие в Оренбург, обычно размещались на государственных квартирах и жили за счет российского бюджета. Жили они в городе довольно долго, иногда месяцами, пока русские чиновники решали – принимать послов в столице или же все вопросы и задачи можно решить на местном уровне. И пока азиатские дипломаты жили в Оренбурге, сотрудники ОПК – чиновники и переводчики – почти ежедневно общались с ними, а соответственно, собирали нужную им информацию, как правило, личного характера, возможный компромат на азиатские элиты, выясняли все, что можно, о посланнике, его положении при дворе, возможности влиять на государственные дела. Причем работа шла и по линии контрразведки, то есть чиновники еще и противодействовали возможному сбору информации спецслужбами Персии и Британии. Например, в 1836 году сотрудники ОПК узнали, что бухарский посланник хочет взять с собой в Петербург постоянно проживавшего в Оренбурге купца Назарбая Байкишева. Они доложили сведения о нем губернатору, и Перовский написал в столицу, что купец «есть человек неблагонадежный и даже вредный, у здешнего начальства он давно уже на худом замечании. Желательно

было бы, чтобы в столицах ему был прегражден доступ к значительным лицам, дабы он не мог употреблять во зло снисхождение это».

Работа в отношении другого азиатского дипломата Хайруллы Амир-Ахирова велась несколько лет. Сведения о нем стали поступать в ОПК еще до его приезда в Оренбург. А к этому моменту русские разведчики знали, что он совершил хадж в Мекку, что он несколько лет жил в Константинополе, где установил тесные связи с министрами, что он пользуется доверием (насколько это возможно на Востоке) эмира Бухары. Председатель ОПК, пообщавшись с Амир-Ахировым, сообщал в МИД, что «...агенты английского правительства предлагали эмиру войти в дружественные сношения с лондонским кабинетом с правом иметь в Бухаре своего консула и обещали неисчислимы от этого сближения выгоды, каких, будто бы, Бухария не может ожидать от союза с Россией, тем более что бухарцы все европейские товары получают через посредство англичан из Герата»^[92].

Агенты Комиссии обязательно включались и в состав русских посольств, отправляемых в Азию. Одновременно с этим свою работу вело разведотделение штаба Оренбургского отдельного корпуса. Но как уже говорилось, в отличие от политической разведки ОПК, военные разведчики были сосредоточены на сборе именно информации о вооруженных силах азиатских государств, их боеготовности, о крепостях, возможных маршрутах передвижения войск. Особое внимание уделялось топографической работе, поскольку подобные сведения на тот момент были очень скудными. Военные разведчики часто под прикрытием казаков выдвигались в степь и составляли карты южных и восточных рубежей. Фактически это была работа, подобная той, что сегодня ведет армейский спецназ. При этом военные разведчики также вели агентурную работу и вербовку, за нее отвечали коменданты укреплений и крепостей Оренбургской оборонительной линии. При комендантах состояли штатные разведчики – «лазутчики», по документам они обычно проходили как курьеры или почтальоны. Самим комендантам было поручено «собрание и представление по начальству возможных верных и подробных сведений о происходящем в соседних среднеазиатских владениях и надзоре за действиями их относительно того, что может касаться наших интересов». Сотрудники штаба отдельного корпуса тоже включались во все дипломатические миссии в Средней Азии.

А вот таможенники вели скорее не разведку, а контрразведку. В обязанности таможенников вменялось проведение опроса прибывающих купцов и путешественников. Причем так было не только в Оренбурге, но и в других городах оборонительной линии. Опрос проводился по стандартной схеме, и обычно задавались вопросы о ценах на товары на среднеазиатских рынках, о наличии там английских товаров, а также собирались сведения о текущей политической ситуации в ханствах и эмиратах. Заодно таможенники выясняли, каким маршрутом шел караван, были ли нападения кочевников, функционируют ли колодцы, какие еще караваны идут и откуда, какие слухи и новости обсуждаются в Азии и среди караванщиков.

Конечно, сама система пограничных линий в значительной мере определяла систему работы российских спецслужб в то время. Считается, что эта линия обороны южных границ Русского государства начала складываться на заре 16 века, когда граница проходила по берегам Оки, от города Болохова через Белев до Калуги, потом через Серпухов и Коломну до Переяславля-Рязанского. Этот район, который был укреплен каменными крепостями городов Зарайска и Коломны и деревянным кремлем Каширы, именовался Окская Украйна, или, чуть позже, Степная Украйна.

Но еще чуть раньше московские Великие князья уже за границей принялись возводить в пограничных лесостепных районах засечные черты, или засечные линии. Это был комплекс засек на лесных дорогах, частоколов, надолбов, земляных валов в степи, между которыми стояли небольшие заставы и гарнизоны. Там служили пограничники того времени, засечная стража. Их задача была задержать кочевников любой ценой и сообщить о набеге. А уже отражали этот набег украинские служилые люди – гарнизоны больших оборонительных городов.

Примерно к середине 60-х годов 16 века система укрепрайонов сложилась в единую оборонительную структуру протяженностью 600 километров. Ее называли «Государева заповедь», а историки обычно используют термин «Большая засечная черта». Она шла по линии Козельск, Белев, Перемышль, Лихвин, Одоев, Крапивна, Тула, Венев, Переяславль-Рязанский. Отдельно около Старой Рязани находились Ряская и Шацкая засеки. В 1566 году царь Иван IV сам оценивал завершение работ на линии. К концу 16 века появляются, как сказали бы сейчас, военные округа – разряды: Береговой,

Украинный и Рязанский. И стоит добавить, что в те годы в летописях, документах, разрядных книгах встречается слово «украинец». Это не национальность. Это профессия, сотрудник пограничной службы, обычно и проживающий в пограничной области. Сам факт того, что молодому Русскому государству пришлось строить такую внушительную оборонительную систему, объясняет многое как в русской истории, так и в русском характере. Ведь речь шла не просто о сохранности государственных границ. Черту строили для выживания нации. Русский историк Николай Ульянов в своем труде «Исторический опыт России» писал по этому поводу следующее:

«Когда кончилась Вторая мировая война, во всех театрах показывался документальный фильм: запруженные народом улицы Лондона, Парижа, Нью-Йорка, ликующие толпы, радостные лица. Но – вот Москва. Там плачут. Как после Куликовской битвы, люди слезами встречали победу. Если США потеряли в войне немногим больше двухсот, французы – четырехсот, англичане – четырехсот пятидесяти тысяч, то русских погибло, по самым скромным подсчетам, шестнадцать миллионов. Что ни Батый, что ни Мамай, что ни Наполеон, то гекатомбы жертв, то призрак конечной гибели, длительное залечивание ран.

А ведь были и другие вторжения. По русским масштабам, они – “второстепенные”, но Запад и таких не знал. Чего, например, стоил набег Девлет Гирея в 1571 году? Вся Москва, за исключением Кремля, сожжена, жители перебиты либо уведены в плен, а край на сотни верст обращен в пустыню. До миллиона человек сделались жертвами нападения. Это в то время, когда все Московское государство, дай Бог, если насчитывало пять миллионов жителей. Через тридцать лет “Смута” – дымящиеся развалины, опустошенные города, вырезанные селения, шайки иноземных грабителей, гуляющие по всей стране, захваченные врагом Москва и Новгород. Ни один из западных народов не жил под такой угрозой вечного нашествия. Духовные и физические силы столетиями поглощались борьбой со смертельной опасностью, шедшей со всех сторон. Уже Киевской Руси, не знавшей с начала X века покоя от печенегов, половцев, торков, черных клобуков, всякой степной сарыни, пришлось предпринять сооружение линии городов-крепостей по Суле, по Стугне, по Трубежу, переводить для их заселения массу народа с новгородского севера. В Московском государстве, изнуренном военными налогами и тяглами, силы

уходили на выкуп полоняников, на возведение многочисленных каменных кремлей, гигантских городских стен, вроде смоленских, на поддержание “засечной черты” – бревенчатого вала протяжением свыше двух тысяч верст.

До XVIII века продолжались степные набеги, наполнявшие миллионами русских пленников невольничьи рынки Ближнего Востока. Только с сокрушением крымских и кавказских вассалов Турции угроза с этой стороны миновала...

Крупнейшие русские историки – Соловьев, Чичерин, Милюков придавали военному фактору определяющее значение в русском историческом процессе. Это был тот таинственный перст, что пожаром и кровью вычерчивал наш путь в веках. Он же диктовал суровые законы внутренней жизни – крепостное право для защиты страны, сильную централизованную власть»^[93].

В 70-е годы 16 века Большая засечная черта протянулась до Волги, на ней была создана своего рода оперативная разведывательная служба. В степи, в двух-пяти днях пути от Черты, устраивались дозоры, наблюдательные посты. От одного до другого можно было доскакать за полдня. Их задача была скрытно обнаружить надвигающихся врагов, а именно кочевников, и предупредить основные силы. Постепенно, по мере расширения южных границ Московского, а потом и Российского государства, и оборонительные линии тоже сдвигались дальше на юг.

В начале 17 века, когда страну охватила Смута, когда казна была пуста, а набеги крымских и ногайских орд на земли Русского царства умножились кратно, многие сооружения Большой засечной черты были разрушены. В 30-е годы 17 века принялись их восстанавливать и строить новые оборонительные линии. Написанная в 1681 году «Выписка в Разряд о построении новых городов и Черты» довольно подробно рассказывала историю и причины постройки оборонительной линии и указывала, где и как теперь будут возведены новые сооружения:

«Блаженная памяти великий Государь, Царь и великий князь Михаил Федорович, всеа Руси самодержец, указал для защищения Святых Божиих церквей и целости и покою христианского от бусурманских татарских безвестных приходов на поле построить Черту, и от Крымские стороны через Муравскую и Кальмиюскую Сакмы, от реки Псла к реке Дону до Воронежа на 377 верстах, а от Воронежа чрез Нагайские Сакмы вверх по реке Воронежу к Козлову и к Танбову на 205 верстах, а от Танбова до реки Волги и до

Синбирска на 374 верстах, всего на 956 верстах, и по Черте построить городы, а промеж городов по полям земляной вал и рвы и остроги и надолбы, а в лесах засеки и всякие крепости, чтобы на ево государевы Украины теми местами татарского приходу не было. И по тому государеву указу <...> построены по Черте городы: <...> по р. Ворсклу, на Бакаевом шляху – Вольной, Хотмышской <...> на Муравской Сакме (Сакма значит дорога. – Прим. авт.), на вершинах речки Северского Донца, – Белгород <...> на речке на Короче – Короча <...> на Изюмской Сакме, на Яблоном колодезе – Яблонов <...> на Кальмиуской Сакме, на реке Тихой Сосне – Усерд, Ольшанской <...> на реке на Воронеже, близко реки Дону, Воронеж <...> Романов <...> Козлов <...> Бельской городок <...> Челнавский острог. <...> И от тех городов и через тое Черту Крымские и Озовские воровские и Нагайские кочевые татаровя <...> для войны прихаживали многожды, потому что те города были малолюдны и город от городу построены не в ближнем расстоянии, а вал и всякие крепости были немногия.

И со 153 году блаженные памяти великий Государь, Царь и великий князь Алексей Михайлович, всеа великия и малыя и белыя Руси самодержец, указал, для покою христианскаго, Черту строить попрежнему указу отца своего <...> и по Черте устроить прибавочные городы и населить большим многолюдством и земляной вал устроить больше прежнего, по размеру – в подошве в ширину 3-х сажен, в вышину 2 сажен с четвертью и 2 сажен в своде, и подле валу с полевую сторону выкопать рвы, в глубину 2 и полторы сажени, в ширину 2 сажен, на 2 в своде полусажени, также и надолбы большия и стоялые острожки частые и лесные завалы и иныя многие крепости, где какие доведется».

С 1636 года начинается строительство Белгородско-Симбирской укрепленной линии. В 1651 году инженеры Степан Змеев и Григорий Львов под руководством казанского воеводы князя Одоевского рисуют план новой оборонительной черты, она получает название Закамская черта и перекрывает пространство от Ворсклы до Камы. На оборонительных линиях селятся переселенцы из центральных областей, причем живут они как свободные люди, а не как крепостные, они живут в «слободах» – деревнях вольных, свободных поселенцев. Появляется целый округ – Слободская Украина, а там слободские города Харьков, Чугуев, Изюм. Для несения сторожевой службы здесь же создаются слободские казацкие полки.

Для обороны Слободской Украйны в 70-х годах 17 века была построена новая Черта, которая получила название Изюмской, потом Украинской, она соединялась с Белгородской. На юге строятся Пензенская черта и комплекс укреплений Исетской линии. Черты или Линии – не в названии дело – строили и в 18 веке, и даже в 19-м. Их упоминали даже в песнях. «Вдоль по линии Кавказа молодой орел летал...» Вся империя была окружена этими оборонительными системами. Когда русский человек, живший, скажем, в Москве, например, в 1825 году, встречал знакомого офицера и тот рассказывал, что служит на Линии, то сразу становилось ясно – служба проходит на Кавказе. Или на Сибирской линии, или на Черноморской линии, или опять же в Оренбурге. Поначалу как таковой цепи валов и оборонительных сооружений там не было. Реки являлись естественной границей государства, а крепости на берегах были достаточной защитой.

В 1835 году началось возведение Новой Оренбургской линии, состоявшей из Императорского, Наследницкого, Михайловского, Константиновского и Николаевского укреплений между Орском и Березовским редутом. Линия протянулась на 500 верст, и таким образом удалось спрямить русскую южную границу, а между реками Урал и Уй появился Новолинейный район, который стало контролировать Оренбургское казачье войско.

Подробный рассказ об оборонительных линиях, конечно, не является задачей этой книги. Это, безусловно, предмет отдельного глубокого исследования. Несколько абзацев скорее дают общее представление о том, что собой представляли рубежи Российской империи на протяжении веков.

Особенно активно русская разведка и контрразведка действовали, когда губернатором Оренбурга стал генерал Василий Александрович Перовский. Он на этом посту оказывался дважды: с 1831 по 1841 год, а потом с 1851 по 1857-й. Но дело, конечно, не только в его энергичной и деятельной натуре, не только в том, что он был блестящим военачальником и гражданским администратором. Просто сама ситуация в Азии заставляла русскую разведку, как военную, так и политическую, работать с максимальной отдачей.

Заслуга же Перовского состоит в том, что он изменил структуру сбора развединформации. По его приказу разведопросы вместо таможенников стали проводить чиновники ОПК. Кроме того, сотрудники Комиссии стали налаживать сеть постоянных информаторов из числа караванщиков и купцов. И как раз при

Перовском впервые появились упомянутые выше штатные разведчики при комендантах крепостей. В 1832 году, вскоре после вступления в должность, Перовский направил в Азиатский департамент МИД письмо:

«Рассказы азиатцев бывают почти всегда неудовлетворительны по невежеству их и часто неверны по свойственной им недоверчивости, а потому весьма было бы полезно послать, по крайней мере, в Бухарию, людей образованных и свободных от предубеждений, служащих причиной неискренности азиатцев. Потребность сия кажется сделалась еще необходимее с появлением в Бухарии и Хиве двух путешествовавших англичан»^[94].

Этими двумя англичанами были как раз Уильям Муркрофт и Джордж Требек. То, что русские агенты узнали об их путешествии только через почти шесть лет, показывает, как медленно распространялась тогда информация и насколько закрытым был для европейцев азиатский регион. И вот как раз тогда в Бухару был отправлен Демезон, о котором Перовский писал в отчете царю:

«Г-н Демезон не избегнул трудностей и опасностей, встречающих обыкновенно европейца в этих странах; фанатизм и недоверчивая политика азиатцев были для него на каждом шагу помехою в его действиях, но с помощью совершенного знания восточных языков и обычаев, особенно же основательным характером и осторожным обращением, чиновник сей успел преодолеть все затруднения... без чего, быть может, подвергся бы он участи английского путешественника Муркрофта, погибшего в Бухаре...»

Пограничная комиссия выполняла свои функции органа оперативной разведки, пока Российская империя не начала присоединять Среднюю Азию. Но до этого момента было еще очень далеко. Большая Игра начала выходить на новый уровень. И для Лондона, и для Петербурга становилось все более очевидно, что интересы держав противоречат друг другу, и отступить никто не хотел.

Глава 6

Когда 12 октября 1813 года между Россией и Персией, после сокрушительных побед Котляревского, был заключен Гюлистанский договор, вроде бы закончивший десятилетнюю войну, многие понимали – подписывается лишь временное перемирие.

Персия, конечно, не собиралась соглашаться с потерей Закавказья, и вообще, вряд ли персидский шах заключил бы этот оскорбительный для него и его страны договор, если бы не англичане, которые были советниками при дворе шаха, как сейчас сказали бы, «приглашенными бизнес-консультантами и политическими аналитиками». Они убедили шаха, что Лондон надавит на русских и что с помощью переговоров можно будет вернуть утраченные провинции. Но надавить не получилось, Россия не собиралась оставлять свои позиции в Закавказье, и русские недвусмысленно давали понять, что Англия, находящаяся за тысячи верст от региона, который для России является жизненно важным, вообще может ни на что не рассчитывать.

Англичане были оскорблены и озадачены не меньше шаха. Во-первых, Англия потратила миллионы на подготовку, вооружение и обучение регулярной персидской армии, которую разгромил Котляревский. Во-вторых, угроза Индии стала еще весомее после заключения Гюлистанского мира. Мощь русских стала еще более явной, как и слабость персов. Но англичане не отступали. Снова в качестве аналогии хочется вспомнить ситуацию в Грузии: после провала агрессии против Южной Осетии в 2008 году англосаксы Грузию из-под своей опеки не выпустили, а начали заново вооружать армию и готовить новую поросль русофобских политиков. Ничего нового.

После 1813 года в Тегеран принялись ездить английские посольства, причем не только лондонские. Ездили и представители Ост-Индской компании. Они сорили деньгами, раздавали страшно дорогие подарки, при этом Компания параллельно с политическими задачами решала и экономические: она монополизировала рынок торговли европейскими товарами в стране, особенно много приносила продажа рома. Русский генерал Алексей Ермолов, командовавший в тот момент войсками в Закавказье, Отдельным Грузинским корпусом, позднее переименованным в Кавказский корпус, писал в донесениях по поводу англичан, что «ни сей

торговли, ни рассеваемых Англией денег мы ничем заменить не в состоянии».

В Персии у России не было никакой политической поддержки. А Тегеран, подстрекаемый Англией, начал подготовку к войне. Свою роль сыграло и поведение Ермолова. Дело в том, что шах нарушил принципы престолонаследия и отдал трон младшему сыну Аббасу-Мирзе, потому что старший Магомет-Али был слишком лояльно настроен к России. И генерал Ермолов, будучи полномочным послом в Тегеране, не признал от лица империи легитимность младшего наследника. Аббас-Мирза был вынужден обратиться в российский МИД и только тогда добился своего. Понятно, что после этого принц стал испытывать к Ермолову личную неприязнь.

Аббас-Мирза принялся вести тайную переписку с закавказскими ханами, финансировал войну в Дагестане, вел переговоры с Турцией о военном союзе против России. Но тут большой вопрос, насколько эти идеи были его собственными, а насколько – подсказанными лондонскими советниками. Потому что выбить Россию с Кавказа, тем более чужими руками, было для них куда принципиальнее, нежели для Аббаса. В 1818 году во время персидско-афганской войны шах послал Ермолову письмо:

«Победоносным войскам нашим всегда покровительствуют конные полки небесных сил, а потому действия неприятелей на ратном поле имеют против нас такую же силу, как звезды небесные против восходящего солнца... Пламенный меч наш, устремленный к поражению неприятеля, – есть молния, все сожигающая. И звезды светом победы освещают изображенную на счастливых знаменах наших луну...»

От пыли, несущейся никем не победимой конницы нашей, место сражения померкло так, что если бы открытый сарбазами огонь не освещал его, то стрелы, лишаящие жизни, не находили бы пути пронзять сердца неприятельские. Пять часов длился бой, и воюющие не различали белого и черного. Наконец, на закате солнца, от огня пушек, сокрушающих Кавказские горы, разрушилось и основание неприятельских войск. Вдруг знаменитый наш сын, Али-Мирза-хан, хороссанский валий, со своими богатырями, наподобие волн морских, напал на неприятеля, и щедрой милостью Бога и нашим счастьем зефир победы развеял кисти у знамени победоносного сына нашего: несчастное же знамя неприятеля – низверглось. При сем нападении победоносный сын наш лично устремился на Ширдаль-хана (брата афганского владетеля) и

мечом, сверкающим, как молния, нанес удар ему в голову и разрубил его до самой груди, отчего тот упал с лошади, в пример прочим зрителям»^[95].

В реальности все, конечно, было куда прозаичнее. И не так, как описывал шах, а совсем наоборот. Ермолов сообщал министру иностранных дел графу Нессельроде следующее:

«Хоросанцы вместе с афганцами разбили персидские войска, и урон ужаснейший. Начальствующий оными откупил свою голову большой суммой денег, и шах, хотя продолжил ему командование войсками, но, собрав большие силы, сам пошел на неприятеля. Жители Тегерана полагают, однако же, что он далеко не пойдет, опасаясь, дабы малейшая неудача под его собственным предводительством не произвела худое в народе впечатление. Невзирая, однако же, на неудачу, разглашаются ложные о победах известия и отправляются торжества. Таким образом уведомляет меня Аббас-Мирза о победе над курд-балдасами, когда имею я известия, что войска его понесли значащий урон»^[96].

В 1821 году Персия, решив, что армия достаточно обкатана в стычках с афганцами, начала войну с Турцией. Опять же, вероятнее всего, сделано это было по совету английских партнеров. Во всяком случае Ермолов был в этом уверен. Когда Аббас-Мирза написал ему, что решил напасть на турок, потому что те слишком угнетают христиан, русский генерал своему начальству объяснял ситуацию так: *«Но, конечно, не мщение за христиан мог иметь в виду Аббас-Мирза, владетель мусульманский. Нельзя усомниться, что в расчетах английского правительства выгоды торговли дороже крови истребленных христиан»*.

В сентябре 1822 года персидская армия, которую по традиции обучали английские военные инструкторы, быстро и неожиданно атаковала турок. Война была непродолжительной и довольно бестолковой: персидские солдаты, пользуясь выпавшей им возможностью, больше занимались мародерствами, нежели воевали, хотя все же взяли несколько крепостей. А у турок, в свою очередь, не было денег, ресурсов, а главное, желаний сражаться. Впрочем, сообщая Ермолову о подписании мирного договора, Аббас-Мирза писал, что принудил турок к миру силой оружия. Вскоре персидский шах и сам поверил в то, что он на самом деле создал сильную и боеспособную армию, чтобы пересмотреть границы, установленные Гюлистанским трактатом.

Проанглийская партия при дворе также была полностью за войну, что не удивительно, учитывая, какие взятки раздавали британцы. Кроме того, сами англичане убеждали шаха, что обеспечат ему дипломатическую поддержку, а заодно напоминали о миллионной субсидии, которую платила Ост-Индская компания. Ситуация становилась все напряженнее и напряженнее.

Началось все, как водится, с пограничных провокаций, в том числе с участием самого Аббас-Мирзы. Они продолжались несколько месяцев, Ермолов писал о них как о признаках грядущей войны Николаю I. Только что вступивший на престол царь в ответ напоминал о необходимости удерживать заключенный с Персией мир. Он писал Ермолову:

«Верность данному слову и существенные выгоды России того от Меня требуют. Ныне, когда почти все горские народы в явном против нас возмущении, когда дела в Европе, а особенно дела с Турцией заслуживают по важности своей внимательнейшего наблюдения, неблагоприятно было бы помышлять о разрыве с Персией или умножать взаимные неудовольствия»^[97].

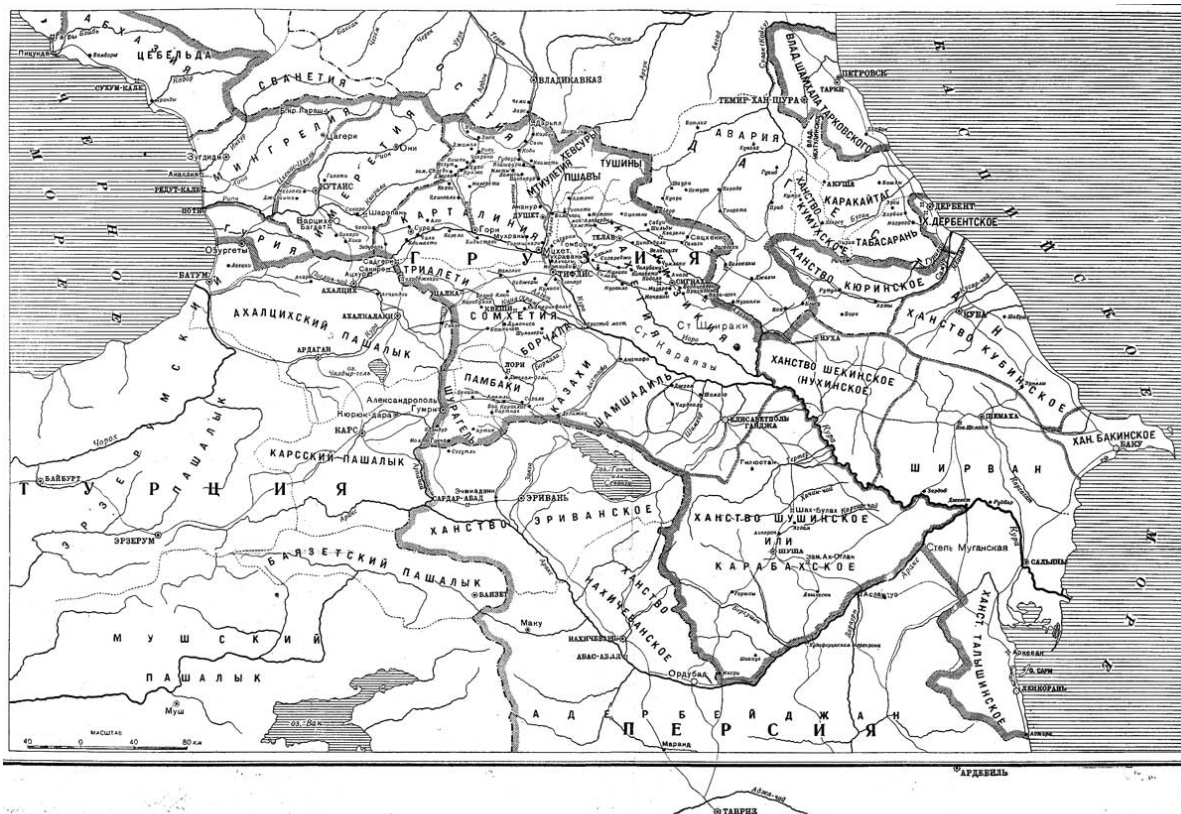
Решение о начале боевых действий персы принимали, во многом исходя из внутрироссийской обстановки. Восстание декабристов, молодой царь – предполагалось, что он еще не успел толком разобраться в государственных делах, – напряженная международная обстановка и восстания горцев на Северном Кавказе. Именно сейчас, сочли в Тегеране, можно атаковать.

16 июля 1826 года персидская армия вторглась на подконтрольные России территории Закавказья: Карабахское и Талышское ханства. Основной удар персы намеревались нанести по Тифлису (Тбилиси) и отбросить русских за Терек. Границу в этот момент защищали отряды добровольцев, состоящие из местных азербайджанцев, которые или просто не стали сопротивляться, или перешли на сторону Аббас-Мирзы.

Первый удар 16 июля нанесла 16-тысячная группировка эриванского сердара Хусейн-хан Каджара, при ней находилась и курдская конница, почти 12 тысяч сабель. Русские войска насчитывали около 3000 человек и 12 орудий. Начальником всей пограничной линии был тогда командир Тифлисского полка полковник Леонтий Яковлевич Северсамидзе. Уроженец Моздока, сын бедных родителей, службу он начал в Тифлиском полку рядовым, без всяких связей, покровительства, заслужил княжеский чин и звание полкового командира. Он был отчаянно храбр, в боях

получил пять ранений. Он знал и армянский, и персидский, и тюркские языки. Северсамидзе пользовался таким авторитетом, что азербайджанцы и армяне приходили к нему для решения своих домашних ссор и споров. Он мирил, наказывал, – и, что важно, с его решениями соглашались. Солдаты его боготворили. Николай Муравьев, тот самый русский офицер-разведчик, который к этому моменту стал уже командиром 13-го Лейб-гренадерского Эриванского полка, писал о коллеге: *«Удивительно, как с малыми средствами достойный офицер этот, проведший всю свою жизнь на границе, умел просветить себя: он судит о местности и военных действиях как самый ученый полководец»*. Но, замечал Муравьев, полковника не любили многие прочие командиры: *«Мне кажется, что тому есть много причин. Князь имеет полк, известный своей храбростью, управляет пограничной областью и обласкан Ермоловым; этого довольно, чтобы зависть возродилась в других господах. Но, с другой стороны, надобно признаться, впрочем, что князь не скромн и возвышает до небес свою расторопность, храбрость и храбрость своего полка...»*^[98].

Когда началось персидское вторжение, оказалось, что русские войска к этому не готовы, и все три тысячи штыков разбросаны по разным местам. Потом именно Северсамидзе пытались обвинить – а заодно и Ермолова, – дескать, именно они не подготовились к войне, проспали нападение, а то русские бы персам показали. Тем более что в составе частей и подразделений было немало ветеранов, участвовавших еще в походах Котляревского. На самом деле тот же Ермолов, как уже говорилось, не раз докладывал о том, что война с персами неизбежна и к ней надо готовиться. Но ему отвечали, чтобы он «не поддавался на провокации».

Карта военных действий в Закавказском крае с 1800 по 1817 год, с границами по Гюлистанскому договору и Бухарестскому миру (И. С. Аносов. Время Тарковского, Паулуччи и Ринцева, 1809—1817 годы. Тифлис, 1902. Под ред. ген.-майора Потова.)

Карта русско-персидских войн 1804–1813 и 1826–1829 гг.

Так что первый этап войны – это русское отступление. И наступление персов по всем направлениям, которое сопровождалось грабежом и убийством мирного населения.

«Бедствия, нанесенные разбоями персиян безоружному населению, были ужасны. Официальные источники того времени говорят, правда, что, при всей стремительности внезапного нападения, персияне успели увести в плен не более девятисот душ армян – цифра все-таки страшная, – а что остальные успели спастись; но современники-очевидцы говорят нечто иное. По их словам, в одном только Малом Караклисе неприятель захватил до тысячи двухсот душ, вырезав большую часть остального населения, а в других деревнях, сверх тысяч пленных, захватил многочисленные стада. Началось поголовное бегство жителей: одни уходили за Безобдал, в Джалал-Оглы и Гергеры, на Лорийскую степь; другие искали спасения в пределах соседней Турции...» [99].

18 июля 40-тысячная армия Аббас-Мирзы форсировала Аракс и направилась в сторону крепости Шуши. А дальше была осада и героическая оборона крепости русскими войсками под командованием полковника Реута. Было предательство карабахского

хана – он перешел на сторону Аббас-Мирзы. Были героическая гибель трех стрелковых рот 42-го полка под командованием подполковника Назимки и сдача в плен остатков его отряда. Была и не менее героическая история гибели русского отряда – 166 бойцов Тифлисского полка вели многочасовой бой с десятикратно превосходящими силами противника, когда кончились патроны, они под командованием штабс-капитана Воронкова пошли врукопашную. 113 человек погибли. Нескольким пленным, в том числе поручику Попову и инженерному прапорщику Хрупову, персы отрезали головы.

Оборона Шуши неустранимым и упорным полковником Реутом долгое время считалась в русской армии одним из высочайших образцов мужества и верности долгу. У гарнизона не хватало продовольствия и боеприпасов, но крепость отбила все штурмы, а главная армия Аббас-Мирзы проторчала под стенами крепости более полутора месяцев. За это время русские смогли подтянуть в Тифлис несколько батальонов с Кавказской линии. После этого случилось то, что обычно происходит в любой войне, когда кто-то неожиданно нападет на русских. Опомнившиеся и собравшиеся русские начинают бить противника. Обычно даже насмерть.

Аббас-Мирза в конце концов понял, что у Шуши он теряет время, и отделил от основных сил отряд в 18 тысяч человек и направил их к Елизаветполю (это современная Гянджа), чтобы зайти на Тифлис с восточного направления. Навстречу ему по приказу Ермолова выдвинулся отряд под командованием героя Отечественной войны 1812 года, генерала Валериана Григорьевича Мадатова, карабахского армянина по происхождению.

Отряд Мадатова был отправлен в сторону Елизаветполя, чтобы остановить продвижение персов. Город был уже окружен, и русский отряд был несравненно слабее вражеского. Но Мадатов нанес удар по врагу у реки Шамхоры 3 сентября 1826 года, в завязавшемся сражении персы потеряли убитыми 2 тысячи человек, в то время как Мадатов лишился 27 солдат.

«Шамхорская битва длилась не долго и была не сложна. Она окончилась одним стремительным ударом. Сопротивление неприятеля было так слабо, что блистательная победа, разгром в пять раз сильнее врага, – стоили русским войскам всего двадцать семь человек, выбывших из строя, в то время как потери неприятеля были громадны. По сознанию самих персиян, они потеряли в этот фатальный для них день свыше двух тысяч человек одними

убитыми. Шахская гвардия, участвовавшая в деле, более не существовала, – она почти вся легла под ударами русской конницы. Пространство от Шамхора до Елизаветполя, на протяжении тридцати с лишком верст, устлано было неприятельскими трупами».

Через несколько дней Мадатов соединился с войсками генерала Ивана Паскевича, 13 сентября персов разгромили под Елизаветполем, с примерно тем же счетом потерь – две сотни раненых у наших против двух тысяч убитых у персов. Это был перелом в войне. Паскевича назначили главнокомандующим и наместником царя на Кавказе. К октябрю иранские войска были отброшены за пограничную реку Аракс. О том, что творилось в это время в Персии, можно судить из докладов и записок поручика Ивана Носкова, который был отправлен с посольством в Персию накануне войны, чтобы передать подарки от Николая I. И когда персы развязали боевые действия, он оказался свидетелем происходящих в Персии событий и того, с каким энтузиазмом там восприняли первые победы.

«Дело при Шамхоре и второе при Елисаветполе дали почувствовать всем заблуждение их. Разбитые и прогнанные в шесть раз меньшею силою Персидские войска толпами бежали с своими предводителями и влекомые до того энтузиазмом на мнимые победы, разбежались и отказались от повиновения. В Тегеран сотнями возвращались оставлявшие лагерь, так что из всей Армии, простиравшейся при начале неприязненных действий до 60-ти тысяч, в непродолжительное время уменьшилось до 10-ти тысяч. Жители Тегерана, от коих Правительство старалось скрывать неблагоприятные обстоятельства, узнав об оных и исполнившись неудовольствия, приняли было намерение писать к Шаху, чтобы он искал средств к прекращению войны с Русскими.

Приостановление военных движений с нашей стороны вывело шаха из отчаянного положения, а наступление вскоре после того зимы несколько успокоило его. С сего времени он единственно начал помышлять о средствах к миру.

Он хорошо чувствовал великость вины своей и не мог льстить себя выгодным миром. Слышно было, что Шах в то время готов был даже согласиться на уступку всего пространства по реку Аракс и со всем сим страшился, что Россия не почтет еще себя удовлетворенною»^[100].

А так оно и вышло, Россия не была намерена останавливаться на простом отражении агрессии. Следующей целью русских стало

освобождение Еревана. В августе 1827 года отряд генерал-лейтенанта Афанасия Красовского – всего-то три тысячи человек – атаковал 30-тысячную армию Аббас-Мирзы, прорываясь к окруженному персами Эчмиадзину, где находился небольшой русский гарнизон. Этот эпизод известен как Ошаканская битва. Заняв господствующие высоты и разместив там артиллерию, Красовский смог прорваться, потеряв половину личного состава. На персов это произвело огромное деморализующее впечатление. 7 сентября в Эчмиадзине соединились отряды Паскевича и Красовского, они выдвинулись к Эривани – так в те годы называлась нынешняя столица Армении, – и 1 октября 1827 года после непродолжительного штурма город был взят, над городом взвился русский флаг.

Генерал Иван Паскевич

Николай I присвоил Паскевичу звание князя Эриванского, понятно, что это был такой вот тонкий, как сказали бы сейчас, «политический троллинг». Персии наглядно показали, что воевать с Россией чрезвычайно опасно – можно не только ничего не приобрести, но и потерять то, что есть. Закавказье навсегда стало частью Российской империи. А что же англичане? Разумеется, шах тут же напомнил им о недавно подписанном договоре о военном союзе. А в Лондоне известия о том, что их прекрасную, немного карманную персидскую армию опять разгромили эти ужасные

русские, восприняли растерянно. Что делать, там не понимали. Войск на Кавказе у Британии не было, защищать Персию ей было нечем, а кроме того, англичане и не хотели этого делать, потому что Россия считалась союзницей Англии. Когда англичане подписывали договор, они предполагали, что нанимают себе этакое глобального сторожа для своих индийских владений. Риск того, что какой-то враг и правда пойдет через персидские земли к берегам Ганга, им казался минимальным. А теперь, когда русские войска стояли в Ереване и вполне могли пойти на Тегеран, чтобы добить врага в его логове – опять же по русской традиции, – англичанам приходилось судорожно думать, что делать.

Но англичане не были бы англичанами, если бы не предусмотрели отходных путей: договор содержал статью, согласно которой они были обязаны прийти на помощь шаху только в том случае, если на него будет совершено нападение, а не он сам будет выступать агрессором. А юридически именно он нарушил условия Гюлистанского договора, а не русские. Так что англичане в очередной раз «кинули» союзника, которому до этого обещали, что прикроют, помогут, защитят. Ничего не напоминает?

Правда, по репутации Лондона это нанесло сильный удар: на Востоке тут же стали говорить, что, видимо, англичане слишком боятся Россию, чтобы прийти на помощь союзникам. Персы запросили у русских мира, и им сильно повезло, что Российская империя тогда воевала еще и с Турцией. Потому что, будь у Петербурга больше времени и сил на добивание Тегерана, его бы заставили подписать куда более жесткий договор, нежели Туркманчайский мир 1828 года. После заключения договора генерал Паскевич пишет своему другу, писателю, историку, бывшему адъютанту Суворова Егору Борисовичу Фуксу. Из письма видно, каким человеком был бесстрашный покоритель Кавказа.

«Вы меня слишком выхваляете в письме вашем, – я это не стою. К счастью, что я не дал вам более случая подстрекать мое ратное самолюбие. Мир подписан, конец осадам и сражениям, и я вас, как истинного патриота, поздравляю с этим счастливым событием. Грибоедов расскажет вам сколько угодно подробностей о нашей кампании в Армении, потрудитесь только расшевелить его. Кстати, и внук боготворимого вами Суворова теперь в Петербурге, он во все время войны находился при мне, пускай вам повествует, а мне приятно заметить, что он, кажется, старается идти по следам отца и деда».

Упомянутый в письме Александр Грибоедов – русский дипломат, разведчик, драматург – как раз был переговорщиком, который убеждал шаха подписать договор. Вот что он писал о ходе этих предварительных переговоров с персами в донесении от 30 июля 1827 года генералу Паскевичу. Позволю себе привести значительный отрывок из этого доклада. В нем другой Грибоедов, не тот, которого нам навязали в школе, какой-то безликий, невнятный автор «Горя от ума». За строками этого отчета виден жесткий дипломат, патриот и государственник, который говорит с шахом с позиции победителя и не испытывает ни малейшего сомнения в правоте своей страны.

«Аббас-Мирза был один в обширной палатке; со мною вошли несколько человек из его приближенных.

После первых приветствий и вопросов о вашем здоровьи, обо мне собственно, он начал мне вспоминать о прежнем моем пребывании в Тавризе и проч.; потом долго и горько жаловался на ген. Ермолова, Мазаровича, Саварсамидзе, как на главных, по его мнению, зачинщиков нынешней войны.

Я ему отвечал, что неудовольствия были обоюдны, по случаю спора о границах, но с нашей стороны никогда не вызвали бы военных действий, если бы сам шах-задэ не вторгнулся в наши области.

– В. выс. сами поставили себя судьей в собственном деле и предпочли решить его оружием. Не отнимая у вас ни благоразумия, ни храбрости, ни силы, замечу одно только: кто первый начинает войну, никогда не может сказать, чем она кончится.

– “Правда”, отвечал он.

Я продолжал:

– Как-бы то ни было, при настоящем положении дел уже три раза, как генерал получал от вас предложения о мире, и ни одно из ваших сообщений не сходствует с условиями, мимо которых с нашей стороны не приступят ни к каким переговорам: такова есть воля государя. Чтобы на этот счет не было более недоразумений, я сюда прислан...

Переводчик мой пространно объяснил ему, чего требует наше правительство, но по данным ему от меня наставлениям, ни разу не уклонялся от должной учтивости и уважения к тому, с кем говорил, всячески щадя его самолюбие. Шах-задэ несколько раз покушался его прервать, но я с покорностью просил его быть терпеливее, иначе

мое поручение останется недовершенным. Когда все с нашей стороны было объяснено, он едва не вскочил с места.

– “Так вот ваши условия! Вы их предписываете шаху иранскому, как своему подданному! Уступка двух областей, дань деньгами?.. Но когда вы слышали, чтобы шах персидский сделался подданным другого государя? Он сам раздавал короны... Персия еще не погибла”...

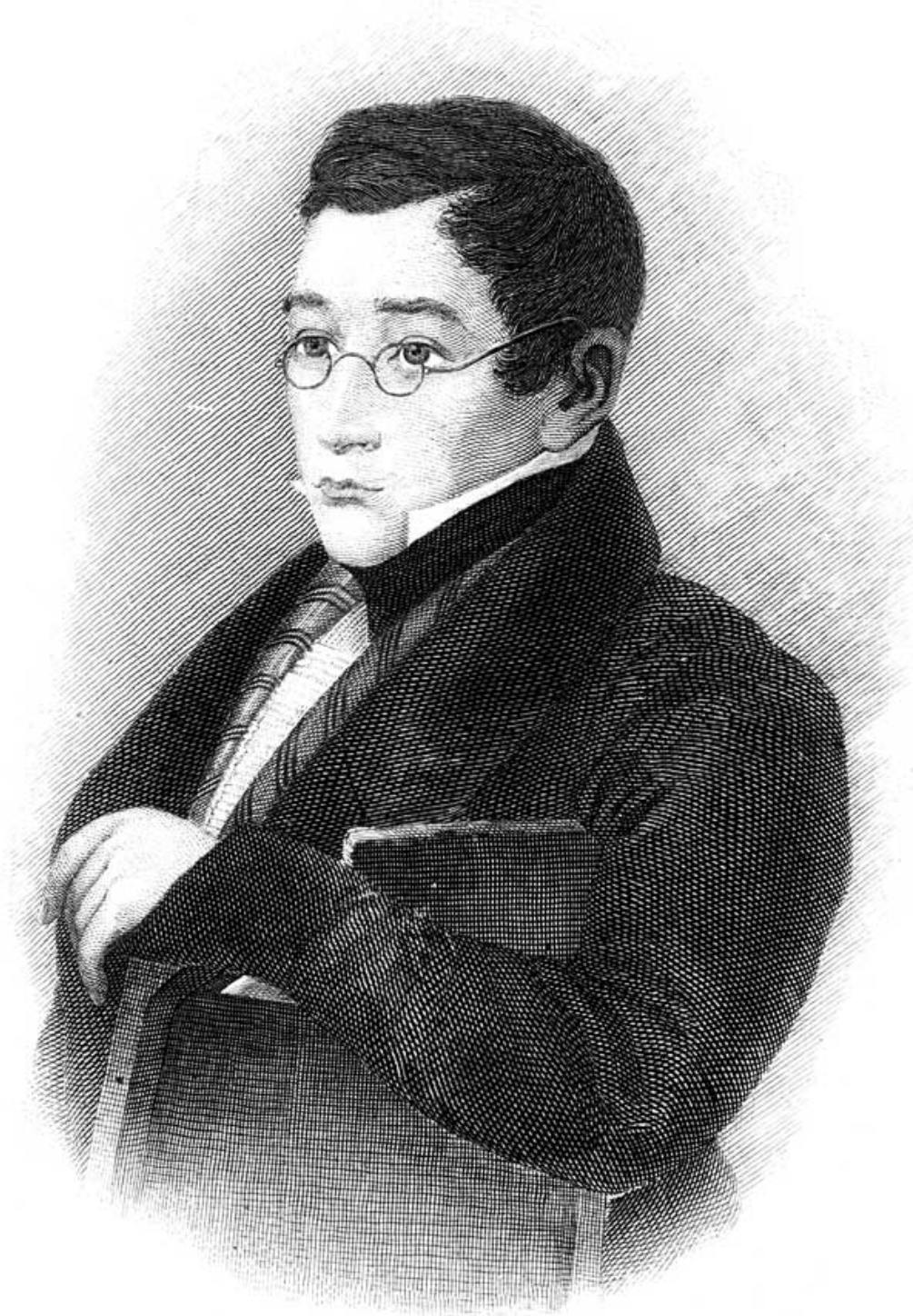
– И Персия имела свои дни счастья и славы, но я осмелюсь напомнить в. выс. о Хусейн-шахе Сефеве, который лишился престола, побежденный авганцами. Предоставляю собственному просвещенному уму вашему судить, насколько русские сильнее авганцев. При окончании каждой войны, несправедливо начатой с нами, мы отдаем наши пределы и вместе с тем неприятеля, который бы отважился переступить их. Вот отчего в настоящем случае требуется уступка областей: Эриванской и Нахичеванской. Деньги также род оружия, без которого нельзя вести войну. Это не торг, в. выс., даже не вознаграждение за претерпенные убытки. Требуя денег, мы лишаем неприятеля способов вредить нам на долгое время».

Несколько дней Грибоедова продержали в лагере, уговаривая смягчить условия, потом требовали пустить шаха с сыном к русскому царю в Петербург, потом убеждали, что Персия вовсе не финансировала волнения горцев на Кавказе. И Грибоедов делает еще более жесткое заявление.

«Я представил ему условия, на которых оно с нашей стороны может быть допущено, – вольны принять их, или нет. Это мой Аббас-Мирзе усердный совет: для успокоения края и особы шаха в преклонности лет его и для собственной безопасности своей, принять просто мир, который даруется ему на известных условиях. Говорили очень долго. Я, наконец, подействовал на воображение персидских чиновников тем, что мы, когда пойдем далее и завладеем Азербайджаном, то, обеспечив независимость этой обширной области, со стороны Персии, на десять фарсахов никому не позволим селиться близ границы, сама провинция прокормит 20 тыс. милиции, образованном из народа, известного духом недовольствия против нынешнего своего правительства; нам стоит только поддержать ее в сем расположении и, таким образом, мы навсегда прекратим наши политические сношения с Персией, как с народом, не соблюдающим трактатов; мы так же мало будем знать их, как авганцев и прочие отдаленные государства в глубине Азии.

...Я оставил персидский лагерь с ободрительным впечатлением, что неприятель войны не хочет; она ему тягостна и страшна; от повторенных неудач все духом уныли, все недовольны. В день моего прибытия, от появления 10-ти конных козаков пикеты повсюду разбежались; едва могли собрать их. Сарбазы, которые у меня стояли в карауле, жалуются, что их не кормят; Керим-бек, султан, их просто истязует, что начальники у них глупцы и они пропадут. Несколько раз, несмотря на крепкий присмотр, конные подъезжали и спрашивали моего переводчика: «скоро ли мир? зачем мы их тревожим, и что война им ужасно надоела».

Персы получили очень жесткий урок, что значит быть «другом» и «союзником» англичан. В Лондоне же не собирались просто так сдаваться. И полагали, что вещи, которые нельзя сделать силой, можно сделать с помощью подкупа, шпионажа и диверсии. Противостояние в Закавказье перешло в стадию шпионско-дипломатическую. Как раз в это время в Персию прибыл новый русский посол Александр Грибоедов. Опытный дипломат, неоднократно прежде бывавший в Персии, отказавшийся от места в русской миссии в США ради работы на Востоке, знавший арабский, турецкий, грузинский и персидский языки.

Гравировано у ФА Брокгауза въ Лейпцигъ.

A handwritten signature in a cursive script, likely belonging to the engraver or the subject of the portrait. The signature is written in dark ink and is positioned below the text.

Александр Грибоедов

В 1819 году он добился освобождения из персидского плена всех русских и сам сопровождал их в Тифлис. Его арестовывали в 1825 году по подозрению в участии в заговоре декабристов, но отпустили, поняв, что он лишь дружил со многими из них. Правда, и сам Грибоедов этого не отрицал. И он отправился служить на Кавказ, в распоряжение Паскевича. Там он не только трудился на дипломатическом поприще, но и нередко выезжал к местам сражений.

После подписания Туркманчайского мирного договора ему, как участнику переговоров, как одному из тех, кто, как говорят сейчас, «продавил» шаха на подписание, был присвоен чин статского советника, орден Святой Анны 2-й степени, украшенный алмазами, и пожалованы четыре тысячи червонцев. 25 апреля 1828 года именным повелением Николай I назначил Грибоедова на пост полномочного министра – то есть русского посла – при Тегеранском Дворе. Грибоедов чувствовал, что это может стать его последней миссией. Русский поэт, критик, ученый-пушкинист писал: *«Но то, чего не мог выразить с объективной убедительностью, он знал чутьем совершенно точно, наверняка. «Он был печален и имел странные предчувствия, – вспоминал Пушкин. – Я было хотел его успокоить, но он мне сказал: «Vous ne connaissez pas ces gens-la! Vous verrez qu'il faudra jouer des couteaux! (Вы не знаете этих людей! Вы увидите, что дело дойдет до ножей! (фр.))» Самый его отъезд из Петербурга прошел под знаком этих предчувствий. А. А. Жандр рассказывает: «Грустно провожали мы Грибоедова. До Царского Села провожали только двое: А. В. Всеволожский и я. Вот в каком мы были тогда настроении: у меня был прощальный завтрак; закурили, надымили страшно, наконец, толпа схлынула, мы остались одни. День был пасмурный и дождливый. Мы проехали до Царского Села, и ни один из нас не сказал ни слова. В Царском Селе Грибоедов велел, так как дело было уже к вечеру, подать бутылку бургонского, которое он очень любил, бутылку шампанского и закусить. Никто ни до чего не дотронулся. Наконец, простились. Грибоедов сел в коляску; мы видели, как она повернула за угол улицы, возвратились со Всеволожским в Петербург и во всю дорогу не сказали друг с другом ни одного слова, – решительно ни одного».*

В Москве Грибоедов пробыл два дня: прощался с матерью. Потом отправился в Тульскую губернию к сестре. По дороге заехал к

давнишнему приятелю, С. Н. Бегичеву. Гостя у Бегичева, был все время чрезвычайно мрачен и наконец сказал: «Прощай, брат Степа, вряд ли мы с тобой более увидимся!» И еще пояснил: «Предчувствую, что живой из Персии не возвращусь... Я знаю персиян. Аллаяр-Хан мой личный враг, он меня уводит!»^[101].

Не мог не понимать Грибоедов и еще одного обстоятельства: англичане, еще больше, чем персы, ненавидят его и предпримут все возможное, чтобы сорвать его работу, устроить провокации. Именно он, Грибоедов, юридически вывел Персию из-под английского покровительства. Именно он дал понять персам, что Россия не остановится в достижении своих целей и что она не боится ни персидской армии, ни английских союзников. Правда, в Тегеране русского посланника встретили с огромными почестями. Шах тут же наградил его орденом Льва и Солнца 1-й степени, все члены миссии получили богатые подарки. Грибоедов собирался выезжать из Тегерана в Тавриз, где располагалась русская миссия, но тут случилось непредвиденное.

Некто Мирза-Якуб, армянин, евнух, который прослужил более 15 лет при гареме шаха казначеем, ночью явился к русскому послу. Он сказал, что мечтает вернуться на родину. Грибоедов отвечал, что как министр русского императора он готов оказывать помощь и покровительство не тайно, не ночью, и если Якубу угодно, пусть приходит днем. И тот явился следующим вечером снова. И все же уговорил Грибоедова взять его с собой. Шах был разгневан поведением русского. Якуб в течение многих лет занимал при нем должность главного евнуха, знал все тайны двора, все подковерные интриги персидской политики. Такого человека отпускать было нельзя. По несколько раз в день к Грибоедову приходили посланцы шаха, они объясняли, что евнух не просто слуга, что это почти то же самое, что шахская жена. Грибоедов отвечал, что Якуб, на основании заключенного мирного договора, теперь русский подданный. И выдать его посольство права не имеет. А кроме того, Грибоедов, по просьбе того же Якуба, потребовал, чтобы из гарема Аллаяра-хана выдали двух пленных армянок, которые тоже захотели вернуться на родину.

Аллаяр-хан, известный своим коварством, хитростью и ненавистью к России, просил дать ему отсрочку на 5 дней, якобы это время нужно, чтобы все оформить как положено. На самом деле он стал готовить атаку на русскую миссию. Во главе заговора, помимо Аллаяра, встал верховный имам Тегерана Мирза-Месих. Он пустил

слух, разнесшийся по всему городу, что Якуб ругает и порочит ислам, а в доме русского посланника силой удерживают женщин и принуждают их к отступничеству от ислама. Грибоедова, надо сказать предупреждали, что готовится провокация, но он не поверил, что кто-то рискнет напасть на посольство русского императора. 30 января в тегеранской соборной мечети Мирза-Месих произнес пламенную речь, призвав отомстить за поругание ислама. Многотысячная толпа кинулась к дому Грибоедова. Караульные персидские солдаты разбежались, толпа ворвалась во двор, и первый жертвой стал Мирза-Якуб, ему отрезали голову. Казаки из русской охраны отстреливались около часа, но когда у них кончились патроны, их зарубили. Из книги Василия Потто «Кавказская война»:

«По трупам этих людей убийцы бросились в дом, где было русское посольство. Там вместе с Грибоедовым находились князь Меликов, родственник его жены, второй секретарь посольства Аделунг, медик и несколько человек прислуги. На крыльце убийцы встречены были храбрым грузином Хочетуром. Он некоторое время один держался против целой сотни людей. Но когда у него в руках сломалась сабля, народ буквально растерзал его на части. Присутствие принимало все более и более страшный характер: одни из персиян ломались в двери, другие проворно разбирали крышу и сверху стреляли по свите посланника; ранен был в это время и сам Грибоедов, а его молочный брат и двое грузин убиты. Медик посольства обнаружил при этом необыкновенную храбрость и присутствие духа. Видя неизбежность гибели, он вздумал проложить себе дорогу через двор маленькой европейской шпагой. Ему отрубили левую руку, которая упала к ногам его. Он вбежал тогда в ближайшую комнату, оторвал с дверей занавес, обернул им свою страшную рану и выпрыгнул в окно; расщепившая чернь добила его градом камней. Между тем свита посланника, отступая шаг за шагом, укрылась наконец в последней комнате и отчаянно защищалась, все еще не теряя надежды на помощь шахского войска. Смелчаки из нападавших, хотевшие было ворваться в двери, были изрублены. Но вдруг пламя и дым охватили комнату; персияне разобрали крышу и подожгли потолок. Пользуясь смятением осажденных, народ ворвался в комнату, – и началось беспощадное избиение русских. Рядом с Грибоедовым был изрублен казачий урядник, который до последней минуты заслонял его своей грудью. Сам Грибоедов отчаянно защищался шашкой и пал под ударами нескольких кинжалов... Обезображенный труп его вместе с другими

был три дня игралищем тегеранской черни и узнан был только по руке, некогда простреленной пистолетной пулей...»

Понятно, что персидские власти могли остановить бойню. Но не сделали этого. Даже когда потом к месту трагедии пришла сотня солдат, оказалось, что они не вооружены. Резиденция была разграблена, ценные вещи и бумаги растащили. Причем, куда пропали секретные бумаги Грибоедова, установить так и не удалось. Иван Паскевич полагал, что все произошедшее отчасти является результатом внутриворцовых интриг правящей династии. Аллаярхан с помощью этого, видимо, хотел вовлечь шаха в новую войну с русскими. Паскевич же писал, что скорее всего к нападению причастны англичане:

«При неизвестности всех обстоятельств дела, можно предположить даже, что англичане не вовсе были чужды участия в возмущении черни, хотя, может быть, и не предвидели пагубных последствий его; ибо они неравнодушно смотрели на перевес в Персии русского министерства и на уничтожение собственного их влияния»^[102].

Внешне, впрочем, англичане выразили возмущение. Английский посланник Макдональд предложил всем британцам, находящимся в Персии, переодеться в траурную одежду, он предъявил ноту протеста персидскому правительству, говоря, что история народов не представляет подобного ужасного случая, «когда бы миссия дружественной нации погибла среди совершенного мира, и притом в столице самого государя». Сами же персы об англичанах свое мнение уже составили. Один из адъютантов Аббаса-Мирзы во время персидского посольства в Россию рассказал русским такую притчу: «Однажды чертова жена со своим ребенком сидела неподалеку от дороги в кустах. Вдруг показался путник с тяжелой ношей на спине и, поравнявшись с тем местом, где сидели черти, споткнулся о камень и упал. Поднимаясь, он с сердцем произнес: *«Будь же ты, черт, проклят!»* *«Как люди несправедливы, – сказал чертенок, обращаясь к матери, – мы так далеко от камня, а все же виноваты».* – *«Молчи, – отвечала мать, – хотя мы и далеко, но хвост мой спрятан там, под камнем»...*

Примерно так было и с Грибоедовым, добавил адъютант. Англичане хотя и находились в Тавризе, где располагались все дипмиссии, но хвост их все же был скрыт в русской миссии в Тегеране. То, что англичане получали информацию изнутри русской миссии, сомнений и правда не вызывает. Ворвавшаяся толпа словно

знала, где и кого искать. Дальше англичане повели себя крайне странно. Когда, например, тело Грибоедова привезли в Тавриз, никто из английских дипломатов не выехал навстречу. Более того, они настояли, чтобы гроб даже не ввезли в город. Его поставили в маленькой загородной армянской церкви. Ни один англичанин туда не пришел. Единственный выживший после нападения на миссию человек – секретарь посольства Иван Мальцов – писал: *«Признаюсь, что я такой низости никогда не предполагал в английском посланнике. Неужели и в том находит он пользу для Ост-Индской компании, чтобы мстить человеку даже после его смерти».*

За смерть Грибоедова полагалось Персию наказать, но Россия воевала с Турцией, к большому неудовольствию англичан, успешно. Хотя и тяжело. Поэтому начать войну с Персией не было возможности. Николай I не хотел «иметь на руках одновременно две войны». Глава МИД вице-канцлер Нессельроде писал Паскевичу, что «серьезное осложнение с Персией может повлечь за собою тяжелые последствия. Следовательно, в наших интересах его избегать». Военный министр Чернышов сообщал, что будет достаточно, если «Вы добьетесь любого удовлетворения... которого может требовать достоинство Империи, и сохраните в то же время мирные отношения с Персией, то, что в настоящий момент в высочайшей степени важно...».

А русская разведка тем временем провела свое расследование трагических событий. В Тавриз, под видом купца, покупающего лошадей, был отправлен агент, азербайджанец по национальности, Али-бек, в документах именуемый Али-Юз-Баши. Он добился тайной аудиенции у Аббас-Мирзы, который правил этой частью страны, и тот сообщил Паскевичу, что лично он против войны с Россией. Но он не смог повлиять на ситуацию в целом.

«...Все сыновья Шаха единодушно действуют против России и самыми сильными внушениями склоняют его к начатию войны; они стараются убедить отца своего, что Рос. император отнюдь не оставит без отмщенья смерть своего посланника и воспользуется первым удобным к тому случаем. Следственно, истинные пользы Державы Персидской состоят в том, чтобы предупредить Россию, объявляя ей войну при нынешнем ее затруднительном для нее положении. Сыновья Шахские присягнули отцу вести войну собственными способами, не истощая казны его. Его Аббас-Мирзу звали они на совет в Тегеран, но он, под благовидным предлогом, уклонился от того, описал Шаху все бедствия, каких Персия

ожидать должна от войны с Россией, уверял его, что не должно опасаться мести Российского императора, ежели Двор Тегеранский будет действовать искренно и отправит в посольство для испрашения прощения, даже брал на себя исходатайствовать оное.

В сие время у Аббас-Мирзы, после молитвы его, лежал раскрытый Ал-коран, с намерением ли оставленный здесь, или забытый нечаянно; наследник Персидского престола в жару уверял о чистоте дел своих, поклялся на сей священной для магометан книге, что он искренно привержен к России. «Братья мои и вельможи Шахские», – продолжал он – «по внушению Англичан и Турок упорно противоборствуют мне; ежели по настоянию их Шах объявит войну, то и я против вас, принужден буду повиноваться отцу моему и государю, ежели не сойду с Кавказским вождем».

В заключение Аббас-Мирза говорил Али-Юз-Баши, что обещание отца его, написанное в ответе: «не объявлять войны России, ежели он твердо уверен в ее искренности» подаст ему еще некоторую награду на успех и по праву он просит Главнокомандующего помогать ему в его действиях и прислать к нему чиновника, отвечающего полною доверностию, с которым объяснится и условится откровенно»^[103].

Паскевич сообщил обо всем, что узнал, в столицу. Но в новом письме Нессельроде дал Паскевичу уже прямое указание:

«В наших интересах... выиграть время, успокоить, укрепить доверие Персидского правительства, соответственно казаться, что рассматриваем его, как совершенно непричастное к убийству Грибоедова, что удовольствуемся удовлетворением, которое оно нам предлагает в виде посольства одного из сыновей Аббас-Мирзы. Лишь бы персияне оставались спокойными в отношении нас, пусть бы только они не препятствовали, любезный граф, ходу ваших побед над турками, лишь бы шах прислал одного из принцев крови, все равно кого, чтобы загладить тегеранское происшествие, – все, что требуется достоинством государя и общим направлением его политики»^[104].

В Персии это понимали и тянули время. Миссию с извинениями не отправляли, с русскими дипломатами общались вежливо, но безрезультатно. Тогда Иван Паскевич послал в Тегеран очень резкое письмо:

«Не употребляйте во зло терпения Российского Императора. Одно слово моего Государя, и я в Азербайджане, и, может статься, не пройдет года – и династия Каджаров уничтожится; не

полагайтесь на обещания англичан и на уверения турок... Не заставляйте Россию поднять оружие против Персии; не забудьте слов моих в прошедшей войне с вами: ...Персия нужна только для выгод Ост-Индской купеческой компании, и Европе равнодушно, кто управляет сим краем. Все ваше политическое существование в руках наших; вся надежда ваша в России: она одна может вас свергнуть, она одна может вас поддержать».

В итоге персидская миссия, возглавляемая внуком шаха, отправилась в Петербург улаживать дипломатический скандал. В качестве возмещения за убийство Грибоедова Николаю I подарили алмаз «Шах», который когда-то украшал трон Великих Моголов. Но англичане праздновали победу. Они в целом добились своего и ликвидировали человека, который им так мешал.

Разумеется, уже в то время война с Россией шла и на информационном фронте. Большая часть политической элиты Великобритании в коварстве русских и наличии у них планов захвата Индии не сомневалась. Конечно, как таковая русофобская агитация – это не изобретение англичан. Она появилась еще во времена Василия III, когда европейские страны, особенно Священная Римская империя Германской нации, предприняли несколько попыток вовлечь Россию в западную систему. Русским сделали несколько предложений, чтобы царь стал королем – короновался из рук римского императора. То есть Россия рассматривалась Европой, европейской элитой, как мощный резерв расширения Запада. И Россия, постордынская, европейцам нравилась. Московское государство представлялось страной, где исповедуют христианство, где живут на самом деле глубоко верующие люди, которые уважают власть, где существует строгий порядок.

Но после того, как Василий III отказался от предложений европейцев, все резко изменилось. Глубокая религиозность была объявлена мракобесием, а повиновение власти – рабством. Дисциплина превратилась в диктатуру. И по большому счету, с тех самых пор имидж России не менялся. Варварская, дикая, полуазиатская, рабская и закрытая от мира страна. В этом смысле мифы о России, которые можно сегодня услышать в эфире BBC или FOX News, которые плодят западные газеты, были сформулированы еще в ту эпоху. Во времена Ивана IV, одновременно с началом Ливонской войны, начался новый этап антирусской пропаганды. Тогда по всей Европе распространяли «летучие листки», или в современной терминологии – агитационные плакаты, в которых

рассказывалось о страшных зверствах русских в Ливонии. Для наглядности – читать ведь многие не умели – рассказ сопровождался картинкой: звероподобные русские в тюркской одежде расстреливают из луков повешенных женщин или сжигают заживо детей. Но история русофобской мысли в Европе – все же предмет отдельной книги, и таких исследований есть немало.

А вот что касается британской русофобии, и главное – рождения уверенности в коварных планах русских относительно Индии и Азии, то известно даже, кто именно родил эту теорию. Звали этого человека сэр Роберт Вильсон. Он был ветераном многих войн, причем проявлял себя как человек бесстрашный и умелый. В годы вторжения Наполеона Вильсон в качестве официального британского наблюдателя оказался в ставке русских. И будучи вроде человеком непричастным, он не раз участвовал в сражениях лично. Шел в атаку вместе с русскими. Вильсон был свидетелем отступления Кутузова из Москвы, он же первым сообщил в Лондон о разгроме Наполеона.

А вернувшись в Англию, генерал несколько изменил свое отношение к русским: он принялся рассказывать о зверствах казаков по отношению к пленным французам, о том, что русские крестьяне забивали французских солдат насмерть, о том, что некоторых французских солдат, попавших к ним в руки, русские и вовсе съели.

В 1817 году, став членом парламента, он написал книгу «Описание военной и политической мощи России». Правда, вышла она без указания автора, анонимно, но мало кто сомневался, что написал ее именно генерал Вильсон. Книга стала бестселлером. Ее перепечатывали пять раз, причем в первую очередь представители высших политических кругов, члены парламента и аристократия. Вильсон писал, что Российская империя, быстро ставшая крупным мировым игроком, теперь планирует завоевать весь мир. Сначала она покорит Константинополь, потом заберет себе остатки империи османов, дальше русские подберутся к Персии, а потом и Индии не миновать участи превращения в русскую провинцию. Вильсон писал: *«Александр уже имеет куда более сильную армию, чем того требуют интересы обороны или могут выдержать его финансы, и все же он продолжает усиливать свои войска».*

R.T. WILSON.

Генерал Роберт Вильсон

Вильсон подсчитал, что за время пребывания на троне, с 1801 года, Александр присоединил к своей империи 200 тысяч квадратных миль с 13 миллионами новых подданных. В книге была даже карта, указывающая, как далеко русские расширили свое влияние. Вильсон полагал, что напасть на Константинополь русские смогут с трех направлений – через болгарское побережье Черного моря, через Кавказ и морским десантом из Крыма. Десять лет назад у русских, говорилось в книге, была армия численностью всего лишь 80 тысяч человек. Теперь, в 1817 году, она составляет более 600 тысяч. И русский царь, в армии которого воюют, без сомнения, храбрейшие солдаты, ну просто не может не использовать шанс покорить мир, и он вообще для Британии становится более опасным, нежели был до того Наполеон.

Поскольку Вильсон бывал в России, знал не только русских генералов, но и русского царя Александра I, книга пользовалась

непререкаемым авторитетом. Хотя были и критики. Например, в журнале *Quarterly Review* в обзоре книги автора упрекали за излишнюю жесткость оценок. «Давайте не будем из-за простого предположения, что однажды она станет слишком опасной, разрушать наш союз со старой союзницей, от величия которой мы сейчас получаем и, весьма вероятно, будем и впредь получать все растущие выгоды». Но это были частные мнения, в целом же именно книга Вильсона дала британскому истеблишменту довольно четкую систему координат: как оценивать политику русских, их действия в Азии и на Балканах и чего ждать от Петербурга. При этом, конечно, английские фобии по поводу России были связаны с их же сознанием и способом понимания мира. То есть им казалось, что, имея такую мощь, Россия просто не может не начать войну. Во всяком случае, обладай они сами подобными ресурсами, армией, пространствами, они бы точно начали покорять мир.

Одним из доказательств коварства русских в книге генерала Вильсона стало «Завещание Петра I», очевидная фальшивка, которая начала гулять по Европе с начала 19 века, но при этом фальшивка крайне живучая. Даже современные западные исследователи иногда ссылаются на «Завещание» как на серьезный документ, при том, что его подлинник никто и никогда в глаза не видел. История его появления, точнее, возникновения легенды о нем, весьма интересна. Считается, что к этому приложили руку польские эмигранты, которые после третьего раздела Польши осели в Париже. Еще до того, как якобы завещание Петра было опубликовано полностью, некоторые его пункты о планах русских по захвату мирового господства оглашались то гетманом Филиппом Орликом, то его сыном Григором – дипломатом на французской службе, то князьями Чарторыйскими. Сам же документ целиком якобы по одной из версий сфабриковали два человека – польский эмигрант Михал Сокольниковский и французский публицист Шарль-Луи Лезюр.

Стоит, правда, заметить, что у французов этот пунктик – русское стремление к расширению империи, это выполнение заветов Петра – существовал с середины 18 века. Французский посол в Польше граф де Брольи не раз писал, что, дескать, Екатерина II как раз реализует в своей внешней политике тайные указания Петра Великого своим наследникам. Документов, правда, французские политики тоже никогда никаких предъявить не могли. Но часто рассказывали, что якобы тот или иной близкий к Екатерине чиновник говорил лично ему, что царица намерена завоевать Константинополь. Было и

анонимное сочинение «Главные интересы Франции», где писалось, что Екатерина хочет захватить Турцию и подчинить русским всю торговлю с Востоком.

В 1789 году в Лондоне вышел памфлет «Об угрозе политическому балансу в Европе», его, как полагают исследователи, сочинил тоже француз – журналист Малле дю Пан по заданию шведского короля Густава Третьего, которого Екатерина иронично называла «французом с головы до ног». В памфлете снова писалось, что русские – народ опасный, «закаленный варварством и дисциплинированный игом рабства, нечувствительный к смерти и к несчастью, он более годится для завоеваний и опустошений, чем для войн оборонительных...».

Наконец в 1802 году француз Сильвен Марешаль, писатель и публицист-утопист, сфабриковал фальшивое «Завещание Екатерины Второй», где приписал ей такие слова: *«Надеюсь, что верным моим планам Российский орел расправит свои могучие крылья, чтобы обрушиться на сею преступную страну, где кровь короля пролилась под рукой его народа»*.

Первые фрагменты завещания Петра I появились в печати в декабре 1812 года, в книге «О возрастании русского могущества с самого его начала и до 19 столетия» публициста Лезюра. Он ссылался на якобы выкраденные некогда в Петербурге документы, личные записки Петра I, где фигурировал его «проект» покорения мира. Первоначально слово «завещание» даже не фигурировало, а появилось оно в 1826 году, после перевода книги на немецкий язык. Но легенда о кошмарном завещании русского царя зажила еще после первого выхода книги на французском, и как раз на этот текст ссылался Вильсон. Выглядит это «завещание» так (позволю привести несколько обширных цитат):

«Во имя святой и нераздельной Троицы, мы, Петр, император и самодержец всероссийский, всем нашим потомкам и преемникам на престоле и правительству русской нации.

– Поддерживать русский народ в состоянии непрерывной войны, чтобы солдат был закален в бою и не знал отдыха: оставлять его в покое только для улучшения финансов государства, для переустройства армии и для того, чтобы выждать удобное для нападения время. Таким образом, пользоваться миром для войны и войною для мира в интересах расширения пределов и возрастающего благоденствия России.

– Разделять Польшу, поддерживая в ней смуты и постоянные раздоры, сильных привлекать на свою сторону золотом, влиять на сеймы, подкупать их для того, чтобы иметь влияние на выборы королей, проводить на этих выборах своих сторонников, оказывать им покровительство, вводить туда русские войска и временно оставлять их там, пока не представится случая оставить их там окончательно.

– Делать возможно большие захваты у Швеции и искусно вызывать с ее стороны нападения, абы иметь предлог к ее покорению. Для этого изолировать ее от Дании и Данию от Швеции и заботливо поддерживать между ними соперничество.

– В супруги к русским великим князьям избирать германских принцесс для того, чтобы умножать родственные союзы, сближать интересы и, увеличивая в Германии наше влияние, тем самым привязать ее к нашему делу.

– Преимущественно добиваться союза с Англией в видах торговли, ибо это именно та держава, которая для своего флота наиболее нуждается в нас и которая может быть наиболее полезною для нашего флота.

– Неустанно расширять свои пределы к северу и к югу, вдоль Черного моря.

– Возможно ближе придвигаться к Константинополю и Индии, обладающий ими будет обладателем мира. Устроить падение Персии, проникнуть до Персидского залива, восстановить, если возможно, древнюю торговлю Леванта через Сирию и достигнуть Индии, как мирового складочного пункта. По овладении ею можно обойтись и без английского золота.

– Когда Швеция будет раздроблена, Персия побеждена, Польша похоронена, Турция завоевана, армии соединены, Черное и Балтийской моря охраняемы нашими кораблями, тогда надлежит под великую тайною предложить сперва Версальскому договору, а потом Венскому разделить власть над Вселенною».

Причем фальшивку несколько раз использовали в пропагандистской войне против России. В частности, перед началом Крымской войны «Завещание» всюду цитировали британские и французские политики, в 70-х годах 19 века его снова вспомнили в разгар Русско-турецкой войны, а в начале 20 века появился новый текст «Завещания», где Петру приписывали намерение еще и разгромить Японию. В начале Первой мировой войны фальшивку снова опубликовали, но теперь уже в иранских газетах и в новой

версии, где Петр I теперь уже указывал своим преемникам заняться Ближним Востоком, усилить вражду между шиитами и суннитами, дабы из Азии наконец исчезло само понятие «ислам».

Так что когда Вильсон написал свою анонимную книгу, она легла на подготовленную почву и последующие труды на ту же тему оказывались весьма востребованными. Тут уже трудно понять – это авторы формировали общественное мнение или оно формировало их труды. Например, капитан индийской армии (так называли армию Ост-Индской компании) Джон Макдональд Киннейр карьеру начинал в туземной пехоте в Мадрасе. Потом он попал в политический департамент Компании, то есть стал заниматься разведкой, оттуда перебрался в Персию, где служил под началом генерала Малкольма и занимался сбором, обобщением и анализом всех географических и разведанных, полученных Кристи, Поттинджером и другими офицерами этой сплоченной команды разведчиков.

В 1813 году он опубликовал книгу под названием «Географические ученые записки о Персидской империи», да и сам он немало поездил по Персии и по Востоку вообще, чтобы составить свое мнение о регионе и о той роли, которую играет в нем Россия. И в своей следующей книге «Путешествие через Малую Азию, Армению и Курдистан», вышедшей в 1818 году, он подробно изложил свои взгляды на возможное завоевание Индии. Прежде всего, он пришел к выводу, что завоеватель сможет перебросить достаточные силы только сухопутным путем. Морским это сделать нереально. Нужен огромный флот, и понадобятся колоссальные материальные затраты на такую десантную операцию. А сухопутных путей было два: через Малую Азию и Ближний Восток, а также через Среднюю Азию. Но оба неизбежно приводили в Афганистан. А там продвижение армии захватчиков было бы затруднено естественными причинами: пустыни, отсутствие ресурсов и еды и малопроходимые перевалы Гиндукуша. И конечно, Киннейр отдельно рассмотрел русских как потенциальных противников. И два маршрута – через Кавказ и через Оренбург, – которыми русская армия пошла бы в Афганистан. Правда, Киннейр хоть и считал, что Петербург явно хочет присоединять Азию и Индию, но делать ему этого не стоит.

«Я подозреваю, что русские, вне всякого сомнения, горят желанием расширить свою империю в этом направлении; но она и так уже весьма громоздка и неуправляема и, вполне возможно,

вскоре может развалиться из-за своей чрезмерной величины на части»^[105].

Киннейр полагал, что России будет довольно легко завладеть Персией, с учетом того, что все сыновья шаха готовы сражаться за трон, и русским стоит поддержать лишь одного из них и превратить Персию в свой сателлит, в результате страна превратилась бы в плацдарм для атаки на Индию.

И книга Вильсона, и книга Киннейра произвели такое воздействие, что даже в парламенте случились дебаты о том, стоит ли предпринять какие-то меры, чтобы остановить русских, которые официально, несмотря на события в Персии, все еще считались союзниками. Правда, в 1829 году говорить о том, что страна может попасть в орбиту русского влияния, не приходилось. Наоборот, после разгрома русской миссии в Тегеране престиж России в стране заметно упал, и даже покаянная миссия в Петербург воспринималась местной элитой не как поражение, а как своего рода отступные, откуп за убийство Грибоедова.

Англичане, разумеется, воспользовались этим и снова начали вооружать персидскую армию и готовить ее к новой войне. С 1832 по 1834 год в Персию приехали больше сотни английских офицеров и сержантов из Индии, то есть из армии Ост-Индской компании, перебросили в страну и военное снаряжение. Полковник Шейл отвечал за формирование воинских частей из племен Иранского Азербайджана, майор Роулинсон отвечал за создание подразделений, комплектовавшихся из курдов, полковник д'Арси Тодд был назначен командующим иранской артиллерией, а заодно он же курировал и деятельность разведчиков во всем регионе Персии, Афганистана и Центральной Азии. Офицеры англо-индийской службы фактически заняли все посты в персидской регулярной армии. Но в конце 1833 года умер наследник престола Аббас-Мирза, через несколько месяцев скончался и его престарелый отец, Фетх-Али-шах.

Четверо принцев правящей династии Каджаров схватились за шахский престол. И тут сбылось пророчество Киннейра – при поддержке русского правительства победил один из них. Это был сын Аббаса-Мирзы, наместник Азербайджана Мохаммед. Он не был слишком пророссийским политиком, но был довольно прагматичным человеком и понимал, что воевать с Россией будет себе дороже. Вероятно, рассказы отца, не раз битого русскими в разных сражениях, повлияли на его отношение к северному соседу. Слова Паскевича о том, что «все ваше политическое существование в руках

наших; вся надежда ваша в России: она одна может вас свергнуть, она одна может вас поддержать», из его гневного письма запомнились и Аббасу-Мирзе, и его сыну.

С воцарением Мохаммед-шаха Персия повернула внешнюю политику на север. Новый шах с самого начала к английским офицерам отнесся прохладно, видимо памятуя о том, как англичане несколько раз втянули его отца в войну и что из этого вышло, и главное, как англичане себя вели, когда персидская армия терпела поражение. И через два года он постепенно избавился от британцев, которые с напряжением стали наблюдать за усилением русских в Персии, за тем, как на места военных инструкторов в армии приходят ветераны Отечественной войны 1812 года, русско-турецких войн и как русский посол Иван Осипович Симонич становится одним из самых желанных гостей при дворе.

Симонич не был профессиональным дипломатом. Он вообще русским подданным стал за шесть лет до этого, в 1826 году, хотя и командовал Грузинским гренадерским полком. Родился Симонич в 1794 году в городе Шибеник в Хорватии. Юношей он оказался во французской армии, участвовал в русском походе, попал к русским в плен, жил в Казани. Он был отпущен домой, но не пожелал жить в Далмации, которая тогда находилась в составе Австро-Венгрии. И в 1816 году Симонич приехал на службу в Россию, был зачислен в армию в чине капитана в Кременчугский пехотный полк. В 1818 году он стал майором, а через два года подполковником. Его военная служба проходила на Кавказе, он был ранен, когда воевал против Персии под командованием Ивана Паскевича, и как раз по его протекции стал русским послом в Тегеране. Убежденный монархист, Симонич совершенно искренне служил Николаю I, считая его лучшим монархом Европы, решительным и серьезным защитником традиционных общественных устоев. Убежденный бонапартист – а именно таким он был, – Симонич искренне ненавидел все, что связано с Британией. Русский дипломат и западносибирский генерал-губернатор Александр Осипович Дюгамель, сменивший Симонича в Тегеране через несколько лет, вспоминал:

«Симонич был ярый бонапартист, такой ярый, каких я редко встречал, и он в высшей степени разделял все предубеждения и личную ненависть знаменитого пленника, жившего на о-ве св. Елены, – то есть, другими словами, от всей души ненавидел англичан. В его приемной гостиной в Тегеране висела на стене только одна литография, та хорошо всем известная литография, на

которой тень Наполеона изображена двумя пнями с надписью: «Я оставляю царствующему в Англии дому в наследство позор моей смерти». Повесить литографию на видном месте в том самом салоне, в котором он принимал визиты английского посланника, значило не иметь никакого такта и нарушать все приличия»^[106].

Вот такой человек, к ужасу англичан, стал представлять Россию в Персии. И они делали все, чтобы убрать его с этого поста. Тем более что и в Турции русские добились огромных успехов. А это означало, что самые страшные пророчества начинают сбываться – путь на Индию теперь открыт для армии русского царя.

Глава 7

Русско-турецкая война 1828–1829 годов, итоги которой так обеспокоили Лондон, как ни странно, начиналась с его молчаливого одобрения и обещания нейтралитета, что и было сделано. Британия не могла не воспользоваться таким удобным случаем: ослабить одного геополитического противника с помощью другого, которого, если что, можно чуть притормозить с помощью экономических рычагов (а Англия, конечно, была промышленно и экономически более развитой, нежели Россия), – это очень по-британски. Англичане и до того, поддерживая греческое освободительное движение, потихоньку выдавливали турок с Южных Балкан, чтобы самим занять там контролирующие позиции. А конфликт, точнее, очередной конфликт, между Петербургом и Стамбулом назревал давно, с начала 20-х годов. Потому что турецкие интересы на Кавказе, несомненно, противоречили русским.

Формальным же поводом для начала военных действий послужило несоблюдение Турцией Аккерманской конвенции, заключенной в 1826 году. Еще в 1812 году между странами был заключен Бухарестский мирный договор. И он вроде как существовал и вроде как выполнялся, и Россия, которая вела войну и в Европе, и на Кавказе против Персии, не слишком требовала его выполнения от Стамбула. А потом, в 1826 году, Николай I решил все же потребовать от турок более последовательного поведения и предъявил им требования в ультимативной форме.

Турки подумали и 25 сентября 1826 года в городе Аккермане (сейчас это Белгород-Днестровский) подписали конвенцию, в которой признавали переход под контроль России городов Сухума, Редут-кале и Анакрии. Также Турция обязалась в короткие сроки сделать выплаты по всем исковым требованиям русских подданных, предоставить им право беспрепятственной торговли на всей территории Турции, а русским торговым судам дать право свободного плавания в турецких водах и по Дунаю. Была гарантирована автономия Дунайских княжеств и Сербии, а господа Молдавии и Валахии должны были назначаться из местных бояр и только по согласованию с Россией.

Это был, конечно, успех, впрочем, турки с самого начала выполнять ничего не собирались. По восточной традиции они полагали, что подписанные документы вовсе не являются

обязательными к исполнению, а возможно, они рассчитывали, что документы можно будет «потерять», как обычно и поступали в Средней Азии. И в декабре 1827 года султан Махмуд II объявил об одностороннем аннулировании Аккерманской конвенции. В Петербурге сочли, что это вполне достаточный повод, чтобы начать войну. 7 мая 1828 года русская армия начала наступление по двум направлениям – через Балканы и на Кавказе. Австрия открыто оказывала туркам материальную помощь. Франция, Пруссия и Британия заняли нейтральную позицию.

Несмотря на численное превосходство турецких войск, наступавшие в меньшинстве русские одерживали одну победу за другой. Особенно успешно действовал Отдельный Кавказский корпус Ивана Паскевича – 23 июня 1828 года был взят Карс, через месяц Ахалкалаки, в августе Ахалцихе, были взяты Поты и Баязет. Закаленные в боях с Персией ветераны побеждали вопреки тому, что против 20 тысяч русских сражались 100 тысяч турок, то есть, пятикратно превосходя, турки все равно отступали. Исход войны в Азии был решен после взятия Паскевичем города Эрзурума в 1829 году. Это был ключевой пункт, открывавший дорогу в Сирию, на средиземноморское побережье Турции и на Стамбул.

На европейской территории армия генерала-фельдмаршала Ивана Дибича, разгромив в битве при Кулевче основные турецкие силы, опять же будучи в меньшинстве, прошла маршем через нынешнюю Болгарию, громя по дороге турецкие отряды и гарнизоны, и вышла в долину реки Марицы. Дальше русские взяли Адрианополь, и для армии Дибича тоже открылся путь на столицу. Одновременно с этим русский флот громил турок на Черном и Средиземном морях, и в какой-то момент вообще возникла угроза того, что корабли с Андреевским флагом блокируют проливы Босфор и Дарданеллы. Русские конные отряды находились в 40 километрах от Стамбула. И тут султан Махмуд II понял, что воевать с русскими ему больше не нравится. Во всяком случае пока.

14 сентября 1829 года в Адрианополе был подписан мирный договор. Османская империя, пережив позор и разгром армии, страх захвата столицы, согласилась сделать то, что могла выполнить и так, без войны. Только теперь русские попросили чуть больше. Османская империя отдавала России весь черноморский берег от устья реки Кубань до пристани Святого Николая (это возле нынешнего Поти). Граница между двумя государствами устанавливалась по реке Прут до ее впадения в Дунай, к России

отходили острова в дельте Дуная. Турция признала присоединение к России областей Закавказья и Туркманчайский мирный договор с Персией, предоставила российским судам право свободно проходить через Босфор и Дарданеллы.

Правда, есть один момент – русская армия могла спокойно добить Османскую империю, раз и навсегда устранив угрозу с Востока. Но помешали англичане. Через дипломатов они принялись убеждать русское правительство, что делать этого нельзя, что если Османская империя рухнет, а Россия оккупирует Константинополь и установит свой контроль над проливами, то европейским государствам придется вступить в схватку за дележку наследства султанов. И придется по-новому перекраивать карту Балкан, Ближнего Востока и Малой Азии. А это означает общеевропейскую войну, в которую будет втянута и Россия. В Петербурге тоже понимали, что проще оставить догнивать слабеющую империю, но взять с нее огромную контрибуцию, тем более что Британия и Франция намекали, что в случае отказа русских они отправят в проливы свои флоты. Более того, через несколько лет Россия вообще спасла Османскую империю, казалось бы, от неминуемого развала, но об этом чуть позже.

А сама война 1828–1929 годов, конечно, заслуживает куда больше нескольких абзацев в книге. В ней было немало подвигов и героических эпизодов. Один только отчаянный бой 20-пушечного брига «Меркурий» под командованием капитана Александра Казарского против двух турецких кораблей – 110-пушечного «Селимие» и 74-пушечного «Реал-бея», за которыми шла вся турецкая эскадра, стоит того, чтобы снимать про это фильмы и писать отдельные книги. Русский бриг из боя вышел победителем, оторвался от преследователей, нанеся их парусному вооружению такие повреждения, что те просто не могли двинуться с места.

По итогам Русско-турецкой войны в победителях оказалась не только Россия. Англия тоже получила желаемый контроль над Грецией и островами в Средиземном море. И сразу после подписания мирного договора в Лондоне задумались над тем, как теперь ослабить Россию. В 1829 году свет увидела книга полковника Джорджа де Ласи Эванса под названием «Осуществимость вторжения в Британскую Индию». Вышла она удивительно вовремя, словно автор выполнял чей-то политический заказ на формирование общественного мнения в нужном формате. На основе изучения трудов Поттинджера, Киннейра, Муравьева и Муркрофта полковник

доказывал, что, во-первых, русские вполне могут ударить по Индии, во-вторых, главная цель вовсе не забрать колонию полностью, а ослабить в ней британское влияние. А это именно то, чего так опасались топ-менеджеры Ост-Индской компании. Эванс считал, что Россия, если она решит двинуть армию на Индию, то отправит ее азиатским, а не персидским маршрутом: через Хиву на Кабул к Хайберскому перевалу. Он пояснял, что захват Хивы не станет проблемой даже с учетом того, что армии придется пересекать пустыню Каракум. В конце концов британские и французские солдаты успешно преодолевали пустыни в Египте и Сирии. Книга Эванса произвела глубокое впечатление на политическую элиту как в Лондоне, так и в Калькутте. Мысли, высказанные в ней, конечно, уже были не новыми, «второй свежести», но последние события: действия России на Кавказе и Балканах, активность русских купцов в Бухаре, разгром персидской армии, визит персидского посольства ко двору русского царя в 1829 году – придавали словам полковника актуальность и особый вес.

Одним из тех, кто особо впечатлился книгой Эванса, был член кабинета герцога Веллингтона, Эдвард Лоу, 1-й граф Элленборо, который возглавлял контрольный совет по Индии. Он и так был озадачен действиями русских на Востоке, а тут еще авторитетный специалист по региону подтверждал его опасения. Элленборо разослал экземпляры книги представителю Ост-Индской компании в Тегеране сэру Джону Киннейру и сэру Джону Малкольму, который к этому времени стал губернатором Бомбея. Элленборо даже стал продвигать идею предъявить Санкт-Петербургу ультиматум о том, что новое вторжение в Персию будет рассматриваться как враждебный Британии акт. Министры это предложение не приняли, а сам герцог Веллингтон, как человек, пововавший в Индии немало лет и знавший состояние дел в колонии и особенности азиатского театра военных действий, и вовсе был убежден, что русскую армию можно разбить задолго до того, как она достигнет Инда.

Другое дело, что вскоре выяснилось, что, несмотря на вроде бы развитую сеть разведчиков и агентуры, о которой отчитывался Политический департамент Ост-Индской компании, современных карт и описаний путей подхода к индийским колониям с севера и запада, по сути, нет. Последние были сделаны еще чуть ли не Кристи и Поттинджером, какие-то сведения можно было найти у Муркрофта, и все, дальше пустота. Лорд Элленборо взялся за дело всерьез: была поставлена задача собирать всю возможную

информацию. Про русский флот на Каспийском море, про объемы торговли русских с Центральной Азией, про маршруты русских караванов, их размеры, как часто ходят, откуда что везут. Получать информацию из Оренбурга у англичан не было возможности – там отсутствовали торговые представители Британии, не работал консул. В начале 19 века англичане было попытались устроить в Оренбурге центр сбора развединформации под прикрытием миссионерского пункта, организованного там Британским и иностранным библейским обществом. Но миссию довольно быстро закрыли по приказу генерал-губернатора.

Элленборо видел, что русские при этом научились эффективно собирать информацию в Азии, и он не хотел отставать ни в чем. По его приказу десятки офицеров индийской армии, топографов в сопровождении вооруженных отрядов отправились в Афганистан, Северную Индию, Центральную Азию. Они составляли новые карты дорог, наносили туда перевалы и пустыни, реки, смотрели, где может пройти конница, а где артиллерия, политические советники ехали в племена афганского пограничья и старались завести дружбу с вождями. Они искали малейшие признаки русского присутствия или подготовки русского вторжения, старались обнаружить признаки работы русских разведчиков или агентов. И любую информацию, которая казалась подозрительной, они отправляли в Калькутту, оттуда она уходила в Лондон.

С этим временем связано появление в истории Большой Игры человека, который, как говорят, и придумал этот термин – Большая Игра. Популяризировал это словосочетание Редьярд Киплинг, а вот автором его был лейтенант Артур Конолли из шестого полка легкой бенгальской кавалерии.

Артур Конолли

Он был одним из первых и одним из лучших полевых агентов лорда Элленборо. Его биография вполне типична для многих британских да и русских разведчиков того времени: в подростковом возрасте уже на службе, в погонах, на войне, к 25 годам они уже состоявшиеся офицеры, ветераны сражений и настоящие патриоты своей страны, не важно, Англии или России. На самом деле, трудно переоценить заслуги этих бесстрашных мальчишек – русских и англичан – как исследователей малоизвестной в те времена Азии. Можно обсуждать их разведывательную деятельность и даже осуждать ее. Но не восхищаться этими людьми просто невозможно. Ведь это была все же не только война разведок. Это было соперничество равных, и причем соперничество уважительное. Хотя зачастую и жесткое.

Артур Конолли остался сиротой в 12 лет, его родители умерли один за другим, и у шестерых братьев Конолли выбора особенно и не было. Они все пошли на военную службу, и из шестерых братьев трое, включая его самого, погибли в Южной Азии, на службе Ост-Индской компании. Он окончил школу в Регби, добрался до Индии и в 16 лет поступил в Бенгальский конный полк легкой кавалерии корнетом. Его дальнейшая карьера показала, что он был человеком исключительной храбрости и настоящим товарищем. Кроме того, он был человеком глубоко религиозным, искренне верил, как и многие в то время, в особую миссию христианства, в задачу христиан нести цивилизацию народам Азии и Африки, возможно находящимся на других ступенях общественного развития. И многие офицеры или управленцы Ост-Индской компании всерьез полагали, что индийцы должны быть благодарны англичанам за то, что те их колонизировали. И стоит заметить, что на самом деле британцы в Индии отменили многие варварские обычаи. Например, они пытались запретить сжигать вдов вместе с умершими мужьями. Но даже в этом случае англичане поначалу не рисковали полностью запрещать обычаи. Газета «Московский телеграф» сообщала читателям следующее:

«Известен ужасный обычай Индиянок, Брамайской веры; оне должны сжигаться с мужьями, если их переживут; бесчестие и посрамление падает на ту женщину, которая откажется от сей ужасной жертвы и никакие убеждения, никакие средства не могут остановить страшного обряда. Англичане решились наконец препятствовать этому силою. Из одиннадцати, десять сожжений успевают они остановить, и за всем тем, в 1823 г., в Бенгале сожглось 575 женщин, в том числе 109 более 60 лет, 226 от 40 до 60, 208 от 20 до 40 и 32 менее 20 лет. В Калькутте сожглось в 1819 г. – 650, в 1820–597, в 1821 [92] – 654, в 1822–583, в 1823–575. Величайшая пошлина не останавливает Индийцов: оне продают последнее для получения дозволения. Решительно остановить Индийцов не смеют, ибо опасаются, что это возмутит их, а от предосторожностей правительства они употребляют всякие ухищрения»^[107].

Надо сказать, что англичанам даже правление русских в Средней Азии – хоть они и были политическими конкурентами – казалось полезным для общественного блага и справедливого мироустройства. Основанное на принципах христианства британское правление представлялось высшим благом, дарованным варварским

народам. Основанное на тех же христианских принципах русское правление тоже казалось вполне логичным и нужным. Даже в 1860-е годы, когда противостояние между империями в Азии было крайне обострено, когда русские войска брали один город за другим, английская пресса оценивала этот процесс скорее положительно. При этом надо понимать, что уже в те годы пресса не была вещью в себе, за каждой влиятельной газетой стояли определенные политические и финансовые группы. Правление русских, при условии, что оно остается достаточно далеко от индийских границ, было предпочтительнее правления мусульманских тиранов.

Михаил Африканович Терентьев – русский генерал, востоковед, историк и лингвист, участник военных кампаний в Средней Азии – приводит в своем фундаментальном труде «Россия и Англия в Средней Азии» такую выдержку из газеты «Таймс», сопровождаемую язвительными замечаниями генерала (хочу заметить, что труд Терентьева вообще обязательно стоит прочесть всем, кто интересуется подробной историей русско-британской политической борьбы в регионе):

«Интересы Англии вовсе не требуют отнятия у русских их завоеваний (слава Богу!); владения русских на Оксе, на Яксарте и даже в Бухарии не грозят ни малейшею опасностью владычеству англичан в Ост-Индии... Мир положительно в выигрыше от неустанных завоеваний России, потому что трудно найти другую страну, где бы перемена правительства была так желательна, как в Средней Азии. Апатия и мусульманский фанатизм разных властителей, при отсутствии каких бы то ни было хороших качеств, превратили некогда плодоносные долины в голые пустыни, а цветущие богатые города в развалины.

Страна и население только выиграют от замены теперешнего бесправия русским духом порядка, как он ни механичен, как ни рутинен. А что проиграет от этого Англия? В далеком будущем ей грозят возможностью нажать себе соперника за владычество в Ост-Индии... Но прежде чем борьба за Ост-Индию сделается возможною, Россия должна будет покорить себе не только Хиву в Бухару, но и Авганистан, а этого в один день не сделаешь. Пока же завоевания России выгодны для торговых интересов Англии. Зависть русских фабрикантов не может наложить такого гнета на английскую торговлю, как анархия или грабежи азиатских деспотов»^[108].

И Артур Конолли в целом симпатизировал русским. Он понимал желание Санкт-Петербурга освободить своих подданных из рабства в азиатских ханствах, полагал справедливой защиту христиан русскими на Кавказе. Но он был патриотом Англии, офицером и разведчиком. В 1829 года Конолли выехал из Лондона в Москву, а оттуда на Кавказ. Официально считалось, что он едет назад к местам службы, в Индию. Реально же он должен был по заданию руководства оценить русскую военную мощь в регионе и понять, насколько высоки шансы русских пройти к берегам Инда. Несмотря на то, что отношения с Англией становились все хуже и хуже, а британские офицеры были инструкторами в армии вражеской Персии, в Тифлисе Конолли тепло встретили русские офицеры и даже снабдили казацким эскортом для проезда по самым опасным участкам пути до персидской границы, потому что в регионе шла война с черкесами, особенно усилившаяся после того, как из региона вытеснили турок – традиционных союзников черкесов. Конолли оценивал все, что видел в русской армии: офицеров и солдат, их вооружение, выучку, мотивацию и моральные качества. Все, что он увидел, его впечатлило, он был удивлен закалкой русских солдат, которые зимой спали в открытом поле, не имея даже палаток. Будучи сам офицером кавалерии, он был поражен ловкостью драгун русского полка, которые захватили вражескую крепость, подскакав таким стремительным галопом, что турки не успели закрыть ворота.

Пока он путешествовал по русским владениям, проблем у офицера не было. Он ехал официально. Но вся дальнейшая часть путешествия была задачей опасной и отчаянной. Конолли собирался добраться до Хивы через пустыню Каракум. И тут ему приходилось всерьез задумываться о маскировке и легенде. Он писал:

«Как бы хорошо европеец ни владел местным языком, путешествуя среди азиатов, ему чрезвычайно трудно избежать разоблачения. Его выговор, манера сидеть, ходить или скакать верхом... сильно отличаются от привычек азиатов. Чем больше он пытается как можно точнее все это имитировать, тем больше становится вероятность привлечь к себе нежелательное внимание»^[109].

Конолли полагал, что для него было бы лучше всего вообще не маскироваться под местного жителя, а представиться врачом, предпочтительно французом или итальянцем. *«Такие путники там иногда встречались и не вызывали недоверия... Лишь немногие станут вас спрашивать... Самые простые медицинские*

средства и лекарства позволяли излечить большую часть их болезней, а тому, кому ваше искусство не помогало, вы всегда могли сказать, что такая у него «нуссеб», т. е. судьба, ничего тут не поделаешь».

Но вот у самого Артура Конолли не было медицинских инструментов и лекарств, чтобы подтвердить легенду путешествующего врача. И он решил ехать в Хиву из города Астрабад под видом базарного торговца шелковыми тканями, платками, мехами. Наняв проводника, слуг и верблюдов, он отправился в Хиву. Главной опасностью были отряды туркменских работорговцев, которые обычно совершали налеты на караваны на рассвете, когда путники, еще полусонные после долгого ночного перехода, останавливались для молитвы. Пожилых и тех, кто пытался сопротивляться, убивали на месте, сильных и красивых брали в плен, чтобы продать на рынках рабов в Хиве и Бухаре. Конолли повезло – его по дороге только ограбили, хотя и убить тоже собирались, во всяком случае, четверо разбойников попытались убедить караванщиков, что Конолли вовсе не торговец из Индии, а русский шпион, который везет золото для подкупа вождей кочевых племен. Его не убили лишь потому, что сначала не нашли золота, а потом побоялись вмешательства друзей из Персии. И как вспоминал разведчик, как раз слухи о том, что его уже разыскивают персидские знакомые, повлияли на решение разбойников отпустить его. На самом деле скорее всего речь шла о том, что вмешались английская агентура в Персии и резиденты Политического отдела Компании. Но понятно, что разведчик Конолли не мог написать об этом в книге и потому использовал слово «друзья».

В конце концов, лишившись товаров и денег, он благополучно вернулся в Астрабад, счастливый тем, что выжил. Кроме того, он все же выяснил, что влияние русских на восточном побережье Каспия отсутствует. Тогда упорный лейтенант решил поехать в город Мешхед, расположенный на границе Персии с Афганистаном. Оттуда офицер отправился в афганский Герат, в котором со времен поездки Кристи не было британских офицеров. Он добрался до Герата в сентябре 1830 года. Там в это время правил Камран Шах, его даже в Центральной Азии, где нравы были, скажем так, не очень мягкими, считали крайне жестоким правителем. Англичанин тайно провел в городе три недели, выдавая себя за мусульманского ученого, а на самом деле изучая, как и его предшественники, городские укрепления, а также возможности для обеспечения

продуктами армии потенциального захватчика. Как Конолли смог обмануть тайную полицию шаха, неизвестно. Но факт остается фактом – разведчика не разоблачили.

Из Герата Конолли отправился в Кандагар, куда он пришел с группой мусульманских паломников, – это была дополнительная защита, разбойники старались все же не часто грабить людей, отправляющихся в хадж. В Кандагаре офицер тяжело заболел, едва не умер, и тут еще среди местных жителей прошел слух, что он английский шпион. Ему пришлось спасаться бегством, и через три недели он достиг берегов Инда. Невероятное путешествие было завершено. Артур Конолли смог собрать действительно важные сведения, большая часть которых легла на стол начальникам в виде конфиденциальных отчетов. Но какие-то записи он использовал для написания книги «Путешествие в Северную Индию сухопутным путем из Британии через Россию, Персию и Афганистан», она была опубликована в 1834 году.

Конолли так же, как и его предшественники, пришел к очевидному в общем-то выводу о том, что армия вторжения сможет пройти только двумя путями: или через Герат и Афганистан, или через Среднюю Азию и Афганистан. И если русские решат атаковать Индию, то пойдут из Оренбурга, а не вдоль восточного берега Каспия. Конолли полагал, что Герат мог бы стать русской базой в регионе, и потому никак нельзя было допустить его захвата. Но лейтенант сделал вывод, который до него мало кому казался очевидным: Афганистан может стать препятствием для любого захватчика. Он писал: *«Афганцы мало что выиграли бы, если бы русские вошли в их страну, зато им было много чего опасаться. Если афганцы, как нация, решат сопротивляться захватчикам, трудности похода легко смогут стать непреодолимыми»*. Они будут сражаться храбро, непрерывно атакуя русские колонны на горных маршрутах, и смогут наносить удары по линиям снабжения войск. Удивительно, но так и случилось, правда, полторы сотни лет спустя, во время советско-афганской войны. Так происходит и сейчас, только уже с американцами и англичанами. Афганцы теперь на тех же горных дорогах атакуют их конвой и грузовики. Конолли советовал особо сосредоточиться на внутренней политике в Афганистане и не дать русским посадить на трон в Кабуле своего ставленника, а случись такое, следовало организовать его свержение.

Разведчик советовал своим начальникам оказать помощь хозяину Герата Камран Шаху, потому что таким образом можно было

решить сразу две проблемы – удержать Герат, не дать взять его под контроль ни персам, ни русским и посадить на афганский трон условно «своего» человека. Конолли писал: *«Если в борьбе с персами он (Камран Шах. – Прим. авт.) останется один, то только вопросом времени станет захват Герата их превосходящими силами, и дорога в Индию будет открыта для русских».*

Все умозаключения Конолли совпали с подозрениями лорда Элленборо, который все больше и больше уверялся в том, что русские намерены вывести свою армию для удара на Индию. По мере того как Персия все больше оказывалась под русским влиянием – а шах там порой не принимал решения, не посоветовавшись с Симоничем, – истерика в Лондоне и Калькутте постепенно нарастала. Элленборо полагал, что русские войска в Персии находятся не для того, чтобы охранять русских купцов, что это уже готовится путь вторжения. И он писал в докладах, что надо сделать все, чтобы выкинуть русских из Азии и Персии, в первую очередь политическими и экономическими методами.

Самое интересное, что никаких серьезных планов вторжения в Индию у русского Генштаба не было. То есть, конечно, все русские генералы и политики понимали, что индийские колонии – это ахиллесова пята Британской империи. И страх, вызванный планами Наполеона, тоже все хорошо помнили. Но вот в Петербурге даже не помышляли об Индии вовсе. На тот момент не существовало даже серьезных, детально проработанных планов похода, скажем, на Бухару или Хиву, где тысячи русских людей находились в рабстве. Вся российская военная политика в отношении Азии носила характер исключительно оборонительный, и явных поползновений подчинить себе Азию силой Российская империя не предпринимала. Во всяком случае, до 1840 года, но к этому мы еще вернемся. У России не было ни сил, не денег воевать на два фронта, а на Кавказе как раз шла настоящая война, в которой успех одерживали то русские войска, то воинственные горцы. Но именно там англичане развернули новый фронт шпионской войны, ударить по русским тылам чужими руками, чтобы не дать России закрепиться в Азии. Очень по-британски.

О том, была ли русская экспансия на Северный Кавказ справедливой, была ли это война, имевшая в основе задачи обороны границ государства, или это была война захватническая и едва ли не колониальная, – споры ведутся постоянно. Скорее всего тут есть место и тому, и другому мнению. Проникновение русского влияния

на Кавказ началось еще в эпоху Ивана Грозного, и последующие века одни племена сами шли в русское подданство, другие были намерены воевать с чужаками до победного, и не последнюю роль играло то, что многие кавказские народы находились в тесной связи с Османской империей, причем связи были не только религиозными, но и экономическими. Но разбирать сейчас, в этой книге, всю историю войны на Кавказе нет смысла, да и задача не та. Важнее понять, какую роль в этом сыграли англичане.

Итак, несмотря на поражение в войне с Россией в 1829 году, Османская империя не собиралась терять свое влияние на Северном Кавказе, и, конечно, турецкая элита мечтала о реванше. А русские тем временем приступили к покорению Абхазии и более решительной борьбе с черкесами, населявшими западную часть Северного Кавказа, война с которыми началась еще за десять лет до этого. Словом, «черкесами» тогда называли все народы, говорящие на адыгских языках абхазо-адыгской языковой группы, это собственно черкесы, адыгейцы, кабардинцы, шапсуги, абхазы, и иногда к ним же относили и убыхов. Иван Паскевич в докладе Николаю I указал, что горцы нападают на линейные поселения и крепости, проникают вглубь и грабят колонистов и переселенцев и пытались штурмовать Сухум. «По сим причинам, – писал Паскевич, – опасное соседство их потребовало наконец более прочного покорения».

В октябре 1829 года план был утвержден, военную экспедицию назначили на июль 1830 года. Но всем было понятно, что никакая операция не будет возможна, если не заблокировать морскую контрабанду. 30 апреля 1830 года начальник Морского штаба генерал-адъютант Александр Сергеевич Меншиков отдал распоряжение адмиралу Алексею Самойловичу Грейгу, сыну того самого адмирала Грейга, героя эпохи Екатерины II, отправить корабли для блокирования восточного побережья Черного моря. 5 мая глава МИД канцлер Нессельроде известил об этом русского посланника в Турции. Тот должен был объяснить султану, что блокада не направлена против торговли или против Турции в целом, что она касается только контрабандистов, которые из турецких портов перевозят горцам порох, свинец и оружие. А это началось почти сразу после того, как Турция подписала мирный договор. Финансировали эти операции, впрочем, не только и не столько турки, сколько англичане.

Для усиления морской группировки в Сухуми были отправлены три 20-пушечных брига и 8-пушечный люгер. Уже 25 мая они задержали у берегов Абхазии британский торговый корабль «Адольф», на его борту нашли 6 бочек с порохом. Еще через день русские корабли, угрожая оружием, выгнали шесть турецких судов из бухты Суджук-кале, у них не было разрешения на пребывание там. Контроль морской границы империи начал приносить ощутимые результаты. В декабре 1830-го возле берегов Абхазии задержали и арестовали 6 турецких судов, которые везли порох, оружие и свинец. Весной 1832-го был издан приказ не просто о задержании, но и о конфискации судов, причаливших к берегу в запрещенных для торговли районах. Исключение составляли случаи, когда суда были вынуждены спасаться от бури. В марте 1832 года Николай I утвердил инструкцию морских пограничников (хотя их еще не называли так):

«Для сохранения Российских владений от внесения заразы и воспрепятствования подвоза военных припасов горским народам военные крейсера будут допускать к черноморскому восточному берегу иностранные коммерческие суда только к двум пунктам – Анап и Редут-Кале, в коих есть карантин и таможи, к прочим же местам сего берега приближение оным запрещается»^[110].

Надо заметить, что английское правительство право России не то что на блокаду, а вообще на территории Северного Кавказа признавать не собиралось. Русского флота англичане не боялись, что было отчасти справедливо: ремонтной базы на Черном море у России практически не было, сухие доки начали строить лишь в 1836 году. Но тем не менее, еще в 1835-м русские корабли захватили или уничтожили почти 50 судов контрабандистов. А с 1836 года русские патрули начали курсировать в западной части Черного моря круглый год – поначалу они уходили на зиму в порты, – и туркам стало еще грустнее.

Но, конечно, все корабли захватить не удавалось. И на одном из таких проскочивших кораблей в Черкесию прибыл молодой англичанин. Точнее, шотландец. Звали его Дэвид Уркварт, ему было на тот момент 28 лет. Он родился в городке Кромарти, даже сейчас это считается глухой провинцией, насчитывающей чуть больше 700 жителей. Уркварт учился в нескольких школах во Франции, Швейцарии и Испании. В 1821 году он вернулся в Британию, поступил в колледж Сейнт-Джон, но не доучился, потому что мать разорилась – она была вдовой – и учиться ему стало не на что. В

1827 году он отправился добровольцем в Грецию, воевать на стороне восставших против турецкого владычества греков. Со стороны Османской империи это была крайне жестокая война – одна только Хиосская резня чего стоит. Тогда турки вырезали и продали в рабство все 120-тысячное население острова. Еще раз – все население острова. Это не фигура речи. Выжили 1800 человек. Но на отношение Уркварта к туркам это не повлияло. В 1831 году он попал в Константинополь в составе английской дипломатической миссии, которая должна была установить границы между Грецией и Турцией. Молодой человек общался там с советником султана Махмуда II, и чем больше он общался, тем больше проникался турецкими идеями, взглядами, культурой. Он стал считать турок храбрыми и благородными людьми. Насколько искренним он был – это большой вопрос. Также остается загадкой, действительно ли он был романтиком или же являлся профессиональным разведчиком. А тут как раз произошли события, которые убедили Уркварта в том, что Турция и правда стала почти вассалом Петербурга и вот-вот русские получают в свои руки путь на Индию.

После того как Греция обрела независимость в 1830 году, многие поняли, что Османская империя ослабела и можно с ее мнением не считаться. Франция тут же оккупировала Алжир, а в 1831 году самый могущественный вассал империи Мухаммед Али Египетский заявил, что более не желает быть вассалом, что теперь он совсем независимый правитель. Началась Турецко-египетская война. Сын Мухаммеда Али, его звали Ибрагим-паша, стал во главе армии, которая вторглась в Сирию. Он взял несколько городов и крепостей на территории современного Израиля и Сирии, потом разбил войско Осман-паши, правителя Алеппо, заняв Дамаск, потом снова разбил турок возле нынешнего Хомса. После покорения Сирии Ибрагим-паша возле города Конья разбил превосходящие силы турецкой армии, хотя соотношение сил было 15 тысяч против 56 тысяч, и, по сути, закончил завоевание Малой Азии. Его флот подходил к Босфору, сам он стоял в шести днях пути от Константинополя.

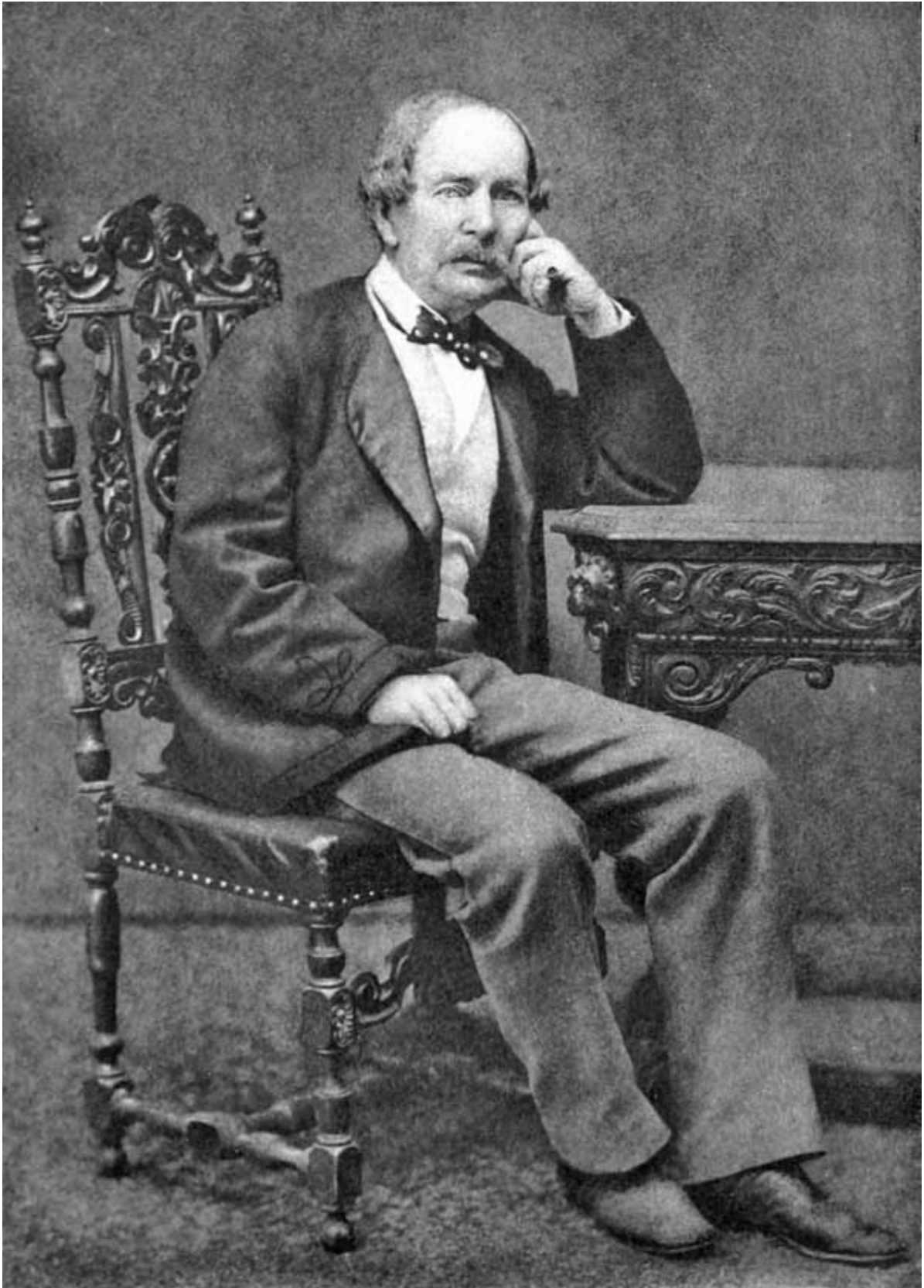
И вот в этот момент помощь пришла с неожиданной стороны: от русских. Николай I послал на помощь Османской империи войска. Ими командовал Николай Муравьев – тот самый офицер, что когда-то совершил путешествие в Хиву. Теперь он был уже генералом, заслуженным ветераном войны с Персией и Турцией, участником штурмов крепостей, усмирителем польского восстания 1831 года.

Адмирал Лазарев привел из Севастополя 4 линейных корабля и 5 фрегатов, на берег был высажен русский десант – несколько казачьих сотен и два пехотных полка с артиллерией. Ибрагим-паша захватил Смирну, но дальше не пошел. Он понимал, что такое русские войска, тем более что недавно закончились две войны, которые это наглядно показали, и он знал, кто такой генерал Муравьев. Переговоры с ним провел чрезвычайный посол и главнокомандующий сухопутными и морскими силами граф Алексей Орлов, который убедил Ибрагим-пашу не накалять обстановку, прислушаться к голосу разума и спокойно уйти назад в Египет. Ибрагим-паша подписал с Махмудом II мир, а с Российской империей был заключен Ункяр-Искелесийский договор. Россия и Турция договорились о военном союзе, если одна из стран подвергается нападению, и секретная статья договора требовала закрытия Босфора для кораблей любых стран кроме России. В Лондоне это сочли прямой угрозой своему положению в Средиземном море. И быстро нашли человека, который выполнил бы особую миссию по сдерживанию русских.

А Турция хоть и подписала Ункяр-Искелесийский мирный договор, но смиряться с потерей влияния на Кавказе все равно не собиралась. И пусть Россия считалась теперь вроде бы союзником, пусть хотя бы на бумаге, но это не мешало османам усилить помощь воюющим горцам. Более того, именно с 1833 года поток контрабанды, судя по отчетам российского морского ведомства, только усилился. Это, видимо, была такая благодарность русским за спасение империи. Хотя понятно, что Николай I спасал не турок и не их больное, слабое, гниющее изнутри государство. Он спасал свою страну, подарив России относительное спокойствие. Он понимал, как и за несколько лет до этого, что лучше один слабый и в целом понятный враг, чем десяток-другой воюющих государств в южном подбрюшьи России, при том что каждое из этих новых государств может легко попасть в орбиту влияния Франции или Британии. А так, малыми усилиями, только лишь погрозив пальцем и пообещав использовать армию, Россия получила свободный проход через проливы и условно союзное государство. Правда, никто в Петербурге иллюзий не испытывал, и все понимали, что это за союзничек.

В принципе, эта ситуация многое объясняет, если спроецировать ее на современную нам политику. Скажем, на ситуацию на Украине. Целая страна, даже с русофобским правительством, все равно лучше, чем три-четыре маленькие Украины, в каждой из которых будет своя маленькая, русофобская и очень злая хунта.

А тогда, в 1833 году, как уже говорилось, значительную роль в финансировании горского сопротивления играла Англия и лично Дэвид Уркварт. В 1834 году он познакомился с вождями черкесов во время их пребывания в Константинополе. А потом и состоялась та самая тайная поездка на Кавказ. Он посетил горные крепости и села, участвовал в советах вождей сопротивления, он даже, как гласит одна из версий, придумал им флаг – три скрещенных стрелы и звезды над ними по числу народов и племен. Сейчас, в несколько измененном виде, это флаг Республики Адыгея. Вероятно, Уркварт симпатизировал горцам еще и потому, что был шотландцем по национальности. Черкесы тоже были горцами, тоже боролись за независимость, которую шотландцы отстаивать не смогли. Английский разведчик учил горцев воевать против русских, они даже попросили его остаться в горах и возглавить их отряды. Уркварт отказался, пояснив, что будет лучше, если он вернется домой и добьется поддержки черкесов на государственном уровне. Он и правда был убежден, что выбить русских с Кавказа – это жизненно важная задача для Англии, потому что Кавказ станет плацдармом для русской атаки на Индию.

Дэвид Уркварт

Уркварт, несомненно, читал и Вильсона, Киннейра и прочих аналитиков. И на самом деле, вернувшись в Лондон, Уркварт

принялся писать статьи и репортажи о храбрых горцах, сдобренные лютой русофобией. Он опубликовал книгу «Британия и Россия», где снова предупреждал – русские строят коварные планы в отношении Азии и Ближнего Востока. *«Вся Османская империя немедленно перейдет от нас к ней (к России. – Прим. авт.), к тому времени она станет нашим явным врагом. Вооруженные силы, оружие, границы, крепости, сокровища и флот Турции, сейчас призванные действовать против России, станут действовать против нас – вымуштрованные, объединенные и направляемые ею. Поглотив Турцию, Россия затем поработит Персию. Персы, народ многочисленный, терпеливый и воинственный, будут Россией обучены и направлены без каких-либо проблем и больших затрат»*^[111].

Россия, писал Уркварт, только ждет, точнее, «выбирает свой момент... она не может просчитаться и упустить такой момент, как этот. На этом сосредоточены весь ее ум, энергия и ресурсы. Она начнет свое наступление только тогда, когда будет полностью уверена в успехе... Если Персия является заставой Индии, то еще в большей мере ею является Черкесия, которая защищает Афганистан и которая наравне с Персией защищает и Индию». И многие в Лондоне прислушивались к Уркварту – проливы и правда оказались под контролем русских, слабая Османская империя боялась любого окрика из Петербурга, хотя и продолжала по-мелкому гадить русским на Кавказе. Русофобия в Лондоне была модной. И Уркварт в этом смысле был тоже модным и своевременным. В итоге именно его назначили на пост первого секретаря британского посольства в Константинополе. И тут он развернулся во всю силу и мощь.

В 1835 году с его ведома на восточный берег Черного моря был заброшен капитан Лайоне с поручением возбудить горское население против России. 17 мая 1835 года в девяти милях от Геленджика была задержана русским бригам «Кастер» английская шхуна «Lord Charles Spencer». По прибытии в Геленджик шхуна подверглась осмотру и затем была освобождена, поскольку на ней не оказалось оружия и военных припасов, предназначенных для горцев. Но освобожденная шхуна, как писали в отчетах русские военные, на обратном пути «высматривала тамошние укрепления» и для этого «намеренно держалась ближе к берегам для высматривания».

Дальше Уркварт попытался организовать уже настоящую провокацию, чтобы втянуть Россию или в войну, или хотя бы в дипломатический конфликт. К берегам Кавказа была отправлена

шхуна «Виксен». На борту находился контрабандный груз, и шла она прямо в район Суджук-кале, это ныне Новороссийск. Расчет был простой – если плавание пройдет удачно, это будет доказательством того, что Россия де-факто не контролирует Черноморское побережье Кавказа. В случае задержания шхуны Уркварт собирался устроить международный скандал: опять эти злобные русские ловят свободных людей ни за что ни про что и предъявляют им какие попало гнусные обвинения. Лютует кровавый режим.

Арендовавший шхуну агент Джон Белл получил четкие инструкции – идти в тот район, где встреча с русскими крейсерами практически неминуема. Более того, Уркварт пообещал ему, что если русские его задержат, то России тут же будет объявлена война. В итоге 12 ноября 1836 года шхуна «Виксен» была в глубине бухты Суджук-кале, в том месте побережья, где не было ни русской таможни, ни карантина. 12–13 ноября шхуна стояла на рейде и экипаж уже начал перевозку груза на берег горцам. По словам бежавшего из черкесского плена русского солдата, всего было переправлено 4 трехфунтовых и 4 шестифунтовых орудия, 200 бочонков пороха по 4 пуда и значительное количество холодного и огнестрельного оружия.

Экипаж шхуны успел уже выгрузить порох, пушки, оружие, а черкесы увезли все это в горы. Командир брига русского флота «Аякс» капитан-лейтенант Николай Павлович Вульф получил приказ задержать и привести в бухту Геленджика подозрительную шхуну, а «в случае малейшего с ее стороны сопротивления употребить силу оружия». 14 ноября бриг задержал «Виксен» в бухте Суджук-кале. Джон Белл поначалу отказывался подчиняться русским – дескать, Британия не признает ни вашей блокады, ни ваших прав на этот район Черного моря. Когда капитан Вульф пообещал просто расстрелять шхуну в упор вместе со всем экипажем, англичане поняли, что русские не шутят, и, подняв паруса, последовали за «Аяксом» в Геленджик. Так как судно было захвачено стоящим на якоре во время разгрузки, оно было признано контрабандным, его изъяли. О скандале быстро узнали в Европе, французский консул в Одессе писал своему начальству, что это умышленная акция англичан:

«Депеша французского консула в Одессе Шаллэ французскому министру иностранных дел графу Моле, 23/11 декабря 1836 г.

Спешу сообщить вашему превосходительству об очень важном, по моему мнению, событии. В начале текущего месяца к берегам

Черкесии около Суджук-кале причалило английское судно, нагруженное товарами для местного сбыта и оружием. На его борту находился судовой приказчик, англичанин по фамилии Белль. Когда он приступил к разгрузке товаров, прибыл русский военный бриг “Аякс”, командир которого объявил, что он задерживает судно за нарушение блокады, и дал распоряжение готовить паруса к отплытию. Англичанин ответил, что его король никогда не признавал блокаду берегов Черкесии, что он протестует и будет противиться всеми возможными для него средствами насилию, которое хотят над ним совершить. Кроме того, он заявил о своем решении подчиниться только силе. Русский командир ответил, что в случае сопротивления судно будет потоплено, и немедленно приступил к приготовлениям, которые показывали, что его слова не были пустой угрозой. Тогда англичанин сдался, после чего капитан “Аякса” принял на борт судового приказчика Белля, а на задержанное судно послал офицера с частью своей команды для обеспечения сохранности взятого в качестве приза судна. Затем, заручившись приказом главного командира крейсирующих там военных судов, он направился с английским кораблем по направлению к Крыму.

Ночью порыв северо-западного ветра разделил оба судна, и в Феодосию прибыл один “Аякс”. Г-н Белль оттуда отправил письмо сюда своему консулу с заявлением своего протеста и с просьбой покровительства. До сих пор неизвестно о прибытии туда захваченного судна. Вот факт, а вот вызванные им предположения: некоторые лица даже из высших кругов общества предполагают, что захваченное у берегов Черкесии судно было умышленно туда направлено лордом Понсонби (посол Британии в Константинополе. – Прим. авт.), а следовательно и английским правительством, с целью решительно и остро поставить вопрос о блокаде и пересмотреть его. Верить этому дает повод выбранное англичанином место побережья для выгрузки своих товаров, потому что как раз между Суджук-кале и Геленджиком находились военные суда, ускользнуть от которых не было никакой возможности»^[112].

Но вот интересно, что этого не скрывали и сами англичане. То есть они открыто писали: да, вот отправили мы к берегам Черкесии наше судно, потому что считаем, что имеем на это право. Звучит несколько странно. Но тем не менее. Вот выдержка из газеты Journal de St. Petersburg от 31 декабря 1836 года:

«12 декабря в английской прессе, в частности в газете “Morning Chronicle”, появилось сообщение, что из Константинополя несколькими лондонскими арматорами отправлена шхуна “Виксен”, причем совершенно открыто заявлено, что он отправлен с целью перевоза на берега Черкесии груза, состоявшего по большей части из пушечного пороха. Кроме того, в газетах было сообщено, что товар этот в русском тарифе запрещен и что отправка “Виксена” предпринята умышленно, из нежелания считаться с установленным для борьбы с запрещенной тайной торговлей наблюдением, проведение которого на этой прибрежной полосе возложено на русские крейсера.

12 ноября вечером, около берегов Черкесии, в виду Геленджика, появился “Виксен”. Бриг императорского флота “Аякс”, под командованием капитана Вульф, получив от командира поста приказ следить за движением этого судна, настиг его днем 14. Он его обнаружил на якоре в глубине бухты Суджук-кале, в том месте побережья, где не было ни таможи, ни карантин. В момент, когда “Аякс” настиг его и захватил, находившаяся на берегу часть его экипажа бросилась на веслах догонять судно. На вопрос о цели их прибытия капитан корабля Томас Чайльдс и собственник груза Джеймс Белль заявили без всякого колебания, что они прибыли с намерением торговать с населением побережья, что груз судна состоял из соли – товара, ввоз которого в порты Черного моря и Азовского самым определенным образом запрещен.

На основании этих двух доказанных фактов “Виксен” был немедленно задержан и отправлен 15 ноября в Геленджик, куда он прибыл на другой день 16.

Следствие установило, что шхуна «Виксен», под командованием капитана Томаса Чайльдса, является собственностью господ Александра Полдена и Томаса Мортонна из Лондона; она была зафрахтована бухарестским торговым домом “Белль, Андерсон и Ко” для плавания в Константинополь, по Дунаю, по Черному морю, Азовскому или Мраморному, и в силу этого контракта помянутое судно было предоставлено в распоряжение г-на Джеймса Белля, который нагрузил в Константинополе судно солью; что этот последний скрывал от капитана цель своего путешествия до 7 ноября, когда они вышли из Босфора; что капитан, узнав, что он должен направиться к совершенно ему неизвестному побережью, указал г-ну Беллю на необходимость взять пилота; что г-н Белль, наняв на эту должность пилота турка

из Самсуна, 11 ноября дал капитану распоряжение направляться к Тугхе, Пиады или Суджук-кале – три места, где нет ни таможни, ни карантина; что благодаря ветру он не мог пристать к двум первым пунктам, и ему пришлось направиться в Суджук-кале; что корабль, по показанию капитана, стоял на якоре 36 часов до того, как его настиг “Аякс”; что в этот промежуток времени г-н Белль вошел в сношения с обитателями побережья, по его признанию для того, чтобы торговать с ними; что груз корабля, по заявлению капитана, состоял исключительно из ста бочек соли. Наконец, обнаружен факт, который при настоящем стечении обстоятельств приобретает очень серьезное значение, а именно, что из 4-х пушек, которыми был снаряжен корабль, по данным его документов, на борту находились только две.

На это обстоятельство необходимо тем более обратить внимание, потому что в “Morning Chronicle” утверждали, что груз “Виксена” составляет, главным образом, пушечный порох, для выгрузки которого достаточно было 36 часов.

Как только все эти обстоятельства доведены были до сведения императорского правительства, тотчас же им был дан приказ адмиралтейству Черного моря конфисковать ихуну «Виксен» и ее груз и объявить, что они захвачены в качестве приза.

Что касается экипажа, то, несмотря на то, что он навлек на себя за нарушение санитарных законов, установленных во всех европейских странах, самое строгое наказание, его величество император соблаговолил принять во внимание смягчающие их вину обстоятельства, на основании которых можно считать, что капитан Чайльдс с самого начала не знал о замысле и вся ответственность за него и стыд падает только на арматоров, пытавшихся привести его в исполнение. Вследствие этого император отдал приказ прекратить дальнейшее следствие, возбужденное против капитана Чайльдса, освободить его, так же как его экипаж. Более того, узнав из расспросов адмиралтейств о том, что эти лица дошли до полного обнищания, его величество предписал новороссийскому генерал-губернатору графу Воронцову снабдить их деньгами, нужными им для возвращения в Константинополь»^[113].

Буквально в это же время глава русского МИД граф Нессельроде пишет русскому послу в Лондоне графу Поццо-ди-Борго депешу такого содержания:

«Если вспомнить, граф, те выражения, какими “Morning Chronicle” возвестил об отправлении этого корабля, то нельзя сомневаться ни в причине, ни в цели этого преступного замысла. В самом деле оно является не чем иным, как новой попыткой политической фракции, состоящей из английских революционеров и осколков польского восстания, постоянно стремящихся под любым предлогом возбудить шум в парламенте против России и тем направить английское министерство по ложному пути и, наконец, посеять несогласие между двумя странами и привести их к серьезным осложнениям и даже к прямому конфликту.

Мы даем самую широкую гласность фактам, вызвавшим задержание “Виксена”. Мы громко заявляем о всех незаконных и постыдных намерениях арматоров, замысливших отправление этого корабля. Но в то же время, мы совершенно отказываемся от мысли, что это отправление может быть приписано английскому правительству.

Мы ограничились тем, что возложили ответственность за это предприятие на арматоров, которые его замыслили на свой счет и риск. Кроме того, чтобы показать, что конфискация корабля сама по себе является актом высшей справедливости, и чтобы рассматривать его отдельно от всего, что могло бы с некоторым правом вызвать симпатии английского общества, наш августейший государь почел долгом распространить свое милосердие на капитана и весь его экипаж.

Мы убеждены, что министерство, ознакомившись со всеми документами, которые мы ему только что представили, будет иметь полную возможность свести на нет этот протест, объявив, что если бы какое-нибудь судно под русским флагом приблизилось к берегам Ирландии или Индии с такими же намерениями, какие были у арматоров “Виксена”, то с ним британское правительство поступило бы так же, как русские власти поступили с “Виксеном”»^[114].

Если кому-то кажется, что провокации в отношении России придумали вчера и что русским дипломатам только сейчас, в 21 веке, приходится сталкиваться с двойными стандартами, то вот вся эта история с «Виксеном» лишнее подтверждение тому, что ничего нового в отношениях нашей страны с Западом нет. И за последние двести лет ничего не менялось. Даже вот эта попытка апеллировать к голосу разума британских парламентариев – «а если бы у берегов Ирландии или Индии» – очень напоминает то, как мы сегодня

пытаемся говорить с Западом. Но как тогда, так и сейчас слышать и слушать Россию не хотят.

Вот характерная депеша русского посла в Константинополе Аполлинария Петровича Бутенева вице-канцлеру Нессельроде, написанная в январе 1837 года:

«Вне всякого сомнения, английское судно, о котором идет речь, открыто было нагружено солью, под солью тайно были положены боевые припасы. Отправлено оно было к берегам Черкесии с заранее обдуманном намерением. Это отправление очень похоже на путешествие лондонских арматоров, к которому поощряли их прошедшим летом с одной только целью – нарушить наши санитарные правила и спровоцировать споры между правительствами.

Уже довольно продолжительное время английская пресса и британские агенты в Турции не перестают распускать нелепейшие, ненавистнические утверждения, подвергая сомнению суверенитет России над народностями Кавказа и возражая против утверждения нашей власти в этой стране; эти толки злонамеренного невежества, я должен, к сожалению, это сказать, подкреплялись часто плохо завуалированными намерениями и поступками английского посольства в Константинополе.

В то же время, различные британские эмиссары были направлены в те места, чтобы возбуждать восстания и раздавать горцам боевые припасы и убеждать их в том, что Порта не отказалась от своих старинных сюзеренных прав над ними и что иностранные державы поддержат их, что черкесские изгнанники, вроде Сефер-бея и другие совсем неведомые, найдут здесь покровительство и поддержку английского посольства, которое пыталось разбудить давнюю ненависть турок убедить их, что Россия никогда не сможет поставить на твердое основание свою власть над народами Черкесии. Так, например, драгоман английского посольства без всяких колебаний серьезно заявил туркам, что фактическая независимость Черкесии накануне своего установления и будет формально признана Англией и другими государствами. Эти происки и инсинуации, как можно было предвидеть, достигли высшей степени, когда совершилось странное назначение г-на Уркарта на пост секретаря английского посла в Константинополе. Эта личность не преминула проявить себя поступками, какие можно было ожидать от автора таких выпадов против России и редактора “Portofolio”. Поссорившись со своим шефом, протезе

которого он был, он покинул здание посольства и стал кочевать из одного квартала города в другой; он завязал большие связи среди турок, часто он носит турецкий костюм и имеет вид и повадки скорее тайного эмиссара, чем дипломатического представителя. Я узнал недавно, что г-н Уркарт дошел до того, что придумал с большой экзальтацией как бы национальный флаг для черкесов и хвастался этим так открыто, что Порта была вынуждена запросить об этом драгомана британского посольства.

Не желая вскрывать здесь того, как подобные происки мало согласуются с достоинством великой державы и с общественными функциями ее агентов, я вынужден признать, что политика Англии и Турции не пренебрегает такими средствами для того, чтобы вредить нашему влиянию и нарушить установившееся ныне согласие с Портой. Но я полагаю, что могу с уверенностью прибавить, что, теперь по крайней мере, эта злонамеренность проявляет себя осторожнее, она не так очевидна, потому что, с одной стороны, турки, судя по некоторым фактам, не воспринимают так легко, как раньше, направленные против России инсинуации, а с другой стороны, английская политика сама старается парализовать то зло, которое она хотела бы нам причинить, необдуманно теряя расположение Порты ничем не обоснованными сплетнями, высокомерным неуместным тоном, оскорбляющими происками и бесплодными угрозами»^[115].

А тем временем в английской прессе раздувался скандал – в газетах выходили статьи о том, что Англии следует предпринять энергичные действия на Черном море и в Черкесии. В одной из статей автор писал, что горцы, если они получат сотню английских пушек, будут совершать набеги на Тифлис, Ганджу, Георгиевск и что это для них станет «обычным делом». А результатом будет разгром русской армии на Кавказе. Английская пресса также сообщала, что на Кавказ брошены многочисленные корпуса русских войск, что их потери превышают 1 миллион человек, что Британия должна поддержать создание государства «Черкесия».

Кавказские оборонительные линии. Черкесия

Сто пятьдесят лет спустя, в 90-е годы 20 века, те же газеты будут писать о том, что Англии надо поддержать создание на Кавказе государства Ичкерия с Джохаром Дудаевым во главе и свободолюбивые чеченцы имеют право воевать с кошмарной имперской Россией. А Евросоюз обещал ввести санкции против России, если она не прекратит немедленно войну на Кавказе. Тогда же, в 1837 году, в английском парламенте консерваторы заявляли, что Россия не имеет права владеть Кавказом, а свобода торговли в Черном море должна быть обеспечена через присутствие британского военного флота в регионе. Многие и правда всерьез полагали, что дело не в политике, не в желании вытеснить русских с Кавказа, а в торговых интересах Британии. О том, какая была обстановка в Британии, можно судить по этому письму русского посла в Лондоне Поццо-ди-Борго канцлеру Нессельроде от февраля 1837 года.

«Сегодня утром в газетах появились корреспонденции г-на Уркарта – константинопольского любимого агента короля и лорда Пальмерстона (глава МИД Великобритании. – Прим. авт.). Посылаю Вам “Times” и “Morning Chronicle”, в них помещены два письма, написанные, хотя в разных выражениях, но в одном духе. Их главная цель возбудить общественное мнение против нас и уколоть тщеславие и самолюбие нации и правительства. Они направлены против лорда Понсонби (британский посол в Турции. – Прим. авт.),

который удалил от себя этого негодяя (Уркарта), и против лорда Дюрэма, хотя последний в них не назван. Какие раздоры и какой скандал в английском посольстве в Константинополе! Интриган низкого пошиба послан для контроля над послом, при котором он состоит, а также и над английским представителем в Петербурге! Прочтите эти письма в вышеупомянутых журналах, и вы будете удивлены. Они появились в печати не без злого умысла, в них порицаются осторожность и бдительность, проявленные при этих событиях, которые изображены так превратно и так подло, что они неизбежно произведут очень дурное впечатление и ими воспользуются, как средством и как аргументами все те, которые хотят нарушить мир»^[116].

Русско-британские отношения, конечно же, резко охладели. Пальмерстон категорически отказался принять русские объяснения, он, как и парламентарии, заявлял, что у России нет никаких прав на Кавказ. Действия русских властей в британской прессе назывались грубым произволом, попранием норм, и снова и снова призывали к войне.

Николай I, надо отдать ему должное, реагировал на британскую истерику с железной выдержкой, хотя говорят, что на сообщения из Лондона о реакции Пальмерстона император заметил: «Это война! Страшная война!» Но на донесении посла о разговоре с Пальмерстоном император лично сделал пометку с требованием передать британскому послу, что «...я ни в чем не изменю моего образа действия; что останусь хладнокровным, что я буду защищать наши права во что бы то ни стало». Он приказал привести в состояние повышенной боевой готовности армию и флот, непосредственно Черноморской группировке поставили задачу перебросить русский десант на Босфор и атаковать Константинополь в течение суток после получения распоряжения. И как по мановению волшебной палочки, в Лондоне вдруг стали затихать разговоры о военном вмешательстве в русские дела на Кавказе. Нет, конечно, истерика разом не прекратилась, но градус заявлений сильно упал, как, впрочем, происходит каждый раз, когда Запад видит русскую решимость воевать. Одно дело – дразнить русского медведя и даже пугать, другое дело – вывести его из себя окончательно. Эту разницу в Лондоне понимали уже тогда. Но вот провокации на Черном море не прекратились. Джон Белл, а это был, безусловно, человек отчаянный и дерзкий, настоящий авантюрист, в апреле 1837-го отправился в Трапезунд, где нанял турецкую фелюгу и купил груз

пороха на сумму в 5 тысяч пиастров, чтобы летом плыть в Черкесию. О чем тут же узнала русская разведка.

«1837 г. июня 1. – Предписание Тифлисского военного губернатора Грузинскому гражданскому губернатору о недопущении в Грузию английского агента, намеревавшегося пробраться к горцам, № 457.

Г. военный министр от 30 прошлого апреля № 163 сообщил г. главноуправляющему в Грузии, что до сведения государя императора дошло, что бывший на захваченной крейсерами нашими шхуне Vixen купец Бель отправляется вновь в сопровождении двух лиц из Константинополя в Трбизонд, дабы оттуда пробраться морем или сухим путем к горским народам, и что он снабжен от английского посла в Константинополе паспортом в Черное море. Таковое новое покушение сего лица на проезд к горским народам должно неоспоримо скрывать неблагонамеренные замыслы, а потому его императорскому величеству угодно, чтобы приняты были самые строгие меры к наблюдению за его действиями и к воспрепятствованию ему в исполнении враждебных его предположений.

Вследствие чего бар. Григорий Владимирович Розен и предписал генерал-майорам кн. Бебутову, Горихвостову и Эспехо, а равно полковнику Фрейнду принять деятельные меры для преграждения англичанам сим всякой возможности проникнуть к горцам и вообще в наши пределы, если же они скрытным образом проберутся куда-либо через границу, то, открыв их, подвергнуть полному шестинедельному строгому карантинному очищению и тогда же с нарочным донести ему.

Извещая ваше сиятельство о таком распоряжении его высокопревосходительства, сообщенном мне в предписании его от 20 прошлого мая с № 61, покорнейше прошу вас именем барона Григория Владимировича (Розен) иметь строгое с вашей стороны наблюдение, чтобы упомянутые иностранцы в случае тайного прохода их через границу не скрывались где-либо в Грузии. Генерал-лейтенант Брайко»^[117].

Перехватить английских агентов не удалось, их на самом деле на Кавказ прибыло сразу двое. Первый – это собственно Джон Белл, второй – Джеймс Лонгворт – дипломат и журналист, он тоже был участником авантюры со шхуной «Виксен». Это именно он писал статью в газету «Morning Chronicle», на которую потом ссылались русские газеты и дипломаты, в ней были, в частности, такие слова:

«Шхуна “Виксен”... отплыла из Константинополя с инструкцией прорвать... блокаду, установленную Россией у берегов Черкесии... Груз судна состоит главным образом из пороха – статьи, запрещенной русским тарифом, но именно поэтому и тем более это высоко оценивается с точки зрения решительного характера экспедиции, т. к. это дает возможность испытать законность блокады... Прошло лишь 2 года с тех пор, как мистер Давид Уркварт, в то время еще пионер этого дела, стремившийся использовать все средства, которые бы могли способствовать его успеху, пренебрегая всеми трудностями и подвергая себя серьезному риску, проник внутрь интересующей его страны. С тех пор он убежден, что эффективное сопротивление России нужно оказывать именно здесь»^[118].

О том, что они оба делали на Кавказе, можно узнать из их собственных воспоминаний. В 1840 году Белл опубликовал свои дневники под названием «Journal of residence in Russia during the years 1837, 1838 and 1839 by James Stanislas Bell» (Дневник путешествия в Россию в 1837, 1838 и 1839 годах), а Лонгворт в том же году издал два тома своих мемуаров под названием «A year among the Circassiens» (Год среди черкесов). Вот что интересно – по Джону Беллу, он провел три года в России, хотя и у черкесов. Где логика, если Лондон не признавал прав России на Кавказ? Белл рассказал, что его поездка к черкесам была подготовлена по инициативе главы МИД Пальмерстона, что английский дипломатический аппарат всячески помогал осуществлению этой авантюры, что лично английский посол в Константинополе лорд Понсонби вел переговоры с князем Сефер-беем – представителем старшин двенадцати кавказских племен.

Ну а уже на самом Кавказе Белл и Лонгворт проводили следующие, как сказали бы сейчас, диверсионно-разведывательные мероприятия. Они курировали контрабандный ввоз огнестрельного оружия на Кавказ, везли его на турецких судах. Они занимались подкупом вождей или старшин племен натухайцев и шапсугов. Они от имени британского правительства обещали, что Англия намерена защитить независимость черкесов и даже будет воевать против России, чтобы помочь им. Короче говоря, они финансировали войну, нагло вваливали горцам и использовали их как орудие английской внешней политики.

По воспоминаниям обоих шпионов, особую важность для них представляла задача распространения среди черкесов принятия так

называемого «национального обета». Это было особое изобретение Уркварта, он запустил его в оборот в 1834 году. Тогда он впервые подбросил горским лидерам идею о том, что им стоит объединиться с другими горцами под властью одного лидера «и под общим знаменем». Так и родился обет, этакая клятва вечной вражды и войны против русских, а также против «изменников» и «предателей», то есть тех горцев, которые либо принимали мир, предлагавшийся русскими властями, либо вступали с русскими в торговые отношения. Англичане создали систему жесточайшего террора на основе этого сочиненного ими же обета: нарушители клятвы подлежали смертной казни, имущество их делилось между палачами, а дети казненных продавались в рабство во избежание того, чтобы из них не выросли мстители в родной стране. Это вам ничего не напоминает? Не напоминает той системы отношений, которая вдруг, словно ниоткуда, появилась в постдудаевской Чечне в 1996 году? Не напоминает нынешнюю систему формирования бандподполья в Дагестане, где все люди делятся самими бандитами на «истинных мусульман» и «мунафиков» (то есть вероотступников)? Так вот все это придумали англичане.

Впервые церемония принятия «обета» состоялась в августе 1834 года. И, как писал Белл, происходила она «не без кровопролития». Потом Уркварт уехал, горцы всю эту британскую пафосную человеконенавистническую ересь подзабыли, но когда британцы вернулись, то с ними вернулся и «обет». В дневнике Белла есть замечание о том, что «распространение этого важнейшего мероприятия – введения национального обета, дает мне особенное удовлетворение, так как это – наше, английское достижение».

В 1837 году в Черкесию под именем Надир-Бея прибыл британский агент Найт, он приехал в форме королевского эдинбургского стрелка, собрал горцев, чтобы раздать им оружие, и заодно заставил их дать придуманную Урквартом клятву, при этом было решено собрать по подписке фонд для выдачи наград за доносы на виновных в сношениях с русскими. Еще горцев учили методам партизанской войны, объясняли тактику ведения боевых действий европейскими армиями. Белл писал: «Я верю, что отчасти эти советы содействовали героическим успехам, начавшимся перед моим отъездом. Полагаю, что я не обязан оправдываться в своем вмешательстве в военные дела чужой страны, хотя оно и не входит в сферу деятельности английского купца».

Еще английские разведчики помогали писать горцам послания русским генералам, которые то и дело изумлялись, откуда черкесы вдруг стали настолько хорошо разбираться в европейской политике. Белл не раз подчеркивал в своих дневниках, что в Черкесии он самоотверженно защищал Турцию, Персию и Индию, а сами черкесы «сражаются за наше дело». Черкесы же – отважные, искренние и несколько наивные – думали, что сражаются за свою независимость с помощью хороших друзей, англичан.

Русская разведка и контрразведка пыталась пресечь деятельность англичан, во всяком случае информацию о том, чем англичане занимаются и сколько их на Кавказе, русские военные имели довольно точную.

«1837 г. мая 25

Рапорт Командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории – генерал-лейтенанта Вельяминова 2-го, Командиру Отдельного Кавказского корпуса генерал-адъютанту Розену о подрывной деятельности английских агентов против России среди горцев, № 288.

Лагерь на р. Пшад.

Секретно.

Прибыв 15 числа настоящего месяца в Геленджик, получил я следующее известие.

Около шести недель тому назад два англичанина, взятые на судне, схваченном прошедшую осень в Суджукской бухте, прибыли к черкесским берегам. В то время готовы были к отправлению в Константинополь назначенные от шапсугов и натухайцев натухайский 1-ой степени уздень Кириоко-Цинамюз и с ним двое старшин, чтобы узнать, должны ли черкесы ожидать обещанной им от английского правительства помощи. Английские агенты остановили их и объявили в народе, чтобы не входить ни в какие переговоры с российским правительством до получения дальнейших распоряжений, которые вскоре должны последовать. Собрание шапсуг и натухайцев немедленно сообщило о том абадзехам, приглашая их действовать согласно с ними.

Бывшие между горцами в прошедшем году два англичанина прибыли на Пшад за две недели перед сим на турецком судне, нагруженном свинцом и сталью. С ними должен был приехать и натухаец Наго-Исмаил, но он опоздал к отъезду их оттого, что из Константинополя ездил на пароходе для свидания с Сафер-беем Зоноковым, от которого получил письма и для семейства его,

оставшегося в горах, разные посылки; теперь и Наго-Исмаил пристал уже к черкесским берегам. Прошлогодние английские агенты вручили собранию горцев бумагу от имени своего правительства, которою советует им явиться к начальствующему на Кавказе и объявить, что они совершенно смиряются, чтобы он, с своей стороны, прекратил военные действия, что Россия не имеет на них никакого права как [на] народ, независимость коего всеми признана. Есть ли после того военные действия Российским правительством прекращены не будут, то послали бы о том немедленно уведомление в Константинополь чрез Наго-Исмаила, о котором упомянуто выше.

Четыре английские агента, находясь в горах, распускают между народом слух, что если военные действия прекращены не будут, то немедленно, по получении о том известия в Константинополе, должен отплыть к черкесским берегам соединенный флот некоторых европейских держав, турецкого султана и египетского паши, – всего до трехсот судов с десантным войском и нужными снарядами, что вскоре прибудет Сафер-бей Зоноков в сопровождении прежде посланных от шапсугов депутатов на двух судах, нагруженных единственно свинцом и порохом, и что сами они остаются между ними как залог исполнения всего обещанного.

Эти ложные разглашения вновь произвели всеобщее волнение в народе, который начинал уже тяготиться понесенными от войны бедствиями. Теперь положено в случае продолжения военных действий вооружиться поголовно и действовать единодушно. С предложением о прекращении военных действий положено три раза послать к начальствующему здесь войсками.

Справедливость этого известия отчасти подтвердилась. Вслед за отрядом прибыли в Геленджик посланные от шапсугов и натухайцев. Они объявили мне, что народ решается прекратить военные действия, что король английский взял на себя быть посредником между ними и русским правительством. В полной уверенности, что не поверят мне, я однако же объяснил им по мере возможности, что они обмануты английскими бродягами.

Нет сомнения, что посредничество английского короля, соединенный флот и обещаемый десант с нужными воинскими снарядами, – все это есть наглая ложь со стороны английских агентов. Не менее того закоснелые в невежестве горцы верят

этому и в надежде на обещаемое пособие предпринимают сопротивляться всеми зависящими от них средствами.

Я объявил посланным, что без разрешения вашего высокопревосходительства не могу прекратить приказанных мне действий, и они просили, чтобы уведомить их о получении ответа вашего по этому предмету. Генерал-лейтенант Вельяминов»^[119].

Бороться с английским влиянием русским военным было непросто. Но тем не менее сведения о делах и делишках британских эмиссаров русская военная разведка получала регулярно. На Кавказе у русских были лояльные им князья, старейшины, была и завербованная агентура, кто мог бы за деньги как-то оказывать содействие, формировать горское «общественное мнение». Но вот имен этих людей история не сохранила, в отличие от имен агентов и разведчиков в Средней Азии. Хотя, может быть, конечно, где-то в секретном военном архиве на пыльной полке лежат данные на тех героев, которые порой ценой жизни добывали столь нужные для Петербурга сведения. А они точно были. Ведь были точные аналитические отчеты о происходящем в горах. Например, такие, где содержатся подробные установочные данные на шпионов, их пособников и подготовлены оперативные материалы об их деятельности.

«Рапорт начальника Черноморской береговой линии, генерала Раевского (от 8 апреля 1838 года за № 8) командиру отдельного Кавказского корпуса, генерал-лейтенанту Головину.

В 1836 году, в июне месяце, натухайцы и шапсуги имели близ урочаща Варданэ собрание, целью которого было вступить под покровительство России. Два англичанина внезапно явились посреди сборища, вручили старшинам знамя английского короля и именную грамоту с обещанием покровительства Англии и пажа египетского. Умы взволновались и, вместо покорности, горцы разошлись, положив единогласно умереть за свою независимость. Почетнейшие старшины были готовы к отплытию с англичанами, чтобы испросить помощи вышеупомянутых держав. Англичане эти были – купец Белл с товарищем – деятели возмутительной пропаганды; они, с помощью своего сообщника Сефир-Бей Зонока, пристали к черкесским берегам близ устья речки Макужи.

Сефир-Бей, родом из шапсугских князей, еще в детстве за буйный нрав был продан родителями туркам. Оттуда он бежал в Одессу, где благосклонное начальство приняло его в лицей; потом он поступил в 12-й егерский полк и прибыл с ним в Черноморию. Узнав о

смерти родителей, Сефир-Бей обокрал полкового командира и бежал восвояси, где получил оставшееся ему наследство. Состоя на турецкой службе и уже в чине бим-баши (полковника), он, в 1828 году, был взят в плен в крепости Анапа. На следующий год, выпущенный из плена, он возвратился в Турцию и жил попеременно в Трапезонде и Синопе. Там, войдя в сношение с английскими агентами, Сефир-Бей первый дал им средства вступить в землю горцев. Сам же он отправился в Константинополь, откуда вслед за Беллем выслал в Батум восемьдесят бочек пороху для постепенного доставления горцам на мелких судах.

В то же время новый английский агент, именем Лонгворт, выехал из Трапезонда и, при помощи Сефир-Бея, пристал к джигетскому берегу, что за Гаугою, на север от Абхазии... Лонгворт также предъявил грамоты, кои убеждали горцев не покоряться России и обещали им вспоможение. Джигеты оказали ему большие почести, с восторгом поверили ему и с почетнейшими старшинами проводили его к Геленджик, где Лонгворт соединился с Беллем.

Послы от шапсугов, натухайцев и джигетов прибыли в августе месяце в Константинополь. В это время султан, по требованию нашего правительства, приказал сослать Сефир-Бея в Базарджик, что близ Филипополя. Однако же Сефир-Бей успел с англичанами уверить горцев, что мнимая его ссылка вымышлена для обмана русских и что он весною опять прибудет к черкесским берегам с вспомогательным войском; при этом он умолял их не покоряться России, избрать из всех главных поколений по одному почетному старшине, которым и ожидать его прибытия в Цемесской долине, при Суджукской бухте. Посланные возвратились к концу декабря, а в первых числах января шумное собрание, многочисленнее прежних, уже стекло при реке Атакуши; оно единодушно согласилось на предложение Сефир-Бея и тут же назначило требуемых старшин. Горцы, проведав об угрожающей им весною 1837 года экспедиции генерала Вельяминова, новым собранием положили отправить в Константинополь двух узденей 1-й степени – натухайца Магомета Коас и шапсуга Куриака Цинамес. Им поручено было узнать, можно ли надеяться на обещанное покровительство и умолять об отправлении к горцам вспомогательных войск. При самом же отъезде (в первых числах апреля) английские агенты прибыли на берег губы, что на север от Геленджика. Это был Белл с товарищами. Захваченный в предыдущую осень нашими крейсерами

в Суджукской бухте на ихуне Вихсен и едва освобожденный, Белл вновь приехал из Константинополя. Достоинно замечания, что английский посол уговорил собрание отказаться от всяких переговоров с русскими до получения дальнейших распоряжений. Собрание шапсугов и нутухайцев немедленно сообщило об этом абадзехам и джигетам, приглашая их действовать согласно с ними.

Вскоре Лонгворт с товарищем прибыл в Пшаду на турецком судне, нагруженном свинцом и сталью; вслед за ним явился Наго-Измаил, посланный Сефир-Беем. Белл, Лонгворт и Наго-Измаил вручили горцам бумаги от имени Сефир-Бея и английского правительства. В этих бумагах советовали горцам явиться к русским с обещанием прекратить набеги в наши границы и с требованием, чтобы и русские, с своей стороны, прекратили военные действия и чтобы Россия, не имеющая на них права, признала, по примеру Англии и других держав, независимость горцев. Если же русские, сказали англичане, не прекратят военных действий, сообщите о том в Константинополь через Наго-Измаила, и к вам приплывет союзный флот европейских держав, султана и египетского паши, состоящий из трехсот судов, с десантным войском и нужными снарядами; мы у вас останемся в залоге обещаний. 15 мая генерал Вельяминов прибыл с отрядом в Геленджик. К нему явились посланные от шапсугов и нутухайцев с вышеописанными предложениями и с решительным отказом в покорности, причем объяснили, что король английский взял на себя посредничество между ними и русскими.

Несмотря на старания англичан, горцы не могли иметь на долгое время несколько тысяч войска в постоянном сборе; средства к существованию войска скоро истощились, а способов к подвозу продовольствия не было; по причине безначалия между ними каждый по произволу оставлял сборище.

Белл выписал из Трапезонда на пять тысяч турецких пиастров пороху; судно было захвачено нашими крейсерами, но порох был уже выгружен. Лонгворт на большой турецкой лодке доставил железа, серы и других припасов на тридцать тысяч пиастров.

В начале осени новые агенты, именно капитан Морринг и лейтенант Иддо, прибыли к черкесским берегам на английском купеческом двухмачтовом судне, нагруженном военными припасами. Судно сие миновало Фазы (что почти в тридцати пяти французских милях на западе от Трапезонда по южному берегу Черного моря) и пристало неподалеку от Геленджика, у небольшого

залива Дживка. Судно сие, по словам черкесов, прибыло из Англии. В ноябре они снова приезжали в Синоп. Капитан Морринг и находившийся при нем ренегат поляк Пашинский обещали весною возвратиться на Кавказ и соединиться с Беллем и Лонгвортом. Лейтенант же Иддо отправился в Англию с образчиками серы, свинцовой и другими металлическими рудами, найденными в горах. Добывание этих металлов, говорили англичане горцам, должно служить на гибель русским.

Ныне англичане ласково принимают наших беглых солдат, особенно поляков, стараясь вооружать их против нас, но старания их до сих пор неуспешны. Беглые большей частью обращались в рабов, продавались в Трапезонде; откупщики медных руд покупали их для работ; но с построением новых крепостей и при большей бдительности крейсеров вывоз стал затруднителен; в горах цена на рабов падает, и число беглых, живущих там на свободе, увеличивается. Уже в стычках с горцами доходили до нашей цепи стрелков крики на польском языке: «цельте в черных». Беглые, в черкесской одежде, друг другу сими словами означают попасть в наших офицеров.

Захватить живыми сих англичан, всегда вооруженных и тщательно охраняемых кунаками, почти невозможно. Один этого не сделает, а между несколькими – тайна не сохранится, потому что зачинщики устроятся кровного мщения, которому они неизбежно подвергнутся с семействами. Для тайного убийства достаточно одного человека, но и предложить таковую меру постыдно. Остается одно верное и законное средство.

Подданные союзной державы, кои третий год возмущают против нас народы, что принимают преступных поляков, которые, поощряя к побегу наших солдат, вооружают их против нас, вынуждают, наконец, к мерам решительным, к мерам, признанным всеми европейскими державами. Я говорю о торжественном объявлении их нарушителями общего спокойствия и обнародовании оценки головы их.

Если великодушное правительство желает оказать им последнее снисхождение, то по уведомлении нас о сей мере мы можем дозволить им свободный выезд из гор; в случае же их отказа, я ручаюсь, что виновные головы мне будут представлены.

В конце осени, по возвращении уже действующего отряда, прибыли к разным пристаням горцев еще и другие турецкие суда с военными снарядами и припасами. На одном из них привезены

депеша к английским агентам. По получении же их агенты немедленно начали через натухайских старшин созывать собрание всех закубанских черкесов. Сборным местом была долина Хопс у речки того же имени. Цель собрания была объяснить всем необходимость общего союза против русских. Первый опыт сего союза был безуспешен: верховые шапсуги, войдя в ссору с низовыми шапсугами и натухайцами, разогнали собрание.

Я на днях ожидаю подробные и достоверные известия о последующих действиях англичан в конце зимы. Уже до меня дошли некоторые сведения, заслуживающие внимания»^[120].

В этом отчете многое интересно. Но меня лично особенно поразила одна строчка: **«Для тайного убийства достаточно одного человека, но и предложить таковую меру постыдно»**. Русские офицеры все понимают про врага. Это те офицеры, которые воевали еще с Персией. И знали, кто вооружал и учил персидскую армию. Это те офицеры, чьи товарищи ежедневно гибнут в боях с горцами, наученными англичанами. Это те офицеры, которые понимают, что англичане ведут себя подло, равно как и турки. И они все равно считают постыдным нанять агента из горцев для убийства английских шпионов. Это и есть то самое, что обычно принято называть «честь русского офицера». Он видит подлость, но сам даже думать не готов о том, чтобы опуститься до этого уровня.

Была отдельная агентура и у российского МИД. Получал же посол в Константинополе Бутенев откуда-то весьма точные и подробные сведения. И в одном из писем он упоминает некоего агента, посланного следить за «происками черкесов». Вот что он писал в 1837 году. Попробуйте внимательно и обстоятельно вчитаться и сравните – это похоже на то, что происходило в Стамбуле, скажем, году в 1999-м или 2002-м, в разгар Второй Чеченской войны? И если похоже, то насколько.

«Российская Императорская Миссия в Константинополе неуклонно и самым тщательным образом следила за действиями и жестами черкесских эмиссаров в этой столице с целью парализовать преступные махинации, которые они замышляют совместно с иностранными интриганами.

С этой целью она пользовалась услугами секретного агента, объезжавшего Черкессию в 1836 г. и завязавшего там сношения, которые дают ему возможность получать сведения о происках горских вождей, равно как и о тайных интригах английских и польских авантюристов, которые разжигают ненависть черкесов

по отношению к русским и поощряют их сопротивление законной власти.

Российская миссия неуклонно и последовательно доводила до сведения императорского министерства наиболее важные сообщения, которые поступали к ней по этому вопросу из того секретного источника, который ей удалось обеспечить себе.

Вот в общих чертах те сообщения, которые она имела возможность получить за последний триместр.

Несколько черкесов, в том числе некий Магомет Чауш, признались во время доверительной беседы, состоявшейся в минувшем марте месяце, что английская шхуна с грузом боеприпасов должна была направиться к черкесскому побережью и что на ее борту будут находиться три эмиссара, из которых один должен направиться к кавказским горцам, второй в Грузию, а третий в Крым. Первый из них должен был подтолкнуть горцев на сопротивление и обещать им эффективную помощь. По словам Магомета Чауша, ему было поручено Сефер-беем (вождь горцев, высланный в Адрианополь в результате представлений со стороны императорской миссии) вручить первому из этих эмиссаров, – равно как и капитану шхуны, – рекомендательное письмо и снабдить его проводниками; два других эмиссара должны были заняться подготовкой восстания в Грузии и в Крыму. Тот же Магомет Чауш дал также понять о существовании тайной переписки между некоторыми жителями польского королевства и их соотечественниками, находящимися на Кавказе; эта переписка указывает на враждебные России планы.

Эмиссары С. Белла утверждали, что англичане не прекратили поставок боеприпасов черкесам и что это дает основание последним полагаться на обещания эффективной помощи, которые им продолжают непрерывно давать английские интриганы. Присоединяясь к польским дезертирам, они нагло утверждают, что в течение этого года русскому могуществу будет нанесен сокрушительный удар. Черкесы, ослепленные этими коварными обещаниями, с нетерпением ждут момента, когда Англия открыто встанет на их сторону и объявит войну России, так как они уже сейчас признают, что без этого последнего шанса на спасение они обречены на гибель, будучи, как это имеет место, окруженными со всех сторон вооруженными силами русских, тем более, что активное наблюдение, осуществляемое нашими судами, крейсирующими вдоль побережья, делает день ото дня все более

трудной и ненадежной всякую связь мятежников с иностранными государствами.

Агент, которым миссия пользовалась для наблюдения за поисками черкесов, представил также отчет о своем путешествии на Кавказ в 1836 г. Он перечисляет места, которые он посетил; к сожалению, топографические и статистические замечания слишком поверхностны для того, чтобы докладывать о них»^[121].

Заметьте, русский посол пишет о Крыме как о предмете притязаний англичан. Это за 16 лет до Крымской войны. И за 177 лет до Русской весны в Крыму 2014 года, когда американцы и англичане тоже имели свои виды на Крым. Бутенев, кстати, упоминает в письме о работоторговле, которую вели черкесы. Это и правда был своего рода народный промысел. Не только у них, но тем не менее. Знали это и англичане, считали диким и омерзительным. И у большинства политиков в Лондоне иллюзий по поводу того, как устроена жизнь горцев, не было. Но тем не менее, англичане не слишком обращали внимание на это. Черкесы были нужны как таран против России.

Арминий Вамбери, венгерский востоковед, путешественник, полиглот, блестящий ученый, вероятно ставший одним из прототипов профессора Ван Хельсинга в книге «Дракула» Брэма Стокера, прожил в Стамбуле более 20 лет в середине 19 века. Потом путешествовал по Азии. Что интересно, только в 2005 году англичане рассекретили документы, свидетельствующие о том, что он работал на британскую разведку. Так вот в своей книге о жизни в Османской империи он описывает, как происходила черкесская торговля рабами:

«Из числа появляющихся на рынке невольников и невольниц пятая часть остается для надежных перекупщиков. Зверски выглядывающий черкес, в своей чудовищной, высокой меховой шапке, с усеянной патронами грудью, вечно нося с собой порох и свинец, тихо скользит по передней в изорванной одежде и сафьяновых кавказских сапогах, таща за собой двух измученных голодом и холодом малюток. Они помещаются перед занавесом, за которым находится хозяйка дома вместе с некоторыми знатоками дела, бросающими на товар пытливые взоры. Начинается торг, дети дрожат от стужи и истощения, стуча зубами, они поглядывают то на бессердечного отца (хозяина дома. – Прим. авт.), то на стоящих за перегородкой хозяек дома. Бедняги, они не знают, к кому обратиться им в этот критический момент, к тому ли, кто привел

*их как товар, или к той, кто присвоит их как покупку. Я часто бывал свидетелем подобных сцен, и они всегда глубоко потрясали меня. После продолжительных, ведущихся тихим голосом переговоров, сделка заключается. Жестокий, гнусный черкес, которого в Европе произвели в героя свободы, схватывает блестящее золото. Вот он уже спустился по одной лестнице, как вдруг поспешно вбегает назад и с шумом требует отдать ему платье проданного ребенка, которое, по его словам, не входило в счет товара. Завязываются новые переговоры, наконец ему бросают лохмотья каттуна или изношенного холста, облакавшие его ребенка. Они не стоят самого дрянного недоуздка на европейской лошади, но и эти лохмотья он жадно подбирает и удаляется с ними. Вот образцовый экземпляр народа, для которого в Европе несколько лет тому назад собирали пожертвования *sub titulo*: “мученикам за свободу”. Поистине, грубая ирония!»^[122].*

Про сбор средств борцам за свободу звучит особенно прекрасно. Мы же нечто похожее совсем недавно слышали, не правда ли? Помнится, британские актеры и политики водили по Лондону Ахмета Закаева и показывали его как того самого «борца» против русской агрессии. Несмотря на все усилия англичан на дипломатическом фронте, на их активную русофобскую пропаганду, на деятельность диверсантов (а как их еще назвать?) на Кавказе, уже к весне 1837 года стало ясно, что военная тревога миновала. Британцы не нашли себе союзника для войны с Россией. Турция на эту роль не годилась, французы и австро-венгры дистанцировались от этого конфликта, потому что, судя по дипломатической переписке, не были уверены, что русские не правы в своих действиях. Тут еще усиливались англо-французские противоречия в Северной Африке и Испании. Князь Меттерних, канцлер Габсбургской монархии, заявил, «что право на стороне России и что Англии менее, чем какой-либо другой стране, подобает не признавать права, являющиеся неизбежным следствием блокады, потому что она сама часто на эти права ссылалась»^[123]. Николай I тоже понимал, что англичане «сдулись». Он писал Ивану Паскевичу, после того как посетил учения флота, который оказался не так уж не готов к войне: «Про дело “Виксена” ни слуху, ни духу и, кажется, поставим на своем без драки; но куда у меня все готово. На днях был в Кронштадте, где из всех батарей производилась практическая стрельба; всего в огне было 304 орудия; и прелестнее картины и утешительнее по достигнутой цели видеть нельзя; точный ад, и я оглох; менее чем в

20 минут все щиты, в половину менее длины корабля, были совершенно сбиты»^[124].

В результате англичане долго думали, как выйти из ситуации, сохранив лицо, и в официальном ответе правительства и либеральной партии на запрос консерваторов в британском парламенте сообщалось, что Россия по Константинопольской конвенции 1783 года признала Черкесию частью Османской империи. Этого никто и никогда не оспаривал, а потому, если эта территория была передана под власть Российской империи согласно статье 4 Адрианопольского договора, то это кажется законным.

Тут, правда, правительство поспешило оговориться, что оно отрицает принадлежность Черкесии России, фактически это не так, но юридически да, власть Петербурга распространяется на Анапу, Потю и Суджук-кале, где и схватили шхуну «Виксен». То есть за такими вот хитрыми формулировками спрятали свой политический провал. Хотя финансирование горцев англичане не прекратили. И агенты к ним продолжали ездить, и оружие возили, и во время Крымской войны, и даже после нее, еще в 1857 году, на Кавказе, против русских войск на стороне горцев воевали отряды, составленные из польских эмигрантов. Надо объяснять, кто их собрал, как, на чьи деньги их вооружали и готовили? И снова спрошу – никому не напоминает, как украинские националисты воевали в Чечне в 1990-е?

И конечно, война в Черкесии была долгой и жестокой. Причем с обеих сторон. И тысячи черкесов после поражения были вынуждены бежать, покинуть родину и осесть в Османской империи – на территории нынешней Турции, Иордании, Сирии. Но вот когда ответственность за те события пытаются возложить исключительно на Россию, это, конечно, чистое вранье. Без вмешательства англичан русские куда быстрее договорились бы с черкесами, и на самом деле, к этому все и шло. Но англичанам нужен был щит против мнимой русской агрессии против Индии. Им стали смелые, но наивные горцы. Это писала совершенно определенно газета «Эдинбург Ревю»: *«Когда черкесы будут побеждены, Кавказ будет открыт и Персия окажется предоставленной милости Санкт-Петербурга... В результате мы увидим, как границы России одним махом придвинутся на 1200 миль к нашим индийским границам»*^[125]. Это им английские газеты предлагали не только поставить пушки, но и послать артиллеристов, чтобы храбрые черкесы наконец смогли победить русских «негодяев».

Ну и тогда в 1837 году Уркварт был отозван из Турции. Провокация провалилась, а его покровитель, король Вильгельм IV, в том же 1837 году умер. Но Уркварт не успокоился. Потому что он понял причину своего провала. Дело было в русских шпионах, купленных Петербургом англичанах. И первым в работе на русских он заподозрил лорда Генри Джона Темпла Пальмерстона, главу Форин-офиса, британского МИД, и еще одного автора неудачной провокации с «Виксеном». Нашлись даже русофобы среди политиков и членов парламента, которые согласились, что да, подозрительный этот наш глава внешнеполитического ведомства. Пальмерстон предатель, если говорить проще. К отставке это, конечно, не привело, более того, лорд потом стал еще и премьер-министром.

А вот дальнейшая жизнь Уркварта складывалась интересно. Он стал членом парламента, заметной политической фигурой, он создавал комитеты по всей стране, чтобы влиять на внешнюю политику Англии, он пропагандировал турецкие бани, например, в Лондоне на Джермин-стрит их построили под его руководством. А еще он искал и, что важнее, все время находил русских шпионов. Он считал таковыми не только Пальмерстона, но и французского политика Франсуа Гизо, Лайоша Кошута – венгерского политика и журналиста, который стал премьер-министром в период Венгерской революции 1848–1849 годов. Еще как-то подозрительно себя вел Джузеппе Маццини, писатель, философ, один из ярких представителей итальянского движения за национальное освобождение. Еще явным русским шпионом был русский анархист Михаил Бакунин. В общем, Уркварт вел себя как нынешний американский сенатор Маккейн. И даже не жаловавший русскую власть Александр Герцен, слегка русофоб и человек, который многое сделал для разрушения своей родины, был шокирован Урквартом. В книге «Былое и думы» он писал:

«В Англии, в этом стародавнем отечестве поврежденных – одно из самых оригинальных мест между ними занимает Давид Уркуард, человек с талантом и энергией. Эксцентрический радикал из консерватизма, он помещался на двух идеях: во-первых, что Турция превосходная страна, имеющая большую будущность – в силу чего он завел себе турецкую кухню, турецкую баню, турецкие диваны... во-вторых – что русская дипломатия, самая хитрая и ловкая во всей Европе, подкупает и надувает всех государственных людей, во всех государствах мира сего и преимущественно в Англии. Уркуард работал годы, чтоб отыскать доказательства того, что

Палмерстон – на откупу петербургского кабинета. Он об этом печатал статьи и брошюры, делал предложения в парламенте, проповедовал на митингах. Сначала на него сердились, отвечали ему, бранили его, потом привыкли, обвиняемые и слушавшие стали улыбаться, не обращали внимания... наконец разразились общим хохотом.

*На одном митинге – в одном из больших центров Уркуард до того увлекся своей *idée fixe*, что, представляя Кошута человеком неверным, он прибавил, что если Кошут и не подкуплен Россией – то находится под влиянием человека, явным образом работающего в пользу России... и этот человек – Маццини!*

Уркуард, как дантовская Франческа, не продолжал больше своего чтения в этот день. При имени Маццини поднялся такой гомерический смех, что сам Давид заметил, что итальянского Голиафа он не сбил своей пращой, а себе свихнул руку».

А Большая Игра в том же 1837 году с новой силой начала раскручиваться в Средней Азии, где в битве за Кабул сошлись два великих разведчика и дипломата. Александр Бернс и Ян Виткевич.

Глава 8

Они были почти ровесники. Александр Бернс родился в 1805 году, Виткевич – в 1808-м. Их судьбы очень разные, но при этом одновременно очень похожие. Мальчишками они попали на военную службу, Бернс в 16 лет добровольно отправился делать карьеру в армию Ост-Индской компании. Виткевич в 15 лет был приговорен судом к сдаче в солдаты «без выслуги лет». Бернс пережил Виткевича всего на два года, оба трагически погибли – один при таинственных обстоятельствах, у другого никогда не было могилы, тело было растерзано, и останков не нашли. Они были конкурентами, но испытывали друг к другу искреннее уважение. Хотя и сражались на поле шпионской битвы насмерть.

Александр Бернс был одним из подопечных лорда Элленборо и генерала Джона Малкольма. За несколько лет службы в Индии он выучил языки – фарси и хинди, стал переводчиком, в 1826 году его перевели в город Кач на должность помощника британского политического агента. Он стал интересоваться историей и географией Южной Азии, и самой Западной Индии в частности. И в 1831 году его назначили – он уже стал лейтенантом – главой экспедиции, которая должна была исследовать реку Инд. Границы британского влияния в Индии постоянно расширялись, государство сикхов должно было стать новым приобретением короны. Но для того чтобы сделать это, надо было понять – смогут ли по Инду проплыть баржи с десантом. И тогда в январе 1831 года Бернс в сопровождении топографа и небольшого эскорта направился вверх по течению реки, в Лахор, официально для того, чтобы доставить карету и пять лошадей в качестве подарка от англичан для Ранджит Сингха. Сами лошади якобы могли и не дойти. А так, под видом провоза подарка, удавалось промерять глубину реки, изучать фарватер.

Александр Бернс

Пенджабцы, разумеется, поняли реальную цель экспедиции. И конечно, всем было понятно, что не так вот просто экипаж баржи проводит постоянные замеры. Впрочем, в Лахоре Бернса встретили доброжелательно. Многих изумили привезенные в подарок лошади – это были британские тяжеловесы, с массивными ногами, их

огромные подковы весили больше, чем четыре подковы местных лошадей. Не меньшее восхищение придворных вызвала обитая синим бархатом карета.

А Ранджит Сингх не желал прямой ссоры с англичанами. Дружить слишком тесно тоже не намеревался. И Ост-Индской компании приходилось с ним считаться, потому что его хорошо обученная на европейский манер и так же хорошо экипированная армия могла бы без труда в случае прямого столкновения справиться с армией британцев, во всяком случае они сами считали именно так. И Сингха было легче держать в союзниках, его можно было бы использовать против Афганистана. Но он не сильно торопился использоваться в этом качестве.

Но что было очевидно и Лондону, и Калькутте, так это тот факт, что Ранджит Сингх старел, болел, наследников у него хватало, но вот такого, кто мог бы взять власть в свои руки и править так же твердо, как и Ранджит, кажется, не было. И главной задачей Бернса было понять, каково реальное состояние здоровья правителя, каковы политические настроения в стране и трудно ли будет ее захватить, когда старик уйдет.

Бернс передал Ранджиту Сингху письмо от лорда Элленборо. Запечатанное в конверт из золотой ткани с британским королевским гербом, оно содержало личное послание правителю сикхов от Вильяма IV. *«Король, лично приказал мне выразить Вашему Величеству искреннее удовлетворение, с которым Его Величество воспринимает глубокое взаимопонимание между британским правительством и Вашим Величеством, которое существует уже столько лет и, даст Бог, продлится навсегда»*. Ранджит Сингх был польщен, он приказал дать салют в честь гостей, он показал Бернсу свои войска – те парадным строем прошли перед гостем, – и группа из сорока кашмирских танцовщиц станцевала специально для Бернса. Разведчик писал: *«Знания и умение примирять были двумя главными орудиями его дипломатии. Вполне вероятно, что деятельность этого вождя близится к концу. Его грудь была узкой, спина – согнутой, ноги – иссохшими»*. Ранджит Сингх прожил еще восемь лет, не допуская англичан к себе слишком близко, но и не ссорясь с ними. После его смерти, как и ожидалось, началась борьба сыновей за престол, после убийства старших братьев на престол возвели малолетнего Далипа Сингха, его мать стала главой регентского совета.

В 1845 году началась первая англо-сикхская война, после поражения в которой сикхское государство вынуждено было признать английский протекторат. А в 1848 году, после антибританского восстания, которое Компания подавила без труда, было объявлено об аннексии Пенджаба. 29 марта 1849 года 11-летний Далип Сингх отрекся от престола в пользу Ост-Индской компании и передал англичанам знаменитый алмаз Кохинур. Его судьба сложилась трагически: он умер в изгнании, так и не смирившись с потерей Пенджаба.

В августе 1831 года, когда Бернс возвращался на британскую территорию, он впервые встретился с афганским правителем в изгнании шахом Шуджахом. Он не произвел на разведчика впечатления – тусклая, безвольная личность. Ни силы духа, ни политической проницательности, чтобы объединить такую бушующую и суровую нацию, как афганцы.

Неделю спустя Бернс доложил генерал-губернатору Индии лорду Вильяму Бентинку, что Инд судоходен для плоскодонных судов, как торговых, так и военных, что доплыть можно до Лахора. На основе доклада был разработан план судоходства по этой реке, чтобы английские товары могли реально конкурировать с русскими по всей Центральной Азии. То есть планировалось через Лахор начать возить английские изделия в Бухару и Хиву. Ранджит Сингх против этого не возражает, доложил Бернс, потому что он намерен получать доходы от транзитной торговли. Разведчика похвалили, наградили, ему было 26 лет, и он уже стал считаться мастером интриги и признанным специалистом по восточной дипломатии.

И он уже сам предложил начальству, в частности генерал-губернатору, идею новой экспедиции. Пройти и изучить северные пути в Индию. Бернс намеревался сначала отправиться в Кабул, он хотел лично познакомиться с афганским правителем Дост Мухаммедом, а заодно посмотреть, как водится у разведчиков, насколько уязвима столица Афганистана для войск противника. Оттуда через Гиндукуш, переправившись через Амударью, он хотел попасть в Бухару. А вернуться в Индию он собирался через Каспийское море и Персию. В декабре 1831 года ему сообщили, что топ-менеджмент Компании и военные чины его идею неожиданно быстро одобрили, Бернс был удивлен, что его авантюрный в общем-то проект приняли так легко. Но дело было в том, что лондонский кабинет министров сильно переживал из-за растущего влияния Российской империи в Азии и на Кавказе. Бернс писал сестре:

«Правительство Англии напугано намерениями России и хотело бы отправить какого-нибудь умного офицера для сбора информации в странах, граничащих с Оксусом и Каспийским морем... и я, ничего об этом не зная, выступил и добровольно предложил именно то, чего они хотели»^[126].

Он быстро нашел себе подходящих спутников: один врач Бенгальской армии Джеймс Джерард, он до этого немало путешествовал по Гималаям, так что в реальности он был не только медиком, но и разведчиком. Другой был блестяще образованным жителем Кашмира, звали его Мохан Лал. Полиглот, знаток восточного этикета, он должен был вести записи экспедиции. Был еще один индеец по имени Мохаммед Али, он давно работал топографом в Компании и уже сопровождал Бернса в поездке по Инду.

7 марта 1832 года экспедиция официально началась, когда путешественники пересекли Инд и вошли на земли, контролируемые афганцами. Разведчики переоделись – надели афганские халаты, пакули и тюрбаны, они обрили головы и повесили на пояса сабли. Путешественники не пытались скрыть, что они европейцы. По легенде, они возвращались домой в Англию сухопутным путем. Из книги Бернса: *«Я одобрил это решение, так как замаскироваться под местных жителей нечего было и рассчитывать, а также из-за того, что еще ни одному европейцу, когда-либо путешествовавшему в этих краях, не удавалось избежать подозрений и редко кто сумел остаться неразоблаченным»*^[127].

Через Джалалабад они направились на запад в сторону Кабула по главному караванному пути. Вряд ли Бернс мог предположить, что 11 лет спустя на каждом километре этого пути будут лежать трупы английских солдат и офицеров в красных мундирах. А тогда местные жители относились к англичанам вполне доброжелательно. Иногда, правда, спрашивали об их вероисповедании. *«Когда меня спрашивали, ел ли я свинину, я, конечно, содрогался и отвечал, что на такое способны только мерзкие подонки. Да простит меня Бог! Дело в том, что я очень люблю бекон и у меня буквально текут слюнки, когда я пишу это слово».*

В полночь 30 апреля они через Хурд-Кабульское ущелье вышли на последний перевал, а на следующий день добрались до афганской столицы, с которой все последующие годы судьба Александра Бернса будет неразрывно связана, этот город подарит ему

окончательное признание в Компании, деньги, власть, и он же станет его могилой.

В ту весну 1832 года англичанин просто влюбился в Кабул. У этого города ведь даже сейчас, после стольких лет бесконечных войн, есть свое очарование, свое обаяние, порой отрицательное, но все же. Город, пропитанный историей, где в бывших английских крепостях стоят отряды афганской армии, где в центре города до сих пор сохранилось старое английское кладбище или где посредине улицы может стоять небольшой мавзолей – могила моджахеда, погибшего во второй англо-афганской войне, где на рынке, как и сто, и двести лет назад, вручную разбирают хлопок и ткут на старых деревянных ручных станках, где на центральной улице запросто можно увидеть, как черные внедорожники «Тойота» местных наркобаронов с трудом лавируют между баранами, стадо которых гонят на рынок, где каждый более-менее образованный человек может показать место, на котором повесили английских послов, и где возле крепости Бала Хиссар – резиденции шахов и эмиров – как и двести лет назад, продают лошадей и овец. Бернса же город поразил в первую очередь садами: *«Там были персики, сливы, абрикосы, груши, яблоки, айва, вишни, грецкие орехи, тутовые ягоды, гранаты и виноград, и все это росло в одном саду. Там были также соловьи, черные дрозды, голуби... и почти на каждом дереве сидели болтливые сороки».*

Английский разведчик сразу смог установить хорошие отношения с Дост Мухаммедом. Он так и объяснил афганскому эмиру – мол, еду домой, по дороге вот смотрю красоты Азии. Он привез важные рекомендательные письма к афганскому властителю, и его повели в Бала Хиссар, крепость, которая по сей день стоит на высоком холме, доминируя над окрестностями. Насколько Дост Мухаммед поверил Бернсу, это большой вопрос. Скорее всего он сразу понял, что этот молодой парень не просто путешественник, а человек с полномочиями. И вообще, не много есть на свете дураков, которые в Англию едут через Кабул, Персию и Бухару. Во всяком случае, сам владыка Афганистана таких вряд ли встречал.

Дост Мухаммед был человеком уникальным – писать и читать он не умел, но отлично интриговал, обошел братьев в борьбе за престол, обладал исключительной интуицией и за шесть лет правления смог добиться в стране многого. Бернс писал: *«Репутация Дост Мохаммеда становилась известной любому путешественнику задолго до того, как он попадал на территорию страны, и никто не*

мог лучше оценить исключительный характер человека, с которым он сталкивался. Справедливость этого вождя являлась постоянной темой гордости всех слоев общества. Крестьяне радуются отсутствию тирании, горожане – безопасности своих жилищ и строгому соблюдению городских правил, купцы – справедливости его решений и защите их собственности. Властитель, не может получить более высокой похвалы, чем эта»^[128].

Впрочем, позже Бернс заметит, что Дост насколько «благоразумен и мудр в кабинете и способен командовать на поле боя, настолько же талантлив в искусстве предательства, жестокости, убийства и обмана». Они много и часто общались. Дост Мухаммед спрашивал обо всем. Сколько стран в Европе, как они выстраивают отношения, какие в Англии законы, как собирают налоги, как призывают в армию. Он даже предложил Бернсу, который пояснил, что он вообще-то является офицером Компании, возглавить афганские войска. Англичанин отказался. Еще афганский владыка поинтересовался, не понадобится ли англичанам его помощь, чтобы свергнуть Ранджит Сингха. Если вдруг надо, то афганцы готовы. В том, что они вполне способны при случае и ограбить, и разгромить, никто не сомневался. За 75 лет до этого многотысячное афганское войско перешло Хайберский перевал, налетело на Дели, афганцы ограбили все, что можно, и утащили все сокровища, которые нашли. Для англичан, конечно же, было не выгодно, чтобы Афганистан воевал против Пенджаба, или наоборот. Самое лучшее, чего могли желать в Лондоне и Калькутте, – это держать оба государства под относительным контролем и использовать оба в качестве буфера против возможного русского вторжения, о котором русские и не помышляли.

После нескольких недель в Кабуле экспедиция отправилась на север, в Бухару. Разведчики, конечно, не могли не думать о том, что идут путем Муркрофта, погибшего за семь лет до этого. Когда они добрались до города Балха, то решили непременно найти могилы соотечественников. Первой обнаружилась могила Джорджа Требека, на нее указали местные жители, потом, также с их помощью, они смогли найти безымянные могилы Муркрофта и Гутри, похороненных возле городской стены. На их могилах не было ни памятных знаков, ни даже камня с указанием, что здесь кто-то похоронен. Из книги Бернса: *«Невозможно было видеть эту мрачную ночную сцену без меланхолических размышлений. Все участники экспедиции, похороненные в двенадцати милях друг от*

друга, были небольшим утешением для нас, следовавших той же дорогой и почти по тем же мотивам»^[129].

Дальше был путь в Бухару. Чтобы преодолеть его, путники присоединились к большому, хорошо вооруженному каравану. Эти земли формально принадлежали бухарскому эмирату, но фактически на них хозяйничали туркменские бандиты-работоторговцы. Когда они приблизились к Бухаре, Бернс отправил от себя письмо кушбеги – первому министру. Он писал, что хочет увидеть легендарные неземные красоты священного города. Письмо было наполнено таким количеством льстивых эпитетов, что кушбеги, названный в письме «столпом ислама», разрешил войти в город. 27 июня 1832 года, через полгода после отъезда из Дели, англичане миновали главные городские ворота. В тот же самый день Бернс посетил дворец эмира, где встретился с кушбеги. Описание встречи стоит того, чтобы привести его почти полностью.

«...Я отправился во дворец один и терялся от изумления при открывшейся предо мною картине, в то время как меня вели по улицам Бухары до цитадели, отстоявшей мили на две от нашей квартиры. Меня тотчас же допустили к министру, или к так называемому кушбеги, т. е. господину всех беков, пожилому человеку, пользующемуся здесь большим влиянием. Он сидел в небольшой комнате, перед которой был двор, и, когда я вошел, попросил меня сесть вне комнаты, на мостовой, и своим ласковым и внимательным обращением совершенно ободрил меня. Жесткое седалище и расстояние, на котором я находился от министра, нисколько меня не огорчали, тем более, что сын его, пришедший во время моего представления, сел еще дальше меня. Я поднес визирю серебряные часы и кашмирскую одежду, которые и привез с этим намерением; но он отказался от того и другого, говоря, что он раб своего государя. Около двух часов он расспрашивал меня о моих собственных делах и о цели, которая привела меня в столь отдаленную страну. Я рассказал ему затверженную повесть о нашем путешествии по направлению к родине и представил паспорт от генерал-губернатора Индии. Министр прочитал его с особенным вниманием. За этим я прибавил, что так как Бухара пользуется громкою славой между всеми восточными городами, то я почти нарочно приехал в Туркестан, чтобы посмотреть ее. «Чем же ты занимаешься?» – спросил министр. Я отвечал, что служу офицером в индийской армии. «Ну так расскажи мне, – сказал он, – что-нибудь такое, что ты знаешь и что видал». Далее он сделал

несколько замечаний об обычаях и политике Европы и в особенности России, с которой был хорошо знаком. В ответ на вопросы о нашем багаже я счел нелишним предупредить его о том, что имел при себе октант, и, опасаясь, что нас станут обыскивать, поспешил сказать ему, что возил этот инструмент потому только, что люблю наблюдать звезды и другие небесные тела, представляющие самые привлекательные предметы для изучения. Это объяснение возбудило внимание визиря: он начал торопливо и убедительно просить меня объяснить ему благоприятнейшие сочетания звезд и предсказать цену на зерновой хлеб в будущем году. Я объяснил, что наша астрономия никаких подобных сведений нам не сообщала, и это, по-видимому, очень огорчило его. Вообще он был весьма доволен всем, что я говорил ему о себе, и уверил меня в своем покровительстве, однако же сказал, что на время нашего пребывания в Бухаре он вынужден запретить нам всякое употребление пера и чернил, ибо это могло ввести его государя в недоразумение и, следовательно, повредить нам самим. Потом он говорил, что дорога к Каспийскому морю через Хиву была с прошлого года закрыта и что если мы намерены ехать в Россию, то должны избрать путь или идущий на север от Бухары, или пролегающий через туркманскую степь, ниже Ургенча, к Астрабаду на Каспийском море. Через два дня после этого представления я был снова позван к визирю и нашел его в кругу многих почтенных особ, которым он, по-видимому, хотел показать меня. Тут мне начали задавать такие вопросы, из которых я невольно заключил, что нас подозревают; а визирь даже в шутку сказал мне: «Я полагаю, что ты писал о Бухаре». Я смело отвечал присутствовавшим, что, желая посмотреть свет, я приехал подивиться чудесам Бухары и что, по милости визиря, уже успел осмотреть город и сады, которые находятся за его стенами. Министр был доволен моей откровенностью и объявил мне, что по вечерам он всегда будет рад меня видеть в своем доме.

После этой встречи Александр Бернс смог спокойно ходить по Бухаре и знакомиться с повседневной жизнью города.

«Обыкновенным местом моих вечерних прогулок в Бухаре был Регистан: этим именем названа просторная площадь в городе перед дворцом, стоящим с одной ее стороны. По двум другим сторонам расположены массивные здания – коллегии ученых; а на четвертой бьет фонтан, осененный высокими деревьями. Здесь, вокруг товаров Европы и Азии, разложенных для продажи, собираются праздные

люди и охотники до новостей. Чтобы ознакомиться с жителями Бухары, иностранцу стоит только сесть на одну из скамеек Регистана: там он найдет уроженцев Персии, Турции, России, Татарии, Китая, Индии и Кабула, встретит туркманов, калмыков и кайсаков из соседних степей, также и уроженцев земель более плодородных и увидит всю разницу между утонченными обычаями подданных великого государя и между грубыми нравами кочующих татар. Там представятся ему узбеки из всех областей Мавераннахра, и по их лицам он составит себе понятие о переменах, производимых временем и местом в племенах народов. Жители стран, прилежащих к Коканду, претерпели меньшее изменение; а уроженцы Ургенча, древнего Хорезма удерживают в своих чертах суровость, им одним свойственную: их всегда можно узнать по черным овчинным шапкам около фута высотой. По временам красная борода, серые глаза, белая кожа обратят на себя взоры путешественника, или внимание его привлечет бедный русский, утративший свободу и родину и влачащий здесь бедственную жизнь невольника. Иногда вы заметите в таком же положении китайца, в чалме и с обстриженною косою: он, как и другие пленники, разыгрывает роль мусульманина. Затем следует индус в одежде, столько же не свойственной ему самому, сколько и его отчизне: небольшая четырехугольная шапка и снурок вместо пояса отличают его от магометан и, как объяснит вам каждый мусульманин, предостерегают правоверных от осквернения их обычного приветствия обращением его к идолопоклоннику. Кроме этого, отличить уроженца Индии можно по его уклончивому взору – он старательно избегает всякого сообщения с толпою, сближается только с немногими, находящимися в одинаковых с ним обстоятельствах. Евреи отличаются так же резко, как и индусы. В Бухаре это племя замечательно необыкновенною красотой, и мне не раз случалось встречать в своих прогулках прекрасную Ревекку с густыми локонами, спускавшимися на плечи и придававшими лицу ее еще больше прелести. В Бухаре насчитывается до четырех тысяч евреев, вышедших из Мешхеда в Персии и большею частью занимающихся окрашиванием тканей».

Бернс описывает в книге и рынок работорговли, и встреченных им русских рабов, описывает он и обычные рынки, заполненные тканями и специями, и бытовые особенности Бухары – скажем, страсть местных жителей к чаепитию. В течение месяца, который

Бернс прожил в городе, он встречался с кушбеги несколько раз. Разговаривали они о торговле, о политике. И о религии.

«Он начал разговор о неземных предметах: желал узнать, веруем ли мы в Бога, и стал расспрашивать о наших религиозных понятиях. Я отвечал ему, что мы веруем в единого Бога, вездесущего и ниспосылающего на землю пророков; говорил ему, что наступит день Страшного суда, что есть небо и ад. Выслушав это, он коснулся наших понятий о Сыне Божьем и о пророческом значении Магомета и, хотя не одобрил христианских мнений об этих предметах, однако же нисколько не обиделся моими ответами. «Поклоняетесь ли вы идолам?» – продолжил визирь. Я отвечал отрицательно, что, по-видимому, удивило его, ибо он значительно взглянул на некоторых из присутствовавших. Тут один из них сказал ему, что в речах наших нет правды и что у нас на шее всегда можно найти доказательство этому. Я тотчас же открыл грудь и удостоверил все общество в противном, а визирь с улыбкой заметил: «Нет, это не дурной народ». В это время слуги готовили послеобеденный чай; визирь взял чашку и сказал нам: «Вы будете пить с нами чай, ибо вы люди книги и, кажется, имеете довольно правильные понятия об истине!» Мы поклонились за такое предпочтение, и с этих пор нас угощали чаем каждый раз, когда мы посещали министра. Хитрый экзаменатор спросил меня, едим ли мы свинину. На это нужно было дать ответ положительный и основательный; я сказал – едим, но у нас употребляет ее в пищу преимущественно бедный класс людей. «А какой вкус имеет она?» – продолжал он. Я понял, что это был уже допрос, и отвечал: «Я слышал, что вкусом она походит на говядину». Тут он спросил, отведал ли я лошадиное мясо с тех пор, как приехал в Бухару? Я сказал, что отведал и нашел его довольно вкусным и питательным»^[130].

В книге Александра Бернса упоминаний об этом, конечно же, нет, но по всей видимости, одной из его задач было восстановить или же проверить агентурную сеть Ост-Индской компании (читай: английскую агентурную сеть) в Бухаре. Во всяком случае, из других источников следует, что какую-то часть подобной работы Бернс выполнил. Когда он поделился с кушбеги мыслями о поездке в Хиву, тот предостерег его от подобной авантюры – в регионе было слишком опасно. В итоге было решено ехать в безопасную Персию, а оттуда 18 января 1833 года английские разведчики вернулись в Бомбей, отплыв из Персидского залива. Еще через три месяца

русские войска под командованием Николая Муравьева высадились возле Константинополя, спасая султана от восставшего египетского правителя Мухаммеда Али.

И вот тут у многих лондонских и калькуттских политиков, что называется, «пазл сложился». Оказывается, те, кто указывал на опасность русского вторжения в Индию, были не паникерами, а провидцами. Вот ведь оно, по сути, уже начинается. Как дальше британцы принялись финансировать горцев, рассказывалось в предыдущей главе. Так что Бернс вернулся крайне вовремя. Он представил доклад генерал-губернатору лорду Вильяму Бентинку, и ему приказали сейчас же плыть в Лондон, где он должен был доложить подробности поездки кабинету министров, контрольному совету и другим высшим официальным лицам, рассказать им о ситуации в Средней Азии и поделиться своими мыслями о вероятности русской угрозы для Индии. Ему оказали совершенно невероятный прием. 27-летний офицер удостоился частной аудиенции у короля, который хотел услышать рассказ Бернса лично. Александр Бернс стал героем. Ему присвоили чин капитана, наградили Золотой медалью Королевского Географического общества, хозяйки светских салонов зазывали юного героя на рауты, а он – поджарый, покрытый колониальным загаром, с франтоватыми усами, и не отказывался – потому что любил женское общество и не скрывал этого.

Крупнейший английский издатель Джон Мюррей купил записки Бернса, и книга о путешествии в Бухару и Кабул в трех томах сразу стала бестселлером: в первый же день было продано 900 экземпляров. Рекорд для того времени. Но книга книгой, а главным результатом путешествия были секретные доклады. Один военный, другой политический, третий по топографии, четвертый по экономической ситуации в регионе. Бернс, изучив ситуацию, пришел к выводу, что, если русские возьмут под контроль Кабул, это будет еще опаснее, чем если они начнут контролировать Герат. Афганцы, которые отлично воевали в гражданской войне, противостоять армии европейского образца не смогут. Как только захватчик овладеет Кабулом, путь на Индию будет открыт. Еще Бернс сделал вывод, что русским будет удобнее всего выступать из Оренбурга, и таким образом они смогут просто обойти Хиву и Бухару, а дальше, переправившись через Амударью, они пойдут на Кабул. И разведчик делал вывод: в афганской столице нужна постоянная английская миссия. Она сможет контролировать торговлю и афганские элиты, и

хотя сначала эту идею отвергли, то потом вновь назначенный генерал-губернатор Индии Джордж Иден, первый граф Окленд, отправил-таки Бернса в Кабул, в ноябре 1836 года.

Поездки британского разведчика по Азии, его пребывание в Бухаре и Кабуле не остались незамеченными в Санкт-Петербурге и в Оренбурге. Раздражала не только политическая активность англичан, но и экономическая, явно направленная на подрыв влияния России в азиатском регионе. О том же, кто такой Бернс и что он делал в Азии, докладывал в Петербург Иван Виткевич. Русский разведчик, ссыльный и лишенный прав дворянин.

Считается, что по национальности он был поляком. Хотя скорее, судя по фамилии, он происходил из русской шляхты Великого Княжества Литовского – русских дворян, которые в объединенном польско-литовском государстве приняли католицизм и постепенно отказались от русского языка в быту. Дело в том, что в Российской империи в начале 19 века всех жителей Западного Края, то есть нынешней Белоруссии и Восточной Украины (в то время она называлась Малороссией), было принято называть поляками. Поляками считали даже этнических русских, коих там было большинство.

Иван (или иначе Ян) Виткевич родился в 1808 году под Вильно, учился в гимназии в местечке Крожи. Ему было 15 лет, когда власти раскрыли среди старших гимназистов «тайную организацию антиправительственного направления». У «злоумышленников», а в их числе оказался и Виткевич, были обнаружены стихи «возмутительного содержания». То, как и почему возникали подобные организации среди русских и польских гимназистов, подробно разобрано в книге «Подлинная история русского и украинского народа». Попечитель Виленского учебного округа, видимо испугавшись, что его тоже в чем-то заподозрят, настоял на строжайшем наказании «крамольников», и они предстали не перед гражданским, а перед военным судом. Двое гимназистов были приговорены к пожизненному тюремному заключению, остальные «за принадлежность к тайному обществу под названием Черных братьев, составившемуся между учениками Крожской гимназии, и за участие в раздаче возмутительных писем и стихотворений» – к отдаче в солдаты. Судьбой Виткевича распорядился лично царский наместник в Польше Великий князь Константин Павлович, наложив на его деле собственноручную резолюцию: *«В солдаты. Без выслуги. С лишением дворянства. Навечно. Konst.»*.

Ивану Виткевичу было 16 лет, когда в марте 1824 года он поступил в Орскую крепость Оренбургского края обычным рядовым 5-го линейного батальона Отдельного оренбургского корпуса. Мальчишки на войне – для 19 века дело обычное, вспомним Конолли или Муравьева. Одно отличие – они попадали в войска на младшие офицерские должности. Дворянин Виткевич стал солдатом. Как проходила служба Ивана Виткевича, точно неизвестно. Но можно предположить, что все же он пользовался особыми правами. Родные посылали ему деньги, да и командир батальона, вероятно, относился к нему неплохо, не как к обычному солдату. Иначе как объяснить, что у Виткевича находилось свободное время, чтобы заниматься самообразованием. В частности, он сумел выучить восточные языки – персидский и тюркский, точнее, его местные диалекты. А вообще он свободно говорил на немецком, английском, французском, польском и, конечно, русском.

Ян Виткевич

Его судьба резко изменилась в 1829 году. Тогда в Орск приехал выдающийся немецкий географ Александр Гумбольдт, который познакомился с Виткевичем. Точнее, молодого парня отправили к немецкому ученому, который совершал научную поездку, в качестве переводчика и сопровождающего. Тот был поражен умом и кругозором дворянина, а также его печальной судьбой. Говорят, что ученый несказанно удивился, увидев в квартире Виткевича хорошую библиотеку по ориенталистике, которую тот собирал на деньги, присылаемые ему родственниками. Особенно путешественника поразило присутствие в ней его собственных сочинений на немецком

языке. Гумбольдт обратился к властям в Петербурге и Оренбурге с ходатайством об облегчении участи молодого парня. Военный губернатор Павел Петрович Сухтелен и председатель ОПК Григорий Федорович Генс – надо отдать им должное – были уникальными администраторами, большими профессионалами, государственниками и точно не были тупыми исполнительными чинушами. Они прислушались к просьбе Гумбольдта, и очень быстро, в 1830 году, Виткевич был произведен в унтер-офицеры, его тут же прикомандировали к Оренбургской пограничной комиссии для выполнения заданий по управлению киргизскими делами.

С тех пор он постоянно разъезжал по степи, выясняя причины возникновения различных межродовых конфликтов, помогая их разрешению, и нередко подвергался серьезной опасности. Заодно он собирал развединформацию, важные сведения о состоянии дел в степи, о политической ситуации в азиатских государствах. Я могу, конечно, ошибаться, но у меня есть полное ощущение того, что работа Виткевича с Гумбольдтом была не случайной и что Сухтелен и Генс давно заметили его, оценили и поняли, как молодой и перспективный юноша может пригодиться стране. Генералы, конечно, не желали, чтобы он прозябал простым солдатом. Но будучи хитрыми аппаратчиками, они выстроили ситуацию так, что к руководству обратились не они лично, а иностранный ученый. Они лишь подтвердили – да, есть такой, да, талантлив, да, можно использовать на другой работе. Вот даже иностранный ученый и тот заметил. Как свидетельствуют архивные документы, Генс и Сухтелен ни разу не пожалели о том, что взяли Виткевича в ОПК. Он был смел, находчив, оказался умелым дипломатом. В 1832 году его произвели в портупей-прапорщики, позднее в поручики. Получение офицерского чина означало, что ссыльный Иван Виткевич восстанавливается в дворянских правах. Все же Российская империя умела ценить таланты и иногда – к сожалению, реже, чем хотелось бы, – прощать тех, кто оступился.

В 1833 году, после неожиданной смерти Павла Сухтелена, на пост военного губернатора был назначен Василий Перовский, храбрый вояка, талантливый управленец, который, как уже говорилось ранее, сумел перестроить работу русской разведки в южном пограничье. Перовский на Виткевича обратил внимание сразу. Он полагал, что именно этот парень сможет выполнить столь важные для страны задачи по развитию отношений с Бухарским ханством, тем более что там развернули деятельность англичане.

Александр Бернс как раз только что посетил ханство. И когда Перовский собирался отправить надежного человека в Бухару, то он имел в виду в своем письме не только и не столько Петра Демезона, сколько именно Ивана Виткевича. Однако в Петербурге предложение Перовского отклонили. Отправили Демезона. А Виткевич побывал в Бухаре через два года. В октябре 1835 года его отправили на всю зиму в киргизскую степь, в аулы, кочующие близ Сырдарьи, как представителя ОПК. В инструкции говорилось: *«Самое бдительное внимание надлежит Вам обратить на слухи и сведения о Средней Азии. Бухарцы и хивинцы, несмотря на то, что они пользуются чрезвычайными выгодами от торговли с Россией, без которой они не могут обойтись, умышляют всегда против нас зло, покупают и держат в неволе наших людей, возмущают киргизов и всегда готовы внимать советам, для нас невыгодным. Советы такие легко могут быть предложены европейцами, начавшими посещать соседние нам области Средней Азии, и потому мы должны наблюдать тщательно сношения их»*^[131].

Видимо, Перовский изначально поручил Виткевичу заодно добраться и до Бухары. Хотя в приказах этого не значилось. Но кто же пишет задачи разведчикам на бумаге? Потому по легенде, представленной бухарским властям, Виткевич попал в город вроде бы случайно. Девятого ноября 1835 года он выехал из Орска с бухарским караваном, вроде бы намереваясь по дороге остаться в степи, как и положено чиновнику (полевому агенту) ОПК. Однако, как он писал впоследствии, обстоятельства принудили его поступить иначе.

«Цель и предмет отправления моего в степь состояла собственно в том, чтобы вникнуть в положение и отношение дел, отдаленных от Линии родов киргизских, действовать внушениями на умы и дух ордынцев, доставить возможно верные и подробные сведения по делам этим, проведать о влиянии бухарцев, хивинцев и англичан и, наконец, стараться о вырубке захваченного в прошлом году в плен казака Степанова с женою.

Таким образом назначение мое ограничивалось пределами степи, но обстоятельства принудили меня проникнуть далее и побывать даже в самой Бухаре. Строгая зима и глубокие снега были тому причиною, что в течение зимы не было возможности предпринять обратный путь; аулы, расположившиеся уже на зимовку, начинают подвигаться на Север не прежде весны; трудный и дальний путь, холода, недостаток порядочной пищи

расстроили здоровье мое, и мне необходимо было собраться с новыми силами, чтобы совершить обратный путь; и наконец, ташкентцы и хивинцы, которые теперь во взаимной вражде, разъезжали большими шайками по всему пространству по ту сторону Сыра (Сырдарьи. – Прим. авт.), и если бы я им попался, то, без сомнения, не миновал бы смерти или рабства; все это и заставило меня продолжать путь с тем же караваном, с которым я вышел, до Бухары, а оттуда выехать в такую пору, когда уже мог надеяться примкнуть к аулам, прикочевывающим на лето к нашим пределам»^[132].

Прибыв в Бухару, Виткевич почти сразу встретился с кушбеги, причем с тем же, с которым встречался Бернс, и от него он услышал подробности про англичанина:

«Кушбеги, который, как известно, носит почетное, но скромное звание это только для виду, между тем как он по власти своей есть первое лицо в государстве и управляет даже самим ханом, кушбеги хотел блеснуть знанием европейских дел; он повторял несколько раз урок, который затвердил, как сам признавался, от бывшего недавно в Бухаре англичанина Бернса: что англичане на море, а русские на суше – сильнейшие государства в Европе»^[133].

Виткевич за полтора месяца пребывания в Бухаре с кушбеги встречался неоднократно, он несколько раз изложил чиновнику свою легенду – поехал в степь, не смог остаться из-за разбойников, был вынужден приехать в Бухару. При этом офицер говорил о себе, как о человеке с полномочиями. Во всяком случае, как следует из записок офицера, общался с ним кушбеги именно так. А обсуждали они много чего, например права русских купцов и положение русских рабов, а также перспективы торговли с Россией. Это косвенное свидетельство того, что все же Перовский изначально ставил Виткевичу определенные задачи.

«Я бывал у него раз восемь, получив от него приказание заходить, и говорил и спорил с ним много. Он бранился за то, что задержали в прошлом году купцов бухарских, говорил, что пошлет посла жаловаться на это государю, уговаривал меня остаться в Бухаре и ожидать отправления посольства.

Я представлял ему, что он обязался посольству нашему не держать пленных и что, сколько мне известно, купцы задержаны были только на несколько дней, чтобы принудить их дать расписки в том, что они освободят имеющихся у них пленников, коих знали поименно; прибавил, что, по моему частному мнению, довольно

странно видеть у нас на свободе разгуливающих барышников бухарских, которые пользуются всеми правами и преимуществами наших законов, между тем как русские в Бухаре есть какое-то безответное существо, на которое всякий может наложить руку и между тем, как те же самые купцы содержат русских невольников, не считая их даже и людьми; говорил, что посольство его, вероятно, не изменит положения дел, доколе он, или хан, не будут действовать благовиднее, что сам я не могу оставаться в ожидании отправления этого посольства и не останусь, ибо как русский офицер, посланный за делами, обязан явиться при первой возможности начальству.

Кушбеги отвечал на все это, что пленных не выдадут, тем более что русские сами держат мужиков своих в рабстве, что правоверные выдавать рабов кафырам, неверным, не могут. Впрочем, прибавил он, не шутя, пленникам вашим не запрещается исповедовать веру свою; они все, как видишь, по праздникам пьяны.

Далее кушбеги стращал меня, что бухарцы не станут ходить в Россию, а будут торговать с англичанами, указывая при этом на Бернса, который делал на этот счет разные предложения. Я отвечал наотрез, что это пустое, что англичане ни под каким видом не могут доставлять бухарцам из Индии железо, медь, чугун в деле, юфть и другие товары, что бухарцы и того менее могут брать товары эти у англичан, потому что отдавать им взамен нечего; хлопчатую бумагу, сушеные плоды и другие произведения земли своей они, бухарцы, за Гиндукуш не повезут и сбывать им произведений этих кроме России некуда. Кушбеги пришел в замешательство, но уверял, что все это изменится, что они скоро заведут Низам (Регулярное войско), регулярство и порядок, и тогда дело пойдет иначе. Я напомнил ему, что они дома, у себя, не могут управиться и не совладают с отложившимся городком; это ему очень не понравилось; он говорил, что набирают войско из беглых татар и русских пленников и вскоре накажут возмутителей... Заметим, что хан действительно набрал человек с 10 беглых татар наших в сипаи (в данном случае речь идет о воинах), держал их обманами без жалованья и, кроме того, обнародовал фирман, по которому все пленники, находящиеся в частных руках, приглашались бежать от господ своих и явиться в Арк, во дворец, где немедленно будут записаны в сипаи, в солдаты. На этот вызов явилось также человек 25, которых и держали в самом жалком положении»^[134].

Не правда ли, вот это «кушбеги стращал меня, что бухарцы не станут ходить в Россию, а будут торговать с англичанами» и ответ русского офицера, что ваши сухофрукты никому не нужны и кто вам продаст за них пушки, как-то напоминают и нынешние отношения России с некоторыми восточными и южными соседями? Виткевич, кстати, довольно быстро выяснил, кто руководит британской агентурной сетью в Бухаре:

«Англичане содержат в Бухаре кашемирца Низаметдина и дают ему 20 тыс. рупий, т. е. 40 тыс. руб. в год, он живет в Бухаре под предлогом торговли уже 4 года и притворяется, что не мог доселе распродать по выгодным ценам шали свои. Он человек очень смысленый, знает со всеми и угощает знать бухарскую; отправляет через нарочных тайных гонцов еженедельно и чаще письма в Кабул, где живет англичанин Масон, который доставляет известия эти далее. Удивительнее всего, что Дост Мохаммед-хан, владелец Кабулистана, очень хорошо знает назначение Масона; хан перехватывал даже письма его, но не трогает лазутчика, говоря: что мне сделает один человек! Кажется, что Дост Мохаммед, который всегда обращается отлично хорошо с европейцами, не хочет навлечь на себя их неудовольствие и из уважения к европейцам вообще терпит и Масона. Человек этот живет в Кабуле под предлогом отыскивания древних монет. До него был там персианин мир Карамет-Али, который получал также большое содержание, 400 рупий – кальдар или 100 голландских червонцев в месяц. Но англичане были им недовольны, вытребовали его в Лудиану и прогнали. Низаметдин в Бухаре держит еще при себе родственника, который собственно исправляет письменные дела. Живут они в сарае кушбеги, по тамошнему великолепно; угощают знать; Низаметдин одевается щегольски и собою редкий красавец; товарищ его человек очень смысленый, хотя и неблагоприятный, и играет лице подчиненное, хотя по всему видно, что он собственно управляет делами. Деньги получают они от индийских банкиров. Низаметдин старался, немедленно по прибытии моем, познакомиться со мною и выспрашивал меня обо всем: о Новоалександровске, о Новой линии, об отношениях с Хивою и проч. Будучи уже предупрежден, не давал я ему на это положительных ответов; но он, при всем том, отправил на другой же день после расспросов письмо через Карши в Кабул. Зная европейские приличия, ожидал он ответного посещения моего и, опасаясь этим навлечь подозрение бухарцев, ибо сам был у меня

вечером – втайне одним словом, – просил меня, через третьего, не навещать его»^[135].

Упомянутый в письме Чарльз Мессон был личностью интересной и таинственной. Он говорил всем, что он странствующий антиквар, увлеченный историей Центральной Азии. Несколько лет он прожил в Персии, потом в Афганистане, занимаясь скупкой монет и всяких древних реликвий. Он был невероятно беден, часто ходил в каких-то обносках, но вряд ли кто-то лучше него знал этот регион. Мессон рассказывал о себе, что он американец родом из Кентукки. Но англичане выяснили, что он никакой не американец, а обычный дезертир из армии Ост-Индской компании и его настоящее имя Джеймс Льюис. Летом 1833 года он поселился в Кабуле, в армянском квартале – был и такой, и армяне занимались там торговлей и считались большими ловкачами в этом деле – недалеко от Бала Хиссара. В то время Ост-Индская компания в качестве агентов и информаторов использовала индийских торговцев. Так вот когда англичане узнали, что в афганской столице живет Чарльз Мессон, они решили использовать его для сбора и анализа информации. Его помиловали за дезертирство, а взамен дали небольшое жалованье и поручили регулярно поставлять новости из Кабула. Причем, что интересно, Мессон невзлюбил Александра Бернса, часто указывал начальникам, что тот совершает политические ошибки, но и Бернс его не сильно уважал – в книге разведчика упоминаний о нем почти нет, хотя они были знакомы и в Кабуле общались немало.

О деятельности англичан в Азии в целом Виткевич составил отдельное мнение. Во-первых, он тоже считал, что Муркрофта бухарцы убили с целью ограбления. Во-вторых, он сделал вывод, что англичане намерены подчинить себе Бухару, как минимум экономически. А Россия может этому помешать, инструменты для этого есть. Упоминаемый в тексте «Искандер» – это Александр Бернс.

«Об Искандере говорил кушбеги, что он приезжал с предложением основать в Бухаре английскую факторию, что доказывал при этом бескорыстие англичан, пользу от этого заведения для бухарцев, убеждая кушбеги в физической невозможности для англичан завоевать Бухару и указывая на опасных соседей, на русских, от коих могут они только быть безопасны, заключив союз с англичанами. Бернс обещал быть назад через три года, чтобы кончить дело, и кушбеги его приглашал к этому и намерен его покровительствовать.»

Скажу при этом случае слово о торговых отношениях наших и об англичанах. Англичане заменить и вознаградить бухарцам торговли с Россией не могут, эта вещь несбыточная, как я уже упомянул выше, по двум причинам: во-первых, англичане железа, меди, чугуна, юфти и других русских товаров доставлять бухарцам не в состоянии уже по отдаленности и трудности пути; во-вторых, им брать взамен своих товаров нечего; звонкой монеты в Бухаре нет; золото все идет из России, серебро из Кашигара, за русские же товары и произведения Бухары все в излишестве находятся во владении англичан. Мы, напротив, легко могли бы распространить круг торговли своей до самого Мультана и вытеснить английских промышленников из целой Средней Азии. Наш путь ближе, наши произведения и товары в большем ходу и славе, и мы можем вывозить из Средней Азии много предметов, между коими бумага всегда займет первое место; ныне благоприятствует нам еще одно вовсе неожиданное и не многим известное обстоятельство. Дост Мохаммед-хан, владетель Кабулистана, ищет покровительства России и готов сделать в пользу нашу все, что от него потребуют; и наконец, что также не многим известно, товары наши во всей Средней Азии, до самой Индии, ценятся выше английских; довольно странно, что английские ткани, заготовляемые для Азии, так дурны, что не могут выдержать ни даже самого поверхностного сравнения с русскими».

Собственно, с этим русские начали сталкиваться лет через 10–15, Ост-Индская компания принялась всю вытеснять русских с рынков Азии, вкладывая в экономическую войну тысячи фунтов. Но подробнее об этом позже. А в 1836 году, вернувшись из Бухары в Оренбург, Виткевич рассказал о своей поездке не только Перовскому, но и своему близкому другу Владимиру Далю, будущему автору и составителю «Толкового словаря живого великорусского языка», и Даль на основе рассказов разведчика написал небольшую книгу, которая называется «Записка, составленная по рассказам Оренбургского линейного батальона № 10 прапорщика Виткевича, относительно его пути в Бухару и обратно», причем она долго считалась секретной и была опубликована только в 1983 году. Даль в те годы состоял чиновником особых поручений при Василии Перовском и отвечал как раз за вопросы внешней политики.

Вместе с Виткевичем из Бухары в Оренбург прибыл афганец Гуссейн-Али, посланный Дост Мухаммедом с грамотой к русскому царю. Афганский эмир предлагал «утвердить между двумя

державами стезю дружбы и единодушия». Перовский был уверен, что этот шанс потеснить англичан в Азии надо использовать. Он отправил афганского посланца в Петербург в сопровождении Виткевича, надеясь, что последнему это принесет пользу. Заодно Перовский отправил канцлеру Нессельроде письмо: *«Виткевич приехал сюда будучи еще почти ребенком, за проступок, из Виленской гимназии; ныне по тринадцатилетнем пребывании своем в здешнем крае вполне загладил вину свою отличным поведением и примерным усердием, с каким исполняет все налагаемые на него поручения. Он прикомандирован уже несколько лет к Пограничной комиссии, знает хорошо татарский и персидский языки, может служить в столице переводчиком при расспросах кабульского посланца и сверх того может дать Азиатскому департаменту подробнейший отчет касательно всех местных отношений здешних со степью и с соседними областями Средней Азии. Поэтому смею я просить ваше сиятельство покорнейше и ходатайствовать на отправление Виткевича Высочайшего Его Величества Государя Императора соизволения»*^[136].

К словам Перовского прислушались, Виткевич отбыл в Петербург, а Перовский, всерьез решив устроить судьбу талантливого офицера, написал еще и директору Азиатского департамента Константину Родофиникину: *«Вы его увидите и оцените сами, прочтете записку и решите, достоин ли он Вашего начальничьего покровительства; от природы скромного характера, он сделался еще более застенчив от несчастных обстоятельств, которые, думаю, Вам отчасти известны; еще в детстве сделал он шалость, которую назвали политическим преступлением, и был пятнадцати лет наказан он как преступник; сосланный в дальний гарнизон на Оренбургской линии, Виткевич более десяти лет прослужил солдатом и, имея начальниками пьяных и развратных офицеров, он сумел не только сохранить чистоту и благородство души, но сам развил и образовал свои умственные способности; изучился восточным языкам и так ознакомился со степью, что можно решительно сказать, что с тех пор, как существует Оренбургский край, здесь не было еще человека, которому бы так хорошо была известна вся подноготная ордынцев; он уважаем вообще всеми киргизами как по правилам своим, так и по твердости, которую имел случай неоднократно доказать при поездках в степь»*^[137].

В Санкт-Петербурге состоялись секретные переговоры посланника афганского эмира с русскими властями, Виткевич был на них переводчиком. Весной 1837 года было принято решение – отправить посольство в Кабул. Путь лежал через Тифлис и Персию, а руководить посольством был назначен именно Виткевич. Миссия считалась секретной – Дост Муххамед не хотел, чтобы англичане узнали о том, что он ведет переговоры с русскими.

По дороге Виткевич послал несколько писем своему другу Владимиру Далю. По ним можно судить, что он был человеком безусловно талантливый, язвительный, ироничный, отлично образованным, обладающим хорошим чувством юмора.

«Ставрополь, 31 Майя 1837 года.

Благословенный Петербург остался далече, а в нем и лень, которая заставляла меня так долго не писать к Вам, почтеннейший Владимир Иванович. – С приездом в Ставрополь я увидел новый мир, совершенно отличный от всего, виденного доселе. – На всех лицах видна печать удальства, молодечества, беззаботливости, чего, увы! в нашем Оренбурге не заметно. Быть может, что черкесский костюм и обязанность казаков быть всегда вооруженными представляют их удалее, нежели они в самом деле. Прибавьте, что они, как и наши киргизы, неохотно ходят пешком – это уподобляет Ставрополь киргизскому аулу во время игровое – не менее того город не завиден, мал и имеет какой-то вид неопрятнейший и неприятный – единственное, по-моему, украшение – это пирамидальные тополи необыкновенной вышины и красоты.

Я приехал сюда вчера вечером и успел уже свести знакомство с одним князем черкесским – они совершенно похожи на наших голодных султанов и чуть ли не бесчестнее их.

Я начинаю высоко ценить мое знание киргизского языка – наречие, которым говорят здесь, так похоже на наше, что мне кажется, будто я у Ивашкевича (соученик Виткевича по Крожской гимназии, также сосланный в Оренбургский край. – Прим. авт.) в гостях и беседую с Джагалбайлинцами.

Я совершенно скандализован (простите выражению) тем, что видел на Дону – по совести мещеряки наши во всех отношениях лучше Донцев – тому, кто привык видеть Оренбург, трудно поверить, что существует где-либо такой беспорядок, какой вы тут встречаете. Несколько полков обогнал я дорогою, они шли на службу в Грузию для сохранения персидской и турецкой границы. Все, что об них можно сказать, это то, что ежели бы наша линия

была охраняемая такими молодцами, давно бы Кутебаровы (известный киргизский разбойник Кутебар. – Прим. авт.) дети продали нас всех в Хиву.

Я завтра со светом оставлю Ставрополь, сожалея, что мы не заехали сюда с Н. В. Балкашиным (Николай Балкашин, капитан, адъютант В. А. Перовского – Прим. авт.), купили бы шашек да кинжалов, которых здесь такое множество и за безделицу, меньше 200 рубл. и не ценят.

В Тифлисе я буду дней через 5, а оттуда, съездив послушать свисту пуль черкесских – покачу в Тегеран подышать воздухом чумы и прислушаться щекоту скорпионов – не правда ли, что это поэтически? А наше дело козацкое, добываем как умеем скорее остатки жизни – а все конца нет как нет!

Прощайте, почтеннейший Владимир Иванович. Потрудитесь засвидетельствовать мое истинное почтение Юлии Егоровне да Батыря Арслана (так Виткевич называл в шутку сына Даля, Льва. – Прим. авт.) поцеловать за меня, и вспоминайте иногда истинно Вам преданного – Виткевича»^[138].

Упомянутые в письме мещеряки заслуживают отдельного внимания. Виткевич сравнивал их с казаками, охраняющими Кавказскую линию, и сравнение было, как видно, не в пользу последних. Мещеряки несли службу по охране южных рубежей Российской империи в Азии и составляли часть Башкиро-мещеряцкого войска. Это было иррегулярное формирование на территории Оренбургского края, в состав которого входили башкиры и еще две тюркские народности – мишари и тептяри. Сегодня власти Татарстана и Башкирии упорно не признают эти этносы, именуют их разновидностью татар, которые говорят на своем диалекте. Но в Московском государстве, а позднее в Российской империи и мишари (мещеряки), и тептяри считались отдельными народами. Более того, нет ясной картины – являются ли мишари/мещеряки тюрками или финно-уграми, лишь говорящими на диалекте тюркского языка. По одной из версий, слово «мещеряки» ведет происхождение от искаженного слова «мадьяры».

Истоки мещеряцкого войска относят к 16 веку, когда башкиры вошли в состав Русского государства. Вошли они с условием сохранения своих вооруженных сил. Достоверно известно, что башкиры участвовали в Ливонской войне, причем сражались они сурово, пугая европейцев тактикой боя и умением воевать. Собственно войско появилось только в конце 18 века, в 1798 году,

когда башкирское и мишарское население Оренбургского края получило новый статус, стало военно-служилым сословием, обязанным нести пограничную службу. Для административного управления территориями Войска были созданы кантоны, то есть была организована не типичная для России кантонная система управления: 11 башкирских, 5 мещерякских кантонов, 5 кантонов оренбургских казаков, 2 кантона уральских казаков и 1 кантон ставропольских калмыков. В основу выделения кантонов был положен территориальный принцип. Башкирские и мещерякские кантоны делились на юрты; казачьи кантоны – на полки. Специальных названий кантоны первоначально не получили и различались только по порядковым номерам. На службу призывали молодых людей в возрасте от 20 до 50 лет, от 4–5 дворов поочередно выставлялся один человек.

Башкирско-мещерякское войско участвовало в Отечественной войне 1812 года, потом в Заграничном походе 1813–1814 годов, 28 башкирских полков дошли до Парижа. Мещеряки и башкиры сражались в Русско-турецкой войне 1828–1829 годов, участвовали и в Крымской войне, и в покорении Туркестана. За смелость при защите Балтийского побережья от англо-французских десантов личному составу 1-го и 3-го Башкирских полков войска была объявлена благодарность, а многим воинам вручены медали «В память войны 1853–1856 годов».

Военное руководство башкиро-мещерякского войска комплектовалось из армейских штаб-офицеров, местное, или кантонное, руководство – из видных башкир, мишарей и тептярей. Чиновники же в войске (напомню, что войско в данном случае – это не просто армия, это административно-территориальная единица) были представителями башкирских и мишарских феодалов. Подчинялось башкиро-мещерякское войско генерал-губернатору Оренбургского края. Что интересно, если войско отправлялось в поход в составе российской армии, то по штатному расписанию в нем предусматривался войсковой имам. Для подготовки специалистов в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе было отведено 30 мест для детей офицеров войска. О службе мещеряков и башкир по защите рубежей Российской империи проведено немало исследований, и надо сказать, службу свою на Оренбургской пограничной укрепленной линии они несли отменно и были надежным щитом своей страны. Пример показательный, в частности для тех, кто любит рассуждать про «Россию для русских». Так же как

и жизнь Виткевича – наглядный пример для тех, кто любит поговорить о том, в каких случаях можно предать Родину и в чем подвиг генерала Власова, якобы обиженного властями.

Сосланный в солдаты мальчишкой, Виткевич никогда, ни разу в жизни не помышлял о предательстве, и свой долг он видел в службе Отечеству. Летом 1837 года Виткевич прибыл в Персию, где разворачивались масштабные события. Шах, по совету Ивана Симонича, решил взять под контроль Герат.

Английские колониальные власти в Индии, правительство в Лондоне понимали – вот он становится реальным, их ночной кошмар. Персы могут взять Герат, за шахом стоят русские, а они, эти русские, уже сделали Османскую империю практически своим вассалом, и вот теперь последний шаг. Но дело в том, что помочь персам укрепиться в Герате русские, конечно, собирались, но никаких планов захвата Индии у военных в Петербурге так и не появилось. Что делать после взятия Герата, никто не понимал. И скорее всего вообще не думал об этом. Для России было важно надавить на англичан тут, чтобы они прекратили лезть в Среднюю Азию. Война за Герат стала полем боя двух империй. Как много лет спустя в Афганской войне 1979–1989 годов СССР поддерживал афганских коммунистов, а США и Англия – моджахедов и боевиков Талибана, так и тогда в Герате две империи стали воевать на чужом поле и не всегда своими руками.

18 августа 1837 года в Герат прибыл лейтенант Элдред Поттинджер из политической службы Компании, он в итоге провел в городе больше года. Профессиональный разведчик до этого побывал в Пешаваре, посетил Кабул – все это под видом паломника, он всегда восхищался и брал пример со своего дяди, ветерана разведки полковника Генри Поттинджера, того самого, что когда-то пересек Афганистан под видом торговца лошадьми. Элдред Поттинджер фактически и руководил обороной Герата от персидской армии в течение года. Владыка Герата Камран-мирза получал оружие и деньги от англичан. Английский посланник в Персии МакНейл объявил поход на Герат враждебным Великобритании актом. Город находился в осаде, но не сдавался. И не только потому, что так хотели англичане, но и потому, что афганцы не хотели власти персов. Вот в этот период Виткевич и ехал с конвоем казаков в Кабул. Перед отъездом он написал Владимиру Далю последнее письмо, уже из лагеря персидского шаха.

«Лагерь Шаха при Нишабуре,

Вчера еще, сей час по приезде, я представился шаху. Он словоохотлив, любит блеснуть своими географическими познаниями, а наружностью похож на Кусяб Султана. Он был в восторге от моего казацкого мундира и говорил, что велит одеть по этому образцу одну сотню своей кавалерии.

Войско шаха состоит из 20 Башлюков полурегулярной пехоты, 80-ти орудий и около 60-ти сотен кавалерии, очень похожей на наших меццераков.

Я сегодня надеюсь пуститься в путь – через Турмез и Каип в Кандагар. – Тут начинаются мои Геркулесовския труды. Ежели успею их перебороть, то, возвратившись, похвастаю, – а нет, так поминайте, как звали! Предприятие мое, как можете себе представить, тяжело, но я вполне вознагражден за труды тем, что удовлетворю совершенно мою страсть к приключениям и новым впечатлениям.

Проехал я страну историческую и весьма интересную по правилам и обычаям ея обитателей, видел развалины древней столицы Тартов Necropolis, ныне Дамган, маленький городок с 200 жителей, но развалины простираются на 14 верст в длину.

Пора перстать (видимо, ставить на письме печать с помощью перстня, то есть запечатывать его. – Прим. авт.), зовут к шаху, это прощальная аудиенция, часа через два я уеду – и Бог весть, увидимся ли когда...

Прощайте, Владимир Иванович, кланяйтесь всем хорошим знакомым и не забывайте истинно Вам преданного Виткевича»^[139].

Сохранить миссию Виткевича в тайне не удалось. Недалеко от Герата лейтенант Генри Роулинсон, советник политической службы, прикомандированный к британскому посольству в Персии (он потом станет председателем Королевского географического общества Великобритании), встретил отряд казаков. Командовал ими «молодой человек, изящного телосложения, с прекрасным цветом лица, яркими глазами и очень живым взглядом». Они немного поболтали, Роулинсон узнал, что русский офицер везет подарки персидскому шаху. Но в лагере он выяснил, что шах не ждет подарков, а на самом деле везут их Дост Мухаммеду. Роулинсон тут же сообщил, что русские казаки едут в Кабул, об этом проинформировали и английского посла в Тегеране, и резидента в Кабуле. Лорд Окленд, генерал-губернатор Индии, получив сообщение о таинственном русском посланнике, тоже забеспокоился. И лорд Окленд отправил афганскому правителю письмо. Там он

сообщал, что если тот будет вести какие-то дела с русскими без его личного предварительного одобрения(!), то афганцы могут получить проблемы со стороны армии Ранджит Сингха, который давно считает, что границу Пенджаба нужно подвинуть западнее. Также в послании говорилось, что если Дост Мухаммед не поймет степень проблем, то Александр Бернс – который вот уже почти год как находился в Кабуле – растолкует афганцу, что все может плохо кончиться. Лорд Окленд, видимо, не очень хорошо понимал, что не стоит афганцу, причем любому, не только эмиру, указывать, что делать и как себя вести.

Это был канун Рождества 1837 года, Виткевич прибыл в Кабул. Александр Бернс встретил его в высшей степени доброжелательно. Им обоим было интересно посмотреть друг другу в глаза. Давние соперники, они заочно были, по сути, знакомы – во всяком случае, каждый был наслышан о достижениях противника. Бернс пригласил русского офицера присоединиться к его рождественскому ужину. Виткевич произвел на англичанина хорошее впечатление, а как еще могло быть, ведь русский разведчик бегло говорил на тюркском, на фарси, а часть беседы они вели на французском. Бернс был озадачен, узнав, что Виткевич в Бухаре побывал трижды, причем один раз официально, тогда как он сам всего лишь раз. Вообще, где еще бывал Виткевич и что он делал в азиатских степях – это по сей день большая тайна. Есть версия, что он смог проникнуть и в Хиву, опять же под видом купца.

Когда Виткевич только прибыл в Кабул, Дост Мухаммед встретил его довольно прохладно. Ни почестей, ни особых церемоний, его поначалу содержали фактически под домашним арестом. Более того, Дост Мухаммед спрашивал у Бернса, как тот полагает – бумаги Виткевича, например письмо от царя Николая I, настоящие или нет. Но потом в Кабул пришло письмо лорда Окленда. Дост Мухаммед был оскорблен, публицист середины 19 века Карл Фридрих Нейман в книге «Афганистан и англичане в 1841 и 1842 годах» описывает это послание и реакцию на него так:

«Если эмир хочет сохранить дружбу Англии, он должен доверяться единственно ей только и разорвать всякую связь с чужеземными государствами. Подумайте о средствах, сказано в заключении письма, установить постоянный мир между вами и сейками; иначе я в скором времени отзову английское посольство из Кабула, где оно будет совершенно бесполезно.»

Не только содержание, но и самая форма этого государственного письма, довольно неуважительная, глубоко оскорбили князя Баракси; хотя в присутствии одних верных и преданных ему людей, но тем не менее очень резко высказал эмир свои угрозы франкистанским неверным. “Я вижу, сказал он Бернсу, что Англия не дорожит моей дружбою. Я стучался к вам в дверь, но вы меня отвергли. Правда, Россия слишком далеко: но через Персию, которая также принадлежит Царю, как вам Индия, может мне помочь Россия. И если мы, афганы, еще раз должны будем подчиниться кому-нибудь, то лучше же нам повиноваться Мухаммеду-Шаху, который все-таки мослим”. Бернс убедился окончательно, что в Афганистане должен быть сделан решительный удар и что на главу нельзя никак рассчитывать»^[140].

Шах стал встречаться с Виткевичем чаще. Наконец 21 апреля 1838 года русского посланника со всеми знаками уважения и почестями приняли в Бала Хиссаре. Бернсу оставалось только покинуть Кабул. 27 апреля он тепло попрощался с Дост Мухаммедом – тот все же понимал, что Бернс не сам это письмо составлял и не влияет на всю политику Компании, – и выехал в Индию, чтобы вскоре вернуться в Кабул в другой ситуации.

Виткевич договорился с шахом о дружбе между Афганистаном и Российской империей, фактически стал первым русским послом в Кабуле. Он действовал согласно полученной им инструкции, где ему вменялось заодно и устроить внутриафганские дела.

«Главная ваша обязанность – примирить афганских владельцев (кабульского Дост Мухаммед-хана и кандагарского Кохендиль-хана), объяснить им, сколь полезно для них лично и для безопасности их владений состоять им в согласии и тесной связи, дабы ограждать себя от внешних врагов и внутренних смут. Убедивши афганских владельцев в пользе тесного их между собой соединения, объяснить им и необходимость пользоваться благосклонностью и покровительством Персии, ибо одни они раздельно никак не в силах устоять против общих врагов их, и потому им нужно соединение их сил и опора соседственной державы, имеющей некоторый политический вес...»^[141].

Но все спуталось из-за ситуации в Герате. Элдред Поттинджер героически – тут нет никакой иронии – руководил обороной города. Иван Симонич так же отчаянно командовал уже открыто его осадой. Известия о роли лейтенанта в защите Герата, о том, что он в решающий момент не дал город взять, достигли Лондона и

Калькутты примерно в то же время, когда там стало известно, что миссия Александра Бернса в Кабуле потерпела крах. И русские договорились с шахом. Надо было действовать, и решительно, заключили в Лондоне. Англичане отправили экспедиционный корпус в Персидский залив. Так, сочли они, персидский шах будет поговорчивее и скорее поймет, что Герат ему не нужен. В то же самое время лорд Пальмерстон надавил на русского министра иностранных дел Нессельроде, чтобы тот приказал Симоничу прекратить принимать участие в осаде города.

19 июня британские войска, не встретив сопротивления, высадились на острове Харк у входа в Персидский залив. Одновременно с этим посол в Тегеране МакНейл послал одного из своих помощников, подполковника Чарльза Стоддарта, к шаху, который все еще был в лагере у Герата. Тот передал шаху ноту, где говорилось, что «британское правительство рассматривает экспедицию против Афганистана, в которую оказалось вовлеченным Ваше Величество, как предпринятую в духе враждебности против Британской Индии». Ему официально сообщили о захвате острова Харк и пояснили, что дальше все будет зависеть от того, что он надумает делать с Гератом. Шах, как рассказывают, спросил Стоддарта: *«Вы хотите сказать, что если я не уйду от Герата, то начнется война – не так ли?»* Стоддарт подтвердил. Через два дня полковнику сообщили, что шах согласен со всеми требованиями британского правительства, что он не хочет войны и что если бы он знал, что поход на Герат чреват такими последствиями, то не начал бы его. Осада была снята.

А тем временем русского посла в Лондоне вызвали в министерство иностранных дел и заявили, что граф Симонич и капитан Виткевич ведут враждебную деятельность, которая «серьезно угрожает отношениям между двумя державами». Британский министр иностранных дел Пальмерстон потребовал отзыва Виткевича, а заодно и Симонича. Англофоб и бонапартист Иван Симонич раздражал и пугал Лондон просто невероятно.

И Петербург отступил, подчинился требованиям Лондона, и даже понятно, почему так произошло. Все было просто – только недавно удалось подавить скандал, связанный с делом «Виксена», войны с англичанами удалось избежать чудом. Не то чтобы Россия боялась воевать, но лишний раз никто не хотел этого делать. Что разумно. Здесь же была для России ситуация явно проигрышная – все понимали, что Симонич участвовал в осаде Герата. Будь она

удачной, и ситуация сложилась бы по-другому. На англичан можно было внимания не обращать. Но Поттинджер все испортил. И в таком политическом раскладе Симонич лично выглядел авантюристом и преступником, а вся Россия – страной-агрессором, которая вмешивается в чужие дела и поощряет захватнические войны. Симонича отозвали из Тегерана, Виткевича из Кабула. Гарантии русского императора с договора с Дост Мухаммедом были отозваны.

В мае 1839 года Иван Виткевич прибыл в Петербург. Что именно там случилось – это по сей день огромная тайна. Как и то, почему он так долго добирался в столицу и каким путем. Согласно одной версии – английской, ее изложил историк Кайе, канцлер Нессельроде то ли жестко отчитал молодого офицера, то ли вовсе не стал с ним встречаться. И даже якобы заявил, что не знает никакого капитана Виткевича.

Но вот по другой версии граф Нессельроде принял Виткевича хорошо. Поблагодарил за дипломатическую дуэль в Кабуле, пообещал восстановить в правах полностью, сулил и повышение в чине. Но, повторюсь, точно ничего о разговоре не известно. Однако вернувшись в гостиницу после посещения Министерства иностранных дел, Виткевич заперся в комнате. Утром его нашли застрелившимся. Он оставил предсмертную записку и якобы сжег весь свой архив. Эта версия о самоубийстве показалась многим маловероятной. Прежде всего потому, что сжечь весь архив в камине было трудновато – он занимал несколько огромных сундуков. Кроме того, Симонича, например, тоже отозвали со скандалом, но стреляться он не стал, Иван Паскевич нашел ему место коменданта Варшавской цитадели. Виткевич скорее всего мог бы, к радости Перовского, вернуться в Оренбург. И наконец, даже если Виткевич и встретил в столице холодный и суровый прием, то очень не похоже, что разведчик, человек неоднократно бывавший на волосок от смерти, участник самых опасных переделок, отчаянно храбрый и весьма разумный, взял и застрелился, потому что распереживался из-за критики начальника, как пытаются утверждать британские историки.

Так что до сих пор весьма убедительной кажется версия, что Иван Виткевич был убит английскими агентами, которых в русской столице хватало еще со времен убийства Павла I. А собранный разведчиком архив был похищен, в камине сожгли лишь малую часть бумаг, для отвода глаз. Да и распространенная версия о том, что граф

Нессельроде был русофобом, который круглосуточно думал, как бы нагадить России, не выдерживает никакой критики. Судя по его переписке, он был умный дипломат, интриган, но чересчур осторожный. Слишком осторожный, порой создается ощущение, что до трусости. И кажется, в этом была его проблема, но не похоже, что он мог так отчитать Виткевича, что тот пошел и застрелился.

А в Калькутте начали готовиться к вторжению в Афганистан. Точнее, готовились-то к нему давно, но именно в 1838 году, сразу после отъезда Бернса из Кабула, было принято решение о том, что война неминуема. В военном центре Британской Индии и летней столице Компании – городе Симле началась тщательная разработка планов и схем будущей афганской кампании. Один из вариантов, который рассматривали английские стратеги, был такой: использовать Ранджит Сингха и его армию для вторжения. Отличный вариант. Чужими руками, по традиции. Как, например, сегодня Вашингтон пытается руками сирийской оппозиции при поддержке Катара и Саудовской Аравии, с участием турецкой армии, сместить Асада.

Судьба Дост Мухаммеда была предрешена – его решили убрать, а на кабульский престол посадить шаха Шуджу уль-Мулька. Считалось, что Шудже уль-Мульку даже не надо уезжать из Пешавара. Ставку делали на сепаратизм местных вождей, которым раздадут около 300 тысяч рупий: *«...надо, чтобы он обратился из этого города к хайберцам, кухистанцам Кабула и ко всем афганцам, указав, что его советниками являются англичане и махараджа... через пару месяцев он окажется подлинным афганским королем»*^[142]. Но, взвесив все за и против, англичане поняли, что пенджабская армия не справится, и если хочешь сделать что-то хорошо, то делать это нужно самим.

Лорд Пальмерстон предупредил английского посла в Санкт-Петербурге о скорой военной операции. «Окленду было велено овладеть Афганистаном и сделать его зависящим от Англии... Мы долгое время отказывались вмешиваться в дела Афганистана, но сейчас, когда русские пытаются сделать афганцев русскими, мы должны позаботиться о том, чтобы они стали британцами»^[143].

В октябре 1838 года лорд Окленд официально заявил, что Британия будет силой свергать Дост Мухаммеда. Из слов индийского губернатора складывалось впечатление, что афганский владыка – самый опасный и вероломный человек в мире. *«После долгих и бесплодных переговоров, проведенных капитаном Бернсом в Кабуле,*

складывается впечатление, что хан Дост Мохаммед... открыто признается в честолюбивых планах расширения своих владений, представляющих угрозу для безопасности и мира на границах Индии. Он открыто угрожает осуществить эти планы, призывая для этого всю иностранную помощь, которую удастся привлечь. До тех пор, пока Дост Мохаммед остается в Кабуле у власти, нет надежды на то, что будет обеспечено спокойствие наших соседей и не пострадают интересы нашей Индийской империи»^[144].

В декларации также говорилось о намерении Дост Мухаммеда напасть на Ранджит Сингха и о «потребностях британского правительства в мирной обстановке». Русские в заявлении не упоминались, хотя всем, во всяком случае в Лондоне и Калькутте, было ясно, что это они та самая «иностранная помощь». Англичане решили давить русских по всем фронтам. Проигрыш на Кавказе и в Турции не мог остаться не отомщенным. Британским представителем при намечавшемся новом кабульском дворе был назначен Вильям Макнатен, секретарь секретного и политического департамента Ост-Индской компании. Он был отличным востоковедом, говорил на персидском, арабском и хиндустани. Александра Бернса назначили его заместителем и советником. Бернс, с одной стороны, не хотел интриговать и воевать против старого приятеля Дост Мухаммеда. С другой – он был англичанин, патриот, человек честолюбивый и азартный. Более того, незадолго до этого его повысили до подполковника и наградили орденом Чертополоха. Еще одним представителем в Кабуле был назначен лейтенант Элдред Поттинджер, который все еще находился в осажденном Герате.

Одновременно с этим полковник Чарльз Стодарт, тот, что вел переговоры с персидским шахом, был откомандирован в Бухару. Ему надо было убедить эмира не вмешиваться с ситуацией в Афганистане, и еще полковник должен был попытаться предложить эмиру вариант договора о дружбе между Британией и Бухарой. Правда, после того, как осаду с Герата персы сняли, руководство Компании решило было отменить поход на Кабул. Оккупация Афганистана грозила обойтись в немалую сумму. Но в тех условиях общей русофобской истерии лорд Окленд и Веллингтон, конечно, ничего отменять не позволили. Газета «Таймс» писала: *«От границ Венгрии до сердца Бирмы и Непала... русский дьявол неотступно преследует и терзает весь человеческий род и неустанно совершает свои злобные аферы... раздражая нашу трудолюбивую и исключительно мирную империю»^[145].*

Армия вторжения состояла из 15 тысяч британских и индийских солдат, включая пехоту, кавалерию и артиллерию. Еще около 30 000 обозников – носильщиков, конюхов, слуг, поваров – тащили личные вещи, всякий, безусловно, нужный на войне скарб. Офицеры одного полка, например, распорядились выделить двух верблюдов исключительно для перевозки их сигар.

На самом деле Шуджа уль-Мульк (иногда его имя пишут как Шуджах) получал престол не просто так. Еще 16 июля 1838 года он подписал разработанный англичанами «трехсторонний договор», по условиям которого шах Шуджа в обмен на поддержку уступал англичанам Синд, а Ранджит Сингху – Пешавар и другие восточноафганские земли. Афганистан до сих пор расхлебывает последствия того решения, и то, что граница с Пакистаном официальным Кабулом до сих пор не признана, – результат именно соглашения шаха Шуджи.

Советский историк-востоковед Нафтулла Халфин приводил в своем труде цитату из афганского историка Риштия: *«Лорд Окленд признавал, что для осуществления далеко идущих английских планов на Среднем Востоке, предусматривавших установление военного и политического контроля над Синдом, Пенджабом, Кабулом, Кандагаром и Гератом, англичанам необходимо иметь в этих областях таких правителей, которые абсолютно во всех отношениях подчинялись бы британскому правительству, совершенно не имели бы своей точки зрения и, являясь орудием в руках английских представителей, пользовались бы только номинальной властью. Понятно, что такие правители, как эмир Дост Мухаммед-хан и его братья, имевшие собственное мнение и свои планы и не допускавшие никакого вмешательства во внутренние дела своей страны, были людьми, совершенно не подходящими для этих целей... В конце концов англичане решили открыто применить военную силу и свергнуть династию Мухаммедзаев в Афганистане, поставить на их место шаха Шуджу, который находился в руках англичан, закрепить за Англией право держать в Афганистане британские войска и британских чиновников и тем самым поставить страну под военный и политический контроль Англии»*^[146].

Отмашку на войну с Афганистаном давали на высшем уровне. Лондонский тайный комитет директоров Ост-Индской компании в специальном письме Окленду от 13 сентября 1839 года полностью одобрил все его планы и действия, утвердил назначение и

деятельность Макнатена. Есть легенда о том, что, когда английская армия входила в Афганистан, какой-то афганец, увидев эти войска, сказал Макнатену: *«Ну хорошо, вы ввели армию в нашу страну. А как вы будете ее выводить?»* Англичанам казалось, что раз они легко подчинили себе весь полуостров Индостан, они и афганские земли заберут без особого труда. Хотя тот же Конолли предупреждал об опасности именно такого сценария в своей книге и секретных отчетах. Британцы совершенно не учли, что это особая страна, где пуштунская племенная верхушка господствует над не пуштунскими племенами. А сами пуштуны тоже сильно раздроблены. И соответственно, войти, осуществить первичную оккупацию Афганистана достаточно просто. Проблема в том, как им потом управлять. Но в Калькутте полагали, что управлять азиатами они умеют отлично.

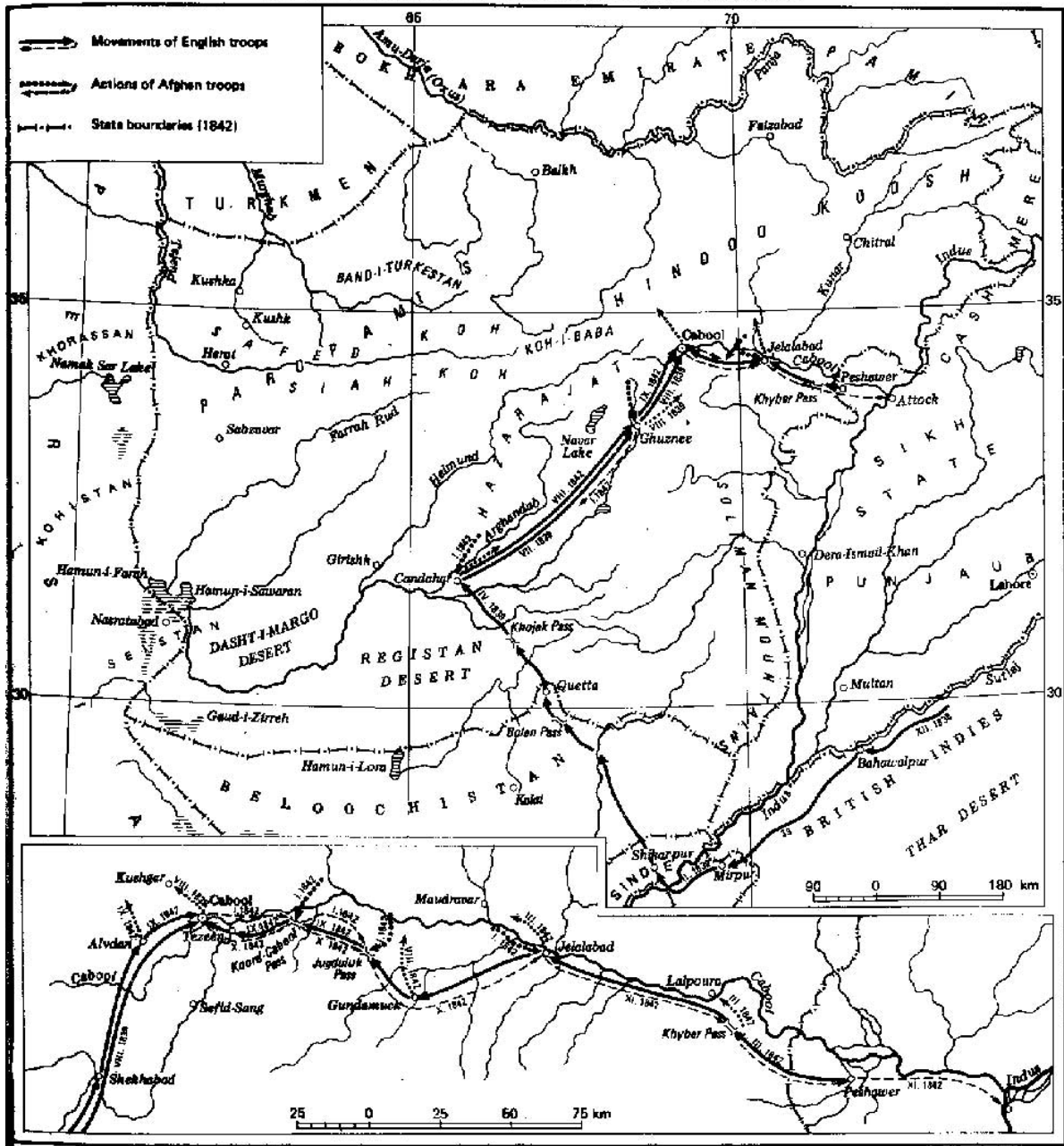
Вторжение в Афганистан началось в апреле 1839 года. Совпадение или нет, но вскоре после этого в Петербурге таинственно погиб Виткевич. Я умышленно пишу погиб, потому что не хочется, чтобы на великом русском разведчике и дипломате стояло клеймо самоубийцы. Английская армия начала поход от Кветты, сразу ударила по Кандагару и Газни. В Кандагар оккупационные войска вступили без боя 25 апреля. А вот Газни, которым управлял Гайдерхан, сын Дост Мухаммеда, сопротивлялся несколько дней, в итоге англичане миной взорвали крепостную стену, а во время штурма были убиты более 1000 защитников Газни. Тем временем из Пешавара в сторону Кабула двинулись войска Ранджит Сингха, и в этой ситуации Дост Мухаммед распустил армию, разрешил людям признать власть Шуджи, а сам бежал.

7 августа шах Шуджа торжественно вступил в Кабул. Он ехал на белом коне, сбруя которого была отделана золотом, в сопровождении англичан, в наряде, украшенном драгоценными камнями. Но нигде и никто не проявлял радости и восторга. Кабул встретил оккупантов и Шуджу настороженно. По словам английского историка Кайе, *«это было больше похоже на похоронную процессию, чем на въезд короля в столицу своего вновь обретенного царства»*. Пальмерстон был восхищен победой и писал: *«Блестящий успех Окленда в Афганистане устрашит всю Азию и облегчит нам все остальное»*.

Первоначально англичане и правда думали, что введут войска, посадят Шуджу на трон и уйдут, а его защищать будет афганская армия, набранная из лояльных племен. Но оказалось, что таковых людей в стране явно недостаточно. К тому же Дост Мухаммед

оставался на свободе и с отрядом верных людей скитался где-то по Северному Афганистану, настраивая народ против Шуджи и британцев. Поймать его не смогли, через несколько месяцев он сдался английским представителям, переговоры прошли с помощью Бернса. Его отправили в Индию в почетную политическую ссылку. Англичанам казалось, что в целом жизнь налаживается. Да, оккупация обходится недешево, но контролировать страну вполне получается. В Кабуле начали устраивать скачки, торговля на базарах процветала, ведь солдаты оккупационных сил получали приличные деньги, к некоторым офицерам стали переезжать из Индии семьи, приехала и леди Макнатен, с ней прибыли десятки слуг, которые привезли хрустальные канделябры, марочные вина, дорогие наряды. Часть английских войск вернулась в Индию, примерно половина, остальные расположились в Кабуле, в Газни, Кандагаре, Джалалабаде и Кветте – это были отряды, контролировавшие основную дорогу.

AFGHANISTAN DURING THE FIRST ANGLA-AFGHAN WAR, 1838-42

Первая англо-афганская война

Британские историки обычно не увязывают события в Афганистане 1839–1842 годов с событиями в Азии. В частности, тот факт, что практически тут же после установления контроля над Кабулом в Хиву, Коканд, Бухару были отправлены английские разведчики, которые вели переговоры с местными элитами, склоняя их к союзу с Лондоном против Петербурга, рассматривается отдельно от англо-афганской войны. Но советские историки, например Халфин и Хидоятов, и русские военные историки 19 века полагали, что уже в 1839–1840 годах руководство Компании стало

готовить вторжение в Центральную Азию. Во всяком случае, планы разрабатывались, и отправка агентов в регион полковником д'Арси Тоддом, который долгое время руководил агентурой в Персии и в Герате в частности, имели к ним прямое отношение. Скорее всего планы включали в себя не прямое вторжение в Азию, а создание там некоего антироссийского военного союза.

Коканд, Бухара и Хива могли бы объединиться. И их руками – любимое занятие англичан – Ост-Индская компания смогла бы сдержать экспансию русских на южном направлении. Во всяком случае, русские власти из имевшихся у них материалов разведки могли сделать вывод, что начинается прощупывание почвы. Василий Перовский писал об участившихся набегах на Линию, о том, что караваны подвергаются нападениям гораздо чаще, несмотря на имеющиеся вроде бы договоренности. Во «всепоподданнейшем отчете» Третьего Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии Николаю за 1839 год можно прочесть такие строки:

«...Англия, принимая возможность за самое дело, всегда подозревает Россию в интригах к разрушению английского могущества в Индии и влиянию в Средней Азии. Кроме того, к этой мысли Англия склоняется тем более, что, употребляя политику единственно для возвышения своих торговых интересов, она обязана отчасти России упадку своей континентальной торговли и кредита. Все ее внимание обращено на Восток и в Среднюю Азию. Она знает, что при распространении торговой и мануфактурной промышленности в России сия держава никуда не может высылать избытков своих произведений, как на тот же Восток и в ту же Среднюю Азию! Оттого соперничество и козни англичан на Востоке, в Персии и ханствах, соседних с Персией и на Кавказе, примыкающем к морю. В публике слышен ропот, что наша дипломатия пожертвовала нашими интересами Англии, и последние ноты наши по восточным делам привели в негодование многих. По общему мнению, нет никакого сомнения, что Хива подстрекается англичанами к грабежу наших караванов. Когда разнеслись слухи, что генерал-адъютанту Перовскому поручена экспедиция в Хиву, здешнее английское посольство улыбалось, и в публике утверждали, что Англия уничтожит своим золотом все проекты России на основании влияния или владычества в Азии. Но русские находят эту экспедицию необходимою и делом справедливым, тем более что она послужит ясным доказательством прямоты действий русского

правительства, что оно идет своей дорогой и не обращает внимание на то, найдет ли Англия сие предприятие полезным или будет осуждать оное.

Несмотря на то что Англия есть центр всех политических интриг, она имеет однако же слабое влияние на Польшу, хотя и покровительствует польских эмигрантов и даже дает деньги эмиссарам. В польском народном духе гнездится предрассудок против Англии: ей не верят, зная, что она не может поддержать на суше и продаст несколько чужих царств за один выгодный пункт в торговом трактате...»^[147].

В марте 1839 года на заседании особого комитета Азиатского департамента было принято решение о том, что с хивинскими набегам надо что-то делать, и терпеть работорговлю «азиатцев» тоже более невозможно. Через несколько недель Перовский представил план военного похода на Хиву. Принято считать, что поход был не подготовлен, что решение о его начале было принято спонтанно, что не учли время года, да и сил было маловато. Но давайте на секунду представим себе весну 1839 года. Идет война на Кавказе, которую финансируют и курируют англичане. Только что русская дипломатия потерпела поражение в Персии и Кабуле. Англичане идут с войной в Афганистан. А в Петербурге убит Виткевич. Я уверен, что Перовский не сомневался – его воспитанник был именно убит. В Бухаре находится и ведет переговоры с эмиром английский агент полковник Стодарт, известный русским по Персии. И на этом фоне власти Российской империи вдруг узнают, что и в Хиве, похоже, орудуют английские агенты. Точнее, в Оренбургскую пограничную комиссию пришло сообщение от информатора: в Хиву с предложением военной помощи прибыла британская миссия численностью в двадцать пять человек. Это означало, что еще немного, и вся Центральная Азия окажется под контролем англичан. Уже много месяцев спустя выяснилось, что информация от агента была ложной. Миссия только собиралась приехать в Хиву. Казалось, что выбора у русских нет. Только превентивный удар.

В ноябре русские войска выступили в поход на Хиву. Почти шеститысячный отряд солдат, казаков, башкиро-мещеряцкого войска, артиллерия, ракетные станки и обоз в 10 000 верблюдов, которые везли боеприпасы, еду и снаряжение. Зимнее время выбрали специально – летом поход казался невозможным из-за страшной жары. В первую неделю декабря начались снегопады, причем такие

обильные, каких не было много лет. Глубокий снег мешал передвижению, верблюды не могли добыть себе корм. Каждую стоянку отряду приходилось оборудовать по несколько часов. Люди едва успевали поспать и что-то съесть. Сугробы были так глубоки, что русским солдатам и казакам иногда приходилось идти по грудь в снегу. Серьезной проблемой стали болезни, началась цинга, при этом отряд еще отбивал атаки хивинцев.

30 декабря около 3000 конных хивинцев атаковали Акбулакское укрепление. Это была походная крепость, выстроенная из повозок. В укреплении находились 399 человек, из них почти половина – 164 – больные. Несмотря на это, российские солдаты заметили хивинцев еще за километр и смогли отразить несколько атак. Бои продолжались и 31 декабря, а 1 января хивинцы напали на основные силы, которые шли к укреплению на помощь. Но и там атаку отбили. Правда, попавших к ним в плен русских солдат хивинцы зверски замучили до смерти.

К концу января Перовскому стало ясно – до Хивы отряду не дойти. Солдаты умирали от болезней, многие были так истощены, что не могли нести службу. Верблюды умирали по сто в день. 29 января генерал Перовский лично провел смотр войск и принял трудное решение. 1 февраля 1840 года генерал отдал приказ измученным и сильно поредевшим колоннам повернуть обратно и двигаться на Оренбург. Вот как очевидец описывал этот поход:

«Солдаты замерзали, неся сторожевую службу. Однажды один из колонных начальников, поверяя передовые посты, увидел солдата в полулежащем положении, держащего ружье в руке. Он подошел к нему и, громко крикнув: “Чего ты сидишь, такой сякой, на посту”, ткнул его в шею. Солдат свалился на снег и лежал неподвижно. Оказалось, что он был уже замерзший труп.

В таком состоянии отряд простоял на Чушка-куле до начала весны и с первыми лучами весеннего солнца двинулся обратно в Оренбург, убедившись в невозможности идти дальше.

После восьмимесячного пребывания в степи, 8-го июля 1840 года, хивинский отряд прибыл в Оренбург и остановился на зауральской стороне на берегу реки Урала, против Банного озера, оставив погребенными в степи нижних чинов 1.054 человека да еще, по прибытии, положив в Оренбургский госпиталь цинготных 609 человек, в том числе 20 офицеров. Больных привезли в госпиталь 6-го июля; я тогда был дежурным еще в чине прапорщика; картина, открывшаяся предо мной и бывшая не такую заметною в походе,

была ужасна. Жаль было смотреть на больных, хотелось выразить участие несчастным страдальцам, но не было никакой возможности стоять долго в палате. У каждого больного десны распухли, и из образовавшихся на них трещин текли кровь и материя с ужасным запахом, ноги были у всех сведены и в ранах. Некоторые в тот же день и умерли. Офицеры, как и нижние чины, были в одинаковом положении. Целые толпы родственников, жен и детей, собрались в госпиталь, несмотря на страшную атмосферу, стоявшую в здании. Несчастные мученики рассказывали, со слезами на глазах, своим близким про те бедствия, которые перенесли они за этот злосчастный поход. Они ярко рисовали картину, как остались они без топлива, как все лишнее жгли вместо дров, как рубили оглобли и сани и, наконец, кибитки для того, чтобы разогреть в чайнике воду. Действительно эти люди испытали все, что может только переиспытать человек, заброшенный в пустыню во время суровой зимы, без пищи, крова и топлива.

Не помню, как долго стоял отряд, по прибытии из степи, в лагерях, но, кажется, месяца два или три. Уныние было полное, и, чтобы поднять дух солдат, а главное, чтобы не бросался ярко в глаза трагический исход похода, начальство устраивало ежедневно в лагере отряда празднества (было что праздновать!). Ежедневно с 4-х часов и до пробития вечерней зори играла там военная музыка, по вечерам устраивались танцы, сад иллюминировался, и пускался фейерверк. На эти вечера собиралось множество семейств из общества Оренбурга, но вечера были вялы и не удачны.

Больные в Оренбургском госпитале не поправлялись, и только некоторые к концу года выздоровели, а большинство отправилось в вечность.

Памятен был всем Хивинский поход, о котором каждый отзывался с необыкновенной грустью и неохотно пускался в описание подробностей пережитого. Дорого обошелся и государству этот поход, кроме погибших полных сил людей, на него было затрачено 1.700.000 рублей ассигнациями и 12.000 червонных»^[148].

Это был крах, во всяком случае так представляли дело британские газеты. Тем хуже для русских ситуация выглядела на фоне победного шествия англичан по Афганистану. Антироссийская пресса в Британии и Европе клеймила русских за непрофессионализм, неумение воевать, непонимание ситуации, за плохую подготовку военной экспедиции, которая не достигла целей,

и вообще за все, что можно. Рабов русские, как планировали, не освободили, хана не сместили.

А пока войска Перовского пробивались через степи, в Хиву был отправлен английский агент. Его звали Джеймс Эббот. Он был подчиненным майора Д'Арси Тодда, одного из лучших руководителей полевых агентов Компании. Эбботу поставили простую задачу – сделать хана союзником британцев, настроить его против русских, тем более повод был – вот он, агрессивный Перовский с войсками ходит по степи. Эббот должен был склонить хана и к войне против Бухары, если она продолжит быть столь же лояльной России. Разведчик намекнул хану, что в случае отказа британские войска могут прийти в Среднюю Азию. Благо из Афганистана недалеко. О том, что Эббот находится в Хиве, стало известно Перовскому и Азиатскому департаменту МИД, и российский посланник в Лондоне принес официальный протест британскому Форин-офису, на который англичане просто наплевали.

1 мая 1840 года при проведении разведки казачьими разъездами в окрестностях укрепления Ново-Александровского – а это уже была российская территория – был задержан Эббот, бежавший из Хивы. Хан заподозрил его в том, что он работает еще и на кокандцев или бухарцев, и приказал Эббота убить. Его доставили к коменданту крепости, потом под конвоем в Оренбург, а об инциденте сообщили в МИД. Высылки из России он дождался в Златоусте. Пока он был в Хиве, его начальство не имело никакой информации о том, жив агент или его уже убили, и вообще доехал ли он. Поэтому майор Тодд решил отправить в Хиву еще одного полевого агента, Ричмонда Шекспира. И когда Эббота высылали из Петербурга, Шекспир въезжал в Хиву. Он, как и предшественник, должен был агитировать хана за дружбу с Лондоном и Калькуттой и заодно разведать оборону русских границ.

Английские ученые-историки любят рассказывать о том, что именно Эббот и Шекспир смогли убедить хана отпустить всех русских пленных и русских рабов. Дескать, именно так они пытались создать ситуацию, при которой у русских не осталось бы формального повода для вторжения. В частности, Питер Хопкирк в книге «Большая Игра» очень подробно разбирает миссии обоих разведчиков и приходит к выводу, что помимо политического расчета ими двигало еще и благородство. А неблагодарные русские историки этого не осознавали.

«Нет ничего удивительного в том, что русские историки, как царские, так и советские, игнорировали роль Эбботта и Шекспира в освобождении хивинских рабов. Их освобождение приписывалось исключительно растущему страху хана перед русской военной мощью и испытанным им испугом при известии о первом походе на него. Однако русскими историками много чего было сказано про Эбботта и Шекспира. Обоих называли английскими шпионами, направленными в Центральную Азию в рамках гигантского плана установить там владычество Британии за счет задуманного ослабления влияния России»^[149].

И что на самом деле сыграло роль – беседы с первым английским агентом, Эбботом, или страх перед русскими, сказать определенно невозможно. Вероятно и то и другое. Русская армия показала, на что способна в Персии, и хан это отлично знал. Понимал он и то, что обозленные неудачей русские не успокоятся, если не получат свое. Английские историки забывают упомянуть и еще один факт: как уже говорилось, в начале 1840 года встревоженный походом российских войск хан своим фирманом (указом) повелел освободить всех русских, находящихся в Хиве в неволе. На хана Аллакула действовало и то, что у русских войск оставался лагерь глубоко в степи, фактически новый форпост, к тому же русские обрубали Хиве торговлю в Оренбурге и Астрахани. А еще у хана помимо Эббота и Шекспира был и другой «консультант» – корнет Аитов, плененный киргизами и отведенный в Хиву. Вот с ним хан не раз советовался и спрашивал, как ему поступить с пленными. Английские ученые про Аитова обычно не упоминают. А вот по другим данным, именно корнет Аитов, сотрудник ОПК, убедил хана Аллакула в невозможности для Хивы «ни противиться нам вооруженной рукою, ни существовать без торговли нашей, снабжающей ханство нужнейшими продуктами».

19 июля 1840 года хан издал фирман, которым запрещал своим подданным любые нападения на русские земли, захват русских в плен и покупку плененных русских. Были освобождены все ханские невольники, то же было приказано сделать всем подданным хана, все получившие свободу люди были снабжены продовольствием и вместе с Аитовым (или, если верить английским данным, с Шекспиром) отправлены в пределы Российской империи. 17 августа 1840 года караван с освобожденными был отправлен в Оренбург. Вот свидетельство очевидца прибытия каравана – интересные факты для тех, кто сейчас пытается рассказывать, что у России не было

«никаких оснований», чтобы начинать присоединение Туркестана или совершать азиатские походы.

«В конце октября месяца 1840 года были возвращены из Хивы 600 человек русских пленных, отсталых от отряда, подобранных хивинцами, которые всюду следовали по пятам русских, а также захваченных ими, еще до выступления русских в Хивинский поход, с наших пограничных пунктов. Жалкий вид имели пленные. В оборванных хивинских халатах, с выбритыми головами или же уже с отросшими лохматыми волосами, они положительно едва сохранили образ человеческий. На лицах их можно было прочесть те страдания, какие пришлось перенести им в плену у диких хивинских племен. Эти несчастные мученики рассказывали ужасные подробности о вынесенных ими страданиях. Их продавали в рабство, били кнутами и нагайками, держали в клоповниках без пищи, оставляя на произвол ужасным насекомым. Глубокие шрамы на плечах и спине свидетельствовали об истязаниях, которым подвергались эти несчастные люди. Несколько человек были с выколотыми глазами и, возвратясь на родину, уже не видали ее, а рыдали, обнимая своих земляков. Что было на душе у этих несчастных, – одному Богу известно. Измученные, с безжалостно оскорбленною честью женщины были ужасны. Без слез нельзя было смотреть на них. Душа кипела мщением за эту горсть собратий, для которых жизнь уже поблекла, для которых не открывалось уже розового будущего, так как лучшие годы их и лучшие силы ушли в рабстве, насилии и поругании. Многие не выдержали всеугнетающего рабства, сложили в Хиве свои кости, многие были казнены за попытки к бегству. Некоторым удавалось и бежать, но и их участь была не лучше, они погибли от голода и жажды в беспредельных степях, занесенные песком или снегом. Были и такие, которые переменили Христову веру и стали жить в почете среди мусульман, но таких насчитывалось очень немного – большинство рвалось на родину, сохранив веру Христа и любовь к России.

Одновременно с возвращением пленных был издан хивинским ханом фирман о запрещении не только ловить русских, но и покупать их у барантачей (разбойников)»^[150].

19 сентября 1840 года Шекспир прибыл в Оренбург и попытался представить дело так, что это он главный освободитель, но Перовский встретил его прохладно – официально поблагодарил за участие в судьбе русских рабов, но никаких переговоров с ним не вел

и отослал его в Петербург в качестве частного лица, откуда его выслали в Англию.

Перовский писал по результатам беседы с англичанином в Азиатский департамент, что Шекспир «...дал уразуметь, что целью посылки его в Туран было подготовить хивинского владельца к могущему вскоре последовать занятию англичанами Балха и Кундуза как прежних провинций Кабула и замене нынешнего бухарского эмира вассалом Шахи Суджи, если Насрулла (эмир Бухары. – Прим. авт.) воспротивится занятию Балха и не принесет приличных извинений за дурное обращение с подполковником Стоддартом»^[151].

А с полковником Стоддартом в Бухаре – он доехал туда тоже в начале 1840 года – и правда случилась неприятная история. К тому моменту, когда он прибыл в Бухару, эмир уже был осведомлен, что британский посланник не столько дипломат, сколько шпион. И он почти сразу оказался, до встречи с эмиром, под домашним арестом. Поначалу мягким. По поводу того, что было дальше, есть разные версии. По одной – он неприлично повел себя на приеме у эмира, решив, что его хотят связать или убить, выхватил шашку и начал угрожать. По другой – все было иначе. Никому не разрешалось выезжать на площадь Регистан, центральную площадь города, на коне, кроме самого эмира. Но Стоддарт выехал, на его беду, властитель Бухары вместе со свитой именно в это время возвращался с охоты. Так вот увидев его, полковник даже не спешил. Сидя в седле, на коне, он просто небрежно взял под козырек. Вокруг площади Регистан тогда стояли многочисленные лавки торговцев, и эту сцену видели сотни, если не тысячи людей. Так что у эмира не было выбора, как поступить с дерзким посланником.

Вообще те, кто отправил в Бухару именно полковника Стоддарта, не учли двух фактов, и оба стали роковыми для посланника Ост-Индской компании. Во-первых, Стоддарт не был хорошим дипломатом, не умел хитрить, красиво и многосложно говорить ни о чем. Он, по воспоминаниям современников, был простым, смелым рубакой. Во-вторых, Стоддарт был не просто военным. Он ведь служил офицером в колонии и потому имел свое представление, весьма своеобразное, о том, как просвещенному белому человеку надлежит обращаться со всякими необразованными местными князьями и раджами. Стоддарт не учел лишь того, что индийские княжества были колониями, а вот Бухара – свободным государством, под единоличной властью эмира. Но полковник словно забыл про это. В Бухаре он не соблюдал вообще никаких норм

этикета, принятых в городе. Он мог пихнуть, обругать или ударить любого, кого хотел.

Так что Стоддарта схватили и посадили в яму, кишашую голодными блохами и клопами, во время его первого же визита ко двору эмира. И случись нечто подобное где-нибудь в Афганистане или в независимых индийских княжествах, англичане тут же послали бы карательную экспедицию. Но Бухара была далеко, а кроме того, Ост-Индская компания решила не обострять обстановку, с эмиром не ссориться и попытаться вытащить посланника из тюрьмы дипломатическим путем. Форин-офис обратился к российскому министру Нессельроде с просьбой о содействии в освобождении Стоддарта. Тут как раз в Бухару, по просьбе эмира, обеспокоенного активностью англичан, отправлялась русская миссия подполковника корпуса горных инженеров Константина Бутенева, и ей наряду с другими задачами предписывалось добиться согласия Насруллы на освобождение Стоддарта и отправления его в Оренбург.

По одним данным, Бутенев не смог убедить разозленного на англичанина эмира. А разозлиться было на что. Приехал неизвестно откуда, махал саблей, с коня не слез, еще и бумаг у него не оказалось никаких – а эмир попросил его предоставить документы, подтверждающие полномочия. Правда, эмир потребовал, чтобы письмо ему написала лично королева Англии, общаться с ее «замами», английскими кушбеги – то есть премьер-министром или генерал-губернатором Индии – он счел для себя зазорным. Он же эмир. По другой версии, Стоддарт отказался воспользоваться помощью каких-то русских, дескать, снобизм погубил англичанина. Это кажется маловероятным: если даже ради сохранения жизни полковник принял ислам, то трудно представить, что он отверг бы помощь Бутенева. Интересно, что в то же время министр финансов Егор Францевич Канкрин поручил ему «разведать, нет ли в Бухарии и соседственных с нею странах торгового хищническим русским золотом, и если оный существует, то какими главнейше путями производится». В России начиналась денежная реформа, и министру важно было понимать, нет ли производства фальшивых русских монет в Азии и не уходит ли так нужное русскому правительству золото за границу. Бутенев в отчете Канкрину писал:

«Значительнейшая торговля русским песчаным золотом с уральских промыслов производится через Троицк, где некоторые жители постоянно скупают его в весьма малых количествах и потом перепродают отъезжающим в Бухарию купцам. Должно

заметить, однако, что при этом оно покупается более татарами, чем бухарцами. В Троицке платят за него от 9 рублей 50 копеек до 10 рублей ассигнациями за золотник.

Купцы, отправляющиеся в Бухарию, во избежание открытия у них хищнического золота таможенными чиновниками, большею частью отправляют его за несколько дней до выезда каравана в степь, впрямь с киргизами, которые проезжая верхом налегке, избегают вовсе таможенного досмотра или подвергаются ему весьма поверхностно; когда же караван уходит в степь, они встречают его там и передают владельцам вывезенное золото, получая за то весьма незначительную плату. Впрочем, и самые купцы по причине весьма поверхностного досмотра отпускаемых товаров весьма легко могли бы провозить его чрез таможенные заставы вместе с другими товарами.

Сбыт сего золота в Бухаре двоякий: или оно продается на базарах, в лавках у менял, где покупают его золотых дел мастера, или оно отдается на ханский монетный двор для передела в монету.

Приобретенное мною покупкою в Бухаре хищническое русское золото, по словам его, наружным видом много сходствует с золотом тех промыслов. Сверх того видно, что это золото было похищено не с промывальных станков, но с разреза.

Не менее того полезно было бы увеличить полицейский надзор в селениях лежащих поблизости казенных и частных золотых промыслов, особенно во время бывающих там ярманок, ибо по многим причинам должно полагать, что в это время в них производится первая передача золота от мастеровых купцам».

Тем временем обстановка в Афганистане начала ухудшаться. Английские войска вели себя, как подобает оккупантам и как они привыкли делать это в Индии: при необходимости отнимали у населения продовольствие и фураж, транспортные средства. Когда встречали сопротивление – жестоко карали. Один английский офицер вспоминал, что когда жители кишлака в Бамиане «отказались выдать свои скудные запасы фуража, от наличия которых зависел корм скота зимой, нападающие сожгли фураж, а несчастные хазара были сожжены живьем или застрелены».

Первые нападения на англичан начались еще осенью 1839 года. В апреле 1840 года началось новое восстание гильзаев. Повстанцы перерезали на несколько дней важнейшую английскую коммуникационную линию Кандагар – Кабул. В том же году белуджские повстанцы уничтожили британский отряд, взяли

штурмом город Келат, уничтожив находившийся в нем английский гарнизон. В сентябре 1840 года в Бамиане узбекское ополчение выбило англичан из этой области.

Британское правительство резко сократило расходы на оккупационные нужды в Афганистане, а это больше миллиона фунтов стерлингов в год, в результате снизились субсидии, которые выплачивались некоторым ханам и вождям племен. И они начали думать – а стоит ли дальше поддерживать Шуджу. В ноябре 1840 года в ущелье Парван Дора таджикское ополчение разгромило англичан, их потери были небольшие, но им пришлось отступить. И в это же время восточногоильзайские отряды заняли горные проходы между Кабулом и Джелалабадом, а по ним шло тыловое обеспечение англичан. И зимой 1840/1841 года в связи с трудностями снабжения войск английским войскам стали отдавать на разграбление целые округа. Офицер из Кандагара писал летом 1841 года своим друзьям:

«Скоро будет три года, как армия Инда отправилась из Фирозпура для завоевания этой несчастной страны. Шах Шуджа должен был вступить на престол отцов своих, и войско должно было возвратиться потом в Индию. Дело окончено вот уже два года, а мы все еще здесь; правительство не может нести огромных издержек, с которыми сопряжено занятие Афганистана. Но можем ли мы возвратиться? Кругом, во всей стране с каждым днем увеличивается беспокойство. Хайберцы, гильзаи и дуррани взяли за оружие, на посты наши делают нападения, солдат наших убивают перед нашими глазами. Можем ли мы оставить Афганистан в таком положении, и, с другой стороны, переменится ли оно и успокоится ли страна? Никогда, по крайней мере мы до этого не доживем. Не могу вам сказать, как ненавидит нас народ: всякий, кто убьет европейца, считается святым. Еще недавно было несколько таких убийств, и мы не можем, не должны здесь оставаться; мы должны возвратиться, хотя бы даже с уроном нашей чести» [\[152\]](#).

Но надо сказать, что в Кабуле англичане чувствовали себя отлично, и никто не видел надвигающейся бури. Подумаешь, восстания, бои местного значения. Они это видели и в Индии. И ничего, пережили. Многие офицеры по примеру начальства перевезли сюда жен и детей. Офицеры устраивали развлечения, от крикета до концертов, от скачек с препятствиями до катания на коньках. В этом участвовала местная аристократия. Распутство и пьянство вызывало невероятное негодование мусульманского

духовенства и религиозного местного населения. Александр Бернс особенно раздражал кабульскую знать – он жил в прекрасном доме, окружив себя прекрасными наложницами. Что для афганцев было верхом оскорбления, ведь все девушки были местные.

В конце сентября 1841 года племенные вожди впервые встретились, чтобы договориться о совместной войне против англичан и Шуджи. Англичане про заговор узнали, но ничего не сделали. Макнатен вообще досиживал в Кабуле последние месяцы, его ждал пост губернатора Бомбея. Фактически восстание началось еще в сентябре в Кандагаре, и на пути в Джелалабад афганцы стали атаковать англичан. Вечером 1 ноября 1841 года помощник и друг Александра Бернса, кашмирец Мохан Лал предупредил его, что ночью на англичанина будет совершено покушение. Бернс отмахнулся от предупреждений.

Наконец 2 ноября в Кабуле начались волнения. Толпа собралась у дома Бернса. Уильям Макнатен немедленно созвал своих военных советников и начал решать, что же делать. Командующий гарнизоном генерал Уильям Эльфинстон отказывался применять войска, Макнатен настаивал. Пока они обсуждали ситуацию, толпа пошла на штурм дома Александра Бернса. Вся охрана, индийские сипаи, погибли в бою, Бернс был растерзан толпой, изуродованное тело захоронил в саду его товарищ-афганец. Все это происходило, когда в английском лагере находились 6 тысяч солдат, но со стороны генерала Эльфинстона так и не последовало никакого распоряжения, ни один британский офицер не пришел на выручку не только Бернсу, но и английским блок-постам, которые уничтожали поодиночке. Как результат, уже 3 ноября все афганцы знали – англичане испугались. Шах-Шуджах заперся в Бала-Хиссаре, у английских войск захватили большую часть их провианта и боеприпасов. 22 ноября Акбар-хан, сын Дост Мухаммеда, вступил в Кабул во главе народного ополчения.

Как оказалось, британцы изначально выбрали неудачное место для своего лагеря между холмами. Теперь на этих холмах расположились афганские моджахеды, которые обстреливали лагерь. Английские военные историки уверены: будь на месте генерала Эльфинстона человек порешительнее, все обернулось бы иначе. Сил у англичан хватало, чтобы атаковать и чтобы пробиться, например, в Бала-Хиссар. Как показывал опыт русско-персидской войны, европейская армия могла противостоять азиатской, даже будучи в меньшинстве и даже при условии, что афганцы не персы, вояки они

куда лучше, шанс у англичан был. Но Уильям Эльфинстон оказался размазней и трусом. По-русски это называется так. Он лишь вел переговоры. Афганцы все больше убеждались, что противник слаб. Войскам не хватало еды, солдаты, в большинстве индусы, мерзли.

23 декабря на переговорах с афганцами был убит Уильям Макнатен – фактический идеолог вторжения. Его отрубленную голову, воткнув на пику, понесли по улицам города. После смерти Макнатена вожди восстания сочли, что теперь англичане согласятся на любые условия, и 1 января 1842 года договор с афганцами был скреплен печатями 18 племенных вождей. Англичане сдали все деньги, почти всю артиллерию, большую часть оружия. Раненые и больные, а также шесть офицеров оказались в заложниках у афганцев. 6 января 16 тысяч англичан, из них военных только 4,5 тысячи, остальные женщины, дети и лагерная прислуга, выступили из Кабула, направляясь к Хурд-Кабульскому ущелью. В авангарде находились 600 стрелков 44-го пехотного полка в красных мундирах и отряд конницы в 100 сабель. Затем следовали женщины и дети на пони, больные или беременные женщины в паланкинах, которые несли слуги-индусы. Далее двигалась основная часть пехоты, конницы и артиллерии. Арьергард также состоял из пехоты, конницы и артиллерии. Между основным отрядом и арьергардом тянулась длинная колонна верблюдов и волов, груженных боеприпасами и продовольствием. За ними – несколько тысяч человек лагерной прислуги. Афганцы обещали дать англичанам охрану, но ее так и не дождались. Как только хвост колонны покинул лагерь, начались нападения афганцев, и весь отряд превратился в охваченную паникой толпу. 9 января отряд втянулся в Хурд-Кабульское ущелье. Длинной всего пять километров, оно стало смертельной ловушкой.

В Хурд-Кабульском ущелье афганцы устроили англичанам настоящую бойню. К тому времени, когда основная часть колонны достигла выхода из ущелья, в нем еще оставались сотни полуобмороженных людей. Афганцы за первый день совершили не менее 13 нападений. Английские солдаты в красных мундирах на белом снегу были прекрасными мишенями для пуштунских стрелков.

За один лишь день англичане потеряли более 3000 убитыми и замерзшими, включая множество женщин и детей. На следующий день атаки на колонну возобновились. Очевидец доктор Брайден писал: *«Это был ужасный марш – мы шли неведомо куда, ослепнув от сверкания снегов, под непрерывным огнем врага, и множество*

офицеров и солдат погибли. Холод и непрерывные атаки сделали плохо одетые индийские отряды почти бессильными защититься от происходящих со всех сторон атак афганцев. Запасы были разграблены. Не было ни палаток, ни одеял. Температура упала ночью более чем на десять градусов ниже нуля. Женщины и дети замерзали насмерть, засыпая на голой земле. Туземцы безжалостно убивали оставшихся. Замерзшие трупы отмечали маршрут нашего похода»^[153].

Попавшая в плен к афганцам леди Сейл, жена одного из офицеров, оставила дневниковые записи. «Многие солдаты слишком озябли, чтобы бороться. В лагере возникают ссоры с офицерами. Запуганные артиллеристы стреляют без приказа. Афганцы открывают огонь неожиданно. Сверху они видят нас с одного взгляда».

Первая англо-афганская война. Битва при Гандамаке

За пять дней погибли две трети гражданских, а из военных остались в живых лишь 700 солдат и офицеров. Весь путь от Кабула был усеян телами погибших и залит кровью. Большинство тел были раздеты – одежду забирали выжившие, чтобы хоть как-то согреться в лютую горную стужу. Недалеко от Джелалабада афганцы добились остатки английского отряда. В бою под селением Гандамак горстка солдат 44-го пехотного полка заняла холм, чтобы организовать

оборону. Преследующие их афганцы стали атаковать. Все закончилось лютой рукопашной схваткой. 65 солдат и офицеров погибли. В плен попал только капитан Джеймс Саутер. Сегодня в его честь названа база британских войск под Кабулом – Лагерь Саутер. Из 16 тысяч выступивших из-под Кабула англичан уцелел единственный человек – доктор Брайден, который 14 января, израненный и совершенно истомленный голодом, добрался до границ Британской Индии.

Пока обстановка в Афганистане ухудшалась, русское правительство попыталось взять реванш за провал в Кабуле и Хиве. Русским надо было понять, как настроен хан, насколько он подконтролен англичанам и правда ли, что при его дворе побывали английские агенты. Во всяком случае, через ОПК к Перовскому такая информация пришла, и губернатор писал министру Нессельроде следующее:

«1841 г. мая 6.

Письмо оренбургского военного губернатора В. Перовского управляющему МИД графу К. Нессельроде о происках английских агентов в Средней Азии.

Милостивый государь граф Карл Васильевич! Честь имею сообщить Вашему сиятельству перечень последних сведений, полученных из Хивы.

Новости эти сообщены киргизцем, который послан был мною в ханство для разведок еще в апреле месяце 1840 г. По прибытии туда, в мае того же года, он, для большей безопасности, явился к султану Каип-Галию, при коем и пробыл около месяца; после чего отправился обратно в Кунград, намереваясь возвратиться в Россию, но в сказанном городе схвачен и сначала содержан под весьма строгим караулом. Освобожденный от последнего через несколько времени, он успел оказать какую-то услугу куш-бегию, которым и был вызван в Хиву, и в начале декабря месяца прошедшего года взят на ханскую охоту.

Вся свита, вместе с Алла-Кулом, переправилась на правую сторону Амударьи против Нового Ургенча, вскоре пронесся в лагере слух, что в Хиву прибыли три англичанина с 40 человеками прислуги. Слух этот не замедлил оправдаться действительным приездом в лагерь хана, одного из великобританских агентов. Алла-Кул допустил его к свиданию с собой, но после того немедленно отправил в Хиву, послав туда и брата своего Рахман-Кули-Инаха.

Возвратясь чрез два месяца в столицу, хан около двух недель не принимал английского агента, который, наконец, сам отправился к нему, но и тут не был допущен. Одумавшись на другой день, Алла-Кул послал агента к себе, но тот отказался под предлогом болезни и явился к хану через сутки. Алла-Кул был очень ласков с англичанином, спрашивал его о цели прибытия, и узнав, что они намереваются отправиться порознь в Бухару, Кокан и Россию, предлагал доставить все средства к отъезду, но великобританский агент отозвался, что ждет еще каких-то известий и сверх того желает отдохнуть от дальней дороги.

Виделся ли после того агент еще с ханом, киргизец не знает, но в это время, т. е. в начале нынешнего года, распространился в Хиве слух об умерщвлении бухарцами полк. Стодарта, и английский агент при частых свиданиях с кушбегием и мяхтером всячески старался возбудить хивинцев к войне с Бухарой, говоря, что разграбление последней обогатит хана, поход же ничего ему стоить не будет, ибо все издержки примут на себя англичане, что, наконец, хан должен согласиться на это, дабы тем отплатить англичанам за примирение Хивы с Россией.

Слухи были, что Алла-Кул склонялся уже на войну и решился даже снарядить значительный отряд английскому агенту, как получено было донесение от начальника Меру Нияз-Бека о движении будто бы к сказанному городу сильного отряда англичан.

Испуганный Алла-Кул немедленно отправил туда под предлогом охоты брата своего Инаха с довольно большим отрядом для удостоверения в справедливости полученных известий; ответ Инаха еще не прибыл в Хиву до отъезда киргизца. Между тем английский агент не обнаруживал намерения выехать и начал даже торговать дом мяхтера; в последнем хан решительно отказал, но из боязни не решался принять никаких действительнейших мер против англичан.

Появление англичан в Средней Азии во всех отношениях невыгодно для России, при настоящих же обстоятельствах происки великобританских агентов могут произвести большой переворот в Туране... Последнее, судя по алчности хана и слабости Бухары, весьма возможно, в особенности при помощи английских денег; и как обстоятельство это было бы совершенно противно выгодам России, то, несомненно, поставит агентов наших в затруднительное положение.

Для успокоения Алла-Кула относительно посланца его и намерений России, равно как чтобы побудить его не предпринимать ничего решительного, по крайней мере до прибытия нашего агента, я отправляю на днях к хану нарочного киргиза с письмами от меня и от Атанияза-Ходжи. Копия с первого при сем прилагается.

Покорнейше прошу, Ваше сиятельство, принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Василий Перовский»^[154].

В 1841 году в Хиву был отправлен капитан Прокофий Никифоров с четкими указаниями от канцлера Нессельроде.

«Вице-Канцлер Капитану Никифорову;

19 февраля 1841 г. № 448

(Секретно; секретная инструкция).

В течение прошлого 1840 года Хива была посещаемая двумя Английскими офицерами Ост-Индской службы, а именно: капитанами Абботом и Шекспиров. Заведенные таким образом прямые сношения между Ост-Индским правительством и владельцем Хивинским могут легко подать повод к появлению вновь великобританского агента в Хиве во время вашего там пребывания. А потому мы считаем необходимым снабдить Вас некоторыми наставлениями касательно образа действий ваших в отношении к английскому агенту, на случай, если-бы таковой действительно прибыл в Хиву в одно время с Вами.

В отношении к Хиве Государю Императору благоугодно соблюдать принятое его Величеством правило не допускать вмешательства каких бы то ни было иностранных Держав в дело России с соседственными с нею областями. Сим правилом должны Вы руководствоваться в случае появления английского агента в Хиве во время вашего там пребывания. Но, имея в виду отклонять вмешательство его в переговоры ваши с Хивинским владельцем, Вы должны, в объяснениях ваших с сим последним не подавать ему ни малейшего повода полагать, что мы опасаемся Англичан или что между Россией и Англиею существует по азиатским делам какое-то соперничество.

Ложные понятия азиятцев вообще на счет такового соперничества служат только к возбуждению неосновательных подозрений и к порождению разных обстоятельств, столь же невыгодных для России, как и для Великобританских владений.

Добросовестность и справедливость составляют отличительную черту Российской политики; величие России

требует, чтобы принимаемые нами меры были ответственны ее достоинству и наша система действий должна быть чужда мелочных происков, не имеющих, впрочем, никогда надежных последствий. Эта самая добросовестность Российской Державы приобрела ей общее доверие в странах Азии, наиболее отдаленных. А потому и ваши собственные действия в Хиве должны сообразоваться с теми правилами.

Из сего явствует, что, стараясь избегать вышеобъясненных двух крайностей, Вы будете обходиться с английским агентом как с офицером дружественной с нами Державы, не будете обнаруживать неудовольствий по поводу пребывания его в Хиве, но должны быть крайне осторожны в ваших с ним сношениях.

Не имея вида скрытности, Вы не должны быть к нему и слишком доверчивы и откровенны, и вместе с тем Вы должны незаметным образом наблюдать за его там действиями; ибо на опыте уже доказано, что агенты сии большею частью выходят из пределов данных им наставлений и тем вовлекают лишь свое правительство в большие затруднения.

Действуя на основании начертанных здесь общих правил, Вы принесете отечеству вашему гораздо большую пользу, нежели если станете увлекаться завистью к иностранцу. Сие, однакоже, отнюдь не должно препятствовать Вам настаивать с надлежащею твердостью, чтобы ни английский, ни другой какой бы то ни было иностранный агент отнюдь не вмешивался в переговоры ваши с Ханом, так как предметы этих переговоров исключительно относятся до взаимных сношений Российской Империи с Хивинским Ханством. Министерство надеется, что благоразумными поступками Вы в полной мере оправдаете лестное для Вас доверие, которым Вы удостоены от его Императорского Величества.

Подпись: Граф Нессельроде»^[155].

Миссия Никифорова не стала удачной – он слишком дерзко себя вел, сумел перессориться со всеми министрами двора и вернулся он ни с чем. Но показательно: как бы ни вел себя русский посланник, никто не попытался даже задержать его или казнить. Хивинцы боялись русского гнева.

А англичане тем временем вернулись в Афганистан. Это случилось весной 1842 года, с новым отрядом захватили Кандагар и стали готовиться к броску на Кабул.

Осенью войска отправились к столице, по дороге разоряя и сжигая селения, устраивали массовые казни. Есть свидетельства

английских офицеров о том, как это было в городке Исталиф в 20 километрах от Кабула:

«Когда мы почти достигли его, то увидели множество фигур в белом, взбиравшихся на горы, и, приняв их за повстанцев, открыли по ним орудийный огонь, и я с сожалением должен сказать, что некоторые из них упали; подойдя поближе, мы нашли, что это были женщины... Сцена у входа в город не поддается описанию. Палатки, всевозможные вещи валялись на улицах рядом с трупами несчастных людей, которые чрезмерно задержались с уходом или были слишком храбры, чтобы бежать и оставить своих жен и детей на наше милосердие, не пожертвовав жизнью для их защиты. Ни одно существо мужского пола старше 14 лет не было пощажено, а некоторые солдаты стремились выместить свою злобу на женщинах... Картина грабежа была ужасна. Каждый дом был наполнен солдатами, как европейцами, так и туземными. Мебель, одежда, товары всех сортов летели через окна на улицы и сгребались теми, кто там находился... У богатых лавок оказывалась дюжина владельцев, которые спорили из-за раздела их содержимого... Уже захватившие свою добычу возвращались в лагерь, преграждая путь огромными тюками, которые они тащили, и были скорее похожи на барышников, чем на солдат... Кто брал оружие, кто драгоценности, а кто книги! Некоторые, опять-таки, предпочитали шелка и сатин, шали и т. д. ... Когда солдаты утолили аппетиты, грабить начала лагерная прислуга, и она продолжала дележ добычи. Найденные в Исталифе товары были оценены почти в 200 тыс. фунтов стерлингов.

...В большом доме мы обнаружили чрезвычайно ценные вещи, которые немедленно стали достоянием моих спутников – пестрой банды, солдат всех полков и знамен – англичан, индусов, мусульман, гурков...

В одном месте мой взор был потрясен видом бедной женщины, лежавшей мертвой рядом с младенцем 3–4 месяцев, еще живым, но у которого обе малые берцовые кости были прострелены и искалечены мушкетной пулей... Поодаль лежала другая женщина, мучась от раны; она страдала от ночного холода, будучи совершенно раздетой, и сжимала дитя в своих руках; ее взгляд отражал испытываемую ею агонию.

...На улицах лежали трупы старых и молодых, богатых и бедных, которые погибли, защищая свой город. Эти ужасные сцены я видел лично; если бы я был в состоянии или желал осматривать

дома, боюсь, что был бы очевидцем намного более жестоких поступков и ужасов войны... В действительности, мы не более чем патентованные убийцы. Весь день саперы были заняты тем, что жгли город, а солдаты и лагерная прислуга тащили все, что плохо лежало. Наш лагерь более походил на базар, чем на что-либо другое; его обитатели были заняты продажей и обменом своей добычи»^[156].

Вслед за Исталифом такая же участь постигла город Чарикар, где были разрушены все дома, а в середине сентября генерал Уильям Поллок захватил афганскую столицу, имея специальное задание «достойно наказать вероломный Кабул». Это была в чистом виде карательная акция. Англичане взорвали кабульский крытый рынок, где когда-то была выставлена отрубленная голова посланника Макнатена, а город был разграблен войсками. Некоторые кварталы Кабула были стерты с лица земли. В нескольких местах город был подожжен. Очевидцы говорили, что пламя было видно на обратном пути армии до самого вступления в Хурд-Кабульское ущелье. Жертвы среди мирного населения исчислялись тысячами. В начале 1843 года Ост-Индская компания решила, что надо вернуть в Афганистан Дост Мухаммеда, ему было позволено покинуть Индию, ему дали деньги и проводили со всеми почестями.

Дост Мухаммед, ради свержения которого британцы потратили 25 миллионов фунтов стерлингов, снова занял кабульский престол. Все это стало настоящей национальной катастрофой для Британской империи. Гибель тысяч гражданских, разгром армии, от которой остался один человек, крах афганской политики вообще как таковой. Лорд Окленд подал в отставку, его сменил лорд Элленборо.

На фоне афганской катастрофы как-то позабыли о судьбе полковника Стоддарта, томившегося в Бухаре. В 1840 году на выручку ему из Кабула отправился Артур Конолли. Сначала он побывал в Коканде, ему было поручено заручиться поддержкой хана в возможных действиях против России или хотя бы просто понять, что за ситуация сейчас в Коканде и какие настроения царят в элите. Но в тот момент бухарский эмир воевал с Кокандом, ему удалось захватить стратегически важные укрепления Ура-тюбе, Ходжекент. Кокандскому хану и без Конолли хватало проблем, чтобы еще забивать себе голову интригами больших держав, кроме того, он не доверял англичанину. И фактически выслал того в Бухару. Есть две версии тех событий. В Российской империи историки писали, что в Коканде Артура Конолли посадили в тюрьму и заставляли

принимать ислам, чтобы спастись. Но он отказался, якобы сумев дать хану такие ответы, что тот зауважал разведчика и отпустил. Английские историки утверждают, что кокандский хан не сажал Артура Конолли и даже отговаривал его от поездки в Бухарский эмират.

Но в целом ситуация с миссией Стоддарта и Конолли выглядит странной и загадочной. Итак, Стоддарт оказался задержан. Он в яме с клопами. Или под домашним арестом – было и такое, когда настроение эмира менялось, и это продолжается три года. Но Артур Конолли едет не сразу в Бухару. Он совершает турне по Азии. Будто точно знает, что с коллегой ничего не случится. Или ему так сказали. Но все это очень странно. Более того, он мог бы привезти с собой бумаги, которые подтвердили бы полномочия полковника. Пусть даже от лорда Окленда, а не от королевы. В конце концов эмир не был совсем уж неадекватным человеком, хотя, безусловно, он был жестоким, как и принято в те годы в Азии. Другие не выживали. Неясно, почему все же именно Чарльза Стоддарта выбрали для выполнения такой важной и деликатной миссии. Даже его брат удивлялся такому выбору – такого твердолобого и прямолинейного вояку послали в Бухару. Зачем? Почему сразу без документов, подтверждающих статус посла? Почему не объяснили тонкости. Стоддарт, конечно, бывал в Индии и Персии, но Бухара жила по особым законам. Почему он нарушил все возможные протоколы, только ли потому, что был таким британским снобом и колонизатором, как принято считать? Получается, что и Стоддарта и Конолли послали в Бухару с билетом в один конец. Мы вряд ли узнаем, что за хитрую игру пытались вести в Калькутте и Лондоне и как они видели себе развитие ситуации.

В ноябре 1841 года Артур Конолли добрался до Бухары, где не только вел переговоры об освобождении товарища, но и пытался склонить эмира к британскому протекторату. Эмир, как человек хитрый, выслушал разведчика-дипломата, но ответ сразу не дал. Потому что знал, что в Афганистане англичан уже начали бить всерьез, и он хотел посмотреть, чем все это закончится. Кроме того, он узнал, что побывавшие раньше в Хиве Эббот и Шекспир пытались подтолкнуть хивинского хана Аллакулу к походу на Бухару. Понимал эмир еще и вот что: если англичане хотят создать какую-то антирусскую коалицию из государств Средней Азии, то очевидно, что кто-то будет назначен на роль, так сказать, «главного по Азии». А это может означать, что его самого англичане и не

станут рассматривать на эту позицию. И кто знает, может, в планах у англичан соединить все три государства Азии в одно? Или в планах у них натравить Бухару и Хиву на Россию? Эмир жил не в вакууме и отлично видел, как Британская империя занимается «слиянием и поглощением» разных государств и как использует одних против других. Ему такая судьба совсем не улыбалась.

В итоге Артур Конолли оказался в одном зиндане с Стоддартом. В подземной тюрьме они провели несколько месяцев, ожидая, что решит эмир. И когда до Бухары дошли сведения о разгроме англичан в Хурд-Кабульском ущелье, он приказал казнить разведчиков. Новость о зверском убийстве англичан шокировала и возмутила. Но напуганные поражением в Афганистане политики не рискнули втягиваться в новую войну в Центральной Азии. И эту неприятную историю решили оставить без внимания.

А через месяц после казни англичан, 1 августа 1842 года, в Хиву прибыло новое русское посольство во главе с подполковником Г. И. Данилевским. Точнее, дело было так. Хан был обеспокоен тем, что он так и не договорился ни о чем с Никифоровым, и *«опасаясь однакожь явного разрыва с Россией, последствия которого Хива еще так недавно успела испытать, хан решился отправить вместе с Никифоровым к нашему двору новых посланцев, для окончательных переговоров с самим правительством, с каковою целью и был назначен почетный сановник Хивы Ваисвай Набиев, со свитою из 16 человек.*

12-го декабря 1841 года посольство это прибыло в Оренбург, и казна приняла его, по обыкновению, на свое содержание, отпуская, кроме квартиры и прислуги, кормовые: послу и товарищу его по рублю, четверем почетным хивинцам по 50 к., а остальным по 25 к. сер. в сутки.

Прибыв в Оренбург, посланцы тотчас же предъявили местному начальству, что они имеют от своего владельца поручение заключить акт на тех условиях, какие предложены были капитаном Никифоровым в Хиве, кроме вопроса о границе хивинских владений»^[157].

То есть посольство Никифорова было неким проверочным мероприятием, когда дипломат, возможно, и не ставил себе цель добиться чего-либо, а просто должен был показать «восточному партнеру» общий жесткий настрой российских властей. Во всяком случае, очевидно, что хан из этого визита сделал выводы. Письмо, которое хивинские власти отправили графу Нессельроде, вполне

ясно демонстрирует, кого в Азии на самом деле (а не как уверяют английские историки) считали серьезным соседом и к кому прислушивались.

«Убежище министров, председатель всеуправляющего главного петербургского суда, главнейший из министров Его Императорского Величества, добродетельный и доброжелательный граф Нессельроде! После того, как превознесется благороднейшая глава твоя нашею царскою милостью и высокою благорасположительностью, да будет ведомо, что препровожденное с почтенным муллою Мухаммед-Шарифом и высокостепенным капитаном Никифоровым письмо твое здесь получено. Из содержания его мы узнали, что ты очень заботился о водворении между двумя державами прежней дружбы и приязни. Если два государства будут по-прежнему согласны между собою, то действительно это будет причиною спокойного и мирного жития их подданных. Из взаимного согласия и мира произойдет благополучие обеих держав. Итак, я совершенно изгнал из сердца своего всю бывшую между нами вражду и злобу. Когда вышеупомянутые лица исполнили посольств обряды и пожелали возвратиться в свое отечество, тогда мы, разрешив их на обратное следование, присоединили к ним высокостепенных: Ваис-Нияз-Бая и Ишбая, которые все то, что сказано им изустно, объяснят при личном свидании. Это высокое письмо (да дастся ему вера) написано в благословленном месяце рамадане 1257 г. (в октябре месяце 1841 года)»^[158].

Для заключения нового договора с Хивой туда и был отправлен подполковник Данилевский – прекрасный офицер, успел повоевать и сделать карьеру адъютанта.

«Во время поездки в Хиву Данилевскому было 40 лет. Воспитание он получил домашнее и в 1818 году поступил на службу юнкером в Ахтырский гусарский полк. Дальнейшая служба его, пройденная с замечательным отличием в кампаниях 1828 и 1829 годов, в Турции, и в 1831 году, в Польше, продолжалась тоже в кавалерии; в 1837 году, уже в чине подполковника он был назначен для особых поручений к командиру отдельного оренбургского корпуса, генерал-адъютанту Перовскому. Служба здесь, он совершил несколько экспедиций в Киргизскую степь и между прочим участвовал в походе на Хиву в 1839 году. Данилевский обладал достаточным запасом сведений о Хиве и о степи, и по своей натуре представлял личность совершенно противоположную Никифорову.

Долго был адъютантом, а потом состоя в блестящей свите Перовского, Данилевский был человек светски-образованный, уклончивый, служил весьма видным украшением гостиных и, при замечательном даре слова и ловкости обращения, годился бы в агенты при европейской державе»^[159].

Данилевскому дали следующие инструкции от российского МИД и от Перовского лично:

«Переговоры по инструкции Данилевского должны были иметь главною целью укрепление хана в доверии к бескорыстным видам России и в утверждении в Хиве нашего нравственного влияния; поэтому агенту предписывалось озаботиться преимущественно объяснениями по установлению постоянной пошлины на русские товары в Хиве не свыше 5 % и отложить, впредь до усмотрения, разрешение вопроса об определении пределов влияния хивинцев в киргизской степи – статья, как известно, послужившая Никифорову камнем преткновения при переговорах с Аллакулом. Но если бы обстоятельства были таковы, что Данилевский нашел бы удобным высказаться и по последнему вопросу, то инструкция разрешала ему определить нашу южную границу по реке Сырдарье, северному берегу Арала и северному свесу Усть-Урта. В заключение предлагалось согласить хана на принятие в Хиве нашего постоянного агента, с тем, чтобы на первое время он приезжал в Хиву хотя временно с караванами.

Вторая инструкция касалась освобождения из плена персидских невольников, столь многочисленных в Хиве.

Несмотря на все старания персидского правительства, оно ничего не могло сделать для своих несчастных подданных, томившихся в рабстве, и потому, как только открылись сношения России с Хивою, шах немедленно обратился с просьбою к нашему правительству: похлопотать через наших агентов в Хиве об освобождении пленных персиян»^[160].

Прибыв в Хиву, Данилевский успешно начал переговоры с ханом Аллакулем, однако тут случилось непредвиденное. Он вскоре умер, и переговоры пришлось прервать. Преемник хана, Рахимкули, некоторое время думал, стоит ли ему общаться с русским посланником. Но в итоге решил не обострять ситуацию, переговоры продолжил, и 27 декабря был подписан «Обязательный акт», скрепленный ханскою печатью. Выглядел он так:

«Во имя Всемогущего и милосердного Бога.

От владетельного харезмского шаха, высокостепенного Рахим-кули-хана, дан настоящий акт в том, что, имея искреннее желание пребывать в постоянном мире и тесной дружбе с пресветлою и могущественною Российской империею, упрочивать приятные с нею связи и соблюдать во всей строгости правила миролюбивых и добрых соседей, мы обязуемся за себя самих, за наших преемников и потомков и за все подвластные нам племена:

1. Отныне впредь не предпринимать никаких явных, ни тайных враждебных действий против России.

2. Не производить и не потворствовать грабежам, разбоям и захватам ни в степи, ни на Каспийском море, и в случае, если бы таковые грабежи произведены были подвластными Хиве племенами, то предавать виновных немедленному наказанию, а ограбленное имущество возвращать по принадлежности.

3. Не держать в неволе русских пленных и ответственность за всякую безопасность и за сохранность имущества всякого российского подданного, могущего быть в хивинском владении.

4. В случае смерти в хивинских владениях российского подданного, отпускать в целости оставшееся после него имущество российскому пограничному начальству, для передачи его наследникам.

5. Не допускать беглецам и мятежникам из российских подданных укрываться в хивинских владениях, но выдавать их российскому пограничному начальству.

6. С товаров, привозимых российскими купцами, в хивинские владения, взимать пошлину единожды в год и не свыше пяти процентов с действительной цены оных.

7. С товаров, принадлежащих российским купцам и отправляемым в Бухару или в другия азиатские владения через реку Сыр, или с привозимых сим путем обратно, никаких пошлин не брать.

8. Не делать никаких препятствий караванной торговле азиатских владений с Российской империею, взимая однако с них по закону зякет.

9. Поступать вообще во всех случаях, как подобает добрым соседям и искренним приятелям, дабы более и более упрочить дружественные связи с могущественною Российской империею.

В удостоверение чего мы утвердили сей акт нашею золотою печатью и вручили оный уполномоченному со стороны

могущественной Российской империи, высокородному подполковнику Данилевскому. Дан в 1258 году эгиры, в месяце мухарреме».

11 февраля 1843 года русские дипломаты вернулись из Хивы и благополучно достигли крепости Илецкой Защиты. Таким образом, миссия Данилевского завершилась успехом русского правительства. Русские купцы были допущены на хивинские рынки, и некоторые воспользовались этой возможностью, чтобы ближе узнать потребности хивинцев и местные средства торговли. Сказать, что это была большая экономическая победа, нельзя. Торговать невольниками хивинцы прекратили лишь на время, а потом вновь стали принимать живой товар от туркменских кочевников. С русскими купцами тоже вышло так себе: постепенно их перестали пускать на рынки и снова стали притеснять при любой возможности. Мало кому известен такой факт: чтобы препятствовать разбоям прикаспийских туркмен, русские военные суда постоянно вели охрану побережья южной части Каспийского моря, а военная база у русских судов была в персидском Астрабадском заливе. Так что те, кто в 90-е и начале 2000-х снисходительно посмеивался, слыша о том, что Российская Федерация укрепляет военную флотилию на Каспии, просто не знали истории русского военного присутствия в регионе.

Не прошло и года после миссии Данилевского, как хивинское правительство стало явно покровительствовать известному мятежнику, киргизу Кенисаре и разбойнику Кутебарову (помните, у Виткевича в письме «Кутебаровы дети»?), скрывавшимся в пограничных хивинских владениях. Возобновился грабеж русских купеческих караванов. Апофеозом всего стала ситуация, когда русскому послу полковнику Николаю Игнатьеву, который прибыл в Хиву в 1858 году, хан и его министры заявили, что они содержания акта, заключенного ими же в 1842 году с полковником Данилевским, «не помнят» и даже «не нашли его в своих канцеляриях...».

Трудный и трагический раунд Большой Игры 1830-х – начала 1840-х годов закончился вничью. Русские потеряли Персию, но сохранили за собой – условно, конечно, – Среднюю Азию. Англичане получили контроль за Персией, но потеряли Афганистан. И Первая англо-афганская война стала прямым следствием активности русской дипломатии в регионе. И эта ситуация повторится еще не раз.

Глава 9

Эту главу придется начать со скучных унылых цифр, которые, тем не менее, дают понимание – чем для России был рынок Средней Азии и, наоборот, чем российская экономика была для этого региона. Разобраться в этом стоит, это и правда важно, потому что тогда становится ясно, почему Россия так остро реагировала на попытки англичан влезть в этот регион.

В начале 19 века российская промышленность развивалась довольно активно. Принято считать, что до реформы 1861 года Россия была практически аграрной страной, в которой почти не было ни фабрик, ни железных дорог, ни заводов. Это, конечно, не совсем так, хотя процесс развития российской промышленности происходил, очевидно, куда медленнее, чем того требовали обстоятельства и объективная экономическая реальность.

С 1804 по 1825 год количество промышленных предприятий в Российской империи выросло с 2402 до 5261, а к 1860 году увеличилось еще в три раза, до 15 388. Соответственно, увеличивалось и количество рабочих: в 1804 году – 95,2 тысячи, 1825 году – 210,6 тысячи, 1860 году – 565,1 тысячи.

Хлопчатобумажная промышленность развивалась активнее прочих отраслей, и тяжелой промышленности, и особенно металлургии, и, конечно, инфраструктурные проекты практически отсутствовали. Российская империя на мировом рынке была скорее поставщиком сырья и сельскохозяйственной продукции. Соответственно, перед правительством империи постоянно стоял вопрос о рынках сбыта и об источниках сырьевых ресурсов. И совершенно естественным образом многие русские экономисты того времени приходили к мысли о том, что раз России в Европе трудно конкурировать с куда более развитыми промышленно Англией или Францией, то государства Центральной Азии или Китай могут стать рынками сбыта русских товаров.

В 30-е годы 19 века резко сократился экспорт из России холста при одновременном падении цен на него. Около 60 % экспорта холста приходилось на США, но в 40-е и 50-е годы английские и немецкие компании практически вытеснили русских фабрикантов с этого рынка. В экономическом исследовании А. Семенова «Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины 17-го столетия по 1868 год»

говорилось, что экспорт льняной и пеньковой пряжи стал «ничтожен в сравнении с отправлением из Великобритании, где машинное прядение сделало в новейшее время значительные успехи. Вывоз английской машинной пряжи, вырабатываемой большей частью из русского льна, простирался уже около 1850 г. до 500 тыс. пудов на 5 млн руб. сер. и потому при возрастающем употреблении машинной пряжи наша ручная не может с ней соперничать ни в дешевизне, ни в доброте, хотя и теперь по сравнению цен пряжи пеньки и льна излишек, остающийся за прядение, ничтожен и не вознаграждает труд работника... Это подтверждает невозможность теперь нам выдержать соперничество с льняными иностранными изделиями, при употреблении там машинной пряжи»^[161].

То же самое происходило и в торговле полотняными изделиями, в США строили собственные фабрики, да и англичане предлагали более качественный товар, вывоз полотна в США за 20 лет сократился более чем на две трети. Падал экспорт и металла, и металлических изделий, потому что «обширное развитие железного производства в Англии... дешевизной своей вытеснило русское железо на иностранных рынках». Русский чугун и металлы теснили не только англичане, но и шведы с американцами.

Упал и вывоз меди, потому что опять же английская промышленность оказалась более эффективной и предлагала медь лучше и дешевле. Из этого следовал простой вывод – если невозможно быстро построить эффективную экономику или перестроить ту, что есть (тем более что и желания такого у властей не наблюдалось), то надо искать рынки, где купят русские товары любого качества. В том же исследовании говорилось:

«Несомненно, товары наши до сих пор не могут соперничать с изящными иностранными изделиями, но мы имеем в отечестве нашем при населении 60 млн. жителей и в Средней Азии обширный рынок для сбыта наших льняных, бумажных, шелковых, металлических и других изделий, а сукна и шерстяные ткани удовлетворяют требованию людей и высшего класса; следовательно, можно надеяться, что при умеренной охранительной системе нового тарифа, если наши фабриканты будут стараться вводить на своих фабриках усовершенствованные способы производства по примеру иностранных, то мы в состоянии будем продолжать и на будущее время с успехом нашу фабричную деятельность»^[162].

Иными словами, если в Европе и США хотели покупать только русское сырье, и то не всегда, потому что там развивалась своя промышленность, то в Азии были готовы покупать и готовые русские товары, и кожу, и ткани, и металл. Так, в середине 19 века примерно 60 % всего металла, который экспортировался Российской империей, вывозилось именно в Азию. О том, как важен был этот рынок, свидетельствует такой факт: в 1836 году по распоряжению Николая I был учрежден особый комитет для рассмотрения предположений о торговых сношениях России с Азией. В комитет вошли члены Государственного совета, военный министр, министр иностранных дел, министр финансов, чиновники, ответственные за строительство дорог. Комитет как раз и занимался изучением вопросов, связанных с расширением экономических связей с Персией, Турцией и Центральной Азией. Так что нынешний Таможенный союз – это в значительной степени логическое продолжение российской политики почти двухвековой давности. Предполагалось, что, усиливая торговлю в Средней Азии, «мы приобретаем со временем легчайший способ вознаграждать те потери, которые вынуждены сносить по европейской торговле...».

Впрочем, это была двусторонняя ситуация. Азиатские товары были также неконкурентоспособны на внешних рынках. Разве что на российском они были востребованы. Помните беседу Виткевича с кушбеги в Бухаре? В 1843 году в «Журнале мануфактур и торговли» – это по значимости в те годы такое же СМИ, как ныне канал РБК и газета «Коммерсант», – писали прямо о зависимости хозяйственной жизни Средней Азии от поставок из Российской империи металла, юфти и других товаров.

«...С умножением населения потребность этих материалов год от году будет увеличиваться, следственно, будет увеличиваться и зависимость Хивы и вообще оседлых народов Средней Азии от России. Чугун и железо доселе, по крайней мере, могли быть доставляемы в Среднюю Азию только из России.

Свои же произведения, как то: хлопчатую бумагу, бумажные изделия, разного рода плоды и пр., Хивинцы могут сбывать только нам; не могут сбывать их ни в Персии, ни в Бухаре, ни Афганцам, и для покупки необходимых им материалов из России нуждаются в сем сбыте; посему в торговом отношении Хивинцы в совершенной зависимости от России»^[163].

В 1849 году русский географ и путешественник Петр Чихачев отмечал значение для Российской империи среднеазиатской

торговли, которая, во-первых, не находится под угрозой «англо-американского совместничества» (то есть соперничества), во-вторых, обусловлена историческими связями регионов. К тому же в этой торговле геополитики и дипломатии не меньше, чем экономики.

«Торговля наша вообще с оседлыми жителями Средней Азии, занимающимися земледелием, совершенно натуральна. Этим жителям необходимы для их земледельческих работ и копания каналов: сошники, бороны, лопаты, мотыги, котлы и вообще разные железные, чугунные и мануфактурные изделия, которые они могут получать выгодно только из России и взамен давать нам хлопчатую бумагу, марену и некоторые другие произведения.

О важности будущего развития такой торговли можно уже судить из того, что прежде Хивинской экспедиции, в 1839–40 годах, марена почти вовсе не шла к нам из Средней Азии; но когда московские приказчики, в эти последние годы, стали посещать Азию сами, то обратили внимание туземцев на это красильное растение, которого разработка ныне весьма увеличилась. Несмотря однако же на значительность сего успеха, привоз азиатской хлопчатки и марены далеко не достигает даже третьей доли общей годовой потребности России.

Из Видов Внешней Торговли (за 1845 год, стр. 25) явствует, что это потребление доходило уже три года тому назад круглыми числами до 750,000 пудов одной сырцовой хлопчатки и до 111,000 пудов марены, из которых только 55,000 пудов хлопчатки и 13,111 пудов марены принадлежали азиатской производимости. Но привоз этих продуктов чрезвычайно увеличился в эти последние три года, и в прошлом 1847 году, один дом предприимчивого московского купца Баранова вывез до 35,000 пудов азиатской хлопчатки (Хотя и азиатская хлопчатка добротой ниже американской, но введение рационального возделывания ее и новейших механических снарядов весьма вероятно улучшат ее качества. До сих пор этот рудник богатства находится в самом диком состоянии, за тем и не было бы благоразумно сравнивать качество его продуктов с американскими. Доказательством того, что эти недостатки не пугают наших фабрикантов, могут послужить заказы их в прошлом году на средне-азиатских и персидских рынках. Эти заказы, по последним данным Председателя Московского Мануфактурного Совета, барона А. Мейендорфа, простираются до 100,000 пудов хлопчатки). Спрос же на азиатскую марену усилился до 20,000 пудов. Это быстрое развитие фабричных потребностей, а в

особенности бумажнопрядильных, тем разительнее, что не далее 1826 года общая привозная торговля сырцовой хлопчатки ограничивалась в целом государстве какими-нибудь 50,000 пудами.

Россия может получать из Средней Азии не в пример значительнее количество (По новейшим известиям 1845 года, один Хивинский оазис заключает в себе около 700,000 десятин пахотной земли; средняя производительность каждой десятины обходится около 50 пудов хлопчатки) обоих вышеозначенных продуктов, и что всего важнее – она может получать это не на деньги, а через мену на русские же изделия и с доставкой, основанною, большей частью, на русском извозе, а не на иностранной транспортировке».

Известный востоковед, картограф, оренбургский губернатор Яков Владимирович Ханыков в 1850 году писал, что среднеазиатская торговля России за истекшие 75 лет (то есть с 1775 года) увеличилась в 13 раз. Заволжские области России испытали экономические подъем в том числе и потому, что туда стали переезжать торговцы, имеющие связи с Азией и Китайским Туркестаном. И поэтому, полагал Ханыков, раз экономические отношения со Средней Азией имеют первостепенную государственную важность, для их расширения нужно создать максимально комфортные условия.

Русский экономист, член Государственного совета Григорий Павлович Неболсин за 15 лет до этого в своем двухтомном «Статистическом обозрении о внешней торговле России», опубликованном в 1835 году, подробно разобрал, где и в чем отстает Россия в техническом отношении от Англии, других стран Европы и США. Неболсин писал, что русский экспорт железа в США и западноевропейские государства сокращается из-за конкуренции Швеции и Великобритании. На Ближнем Востоке русское железо вытесняется английским, которое стоит дешевле и «доставляется в разнообразных видах». А вот рынки Азии значительно перспективнее для «железодельной промышленности» империи, так как русские товары не встречают «иноземного соперничества по торговле железом». И главный вывод, сделанный экономистом: ожидать, что в ближайшее время удастся изменить ситуацию в Европе или США, невозможно, единственное, на что стоит рассчитывать, – это увеличение экспорта в Азию. Примерно такая же ситуация и в торговле текстилем. Россия «открыла сбыт произведениям своей бумажной фабрикации на азиатских рынках; в новейшее время особенно увеличился вывоз этих изделий в Китай и

составляет более половины всего отпуска их в нашей азиатской торговле»^[164].

Правда, как раз в 1830-е годы на рынках Персии позиции русских текстильных мануфактур стали слабеть – их теснили англичане. В Средней Азии они также пытались вытеснить русских, как уже говорилось, торгуя себе в убыток. То же самое происходило в Китае. Неболсин подчеркивал, что Англии, «располагающей миллионными капиталами и неистощимыми механическими силами, не трудно будет вытеснить наши бумажные изделия из Китая... Кроме Великобритании, в новейшее время Соединенные Штаты значительно умножили сбыт своих бумажных изделий в Кантоне и, конечно, также примут деятельное участие в торговле с северными портами Китая; таким образом, нельзя не опасаться, что со временем отпуск наших бумажных товаров через Кяхту может потерпеть ощутительный ущерб».

И вот Неболсин полагал, что русские купцы должны лучше понимать и изучать конъюнктуру рынка Центральной Азии, чтобы не потерять еще и этот регион.

«Разделение внешней торговли России на европейскую и азиатскую не должно принимать за одно только географическое распределение главных ее отраслей. Этим разделением резко обозначается различие торговых отношений России к Западу и Востоку, различие, выражающее собой потребности и состояние ее внутренней промышленности, отличительные свойства ее внешней торговли. Пропорция вывоза хлеба, разных сырых продуктов и полуобработанных материалов доходит по европейской торговле до 96 %, а на долю изделий приходится только 4 %, тогда как в азиатском торге изделия составляют почти три пятых или 60 % всей суммы отпуска.»

Итак, в своей отпускной торговле Россия является земледельческим государством в отношении к Западу и мануфактурным в отношении к Востоку, но превосходство нашей европейской торговли над азиатской показывает, как велик в России перевес земледельческой промышленности над мануфактурной...

Нынешнее состояние нашей внешней торговли обнаруживает, с одной стороны, что в России земледельческие промыслы служат главным источником народного богатства, а с другой, что Россия уже подвигается на поприще мануфактурной «промышленности, и сбыт сырых продуктов на Западе доставляет взамен их

необходимые ей материалы, между тем как потребление ее изделий на Востоке поддерживает нашу азиатскую торговлю» [165].

Есть весьма характерные данные, например, по вывозу чугуна из России. В течение десятилетия с 1842 по 1852 год из России в страны Европы вывозилось в среднем 550 тысяч пудов в год. При этом с 1827 года по 1836 год экспортировалось почти в два раза больше, по 1200 тысяч пудов ежегодно. А вот данные по Азии. В 1822–1826 годы туда вывозилось в среднем около 172 тысяч пудов в год. В 1850 году уже 238,5 тысячи пудов, еще через пять лет, в 1855 году, – 250 тысяч пудов.

Действительный член Русского географического общества, этнограф Павел Иванович Небольсин (с упомянутым выше Г. П. Неболсиным они происходили из одного древнего рода дворян Неболсиных/Небольсиных) в 1850 году совершил поездку в Оренбургский край и прикаспийские области и по результатам представил доклад с проектом развития русской торговли со Средней Азией, а позже написал капитальный труд «Очерки торговли России с странами Средней Азии», который был отмечен Демидовской премией Русского географического общества. Он писал:

«Мы шлем в Среднюю Азию такого рода товары, которые в целом Туране составляют предметы первых, самых необходимых потребностей всего народонаселения. Именно от нас идут туда золото, серебро, медь, чугун, железо, разного рода металлические поделки, кожи, краски, сахар, сукна, ситцы и всякие бумажные, а частью шелковые изделия... Наших товаров, каковы металлы, юфть, сукна и ситцы, Средней Азии трудно получить по нашим ценам от какой-либо другой страны.

Что касается до товаров, получаемых в обмен из Средней Азии, то естественные богатства центрального рынка Средней Азии, Бухары, состоят теперь пока только в хлопчатой бумаге, в шелке, в марене, в садах и богатых виноградниках и, наконец, в произведениях скотоводства и звероловства» [166].

В другой работе, рассказе, написанном от лица купца 2-й гильдии Абдул-Вали Абдул-Вагапова Абу-Бакирова, торгующего с Восточным Туркестаном, то есть нынешним китайским Синьцзяном, и перевозящего товары в город Чугучак, Небольсин рассуждает о противостоянии с англичанами на азиатских рынках и о необходимости действовать там активнее и не стесняться этого.

«Здесь, при удобном случае, нельзя не пожалеть, что мы, Русские, так мало обращаем внимания на Среднюю Азию. Даже при

настоящем положения дел, когда Англия слишком уже далеко зашла, с своей политикой, в соседственных к Ост-Индии странах, и теперь еще можно ей противоборствовать. С Бухарой Англичане, особенно ныне, потеряв кредит у бухарских купцов доставлением к ним самых негодных изделий, ничего не могут сделать; до Кокана им трудно дойти; на западные границы Китая их не пустят; Хивой нам нечего дорожить, потому и без Хивы мы можем нанести удар английской торговле в соседстве самой Индии.

Дорога в Кашмир для нас всегда может быть открыта. Задоблив в свою пользу местные китайские власти, мы можем овладеть всею торговлею Западного Китая и хозяйничать в Чугучаке, Кульдже, Аксу, Турфане, Ярканде, Тибете и Кашмире: а оттуда прямой и близкий путь в Пешаур.

Проникновение в Кашкар не представляет для нас никакой невозможности, чрез Ташкент и Кокан. Между Коканом и Кашкаром всего считается: 7 дней верховой езды, а хода верблюдами 12, 13 и не более 14 дней. Надобно только придумать и хорошенько сообразить на месте: что оттуда вывозить. Если изделия тамошних жителей нам не рука, то о самом Кашкаре не стоит более и беспокоиться; но важно смотреть на него как на станцию по дороге в дальние страны».

Торговля России с Китаем развивалась довольно неплохо, особенно с Китайским Туркестаном. Помните Мехди Рафаилова, русского купца и разведчика, который торговал в Кашгаре, городе, который находится у подножия Памира, там, где встречаются отроги двух горных систем – Тянь-Шаня и Куньлуня. Но все испортилось после 1842 года, когда англичане после Первой опиумной войны политически выкрутили китайцам руки и заставили их подписать Нанкинский трактат, положивший начало целой серии так называемых «неравноправных договоров», которые Китай был вынужден заключать с ведущими европейскими державами. Сразу четыре порта Китая были открыты для англичан, и в страну хлынули английские товары.

Первая опиумная война – это вообще, конечно, тема для отдельного разговора. И любому, кто хочет понять, что такое современная корпоративная система, как она работает, что такое корпорация по своей сути, стоит изучить тему опиумных войн весьма пристально. В их истории вся суть современного явления, которое многие называют «корпоративный фашизм». Когда ради интереса корпораций и их прибыли уничтожаются целые страны,

когда, например, в США представители правящей элиты переходят из корпораций в правительство и назад, когда корпорации и их частные армии ведут войну для государства, а государство обеспечивает корпорации заказами. Так вот вкратце, Первая опиумная война разразилась из-за того, что китайцы попытались запретить англичанам продавать у них в стране опиум, то есть наркотики. А Лондон, получавший сверхприбыли от наркоторговли, счел, что это достаточный повод для начала войны.

В 1773 году Британская Ост-Индская компания приобрела монополию на закупку бенгальского опиума. В 1775 году она нелегально продала в Китае полторы тонны опиума. А к 1830 году объем продаж опиума в Китае составлял 1500 тонн. Торговля, конечно, была совершенно противозаконная. Но очень, очень прибыльная. Настолько прибыльная, что британское правительство ее максимально поддерживало, потом вовсе отобрало у Ост-Индской компании монополию на торговлю – ибо нечего тут купцам карманы набивать, чиновники тоже люди. Англичане работать умели.

В 1835 году опиум составляет три четверти (!) всего импорта Китая. Курили англо-индийский опиум больше 10 миллионов человек. В 1838 году в стране продали 2000 (буквами – две тысячи!) тонн (!) наркотика, и наркоманами были от 10 до 20 % столичных и от 20 до 30 % провинциальных чиновников. Среди солдат и офицеров курение опиума стало повальным явлением. Это полезно вспоминать, когда англичане учат Россию, как жить, что делать, за что каяться и как себя вести. Когда они с гордостью рассказывают о своем огромном промышленном росте в 19 веке, о том, как они стали финансовым центром и «мастерской мира» к началу 20 века, нельзя забывать, что произошло это благодаря тому, что англичане досуха выкачали Индию, как вампир жертву, и посадили на опиум миллионы китайцев. Именно это, а не созидательный труд, не экономические теории и не свобода предпринимательства, как нам порой пытаются рассказать, сделало Англию великой империей.

И вот как раз потому, что англичане вели дела именно так, задорно, цинично, с помощью оружия и частных армий, русским было не всегда просто с ними конкурировать. То есть, конечно, русские купцы – и это не секрет – спаивали чукчей и эвенков, покупая у них за бесценок пушнину. Моральных уродов хватало. Но никогда это не было государственной программой. Никогда Российское государство не ставило перед собой задачу достичь чего-либо с помощью уничтожения целого народа.

В 40-е годы 19 века вопрос о восстановлении торговли с Китаем стоял перед русским правительством крайне остро. В первую очередь с Западным и Центральным Китаем. С восточными районами – Китайским Туркестаном и Синьцзяном – дела обстояли лучше в силу сложившихся исторических связей. В 1845 году северную часть Синьцзяна – Кульджинский край – посетил под видом купца сотрудник Министерства иностранных дел Николай Иванович Любимов, впоследствии директор Азиатского Департамента этого министерства. По возвращении он написал о том, насколько важно и выгодно развивать, особенно сейчас, торговые отношения с Синьцзяном, но в то же время указал, что нужно обеспечить безопасность проезда в Западный Китай, заключить торговый договор с китайскими властями и добиться пересмотра торговых пошлин.

В конце 40-х годов 19 века русская экспансия в Среднюю Азию со стороны Западной Сибири перешла в более активную фазу. В 1846 году у подножия Семиреченского Алутау было основано укрепление Копал. В 1850 году началось присоединение Заилийского края – горной территории между рекой Или, хребтом Тянь-Шанем и озером Балхаш, а в 1854 году было основано поселение Верное – военный и административный центр этого края. Ныне это город Алматы. Русские войска вышли к берегам озера Иссык-Куль. В это же время Российская империя активно развивала экспансию и в Синьцзян.

В Кульджу был отправлен полковник Егор Петрович Ковалевский, ему поручили вести переговоры о заключении торгового соглашения с Китаем. Ковалевский был интереснейший человек, военный, географ, путешественник, патриот, он оставил после себя глубокое и увлекательное четырехтомное сочинение «Странствователь по суше и морям», которое и сейчас можно найти если не в книжных магазинах, то в Интернете точно. И он заслуживает того, чтобы рассказать о нем отдельно.

Ковалевский родился в Малороссии, в селе Ярошевке Харьковской области, в Харькове он закончил университет по отделению нравственно-политических наук. В 1829 году пошел на службу в департамент горных и соляных дел. А год спустя он уехал в Сибирь, там его старший брат Евграф Петрович был начальником алтайских заводов. И вот Егор Ковалевский занимался на Алтае «отысканием золота» под руководством брата, потом он то же самое делал на Урале.

Егор Петрович Ковалевский

В 1837 году его отправили в качестве сопровождающего с партией серебра в Петербург. А в это время Черногория, которая уже стала полунезависимой от турок, обратилась к русскому

правительству с просьбой прислать сведущего человека для исследования ее природных богатств. Отправили Ковалевского, который описал рельеф Черногории и ее геологическое строение, открыл ценные месторождения полезных ископаемых и собрал богатую коллекцию горных пород. А еще поучаствовал в военной стычке с Австрией, которая двинула свой четырехтысячный отряд в Черногорию. Ковалевский находился в приграничном городке, черногорцы приняли русского офицера как военного специалиста, он пытался отказаться, но в итоге возглавил оборону города. 300 человек под его командованием отбили осаду четырехтысячного австрийского отряда.

Понимая, что в России ему может за это серьезно влететь, Ковалевский, вернувшись в Петербург, по рекомендации князя А. М. Горчакова – будущего главы МИД империи, составил подробную объяснительную записку на имя императора Николая I. Ведь шутка ли – русский офицер командует черногорскими военными на границе с Австрией. Прочтя записку, царь написал резолюцию: «Капитан Ковалевский поступил как истинный русский». Отходя от темы, следует заметить, что реальный Николай I сильно отличался от того стереотипного образа, который нам часто предлагают учебники истории. Он не был ни глупым тираном, ни бестолковым самодуром, и как свидетельствуют факты, в реальности царь отличался широтой взглядов и, с одной стороны, не терпел революции и крамолу в любом виде, с другой – в определенных обстоятельствах проявлял себя с неожиданной стороны.

Вот, например, известен такой случай. Знаменитый русский анархист Михаил Бакунин закончил артиллерийское училище. А потом увлекся новыми идеями, стал революционером, одним из отцов-основателей анархизма как такового. Уехал в бушующую Европу. И там оказался одним из руководителей восстания в Саксонии. И храбро сражался. Сумел из разрозненных толп собрать нечто вменяемое. Николаю I, конечно, сообщили о происходящем в Саксонии. И говорят, что прямо на донесении о «возмутительных действиях» бывшего русского офицера артиллерии Бакунина, который в Саксонии повел толпы немецких революционеров на штурм крепости, император Николай I – тот же самый, который «жандарм Европы», который венгерскую революцию умирил в 1848 году за считанные недели русскими штыками, – написал аршинными буквами: «Ура нашим артиллеристам!» Одним словом, с юмором был царь.

Но вернемся к Ковалевскому. В 1839 году он оказался в Средней Азии, участвовал в экспедиции Перовского в Хиву. Помните оборону Ак-Булакского укрепления? Так вот Ковалевский принимал в ней самое непосредственное участие, проявил недюжинный героизм, воевал, командовал, атаку отбили, несмотря на превосходящие силы хивинцев. В 1847 году Ковалевский отправился в Египет по просьбе египетского правительства о присылке сведущего человека для устройства золотых промыслов. Кроме этого основного поручения, Ковалевский получил также задание собрать сведения по «метеорологии, геогнозии и минералогии».

В начале 1848 года Ковалевский совершает путешествие – из Каира вверх по Нилу до Куруску, оттуда на верблюдах до Берберы, затем на барках с остановкой в Хартуме до Россероса и затем опять на верблюдах к реке Тумату, притоку Голубого Нила, где ему в итоге удалось найти золотоносные россыпи. В официальном рапорте канцлеру Нессельроде Ковалевский написал: *«Для географии приобретено огромное пространство страны негров от потоков Голубого Нила до Белого Нила, куда еще не проникал ни один европеец, несмотря на все усилия Лондонского географического общества. Измерены барометрически многие высоты и определены посредством секстана широты многих пунктов. Снята карта земель, до сего времени неизвестных, собраны коллекции по многим отраслям естественных наук... Прилагая при сем описание нынешнего политического и торгового состояния Абиссинии и Восточного Судана, долгом поставлю присовокупить, что занимаюсь ныне приведением в порядок своих разнородных коллекций, составлением географических карт и подробным описанием посещенных мною земель».*

В 1849 году он впервые попал в Китай в качестве пристава русской духовной миссии. Он побывал в Пекине и как раз тогда добился от китайского правительства разрешения на приезд в Кульджу русской миссии для ведения переговоров с Западным Китаем о торговле. Караван экспедиции Ковалевский провел по новому, прежде не исследованному, пути из Кяхты в Пекин. Он составил географическое описание Северного Китая, в особенности Пекина, геологическое описание Пекинского угольного бассейна и добычи золота в Китае. В 1853 году он оказался опять в Черногории, в разгар турецко-черногорской войны. Был он там русским комиссаром, то есть военным представителем, военным атташе, и способствовал прекращению военных действий и началу мирных

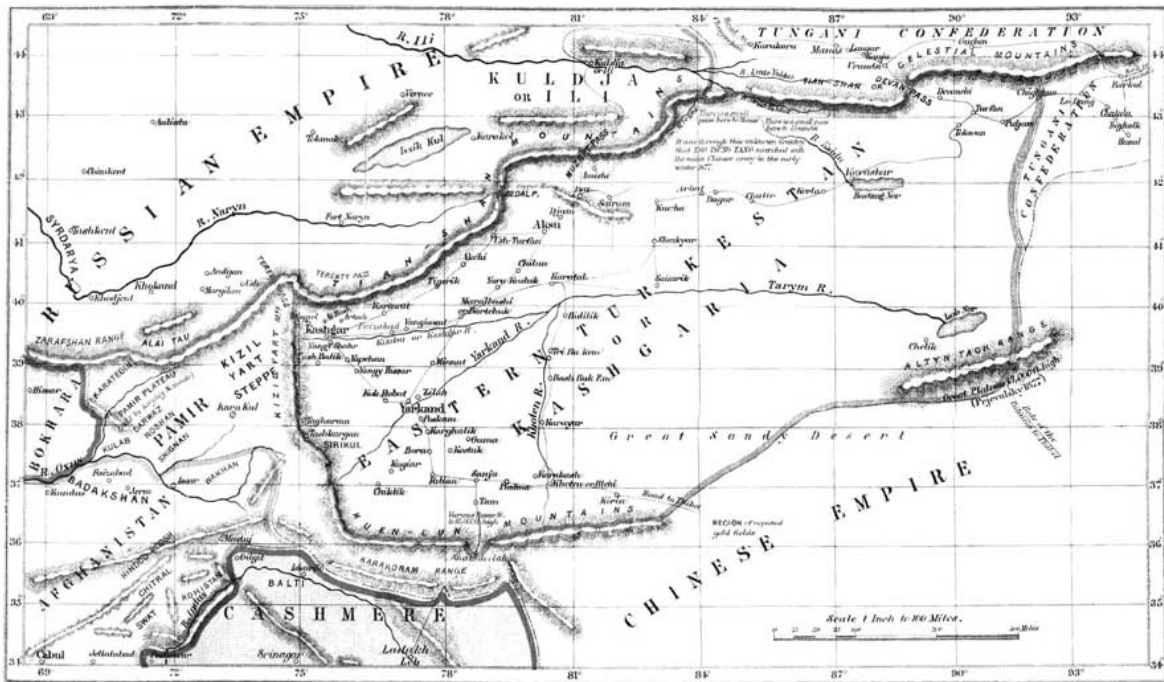
переговоров. После этого Ковалевский пробрался в осажденный Севастополь – уже началась Крымская война, – участвовал в обороне города, был награжден медалью.

Так что в 1851 году не зря именно Ковалевский поехал в Синьцзянь подписывать договор о сотрудничестве, он по сей день известен как Кульджинский трактат. Этот договор предусматривал открытие в городах Синьцзяна – Или (Кульджа) и Тарбагатае (Чугучак) русских консульств и факторий, введение беспошлинной меновой торговли, а также установление непосредственной связи между Россией и Китаем через губернаторство Западной Сибири и Илийское главное управление. Первая статья трактата подчеркивала стремление Российской империи и Китая к развитию «взаимной дружбы двух держав». Царское правительство предоставило льготы русским и восточным купцам, торговавшим с Синьцзяном, в частности, им гарантировалась восьмимесячная отсрочка в выплате пошлин при перевозке товаров через границы России. Генерал Иван Федорович Бабков, начальник штаба Сибирского военного округа, первый председатель Западно-Сибирского отдела Русского географического общества, писал в своих воспоминаниях:

«Удачным заключением этого трактата, Е. П. Ковалевский как бы указал на неотложную необходимость прочного занятия нами Заилийского края и водворения в среде киргиз Большой и Дикокаменной орды надлежащего порядка и спокойствия, которые могли бы обеспечить беспрепятственное следование торговых караванов в пределы Западного Китая через земли, занятые этими киргизами. С этой точки зрения Кульджинский трактат имеет важное значение не только в торговом, но и в политическом отношении, послужив энергичным побуждением к продолжению наступательного движения в глубь Средней Азии...»

С этого времени началось укрепление русского присутствия в Синьцзяне, которое завершилось лишь в 50-е годы 20 века. А интересующимся подробной историей русского Синьцзяна могу порекомендовать труд Вадима Обухова «Потерянное Беловодье. История Русского Синьцзяна». Задача же этой книги – осветить общие процессы большой геополитической игры. Почти столетие Синьцзян был одной из клеток глобальной шахматной доски. За этот регион боролись Россия, Англия и Китай. Впрочем, и сам Китай не вполне был игроком, а чаще оказывался объектом игры больших держав.

EASTERN TURKESTAN AND ITS NEIGHBOURS.

SHOWING TRADE ROUTES THROUGH YAKOOB BEG'S DOMINIONS.

Карта Восточного Туркестана

Но вот тут России стоит отдать должное. В 1852 году канцлер Нессельроде подписал «Правила для торговли с Западным Китаем», в которых были пункты, запрещающие вывоз в Синьцзян золота, серебра и кредитных билетов, огнестрельного оружия и пороха. А специальная статья налагала категорический запрет на ввоз в Китай опиума. При том, что Англия и Франция, как уже говорилось ранее, как раз на торговле опиумом строили свою политику в Китае. В инструкции Министерства иностранных дел России консулу в Синьцзяне, утвержденной 19 февраля 1852 года, говорилось, что русские консулы обязаны «*делать приезжающим в Западный Китай для торговли русским подданным постоянное внушение, чтобы они, находясь в чужой земле, вели себя сколько возможно благоприличнее*»^[167].

И надо сказать, что после заключения Кульджинского договора резко возрос вывоз русских товаров в Синьцзян: в 1850 году на 39 тысяч рублей, в 1851 году на 42 тысячи, а к 1854 году товарооборот вырос еще на 241 тысячу рублей. В Синьцзян везли хлопчатобумажные и шерстяные ткани, листовую медь, железо, металлические и кожаные изделия. Оттуда в Россию вывозили различные сорта чая, шелк. Правда, с 1855 года русская торговля в Синьцзяне стала сокращаться. В Китае началась серия крестьянских

войн – в частности, знаменитое восстание тайпинов, на фоне которого часто разворачиваются события в современных незатейливых китайских боевиках про мастеров ушу. Одной из провинций, охваченных восстанием, стала Ганьсу, через которую проходили торговые пути из центральных районов Китая в Синьцзян. Китайские купцы в Кульджу и Чугучак ездить стали меньше, в самом Синьцзяне принялись грабить караваны. Русские товары на рынках Синьцзяна вытеснили товары из Центрального и Западного Китая. Но тогда китайские купцы разгневались на русскую факторию в Чугучаке и сожгли ее. А потом в Южном Синьцзяне, в Кашгаре началось восстание, и тогда русское влияние в регионе ослабло более чем на десять лет.

Хотя это была не самая большая проблема для Петербурга. Как уже говорилось, русской экономической экспансии в регионе жестко противостояли англичане. А цифры показывают – для России азиатские рынки были жизненно необходимы. Самым распространенным способом, по мнению Лондона, вытеснить русских из азиатской торговли был демпинг. Павел Небольсин в своих «Очерках торговли России с Средней Азией» писал, что, общаясь с бухарскими купцами, слышал от тех, что *«англичане в желании совершенно подорвать сбыт русских товаров навезли в 1841 и особенно в 1842 годах в Бухару такое множество своих изделий и пустили их по такой низкой цене (как говорят, в явный даже себе убыток), что весь народ кинулся на эту новинку и не обращал уже внимания на наши ситцы, на коленкоры и сукно. Удалив таким образом наших торговцев... англичане через год или два разом подняли цену на свои товары более чем вдвое... К этому присовокупилось еще то довольно замечательное обстоятельство, что бухарцы, успевшие вовремя произвести оптовый закуп, целыми кипами, английских товаров, открыли в них, не говоря уже про маломерность и недостаточную ширину, дурные линючие краски, гнилую, не держащуюся на нитке пряжу, дырья и все качества, делающие товар никуда не годным хламом»* [168].

Департамент внешней торговли Российской империи сообщал, что русский экспорт в Среднюю Азию сокращается как раз из-за англичан, а именно *«привозом на бухарский рынок ост-индских и английских товаров, которым цены далеко ниже наших... Совместничество английских товаров по бухарским и хивинским рынкам препятствовало выгодному сбыту русских бумажных изделий и некоторых других товаров»*.

Русский купец Ключарев, чью книгу «Описание Кокандского ханства» цитирует в своих работах советский историк Халфин, писал в 1852 году:

«Товары российские в нынешнем 1852 г., во всей Средней Азии, как в Кокании, Ташкенте и Бухаре, упали ценой до чрезвычайной степени, так что противу прежних цен выручали 80 коп. из рубля из самых лучших товаров; продажа более в кредит, за наличные продажи совсем не было, причина оному более полагают – в нынешнем году необыкновенно большой вывоз во все азиатские провинции Средней Азии аглицких бумажных мануфактурных товаров; ихние комиссионеры – персиане, ширванцы и афганцы – продают здесь в кредит на 12 и 18 месяцев, и тем более успевают продавать свои товары, хотя набивные ихние бумажные товары и миткали очень слабой доброты и краски более линючие, но рисунки ситцев самые азиатские во вкусе...

Потому и торговля наша со здешним краем становится для нас самой безвыгодной, из бумажных товаров нет ни одного товара в особенном требовании, чтобы можно было здесь с выгодой продать, кроме металлических товаров, как то: медь, железо, сталь, чугун, олово, которые всегда имеют здесь цену и требование на оные постоянное...»^[169].

В 1859 году в журнале «Вестник промышленности» была опубликована «корреспонденция из Лондона» Гавриила Каменского под названием «Англия – страшный соперник России в торговле и промышленности». Понятно, что во многом отношение к англичанам было сформировано недавней Крымской войной, но тем не менее автор писал-то не о политике, а исключительно об экономике.

«...Почти до последнего времени Россия производила значительную торговлю с Средней Азией не только своими произведениями, но также вообще европейскими товарами, преимущественно покупаемыми на немецких ярмарках и отправляемыми по Волге на южный берег Каспийского моря...

В последнее время однако же эта цветущая торговля обнаруживает упадок, который мы не останавливаемся приписать деятельному соперничеству Англии. Дорога через Трапезунд, Эрзерум и Табриз к северным частям Азиатской Турции и Персии открыла в них, через посредство греческих домов, доступ английским произведениям; английское железо еще в 1831 году совершенно вытеснило на трапезундском рынке железо русское; с другой стороны, с завоеванием Сциндии (то есть Синда. – Прим.

авт.) восстановлен древний торговый путь по реке Инду... [что] открывает таким образом для английской промышленности свободный и удобный доступ в Среднюю Азию.

Нашему отечеству, таким образом угрожает сильное соперничество в его торговле на Востоке, как в Средней Азии, так и в Китае. Путь по реке Инду и все удобства морского сообщения с вновь открытыми китайскими портами представляют такие сильные орудия в руках англичан, с которыми трудно состязаться»^[170].

Каменский писал, что британцы увеличили ввоз товаров за пять лет почти в два раза. В 1856–1857 годах в порт Карачи было привезено британских товаров на 685 665 фунтов стерлингов, а в 1857–1858 годах уже на 1 081 000 фунтов стерлингов.

И конечно, переломной точкой этого большого русско-британского противостояния в торговле, политике и дипломатии стала Крымская война. В Англии она именуется Восточной войной, у нас же как-то незаслуженно порой забывается, что только Крымской эта война не была, что десанты англичан и французов пытались атаковать нашу страну и на Балтике, и на Белом море, и на Кавказе, и дважды подвергался атаке со стороны британского флота Петропавловск-Камчатский.

Фактически движение к Крымской войне, как уже говорилось, началось после заключения Ункяр-Искелесийского договора. Франция и Англия тогда этот договор не признали, и всякий раз, когда возникала такая дипломатическая возможность, пытались лишить Россию права свободно проходить через проливы. Формальным поводом к Крымской войне стал спор между православным и католическим духовенством в 1852 году из-за обладания святыми местами в Палестине. В феврале 1853 года Николай I потребовал, чтобы православные подданные турецкого султана были поставлены под особое покровительство русского царя. Османская империя отвергла русский ультиматум, Россия разорвала дипломатические отношения с Турцией, а в Дарданеллы вошла англо-французская эскадра. Русские войска вступили в княжества Молдавию и Валахию, находившиеся под номинальным суверенитетом турецкого султана. Поддерживаемый Великобританией и Францией султан 4 октября 1853 года объявил России войну.

Подробный разбор Крымской войны именно в этой книге не имеет смысла. Желаящие могут перечитать фундаментальный труд

академика Евгения Тарле «Крымская война», в общих чертах все помнят, каким был ход войны, что привело к ней и чем она закончилась. Нам же важно понять, сколь значительной была эта война для Лондона, какое место она занимала в Большой Игре. Уже самому вторжению англичан предшествовала информационная подготовка. Массы следовало убедить, что у Англии нет иного выхода, кроме как что-то сделать с этими жуткими варварскими русскими. Их должен кто-то остановить. Для этого сразу после Синопского сражения, предшествовавшего войне, английские газеты в своих статьях сообщали читателям, что кровожадные русские моряки расстреливали из ружей плававших в море раненых турок, спасшихся с тонущих кораблей.

Вообще, тот факт, что Британская империя напрямую вступила в войну с Россией, говорит о многом. Обычная английская практика – избегать войны сколь можно долго. Это если речь идет о серьезном противнике. Если же речь шла об Индии или Персии, то там они воевали когда хотели и как хотели. Правда, старались делать это чужими руками или силами наемников, таких как армия Ост-Индской компании. Но вот именно в Европе англичане старались давить дипломатическими нотами, громко и сурово бряцать оружием, например прислать эскадру к берегам противника. Обстрелять издали крупные приморские города. Напугать. Конечно, несколько раз в истории дело доходило до морских битв. Хотя и этого англичане тоже не любили. Но вот при Трафальгаре пришлось сражаться, битва вошла в историю как одно из великих морских сражений. Для Англии тогда на карту было поставлено все – или она уничтожит испано-французский флот и станет хозяйкой морей, или Наполеон высадит рано или поздно десант на британских берегах. Но на море понятно, на море англичане отлично воевали. Что касается сухопутных операций, то в них они не были принципиально сильнее, скажем, французов и особенно русских. Больше того, английские генералы знали, как воюют русские, что они могут, Персидская и Турецкая войны это наглядно показали.

Но в России британцы все же пошли на неслыханный шаг, они высадились на сушу. Это говорит о том, что в Крымской, или Восточной войне на карту была поставлена вообще вся британская политика в Азии и на Балканах. В Лондоне всерьез полагали, что Россию надо немедленно, вот прямо сейчас остановить. И дело было не только в русском влиянии в Азии. В Европе Российская империя стала играть такую значительную роль, что англичане никак не

могли с этим смириться. Ведь на самом деле, только от воли русских зависело, быть или не быть революции в той или иной стране, жить или умереть «больному Человеку» – то есть Османской империи, именно так называл ее Николай I, и главный ужас Лондона – потеря Индии – тоже мог стать реальностью, захоти этого русский царь. И вообще выход России к теплым морям создавал постоянную угрозу, что русские отрежут в любой момент Британию от ее колониальных владений. То есть пожелай русские – и не станет империи. И это не фигура речи, чуть позже я объясню, почему это было именно так.

Оборона Севастополя

Готовиться к войне Англия начала заранее. И по традиции, военным тараном стала другая страна – Турция. Еще накануне войны в среднеазиатские государства были отправлены турецкие посольства с целью наладить связи местных правителей с турецким султаном, «халифом всех правоверных». Понятно, что не только султану нужна была все эта дипломатия. Куда больше в ней нуждались Лондон и Калькутта. В 1852 году в Оренбург прибыло Хивинское посольство для переговоров с генерал-губернатором Василием Перовским, так вот тогда хивинцы угрожали генералу, что если он не согласится на их предложения, то они могут и вовсе

уступить территорию в районе нижнего течения Сырдарьи «турецкому султану или англичанам» для создания там опорного пункта. То есть военной базы. Хивинский посол случайно проговорился, что еще в 1851 году специальный хивинский сановник нарочно ездил в Тегеран, чтобы обсудить эту возможность (а Персия тогда находилась под полным влиянием англичан), и туда приезжал «именитый турок от лица султана».

Когда против России начались уже непосредственно боевые действия на всех фронтах, агенты Османской империи вновь появились в Средней Азии, но уже с новым заданием – попытаться втянуть местные государства в «священную войну», объявить джихад против Российской империи. В конце 1853 года эмиссары султана привезли его воззвание. Он призывал Бухару, Хиву и Коканд не отсиживаться, а действовать. Совпадение или нет, но как раз в это время (в Крыму осажден Севастополь) двенадцатитысячный отряд кокандских войск предпринял наступление на форт Перовский. Предводителем отряда был Якуб-Бек, полководец, который много позже стал правителем самопровозглашенного Кашгарского ханства. Русский гарнизон, около 1000 человек, не дожидаясь осады, под командованием подполковника Огарева атаковал противника и захватил кокандский лагерь. Было захвачено 7 знамен, 17 орудий и 130 пудов пороха. Кокандские войска были отброшены. А в столицу уходит доклад Перовского о подготовке нападения на форт, там в январе составляется записка канцлеру. В ней, правда, не сообщается, что Якуб-Бек уже разбит. Просто стоит помнить, что новости не доходили в те времена так быстро.

«1854 г. января восьмого.

Отношение оренбургского военного губернатора генерал-адъютанта В. Перовского в Азиатской департамент МИД об агитации кокандцев среди казахов.

Известия о военных приготовлениях, делаемых хокандцами против форта Перовский, подтверждаются. Собранные в Ташкенте войска 4 декабря уже были в Джулеке, в 150 верстах от помянутого форта. К киргизам сделано от хокандцев воззвание в самом враждебном для нас духе, с объявлением, что войско из 12 000 человек, с сильной артиллерией, идет против неверных, и что Бухария и Хива будут действовать заодно с ними; при этом киргизы также приглашались к восстанию против общего врага и стать за дело ислама. Сие воззвание передано было киргизскими биями

нашему в форте Перовский начальству, которое уже и приняло нужные меры осторожности.

Хокандцы действительно всячески стараются вовлечь хивинцев и бухарцев в открытые против нас действия, хотя происки сии доселе не имели успеха. В Бухару приезжали также агенты турецкого правительства уговаривать эмира восстать против русских, но, как сказывают, владетель Бухарии не согласился на сие, чем якобы возбудил ропот в фанатической части населения Бухары. Впрочем, окончательный результат действий турецких там агентов еще не известен.

В Хоканд и Хиву от турецкого султана тоже присланы были враждебные против нас воззвания, и в Хоканде, вероятно, они приняты с восторгом; но хан хивинский, подобно бухарскому, по-видимому, колеблется и боится ссориться с русскими».

Перовский писал что, с одной стороны, с Бухарой отношения пока сложились неплохие. С другой – «на прочность этого дружеского полагаться нельзя, если только турки действуют в Бухаре столь же ревностно, как и в Хиве. Здесь... стараются они внушить доверие к англичанам... против русских же возбудить недоверие». При этом агенты ОПК информировали губернатора, что в результате поездки хивинского посольства в Стамбул в 1853 году турки послали в ханство пушечных мастеров, и те отлили для хивинской армии несколько орудий.

Тут стоит понимать, что именно в это время Россия и Кокандское ханство были в состоянии жесткого конфликта. Коканд всерьез полагал, что имеет право собирать дань со всех киргизов. Даже тех, что встали под покровительство России. Шайки кокандцев постоянно совершали набеги, правда, грабили только киргизов и казахов. Русские же власти тогда впервые всерьез задумались о спрямлении азиатской границы и соединении Сибирского и Оренбургского губернаторств единой оборонительной пограничной линией. Русский генерал, профессор Николаевской академии Генерального штаба Алексей Иванович Макшеев в своих воспоминаниях так описывал обстановку на южных рубежах в 1852 году:

«Непрерывавшиеся с 1850 года набеги ак-мечетских киргиз вызывали подобные же набеги со стороны наших киргиз. Сначала эти обоюдные грабежи имели характер обыкновенной взаимной киргизской баранты; но в марте 1852 года в ней приняли непосредственное участие кокандцы и даже хивинцы. Скопище

составилось под начальством самого ак-мечетского Якуб-бека, из гарнизонов подведомственных ему коканских укреплений Джулека, Ак-мечети, Кумыш-кургана, Чим-кургана, Кош-кургана и хивинского укреплений Ходжениаса, а также из киргиз, кочевавших в окрестностях этих укреплений. Число коканцев простиралось до 1,000 человек, а хивинцев до 130. Последние вооружились для захвата султана Ирмухамеда Касымова, или просто Илекея, бежавшего к нам из Хивы и попавшего, не смотря на свое прошлое, в милость Перовского. Скопище собралось у Кумыш-кургана, переправилось через реку Сыр у Кош-кургана, следовало степью и вечером 3 марта, прибыв на Айгерик, разграбило до 100 киргизских аулов.

Весною 1852 года было прислано из С.-Петербурга, на заключение Перовского, мнение генерал-адъютанта Анненкова, производившего перед тем ревизию в Западной Сибири, о необходимости связать между собою линиею передовых степных укрепления оренбургского и сибирского ведомств (Аральск и Копал). Не прошло двух-трех месяцев, как коканцы помешали нашей съемке в степи и Перовский послал отряд взять Ак-мечеть, а когда это предприятие не удалось, отправился туда, на следующий год, сам, не смотря на сильные возражения из С.-Петербурга; затем, по взятии Ак-мечети, устраивая Сырдарьинскую линию, уничтожил Аральск, не смотря на церковь. Таким образом мы сделали экспромтом еще шаг в Азию, вопреки первоначального желания даже самого руководителя этим делом и как бы в подтверждение вывода из векового опыта, что наше движение на восток подчиняется историческому закону, который стоит выше личных желаний и произвола»^[171].

Агенты султана распространяли среди как раз союзных Коканду киргизов слухи о том, что Турция отправила в Среднюю Азию свои войска против русских, а бухарский посланник, вернувшись из Стамбула, рассказал, что эмира Бухары называют там теперь только и исключительно «ревнителем веры». Как сообщал начальству Перовский, ухудшение отношений с ханствами Средней Азии «может только благоприятствовать враждебным нам намерениям Англии. Она постаралась бы придать борьбе религиозный характер». Почва для этого, в виде религиозных фанатиков и духовенства, недовольного слишком умеренной позицией властей по отношению к неверным, то есть к русским, уже существовала. Более того, частная разведка Ост-Индской компании, ее политический отдел и

собственно правительственная разведка Британии прекрасно понимали, как устроен мир религиозного экстремизма и как фанатиков можно использовать в своих целях. То же самое понимали и турецкие агенты и влиятельные политики. В первую очередь потому, что Османская империя уже испытала, что такое фанатизм, и знала, как он опасен для страны и как ведут себя ваххабиты, то есть те, кого мы сегодня называем салафитами или боевиками.

Нам только кажется, что экстремисты появились лишь сегодня. А это не так. Русский журнал «Вестник Европы» уже в 1805 году рассказывал своим читателям о «вгаабисах», которые придают «особливой толк Корану». Позволю себе привести тут очень большой отрывок из этой статьи, потому что она содержит множество интересных фактов и о том, что представляла собой Турция уже в начале 19 века – центр не контролировал окраины, и о том, как создавался и действовал ИГИЛ 19 века, и о династии Саудов (в тексте именуемых Сауты), точнее, о том, как и откуда взялись их богатства. Эта статья 200-летней давности отлично объясняет, почему сегодняшняя Саудовская Аравия финансирует боевиков по всему миру, почему лидеры страны так ненавидят Иран, почему хотят играть такую важную роль в ближневосточной политике.

«Секта Вгаабисов, или, как доньше называли их, Вехабисов произвела великие смятения. Все принадлежащее к ее Истории, заслуживает внимание и возбуждает любопытство...

Емен (то есть Йемен. – Прим. авт.) с древних времен был обитаем Бедуинами, или Аравитянами-пастухами. Из сей-то страны вышли многочисленные племена, наполнившие часть Азии и обширные пустыни Африканские. Здесь родился Магомет и другие люди, прославившие имя Аравитян и распространившие их владения.

В Емене возникла секта Вгаабисов Сии Аравитяне, потрясшие восток могуществом своим, не более пятидесяти лет существуют на свете. Нынешняя сила их есть залог будущего величия и служит верною порукою в событии сего чаяния. Способы, которыми они произвели в действо подвиги столь отличные, час от часу становятся важнее и удобнее к исполнению.

Вгаабисы находятся еще так близко к своему началу, что можно с точности назначить его эпоху. Назад тому пятьдесят лет один Арабский Шек (Слово Шек означает начальника у Аравитян), по имени Шек-Магамед, основал сию секту. Вгаабисы производят его от Абдел-Вгааба, сына Солиманова. По общему между ними преданию известно, что Солиман, бедной Араб

Негдисова племени, видел во сне, будто вылетевшее из тела его пламя распространилось на окрестных полях и пожрало на пути своем в пустынях шатры, а в городах дома и жилища. Устрашенный сим сновидением, Солиман потребовал изъяснения от Шеков своего племени, которые протолковали оное в хорошую сторону, сочли его щастливым предзнаменованием и возвестили Солиману, что сын его будет основателем новой веры, обратит пустынных Аравитян и покорить жителей городов многолюдных. Сновидение сбылось не на Абдел-Вгаабе, сыне Солимана, но на Шек-Магамеде, его внуке.

Шек-Магамед дал особливой толк Корану. Он утверждал, что сия книга, написанная самым Богом, сошла на землю и что Магомет был только орудием, которое употребил Бог для сообщения людям своего закона. Он проповедывал учение, содержащееся в Коране; но допуская одно только сие учение и ограничивая им новую веру, отвергал все другие предания, принятые Магометанами. Следственно Магамед был не основателем новой секты, но возобновителем Магометова исповедания, и Религия Вгаабисов есть Религия Корана в первобытной чистоте своей.

Шек-Магамед с равною строгостию отвергал поклонение Иисусу Христу, Моисею и другим, почитаемым от Магометан в качестве Пророков. Он объявил, что Бог гневается на Турков за их глубокое почтение к Магомету; называл себя посланным на землю для истребления сего идолопоклонства и для обращения верующих к служению одному Богу; утверждал, что Музульмане, крепко прилепленные к своей вере, суть идолопоклонники, заслуживающие казнь смертную. Первое правило его учения состояло в том, что всех их надлежит умертвить, как оскорбителей Божие величества и осквернителей чистого Богопочитания.

Таким образом в средоточии Аравии явился новый народ, положивший основание своего величия на бедности. Сей народ избрал себе начальником Ибн-Соута, именовавшегося Князем Дерайегским и Агзским, к которому Шек-Магамед, по возвращении своем в Емен, отнесся с просьбою о помощи.

Обстоятельства благоприятствовали к исполнению желания Шек-Магамеда. Ибн-Соут, начальствуя над народом воинственным, привык к победам и беспрестанно желал завоеваний; в учении основателя новой секты он видел предлог к нападению на племена Аравийские и имел в руках средства исполнить свои желания. Он принял предложенную Религию. Многие из его подчиненных,

принадлежавшие прежде ко племени Шека-Магамеда и давно уже прилепившиеся к его учению, обрадовались сему происшествию. Пример Князя и подчиненных привлек многих на сторону преобразителя, так что наконец вся нация приняла его учение.

В сию-то эпоху вера получила правильное образование. Новообращенные наименованы Вгаабисами, от имени Абдел-Вгааба, отца основателя. Шек-Магамед удержал при себе титул первосвященника, или верховного Шека; Ибн-Соут принял достоинство военачальника Вгаабисов. Власти светские и духовные достались в разные руки, и – что достойно замечания – сие разделение сохранилось потом между сынами Ибн-Сута и Шека-Магамеда.

Ибн-Соут умер, победив многие племена Аравийские. Ему наследовал сын его Абдел-Азис, и совершил предприятия своего предместника. Он в разные времена нападал на независимых Аравитян; его воины были несравненно многочисленнее каждого племени, которые, живучи в отдалении одно от другого, и будучи несогласны между собою, не могли соединенными силами противустать победителю. Вгаабисы внезапно появлялись среди племени, которое покорить хотели. Посланник Абдел-Азиса, имея в одной руке Коран, в другой меч, отдавал Бедуинам грамоту своего повелителя и предлагал условия, на которых они должны были покориться. Тон и слог сих писем дают понятие о нравах Вгаабисов и их строгости, которая есть отличительная принадлежность всех основателей новых Религий.

“Да здравствует племя...! вы непременно должны уверовать в книгу, которую вам посылаю. Не будьте подобны Туркам, погрязающим в идолопоклонстве и мечтающим, будто Бог имеет товарища. Соделавшись правоверными, вы получите спасение; отвергнув же учение мое, будете жертвой войны и смерти”.

Такие угрозы, подкрепляемые многочисленным войском, не встречали препятствий. Племена Аравийские покорялись, одно после другого; все Бедуины приняли закон Магамедов, и обширные пустыни, от Черного моря до залива Персидского и от счастливой Аравии до Алепа и Дамаска, были обитаемы последователями сына Абдел-Вгаабова».

Как английская агентура работала и пыталась разыграть религиозный фактор в Османской империи и среднеазиатских ханствах, показывает следующий факт, о котором Перовский упоминает в одном из писем: «Между прочими средствами к

возбуждению в народе религиозного фанатизма кокандские муллы пустили в ход древнее мусульманское поверье, заключающееся в том, что в Софийской мечети в Константинополе хранится меч Али, зятя Мухаммеда, и что когда настанет время восстать всем правоверным против гяуров, то меч этот сам должен выйти до половины из ножен. Теперь чудо это совершилось, проповедуют фанатики, обрекая проклятию всех, кто не послушается такого очевидного знака воли божией. Ту же идею стараются распространить в Бухаре турецкие послы, подтверждая справедливость сказанного чуда»^[172].

Действия английских и турецких агентов в Средней Азии в разгар Крымской войны были настолько активными и вызывающими, что Петербург всерьез стал опасаться открытия еще и азиатского фронта. Русский пристав при «киргизах Большой Орды» сообщал 23 января 1855 года командиру Сибирского корпуса и сибирскому генерал-губернатору Густаву Христиановичу Гасфорду, что в конце прошлого, 1854 года к бухарскому эмиру приехал английский дипломат. Он потребовал пропуска британских войск из Афганистана через Бухару на север, к русской границе, и «когда английский посланник привез ему фирман турецкого султана, то он и разрешил». В свою очередь, Гасфорд в письме военному министру сообщал, что «согласии бухарского хана и афганских владетелей англичане как союзники турецкого султана под предлогом поддержания прав магометан пришлют кокандскому хану своих или турецких инструкторов и оружие и тем, конечно, смогут усилить и направить действия необразованных и неустроенных кокандских ополчений»^[173].

Летом 1855 года деятельность английских агентов продолжилась. Среди русских подданных, казахов Большой Орды, кокандские власти принялись распространять религиозные воззвания, призывая атаковать русские города и поселения. Кокандские войска готовились к походу на укрепление Верное. Густав Гасфорд писал начальству, что среди кокандских эмиссаров «есть иностранцы и присланные от турецкого султана начальники и что в войсках этих замечено более правильное устройство, чем прежде у них видали». И может быть, все у англичан и получилось бы, может быть, они и смогли бы поднять восстание в Средней Азии против русских. Проблема была только в одном – кокандский хан так унижал казахов и киргизов, так жестоко расправлялся с ними, так грабил и разорял их кочевья, что, если даже и имели претензии к

русским властям, кокандцев они не любили куда больше. Точнее, просто ненавидели. Вот характерная история. Кокандскому хану не понравилось, как ведет себя какой-то киргиз. Не так поздоровался. Или не слишком низко нагнулся, приветствуя его. Хан приказал киргиза посадить на кол. Хану объяснили, что этот человек отличный коневод, умеет укрощать почти диких лошадей. Хорошо, согласился хан, этого казнить не надо. Но тогда пусть на кол посадят любого другого киргиза.

Бухарское ханство тоже не горело желанием воевать с Россией. Англия далеко, русские вот, под боком. Кроме того, торговые связи у Бухары с Россией были слишком тесными, чтобы разорвать их просто по прихоти англичан. Сам эмир Бухары был крупнейшим феодалом и торговцем, поэтому его личная прибыль тоже зависела от русских. Ханство постоянно нуждалось в металлических и текстильных изделиях, которые оно получало из России. А главное, что эмир все хорошо понимал про англичан. Он постоянно общался с Дост Мухаммедом и про зигзаги британской политики был наслышан. Было ему понятно, что никто не забыл, как он казнил Конолли и Стоддарта. И наконец, эмир видел и прочувствовал на себе, как говорят теперь, «двойные стандарты» англичан. Они, с одной стороны, присылали к нему эмиссаров, предлагали воевать с Россией, а с другой – одновременно с этим они поддерживали наступление афганских феодалов, не слишком подчинявшихся Дост Мухаммеду, на бекства Южного Туркестана, населенные узбеками и таджиками и входившие ранее в состав ханства. Дело в итоге вообще дошло того, что бухарский эмир обратился к Петербургу за помощью в борьбе против английских интриг на границе.

Примерно так же Британская империя попыталась действовать и на Кавказе. Как только началась Крымская война, в кавказский регион были отправлены отряды из польских эмигрантов, бывших участников восстания 1831 года. Они действовали на стороне горцев, воевавших против Российской империи. Еще в 1851–1853 годах, накануне англо-французско-турецкого вторжения в Крым, разведка Российской империи сообщала, что в северо-западном регионе Кавказа то и дело появляются европейцы, которые в сопровождении горцев изучают русские укрепления и собирают сведения о русских войсках.

В это время, с подачи англичан, в Европе снова начинает муссироваться черкесский вопрос. Понятное дело, что официально Лондон заявлял, что его политика в Восточном кризисе (так принято

называть все события, предшествовавшие Крымской войне, ее саму и ее последствия) 1850-х годов сводится только к защите целостности Османской империи. В реальности же Англия имела четкое понимание того, что ее задача – это отторжение от России Кавказа, точнее, Черкесии и Грузии, а если получится, то и Дагестана, и установления над этими регионами английского протектората. Другое дело, что черкесы уже не слишком верили англичанам, но какое-то время на них в Лондоне вполне серьезно рассчитывали при подготовке войны против России. И на протяжении всей войны, вплоть до подписания мирного договора, Англия постоянно оказывала дипломатическое давление на Россию, пытаясь заставить ее отказаться от Черкесии. Глава Форин-офиса Пальмерстон несколько раз предлагал Николаю I вывести русские войска за Кубань, а со своей стороны он обещал, что Англия предпримет все возможное, чтобы удержать горцев от нападений на российские территории.

Но еще в самом начале войны англо-франко-турецкая коалиция планировала нанесение одного из главных ударов по России как раз на Кавказе. И это была именно английская задача. Французская политика на Кавказе была довольно невнятной, потому что интересы Франции лежали далеко от региона, но в годы Крымской войны и официальный Париж был втянут в игры англосаксов. Французский кабинет министров обсуждал, например, можно ли заключить союз с имамом Шамилем, и было даже решено доставлять ему боеприпасы и оружие. Как-то обычно забывается о том, как важен был Кавказский фронт Крымской войны. Британский флот постоянно курсировал вдоль восточного побережья Черного моря, он обеспечивал поддержку, занимался снабжением турецкой армии в Западной Грузии, а война шла и там, британский флот проводил боевые операции у Анапы, Новороссийска, Редут-Кале. Анатолийская армия турок фактически находилась под командованием британских офицеров, и английские же инструкторы непосредственно руководили походом Омер-паши, когда он высадился в Батуме и попытался атаковать русские войска, осадившие крепость Карс. Десант, впрочем, окончился ничем, отбить Карс туркам не удалось.

На протяжении всей Крымской войны агенты британской разведки выполняли на Кавказе задачи и военного, и политического характера. Обеспечивали поставку боеприпасов горцам, вели переговоры с их лидерами, работали, как сейчас сказали бы, над

«формированием особого общественного мнения», то есть убеждали население в необходимости воевать против России. Правда, союзное командование Англии, Франции и Турции долго не могло выработать общую программу, общее понимание того, что им делать с Кавказом.

Потом все же было решено сделать ставку на имама Шамиля и его наиба Мухаммед-Амина. Прямой задачей кампании на кавказском театре военных действий в период Крымской войны был захват и уничтожение укреплений Черноморской береговой линии. Предполагалось, что англо-французский флот станет дополнительной ударной силой, когда горцы атакуют русские укрепления, и поэтому боевые корабли курсировали у берегов Черкесии, имея задачу атаковать русские корабли и поддерживать огнем батарей атакующих горцев. Но план широкого вторжения на Кавказе не реализовался. Потому что вообще-то союзники просчитали все. Они учли, что Россия промышленно слабее Англии и Франции. Они правильно оценили, что Николай I не сможет отправить в Крым большую военную группировку, что русский флот будет не способен противостоять объединенным флотам держав, что у русской армии оружие не такое современное. Даже оценили «протестные настроения» в обществе: обстановку в Малороссии после польского восстания, состояние экономики и торговли в целом, усталость от крепостного права. Все указывало на то, что победа будет быстрой и не трудной.

Но, как часто бывало, противники забыли про русский патриотизм и любовь к Родине, которые у русских очень часто никак не связаны с отношением к государству. То есть русский человек может не любить государство и даже ненавидеть его, быть недовольным царем, чиновниками, президентом и депутатами, но Родину он пойдет защищать и без сомнений умрет за нее, как умирали его деды, прадеды, как умирали все мужчины его рода от начала Руси. О русский характер и любовь к родной земле сломались все английские планы в Крымской войне. Война затянулась, неудачное начало осады Севастополя и англо-французские разногласия на тему «кто же тут главный» привели к тому, что в Крыму НАТО 19 века застряло основательно. И на Кавказе турецкое правительство вынуждено было самостоятельно воевать против русских, причем заранее понимая, чем все это закончится. Опыт имелся.

Россия тоже понимала, что противники будут использовать фактор горцев в этой войне, но особенных возможностей для

усиления группировки у Петербурга не было. В состав северной части Черноморской береговой линии входили в те годы Кабардинское укрепление, Новороссийск, Анапа, Геленджик, Гастогаевское, Джеметейское, форт Раевский и 5 укрепленных станиц: Николаевская, Александровская, Суворовская, Витязева и Благовещенская. Вдоль берегов Абхазии существовали укрепления: Гагры, Пицунда, Сухум-Кале, Редут-Кале, Бомборы, Поты и пост Святого Николая. Была значительно усилена крепость Анапа. Собственно, гарнизонам этих укреплений и велели стоять, если что, насмерть. Подмоги не будет. Вдоль восточного побережья Черного моря курсировала русская эскадра – один фрегат и 6 небольших судов. Этим силам не хватало даже для того, чтобы ловить контрабандистов, перевозящих боеприпасы горцам.

Черноморскую линию многие российские генералы критиковали: дескать, дорого обходится и толку нет. Шапсуги и убыхи все равно совершают набеги, угоняют скот, похищают людей. И вот под угрозой вторжения противника и ввиду невозможности защитить их к началу лета 1854 года почти все российские береговые укрепления были скрыты, их гарнизоны вывезли, в боеготовности лишь оставили несколько важнейших форпостов: Суджук-Кале, Геленджик, Анапу. Но в 1854 году увязшие в Севастополе враги до Кавказа толком не добрались. Хотя, конечно, они пытались по-прежнему натравить горцев на гарнизоны и сами попытались штурмовать Новороссийск, попытка эта закончилась полным провалом.

Во-первых, наглые русские, будучи осажденными, вместо того, чтобы сидеть и ужасно переживать, что против них воюет целая Британская империя, совершили вылазку и уничтожили турецкие корабли в Геленджикской бухте. Корабли эти привезли горцам оружие, припасы, ткани. Английские офицеры, командовавшие кораблями, пытались организовать оборону, но турки просто убежали в горы, увидев русских солдат и казаков. Во-вторых, Новороссийск коварно не сдался при виде англо-французской эскадры. А в обороне города приняли участие и мирные жители. Англичане, полагаясь на старые связи, рассчитывали поднять на штурм черкесов. Предполагалось, что некоторые горцы и вовсе захотят пойти на штурм, просто увидев, что город обстреливают. Если бы Новороссийск был взят англо-французской эскадрой и горскими отрядами, то европейские дипломаты могли бы говорить, что вот, дескать, свободные люди сами решили свою судьбу,

свободолюбивые горцы скинули тиранию Кремля, то есть, конечно, Зимнего дворца (про тиранию Кремля в Европе говорят сейчас), а подлинники поборники свобод и демократии – Англия и Франция просто помогли осуществить «освободительную миссию» на Кавказе. А вы что думаете, сценарии для Ливии и Сирии придумали вот прямо сейчас, в начале 21 века? Нет, все то же самое уже было. Все уже давно написано.

Прежде чем начать новороссийскую операцию, союзники 8 февраля 1855 года собрали горских вождей на совет – там были турецкие и английские офицеры, представители горских племен и несколько имамов. Было принято постановление о взимании штрафов со всех горцев, которые не прекращают торговых сношений с русскими и продолжают ездить на базары и меновые дворы. Горцев вообще практически заставили дать присягу (схема отработанная, помните Уркварта?) в том, что впредь они не будут иметь никаких сношений с русскими. Специальные патрули горцев отправились искать предателей – то есть тех, кто будет заподозрен в том, что не прекратил торговать с русскими. Через несколько дней группа английских офицеров произвела осмотр Новороссийска с высот Маркотхского перевала.

Но тут вышла новая неувязка – горцы штурмовать город не захотели. Логика их рассуждений понятна. Русские рядом и, если что, всегда могут отомстить, а англичане приплыли и уплыли. Тут-то англичанам стоило операцию прекратить, но они высадили свой десант, который сжег жеметейское укрепление близ Анапы. А в Геленджик англичане послали офицера, который заявил черкесам, что Новороссийск неизбежно будет взят.

8 января 1855 года началась блокада города с моря. 28 февраля рано утром в Новороссийскую бухту вошли неприятельские корабли, которые открыли орудийный огонь по городу. Русские батареи молчали – дальность не позволяла бить по противнику. Ожесточенная бомбардировка города продолжалась до наступления сумерек. Ночью противник несколько раз возобновлял огонь. Утром 1 марта союзное командование решило, что батареи русских подавлены. Логика в этом была – раз молчат орудия, значит, уничтожены. Ну как догадаться, что у русских просто пушки не добивали, и они решили не тратить порох и снаряды. Как только английские и французские суда подошли к берегу, русские батареи открыли огонь. Русские артиллеристы располагали только десятью

(!) орудиями устаревшего образца, но они смогли нанести серьезные повреждения судам противника.

В два часа дня англо-французское командование вынуждено было отвести свои корабли от берега и вести огонь из глубины бухты. В эскадре были потери личного состава, были повреждены суда. А тут еще горцы, увидев, как лихо воюют русские и как англичане что-то не побеждают, заявили, что нападать на Новороссийск не будут. Как ни уговаривали их английские агенты, ничего из этого не вышло. Хотя известен такой факт: к горцам послали офицера в парадном мундире, он подплыл в шлюпке к берегу и принялся кричать в рупор на турецком языке: «Кто вы? Мусульмане или гяуры? Если мусульмане, то должны собраться в больших силах и во что бы то ни стало не выпустить ни души из Новороссийска!» Потом он стал кричать, что русские подавлены бомбардировкой с английских кораблей. Поскольку горцы с окрестных высот видели, как «подавленные» русские вели бой с эскадрой, офицеру они не поверили. Около полудня 2 марта неприятельская эскадра прекратила бомбардировку. 3 марта она вышла в море. Горцы ушли еще до этого в свои аулы. Правда, уже 13 мая 1855 года войска англо-французских союзников заняли Керчь, и тогда пришлось оставить Новороссийск, а потом и Анапу. Турки, в свою очередь, активизировались в Западной Грузии. Но ненадолго и безуспешно.

Последняя серьезная попытка изменить военную ситуацию имела место на Кубани в декабре 1855 года. Тогда отряды черкесского лидера Сефер-бея напали на Екатеринодар, заняли в нем прилегающие к реке Кубань кварталы, но после русские войска и казаки выбили их с большими потерями. Так что надежды Турции, Англии, Франции на восстание кавказских горцев так надеждами и остались. Хотя к этой идее турки еще попытались вернуться с подачи англичан в 1857 году. В феврале 1857 года в Туапсе высадился отряд европейских волонтеров, в основном поляков, их было 190 человек, во главе с польским офицером Теофилом Лапинским. Они провели в горах два года, воевали против русских, но после пленения имама Шамиля, на фоне всеобщего разочарования горцев, Кавказ покинули.

Теофил Лапинский был, как и положено польскому офицеру 19 века, глубоким, идейным русофобом и англофилом. Родился он в 1826 году в Галиции, то есть в Австро-Венгрии, то есть вовсе не под русским гнетом. Когда началось польское восстание 1831 года, ему, как не трудно посчитать, было пять лет. Пять. Но он жил в семье

польских националистов и еще в юности включился в борьбу за независимость Польши. В 1848 году он стал участником Венгерской революции, ему было 22 года. Революцию подавили с помощью русских войск, которые шли в Венгрию через его родную Галицию. Во время Крымской войны он уже был полковником артиллерии и воевал против России в составе польской дивизии генерала Замойского, была и такая. В ней же воевал и Франтишек Духиньский, как бы историк, автор идеи о том, что «москали» это не славяне вовсе, а такие злые потомки туранских кочевых народов.

Лапинский попал на Кавказ, понятное дело, с помощью турок. Они, правда, не рискнули его поддерживать более серьезно. Даже после Крымской войны в Константинополе русского гнева все равно побаивались. О своей войне на Кавказе Лапинский написал книгу «Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Описание очевидца Теофила Лапинского (Тэффик-бея), полковника и командира польского отряда в стране независимых горцев». Сочинение весьма интересное, во всяком случае, оно серьезно проливает свет на деятельность английской агентуры – а в том, что поляк к ней относился напрямую, сомнений нет – на Кавказе, на отношения самих горцев. Интересные, и досадные для себя, наблюдения он сделал относительно того, как разные люди становятся частью русского пространства.

«Линейные казаки образуют прекраснейшее войско на Кавказе и являются грозой восточных горцев. Не уступая им в дикости, жестокости, варварстве и смелости, они превосходят их военной организацией, имеют лучшее оружие и лошадей. Их одежда, вооружение, седла и уздечки лошадей отличаются только лучшим качеством от чеченских и лезгинских. Екатерина II положила основание этим казачьим колониям на Тереке. С этого времени растут полки и станицы. Но резкое увеличение началось с 1856 года: кавалерийские полки увеличились на третью часть, пехота – наполовину. Причина лежала в том, что многие племена были деморализованы безуспешной войной, которую вела половина Европы против русских, и записались в казачьи списки. Теперь горцы, которые прежде подчинялись Шамилю, сжаты между станицами линейных казаков. Эти казаки состоят из разных национальностей, населяющих Русское государство. Большинство – коренные жители Дагестана. Встречается между ними и много поляков. Целые семьи, которые должны были отправиться в Сибирь, предпочитали воспользоваться предоставленным им выбором и записывались в

казаки. Солдаты, присужденные за какой-либо политический проступок к вечной службе на Кавказе, пользовались также предоставленным им выбором. Но вся эта смесь из поляков, русских, татар, грузин, чеченцев, аварцев, лезгин, евреев и т. д. имеет теперь одну религию и один язык – русский, и каждый новый приезжий русифицируется в короткое время.

С некоторых пор приток диких горных жителей Восточного Кавказа, записывающихся в линейные казаки и переезжающих в станицы, необыкновенно увеличился, и это убеждает меня в высказанном прежде мнении: если в последней битве, которая скоро произойдет между дагестанскими племенами и русскими, горцам не будет оказана помощь, признаков которой не видно, то имена этих племен скоро исчезнут, и эти страшные казачьи колонии будут в состоянии через 20 лет предоставить для службы царю столь же многочисленные, но гораздо более храбрые, чем Дон, полки. Они выставляют, как я отметил, теперь около 20 000 человек войска всех видов оружия, имеют, кроме того, еще гораздо более сильные резервы. Народонаселение с некоторого времени сильно увеличивается, в этот момент его можно считать не меньше 300 000 душ. До сих пор они употреблялись только против восточных кавказцев, впервые в 1858 году увидели абазы на Западном Кавказе несколько полков этих варварских и смелых воинов, первое выступление которых было способно внушить страх и ужас их новым врагам. В последнем восточном походе стояли некоторые полки линейных казаков из армии Муравьева перед Карсом в Малой Азии и особенно выделялись среди всех русских полков»^[174].

Теофил Лапинский свою книгу о борьбе горцев Кавказа опубликовал впервые в Гамбурге в 1862 году. Позволю себе привести здесь несколько цитат из последней главы. Дело в том, что там сформулированы большинство политических идей, которые стали наиболее популярными в среде украинских националистов начиная с 2012–2013 годов. Якобы это их украинцы сами для себя сформулировали. Ну, так судите сами, что и откуда берется.

«Предчувствие нового нашествия монголов живет, так сказать, в груди каждого мыслящего европейца. Полководцы, чиновники, ученые, писатели, публицисты и поэты говорили и писали об этой возможности, но никто не поставил точку над *i*, т. е. не объяснил, при каких условиях эта возможность станет реальной.

Правда, Россия с ее нынешними силами еще не может быть столь опасной для самостоятельности Европы, хотя она уже достаточно причинила ей неприятностей, но как только Россия выполнит свою миссию в Азии, она с удесятеренной силой обрушится на Европу.

С какой хитростью и лицемерием москвит при каждой возможности берет слово, чтобы поплакаться на то, что его хотят изгнать в Азию. Он делает это так, как будто для него это равнозначно ссылке на Камчатку. Потому что это нужно ему для того, чтобы не пробудить Европу из ее летаргии, чтобы любой ценой удержать то, что он добыл насилем и хитростью, и не потерять свои позиции на Западе; а между тем он марширует неумолимо, как судьба, гигантскими шагами на Восток. Границы Азии пройдены, завоевание началось, и никакими силами его больше не остановишь.

Туранская раса вечно была бичом всего мира. Она принимала различные имена, различные языки, различные религии, но в сущности она оставалась всегда такой же. Под именем скифов она была ужасом Древнего мира; в обличье языческих аваров и гуннов она впервые дала себя знать христианской Европе; потом она изменила имя и религию и снова напала на Европу как монголо-татары и магометане; одна из ветвей этой расы пришла с юга и под именем османов взяла Константинополь и проникла вплоть до Вены.

Новый, молодой побег вырос из старого дерева. Финно-татарский москвит принял русский язык и религию и самое имя "русс". Он развивает язык и религию не как индогерманцы, для морального развития, но для военной дрессировки масс, необходимой для будущих завоеваний. Само имя служит ему для того, чтобы обманывать 15 миллионов малороссов, которых он считает своими родичами. Он становится еще страшнее от того, что, будучи чуждым духу европейской цивилизации, жадно изучает всякий государственный и военный механизм, чтобы использовать его для военной организации своих грубых масс.

Долг всех индогерманских рас создать фронт против беспрерывно приближающегося урагана с востока. Недостаточно восстановить Польшу в широких границах, вернуть Финляндию ее законным собственникам, освободить и организовать Кавказ; необходимо еще полностью изолировать эту чудовищную державу, чтобы она не оказывала никакого влияния на судьбы Европы» [175].

Причем русофоб с именем «Любящий Бога», а именно так переводится Теофил, был не единственным диверсантом. В 1856 году, вскоре после подписания Россией Парижского мирного договора, к берегам Черкесии был направлен пароход «Кенгуру» с отрядом польских, венгерских и английских волонтеров во главе с Яношем Бандьей. Перед ними была поставлена задача – оказать помощь адыгам в создании на Северо-Западном Кавказе самостоятельного Черкесского государства. Вот только отряд там и не смог форсировать Кубань, потом начались внутренние дразги, потом отряд и вовсе развалился. Но о его появлении покоритель Кавказа генерал Александр Иванович Барятинский рапортовал в столицу.

«Исправляющий должность Кутаисского военного губернатора, полковник Колюбакин, доносил временно Командующему Отдельным Кавказским корпусом, генерал-лейтенанту кн. Бебутову, 8 октября, что он получил известие от управляющего Редуткальским передовым карантинно-таможенным постом, что 3 октября приходил на Редуткальский рейд английский военный пароход “Ронгвер”, под командою капитана Мариэти. Управляющий Редуткальским карантинно-таможенным постом, желая узнать причину появления на нашем берегу английского парохода, отправился на него и заметил, что капитан и штурманы были заняты составлением планов к промерам глубины рейда; но когда он взошел на пароход, то они прекратили свои занятия и убрали карты и планы. По его наблюдению, пароход этот – плоскодонный, винтовой о трех мачтах, вооружен был двумя бомбическими пушками и двумя 36-фунтовыми коронадами. На вопрос его, почему этот пароход, имеющий вид военного по экипажу и вооружению, ходит под коммерческим флагом, капитан отвечал, что он поднял коммерческий флаг из желания не напугать жителей военным флагом, что он состоит в эскадре адмирала Лайонса и что послан осмотреть восточный берег Черного моря.

3 октября получено было в Анапе сведение от верного лазутчика, близкого к Сафар-бею (лидер черкесов. – Прим. авт.) и при нем постоянно находящегося, что, судя по описанию, тот же самый пароход, о котором упоминается в военном журнале генерал-майора Рудановского, заходил к устью р. Шапсуго и высадил там 50 убыхов и абадзехов, возвращавшихся из Константинополя, куда они ездили для личного удостоверения в справедливости возложения турецким султаном на Сафар-бея власти над кавказскими горцами.

По рассказам посланных, султан принял их очень милостиво, наградил всех подарками, а некоторым пожаловал медали и объявил им, что Сафар-бею действительно поручено начальствование над горцами и что они обязаны ему во всем повиноваться.

Тот же лазутчик утверждает, что пароход был турецкий, и два других лазутчика, также заслуживающих доверия, говорят, что видали этот пароход в Новороссийской бухте и что он английский. Никто из этих людей на пароходе не был. Генерал-майор Филипсон полагал, что, может быть, на нем были люди обеих наций и что для какой-либо цели пароход сказывался в одном месте турецким, а в другом – английским.

Владелец Абхазии генерал-адъютант кн. Михаил Шервашидзе, доводит до моего сведения, от 28 октября, что, 26 числа того же месяца прибыл в Сухумкальский рейд английский коммерческий пароход “Кэнгору”, следовавший в Тренизонд из Вардане, близ бывшего укрепления Навагинского, где высадил на берег Магомет-Амина, возведенного турецким султаном в звание паши, и 80 человек горцев, бывших вместе с ним в Константинополе.

В том же донесении от 28 октября владелец Абхазии уведомил меня, что, при прибытии на Сухумский рейд, пароход “Кэнгору” не предъявил коменданту никаких документов и на вопрос, зачем от приставал к неприятельскому берегу, ответил, что по Парижскому трактату плавание в Черном море для коммерческих судов всех наций объявлено свободным и что в скором времени он опять придет в Вардане за грузом. Генерал-адъютант кн. Шервашидзе присовокупляет, что другого груза, кроме невольников и невольниц, не может быть с Черкесского берега и, что, таким образом, постыдная торговля людьми возобновится при содействии английского шкипера».

Но это было уже после окончания Крымской войны. А вообще, когда союзникам стало ясно, что блицкрига не выходит и русские сдаваться не хотят, и пришлось собирать Парижский мирный конгресс, то одним из самых острых вопросов, обсуждаемых на нем, стал именно вопрос о Черкесии. Причем для Англии этот вопрос казался настолько важным, что Лондон был готов продолжать войну до тех пор, пока Россия безоговорочно не согласится на обсуждение «судеб народов, населявших восточное побережье Черного моря». Но Австрия категорически отказывалась предъявлять России это требование, потому что, если бы Россия отказалась, а вероятность такого поворота событий была почти стопроцентная, Вене пришлось

бы вступать в войну. Наполеон III тоже не хотел дальше воевать и пытался, с одной стороны, показать англичанам, что он верный союзник, а с другой – не дать им сорвать мирный процесс и втянуть Францию в бессмысленную для нее военную кампанию на Кавказе.

Стоит обратить внимание еще и на такой факт. Формально считается, что Кавказские войны Российской империи никакого отношения к Крымской войне не имеют. Но вот удивительно, как только русские войска смогли нанести серьезные поражения горцам в Даргинском походе и во время взятия аула Гергебиль, как только началась своего рода новая фаза войны, где дело имама Шамиля стало клониться к закату, вот тут и началась осада Севастополя, операции на Кавказе, атака на Петропавловск-Камчатский. Британское правительство решило комбинированными ударами с разных сторон подавить и отбросить Россию. И на Парижском конгрессе, где разрабатывались условия окончания Крымской войны, эти попытки не прекратились. Вокруг конгресса создавались такие черкесские комитеты, точнее, представители горцев появлялись и говорили, что наш народ желает суверенитета. Британские дипломаты же попытались потребовать от России сдвинуть границы севернее Терека.

Англичане отстаивали идею создания на территориях проживания горских народов независимых государств, создание такой буферной зоны между Россией и Турцией. Представители России доказывали, что эти предложения означают грубое попрание суверенитета Российского государства. И когда английские дипломаты согласились с доводами русских, с тем, что прежние договоры по Кавказу все еще имеют силу, то в Лондоне депутаты парламента обвинили дипломатов в предательстве национальных интересов, и была даже попытка не ратифицировать договор с Россией. Когда же через несколько лет имам Шамиль сдался русским, когда признал суверенитет Российской империи и побывал в Петербурге, это вызвало и вовсе невероятную ярость и шок в Лондоне. Но сделать уже было ничего нельзя. Кавказ достался Петербургу.

Считается, что Крымская война была Российской империей проиграна. Насколько это верно? Вопрос крайне спорный. Война была очевидно неудачной. Но вот проигранной ли?

Когда 20 декабря 1855 года Александр II, сменивший отца, Николая I, на престоле, собрал совещание для решения вопроса об окончании или продолжении войны, все участники, высшие

министры, категорически высказались против продолжения войны. Высказывались мнения, что Российская империя может потерять не только Крым, но и Финляндию, Польшу и Кавказ. Однако военные понимали, причем и английские и французские военные тоже, что потерять территории Россия, конечно, может, но и противнику это обойдется дорого. Россия не была намерена вот просто так взять и отдать кому-то свои земли, за них пришлось бы воевать всерьез. А три года войны в Севастополе и безуспешная кампания на Кавказе убедили союзников, что победа над русскими может оказаться пирровой.

И на самом деле, конечно, Россия была вынуждена подписать договор, лишивший ее Черноморского флота. Но это, по сути, была главная потеря. Крым империя сохранила за собой. Черное море признали нейтральным. Турки тоже не могли держать там военный флот. Так что стенания о «проигранной бездарной войне» выглядят слегка натянутыми. Но, конечно, элита в империи однородной не была и тогда. Не является и сейчас. И сейчас чиновники, занимавшиеся экономикой годами, вдруг могут заявить, что Россия – это «страна – дауншифтер». И тогда, например, министр внутренних дел граф Петр Александрович Валуев надрывно стонал:

«Что стало с нашими морями? Где громы земные и горняя благодать мысли и слова? Кого поражаем мы? Кто внимает нам? Наши корабли потоплены, сожжены или заперты в наших гаванях! Неприятельские флоты безнаказанно опустошают наши берега! Неприятельские армии безнаказанно попирают нашу землю, занимают наши города, укрепляют их против нас самих и отбивают нас, когда мы усиливаемся вновь овладеть отцовским достоянием! Друзей и союзников у нас нет. А если и есть еще друзья, то малочисленные, робкие, скрытные, которым будто стыдно сознаться в приязни к нам. Одни греки не побоялись этого признания. Зато их тотчас задавили, и мы не могли им помочь. Мы отовсюду отрезаны; один прусский король соблаговолил оставить нам несколько калиток открытыми для сообщения с остальным христианским миром. Везде проповедуется ненависть к нам; все нас злословят, на нас клеветают, над нами издеваются. Чем стяжали мы себе столько врагов? Неужели одним только нашим величием? Но где это величие? Где силы наши? Где завет прежней славы и прежних успехов? Где превосходство войск наших, столь стройно грозных под Красным Селом? Еще недавно они залили своею кровью пожар венгерского мятежа; но эта кровь пролилась для того

только, чтобы впоследствии наши полководцы тревожно озирались на воскресших нашею милостью австрийцев? Мы теперь боимся этих австрийцев. Мы не смеем громко упрекнуть их в неблагодарности; мы торгуемся с ними и, в ряду их, не могли справиться с турками на Дунае. Европа уже говорит, что турки переросли нас. Правда, Нахимов разгромил турецкий флот при Синопе; но с тех пор сколько нахимовских кораблей погружено в море! Правда, в Азии мы одержали две-три бесплодные победы; но сколько крови стоили нам эти проблески счастья! Кроме них – всюду утраты и неудачи! Один Севастополь силен и славен, хотя в продолжение десяти месяцев над ним разрываются английские и французские бомбы».

Другие чиновники, особенно военные руководители страны, ситуацию видели не столь трагично. Кроме Крыма, на всех остальных направлениях англичане и французы никаких успехов не добились. Кавказ взять не смогли. Русская армия понесла потери. Враги тоже. Экономика России была надорвана войной. Экономика противников меньше, но тоже. И важно, что Россия оставалась глобальным игроком. Ослабленным. Раненым. Но все еще умелым и значимым.

И стоит отметить вот что – англичане, конечно, куда более системно подходят к оценкам исторических событий, чем мы. И политика у них куда более структурирована. И у американцев тоже. Обычно в британской исторической науке Восточная война никак не связывается с Большой Игрой, эти два периода рассматриваются отдельно, как совершенно не зависимые друг от друга. Та старательность, с которой англичане пытаются их разделить, наводит на мысль, что, конечно, это части единого исторического процесса. И англичанам это, разумеется, очевидно. Для нынешнего официального Лондона существует прямая связь между той Крымской войной 19 века и нашей Крымской весной века 21. Английским политикам понятно, что русских в 2014 году в Крыму надо было остановить ровно по тем же самым причинам, по которым их следовало выкинуть из Крыма в 1853-м. С точки зрения британских (а теперь и американских) внешнеполитических интересов, задачи по ослаблению России на Кавказе и в Черноморском регионе остаются неизменными последние почти 160 лет. И потому поддержка имама Шамиля в 19 веке ничем не отличается от поддержки Шамиля Басаева в веке 20-м. Цели и задачи те же самые.

И тогда, в 1856 году, англичане не собрались останавливаться. Их вообще никак не устраивали результаты Парижского конгресса. Ставка была сделана на ослабление России изнутри. На поддержку польских сепаратистов, украинского движения и малороссийского автономизма. На поддержку, конечно же, кавказских горцев. Но в 1857 году англичанам стало не до России. И не до чего вообще. Им надо было спасти империю от полного краха, а все шло именно к этому, к потере Индии, потому что там началось восстание сипаев. Самое мощное восстание в истории Британской Индии, а возможно, и в истории империи вообще.

Глава 10

Вообще восстание в Индии назревало давно. Странно, что оно началось только в 1857 году, а не раньше. Но для англичан оно стало словно полной неожиданностью. Во всяком случае, колониальная администрация к нему оказалась совершенно не подготовлена. Хотя русский военный агент в Лондоне, полковник Николай Игнатьев сообщал начальству после начала восстания, что скорее всего руководство Ост-Индской компании догадывалось о надвигающейся буре. Но мер не предприняло.

«Многие признаки и неоднократные предупреждения о неудовлетворительном состоянии дисциплины в туземных войсках и ненадежность оных вследствие неудовольствий на правительство и происходившие в Индии между войсками и отчасти жителями непонятные административным в Индии лицам какие-то тайные сношения – остались без внимания, несмотря на известную бдительность и обычную подозрительность английского правительства, так, например, еще прошлую зимою делалось известным, что в различных частях Бенгальского президентства и в особенности между военными квартирными пунктами передавались таинственные знаки, как напр., хлеба особенной формы и в известном числе, цветы и пр.

Правительство или по крайней мере Компания, как мне кажется, даже ожидали, что в Индии могут возникнуть при первом удобном случае беспорядки, и не приняли надлежащих мер заблаговременно для усиления войск потому только, что не полагали, чтобы могло случиться восстание так скоро и в таких размерах, и потому, что финансы Компании не были в последнее время в цветущем состоянии, почти ежегодно расход по Индии превосходит с лишком на 1 000 000 фунт стерл. доходы, получаемые собственно от края. Из прежних донесений моих Вашему Высокопревосходительству известно, что я неоднократно слышал от многих английских офицеров и лиц военного министерства об опасности, угрожавшей Индии, ежели она будет предоставлена на произвол ненадежной туземной армии, о необходимости и намерении правительства усилить европейские войска в том крае для предупреждения беспорядков».

Весь год, предшествовавший бунту сипаев, Калькутта продолжала заниматься внешними проблемами Британской Индии.

Англичане финансировали Дост Мухаммеда, который воевал с Бухарой, точнее, пытался установить свой контроль над мелкими бекствами левобережья Амударьи. Русский агент, из завербованных ОПК татарских купцов, сообщал, что афганский эмир «был снабжен англичанами всем необходимым: оружием, военными снарядами и деньгами». В Среднюю Азию и Западный Китай засылались специальные агенты, прошедшие подготовку в школе разведчиков в Индии. Освободив силы и средства, задействованные в Крымской войне, Британия начала новую экспансию на южном направлении. В октябре 1856 года началась Вторая опиумная война, мало чем по целям и задачам отличавшаяся от Первой. Разве что на этот раз делить Китай вместе с англичанами решили Франция и Соединенные Штаты Америки.

Первый русскій посланникъ въ Пекинѣ

Генераль-Адъютантъ

гр. Н. П. Игнатьевъ

Полковник Николай Павлович Игнатьев

Одновременно с этим 1 ноября 1856 года Англия объявила войну Персии, поскольку Тегеран вновь решил захватить Гератский оазис. Из Бомбея в Персидский залив была отправлена военно-морская эскадра. Между прочим, флот, так же как и армия Ост-Индской компании, был самостоятельной единицей, к королевскому флоту он напрямую не относился и, по сути, являлся такой же частной военной компанией, как и армия. В декабре английский десант захватил порт Бушир, в марте 1857 года британские войска овладели Хоррамшахром, а в апреле вступили в город Ахваз. Параллельно англичане решили надавить на персов руками афганцев. В январе 1857 года на индо-афганской границе Дост Мухаммед-хан встретился с Джоном Лоуренсом, комиссаром провинции Пенджаб, представителем Ост-Индской компании. Как вспоминал фельдмаршал Фредерик Робертс в своей книге «Сорок один год в Индии», визит был обставлен так, чтобы лишний раз напомнить эмиру, с кем он имеет дело, какая армия ему противостоит.

«По случаю первого посещения эмиром английского лагеря в нем было сосредоточено более семи тысяч человек войска и в их состав входило три английских пехотных полка. Войска были расставлены шпалерами на протяжении целой мили, и вполне очевидно, что эта сила и ее воинственная выправка произвели на эмира и его спутников весьма полезное впечатление, где чувство восхищения примешивалось к чувству страха»^[176].

Британское правительство тогда заключило с эмиром соглашение, по которому Лондон обязался предоставить Дост Мухаммеду денежную субсидию в случае его войны против врагов Англии и на все время войны против Персии, если таковая начнется. Но в целом закрепить успех в Персии англичанам удалось лишь частично. Свое неудовольствие действиями Лондона по отношению к Тегерану выразил официальный Петербург. И это к вопросу о том, насколько была ослаблена Россия после Крымской войны. Англия, конечно, была серьезной державой и могла воевать сразу и против Китая, и против Персии. Но с позицией России все равно приходилось считаться. И в Париже быстро подписали англо-персидский мирный договор, по которому иранское правительство обязалось оставить Гератский оазис.

А как раз в это время из Индии стали приходить первые сообщения о неких волнениях среди солдат-сипаев. Это восстание, без преувеличения, потрясло основы всей империи, оно стало

началом конца Ост-Индской компании, и за всю историю британского господства в Азии ничего более масштабного и катастрофического для Лондона не происходило. Николай Александрович Добролюбов, русский революционный демократ, публицист, писал о тех событиях так:

«Ост-индское возмущение уже несколько месяцев обращает на себя внимание всей Европы. Оно до сих пор не утихает и, несмотря на некоторые успехи английского оружия в сшибках с сипаями, распространяется все более по всей стране. Если и нельзя ожидать, чтобы Индия могла теперь освободиться от господства Англии, то все же несомненно, что нынешнее восстание поведет к большим изменениям в настоящем положении дел Ост-Индской компании. Из Европы уже отправлено в Индию несколько десятков тысяч войск и миллионов фунтов стерлингов: это одно уже служит доказательством, что английское правительство понимает меру опасности. Кажется, выражение “Times”, что “Индию надобно теперь снова завоевать”, довольно близко к истинному положению дел. По крайней мере нет сомнения, что для окончательного подавления восстания потребуется теперь гораздо более сил, чем сколько имела Компания при первом своем водворении в Ост-Индии»^[177].

Дело в том, что правление англичан в Индии в первые сто лет привели к тектоническим сдвигам в индийском обществе. Преобразования, осуществленные английскими властями в сфере землевладения и сбора налогов, привели к созданию ранее неизвестной в регионе системы крупной земельной собственности. То есть как в Англии, где вся земля принадлежала лендлордам, в Индии возникла система, при которой землей на постоянной основе владели земиндары. Крестьяне землю могли только арендовать. Не у всех были на это деньги. Активный ввоз английских промышленных товаров полностью разрушил все индийское кустарное производство. И как результат, рухнула много веков складывавшаяся система, где в основе всего была индийская патриархальная сельская община, основанная на сочетании примитивного земледелия с ручным домашним ремеслом. Миллионы крестьян были обречены. Обречены умирать с голоду, скитаться, бродяжничать. Русский генерал Евгений Егоров в 1855 году писал следующее:

«Прежние владельцы татарского происхождения жили в великолепных дворцах и издерживали огромные суммы, как для собственных своих прихотей, так и на построение храмов, дорог,

мостов и проч. Из этих денег доставалась часть и бедному классу людей. Тогда были устроены огромные плотины для задержания воды, после бывающих здесь летом проливных дождей; вода эта служила к орошению полей во время засухи. Теперь, при правлении компании, все это пришло в разрушение до того, что поля риса и других продуктов, служащих главной пищей народа, совершенно выжигаются палящими лучами солнца, и голод часто истребляет бедное народонаселение края. Капитан английской службы Бест, как личный свидетель, сделал исчисление, что в 1833 году, в одном округе Гунтура, Мадрасского президентства, из 518,318 душ умерло с голоду в четыре месяца до 150,000 человек! Между тем компания собирает ежегодно значительные суммы на устройство плотин, путей сообщения и других общественных построений.

С другой стороны, парламент, для удовлетворения ненасытной жадности своих великобританских фабрикантов, издал закон, обязывающий индийских подданных принимать в свои гавани все английские мануфактурные произведения, с пошлиною не более 2-х или 3-х процентов на 100, тогда как индийские произведения допускаются в Великобританию с пошлиною от 30 до 1000 % на сто! Это имело последствием совершенный упадок некогда столь знаменитых мануфактурных изделий Индии и лишило несчастных ремесленников дневного пропитания. Даже ввоз в Великобританию простых произведений земли и щедрой природы Ост-Индии почти вовсе запрещен, для обогащения Канады и других колоний. В удовлетворение жадности антильских колонистов, кофе, хлопчатая бумага, шерсть, льняное семя, шелк, кошениль, должны платить 100, 200, 300 % на 100; наконец, на табак, самое богатое произведение индийской почвы, наложено пошлины более 3000 на 100! Одним словом, заставляя индийцев питать английскую промышленность потреблением ее товаров, им прегражден путь к сбыту своих произведений. Следственно, искусный промышленник, терпеливый земледелец, отличный ткач принуждены оставить свою работу и, не имея других средств к существованию, приведены в нищету и умирают с голоду.

Если ко всем этим правительственным распоряжениям прибавить личное обращение англичан, которые надменными и презрительными выходками и в Европе оставляют по себе везде неприятное впечатление, не изглаживаемое даже и золотом, которое они рассыпают в путешествиях, то в Индии, особенно, уверенность в безнаказанности позволяет им производить такие

насильства и угнетения, которые заставляют краснеть за них человечество»^[178].

Да, с другой стороны, англичане развивали экономику нового типа, создавали инфраструктуру, без которой трудно было эксплуатировать колонию. Английские инженеры соорудили Гангский ирригационный канал, была проложена первая железная дорога, строились почты, телеграф. Но целью этого было в первую очередь упростить и удешевить вывоз индийского сырья. Как писали в книгах советские исследователи, «трудящиеся массы Индии не извлекли выгод из этих ничтожных “благ цивилизации”, рассчитанных лишь на самих англичан да еще на туземную эксплуататорскую верхушку». И надо признать, что в этом случае классовый подход работает на все сто. Потому что результатом английских реформ стало чудовищное, доселе неведомое классовое расслоение общества. Нет, конечно, в Индии времен Великих Моголов были и нищие, и голодные, были и казни, и поборы, и коррупция. Но англичане еще больше углубили эту пропасть. Потому что, как уже говорилось выше, все расходы на содержание колониального аппарата лежали на местных махараджах, султанах и прочих властителях. За их же счет содержалась англо-индийская армия. Ну то есть как «за их же счет». Конечно, все оплачивали крестьяне, местные властители просто подняли налоги и поборы. То есть для крестьянина ситуация выглядела так – сначала грабили свои, потом пришли чужаки, стали грабить еще больше, а свои помогают. Индийская аристократия стала для народа не просто чужой, а чем-то вражеским. Частью оккупационного режима. Из статьи Николая Добролюбова:

«Дело в том, что при всей либеральной гуманности своей английское правление по необходимости наследовало деспотизм прежних обладателей Индии и, стараясь, по человеческому чувству, освободиться от него, не хотело отказаться от соединенных с ним выгод. Мы уже видели, что индиец и по своим религиозным понятиям, и по давнишней привычке считал совершенно естественным делом все насилия и притеснения своих индусских и мусульманских владык. Не далее как в начале XVIII века, по свидетельству мусульманского историка Голаум-Гуссейн-Шаха, в Индии “все туземцы по малейшему подозрению подвергались пытке; кол и цепи были самые обыкновенные виды наказания; в некоторых областях для потехи травили чернь собаками; у кого было какое-нибудь состояние, тот ежеминутно опасался видеть свое

имущество конфискованным” ... Сочувствие к индийцам английских приобретателей было весьма умеренно: они смотрели на покоряемый народ просто, как на предмет, который может быть облагаем податью. При таком положении дел англичанам естественно было не хлопотать о нововведениях, кроме тех случаев, когда они нужны были для увеличения доходов. Так, действительно, англичане и поступали долгое время, и этому консервативному образу действий они обязаны первыми своими успехами в Индии. Они застали народ, обложенный податью, которая при Аурунзебе достигла половины жатвы: и они стали требовать столько же в своей территории. Им представлялось полное, слепое повиновение народа властям: они и трактовали с властями, не стараясь о популярности в народе. Они даже до сих пор оставили многих туземных государей и управляют Индией как бы под их покровительством. Туземцы высших классов уже в начале нынешнего столетия, по свидетельству Гебера, “украшали дома свои коринфскими колоннами и убрали английскими мебелью, имели лучших лошадей, лучшие калькуттские кареты, свободно говорили по-английски и были сведущи в литературе”. Видно, что они имели средства воспользоваться дорогою внешностью европейской цивилизации. Между тем народ страдает от чрезмерного налога, поглощающего все его достояние. Он живет в глиняной хижине, вместо одежды имеет несколько лоскутков на теле, питается просто зернами или мукою, разведенною в холодной воде, часто даже не приправленной солью».

При этом была и часть аристократии, которая тоже пострадала от англичан. В результате проведения земельно-налоговой реформы, например в Бенгалии, многие местные старинные аристократические роды разорились. Их вытеснили новые собственники земли – помещики, вышедшие из среды городского купечества, ростовщиков, спекулянтов, чиновников. Были ликвидированы сразу несколько индийских княжеств, многие туземные принцы лишись всего – тронов, титулов, субсидий, представители вековых феодальных династий стали в один момент никем. Понятное дело, что обиженные индийские феодалы думали, как бы англичанам отомстить. Причем когда Николай Добролюбов в своей работе внимательно проанализировал деятельность Ост-Индской компании за 20 лет, с 1834 по 1854 год, он пришел к неожиданному выводу. Компания несла постоянные убытки.

«...В двадцать лет Компания понесла чистого убытка – 12 067 368 фунтов стерлингов и, кроме того, нажила 15 миллионов фунтов стерлингов долгу.

Просмотревши эту таблицу дефицитов Компании, невольно задаешь себе вопрос: в чем же заключаются те огромные выгоды, которые, по общему мнению, извлекаются Англией из ее ост-индских владений и которые заставляют ее решаться на такие страшные издержки, хлопоты, несправедливости, даже жестокости? Зачем это дорогое войско, зачем эти полтора миллиона фунтов стерлингов пенсiona индийским владельцам, зачем это громадное жалованье тамошним чиновникам? Ответ на все это находим мы в следующих соображениях. Несмотря на временный дефицит, дела Компании нисколько не падают; акционеры постоянно получают в исправности свои десять с половиною процентов дивиденда (что составляет 615 000 фунтов стерлингов), частные лица получают выгоду от торговых сделок с Компанией, простирающуюся... до 3 миллионов фунтов стерлингов, чиновники компанейские в Лондоне получают свое жалованье, до 100 000 фунтов стерлингов, отставные чины, военные и гражданские, получают свой пенсион, более 200 000 фунтов стерлингов. Вообще в Англии ежегодно получается индийских сумм более чем на 6 миллионов фунтов стерлингов (37 500 000 руб. сер.). В этот счет входит, впрочем, и оборот торговли с Китаем, который чаем платится за индийский опиум; а ежегодный вывоз опиума простирается до суммы 4 миллионов фунтов стерлингов.

Независимо от денежных выгод, для Англии весьма важны ост-индские владения, как удобное место, куда можно сбывать с рук младших сыновей знатных фамилий. По силе майората им некуда деваться в Англии. Без состояния и без значения, прежде они вступали обыкновенно в духовное звание, чтобы составить себе карьеру; теперь карьера их составляется в Ост-Индии.

Самая торговая и промышленная деятельность, без отношения к барышам при покупке и продаже, много выигрывает от господства Англии в индийских ее колониях. При их существовании для Англии всегда есть возможность поддерживать торговлю и находить сбыт своим произведениям; всегда есть надобность в торговом флоте, и сношения с Индией имеют значительную долю участия в огромном количестве матросов на торговом английском флоте (около миллиона человек).

Все эти государственные и народные выгоды совершенно объясняют то упорство, с которым Англия в течение столетия старается удержаться на Индийском полуострове».

Была и еще одна проблема. Английские власти стремились укрепить в Индии влияние с помощью идеологии. Они попытались оторвать народ от корней, переписать религиозную матрицу, которая была основой жизни индийцев. Были запрещены некоторые религиозные обычаи и ритуалы индуизма. Но это еще можно было объяснить, скажем, крайне жестокий обряд сжигания вдов заживо вместе с умершим мужем не одобряли и индийцы-мусульмане. Но английские миссионеры при поддержке правительства стали вести очень жесткую проповедь христианства среди индусов и мусульман. Создавались отдельные европейские школы и колледжи, где обучение индийских детей велось только на английском языке.

«Английское правительство, стараясь вести свое дело постепенно, благоразумно обратилось к положительным наукам, и их преподавание в индийских школах идет весьма успешно.

...Вообще действия английского правительства в Индии, особенно в последнее время, запечатлены характером просвещенной гуманности. Вместе с религиозной и национальной терпимостью правительство высказало и свое уважение к свободе мнений, дозволив в Индии свободу книгопечатания. Запретительные действия его направлены были постоянно только на явления, оскорбительные для человечества, например на человеческие жертвы, на сожигание вдов и т. п. Отношения высших каст к низшим оно смягчило, установив равенство всех пред законом. Чтобы предупредить злоупотребления судов, оно учредило суд присяжных; чтобы лучше соразмерить взимание податей, приступило к кадастру, и пр.

И, несмотря на все это, индиец восстал, восстал с остервенением ненависти, и даже равнодушную Англию заставил содрогнуться от своих неистовств – в то самое время как эта Англия принималась деятельно заботиться о благосостоянии его страны. Эта странная реакция, произведенная совершенно не вовремя, вызвала уже много разнообразных объяснений. Иные сваливали все дело на религиозный фанатизм, другие – на злоупотребления английских чиновников, третьи – даже на то, что в индийских газетах позволяли печатать статьи о недостатках английского управления. Но, конечно, все подобные вещи если и

могут служить поводами, то никак не могут делаться причинами возмущений»^[179].

И правда, причин, как уже говорилось, было много, и в такой ситуации повод мог найтись любой. На этот раз поводом к восстанию стали патроны. Еще раз вспомним, что представляла собой армия Ост-Индской компании. Ее численность в 1806 году составляла 158 000 человек, из них 24 500 британцев – сержантов, солдат и офицеров и 134 тысячи индийцев. Перед восстанием сипаев в 1857 году только Бенгальская армия Компании состояла из 139 тысяч человек, еще 26 тысяч европейцев командовали ими. Всего в Индии, в трех сипайских туземных армиях – Бенгальской, Мадрасской и Бомбейской, служили 311 тысяч человек. Именно местных. Еще было 40 160 европейских солдат и 5362 офицера. Сипаи, то есть индийцы-наемники, занимали приниженное положение по сравнению с англичанами. Они и получали меньше, всего 8 рупий в месяц, и доступ к офицерским должностям был для них закрыт. Венец карьеры – сержант. То есть по-местному хавильдар. Ну или позже субедар. Придумали такое вот специальное звание выше унтера, но младше английского офицера. При этом субедар командовать англичанами не мог. Только туземными военными. Но приезжий англичанин, мальчишка лет 18 в звании младшего лейтенанта, мог запросто отчитать, побить или вовсе приказать подвергнуть телесным наказаниям закаленного в боях с афганцами и пенджабцами вояку лет сорока. А ведь они постоянно воевали. Работой наемника-сипая была война. Буквально так. Именно сипаи Бенгальской армии стали ударной силой первой Англо-афганской войны 1839–1842 годов, они воевали в Синдской кампании 1843 года, потом в Пенджабских войнах, потом в Бирманской войне 1852 года. Сипаи воевали с Китаем в обеих опиумных войнах. Да и в русском Крыму на Мамаевом кургане и под Керчью десятки сипаев сложили головы. За Британию. За английское геополитическое господство. Так что не странно, что восстала именно армия. Хотя за военными стояли, безусловно, другие, более серьезные фигуры. Во всяком случае, Николай Игнатьев пришел именно к таким выводам. Он писал в Петербург:

«Восстание в Индии – не внезапный бунт нескольких туземных полков против Компании, а скорее выражение стремления края освободиться от ненавистного им ига иноземцев. Приметы неудовольствия в жителях и особенно в войсках весьма многочисленны и накопились издавна, но, по-видимому, главное

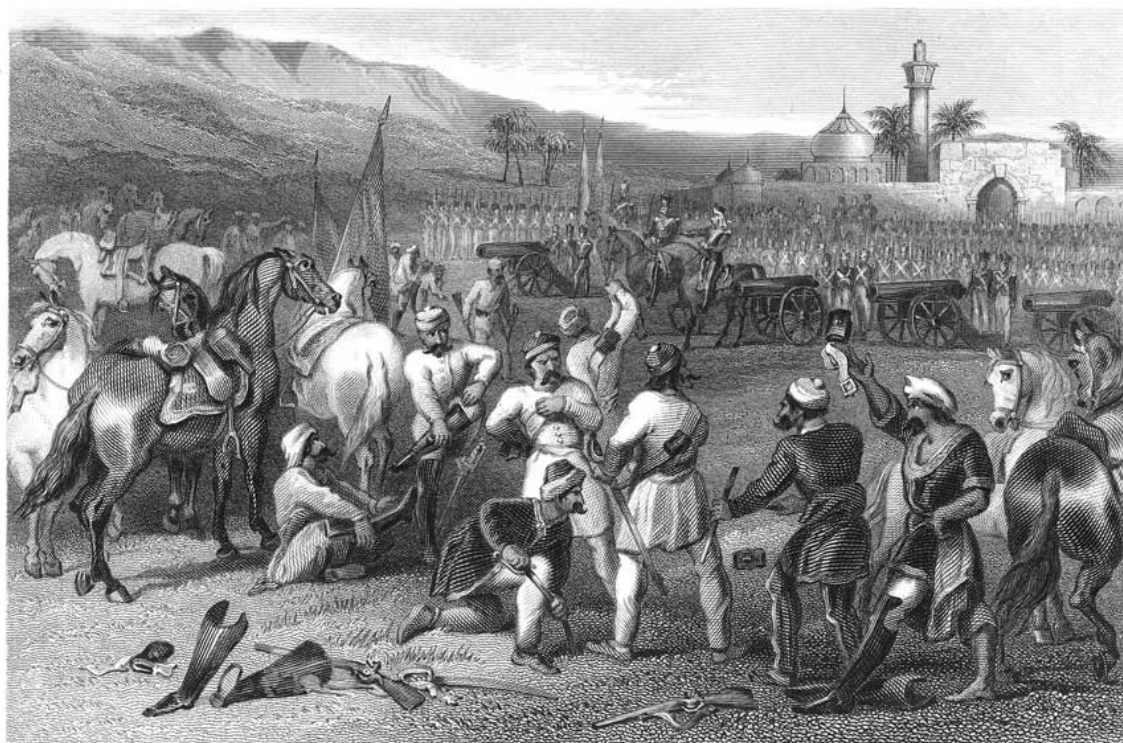
заклучается в сознании, родившемся в туземных войсках, своей силы, в сравнении с малочисленностью европейских войск, в мысли о возможности самостоятельности, в негодовании, давно питаемом между туземными офицерами, на исключительность прав англичан, в злоупотреблениях лиц управления и в всепожирающей алчности Компании, обнаружившейся в особенности в последние годы; туземные властители, даже те, кои пребывали верными Компании и во времена испытаний, – убедились, что всем владениям в Индии не избежать поочередно участи королевства Удского (имеется в виду княжество Ауд, которое расположено в Северной Индии, оно было присоединено к владениям Ост-Индской компании в 1856 году и стало одним из главных центров восстания. – Прим. авт.) и что рано или поздно всякий клочок земли, достигаемый для английских торговцев, будет ими захвачен».

6 февраля 1857 года в 34-м Бенгальском полку туземной пехоты вдруг стали распространяться слухи о новых патронах с оболочкой, пропитанной свиным и коровьим жиром. Тогда оружие заряжалось со стороны ствола, а не с казенной части. Верхушку же патрона с пулей надлежало надкусить при зарядании ружья. Порох из картонной гильзы засыпали в ствол, гильза использовалась как пыж, сверху шомполом забивалась пуля. Была даже соответствующая команда – «скусить патрон». Вся эта ситуация с новыми патронами оскорбляла религиозные чувства мусульман и индуистов, потому что для одних корова – священное животное, и коровий жир есть запрещено, как и говядину, для других же запрещена свинина и тем более жир. Понятно, что слухи эти возникли не просто так. И что тот, кто придумал взорвать такую информационную бомбу, точно понимал, какой результат получится. К подобным же выводам пришел и Игнатьев после бесед с британскими офицерами.

«Сколько мне кажется, первоначально предположено было произвести восстание во время войны с нами, оно было отложено до более благоприятного времени, когда в Индии провели о неожиданном в Азии заключении Россией Парижского мира. Война Англии с Персией и ожидавшееся в Индии вмешательство России показали благоприятным случаем для возобновления тайных приготовлений, замечательно, что корреспонденция между туземцами посредством хлебов была замечена Правительством в непродолжительном времени после отплытия экспедиционного корпуса в Бушир.

Поводом к восстанию 3-го туземного регулярного кавалерийского полка, положившего начало мятежу, был, как Вашему Высокопревосходительству известно, отказ низших чинов употреблять для заряжения карабинов присланные только что в войска так называемые енфильдские патроны (то есть для винтовки Энфилда. – Прим. авт.), сделанные из цельного куска жирной бумаги, образцы коих я предоставлял Вашему Высокопревосходительству. Ничтожность сей причины уже с первого взгляда доказывает, что она не могла быть истинным поводом к такому сильному и общему восстанию (Прим. Лучшим же доказательством сего служит то, что инсургенты, как ныне оказывается, – стреляли близ Дели в англичан теми же патронами, введение коих произвело – по мнению многих – восстание). Говорят, что 3/15 мая было назначено для общего восстания войск в Бенгальском президентстве и к повсеместному умерщвлению англичан, но наказание 85-ти нижних чинов 3-го легкого кавалерийского полка побудило полк этот ускорить бунтом и 10-го мая поднять против англичан туземные войска Мейрутского отряда для освобождения взятых под стражу виновных их товарищей. Сему преждевременному – против расчетов заговорщиков – восстанию части Бенгальской армии и недоразумениям, возникшим потом – отчасти вследствие сего, – махомедане приписывают несовершенный успех задуманного плана»^[180].

Как развивались события? 29 марта 1857 года 29-летний солдат 34-го Бенгальского полка Мангал Панди заявил, что не согласен стрелять новыми патронами. Англичане рассказывали, что он, возможно, был под воздействием гашиша, потому что он метался, размахивая заряженным мушкетом, и кричал находившимся вокруг сипаям: «Поднимайтесь! Европейцы уже тут! Почему вы все еще не готовы? За нашу религию! Надкусывая патроны, мы становимся нечестивцами!» Когда полковой адъютант, лейтенант Блау, прибыл для расследования инцидента, солдат выстрелил в него и попал в лошадь. Когда был отдан приказ арестовать мятежника, весь батальон отказался его выполнять. Приказ выполнили другие сипаи. Панди попытался застрелиться, но только ранил себя. 6 апреля он был приговорен к смертной казни, 8 апреля его повесили, а подразделение расформировали. Но остановить восстание уже было невозможно.

DISARMING THE 11th IRREGULAR CAVALRY AT BERRANPORT.

They ordered all the belts to be taken off, and this was not approved of: some broke their swords, others threw away their pouches, but all the order was obeyed. The horses were removed, and the men then pulled off their long jack-boots and spurs and threw them away.

THE PUBLISHED BY THE PUBLISHERS AND PRINTERS COMPANY LIMITED.

Восстание сипаев

В апреле в Мироте 90 солдатам было приказано провести учебные стрельбы новыми патронами. Только пятеро согласились, остальные 85 ответили отказом, их на виду у всего гарнизона отвели в тюрьму. На следующий день, 25 апреля 1857 года, в Мироте начались беспорядки. Толпа возмущенных индийцев собралась на базаре, в городе были подожжены несколько домов, и тут собственно начался бунт индийских подразделений. В городском гарнизоне сипаев и англичан было примерно пополам – 2357 сипаев и 2038 британцев. Но в этот день большинство англичан службу не несли, были дома, доступа к оружию не имели. Восставшие сипаи начали массово уничтожать англичан, причем и военных, и гражданских. В первые часы были убиты 4 мужчины, 8 женщин и 8 детей, жены и дети английских офицеров. Были убиты дежурившие в казармах британские офицеры, которые пытались остановить мятеж. Сипаи напали на тюрьму, выпустили всех заключенных – и своих товарищей, и уголовников. Правда, часть солдат-индийцев не поддержали восставших. Например, 11-й Бенгальский полк туземной

пехоты остался верен Компании и британской короне, солдаты защитили британских офицеров, женщин и детей и помогли им уйти в Рампур, где местный наваб укрыл их у себя.

Но восстание расплзлось по военным частям, как огонь по сухой траве. 11 мая восставшие сипаи вошли в Дели. К ним присоединились крестьяне и беднейшие горожане. Начались нападения на магазины, на европейских чиновников, на индийских христиан. Три батальона Бенгальской туземной пехоты, находившиеся в городе, частично перешли на сторону восставших. К сентябрю из Бенгальской армии верными англичанам остались только 7796 бойцов. Остальные воевали против. Из рапорта Николая Игнатьева:

«С 10-го до 18-го мая только 8 пехотных полков, 1 кавалерийский и до 1000 ч[еловек] сапер и минер взбунтовались открыто и заняли Дели, умертвили попавшихся им в руки англичан – начав со своих офицеров – и провозгласили королем Индии одного из потомков Великого Могола. Овладение Дели дало с самого начала восставшим твердый опорный пункт. В Дели 150 000 жителей, город укреплен довольно изрядно и имеет арсенал и значительные склады военных запасов. В 1804 г. укрепления Дели были таковы, что немногочисленный гарнизон сипаев отбил усилия 20 000-й армии Холкара 20, имевшего при этом 100 орудий. До 1838 г. англичане поддерживали ежегодно и исправляли крепостную стену и ров. В этом году по распоряжению генерал-губернатора лорда Аукланда 21 начались инженерные работы для усиления укреплений Дели. Теперь в Дели кроме стены, 2 или 3 земляных бастиона, вооружение, значительно усиленное средствами арсенала инсургентов, состоит из более 100 орудий (даже, уверяют, до 150 ор.), ров имеет местами до 50 футов ширины и может быть при всяком уровне в р. Жумне наводнен. Вышеизложенное заставляет меня предполагать, что распространившийся на этих днях слух о взятии 14 июня Дели надо считать преждевременным.

В Дели инсургенты захватили банк, имевший до 150 000 ф. стерл. наличного капитала. Из Дели разосланы прокламации, призывающие к восстанию всех туземцев Индии.

Восстание с каждым днем более и более распространялось. Ныне положительно уже известно, около 7/8 туземной бенгальской регулярной армии уже взбунтовались и частью находятся в рядах инсургентов, в полном составе полков, частью обезоружены или разбежались между жителями. Остальная часть совершенно

ненадежна и ждет только удобного случая для совершения задуманного всеми присоединения к инсургентам. Лучшим доказательством сего служит то, что 6-й туземный линейный полк, только что уверявший в адрес генерал-губернатора о пламенном желании доказать в бою с инсургентами преданность свою Ост-Индской компании, взбунтовался через несколько дней после изъявления полку особенного благоволения правительства и, умертвив своих офицеров, перешел в ряды восставших. Все убеждены в Англии, что несмотря на то, что в двух президентствах войска, по-видимому, даже негодуют на действия своих бенгальских товарищей, но неудачное для англичан дело с войсками, занимающими Дели, или даже одно промедление взятия сего центра мятежа достаточны для возбуждения армий президентств Мадрасского и Бомбейского к последованию примеру Бенгальских войск»^[181].

Сипай атаковали делийский арсенал. Девять британских офицеров пытались обороняться, но, увидев, что сопротивление бесполезно, взорвали арсенал. После этого восстали уже все сипайские батальоны вокруг Дели. Восставшие заставили Бахадур-шаха – последнего падишаха империи Великих Моголов – подписать воззвание, в котором он сообщал о восстановлении имперской власти и призывал весь народ объединиться в борьбе против англичан. Тут, правда, стоит пояснить – никакой реальной власти у него не было. Он был уже человеком сильно пожилым, который до восстания жил себе спокойно на пенсию от Ост-Индской компании, писал стихи, развлекался с наложницами. Но формально он оставался падишахом. И Бахадур-шах неожиданно для себя оказался вдруг во главе антианглийского восстания. Еще двумя центрами восстания стали города Канпур и Лакхнау.

В Канпуре английскому командующему генералу Хьюго Уиллеру с трудом, но все же удалось собрать у себя несколько сотен англичан и организовать круговую оборону. Британцы оказались в осаде вместе с семьями – женами и детьми. У англичан почти не было боеприпасов и провианта, но капитулировать они не собирались. Правитель Канпура пообещал британским военным и их семьям безопасное отступление при условии, что они сдадутся. Выбор у генерала Уиллера был небольшой, и он согласился на это ради детей и женщин. Однако индийцы обманули англичан. Во время посадки офицеров с семьями в лодки – они собирались плыть в Аллахабад – началась стрельба. Индийцы устроили резню, убили

всех офицеров и почти всех женщин и детей. Тех, что выжили, на время отправили в тюрьму, а потом зверски убили, когда к городу подходили английские войска. Гарнизон в Лакхнау не знал о судьбе Канпурского гарнизона, тем не менее британский командующий Генри Лоуренс с отрядом численностью 1700 человек решил стоять насмерть. Первые попытки сипаев взять укрепления сорвались, они осадили гарнизон, стали рыть подкопы под стены, продолжали атаковать, после 90 дней боевых действий потери британцев составили больше 1000 человек, но они так и не сдались. Только 18 ноября новый главнокомандующий войсками империи в Индии сэр Колин Кэмпбелл прислал в Лакхнау подкрепление. Город отбили.

Восстание вообще было невероятно жестоким, правда, и подавляли англичане его так же жестоко. Восставшие в захваченных городах вырезали всех европейцев, а не только англичан. Пленных не брали. Раненых не щадили. Скажем, в Дели восставшие захватили и уничтожили все, что как-то ассоциировалось с англичанами: Банк Дели, дома европейцев, находившиеся в окрестностях, военные городки британской армии. Грабили и разрушали церкви. В европейских газетах и журналах сообщали жуткие подробности восстания.

«Статья доктора Феликса Менара

В гостинице, где я живу, остановилась на днях бедная Англичанка, жертва бенгальского возмущения, мистрис Горнстит. Она выбралась из Индии с одним из транспортов вдов и сирот, перевозимых пакетботами по два раза в месяц из Калькутты в Суэс. Прибыв в Соутемптон, она отправилась во Францию искать приюта в семье своего мужа, издавна поселившейся в Турене. Проезжая через Париж, бедная занемогла; к больной позвали меня.

Медики любопытны. Я расспрашивал у моей пациентки о первоначальных причинах болезни, и она рассказала мне ужасную повесть страданий, перенесенных ею в Индии. Нужда, изнеможение, горести – вот чем теперь была больна она: против этих припадков искусство врача бессильно! Я сам страдал, я трепетал в ужасе, слушая разказ об этой долгой пытке. Женщина эта жила счастливо и богато, вместе с мужем, с дочерью и сыном; теперь у ней нет ни мужа, ни детей, ни своего куска хлеба. Сын, двухлетний ребенок, был распят на стене, в присутствии своей матери; дочь, осьмнадцатилетняя девушка, перенесла всевозможные оскорбления от сипаев; труп ее гниет в одном из канпурских колодцев. Отец страдал немного; он убит прежде детей

своих пулею в сердце. Жена сама вырыла могилу своему мужу, не желая, чтобы труп его достался в добычу хищным птицам.

Я выпросил у мистрис Горнстит позволение обнародовать эту одиссею слез и крови. Мне трудно было победить в ней нежелание гласности и успокоить ее нерешительность; наконец мне это удалось, и я пишу теперь эти страшные подробности, так сказать, под ее диктовку»^[182].

Новости о падении Дели через телеграф быстро распространились по городам Индии. Гражданские чиновники бежали с семьями под защиту гарнизонов. В городе Агре в 260 километрах от Дели в форте спрятались 6 тысяч человек. Для жителей Британии и 20, и 30 лет спустя после восстания эти события оставались примером страшной трагедии и одновременно героизма, предательства и верности долгу. Ведь не зря у сэра Артура Конан Дойля в повести «Знак четырех», действие которой происходит в 1888 году, через 20 лет после подавления восстания, главный антигерой, Джонатан Смолл, вовсе и не такой уж злодей. Он скорее служака-неудачник, которого самого обманули алчные офицеры из охраны тюрьмы. А сокровища, из-за которых он убил сына офицера, достались ему как раз во время сипайского мятежа, как раз в Агре, где спрятались шесть тысяч гражданских европейцев. То есть, когда читаешь рассказ о Шерлоке Холмсе отвлеченно, не зная всей исторической подоплеки, возникает одно ощущение, и совсем иное, когда знаешь историю Британской Индии. И тогда становится ясно, почему к Джонатану Смоллу все относятся с некоторым пониманием и сочувствием. Позволю привести себе изрядный отрывок из «Знака четырех». Попробуйте посмотреть на эту историю глазами англичанина конца 19 века. Уверен, теперь получится. Джонатан Смолл рассказывал о себе, что он служил в пехоте, ему откусил ногу крокодил, он устроился на плантацию, где работал надсмотрщиком. А потом началось восстание сипаев, или, как в оригинале, «бунт», и хозяина плантации убили. Сам Смолл бежал в Агру, где собирались европейцы под защиту английского гарнизона.

«Ночью я был в Агре.

Оказалось, что и там небезопасно. Вся страна гудела, как растревоженный улей. Англичане собирались в небольшие отряды. Они оставались хозяевами только на той земле, которую удерживали силой оружия. На всей остальной земле они были во власти восставших. Это была война миллионов против нескольких сотен. И самое трагическое было то, что нашим противником были

наши же отборные войска – пехота, артиллерия и кавалерия. Мы их обучили и вышколили, и теперь они сражались против нас нашим оружием и трубили в горн наши сигналы. В Агре стояли Третий бенгальский стрелковый полк, несколько отрядов сикхов, два эскадрона кавалерии и одна батарея. Когда началось восстание, был сформирован отряд добровольцев из гражданских чиновников и купцов. В этот отряд, несмотря на свою ногу, записался и я. Мы выступили из Агры, чтобы встретиться с противником у Шахтанджа в начале июля, и несколько времени успешно сдерживали их, но скоро у нас кончился порох, и мы вернулись обратно в Агру. Со всех сторон приходили тревожные вести, что было не удивительно: ведь Агра находилась в самом центре мятежа. Лакхнау был более чем в сотне миль на восток, Канпур – почти столько же на юг. Какое направление ни возьми, всюду резня, разорение и гибель.

Агра – древний город. Он всегда наполнен индусами-фанатиками и свирепыми дикарями-язычниками. Горстка англичан потерялась бы среди узких извилистых улочек. Поэтому наш командир приказал перейти реку и укрыться в старинной Агрской крепости».

Представили? Правда, есть разница, когда понимаешь, что имеет в виду Смолл, говоря, что Лакхнау и Канпур совсем рядом? А вот отрывок о том, как ему достались сокровища. Он дежурит со своими подчиненными солдатами-сикхами на одной из стен, и тут они ему приставляют нож к горлу. Его фраза «не подумайте, что я хочу расположить вас в свою пользу» – для современного читателя это так, просто штрих. Для жителя Британской империи конца 19 века она означала, что Джонатан Смолл не так прост и однозначен. Потому что все понимали, про что это. Потому что всего 20 с небольшим лет назад в Канпуре сипаи захваченных английских женщин и детей порубили на куски, ножами для туш на городском рынке.

«Моей первой мыслью было, что негодяи в заговоре с мятежниками и что это – начало штурма. Если бы восставшие захватили наш вход, то крепость бы пала и все женщины и дети оказались бы в их руках. Возможно, джентльмены, вы подумаете сейчас, что я хочу расположить вас в свою пользу, но даю слово, что, когда я сообразил это, то, забыв о ноже, я уже раскрыл было рот, чтобы закричать, – пусть это был бы мой последний крик. Державший меня сикх точно прочитал мои мысли, ибо, видя мою

решилось, прошептал мне на ухо: “Не поднимай шума. Крепость в безопасности. На нашем берегу нет негодяев-мятежников”. Голос его звучал искренне, к тому же я знал, стоит мне издать звук, песенка моя спета. Это я прочел в глазах шептавшего. Поэтому я решил подождать и посмотреть, что они хотят от меня.

“Послушай, сагиб, – сказал один из них, тот, у которого был более свирепый вид и которого звали Абдулла Хан. – Либо ты должен присоединиться к нам, либо ты замолчишь навеки. Мы не можем ждать: дело слишком важное. Или ты душой и телом будешь наш и поклянешься в этом на христианском кресте, или твое тело этой ночью будет брошено в канаву, а мы уйдем к повстанцам на ту сторону реки. Выбора у тебя нет. Ну что – жизнь или смерть? Даем на размышление три минуты. Время идет, а надо все кончить до возвращения дозора.

– Как я могу решать? – возразил я. – Вы ведь не сказали мне, что я должен делать. Но знайте, если на карту поставлена судьба крепости, убивайте меня, и пусть ваша рука не дрогнет.

– Крепости ничего не грозит, – опять зашептал сикх. – Мы хотим, чтобы ты сделал только то, ради чего твои соотечественники едут в эту страну: мы хотим, чтобы ты разбогател. Если ты будешь в эту ночь с нами, то мы клянемся тебе обнаженным кинжалом и тройной клятвой сикхов – эту клятву не нарушил еще ни один сикх, что честно поделимся с тобой захваченной добычей. Ты получишь четвертую часть всех сокровищ. Что может быть справедливее?

– Каких сокровищ? – спросил я. – Я так же, как вы, не прочь разбогатеть. Но скажите, как это сделать?”»

Сикхи рассказывают ему историю раджи, который решил спрятать сокровища на время бунта в крепости Агры. Их несет сюда купец. Так вот его можно убить, а сокровища поделить. Понятное дело, Джонатан Смолл соглашается, купца убивают, но он и его друзья попадают в тюрьму. Не буду пересказывать всю повесть, тем более что многие ее читали. Но теперь, надеюсь, многое в ней стало понятнее.

Восстание шло по Индии все дальше и дальше. В июне 1857 года вспыхнуло восстание в княжестве Джханси, его возглавила принцесса Лакшми-Баи. Здесь, как и в других местах, английские офицеры с семьями укрылись в форте, а кто не успел, был жестоко убит. Принцесса оказалась дамой суровой и отчаянной. На английскую тактику коллективного террора против восставших она

отвечала тактикой выжженной земли. Она погибла в июне 1858 года в неравном бою. Восстание в Бхайпуре возглавил 75-летний Кунвар Сингх с младшим братом Амаром. Невзирая на солидный возраст, он лично участвовал в сражениях, руководил партизанской войной, погиб он, сражаясь за освобождение Джагдишпура, города, в котором родился.

При этом восстали только сипаи Бенгальской армии. Мадрасская и Бомбейская армии остались верны Компании. Но и тех, что восстали, хватало, чтобы стать головной болью империи. Точнее, ее кошмаром, когда на высшем уровне заговорили всерьез о том, что империя может и не перенести этого всего. Вот, например, королева Виктория воззванием от 24 сентября 1857 года призывала всех англичан к общей молитве, «чтобы бог простил наши прегрешения» и помог британскому оружию в восстановлении «спокойствия» в Индии. Депутат парламента Эдвард Литтон, выступая в Сен-Олбени 30 сентября 1857 года, заявил, что речь сейчас идет о жизни или смерти Британской империи, «о ее месте среди правителей мира». Бенджамин Дизраэли, будущий премьер Британии, называл восстание в Индии «величайшей смутой, какая когда-либо охватывала империю». Чтобы подавить восстание, англичанам пришлось перебрасывать силы из Китая, Сингапура и из самой Англии. Из рапорта Николая Игнатьева:

«Во всей Великобритании начат самый деятельный набор волонтеров для королевской армии (в особенности для артиллерии) числом не менее 25 000 ч. Вместе с тем продолжает производиться усиленная вербовка для компанейских войск.

Набор волонтеров, как видно, встречает значительные затруднения, ибо правительство нашлось вынужденным его усилить, уменьшив меру роста и обещав давать охотникам, пожелавшим перейти из остающихся в Англии частей в отправляемые в Индию (на руки вместо) 1 ф. ст. 2 ф. ст., новое полное платье и разные льготы (отдых после похода и пр.). Кадры шотландских полков (74, 78 и 93), расположенные доселе близ Дувра и в Чатаме, переводятся в Шотландию, с тем, чтобы увеличить и ускорить набор волонтеров в сии полки. Назначение достаточного числа военных медиков также встречает затруднение.

В понедельник министерство испросило разрешение парламента на сбор милиции и на ассигнование на сей предмет 200 000 ф. стерл. Приведение в исполнение этой важной меры отложено еще пока до получения известий из Индии, но все

распоряжения уже приготовлены. Мера эта, считаемая всегда весьма важною, показывает, в каком положении находится ныне Англия. Сбор милиции, в случае продолжения борьбы в Индии, вполне необходим, ибо посланные в Индию войска должны будут остаться в этом крае не только до совершенного прекращения восстания, но и до образования новой армии в Бенгальском президентстве. По случаю ранней в нынешнем году жатвы в Англии (3 неделями ранее, нежели обыкновенно), сбор милиции не представит в настоящее время затруднений».

По мере распространения восстания в Индии начал разрастаться раскол среди восставших. Во многих районах восставшим не удалось создать хоть какой-то системы власти. У повстанцев не было никакого плана, а просто желание «перебить англичан» считаться планом никак не может. Когда Бахадур Шах объявил о восстановлении власти Великих Моголов, очень многие индийские государства, например Хайдарабад и Маратхская конфедерация, не поддержали повстанцев именно потому, что не хотели восстановления Могольской империи. Англичанам также удалось склонить на свою сторону сикхов только что присоединенного Пенджаба.

В начале августа британцы – тут надо отдать им должное, они сделали все очень быстро – собрали две группировки войск, которые двинулись к Дели. Сипаи превосходили англичан в численности, против 30 тысяч сипаев сражалось 8 тысяч английских солдат и отряд пенджабских сикхов. Но потом прибыло подкрепление – британцы, сикхи, отряд Корпуса разведчиков и нанятые англичанами для подавления восстания афганские пуштуны. В сентябре 1857 года, после недели упорных уличных боев, войска Компании захватили город, при этом в боях погибла половина личного состава европейского отряда. Солдаты не щадили никого. Пленных не брали. Детей и женщин убивали как обычных восставших. Город отдали победителям на трехдневное разграбление. И они не стали отказываться. Растащили все, что можно было утащить. Причем грабили и солдаты, и офицеры. Много из того, что утащили в Дели осенью 1857-го, теперь является экспонатами Британского музея в Лондоне.

Восстание сипаев

Английская артиллерия расстреляла главную мечеть с окрестными зданиями, так, для острастки, и для того, чтобы все поняли и запомнили, что бунтовать нельзя. Обычная карательная операция. Великий Могол Бахадур Шах был арестован. Его сыновей раздели донага, провели по улицам и потом казнили. Как за 18 лет до этого наказывали афганцев разрушением Кабула, так теперь наказывали индийцев. Прекрасные средневековые здания разрушали, как говорилось, «из соображений безопасности». В мечетях устраивали пекарни, бараки и магазины. У 33 деревень в пригородах Дели конфисковали сельскохозяйственные угодья. В каждом городе, в каждой деревне англичане вешали и расстреливали из пушек плененных повстанцев. Или тех, кого они считали таковыми. Весной 1858 года началась полномасштабная операция по подавлению последних очагов восстания. Русский «Военный сборник» сообщал читателям:

«Теперь восстание Сипаев можно считать уже совершенно оконченным и Англичанам остается другое дело, правда, не менее трудное, успокоить этот край, бывший театром войны, и озолотиться о более прочном устройстве его, которое бы устранило возможность подобных восстаний. Первым делом с этой целью есть полное обезоружение волновавшегося края. Наиболее важно оно, и вместе с тем наиболее трудно выполнимо, в

королевстве Аудском; воинственное население этой страны весьма неохотно расстаётся с своим оружием; быть может, оно и не совсем еще лишилось надежды употребить его со временем при более благоприятных обстоятельствах для завоевания себе независимости. По крайней мере известно, что из двух миллионов оружия всякого рода, которое предполагают находящимся у жителей, всего отобрано до настоящего времени не более 975,000; при том жители преимущественно отдают только такое оружие, которое они сами признают совершенно негодным к употреблению, как то старые пики и сабли, щиты, стрелы и ружья с фитилями. Что же касается более ценного и нового оружия, то ни просьбы, ни угрозы не могут склонить к его выдаче. Не меньшие трудности встречаются и при отбирании артиллерийских орудий. Из числа 1,200 орудий, бывших к 1-му сентября прошлого года в руках жителей Луда, до настоящего времени Англичанам удалось отобрать только еще 378 орудие; за тем все дальнейшие розыски решительно кажутся тщетными. Но за то уничтожение отдельных фортов идет чрезвычайно успешно. Из числа 900 существовавших фортвов уничтожено уже 756. Эта последняя мера должна оказать большое благодетельное влияние на самый край. До настоящего времени в нем существовало что-то схожее с средневековым положением Европы, когда каждый мелкий владелец был самостоятельным государем, имел свои замки укрепления и содержал постоянно целые толпы вооруженных людей. Теперь, с уничтожением этих отдельных замков, значительно уменьшатся те кровопролитные междоусобные войны между соседями, которые прежде так часто волновали край. Вместе с этим утвердится большее спокойствие в стране, уменьшится воинственно-беспокойный дух ее жителей, и они, вероятно, скорее усвоят себе плоды европейской цивилизации. Желательно только, чтобы английская политика смягчила наконец свое суровое обращение с покорившимися Индийцами, и тогда, нет сомнения, что мерами кротости она достигнет более верных результатов, чем той жестокой строгости, которою весьма часто отличались действия Англичан в Индии»^[183].

К весне 1859 года восстание было подавлено окончательно, а 8 июля 1859 года был провозглашен мир на территории Индии. Правда, аресты, пытки и казни сипаев и других участников восстания или заподозренных в симпатиях к ним людей продолжались еще какое-то время. Когда восстание еще было в

разгаре, Николай Игнатъев написал в том же самом рапорте из Лондона о том, к чему оно скорее всего приведет.

«Нельзя не предвидеть, однако же, что ежели принятых ныне мер недостаточно было бы, чтобы тотчас восстановить порядок в Индии, и ежели затруднения в Азии увеличатся, то английское правительство будет вынуждено на несметные издержки. Ост-Индская компания, в случае продолжения настоящего кризиса, истощит, вероятно, все денежные свои средства.

Министерство имеет в виду, как я слышал от весьма достоверных людей, довести Компанию до сознания бессилия с тем, чтобы вскоре объявить владения Ост-Индской компании присоединенными к непосредственным владениям Великобритании. Компании будут выплачены правительством, в таком случае, сделанные оною издержки по усмирению мятежа, и членам заплатят за ценность акций (200 ф. ст.), или будет выдаваться на их акции 10 1/2 процентов дохода с первоначальной ценности акций (100 ф. ст.), гарантированные Компании при отнятии от оной прав на монополию торговли.

Ущерб, который понесет английская торговля, вследствие восстания в Индии, будет, во всяком случае, весьма значителен. Ежегодный вывоз товаров из Англии в одно Бенгальское президентство простирается на сумму в 7 000 000 ф. ст., а теперь не только покупки в Бенгалии английских товаров прекратились, но вообще вся торговля остановилась, в других президентствах торговые дела также в довольно худом положении. Фонды и акции Ост-Индской компании падают почти ежедневно.

Те владения в Индии, кои находились еще только под покровительством Англии, будут окончательно присоединены к Великобритании. Управление края и армия будут устроены на прочных основаниях, войска собственно английские умножатся и будут несравненно полезнее прежних, налоги на туземных жителей также усилятся, и не только финансы края придут в порядок, но Англия будет иметь выгодный доход, будет более единства и последовательности в действиях английского правительства не только в Индии, но и во всей Азии, и правительство сумеет принять меры, чтобы ежели не примирить с собой жителей, то, по крайней мере, принудить и приучить их к совершенной покорности».

Игнатъева не зря ценили как отличного аналитика и прекрасного разведчика. Он как в воду глядел, предполагая, что в итоге власти Британии все «косяки» повесят на Компанию. Повод был

подходящим, чтобы дать окончательный укорот структуре, которая все больше и больше превращалась в государство в государстве.

В Индии добивали восставших, вешали и расстреливали, а 2 августа 1858 английский парламент принял «Акт о лучшем управлении Индией». Конец восстания становился концом и Ост-Индской компании. И дело было, видимо, не только в том, что правительство захотело прибрать к рукам ее собственность и владения. Вероятнее всего, и правда в Лондоне обладали точной информацией, что топ-менеджеры Компании о готовящемся восстании знали, но ничего не предприняли. И такое им не простили. Управление Индией от Ост-Индской компании передали Британской короне. Основные положения акта были такими:

- Компания лишается прав на территории в Индии, власть над ними передается Королеве;

- все права Совета директоров Компании переходят к Государственному секретарю Ее Величества. Для помощи Государственному секретарю создается Совет из 15 членов, который становится консультативным органом по вопросам, связанным с Индией;

- Британская Корона назначает Генерал-губернатора Индии и губернаторов Президентств;

- под контролем Государственного секретаря создается Индийская гражданская служба;

- вся собственность Компании передается Короне. Корона берет на себя обязательства Компании по всем договорам и контрактам.

Англичане приняли ряд законов, обеспечивающих индийским князьям и землевладельцам права феодальной собственности на землю и имущество. С другой стороны, колониальные власти ограничили права феодалов в отношении крестьян-арендаторов. То есть делалось все возможное, чтобы исключить вероятность нового восстания. Саму колониальную систему поменять было невозможно, и цели такой не стояло. Ост-Индская компания потеряла свое первоначальное значение, хотя формально просуществовала до 1873 года.

Были полностью перестроены вооруженные силы Компании. Сипайская армия как независимая единица завершила свою историю, теперь это стали войска королевской службы. В них было увеличено количество англичан. До восстания на каждого английского солдата приходилось пять сипаев, после 1859 года соотношение было доведено до одного к трем. Англичане сделали выводы из бунта и

стали теперь комплектовать артиллерийские и технические части только своими, только англичанами. В индийских частях увеличили количество английских сержантов и унтер-офицеров. По привычке солдат-индийцев называли сипаями, а национальный состав обновленных сипайских частей был сильно изменен. На военную службу перестали набирать жителей Ауда и Бенгала, как нелояльных короне, ведь именно там были главные очаги восстания. Основу новой армии составили мусульманские племена Пенджаба, сикхи и племена обитателей Непала, например знаменитые гуркхи, которые до сих пор в армии Великобритании составляют отдельные подразделения спецназначения. В большинстве случаев в новой армии треть каждого полка составляли индусы, треть – мусульмане, треть – сикхи. Сделали это специально – разные народы, разные языки и диалекты, разные религии. Значит, им труднее будет договориться и устроить новый заговор.

Но важнее вот что: в 1858 году Индия стала полноценной колонией Британской империи, которая управлялась королевой. Не лично, конечно, но юридически. До этого момента Индия была страной, которой управляла частная лавочка, огромная корпорация, бездушный монстр, который с помощью частной армии и частной разведки покорял огромные территории. Это тогда была заложена модель общества, которую сегодня мы можем видеть в США. Это тогда был заложен фундамент под будущую аксиому корпоративного капитализма «Все, что хорошо для General Motors, хорошо для Америки». Компания грабила Индию, превратив колониальную войну в долгий, нескончаемый процесс, который развивал экономику империи. Империя поощряла Компанию и прощала ей почти все, потому что война, которую она вела... Понятно же? Ост-Индская компания была лишена всего, потому что еще просто не настало время для полного сращивания верхушки бизнеса и власти, оно пришло позже. В 60-е годы 20 века.

В истории подавления сипайского восстания есть один важный эпизод. Для устрашения индийцев плененных повстанцев англичане казнили особо жестоким образом. Их привязывали к пушкам и расстреливали холостым зарядом. Делалось это сознательно – по представлениям индусов, разорванные в клочья плоть и душа уже не могут вернуться, не могут возродиться в новом теле. Главное условие бессмертия души у индусов – погребение тела или сожжение целиком и в одном месте. Русский художник Василий Васильевич Верещагин, побывав в Индии уже в 80-е годы 19 века,

написал по рассказам очевидцев свое знаменитое полотно «Подавление индийского восстания англичанами». Сам он в книге воспоминаний не без иронии сравнивал зверства англичан со зверствами турецких янычар, которые в Европе считались верхом жестокости.

«Во-первых, они творили дело правосудия, дело возмездия за поправленные права победителей, далеко, в Индии; во-вторых, делали дело грандиозно: сотнями привязывали возмущившихся против их владычества сипаев и не сипаев к жерлам пушек и без снаряда, одним порохом, расстреливали их – это уже большой успех против перерезывания горла или распарывания живота. Все это делалось, конечно, так, как принято у цивилизованных народов, без суеты, без явно высказываемого желания поскорее лишить жизни несчастных. Что делать! Печальная необходимость: они преступили закон и должны искупить вину, никто не должен быть вне закона... Повторяю, все делается методично, по-хорошему: пушки, сколько их случится числом, выстраиваются в ряд, к каждому дулу не торопясь подводят и привязывают за локти по одному более или менее преступному индийскому гражданину, разных возрастов, профессий и каст, и затем по команде все орудия стреляют разом. Замечательная подробность: в то время как тело разлетается на куски, все головы, оторвавшись от туловища, спирально летят кверху. Естественно, что хоронят потом вместе, без строгого разбора того, которому именно из желтых джентльменов принадлежит та или другая часть тела».

«Подавление индийского восстания англичанами» В. Верещагин, 1857

В 1887 году картина была выставлена в Лондоне и вызвала бешеный протест, некоторые газеты о картине русского художника писали в самом возмущенном тоне. Другие напротив – хвалили. Претензии если у англичан и были, то весьма и весьма своеобразные. Из воспоминаний Верещагина:

«К чести свободы, существующей в Англии, я должен сказать, что, когда несколько лет назад я выставил в Лондоне мою большую картину, представлявшую “Расстреливание из пушек в Индии”, между голосами, осуждавшими замысел картины, были и оправдывавшие его. Критиковали то, что каски английских артиллеристов были более нового против 1858 года образца, на что я отвечал, что полотно мое представляет не именно 1857–1858 год, а вообще интересный исторический факт, что позднее было еще небольшое восстание в туземных войсках Южной Индии и тогда было практиковано это наказание, хотя в гораздо меньшем размере по числу жертв.

Один старый английский чиновник, уже отдыхавший на пенсии, громко, публично сказал мне, что картина моя представляет

величайшую клевету, с которой он когда-либо встречался.

На мое же замечание, что это не клевета, а бесспорный исторический факт, он ответил, что “служил в Индии 25 лет, но ни о чем подобном не слышал”.

– Однако, вы можете найти подробные описания во многих книгах.

– Все книги врут, – невозмутимо ответил британец.

Очевидно, продолжать спор было бесполезно. Сэр Ричард Темпл, известный деятель и знаток Индии, сказал мне, что напрасно я придавал удрученный вид одному из привязанных к жерлу пушки.

– Я многократно присутствовал при этой казни, – говорил он, – и могу вас заверить, что не видал ни одного, который не бравировал бы смертью, не держался бы вызывающе...

Пряатель мой, генерал Ломсден, молодым человеком участвовавший в войне сипаев и отправивший на тот свет пушками множество темнолицых героев, на вопрос мой, стал ли бы он опять так расправляться, если бы завтра вспыхнуло восстание, не задумываясь отвечал:

– *Certainly! And without delay!* (Конечно! И немедленно же).

Значит, и под этой моей картиной нужно подписать: сегодня, как вчера и как завтра...

За последующую выставку в Лондоне был такой случай. Какой-то почтенный господин с дамой, старушкой же, посмотрев на фотографическое воспроизведение этой картины, подошел ко мне и сказал:

– Позвольте мне представиться, *general so and so!* (забыл его имя). Представляюсь вам как первый пустивший в ход это наказание; все последующие экзекуции – а их было много – были взяты с моей.

Старушка-жена подтвердила слова мужа, и оба они так, видимо, были довольны этой славною инициативой, когда-то проявленной, что я и приятель мой, французский художник, при этом присутствовавший, были просто поражены их наивным хвастовством»^[184].

Есть такая историческая легенда, что, дескать, возмущенные британцы картину с выставки взяли и украли, чтобы больше никто и нигде не видел запечатленную художником жестокость. По воспоминаниям самого художника, картину у него англичане купили. И где сейчас находится подлинник, не известно. Вот только копий

было сделано несколько, и полотно осталось в числе известнейших творений Верещагина.

Вообще, конечно, интересно сравнить, как две империи – Британская и Российская – вели себя по отношению к противникам. И к побежденным противникам. Это две разные цивилизационные модели, два разных вида сознания. Нет, воевали, конечно, жестко и русские, и англичане. История Кавказской войны полна страшных эпизодов. Взять, например, штурм аула Ахульго. Война всегда война. Кровь, смерть, ненависть. И не надо, как любят это делать некоторые историки, представлять Российскую армию 19 века исключительно гуманной и пушистой. Тем более тогда вообще были несколько иные представления о том, что такое хорошо и что такое плохо. В мире в целом. Но вот что важно. Скажем, англичане расстреливали сипаев сотнями. Сипаев, которые воевали за них в Афганистане и Китае, в Крыму и Бирме. Когда русские войска пленили имама Шамиля, то какова была его участь? Ссылка? Сибирь? Расстрел из пушки на глазах у родных? Нет. Завоевав окончательно Дагестан и Чечню, Российская империя запретила только определенные набеги, работорговлю и кровную месть. С последним, правда, были проблемы. Чеченцы и жители Дагестана продолжали мстить кровникам. Но Российская империя им не мстила. Ни за набеги, ни за войну. Напротив, империя давала возможность вчерашним противникам встроиться в ее общественную и политическую жизнь. Можно было служить в армии, сделать отличную карьеру.

С горечью писал о горцах польский русофоб Теофил Лачинский: «Каждый новый приезжий русифицируется в короткое время». Вот герой Туркестанских походов Максуд Алиханов-Аварский – яркий пример такой интеграции. А англичане, уверенные в том, что после Туркестанских походов Скобелева в Азии еще долго будет идти партизанская война, с удивлением для себя были вынуждены писать о том, что туркмены, которые только что сражались против русских, теперь с радостью становятся офицерами Русской армии. В Российской империи чеченец или аварец, пусть он вчера был противником власти, пользовался такими же правами, как житель Костромы или Омска. Он мог поселиться в Казани или Москве, мог учить детей в гимназии. Он был полноценным подданным царя. В Британской Индии до 1858 года о каком-либо подданстве колонизированных индусов вообще речь не шла. Они фактически – юридически, разумеется, нет – были собственностью, имуществом Компании, как офисная мебель. Они не были подданными Короны.

Тут, конечно, сказывалась глубокая разница в религиозном сознании. Для протестантов-англичан картина мира проста – они богатые и сильные, умные и цивилизованные, потому что так решил Бог. А другим Бог определил быть бедными. Обслуживающим персоналом европейской цивилизации. А раз так сложилось, то, значит, Бог простит, если одни будут эксплуатировать и уничтожать других. И у белых есть высокая миссия нести цивилизацию необразованным, покоренным народам. Бремя белого человека. The White Man's Burden. Это ведь не идеологи Третьего рейха придумали, а англичанин по фамилии Киплинг. Редьярд Киплинг. Тот самый, который написал книгу про Маугли. Мы его мало знаем по-настоящему, а ведь он был подлинным певцом Большой Игры. И британского колониализма заодно.

Неси это гордое Бремя —
Родных сыновей пошли
На службу тебе подвластным
Народам на край земли —
На каторгу ради угрюмых
Мятущихся дикарей,
Наполовину бесов,
Наполовину людей.
Неси это гордое Бремя —
Будь ровен и деловит,
Не поддавайся страхам
И не считай обид;
Простое ясное слово
В сотый раз повторяй —
Сей, чтобы твой подопечный
Щедрый снял урожай.

Принципиальное отличие русского сознания было (да и остается) в том, что, основанное на православной религиозной и на византийской политической традициях, оно не делило людей на тех, кто лучше, и тех, кто хуже. Принадлежность человека к другой культуре не делала его в глазах русского ниже или принципиально хуже себя. Потому что «нести пред Богом ни эллина ни иудея». Потому что в русском сознании была заложена своего рода презумпция понимания другой культуры. Она могла быть чуждой. Но почти никогда чуждой.

Попавший в плен к русским имам Шамиль оказался в Калуге, в почетном плену. Пред этим его провезли по всей России. В Калуге Шамиль вел вполне светскую жизнь, в его распоряжении была свита, были слуги. К нему можно было прийти в гости. За ним, разумеется, следили, чтобы не сбежал, чтобы не встречался с потенциальными бунтовщиками. Но умер он на пути к Медине после хаджа в Мекку, его туда отпустили власти, когда он попросился в возможно последнее в жизни паломничество.

Но вернемся к Большой Игре. Пока британцы подавляли сипайское восстание, в политическом руководстве Российской империи сложилось понимание того, что Петербург обязан усилить свою политику на азиатском направлении. Во-первых, потому, что индийский бунт, не менее беспощадный и бессмысленный, чем русский, показал зыбкость британского положения в крупнейшей колонии. Во-вторых, стало наконец еще более очевидно, что если Россия и может чем-то ответить Западу, то ответ этот будет несимметричным. Вы ждете, что мы продолжим играть на европейском поле? Нет. Мы надавим на вас в Азии. Авторами и исполнителями этого политического проекта были два человека, два русских игрока на поле Большой Игры – глава русского МИД князь Александр Михайлович Горчаков и будущий военный министр империи и крупный реформатор, а на тот момент начальник штаба Кавказской армии Дмитрий Алексеевич Милютин.

Горчаков стал министром иностранных дел 17 апреля 1856 года, вскоре после заключения Парижского мирного договора. И четыре месяца спустя, 21 августа 1856 года, из-под пера министра выходит циркулярная депеша, разосланная дипломатическим представителям России за границей. Это было не просто дипломатическое письмо. Это был программный документ, который информировал мировое сообщество о том, как теперь Россия будет вести свою внешнюю политику, с кем будет идти, с кем советоваться. И будет ли вообще. Эта депеша не просто подводила черту под итогами Крымской войны. Она словно закрывала целый этап истории самой России. Депеша стала еще и ответом на вызов европейских политических кругов. Мол, Россия после подписания Парижского трактата затаила обиду, не участвует в европейских делах, а причин вроде бы и нет. Ну подумаешь, напали на нее, ну хотели отнять Крым, ну заставили уничтожить флот на Черном море. Но так это же обычное дело. Политика.

Российская дипломатия и правда до августа 1856 года молчала. Были тому причины. Прежде всего, власть пыталась оценить состояние экономики, положение в армии, настроения в политической элите, а уж потом делать послания «городу и миру». Что можно сказать, когда ты еще сам не понимаешь, куда намерен идти, когда у тебя половина министров сидят и рассуждают – а может, и не выживет Россия-то? Но еще раз позволю озвучить одну мысль: Россия после Крымской войны не была такой раздавленной, поломанной и униженной, как нам привыкли это рассказывать. Мне порой кажется, что та ситуация чем-то напоминала весну – лето 2014 года, когда после Крымской весны были введены санкции против России, и часть политической и финансовой элиты страны вдруг заговорила о том, что стране этого не пережить. Да, в 1856-м трудности были. Да, у власти возникло понимание, что политические реформы и реформы армии, экономики стоило провести давно. Но у Александра II и его ближнего окружения не было никаких панических настроений, не было ощущения полной катастрофы и, вероятно, было четкое понимание того, что реальное положение дел куда лучше, чем думают многие.

Во всяком случае, спокойный, уверенный и дерзкий тон депеши Горчакова тогда многих в Европе напугал и обескуражил. Заговорили даже о том, что русские готовятся к новой войне, жаждут реванша. Ведь уже в начале документа слышится явный вызов европейским странам, которые уже было решили, что сломали русских и теперь могут создать новый европейский порядок, без учета мнения Петербурга:

«Объединившиеся против нас государства выставили лозунг уважения прав и независимости правительств.

Мы не претендуем на то, чтобы вновь приступить к историческому разбору вопроса о том, в какой мере Россия могла создать угрозу тому или иному из этих принципов.

В наши намерения не входит вызвать бесплодную дискуссию, но мы хотим достигнуть практического применения тех же принципов, которые провозгласили великие державы Европы, прямо или косвенно объявляя себя нашими противниками, и мы тем более охотно напоминаем об этих принципах, что никогда не переставали их придерживаться.

Мы не хотим быть несправедливыми ни к одной из великих держав и строить предположение, что тогда дело шло лишь о преходящем лозунге и что по окончании борьбы каждый сочтет

вправе придерживаться линии поведения, соответствующей своим интересам и своим собственным расчетам.

Мы никого не обвиняем в использовании этих больших по значению слов в качестве орудия, временно пригодившегося для расширения поля битвы и которое сдается затем в арсенал и покрывается там пылью. Напротив, мы хотим оставаться при убеждении, что державы, провозгласившие эти принципы, делали это честно, вполне добросовестно и с искренним намерением применять их в любых обстоятельствах»^[185].

Это явный посыл. Россия запомнила, кто и как себя повел до и во время войны. Для России ясно – ее противники защищали не какие-то там «общечеловеческие ценности», а собственные геополитические и экономические интересы. Победенных и победителей в депеше нет. Более того, проводится мысль о том, что Россия сделала всем одолжение, когда согласилась подписать мирный договор. И теперь, в новых условиях, Россия предлагает всем принять общие и неизменные правила политической игры.

«Император хочет жить в полном согласии со всеми правительствами. Его Величество считает, что наилучшее средство для достижения этого – не утаивать своих мыслей ни в каком из вопросов, связанных с международным европейским сообществом... Император решил предпочтительно посвятить свои заботы благополучию своих подданных и сосредоточить на развитии внутренних ресурсов страны свою деятельность, которая будет направлена на внешние дела лишь тогда, когда интересы России потребуют этого безоговорочно.

Политика нашего августейшего государя национальна, но она не своекорыстна, и хотя его императорское величество ставит в первом ряду пользу своих народов, но не допускает мысли, чтобы даже удовлетворение их могло извинить нарушение чужого права».

И вот именно в этой депеше Горчаков написал свое знаменитое «Россия сосредотачивается». Это был намек Европе, и британцам в особенности. Это ведь что-то большее, нежели пребывание в задумчивости. Сосредотачивается. Значит, готовится. Копит силы. Присматривается. Просчитывает шаги и прокручивает в голове уже сыгранные партии, пытаюсь оценить свои сильные и слабые стороны. В этом «сосредотачивается» было столько двусмысленности, что многим стало не по себе.

«Россию упрекают в том, что она изолируется и молчит перед лицом таких фактов, которые не гармонируют ни с правом, ни со

справедливостью. Говорят, что Россия сердится. Россия не сердится, Россия сосредотачивается.

Так будет всякий раз, когда голос России сможет оказаться полезным правому делу или когда достоинство Императора будет требовать, чтобы мысль его была известна. Что же касается применения нашей материальной силы, то Император оставляет за собой право решать этот вопрос».

Вот так. Материальная сила. Право решать этот вопрос. И Россия сосредотачивается. Стоит заметить, что некоторые тезисы циркуляра Горчакова словно вчера были написаны. Они бы подошли и Мюнхенской конференции по безопасности и выступлению Путина в ООН. Вчитайтесь.

«Всеобщий мир должен быть отправной точкой для восстановления отношений, основанных на уважении прав и независимости правительств.

...Менее чем когда-либо в настоящее время в Европе допустимо забывать, что правители равны между собой и что не размеры территорий, а святость прав каждого из них лежит в основе тех взаимоотношений, которые могут между ними существовать.

...Это и есть та доктрина, которую государства, причисляющие себя к странам, стоящим во главе цивилизации и в которых принципы политической свободы получили свое наивысшее развитие, не переставали выставлять в качестве собственных убеждений».

Удивительная последовательность русской внешней политики. Простые и понятные предложения. Давайте не по праву сильного, а по закону. И в 1856, и в 1945, и в 2015-м. Горчаков открыто писал, что некоторые страны хотят применить «право сильного над слабым», что сплошь и рядом в политике держав видно «использование больших по назначению слов в качестве орудия, временно пригодившегося для расширения поля битвы и которое сдается затем в арсенал и покрывается пылью». Удивительно, как созвучно это сегодняшнему дню. Как ничего не меняется в мире.

Одним из тех, кто по заданию Петербурга стал менять вектор русской политики, стал тот самый русский агент Николай Игнатъев. Его отчеты были прочтены, оценены должным образом, учтена была и его «любовь» к англичанам, и теперь ему предстояло новое задание. Его отправляли в Азию. В своих воспоминаниях он писал:

«Когда Министр Иностранных Дел стал домогаться моего отправления в Персию, в качестве поверенного в делах, я побоялся

принять на себя новую должность без достаточной подготовки и не удовлетворить ожиданиям. Словесно, а потом и письменно доложил я князю Горчакову (в Сентябре 1857 г.), что, не признавая возможным занимать теперь дипломатический ответственный пост на Востоке, я прошу дать мне прежде случай “негласным образом”, т. е. в качестве лица неофициального, вполне ознакомиться с Востоком и с местными условиями будущей моей деятельности. Вместе с тем в докладной записке Министру я выразил следующее мнение: “В случае разрыва с Англиею, только в Азии, можем мы вступить в борьбу с нею, с некоторою вероятностью успеха и повредить существованию Турции. В мирное время затруднения, порожденные Англиею в Азии и увеличение значения нашего в странах, отделяющих Россию от британских владений, послужат самым лучшим ручательством сохранения мира с Англиею.

К тому же Азия, единственное поприще, оставленное для нашей торговой деятельности, и развития нашей промышленности, слишком слабых, чтобы войти в успешное состязание с Англиею, Франциею, Бельгиею, Америкею и другими государствами.

Исследование Средней Азии, учреждение сношений в этом крае, утверждение нашего влияния и уменьшение английского так соответствуют естественным пользам России, что мне кажется не представляется и надобности для покрытия расходов экспедиции, которая была бы предпринята для исследования местных условий в огромных пожертвованиях казны. Можно ожидать, что многие богатые купцы и промышленники изъявят готовность содействовать предприятию”»[\[186\]](#).

Николай Игнатъев родился в состоятельной семье – отец генерал, мать из семьи богатого промышленника. Он с отличием окончил Пажеский корпус, его имя даже нанесли на почетную мраморную доску. Потом была служба корнетом, Военная академия, а в начале 1856 года молодой офицер – ему было 24 года – был отправлен в составе российской делегации на Парижскую мирную конференцию. Там он участвовал в разработке плана разграничения земель в Бессарабии. Австрия тогда попыталась было (при поддержке Англии, конечно) отодвинуть русскую границу от Дуная и Прута. Игнатъев же доказал, что сделать это никак невозможно, в том числе и потому, что тогда придется вернуть туркам территории, на которых живут переселенцы-болгары, от турецкого притеснения и убежавшие.

За успешную работу Игнатьева наградили орденом Святого Станислава 2-й степени. И после этого отправили военным агентом, то есть атташе, в Англию. Там он проработал чуть больше года. В Форин-офисе его характеризовали как «умного и ловкого типа». Он и правда писал в Петербург весьма точные аналитические сообщения о ситуации на Востоке и в самом британском правительстве. А главный лондонский картограф информировал власти, что Игнатьев без лишнего шума скупил все доступные карты британских портов и железных дорог. Перед поездкой в Центральную Азию ему действительно позволили отправиться на Восток. Азия для европейцев тогда начиналась на Дунае, где сходились границы Австро-Венгрии и Османской империи. То есть для жителя Вены в середине 19 века Белград или Скопье – это уже азиатские города, пусть и населенные славянами.

Николай Игнатьев объехал несколько городов и стран. Вена, Прага, Триест, Венеция, остров Корфу, Афины, Константинополь, Смирна, Бейрут, Яффа, Иерусалим, Египет, Мальта, Мессина, Неаполь, Рим. В Вене и Праге он встречался с идеологами панславизма и деятелями славянства, а также с карпато-русскими учеными, в частности с Адольфом Добрянским. С тех пор он навсегда проникся мыслью о том, что Россия может и должна играть куда более серьезную роль в славянском мире.

А в 1858 году он отправился в Среднюю Азию. Его задачи были просты – выяснить, насколько сильно в регионе, с точки зрения политики и экономики, влияние англичан, каковы настроения внутри местных элит. С Кокандским ханством все было более-менее ясно: придется воевать, хотя и не очень хочется, но вариантов не остается, кокандцы продолжают совершать набеги. С Хивой и с Бухарой ситуация для Петербурга была не столь однозначной. Открыто с Россией ни то, ни другое государство не конфликтовало. Но и с англичанами тоже. Вроде торговлю русским купцам не запрещали, но и много торговать не разрешали. Русских дипломатов всегда принимали при дворах неплохо. Не всегда тепло и радостно, но никогда открыто не хамили. Но и с английскими посланниками в большинстве случаев обходились так же. Государства Азии упорно пытались усидеть на двух стульях, изо всех сил старались лавировать, никак не желая принять тот факт, что чем дальше, тем хуже это у них будет получаться.

Менялись времена. Начиналась эпоха открытого противостояния Англии и России. И в этих условиях надо было или

выбирать одну из сторон, или жестко соблюдать безупречный нейтралитет. Ни того, ни другого азиатские правители делать не хотели, да и не умели. Сегодня дать слово, а завтра сделать все наоборот – это была обычная практика, в том числе и дипломатическая. На самом деле экспедиций в Азию отправили сразу две – «одну научно-политическую в Герат и, по возможности, далее в Афганистан, чрез Персию; другую для исследования р. Амударьи, Хивы и Бухары, под предлогом ответного посольства России на посольства, присланные из этих ханств с поздравлением по случаю Коронации Государя Императора».

Игнатьеву было поручено еще раз донести до среднеазиатских политиков простую мысль: коммерческие связи с Россией выгодны им больше, чем связи с Англией, режим благоприятствования и гарантии безопасности для российских купцов и их товаров пойдут на пользу всем. Еще он должен был собрать как можно больше военных, политических и прочих сведений, в том числе и оценить возможности судоходства по Амударье. Русский разведчик в своих воспоминаниях писал:

«Зная, что азиаты подчиняются лишь материальной силе, что им доверяться нельзя и что обыкновенные дипломатические переговоры редко ведут к благоприятным результатам, я предлагал ряд мер, которые доставили бы посольству возможность быстро и внушительно воздействовать на ханов Хивы и Бухары, и обуславливал появление посольства, в этих двух Азиатских столицах, пропуском наших военных судов по р. Аму, с достаточными средствами для верного достижения имевшейся в виду нашей цели»^[187].

Миссия Игнатьева состояла из почти ста человек – охрана из казаков, переводчики, причем до Хивы часть дипломатической миссии проплыла по Амударье на пароходе «Перовский» под командованием Бутакова. Произошло это летом 1858 года. Причем Игнатьев, для того чтобы получить разрешение проплыть по реке, прибегнул к той же уловке, что за много лет до него Александр Бернс в Синде. Русские дипломаты пояснили, что подарки хану – среди них был даже орган – такие большие и тяжелые, что через пустыню их просто не провезти. Поэтому, если есть возможность переправиться через Аральское море и подняться по реке, то пусть многоуважаемый хан им разрешит это сделать.

Многоуважаемый хан Саид Мухаммед разрешил и подарки принял, но дальше плыть русским по Амударье не позволил. Из

донесения Игнатьева директору Азиатского департамента от 2 августа 1858 года:

«Сеид Мухаммед не доверяет никому из своих подчиненных, боится их козней, хочет все делать сам и отстранить возможность, чтобы советники его могли быть подкуплены миссией и иметь какое-либо влияние на решение дела... Вместе с тем Сеид Мухаммед не имеет достаточно твердости духа и уверенности в себе, чтобы самостоятельно обдумать и решить что-либо самопроизвольно в деле государственном, и поэтому прибегает беспрестанно к мнению многочисленного совета, никогда не приходящего к какому-либо заключению, пока хан не выскажет своей воли, и затрудняющего еще больше ход дела. Стесненный, с одной стороны, туркменами, зная намерение киргизов перейти в русское подданство, находясь под сильным влиянием бухарского эмира, которого он боится несравненно более нас, опасаясь между тем нашего соседства и встревоженный нашими действиями в степи, – Сеид Мухаммед видит в каждой уступке в пользу русских конечную свою гибель и ущерб собственному достоинству...»

Правда, переговоры нельзя считать неудачными – Игнатьев смог уговорить хана открыть рынки Хивы для российских купцов. Договор, заключенный полковником, выглядел так:

Условия, предложенные хивинскому правительству миссией Н. П. Игнатьева

1858 г.

1. Никогда не предпринимать никаких явных, ни тайных враждебных действий против России и не возбуждать ближайшие к хивинским владениям туркменские, киргизские и каракалпакские рода к неприязни с Россией и ко взаимной вражде друг с другом.

2. Не потворствовать никаким грабежам, захватам, содержанию в плену русских подданных и в случае, если бы подвластные Хиве племена произвели таковые действия, то предавать виновных немедленному наказанию, а ограбленное имущество выдавать русским властям для возвращения законному владельцу.

3. Ответственность за личную безопасность и за сохранность имущества всякого российского подданного, находящегося в хивинских владениях; не делать русским подданным никаких насилий и притеснений, а также караванам, идущим в Россию и из России; в случае же смерти русского подданного во время бытности в

Хивинском ханстве отпустить в целости оставшееся после смерти имущество для передачи законным его наследникам.

4. *Дозволить российским судам свободное плавание по реке Амударье.*

5. *С товаров, привозимых российскими купцами в хивинские владения, установить постоянную пошлину не свыше 2,5 % с действительной ценности товара и взимать эту пошлину единожды при ввозе товаров, производя оценку оных безобидно для русских торговцев, т. е. сообразно с продажными ценами.*

6. *Для наблюдения за ходом торговли и заведывания делами русских подданных позволить постоянное пребывание в Хиве русского агента (караван-баша)^[188].*

Хотя все понимали, что такое договоры с азиатскими политиками. Как уже говорилось, в Азии легко могли отказаться от заключенных, даже письменно, соглашений, признать их ничтожными. Скажем, когда Игнатъев напомнил хану о договоре с полковником Данилевским от 1842 года, хан и его министры заявили, что они содержания акта, заключенного ими же в 1842 году с полковником Данилевским, “не помнят” и даже “не нашли его” в своих канцеляриях...:

«Если бы гоняться за заключением трактатов, большей частью ни к чему не ведущих, подобно тому, как договор, заключенный Данилевским в 1841 г., но никогда не соблюдавшийся, то можно было бы и теперь заключить договор, приняв в соображение, что нынешние уступки хивинцев несравненно важнее тех, коими мы до сих пор довольствовались. Я почел за долг совести не продолжать более переговоров и не подписывать дружественного акта, ибо хан не согласился на свободное плавание по реке Аму судов наших. Договоры с Хивой бесполезны, пока хивинцы не убедятся в необходимости нас слушаться и свято исполнять обещанное нам, а этого... нельзя достигнуть одними рассуждениями и объяснением доводов...»

Из Хивы Игнатъев отправился в Бухару. Причем тем маршрутом, который наметил сам. Хан желал, чтобы русские вернулись к исходной точке и уже оттуда шли к соседнему правителю. Николай Игнатъев пошел напрямую, через пустыни и оазисы, караванными путями. По дороге отряду пришлось отбить нападение туркмен, которые, по всей вероятности, были посланы хивинским ханом, чтобы перебить русских по дороге. В конце концов, получись у них уничтожить отряд, официальная Хива всегда

могла заявить, что русские заблудились и, видимо, погибли в пустыне от жажды и жары. Бывало же такое с другими экспедициями. Тем более в Хиве членам посольства приходили сообщения, что на них готовят нападение.

«Наша жизнь в Хиве незавидна, подозревают во всем, хватают наших почтарей и трактата не подписывают. Некоторые из членов миссии, люди слабонервные, ходят с вытянутыми физиономиями, не спят ночи и ежеминутно ожидают нападения. Действительно, мы каждый день почти получаем сведения, что на ханских советах трактуют, как бы от нас отделаться: одни предлагают отравить, другие – поджечь, а третьи, чтобы снять ответственность с хана, советуют нанять шайку туркмен, которая бы передумала нас где-нибудь по дороге из Хивы»^[189].

В Бухаре в то время правил все тот же эмир Насрулла, что за 16 лет до этого казнил английских агентов Конолли и Стоддарта. Правил он так же сурово, как и раньше. Один из участников посольства описал положение дел в частном письме так: *«...на каждом шагу совершенное самообольщение, против которого никакая дипломатия ничего не сделает, а если и будут со стороны эмира какие-либо уступки, то только для вида. На днях люди генерал-губернатора Бухары, живущего во дворце, в чем-то провинились, их сейчас же перерезали, а у генерал-губернатора отобрали все имение и продали с аукциона, а самому дали 40 палок, посадили в тюрьму и, вероятно, скоро снесут голову. Вот каковы тут суд и расправа. Как тут толковать о международных правах, о силе и могуществе России, о развитии торговли и пр. На первых порах здесь все нужно делать силой, а ее-то у нас и нет: на фразеях же далеко не уедешь...»*^[190].

Но русское посольство эмир встретил благожелательно. Во-первых, с юга на него давили афганцы, во-вторых, он воевал против соседнего Коканда.

Насрулла хотел с помощью русских решить свои политические задачи. Игнатъев считал необходимым с помощью Насруллы решать русские задачи. В одном из писем в Петербург Игнатъев прямо написал, что Россия может и должна заставить азиатских правителей делать то, что нужно ей: *«Так как вообще обещания наши взамен требуемых ныне от правителей Хивы и Бухары будут в сущности ничтожны и преимущественно должны заключаться в громких, но пустых фразеях, то не лучше ли для убеждения ханов в необходимости принять и подписать предлагаемые им акты*

угрожать в случае отказа отнять существующие доселе для азиатцев торговые льготы, выразив им при этом, что мы без азиатских товаров обойтись можем»^[191].

Игнатъев вообще полагал, что Россия обязана использовать противоречия, существующие в регионе, и ей стоит силой поддержать Бухарский эмират в борьбе против Коканда. Он считал не правильным отказать эмиру в помощи и «не воспользоваться сим случаем, чтобы связать Сырдарьинскую линию с Сибирской, заняв Туркестан и Ташкент». Бухарское ханство, по мнению Игнатъева, все равно не смогло бы усилиться настолько, чтобы превратиться в угрозу для Российской империи. По мнению советского историка Нафтуллы Халфина, во время этих преговоров «впервые после Крымской войны ответственным лицом Российской империи с такой определенностью было внесено предложение о создании русско-бухарской коалиции для расчленения Кокандского ханства и о переносе государственной границы в глубь Средней Азии, к Ташкенту».

Бухарский хан в свою очередь предложил вместе с Россией провести раздел Хивинского ханства, если хан продолжит мешать русскому судоходству по Амударье. Он пообещал освободить всех русских, находившихся в Бухаре в рабстве, пообещал развивать торговлю, что было выгодно и ему лично. Игнатъев, между прочим, сообщал в Министерство иностранных дел, что незадолго до прибытия миссии в ханство Бухару приехали под видом афганских купцов двое англичан, один из которых владел персидским и русским языками. Помимо этого, в Бухаре побывали еще три английских шпиона, выдававшие себя за индийцев. Причем еще в Хиве агенты сообщили Игнатъеву, что в Кокандском ханстве находятся несколько офицеров, направленных сюда английскими властями из Индии, они обучают артиллеристов и пехотинцев, учат строить укрепления, и, похоже, англичане намерены заключить с Кокандом военный союз и даже уже «прислали кокандцам оружие и отливают у них пушки». Игнатъев поначалу не поверил, но в Бухаре убедился в том, что на самом деле активность агентуры противника в регионе выглядит угрожающе. С Кокандом у России традиционно были плохие отношения, а вот в Бухаре, помимо того, что элита не жаловала англичан, так еще, по замечанию Игнатъева, «заметна чрезвычайная симпатия к восстанию туземцев в Индии...». Так что на переговорах эмир пообещал русскому офицеру не принимать

никаких английских послов или агентов. И не заключать с англичанами соглашений. Из воспоминаний Игнатьева:

«Так как мне поручено было выследить английские происки в Средней Азии, проследить за английскими агентами, собрать сведения политические о всех соседних с Бухарою владениях и наконец попытаться войти в сношения и в связь с Ханыковым, отправленным в то время в Афганистан, то на эти предметы обратил я особенное внимание. Расспросами собрано не мало материалов и все они доставлены, по возвращении моем, директору Азиатского Департамента, Егору Петровичу Ковалевскому. Почетный прием, сделанный русской миссии эмиром, поразил не только жителей города Бухары, но и пребывавших там жителей мелких соседних ханств, афганцев и индейцев. Молва о том несомненно разнеслась и произвела впечатление в этих странах. Относительно англичан эмир велел Тохсабе (первому министру двора. – Прим. авт.) мне передать словесно, что он очень хорошо понимает их коварные замыслы и знает, что самый надежный, могущественный и верный союзник Бухары – одна Россия, а потому он никогда не поддастся Великобританским интригам и не только не намерен принимать у себя английских агентов, но пошлет сказать Дост-Мохамеду, чтобы он впредь не пропускал совсем англичан в Бухару. Бывшие в Бухаре, во время нашего приезда два яко бы английских агента, но выдававшие себя за афганских купцов, не были приняты даже мирзою Азизом и за несколько дней до нашего выступления отправились обратно в Афганистан»^[192].

Удивительное дело, но в этой экспедиции русский посланник снова услышал о полковнике Стоддарте, казненном в Бухаре. Ему в руки попали дневники англичанина, случайно оказавшиеся у одного из русских рабов, которых Игнатьев забрал из Бухары. Можно представить, с каким интересом и, вероятно, пиететом один великий разведчик читал последние записи и мысли другого великого разведчика. Заочная встреча двух участников Большой Игры, монолог через время. И наверняка Игнатьев был восхищен – он же был русским офицером, с русскими представлениями о чести – мужеством Стоддарта, который писал свои заметки собственной кровью.

«Во время похода, пользуясь каждою остановкою, от бывших русских пленных отбирались назначенными мною членами посольства подробные показания об их прошлой жизни и довольно любопытные сведения о Бухаре, а равно и о всех соседних

местностях, где нашим землякам довелось побывать. Сведения эти представлены частью в Азиатский Департамент, частью в Главный Штаб (тогда еще в Департамент Генерального Штаба). У одного из пленных, при осмотре взятых им с собой вещей, нашелся английский карманный молитвенник небольшого формата, на страницах коего несчастный Стоддарт, сидя на дне клоповника, записывал предсмертные свои заметки, некоторые из которых написаны иголкой, смоченною в собственную его кровь. Имя этого пленного Федор Федотов и он купил этот молитвенник на медные гроши на базаре, когда продавали все вещи, принадлежавшие ограбленному и убитому английскому агенту.

Молитвенник этот был выкуплен у Федотова и затем, впоследствии, возвращен семье Стоддарта, в Англии, одним из членов миссии, у которого книжка эта осталась в руках»^[193].

Кстати, тот факт, что полковник, по словам Игнатьева, делал последние записи в молитвеннике, опровергает данные, что Стоддарт принял ислам, чтобы спасти свою жизнь.

Когда экспедиция добралась до Оренбурга, это произвело настоящий фурор – в Пограничной комиссии были сведения, что миссия провалена, Игнатьев убит. В Петербург Игнатьев въезжал уже знаменитым путешественником и дипломатом, признанным мастером политической интриги. Игроком. Он составил детальный отчет о своей миссии, где высказал мысль о том, что рано или поздно России придется присоединять центральноазиатские государства или, как минимум, установить над ними протекторат. Без участия России говорить о каком-либо наведении порядка в Азии не придется. И главное, добавлял Игнатьев, если там не будет присутствовать Россия, то там будет присутствовать Англия, причем более активно, чем хочет этого Петербург. Записка, составленная Игнатьевым, была предельно конкретна. Там по пунктам перечислялось, что нужно делать на азиатском направлении. Для примера:

«Нашему временному торговому агенту надлежит поставить в обязанность: а) всеми зависящими от него средствами поддерживать в бухарцах, престарелом эмире и его наследнике, дружественное расположение к России и недоверие к англичанам; б) наблюдать, чтобы с торговцев наших не было взимаемо более 5 % торговой таможенной пошлины, при безобидной и справедливой оценке товаров; иметь в виду выговорить у бухарцев, при первом удобном случае, уменьшение пошлины до 2 1/2 %; в) для помещения

наших торговцев и склада наших товаров должен быть отведен отдельный караван-сарай, согласно данному мне эмиром обещанию. Предоставляется ему обдумать на месте меры, клонящиеся к тому, чтобы закрепить этот караван-сарай вполне за Россией, в тех видах, чтобы наши торговцы могли оставлять в нем безопасно, как в складе, свои товары, даже в случае выезда из Бухары. Следует воспользоваться первым благоприятным обстоятельством, чтобы добыть от эмира письменный документ, свидетельствующий, что караван-сарай принадлежит русским»^[194].

И почти сразу Игнатьеву было поручено новое задание.

«Его Величество тотчас же сообщил мне, что, по решению специального Комитета, собранного для обсуждения китайских дел, и по предложению графа Путятина, я избран, чтобы отправиться в Пекин для весьма важного и трудного поручения: покончить миролюбиво наши пограничные дела с Китаем, начатые Муравьевым, и вынудить ратификацию Айгунского договора, заключенного между Генерал-губернатором Восточной Сибири и местным Манджурским Генерал-губернатором И. Шанем, но при исполнении которого встретились неожиданно большие препятствия со стороны Пекинского правительства...»

Перед отправкой в Китай Игнатьева повысили до генерала. Ему было поручено убедить китайское правительство ратифицировать Айгунский договор, заключенный 16 мая 1858 года, как следует из названия договора, в городе Айгун. По этому договору русско-китайскую границу провели по реке Амур. Что интересно, составил этот договор Рафаил Александрович Черносвитов, человек удивительной судьбы. В молодости он был членом революционного кружка «петрашевцев», отсидел в крепости в заключении несколько лет, а после освобождения уехал в Сибирь, где стал известным золотопромышленником и близким другом графа Николая Николаевича Муравьева, генерал-губернатора Восточной Сибири.

Документ пересматривал Нерчинский договор 1689 года, когда Россия и Китай впервые согласовали границу. По новому договору Петербург и Пекин соглашались, что левый берег Амура от реки Аргуни до устья признавался собственностью России, а Уссурийский край от впадения Усури в Амур до моря оставался пока в общем владении, до момента окончательного определения границы. Плавание по Амуру, Сунгари и Усури разрешалось только российским и китайским судам и запрещалось всем остальным.

Другое дело, что китайцы полагали этот договор не слишком выгодным для себя. Но у цинского императора не было возможности противостоять натиску русских дипломатов. У него случились все беды разом. И восстание тайпинов, и Вторая опиумная война, которая, как уже говорилось, началась потому, что западные страны решили, что китайцы не могут решать, кого и на каких условиях они будут пускать к себе в страну торговать. А решать это могут только Лондон, Париж и Вашингтон. Вторая опиумная война шла для Запада тяжело. Китайская армия была хуже оснащена, но сдаваться не собиралась. Император тоже почему-то (вот странное дело, да?) никак не хотел соглашаться на кабальные условия, которые пытались навязать Китаю силой.

Петербург в этих условиях решил получить свое, пока идет война. Для правительства Российской империи и для Александра II победа любой из сторон создавала свои проблемы. В случае победы Китая ратифицировать Айгунский договор Пекин точно не стал бы. Если бы победила западная коалиция, то русское влияние в регионе снизилось бы до неприличных величин. Британия, закрепившаяся в Маньчжурии, была бы примерно тем же самым, что протурецкая Черкесия на Кавказе, под английским контролем. Запад ни за что не позволил бы Петербургу укрепиться на тихоокеанском побережье и не дал бы Российской империи шанс выйти на новый оперативный простор.

В этой ситуации Россия могла сыграть только одну роль – стать посредником между Западом и Востоком. Именно эту тонкую и важную миссию должен был выполнить Николай Игнатьев. Когда он прибыл в Пекин, его встретили совсем не радостно. На первых же переговорах объяснили, что ратифицировать Айгунский договор не будут, и предложили покинуть страну. Игнатьев пояснил, что уехать сейчас никак не может. Начальники накажут, если он вернется ни с чем. И русский разведчик предложил китайскому императору свои услуги. В переговорах с китайской стороны участвовали высшие сановники Су-Шунь и Жуй-Чань, первый из которых был близким родственником императора. Шли они почти год. Игнатьев вел себя в зависимости от менявшейся ситуации по-разному. То напоминал про вечную братскую дружбу соседних народов, то угрожал, что Россия введет войска и просто захватит нужные ей территории, то снова демонстрировал, что, в отличие от европейцев, Россия договоры соблюдает и не заставляет китайцев курить опиум. Китайские

дипломаты подозревали, что Игнатъев состоит с англичанами и французами в союзе, и не доверяли ему.

Когда китайцы отказались подписывать любые документы и ратифицировать договор, Игнатъев тайно покинул Пекин, пробрался через расположение китайской армии, по реке Бэйхэ спустился к морю. Там его ждала русская Тихоокеанская эскадра, и на военном корабле он отправился в Шанхай, чтобы провести переговоры уже с союзниками. Что там происходило, как и в чем он их убеждал, известно мало. По сведениям английских историков, русский дипломат снабдил британцев картами китайских позиций и сведениями о столичных интригах. В то же время он делал это так, чтобы заставить западных союзников играть в нужную ему игру. То есть вел он себя очень по-британски, чужими руками расчищая путь.

В конце сентября 1860 года к Пекину подошел отряд союзников в количестве 7 тысяч человек. По пути англо-французский корпус громил китайскую армию. Вместе с союзниками в китайскую столицу вернулся и Николай Игнатъев. К этому моменту китайский император сбежал из столицы, оставив руководить обороной своего брата. Русский дипломат повторно предложил китайскому правительству свои услуги в качестве посредника на переговорах с Западом. Сразу по приезде в город, 3 октября, он принял китайскую делегацию в Южном подворье Русской духовной миссии. Поскольку китайцы всерьез и не без оснований опасались, что союзники могут просто разрушить половину Пекина во время штурма или в качестве наказания, они согласились на посредничество Игнатъева.

Дипломат поставил им пять условий, при которых он поможет Китаю, в их числе были и ратификация Айгунского договора, и разграничение по реке Уссури до Японского моря и по линии китайских пикетов в Западном Китае. Китайцам делать было нечего, внутри города стояли союзники, которые уже разграбили летний дворец Юаньминъюань, при этом китайцы лишились бесценной коллекции фарфора и прочего содержимого дворца. Грабили его не просто так, а по приказу Брюса Джеймса, лорда Элджина, английского представителя, будущего вице-короля Индии. По воспоминаниям генерала Чарлза Джорджа Гордона, который потом погиб в суданском Хартуме во время новой колониальной войны, это выглядело так: *«С трудом можно себе представить красоту и величие сожженного нами дворца... Мы уничтожили, подобно вандалам, поместье столь ценное, что его не удалось бы восстановить и за четыре миллиона».*

Так что в этих условиях китайцы приняли условия Игнатьева. И вот тут проявился в полной мере его талант дипломата, разведчика и тонкого интригана. Переговоры западных союзников с китайцами проходили в помещении Русской миссии, при прямом участии русского посланника. Он, по сути, не давал им говорить напрямую, без его присутствия. При этом он вел отдельные переговоры с обеими сторонами. Китайцев он убеждал в том, что западные союзники не смогут ничего сделать, сил у них маловато, а он, как представитель России, обещает поддержку. Союзникам он заявлял, что китайцы будут сражаться до последнего и европейцы умоются тут кровью. А еще он объяснил союзникам, что у Китая с Россией проблем нет, договор по границе подписан, вот он, пожалуйста, так что никаких споров. А он просто пытается помочь, исключительно бескорыстно, просто потому, что России не нужно вот это вот все – война, восстание и прочий беспорядок – у своих границ. Насколько ему верили англичане и французы, вопрос большой. Современные английские историки пытаются заявлять, что, дескать, замыслы Игнатьева сразу все раскусили. Но вот ход событий показывает, что на самом деле русский дипломат, как говорили в 90-е, «грамотно всех развел». Например, русско-китайские переговоры шли втайне от союзников, без участия Игнатьева, но под его контролем.

Близилась зима, чтобы оставаться в Северном Китае, требовались ресурсы и надежные тылы. Ни того, ни другого у союзников не было, англичане и французы спешили заключить соглашение. Но они хотели заключить его на своих условиях. Император же заявлял, что согласен подписать договоры, которые ему предлагали перед началом войны. Игнатьев стал осторожно убеждать императора, что оккупационный корпус может остаться зимовать, хотя прекрасно знал, что на самом деле корпус этого не может. Сил продолжать войну не было. Требовалась дополнительная переброска военных. Но были огромные опасения, что все это кончится плохо. После восстания сипаев британцы жили фобиями новых мятежей. Британский командующий в Китае лорд Элджин писал тогдашнему министру иностранных дел лорду Джону Расселлу: «Мы могли бы аннексировать Китайскую империю, если бы нам хватило глупости получить на руки вторую Индию». Так что англичане и французы в итоге согласились на самые первоначальные условия, которые сами же выдвигали Китаю, и подписали соглашения, вывели войска. Игнатьев смог убедить союзное командование, что пока даже не надо им оставлять посольства в

Пекине, потому что опасался, что союзники могут узнать про русско-китайские переговоры.

Императору дипломат заявил, что это он ускорил вывод иностранных войск, что это он смог уговорить англичан, чтобы те снизили контрибуцию. И оснований не верить ему не было – вон они, оккупационные войска, покидали город. Тогда он начал вести переговоры о том, что Китаю надо сделать уступки России в разграничении дальневосточных территорий. Когда китайцы начинали колебаться или юлить, он заявлял, что может и убедить союзников войска вообще не выводить. И тут тоже не приходилось сомневаться. Оккупационный корпус пока еще не ушел окончательно. 6 ноября 1860 года последние западные военные покинули Китай. Одиннадцать дней спустя Россия и Китай подписали Пекинский договор.

Это был дипломатический триумф Игнатьева, которому еще не исполнилось и тридцати лет. Он смог окончательно присоединить к Российской империи, без единого выстрела, огромные территории нынешнего Дальнего Востока. Мало кто задумывается сейчас о том, что крупнейший город региона Владивосток был основан как военный пост только летом 1860 года, а окончательно стал развиваться как город именно после подписания Игнатьевым Пекинского договора. Китайской стороне пришлось согласиться на открытие русских консульств в Восточном Туркестане и пойти на ряд торговых послаблений для русских купцов. Впрочем, и китайские купцы получили права в Российской империи. Из договора:

«СТАТЬЯ 5

Русским купцам, сверх существующей торговли на Кяхте, предоставляется прежнее право ездить для торговли из Кяхты в Пекин.

Китайским купцам, если они пожелают, также дозволяется отправляться для торговли в Россию.

СТАТЬЯ 6

В виде опыта открывается торговля в Кашгаре, на тех же самых основаниях, как в Или и Тарбагатае.

СТАТЬЯ 7

Как русские в Китае, так и китайские подданные в России, в местах, открытых для торговли, могут заниматься торговыми делами совершенно свободно, без всяких стеснений со стороны местного начальства, посещать также свободно и во всякое время

– рынки, лавки, дома местных купцов, продавать и покупать разные товары оптом или в розницу, на деньги или посредством мены, давать и брать в долг по взаимному доверию.

СТАТЬЯ 8

Русские купцы в Китае, а китайские в России состоят под особым покровительством обоих правительств. Русское правительство может назначить теперь же своих консулов в Кашигар и Ургу. Китайское правительство, равным образом, может, если бы пожелало, назначать своих консулов в столицах и других городах Российской империи».

22 ноября Игнатъев покинул Пекин и направился в Петербург. Он возвращался снова как победитель. Российские торговцы и товары получили доступ на рынок Центрального и Восточного Китая, откуда их выдавили англичане каких-то двадцать лет назад. Подписанный договор был для Китая досадный, пришлось отдавать территорию, но он не был кабальным, не был унижительным. Игнатъев не просто смог подписать выгодный своей стране трактат. Он украл победу у англичан. Чего они, судя по английской литературе, до сих пор простить ему не могут и поэтому не признают. Но факт остается фактом.

Это еще раз возвращает нас к вопросу о том, как была разбита и унижена Россия после Крымской войны. Если верить некоторым историкам, то она была почти уничтожена, а ее экономика была «разорвана в клочья». Но вот в действительности всего через несколько месяцев после войны, якобы униженная, Россия заявляет о своей позиции через меморандум Горчакова, причем заявляет так, что в европейских столицах начинают готовиться к войне, настолько угрожающе и мрачно звучат слова меморандума. Потом Петербург удачно завершает войну на Кавказе, пленив в 1859 году имама Шамиля, что вызывает просто истерику в Лондоне, тут же идут переговоры в Хиве и Бухаре, спрямляется пограничная линия между Оренбургом и Омском, а потом, умело используя англичан, русский дипломат заставляет китайцев подписать нужный России договор. Это и есть униженная и раздавленная страна? Правда? Умение отечественных историков как-то уж очень своеобразно (выражусь так, чтобы никого не обидеть) оценивать историю своей страны порой, конечно, поражает.

Прямо как в 2016 году «международный изгой» Россия с «разорванной в клочья» экономикой становится лидером по производству зерна, строит космодром Восточный, мост в Крым,

запускает в производство новые ледоколы, атомные подводные лодки, устраивает концерт в Пальмире, отбитой у кровожадных террористов ИГИЛ. Интересно, как наши историки будут писать об этом лет через сто? Снова как о периоде после Крымской войны? «Униженная санкциями путинская Россия едва выживала после крымской авантюры 2014 года»? Не удивлюсь, если именно так.

Глава 11

На самом деле восточных экспедиций в 1858–1859 годах российским МИД и Географическим обществом было снаряжено не две, а три. Первая – это миссия Игнатьева в Хиву и Бухару. Вторая – это экспедиция блестящего ученого-ориенталиста Николая Владимировича Ханыкова в Персию, точнее, в Хорасан (ее упоминал в письмах Игнатьев). Она тоже принесла очень важные результаты, правда, скорее научного, нежели политического, характера. Достаточно сказать, что к подготовке экспедиции были привлечены крупнейшие специалисты в области географии, геологии, ботаники, зоологии, истории, этнографии. Это были лучшие русские ученые, академики и профессора: Ф. Ф. Брандт, Г. В. Абих, И. И. Срезневский, В. В. Вельяминов-Зернов, Э. Ленц, П. И. Небольсин. В самой экспедиции принимали участие несколько видных ученых, причем, например, зоолог Александр Кейзерлинг поехал за свой счет. Торгово-экономические цели экспедиции подчеркивались и во всех официальных документах. Даже в письме вице-председателя Русского географического общества в Академию наук с просьбой составить инструкции для участников экспедиции говорилось о важности экспедиции «как для успехов науки, так и для промышленности и торговли России».

Вообще же финансировало эту экспедицию в значительной степени Закаспийское торговое товарищество, оно дало ученым 3 тысячи рублей серебром. Исполнявший должность секретаря общества русский экономист Владимир Павлович Безобразов заявил: *«Сведения, которые будут собраны хорасанской экспедицией, находятся в тесной связи с предприятиями Каспийского товарищества и, без сомнения, будут весьма для него полезны; промышленная компания, которая при самом начале своей деятельности дает ей такой просвещенный характер, тем самым уже доказывает, что она находится на высоте современных экономических интересов, всюду в образованном мире ищущих прочной для себя опоры в науке»*^[195].

Впрочем, были у экспедиции и политические задачи. Поскольку Индия была охвачена восстанием сипаев, а Персия только недавно закончила войну с Англией, то предполагалось, что в ходе работы в Персии можно будет собрать сведения об остановке на Востоке и Южной Азии, о настроениях элит. Кроме того, Ханыков получил

задание от Министерства иностранных дел попытаться провести переговоры с правителями афганских провинций. Официальный Петербург всерьез и обоснованно опасался, что через Афганистан и Персию англичане рано или поздно начнут движение дальше на север, в Центральную Азию. Как полагал путешественник и разведчик Егор Петрович Ковалевский, «нельзя же было Министерству иностранных дел оставить в Средней Азии как можно более обширное пространство земель, так сказать нейтральных, не принадлежащих ни той, ни другой державе; мысль эта довела до того, что пока мы оставались спокойными и равнодушными в своих границах, Англия подвинулась из Индии до Лагора, завоевала последний, поставила комиссара своего в Афганистане и распространила влияние свое на Герат».

Ханыков получил из Министерства иностранных дел специальную инструкцию, в которой говорилось, что ему надо будет восстановить официальные отношения между Российской империей и Афганистаном. Он должен был проехать в Кабул и провести переговоры с эмиром Дост Мухаммедом. В инструкции подчеркивалось, что Россия стремится максимально поддержать независимый Афганистан. Кроме того, предполагалось, что Ханыков сможет посетить Кандагар.

И персидская часть похода удалась. Из Баку в марте 1858 года ученые добрались в Астрабад, потом в Тегеран, где прошли удачные переговоры с шахом по экономическим вопросам. Потом были Шахруд, Нишапур и Мешхед, в Герате экспедиция работала несколько месяцев, детально изучая Гератский оазис.

Оттуда Ханыков отправил письмо к Дост Мухаммеду. Попросил разрешения прибыть в Кабул. Афганский правитель отлично помнил, чем закончились его прежние контакты с русскими дипломатами. Русские его предали. Англичане свергли. Разорительная война едва не уничтожила страну. Так что Дост Мухаммед, всего лишь за год до этого заключивший новый договор с Британской империей, отклонил предложение о встрече. В письме Ханыкову он сообщил, что не желает ссориться с могущественным соседом.

В Герате русская экспедиция работала, конечно, не просто так. Значение Герата понимали не только англичане. В 1857 году, то есть вскоре после окончания Крымской войны и как раз накануне отправки всех трех азиатских миссий, генерал-майор Генерального штаба Егор Иванович Чириков составил докладную записку о возможности английского прорыва в Центральную Азию. Он писал:

«Рассматривая Среднюю Азию, заключающую в себе Персию и Афганистан, представляется интересное зрелище развивающейся политической борьбы между Россией и Англией. Намерения первой прямы и естественны: они состоят в том, чтобы упрочивать свое влияние на соседей, отчасти полуобразованных, отчасти полудиких; извлекать себе позволенные выгоды через торговые сношения и вообще, чтобы действовать на сопредельные с Россией национальности так, как необходимо должно действовать на азиатские племена государство благоустроенное и сильное.

Намерения же Англии состоят в том, чтобы поддерживать искусственное здание владычества своего в Индии, расширить до невозможности круг для сбыта своих мануфактурных произведений, и ко всему этому присоединяется, наконец, зависть против России, которая по своему географическому положению есть единственная соперница Англии в Средней Азии.

Характер этой борьбы в настоящее время есть чисто политический и коммерческий, а рано или поздно, есть вероятие, что и оружие примет участие в последовательностях этой борьбы.

Нельзя полагать, чтобы Англия имела намерение распространять завоеваниями к северу свои Индейские владения, и без того слишком обширные. Но политическое вмешательство ее в дела Афганистана упрочивает влияние на Персию, обхватывая ее почти со всех сторон, открывает Англии новые торговые пути, сближает с Каспийским морем, угрожает тем России и, наконец, поддерживает непрочное здание Индейских владений.

Какие представляются средства России для противодействия этим наступательным действиям англичан? И до каких пределов можно позволить им подвигаться в материальных их действиях? Россия, положивши на Сыр-Дерьи и Аральском море основание будущих своих действий на Туркмению и Кокан, займется, конечно, упрочиванием этих начал: постройкою укреплений в приличных местах; устройством флотилии на Аральском море, изысканием водяных путей по Сыр-Дерьи в Кокан и по Аму-Дерьи к Балху; усилением торговых и политических сношений с Бухарою и Коканом и, наконец, изысканием удобнейших и скорейших сообщений Каспийского моря с Аральским. Тогда Хива, это гнездо разбойников, будет совершенно в нравственной зависимости от России; Кокан будет служить местом снабжения жизненными потребностями войск и вообще заведений наших на Сыр-Дерье, а Бухара будет как бы передовой позицией в случае нужды, или для противодействия

англичанам по направлению к Балху и Кабулу, или для угрожения их тылу, через Мерву, в случае движения их через Герат и Меишед к Каспийскому морю.

Но рассматривая направление политических действий Англии через Кандагар на Герат, тотчас обнаруживается возможность опасности для России: из Герата Англия обуздывает Персию и если успеет привлечь эту державу на свою сторону, то может угрожать торговле нашей на Каспийском море, даже отчасти государственному устройству нашему около этого моря и через то сильно уменьшить влияние наше на Персию.

В этом предвидении Россия должна устроить так свою Каспийскую флотилию, чтобы можно было в непродолжительный срок перевести на персидский берег, например в Астрабад, по крайней мере одну дивизию войск с артиллерией и принадлежностями.

Русский корпус, высаженный в Астрабаде, будет иметь предметом действий Герат, через Меишед, если бы англичане предприняли наступление к Каспийскому морю. Другой русский отряд, если таковой находился на Аму-Дерьи, мог бы действовать на Мерву во фланг и в тыл англичанам».

Третья миссия, которую русские власти отправили в Азию в 1858 году, началась в феврале, за месяц до старта экспедиции Ханькова и за два месяца до начала похода Игнатьева. Миссия была глубоко секретной, и выполнял ее один человек. Блестящий русский офицер, разведчик, путешественник, дипломат, а звали его Чокан Чингисович Валиханов. После развала СССР его имя в России как-то позабыли, что, конечно, является постыдным фактом.

Валиханов был чингизидом, происходил из знатного рода, его прадедом был знаменитый Абылай-хан, самый влиятельный казахский хан, объединитель всех племен. Это его биография легла в основу блокбастера «Кочевник», снятого в Казахстане в 2005 году.

Отец Чокана, Чингис Валиханов, был старшим султаном Аман-Карагайского внешнего округа Омской области. В детстве мальчик – его настоящее мусульманское имя Мухаммед-Канафия – учился в казахской школе. Чокан – это прозвище. Его дала мама, а потом мальчишка так привык к нему, что сам стал называть себя именно так. В 1847 году, в возрасте 12 лет, Чокана Валиханова отправили на учебу в Омский кадетский корпус. По воспоминаниям однокашников, начальство корпуса считало Валиханова одним из лучших учеников, и про него сразу говорили, что он точно будет

крупным ученым. Он выучил немецкий и французский языки, персидский и арабский он знал с детства.

Незадолго до окончания учебы в кадетском корпусе он познакомился с будущим писателем Федором Достоевским, который гостил у знакомых в Омске после освобождения из Омского острога. Они будут дружить до конца жизни.

8 ноября 1853 года Чокан Валиханов стал кадровым офицером Русской императорской армии, получив чин корнета. Принято считать, или во всяком случае многие историки убеждают в этом аудиторию, что Российская империя была государством суровым, с жесткими законами, где представители нетитульной нации, то есть «инородцы», были всячески подавлены и унижены. И вот хороший пример. Первая должность Валиханова – адъютант генерал-губернатора Западной Сибири Густава Христиановича Гасфорда. Итак, мусульманин по рождению (как он на самом деле относился к исламу, мы увидим чуть позже), Валиханов начинает работать у немца-лютеранина Гасфорда, уроженца Польши, происходившего из вестфальских дворян. Оба русские офицеры. Вот примерно это, как мне видится, и составляет основу Российской империи, как бы она ни называлась – СССР или Российская Федерация. Принятие к себе всех и каждого, кто готов разделять ценности Русского мира, кто готов защищать страну и жить с ней одной судьбой. Русский – это все же больше дух, нежели кровь. Был ли русским героически погибший на Персидской войне француз по происхождению и русский офицер Монтрезор? Симонич? Виткевич? Бенкендорф? Чокан Валиханов точно был глубоко преданным России человеком. Более русским, чем многие русские чиновники того и нынешнего времени.

В качестве адъютанта он составлял и отправлял письма от имени генерал-губернатора, а также исполнял работу историографа Западно-Сибирской области. То есть он получил доступ в Омский архив, и там он погрузился в изучение истории, географии и экономики азиатских стран. В 1855 году Валиханов совершил несколько поездок. Он побывал в туркестанском Семиречье, в Кокандском ханстве, составил о поездках подробные отчеты. Одновременно с этим он занимался исследованием истории казахского народа, составил родословную казахов, где сопоставил сведения из восточных писаний, русских летописей и казахских народных преданий. В 1856 году, на втором году службы, Валиханову досрочно присвоили чин поручика.

Весной этого года его отправили за реку Или – надо было разобрать споры между родами Старшего жуза и противоречия между киргизскими родами Бугу и Сарыбагыш. В этой поездке Чокан Валиханов впервые услышал отрывки киргизской легенды про великого богатыря Манаса. И, наверное, мало кто сейчас знает, что первую частичную запись эпоса Манас составил как раз молодой офицер. Во время этой же поездки Валиханов побывал впервые и в Китайском Туркестане, в Кульдже. Главной его задачей было налаживание торговых отношений России с Китаем. Это, напомним, было за четыре года до подписания Пекинского трактата. На обратном пути офицер заехал к другу в Семипалатинск и там познакомился с известным русским географом и путешественником Петром Петровичем Семеновым, который тогда исследовал горную систему Тянь-Шань. В 1906 году императорским указом за заслуги в открытии и первом исследовании горной страны Тянь-Шань путешественнику к его фамилии добавят приставку Тянь-Шанский. А тогда, поздней осенью 1856 года, Петр Петрович и Чокан Валиханов впервые обсудили возможную секретную поездку в Кашгарию, самое неизведанное и таинственное место Восточного Туркестана. 21 февраля 1857 года, по рекомендации Семенова, Валиханова избрали действительным членом Русского географического общества.

Кашгар, или Каши, – столица Кашгарии, сердце древнего Уйгурского государства. Этот район Синьцзяна (Восточного Туркестана) был наиболее труднодоступным для европейцев. Да и Китай-то захватил Кашгарию только в 1760 году, после разгрома Джунгарского ханства. К этому району присматривались и Россия, и Великобритания. Экспедицию туда Главное управление Генштаба Российской армии стало готовить по заданию Александра II.

За год до этого в Кашгаре произошло народное восстание против китайцев. Напомним, жители Синьцзяна по национальности уйгуры и мусульмане по вероисповеданию. Восстание было быстро подавлено. Но русским властям надо было получить точную информацию, что происходит в Кашгаре, потому что обстановка там влияла на всю торговлю в Западном Китае. В начале восстания директор Азиатского департамента Егор Петрович Ковалевский замечал в записке «О положении дел в Кашгаре и наши к нему отношения», что Кашгар занимает крайне важное положение «между Китаем, Индией, Афганистаном и Кокандом и кочевьями русскоподданных дикокаменных киргизов». Военные были согласны

– положение стратегически важное, что происходит там, знать надо точно. Может, там уже англичане готовят аннексию территории.

Тогда Военное министерство и МИД империи приняли решение: командировать в Кашгар подготовленного офицера для сбора сведений о положении на местах. Дополнительно было решено усилить русские отряды на кашгарской границе, если это будет признано необходимым генерал-губернатором Западной Сибири Гасфордом. А если в Кашгаре будет полностью восстановлена власть прежней династии, не зависимой от правительства Китая, и ее представители обратятся за содействием к генерал-губернатору Западной Сибири, то он должен будет, «не отвергая их просьбы и приняв благосклонно посланцев новой власти в Кашгаре», запросить инструкций правительства.

Военный министр Николай Онуфриевич Сухозанет написал Гасфорду, что уже давно в Кашгаре Россия хотела бы учредить факторию и, возможно, именно сейчас настал удачный момент. *«Ныне нельзя не воспользоваться тем положением, в котором находится Кашгар в отношении к Китаю, а потому правительство наше решилось опять возобновить старание свое к учреждению хотя бы некоторых сношений с названной провинцией»*^[196].

Гасфорд, как человек немецкого склада ума, поначалу не понял, что от него хотят. Собрал войска на границе и написал в столицу послание, несколько напугавшее царя и министров. «При настоящем затруднительном положении китайского правительства, можно с большой вероятностью ожидать отторжения Кашгарии, но для упрочения самостоятельности этого владения необходимо, чтобы содействие другой державы было оказано оному вовремя, ибо иначе существование его не может быть продолжительным при значительной несоразмерности сил Кашгарии силам, которые огромная Китайская Империя... может противопоставить для установления там своего владычества».

Гасфорд считал, что нужно «усилить военные способы наши в Заилийском крае для поддержания... независимости Кашгарии по восстановлении прежней мусульманской династии». Излагая план сосредоточения войск на границе, генерал просил Военное министерство поскорее утвердить план кампании, чтобы он смог начать подготовку. Военный министр осадил не в меру ретивого генерала, написав: «По крайней мере в скором времени сего ожидать невозможно, тем более, что сношения с Китаем не перестают быть миролюбивыми». Если кратко, то повоювать русскому немцу не дали.

Сухозанет писал ему, что «даже содействие материальными средствами предполагалось оказать в таком только случае, если бы в Кашгаре восстановлена была прежняя династия, не зависящая более от китайского правительства. Эти указания вели к тому заключению, что следовало всеми мерами избегать расходов для снаряжения экспедиции, которая едва ли теперь состоится, тем более, что из полученных нами сведений видно, что потомки прежних владельцев кашгарских испытали неудачу...»^[197].

Но вот как раз тогда и решили отправить в регион «опытного и надежного офицера» для глубокого изучения обстановки на месте. «Поручение было опасное, и для исполнения оно нужен был человек с большой решительностью, с наблюдательным умом и притом такой, который бы знал татарский язык и восточные приемы, так как приходилось ехать переодетым в азиатское платье»^[198].

Выбор пал на Валиханова не случайно. Его рекомендовали многие: и Гасфорд, и Семенов, и офицеры Омской пограничной службы. Главное же, что учитывали при выборе, – национальность офицера. Кашгария давно была закрыта для посещения европейцами. После знаменитого итальянского путешественника Марко Поло (есть, кстати, сомнения, что он действительно путешествовал, а не сочинил свою книгу) там побывал только португальский иезуит Бенедикт Гоэс. Были, правда, еще две попытки, но считать их удачными не приходится. Вот как сам Валиханов писал об этом:

«В конце 1858 года мне удалось с кокандским караваном, в качестве кокандского купца, проникнуть в Кашгар, в котором, после знаменитого Марко Поло (1272) и иезуита Гоеса (1603), были только два европейца: немец, офицер ост-индской службы, неизвестный по фамилии, после которого сохранился чрезвычайно любопытный маршрут и записка о его путешествии, и ученый пруссак Адольф Шлагинтвейт. Первый из них был бит в Кашгаре бамбуками так больно, что два дня не мог садиться на лошадь, второму же отсечена голова и поставлена на башню, сооруженную из человеческих голов.

Кашгар принадлежит к числу окружных городов в китайской провинции Нань-Лу (южной линии) и пользуется, можно сказать, со времен Птолемея большою караванною известностью, особенно по своей обширной торговле чаем. Кашгар для Азии имеет такое же значение, как Кяхта для нас, Шанхай и Кантон для других европейцев. Кроме того, город этот славится на Востоке

обаятельными прелестями своих «чаукенов», молодых женщин, на которых каждый приезжий может жениться, нисколько не стесняясь, на известный срок или на время своего пребывания. Кашгар славится также своими музыкантами, танцовщиками и лучшим в мире янысарским хашишом (то есть гашишем. Именно за наркотиками ехали в Кашгар купцы и контрабандисты из многих стран. – Прим. авт.). Благодаря этой славе Кашгар служит местом, куда стекаются азиатские купцы со всех концов своего материка. Здесь можно видеть тибетца с персиянином, индуса с волжским татаринном, афганов, армян, жидов, цыган (мультиани и лулу) и одного нашего соотечественника, беглого сибирского казака».

Так как любой европеец, оказавшийся в Кашгаре, мог разделить судьбу немецкого путешественника, то, конечно, лишь Чокана Чингисовича могли выбрать для выполнения секретной миссии. В июне 1858 года, когда он отправился в путь, ему было всего 22 года. Обычное дело для Большой Игры – мальчишка, юный офицер, отправляется в путь, потому что так нужно его стране. По легенде, Валиханов превратился в купца Алимбая, и в Кашгар он шел с караваном другого купца. За полтора месяца они дошли до верховий реки Или, месяц торговали там с киргизами, при переходе к китайской границе, через заснеженные перевалы Тянь-Шаня, погибла большая часть верблюдов, несколько раз пришлось отбиваться от нападений разбойников. При входе в Кашгар караван по приказу китайских властей обыскали, товары переписали, с каждым купцом поговорили отдельно.

В Кашгаре уже распространились слухи о поездке переодетого русского офицера. И каждого приезжего проверяли с особым пристрастием. Но у Валиханова не возникло проблем с тем, чтобы доказать, что он свой, мусульманин, а не какой-то там русский. И 1 октября 1858 года караван вступил в Кашгар. Но и тут всех купцов снова принялись допрашивать, спрашивали о пути следования и составе каравана. Спрашивали, что везут и кто контрагент. Валиханов вел себя как заправский купец, торговался, ругался, веселился – и собирал нужную информацию. Впервые со времен Мехди Рафаилова в Кашгаре оказался российский разведчик. Валиханов в Кашгарии прожил полгода. Он перезнакомился со всей местной знатью, с учеными, теологами. Разведчик писал:

«Что касается до моих действий, то я во время пребывания в Кашгаре старался всеми мерами собрать возможно (более) точные

сведения о крае, особенно о политическом состоянии Малой Бухарии (то есть Восточного Туркестана. – Прим. авт.), для чего заводил знакомства с лицами всех наций, сословий и партий, и сведения, полученные от одного, сверял с показаниями другого; сверх того я имел случай приобрести несколько исторических книг, относящихся к периоду владычества ходжей, и пользовался дружбой ученых ахундов... Имея постоянные и короткие сношения с кокандцами, я получил много данных о состоянии этого ханства и особенно о последних событиях, имевших последствием падение хана Худояра»^[199].

Он оставил удивительно интересные сведения о жизни этого закрытого региона, который сами кашгарцы называли Алтышахар – Шесть городов. Это нынешние Аксу, Жанашар, Кашгар, Хотан, Кушар в Китае и город Жаркент (тогда его называли Яркенд) на территории Казахстана. Например, он писал о местных традициях и нравах, о том, что кашгарцы совершенно легко позволяют себе разного рода запрещенные исламом излишества.

«Замечательно также одно уклонение от мусульманских обычаев – это временные браки; тем более замечательно, что кашгарцы сунниты ханифического учения, которым временные браки не позволены.

Временные браки господствуют в области Шести городов, которые посещаются иностранцами, а на востоке от Кучи обычай этот вывелся, потому что они не посещаются иностранными караванами. Условие этих браков немногосложно: от мужа требуется одевать и кормить свою жену. В Хотане для того, чтобы приобрести жену, нужно сделать расходы на 1 руб. 50 коп. серебром на наши деньги. В Яркенде есть особенный базар, где можно встретить женщин, ищущих замужества, и заключить условие; в Аксу и Турфане дороже.

Магомет, исключив женщин из общества и запретив вино, думал гарантировать нравственность своей паствы, но из этого источника проистек разврат гораздо сильнейший. Мусульмане вино заменили опьяняющими курениями и экстрактами, которые действуют более разрушительно, чем вино.

Среднеазиатцы для того, чтобы подгулять, употребляют хашиш, опиум и кокнар, сок из нарезанных маковых головок. Люди, подверженные страсти к употреблению этих вещей, составляют многочисленное бесполезное сословие – бэнги.

Губительная страсть к одуряющим экстрактам соединяется с физическим расслаблением и особенного рода сумасшествием. Бэнги из низкого сословия делают для прокормления себя дервишами и живут подаянием. В Кашгаре чрезвычайно много записных бэнги, и весь простой народ употребляет хашиш. Чиновники, подражая китайцам, пьют вино и курят опиум по китайскому способу. Употребление вина и бузы в Кашгаре не преследуется правительством.

Китайцы содержат питейные лавочки, а вне города в нескольких местах устроены заводы для приготовления бузы. Таверны с бузой постоянно полны посетителями. Иностранцы, живущие в Кашгаре, пользуясь свободой местных нравов, необузданно предаются разврату, потому что для них, привыкших к постоянному страху деспотического абсолютизма своих владетелей, вино и женщины имеют особенную заманчивость».

В советской исторической научной и художественной литературе обычно было принято судьбу Валиханова описывать как печальную и даже трагическую. Не оцененный. Не признанный. Униженный чванством царских чиновников. Что, конечно, неправда. Да, по возвращении домой из Кашгарии он тяжело заболел. Сказались и усталость, и нервное напряжение – шутка ли, полгода жить там, где в случае разоблачения твоей головой украсят пирамиду из других отрубленных голов. И не стоит думать, что было Валиханову очень легко, раз он знал восточные языки с рождения. Потому что он уже привык говорить, писать и думать по-русски. Он долго хворал, но в начале 1860 года его вызвали в столицу по приказу Сухозанета. Его встречали торжественно, как офицера, героя и путешественника. По личному распоряжению императора Александра он был награжден орденом Святого Владимира, повышен в чине до штабс-ротмистра и оставлен служить в Генеральном штабе, где он составлял и редактировал карты Средней Азии и Восточного Туркестана, а также в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел.

Валиханов в это время проявил себя как великий ученый-востоковед. Он первым в мире ввел в научный оборот кашгарские рукописи «Тазкира-йи Богра хан», «Тазкира-йи ходжаган». Он общался со столичной интеллектуальной элитой – дипломатами, публицистами, учеными, встречался с Достоевским, среди его петербургских друзей были поэты Майков и Полонский. Это общество, конечно, повлияло на его мировоззрение, Валиханов был,

как сейчас сказали бы, сторонником либеральных ценностей. Хотя при этом и патриотом России. Тогда и такое было возможно. Он, по одной из версий, даже сотрудничал с Герценом, и во всяком случае на страницах «Колокола» публиковались статьи о казахской степи, автором которых предположительно был Валиханов.

Он был вынужден покинуть столицу – климат плохо влиял на его здоровье. Попытался участвовать в выборах на должность старшего султана Атбасарского округа, но омские власти отклонили кандидатуру Валиханова. В годы СССР обычно писали, что причиной была боязнь чиновников, что такой образованный султан-правитель станет слишком влиятельным в степи. Возможно, и так, но, видимо, была и еще одна причина – многие знали, что Валиханов в столице общался с членами общества «Земля и воля» и других околореволюционных кружков. Впрочем, он не обиделся и продолжил работать в аппарате губернатора. В это время он пишет несколько работ, среди них «Записка о судебной реформе» и «О мусульманах в Степи». Последняя работа заслуживает особого внимания. Там Чокан Валиханов очень точно определил, словно заглянув на полтора века вперед, опасность радикализации ислама в Центральной Азии. Это как раз то, с чем сегодня столкнулись правительства азиатских государств. И России, кстати, тоже. Причем к исламу мусульманин по происхождению Валиханов относился довольно критически и скептически, видя в нем опасный потенциал. Видя в нем содержание, которое при определенных условиях может оказаться взрывоопасным. Порой буквально.

«Мусульманство пока не въелось в нашу плоть и кровь. Оно грозит нам разъединением народа в будущем. Между киргизами еще много таких, которые не знают и имени Магомета, и наши шаманы во многих местах Степи еще не утратили своего значения. У нас в Степи теперь период двоеверия, как было на Руси во времена преподобного Нестора. Наши книжники так же энергически, как книжники Древней Руси, преследуют свою народную старину. Наши предания, эпосы, юридические и судебные обычаи они заклеямили позорным именем войлочной книги [киіз-кітап; по казахскому преданию, раньше существовали старинные тексты, писанные на войлоке], а наши языческие обряды, игры и торжества они называют не иначе как бесовскими. Под влиянием татарских мулл, среднеазиатских ишанов и своих прозелитов нового учения народность наша все более и более принимает общемусульманский тип. Некоторые султаны и богатые киргизы запирают жен своих в

отдельные юрты, как в гарем. Набожные киргизы начинают ездить в Мекку, а бояны наши вместо народных былин поют мусульманские апокрифы, переложенные в народные стихи. Вообще, киргизскому народу предстоит гибельная перспектива достигнуть европейской цивилизации не иначе, как пройдя через татарский период, как русские прошли через период византийский.

Как ни гадка византийщина, но она все-таки ввела христианство, элемент бесспорно просветительный. Что же может ожидать свежая и восприимчивая киргизская народность от татарского просвещения, кроме мертвой схоластики, способной только тормозить развитие мысли и чувств. Мы должны во что бы то ни стало обойти татарский период, и правительство должно нам в этом помочь. Для него это так же обязательно, как для нас спасение утопающих. Для совершения этого человеколюбивого дела на первый раз следует только снять покровительство над муллами и над идеями ислама и учредить в округах вместо татарских школ русские. Затем реакция обнаружится сама собою.

Ислам не может помогать русскому и всякому другому христианскому правительству, на преданность татарского продажного духовенства рассчитывать нельзя. Факт этот становится соблазнительно ясным, если принять во внимание отложение крымских татар во время кампании 1854 года (Валиханов имеет в виду попытку Англии и Османской империи воссоздать Крымское ханство во время Крымской войны с помощью части крымско-татарской элиты. Это к вопросу о том, чего на само деле добивался Запад во время той войны. То есть дело было не только и не столько в Крыме, а во влиянии России во всем Черноморском и Средиземноморском регионе. – Прим. авт.).

Нет никакого сомнения, что причиною отчуждения татар от русских и причиною всех плачевных явлений был магометанский пуританизм, другой причины не могло быть.

Мы далеки от того, чтобы советовать русскому правительству вводить в Степь христианство каким бы то ни было энергическим путем, точно так же не предлагаем ему преследовать ислам; подобные крутые меры ведут всегда к противным результатам.

Гонение придает преследуемой вере, как замечено не раз, еще больше энергии и жизненности. Русский раскол представляет в этом отношении поучительный пример. Но мы просим и требуем, чтобы правительство не покровительствовало религии,

враждебной всякому знанию, и не вводило бы насильственно в Степь теологических законов, основанных на страхе и побоях. необходимо принять теперь же по примеру оренбургского начальства систематические меры, чтобы остановить дальнейшее развитие ислама между киргизами нашей области и чтобы ослабить, а если можно, совершенно устранить вредное влияние татарских мулл и среднеазиатских святошей»^[200].

В разгар войны против Кокандского ханства Чокан Валиханов в чине штабс-ротмистра служил переводчиком, но во время взятия крепости Аулие-Ата в 1864 году русские войска после штурма допустили излишнюю жесткость в отношении мирного населения. Обычно отечественные историки стараются не упоминать подобные моменты, что выглядит странно. А между тем и в нашей военной истории есть такие позорные эпизоды. Причем во время Туркестанских походов их было немало. То есть это было не общей практикой, а скорее исключением, но, тем не менее, это было. Хотя стоит признать, что поведение русских солдат по отношению к пленным или мирному населению было результатом жестокости кочевников по отношению к пленным русским. Такие примеры есть в рассказах очевидцев, русских офицеров, например Алиханова-Аварского, Верещагина. Расправа военных над мирным населением крепости Аулие-Ата Валиханова настолько шокировала, настолько не соответствовала его представлениям о том, что такое честь русского мундира, что после нескольких споров и конфликтов с начальством он подал в отставку и вернулся в Верный.

Правда, это лишь одна из версий. Ее очень любили в годы СССР, потому что она укладывалась в идеологическую картину – Валиханов бунтарь, которого не любил царский режим. По другой версии, больше похожей на правду, Валиханову просто была поручена новая разведывательная миссия. Вероятно, лучший на тот момент разведчик империи по решению Азиатского департамента МИД был переброшен к китайской границе, потому что в Восточном Туркестане началось уйгуро-дунганское восстание. Точнее, первые столкновения уйгур и дунган (это национальность, также населяющая Китай и Среднюю Азию, по вероисповеданию мусульмане) начались еще в 1862 году, когда дунганские повстанцы осадили столицу провинции Шеньси в Центральном Китае. В 1864 году оно перекинулось на Синьцзян, где китайцы устроили резню нелояльных дунган в Кашгаре, и тогда среди мусульман поползли слухи, что китайские власти собираются устроить то же самое по

всему региону. Тогда солдаты и офицеры гарнизонов в Урумчи, Куче, Кульдже, Яркенде восстали. К концу 1864 года отряды повстанцев овладели большей частью Синьцзяна. А в 1865 году там оказались посланцы Кокандского ханства, которые прибыли поддержать восставших. Вот в этих условиях Валиханов оказался на китайской границе.

Но застарелая болезнь снова дала о себе знать, и зимой 1865 года он поехал к родственникам в далекий аул в горах Алтын-Эмеля. Он женился на девушке из знатного рода, но в апреле 1865 года умер от чахотки. При этом он оставался офицером Генерального штаба и сотрудником Азиатского департамента. И конечно, он не был никакой трагической фигурой. Он при жизни был признанным ученым-ориенталистом, многие отмечали его литературный талант, более того, он считался прекрасным офицером среди русского генералитета. В 1867 году, когда уже возник новый Туркестанский военный округ, его генерал-губернатор Константин Петрович фон Кауфман выделил деньги из казны на строительство мавзолея на могиле Валиханова. Когда рабочие разворовали деньги и ничего не сделали, военный губернатор Семиречья Герасим Алексеевич Колпаковский приказал жестоко выпороть подрядчиков, а уж Кауфман отправил их в ссылку. Колпаковский, стоит заметить, был другом Валиханова и считал его образцовым офицером. Новый монумент на могиле Валиханова построили при содействии архитектора Павла Матвеевича Зенкова. Плиту для памятника заказали в Екатеринбурге, привезли обозом через Омск. Кауфман лично контролировал постройку памятника, постоянно напоминая местным чиновникам, что он дело держит на контроле.

Но это было уже потом, после покорения Туркестана, а началось оно почти сразу после того, как все три экспедиции – персидская, китайская и кашгарская вернулись в Россию, и после того, как Игнатьев заключил Пекинский договор. Русский военный историк Антон Керсновский в своем четырехтомном труде «История Русской армии» писал:

«Наша дипломатия осознала огромную политическую выгоду туркестанских походов, приближавших нас к Индии. Враждебное к нам отношение Англии со времени Восточной войны и особенно с 1863 года (имеется в виду польское восстание 1863 года, которое Англия пыталась использовать как средство ослабления позиций Российской империи, когда Россия и Британия оказались на грани войны. – Прим. авт.) определило всю русскую политику в Средней

Азии. Наше продвижение с киргизских степей к афганским ущельям являлось замечательным орудием политического давления – орудием, ставшим бы неотразимым в руках более смелых и искусных, чем были руки дипломатии Александра II»^[201].

Закрепление России в Средней Азии началось еще, как уже говорилось, до Крымской войны. В 1845 году Оренбургская линия была выдвинута вперед, были построены новые укрепления, в 1847 году русские войска достигли Аральского моря, где появилась военная флотилия. В местечке Раим, которое позже станет городом Аральском, выстроили порт и спустили на воду две парусные шхуны «Николай» и «Константин». На них капитан Алексей Иванович Бутаков обследовал море, а в 1853 году в Аральске собрали два парохода «Перовский» и «Обручев». Первый был вооружен пятью 10-фунтовыми медными пушками, второй – двумя 6-фунтовыми медными пушками. Вот как раз на пароходе «Перовский» Бутаков вез в Хиву посольство Николая Игнатьева в 1858 году.

С 1850 года от Сибирской линии началось выдвижение в степь казачьих станиц, которые закрепляли за русскими Семиречье. Напомним и еще одно событие, о котором уже говорилось в книге. В мае 1853 года губернатор Оренбурга Перовский взял штурмом самую крупную крепость Кокандского ханства Ак-Мечеть. 5000 человек, 36 орудий, пять дней боев, 11 офицеров и 164 нижних чина погибших. Причем осада велась в том числе и при помощи парохода. Кокандский гарнизон был полностью уничтожен. Хотя Перовский предлагал сдаться, отправив перед началом штурма с пленным кокандцем такое письмо:

«По приказанию государя моего императора всероссийского, пришел я взять Ак-Мечеть, построенную кокандцами на русской земле, для притеснения киргиз, наших подданных. Ак-Мечеть уже взята, хотя вы и сидите в ней. Вы видите, что я, не теряя моих людей, могу истребить вас всех до единого. Русские пришли сюда не на день и не на год, а на вечные времена; назад они не пойдут. Хотите остаться живы – просите пощады; хотите умереть в Ак-Мечети – и это в вашей воле; мне не к спеху; я вас не тороплю, но повторяю: пришел сюда не сражаться, а бить, куда не отворите ворота. Все это сказал бы вам в первый день моего прибытия, когда я подъезжал без оружия к стенам крепости, если бы вы не стали стрелять в меня предательским образом, а это не делается между честными воинами»^[202].

Кокандский хан приказал крепость вернуть любой ценой. В неравном бою 18 декабря того же 1853 года русский гарнизон под предводительством подполковника Огарева, состоявший из 1055 человек, отбил атаку 12 000 кокандцев. Русские перешли в контратаку и, потеряв 62 человека, обратили врагов в бегство. Ак-Мечеть была переименован в форт Перовский (сейчас это город Кызылорда в Казахстане). Форт Перовский стал главным опорным пунктом новой оборонительной Сырдарьинской линии. Она соединялась линией укреплений с Оренбургской линией. В 1854 году было заложено военное укрепление Верное, впоследствии город Верный, нынешний город Алма-Ата. И здесь было неизбежно столкновение русских интересов с интересами Кокандского ханства. Там не признавали русских договоров с казахами и киргизами о вхождении их в русское подданство и продолжали требовать с киргизов дань, угонять у них скот.

Еще в 1810 году Кокандским ханством был завоеван Ташкент, в 1819-м – город Туркестан, затем Чимкент, после чего кокандцы подошли вплотную к границам Семиречья. Затем кокандцы захватили и укрепили крепости Пишпек и Токмак, подчинив себе ряд родов Средней и Большой киргизской орды. Причем тогда всем русским военным чиновникам в Омске или Оренбурге было понятно, что совершенно не случайно кокандцы вооружены английскими ружьями. То есть причиной этого было не только то, что кокандские купцы активно торговали с Британской Индией.

К этому времени опорными пунктами русского присутствия в регионе были Перовский на западе и Верный на востоке. Один был связан линией укреплений с Оренбургом, другой с Омском. Между Перовским и Верным было примерно 900 километров открытой степи, этакая дыра в границе, в которую то и дело прорывались кокандцы или туркмены, нападая на присягнувших России киргизов. Опорной линией Коканда были крепости Азрек, Чимкент, Аулие-Ата, Пишпек и Токмак. В 1856 году, сразу после Крымской войны, русское правительство поставило принципиальную задачу – соединить Сырдарьинскую и Сибирскую линии. Можно считать, что в этот момент как раз и было решено: Российская империя будет распространять влияние на Среднюю Азию. Или же – и это ясно понимали в Петербурге – это сделает Англия, а набеги на русских подданных будут продолжаться. Из сочинений русского военного историка:

«Оренбургская степь представляла в это время театр полного беспорядка – там бесчинствовал известный разбойник Исет-Кутебаров. Неуловимый, дерзкий, он покорился только тогда, когда мы сами отказались от надежды захватить его и даровали амнистию.

Восточная война (Крымская война. – Прим. авт.) задержала несколько выполнение плана соединения границ оренбургской и сибирской; вопрос этот возник снова только в 1859 году. Приготовления к экспедиции взволновали кокандцев, которые, сосредоточив, по совету английских эмиссаров, подбивавших их объявить священную войну – газават, – значительные скопища у Пишпека, перешли в наступление и напали на наше укрепление Кастек (9-го июля 1860 года); нападение было отбито, но возможность его повторения и дальнейших вторжений в наши пределы кокандцев заставила нас поспешить занятием верховьев реки Чу»^[203].

На самом деле и сил у русских в регионе было немного. 11 оренбургских линейных батальонов, плюс подразделения уральских и оренбургских казаков, 12 западносибирских линейных батальонов и отряды казаков Сибирского войска. Так что операция по соединению линий началась как раз после нападения кокандцев в 1860 году. Тогда начальником Заилийского края был подполковник Герасим Алексеевич Колпаковский. В конце лета двадцатидвухтысячная армия кокандского хана выдвинулась, чтобы уничтожить Верный, поднять киргизов на восстание и сжечь все русские поселки Семиречья. Колпаковский смог собрать в Верном всего 2 тысячи казаков и линейцев – то есть солдат и офицеров с оборонительной линии. Но он двинулся на врага и в трехдневном бою на реке Кара-Костек наголову разбил кокандцев. Этим блестящим делом Сибирская линия была защищена от неприятельских покушений. Одновременно отряд полковника Аполлона Эрнестовича Циммермана разгромил гарнизоны крепостей Токмак и Пишпек. Военный министр отправляет губернатору Сибири Гасфорду восторженное письмо:

«Милостивый государь Густав Христианович!

Донесения и письма Ваши о ходе экспедиции, завершённой падением коканских крепостей Токмака и Пишпека, я имел счастье повергать на Высочайшее воззрение Государя Императора, и Его Величество, выслушав о подвигах вверенных Вашему Высокопревосходительству войск и соблаговолив выразить свое

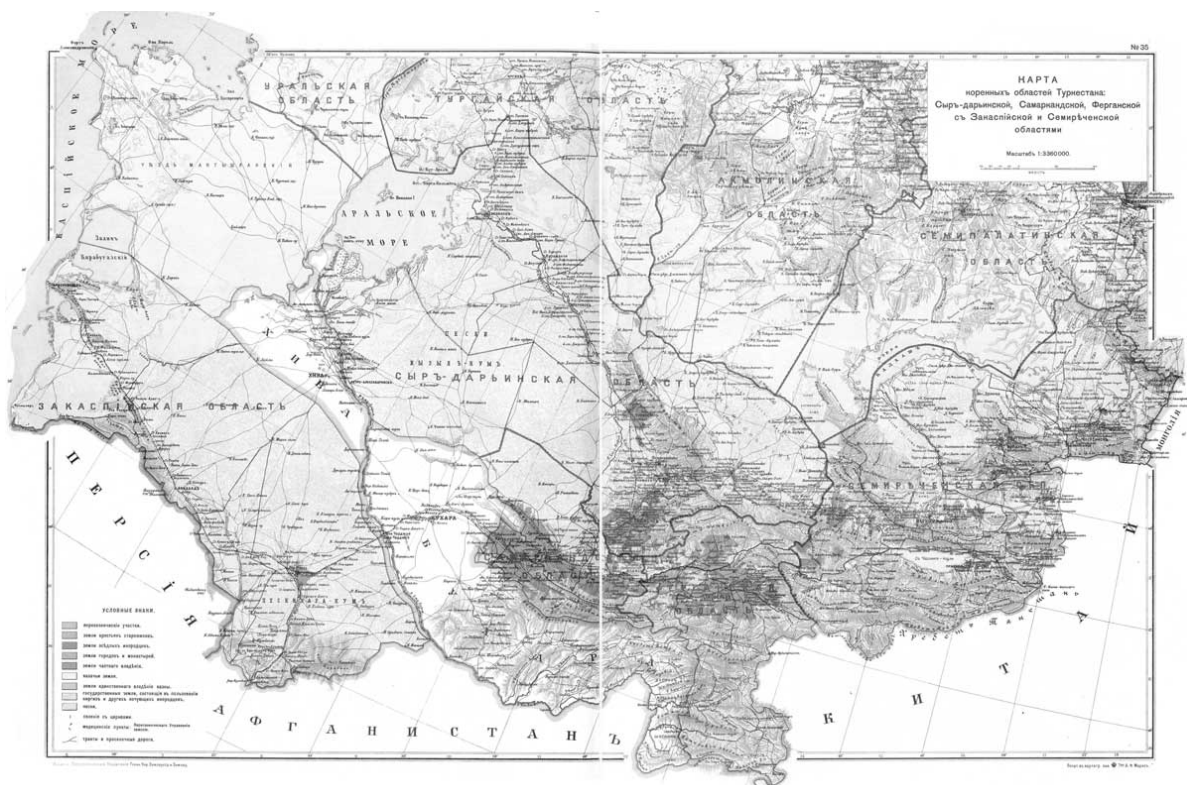
монаршее удовольствие, соизволил Всемилостивейше повелеть за взятие Токмака объявить Высочайшее благоволение Генерального штаба полковнику Циммерману и всем начальствовавшим лицам отряда. Независимо от сего за взятие Пишпека Государь Император повелел произвести полковника Циммермана в генерал-майоры, со старшинством со дня взятия Пишпека, с 4-го сентября; о награждении же его орденом Св. Георгия 3-й степени повсеместно внести в главную кавалерскую думу сего Ордена.

Всем чинам Заилийского отряда Его Императорское Величество объявляет свое монаршее благоволение в особенности же генерал-майору Циммерману и всем упоминаемым в донесении штаб- и обер-офицерам. Нижним чинам отряда Государь Император соизволил пожаловать по 2 руб. серебра на человека».

В 1862 году уже генерал Колпаковский взял крепость Мерке и повторно взял Пишпек. Причем в его штурме принимали участие и сами киргизы, подданные империи. Историк Керсновский замечал:

«К этому времени относится изменение нашего взгляда на значение среднеазиатских завоеваний. Прежде мы считали продвижение на юг делом внутренней политики и задачу видели в обеспечении степных границ. Теперь же наша среднеазиатская политика стала приобретать великодержавный характер. Раньше в глубь материка нас тянул лишь тяжелый рок. Теперь же обращенным на юг взорам Двуглавого Орла стала угадываться синеватая дымка Памира, снежные облака Гималайских вершин и скрытые за ними долины Индостана... Заветная мечта окрылила два поколения туркестанских командиров!»^[204].

Решено было как можно скорее начать соединение Сибирской и Сырдарьинской линий, не дожидаясь, пока Кокандское ханство нанесет ответный удар по русским владениям. Весной 1864 года два отряда вышли навстречу друг другу. Из Верного на запад двинулся полковник Михаил Черняев с 1500 бойцами и 4 орудиями, из Перовска на восток выступил полковник Николай Веревкин, в его отряде было 1200 человек и 10 орудий.

Карта Сибирской и Сырдарьинской линий

Надо сказать, что в этот поход вышла уже довольно обновленная русская армия. И серьезно подготовленная. В 1861 году новым военным министром стал Дмитрий Милютин, который вскоре начал реформу русской армии. Она, конечно, была проведена не за год и не за два. Реформа длилась почти полтора десятка лет. Были созданы военные округа, началось перевооружение, была введена всеобщая воинская повинность и система призыва резервистов, изменили систему боевой подготовки солдат, включив в обучение саперное дело и физическую подготовку. Для войны в Средней Азии была введена новая форма, та самая, которую можно видеть на картинах художника Верещагина. Такой формы не было больше нигде – ни на Кавказе, ни в Европейской части России. То, что выступившие в степь отряды Черняева и Вевекина были немногочисленны, не должно удивлять. Командиры понимали, что противник им на этот раз достался не самый умелый. Русские солдаты и офицеры, прошедшие Крымскую и Кавказскую войны, были отлично подготовлены к действиям в любых условиях, некоторые роты прошли боевое слаживание в реальных условиях.

Пройдя Пишпек, 4 июня Черняев взял штурмом крепость Аулие-Ата. Это после ее штурма Валиханов по одной из версий решил покинуть отряд Черняева. В июле отряд подошел к Чимкенту,

где отразил нападение 25-тысячного кокандского войска и был вынужден отойти, впрочем, то же самое сделали и кокандцы. Отряд Веревкина 12 июля взял крепость Туркестан. За эти победы оба офицера были произведены в генералы, и два отряда под объединенным командованием Черняева направились в начале сентября к Чимкенту. В отряде было восемь с половиной рот пехоты, 250 казаков, сотня конных стрелков, которые наряду с казаками выполняли функции фронтовой разведки, 9 орудий, 6 мортир и 4 ракетных станка. Еще с отрядом шли 1000 киргизских всадников-добровольцев.

19 сентября началась осада Чимкента, а 22 числа русские войска взяли город, с потерями: двое убитых, 17 раненых и 19 контуженых.

Решив закрепить успех, генерал Черняев двинулся к Ташкенту с отрядом в 1550 человек при 12 орудиях. 2 октября он попытался штурмовать город, по стенам был открыт огонь из орудий, офицерам показалось, что в стене пробита брешь, но когда войска двинулись к ней, выяснилось, что пролома нет, колонны попали под плотный огонь, потери превысили 20 человек. Отряд отступил к Чимкенту. Кокандский хан, понимая, что русские не остановятся, что временное отступление когда-то закончится, немедленно отправил своих послов в Индию, просить военной помощи у англичан. Но там они получили отказ. Британцам после восстания сипаев и Второй опиумной войны было не до Средней Азии. Не до Коканда тем более.

А в столице, в Петербурге, точно понимая, что именно сейчас позиции англичан ослаблены и они озадачены своими проблемами, принимали все новые и новые решения, конечной целью которых было овладение регионом. Установление над ним русского контроля. Так, впрочем, думали не все.

Как и сейчас, в правительстве имелись и «силовики», и «либералы». Категорическим противником продвижения в Среднюю Азию был министр финансов, автор всех либеральных экономических реформ в России Михаил Христофорович Рейтерн. Он говорил, что «стремиться к дальнейшим завоеваниям вместо того, чтобы развивать уже имеющиеся средства, – то же, что отказываться от существенного и гоняться за призраками». Не слишком поддерживал азиатскую экспансию и глава МИД канцлер Александр Горчаков. Он, с одной стороны, понимал, что контроль над Азией – это средство давления на Британию, но с другой, как человек немолодой – он был на 20 лет старше императора, –

Горчаков очень боялся разозлить англичан и спровоцировать новую войну. Хотя порой он действовал жестко, но многие историки считают, что Александр II практически заставлял его это делать. Считается также, что нерешительность Горчакова в итоге через много лет привела к провалу русской дипломатии на Берлинском конгрессе 1878 года. Но есть любопытный документ, записка, составленная им совместно с Милютиным и поданная на имя императора 20 ноября 1864 года. Позволю себе привести этот документ почти полностью. Попробуйте вчитаться внимательно. Не похоже, чтобы хотя бы один из его авторов был слабохарактерным политиком. Скорее оба были людьми рациональными и взвешенными.

«Первый шаг к упрочению русской власти в степи был сделан в 1822 году – введение между киргизами более правильного управления. Затем, в 30-х годах, для прекращения беспорядков между кочевыми племенами и для ограждения их от вторжений соседних ханств приступлено к постройке в степи нескольких укреплений. Таким образом, постепенно продвигаясь далее к югу, отыскивая рубеж, который мог бы служить естественной границей и прикрытием наших владений, к 1854 году мы достигли со стороны Западной Сибири до озера Иссык-Куль и р. Чу, со стороны же Оренбургского края заняли нижнюю часть течения Сырдарьи рядом укреплений.

С распространением наших владений мы вошли в ближайшее соприкосновение с среднеазиатскими ханствами: Хивой и Коканом, считавшими киргиз в числе своих подданных.

Из числа среднеазиатских ханств, Хива и Бухара, отделенные от наших пределов Кызыл-Кумскими песками, не представляют большой опасности, притом Хива слишком слаба, чтобы делать какие-либо неприязненные покушения, Бухара же связана с нами торговыми интересами.

Напротив того, Кокан издавна составляет для нас самого беспокойного соседа; с начала утверждения в степи все военные действия с нашей стороны предпринимались преимущественно для защиты наших киргиз от грабежей вторгающихся коканских шаек или для наказания сих последних за эти вторжения. Вместе с тем постоянные смуты и неурядицы в Кокане отнимали всякую возможность устроить отношение к этому ханству путем мирного соглашения и договоров с беспрестанно меняющимися коканскими правителями.

Оставаться в таком положении относительно ничтожного врага мы не можем. Было бы несовместно с достоинством Империи терпеть вблизи ее пределов постоянные смуты и неурядицы, отражающиеся грабежами подвластных ей племен, задерживающие как развитие азиатской ее торговли, так и введение между киргизами правильного гражданского устройства и заставляющие предпринимать дорогостоящие экспедиции.

Соединением линий и имелось в виду выйти из этого положения. Но затем остается определить, можем ли мы довольствоваться полученными результатами, или же должны стремиться к достижению каких-либо дальнейших видов.

Всякое новое завоевание, увеличивая протяжение наших границ, требует значительного усиления военных средств и расходов, между тем, как подобное расширение владений не только усиливает, а ослабляет Россию, доставляя взамен явного вреда лишь гадательную пользу.

Нам выгоднее остановиться на границах оседлого населения Средней Азии, нежели включать это население в число подданных Империи, принимая на себя новые заботы об устройстве их быта и ограждении их безопасности.

На основании вышеизложенных соображений, МИД и Военное министерство, по взаимном обсуждении системы будущих действий наших в Средней Азии пришли к заключению, что в настоящее время Россия может ограничиться достигнутыми результатами, отказываясь от дальнейшего наступления.

Мы должны, не вмешиваясь в распри и внутренние дела ханства, стараться поощрять торговые и дружественные сношения, если не с Коканом, то по крайней мере с Ташкентом, дав понять жителям, что их собственный интерес заставляет быть в мире с русскими. Но вместе с тем, посредством консулов или иных дипломатических агентов, которые при благоприятных обстоятельствах могут быть туда командированы или даже водворяемы, зорко следить за положением дел в ханствах, чтобы быть в состоянии своевременно принимать необходимые меры для подавления в самом начале всяких замыслов, противных нашим интересам; в случае же грабежей или нападений, не оставлять ни одно неприязненное действие без должного наказания, возмездия.

Настойчиво продолжая подобную систему действий, мы заставим уважать русское имя в степи и бояться силы русского оружия; но вместе с тем, отказываясь от завоеваний, не угрожая

постоянно существованию независимых владений, мы подготовим возможность мирных отношений к среднеазиатским ханствам, которые со временем, при вступлении их на путь цивилизации, могут быть скреплены и формальным договором.

Подписали князь А. Горчаков и Д. Милютин»^[205].

Интересно, что буквально в течение нескольких следующих дней из-под пера Горчакова вышел его циркуляр, адресованный, как принято говорить, зарубежным партнерам и разъясняющий позицию России и ее действия в Азии. А именно, Горчаков сравнивал положение России с положением Англии, и между строк послания явно читается: не вам нас учить, как и что нам делать на наших границах. Написано вежливо, конечно, но серьезно.

«Положение России в Средней Азии одинаково с положением всех образованных государств, которые приходят в соприкосновение с народами полудикими, бродячими, без твердой общественной организации. В подобном случае интересы безопасности границ и торговых сношений всегда требуют, чтобы более образованное государство имело известную власть над соседями, которых дикие и буйные нравы делают весьма неудобными. Оно начинает прежде всего с обуздания набегов и грабительств. Дабы положить им предел, оно бывает вынуждено привести соседние народцы к более или менее близкому подчинению. По достижении этого результата эти последние приобретают более спокойные привычки, но, в свою очередь, они подвергаются нападениям более отдаленных племен. Государство обязано защищать их от этих грабительств и наказывать тех, кто их совершает. Отсюда необходимость далеких, продолжительнейших, периодических экспедиций против врага, которого общественное устройство делает неуловимым. Если государство ограничится наказанием хищников и потом удалится, то урок скоро забудется; удаление будет приписано слабости: азиатские народы, по преимуществу, уважают только видимую и осязательную силу; нравственная сила ума и интересов образования еще нисколько не действует на них. Поэтому работа должна начинаться постоянно снова. Чтобы быстро прекратить эти беспрестанные беспорядки, устраивают среди враждебного населения несколько укрепленных пунктов; над ним проявляют власть, которая мало-помалу приводит его к более или менее насильственному подчинению. Но за этою второю миссиею другие, еще более отдаленные народы скоро начинают представлять такие же опасности и вызывать те же меры обуздания. Таким образом,

государство должно решиться на что-нибудь одно: или отказаться от этой непрерывной работы и обречь свои границы на постоянные неурядицы, делающие невозможным здесь благосостояние, безопасность и просвещение, или же все более и более подвигаться в глубь диких стран, где расстояния с каждым сделанным шагом увеличивают затруднения и тягости, которым оно подвергается. Такова была участь всех государств, поставленных в те же условия. Соединенные Штаты в Америке, Франция в Африке, Голландия в своих колониях, Англия в Ост-Индии – все неизбежно увлекались на путь движения вперед, в котором менее честолюбия, чем крайней необходимости, и где величайшая трудность состоит в умении остановиться»^[206].

М. Н. Муравьевъ.

Михаил Николаевич Муравьев-Виленский

А вот как раз условную группировку «силовики» в правительстве составляли собственно министр Дмитрий Милютин, граф Николай Муравьев, действующий генерал-губернатор Восточной Сибири, князь Александр Барятинский, генерал-губернатор Кавказа, таким же ястребом, уверенным, что движение в Азию необходимо хотя бы для того, чтобы иметь возможность давить на англичан, был и граф Михаил Николаевич Муравьев-Виленский. Тот самый, что за успешное подавление польского восстания 1863 года получил у отечественных либералов прозвище «Муравьев-вешатель». В своей «Записке о русской политике в Средней Азии» он размышлял:

«Сильнейшая соперница, постоянно противоборствующая влиянию нашему на Востоке, была и есть Англия. Не подчиняясь никакой политической отчетности, Англия с систематическим постоянством распространяет не только нравственное влияние, но и материальную власть и владычество свое на все части. Англия в то же самое время бдительно следит за ходом нашего нравственного влияния в Азии. Всякое политическое движение наше в Турции и Центральной Азии делается немедленно, с одной стороны, предметом дипломатических переговоров между министерствами, а с другой стороны, предметом политической деятельности английских агентов для парализования или уничтожения вовсе даже вновь народившегося влияния нашего. Исторические факты доказали нам, что для достижения сей последней цели их все средства подручны англичанам, и там, где недостаточно действует золото их, действуют заговоры, клевета, устрашение и мщение.

Политическая борьба наша с Англией была до сих пор тем затруднительнее и тем невыгоднее для России, что оружия в руках бойцов были неравные. Россия действовала уступчиво, не желая никаким дипломатическим действием навлечь на себя даже сомнения в принятии мер к противоборству английской политике и к поколебанию влияния Англии на владения, подчиненные ее власти.

Для агентов английских цель деятельности была раз навсегда начертана: “укрепление власти Англии в колониях и разрушение всякого другого постороннего влияния на дела Азии”. Англия воспользовалась уступчивостью русской политики».

Муравьев дальше делал очевидный, в общем-то, вывод. Сила Англии в колониях, и как раз там Россия может нанести главный удар, чтобы ослабить противника.

«Между всеми английскими колониями Индия, по выгоде, доставляемой Англии, занимает, без сомнения, первое место. Доходы с индейских владений составляют в год до 20 миллионов фунтов стерлингов, то есть слишком 120,000,000 руб. серебром.

Пользоваться всеми выгодами от индейской колонии своей Англия может только при спокойном владении сей колонией.

Всякое потрясение сего спокойного владения должно, очевидно, нанести вред не только колонии, но и метрополии.

В возможности влияния России на дела Индии не сомневается ни Англия и никто из лиц, ознакомившихся на месте с положением Индии и стран Центральной Азии. В возможности потрясения владычества англичан в Индии, при известности истинного положения тамошних дел, могут сомневаться одни поклонники английской политики в России. Вторжение русских войск в Индию было всегда пугалищем английского правительства. Нет сочинения об Индии, в котором не говорилось бы о походе русских в страну эту.

В настоящее время нам не предстоит покорение Индии и удержание оной за собою, при владычестве Англии над морями, предположение это есть химера, не подлежащая исполнению. Но иное дело потрясение владычества англичан в Индии.

Предприятие это, если оно исполнится с непоколебимою твердостью и в размере и с средствами, соответствующими важности цели, должно иметь последствием нанесение неисчислимого вреда Англии. С успешным потрясением владычества в Индии разрушится и все Англо-индейское царство, основанное более на нравственной, чем на материальной, силе».

Муравьев также полагал, что для давления на Англию, точнее, на ее индийские владения, Россия должна укрепиться не только в Средней Азии, но также в Персии и Афганистане. И кроме того, для более эффективного воздействия на ситуацию в регионе и возможного военного вмешательства русским дипломатам необходимо установить доверительные и тесные отношения с афганскими племенами и лидерами, чтобы иметь возможность пройти через территорию страны. Учитывая опыт первой Англо-афганской войны, Муравьев делал вывод, что катастрофа, которая постигла англичан, не является исключением. Любой завоеватель может оказаться в такой же ситуации, если разозлит воинственных афганцев.

Вообще после Крымской войны и событий 1863 года, когда Англия всячески поддерживала польских повстанцев, большая часть высшего русского офицерства одобряла любые действия, которые могли бы стать своего рода русским реваншем. Войны с Англией они не боялись, полагая, что рано или поздно она все равно случится, и тогда еще надо будет посмотреть, кто сильнее. То есть с середины 19 века Российская империя жила ожиданием войны с Британской империей. Русские купцы и крупные фабриканты тоже к покорению Азии относились по-разному. Одни были против, другие как раз-таки за, полагая, что это откроет для них новые рынки или позволит работать в новых условиях. Генералы понимали и убеждали в этом Александра II, что после дорогостоящих войн с Афганистаном, Россией, Персией и Китаем, а также подавления восстания сипаев у Британии просто нет сил и средств противостоять России в Азии. И были во многом правы.

Так что циркуляр Горчакова, весьма вероятно, писался, когда военное руководство империи уже понимало, что движение дальше на юг неизбежно. И пусть даже Милютин вместе с Горчаковым писали царю сдержанные записки, это тоже было скорее всего аппаратной игрой. Дескать, пусть пишет канцлер, что хочет, мы все равно поступим так, как считаем нужным. В декабре 1864 года, пока в столице шли подковырные игры, в Азии установилось некоторое затишье. Черняев после неудачного штурма Ташкента активных действий не предпринимал. А вот кокандцы решили попытаться выкинуть русских из региона. И тогда казаки совершили невероятный подвиг, который вошел в историю как Иканское сражение.

В конце ноября кокандский регент мулла Алимкул с 10-тысячным войском выступил из Ташкента и в обход Чимкента двинулся к крепости Туркестан. Они хотели подойти скрытно, но слухи в степи разносятся быстро, и комендант Туркестана полковник Жемчужников, узнав, что в степи бродят какие-то разбойники, выслал на разведку сотню уральских казаков есаула Василия Серова. Это произошло 4 декабря. Сотня вышла всего с одной пушкой – подумаешь, чего там, шайку разогнать. От встречных киргизов Серов узнал, что селение Икан, которое находится от Туркестана в 25 километрах, уже занято каким-то отрядом. Но никакого представления о том, сколько там врагов, ни у кого не было.

И вот возле Икана казачья сотня неожиданно наткнулась на главные силы кокандской армии. Казаки успели только занять канаву,

развьючить верблюдов, создать завалы из мешков с провиантом. И оказались в окружении. Первую атаку на казаков возглавлял беглый урядник сибирского казачьего войска. Власовщина ведь была всегда. Казаки отбили эту атаку. Потом еще три, потом кокандцы поняли, что противник им достался серьезный. Причем они тоже не знали, какова численность казаков, и решили, что там не меньше 500 человек. Среди казаков были матерые, опытные люди, настоящие псы войны, многие участвовали в обороне Севастополя. В течение трех дней, оставшись без пищи и воды, уральцы держали круговую оборону. Зима, голая степь, лютый холод (кто бывал зимой в Казахстане, понимает, о чем это я), постоянно по импровизированному лагерю била вражеская артиллерия. Уральцы не сдавались. Отстреливались, пытаясь, чтобы ни один патрон не пропал даром. Военный историк писал:

«Стрельба продолжалась; однако, по внушению начальников и опытных казаков, люди берегли каждую пулю; только сохранив патроны, казаки были уверены, что удержат противника на почтительном расстоянии. Стреляли по отдельным смельчакам, которые иногда небольшими партиями подсакивали к отряду сажень на 100, и не один из них поплатился за попытку похвастаться удалью и отвагою пред своими товарищами; стреляли по орудийной прислуге, заставляя не раз менять места орудий; стреляли также по начальникам, насколько их можно было заметить по расшитым халатам, чалмам, богатым седельным уборам; напр., удалось подбить лошадь под самим Алимкулом. Огонь противника, особенно артиллерийский (а пушек у них было три), все более и более усиливался; из единорога же с нашей стороны, как для сбережения снарядов, так и по случаю порчи его – не стреляли. Так тянулся один час за другим в мучительном ожидании выручки».

Некоторые предлагали атаковать самим, но Серов не позволил. На помощь казакам выдвинулась было стрелковая рота под командованием подпоручика Сукорко, но пробиться не смогла и, не дойдя до казаков три километра, повернула назад, отбивая атаки противника. Причем как выяснилось позже, такое указание им дал комендант Туркестана – если не получится пробиться или возникнет опасность окружения, вернуться назад. Мулла Алимкул решил уговорить казаков сдаться. Прислал Серову записку:

«Куда теперь уйдешь от меня? Отряд, высланный из Азрета, разбит и прогнан назад; из тысячи (!) твоих не останется ни одного, – сдайся и прими нашу веру: никого не обижу!»

Сдаваться никто не захотел. Предателей среди казаков не нашлось. Утром 6 декабря в 7 часов утра бой разгорелся с новой силой. Кокандцы пошли в атаку с трех сторон. К этому времени среди казаков уже были погибшие, почти все имели легкие ранения. Шутка ли – трое суток под огнем в осаде. И вот казаки, голодные, полуживые от усталости, не спавшие трое суток, отбивают подряд 4 атаки. А потом Серов решает – или прорываемся, или все тут поляжем. Из статьи русского военного историка:

«К часу дня все лошади были перебиты, 37 человек убито, много переранено; четыре отчаянных попытки коканцев броситься в рукопашную были отбиты, а помощи все нет, хотя, если бы она вышла утром, дошла бы до сотни...»

Храбрецы решаются на отчаянную попытку: пробиться к городу или же пасть в открытом бою – они все еще надеялись на помощь. Кроме того, нельзя было медлить – зимний день короток, а до города было верст 16-ть; пройти их надо было засветло, пока видно и пока можно сдерживать напор коканцев ружейным огнем.

Коканцы были просто ошеломлены, когда горсть героев, заклевав оружие, переломав ненужные ружья, с криками “ура” выскочила из-за своих завалов; но они скоро увидели, что вместо сотен людей, которые они насчитывали у русских, на самом деле оказались лишь десятки... И с дикими криками ринулся противник за кучкой храбрецов. Сначала отступали тесной толпой, но потом увидели, что так неудобно, друг другу мешали стрелять и обороняться. Тогда сам собою образовался строй в виде лавы, но в три шеренги. Чем далее шли, тем более строй этот редел и растягивался в длину.

Одиночные неприятельские латники и кольчужники врывались иногда в самую средину казаков, за что некоторые и платились головой; но другие, благодаря своим доспехам, ускакивали, успев поранить несколько казаков. Менее решительные метали в казаков пики и копья, нанося таким способом случайный вред отступавшим. Так, когда казак П. Мизинов наклонился, чтобы поднять упавший шомпол, брошенная пика насквозь пробила ему левое плечо, пригвоздив его к земле; однако он все-таки вскочил и добежал с нею до товарищей, которые и выдернули пик у него из плеча.

И вот, когда кто-либо из этих героев, утомленных предыдущим боем, истекая кровью и лишаясь последних сил, падал на землю, как хищные звери, с неистовыми криками отделялись из толпы конные всадники и бросались на свою беспомощную жертву – ведь с нею

легко уже было справиться... всякий спешит отрезать голову, чтобы скорее представить начальству, как доказательство своей храбрости и удалства, достойных награды».

Сотник Абрамичев, раненный четырьмя пулями, даже умолял своих его убить, позднее его труп едва удалось опознать. За три часа отступления казаки прошли всего три с половиной километра. Все казаки были ранены и шли, поддерживая друг друга. В сумерках казаки увидели, что им навстречу бегут солдаты. Комендант Туркестана отправил на помощь иканской сотне новый отряд. Казаки, не веря своему спасению, обнимали солдат и плакали.

Генерал Михаил Черняев был потрясен невероятным героизмом казаков. Впрочем, не только он. Уже в январе – феврале о подвиге уральцев писали столичные журналы. По итогам трехдневного боя иканская сотня потеряла больше половины личного состава, многие умерли от ран позже. Но ценой жизни героических казаков был остановлен поход кокандской армии.

Все выжившие после боя казаки были награждены Знаком отличия военного ордена, сам Серов – орденом Св. Георгия 4-й степени. А вот с подпоручиком Сукорко, который отступил и не помог казакам, получилась интересная ситуация. Слово русскому военному историку.

«Подпоручик Сукорко, по настоянию начальника Ново-Коканской линии, генерал-майора Черняева, предан суду за то, “что он из одного постыдного малодушия своевременно не подал помощи уральской сотне есаула Серова, окруженной коканцами под местечком Иканом, и допустил таковую почти до гибели, ибо если бы Сукорко прошел с своим отрядом еще с версту вперед и поднялся бы на возвышенность, то нет сомнения, что Серов, увидевши прибывшую к нему помощь, сам с сотней двинулся бы на соединение с ним. Это тем вероятнее, что на другой день, 6 декабря, есаул Серов с ослабленной уже сотней, пробился и отступил на восьмиверстном расстоянии” (Рапорт военного губернатора и командующего войсками Туркестанской области командующему войсками Западной Сибири, от 12 марта 1865 года, за № 988).

Несколько иначе взглянуло на поступок подпоручика Сукорко высшее начальство, а именно возвращение отряда объяснилось не малодушием командира, а “приказанием коменданта крепости Туркестана и действительно опасным положением самого отряда”. Мало того, подпоручик Сукорко был представлен к повышению в чин и к награде.

Когда об этом был извещен генерал Черняев, то на полях бумаги им сделана карандашом пометка: “Позорное дело”»^[207].

Для военного командования как в самой Азии, так и в Петербурге это был знак – остановиться на условной линии разграничения, что сложилась на текущий момент, не получится. Кокандское ханство придется добивать. А это значит, новые походы. Но по всей видимости, это был своего рода заговор части высших чиновников империи, военных в первую очередь. То есть, с одной стороны, в столице давали четкие инструкции: никаких своевольств, никакого Ташкента. Забыть! Тому же Черняеву четко указали, что войны не хочет никто. Но с другой стороны, его сделали губернатором Туркестанской области Оренбургского края, и в его распоряжении оказались военные подразделения общей численностью 15 тысяч человек. То есть вроде нельзя, но вот тебе, товарищ генерал, войска. Для обороны. Ну или как там получится. Такая хитрая позиция военного руководства, кажется, была одобрена и императором. Во всяком случае, косвенные признаки этого есть. А сам Милютин в воспоминаниях писал так:

«Требуя от местных начальников соблюдения по возможности даваемых им инструкций и указаний, я вместе с тем находил вредным лишать их вовсе собственной инициативы. Бывают случаи, когда начальник должен брать под свою ответственность предприятие, которое в заранее составленной программе не могло быть предусмотрено. Дело в том, конечно, чтобы подобные отступления от программы в частностях не противоречили общей цели и действительно оправдывались необходимостью»^[208].

Иными словами, столица разными способами намекала генералам – можете действовать по обстоятельствам. Какие обстоятельства будут считаться подходящими, тоже решайте сами. Петербург не хотел открыто продемонстрировать свои намерения Лондону или Европе в целом. Хотя высшему руководству страны и так было ясно – Ташкент придется брать. Но тон официальных заявлений был сдержанным, и содержание инструкций тоже. И потому, кстати, стоит всегда в политике смотреть не на то, кто что заявляет, а на то, кто и что делает. Сравним, например, события весны 2016 года, когда Президент России заявил о выводе части группировки из Сирии. Как негодовали отдельные ультрапатриоты: мы предаем Сирию, все пропало, мы опозорены. Правда, через некоторое время при поддержке ВСК России и спецназа была освобождена Пальмира, а чуть позже там появились российские

саперы, а на военной базе была усилена вертолетная группировка. А так, конечно, тон официальных заявлений руководства России был спокойный и миролюбивый. Вывод войск.

Весной 1865 года как раз и появились так нужные генералам обстоятельства: стали поступать сведения о подготовке Ташкентского гарнизона к осаде. Бухарский эмир вдруг решил, что можно воспользоваться моментом и отправиться в поход на Ферганскую долину и на Ташкент, пока кокандский хан воюет с русскими. Точнее, не хан, а временный правитель, регент при малолетнем хане мулла Алимкул. А он развернул масштабные репрессии против русских шпионов и прорусской пятой колонны. Была ли она в Ташкенте – большой вопрос. Купцы, что торговали с Россией, были точно, как и местная знать, которая больше хотела установления в Ташкенте русского имперского порядка в виде протектората с сохранением вольностей вместо азиатского самодурства. Но русофилами или шпионами эти люди не были точно. Так вот агенты Алимкула начали искать «шпионов» и «заговорщиков», обвиненных в симпатиях к России жестоко казнили, их дома разрушали. Сохранился рассказ очевидца о расправе над человеком, заподозренным в симпатиях к русским: *«Тотчас же связали Ниязу Алибию руки и ноги и расстреляли его из пушки так, что тело кусками упало на землю. Каждую часть тела убитого расстреливали с криками, что он опозорил всю Дешт-и-Кипчак, что он продался русским. Сыновья же Нияза-Алибия, все одиннадцать, стояли тут же, и они после этой казни сразу бежали к русским»*^[209].

Второй поход Черняева на Ташкент начался 26 апреля 1865 года. 1900 солдат, сотня казаков, 12 орудий. У защитников Ташкента 63 орудия, 20 тысяч солдат и ополченцев, 10 тысяч всадников. При этом Черняев шел покорять самый большой город Азии, окруженный 24-километровой стеной. Генерал-майор Генерального штаба Дмитрий Ильич Романовский, который потом сменил Черняева на посту губернатора Туркестанской области, вспоминал: «Не одобряя предположений генерала Черняева относительно занятия Ташкента, правительство, однако, не считало удобным слишком стеснять этого главного распорядителя на месте, на личной ответственности которого была оборона края, в то время совершенно неведомого».

То есть снова в переводе на русский – официально правительство было против движения в глубь Азии, фактически же молчаливо одобряло его. Сам же Черняев объяснял, что был просто

вынужден пойти в поход. Так бывает. Очень вовремя возникают удачные обстоятельства.

«Войска бухарского эмира, собранные в Самарканде уже несколько месяцев тому назад, стали стягиваться с Ура-Тюбе, а передовые из них двинулись далее в пределы Кокандского ханства. Имея в виду, что в самом Ташкенте общее настроение далеко не в пользу кокандского правительства и что жители давно уже тяготятся деспотическим правлением регента ханства Алим-кула, я не мог оставаться хладнокровным к попыткам эмира и принужден был, не дожидаясь подкрепления на линию, выступить теперь по дороге к Ташкенту»^[210].

29 апреля отряд Черняева подошел к крепости Ниязбек, в 25 верстах от Ташкента. Комендант не захотел сдаться. Русские войска взяли крепость штурмом. Кокандский отряд, примерно три тысячи человек, был разбит на подступах к крепости. Саперы по приказу Черняева закрыли доступ воды из реки Чирчик к Ташкенту. 9 мая под Ташкентом русские войска разбили армию под командованием муллы Алимкула, сам он был смертельно ранен. При этом в городе верх взяли сторонники объединения Ташкента с Бухарой. На этом фоне началась осада. Сил для нее, конечно, было недостаточно, и генерал решил не затягивать подготовку.

14 июня с наступлением ночи штурмовые группы выдвинулись к городским воротам, обернув колеса орудий войлоком. В половине третьего ночи первые солдаты первой штурмовой колонны сняли с верблюдов штурмовые лестницы и на руках понесли их через окружавшие город сады. Небольшая цепь стрелков, шедшая головным дозором, подкралась к самой стене, мимо спавшего неприятельского караула. Часовой, увидев русских, бежал через лазейку в стене, завешанную крапеным войлоком. Разведчики прошли внутрь города и взяли ворота с тыла, а другая часть отряда забралась на стены по лестницам. Завладев одними воротами, русские пробивались к следующим, чтобы открыть их и впустить другие штурмовые отряды. После этого русские колонны двинулись к центру города, по дороге штурмуя баррикады и отбивая атаки стрелков, засевших в зданиях. К восьми утра была занята главная крепость Ташкента, причем одну из групп солдат в боях вел за собой полковой священник отец Андрей Малов, в будущем первый настоятель Ташкентского военного Спасо-Преображенского собора.

Одновременно с этим часть русских отрядов все еще штурмовала городские стены, конница кокандцев попыталась смять

русских, атаку отбили 39 казаков при четырех орудиях. Днем бои стихли, к вечеру отбитые было улицы пришлось занимать вторично, на них снова выросли баррикады. Бои шли еще следующий день, 16 июня, а 17-го утром все аксакалы и почетные жители города, явившись к генералу Черняеву, изъявили полную готовность подчиниться русскому правительству. Ташкент был покорен.

Интересно повел себя бухарский эмир. Он потребовал от Черняева немедленно освободить город, в ответ русский генерал – он все же был человеком предельно прямолинейным – арестовал всех бухарских подданных, торговавших в городах Туркестанской области. Эмир был вынужден отступить.

А в Ташкенте от имени Черняева провозгласили неприкосновенность веры и обычаев местных жителей. Генерал пообещал не размещать солдат на постой в домах, не призывать местных жителей в русскую армию. Был сохранен шариатский суд, запрещались произвольные поборы, на годичный срок ташкентцы освобождались от каких-либо податей и налогов. Тут, правда, стоит добавить, что щедрость генерала вышла ему и российской казне боком: на нужды своей администрации он был вынужден занимать деньги у частных лиц. Его долг составил 300 тысяч рублей.

Взятие самого большого города Средней Азии, конечно, получило широкий отклик как в России, так и за границей. Горчаков был в ярости, требовал судить Черняева. Император на донесении о взятии Ташкента написал: «Славное дело!» А вскоре Милютин отправил телеграмму в Оренбург: *«Государь Император, прочитав донесение № 2306 о взятии Ташкента, пожаловал генералу Черняеву золотую саблю с бриллиантами, начальникам повелел объявить благоволение, а нижним чинам выдать по два рубля, а не по одному, как сказано в телеграмме № 4; о награждении всех отличившихся ожидается представление».*

И это правда была большая русская победа. Авторитет России как в Азии, так и в мире заметно вырос. Стало ясно, что Петербург не будет всякий раз реагировать на возмущение Лондона, а будет поступать по-своему. Это на самом деле было событие, сравнимое, например, с операцией Воздушно-космических сил в Сирии в 2015–2016 годах. В Англии, понятное дело, были возмущены. 19 июня британский посол сэр Эндрю Бьюкенен потребовал у Горчакова объяснений: что это такое в Азии творится, если вы обещали Ташкента не трогать?

Горчаков мягко объяснил, что так вышло ну практически само. В городе возник вакуум власти, и русский генерал был просто вынужден предотвратить его оккупацию бухарскими войсками. А Ташкент останется независимым, потому что его не собираются включать в состав империи. А еще посол потребовал в ультимативной форме (!), чтобы царь не смел награждать генерала-ослушника. Когда Александр II узнал о требовании посла, Михаил Черняев, конечно, получил и награду, и чин, и теплые личные поздравления.

Но вот в чем Горчаков почти не лукавил, так это в том, что в Петербурге и правда не понимали до конца, что делать дальше с Ташкентом. Брать на себя новую нагрузку, финансовую и политическую, не очень хотелось. Еще меньше хотелось выглядеть глупо, уйти из Ташкента и отдать его обратно Коканду или Бухаре. Такое рациональное, казалось бы, поведение в Азии было бы воспринято как слабость русских. В сентябре 1865 года в Ташкент прибыл оренбургский генерал-губернатор Николай Андреевич Крыжановский. Его встретили представители знати, духовенства и богатого купечества, которые попросили принять Ташкент в русское подданство. Но Крыжановский сказал, что это желание пока что не может быть исполнено, город должен образовать отдельное владение под покровительством России. А жителям стоит избрать себе хана.

Собственно это был план российского МИД. Объявить город Ташкент независимым владением. Но оставить его в вассальной зависимости от России, правда, неофициально. Иначе можно разозлить Лондон, который, в общем-то, и так уже разозлился. Военные понимали: такое можно реализовать только в одном случае – если в городе или рядом будут стоять русские войска. Горчаков же писал, что «при желаемых отношениях к нам Ташкентской независимой области поддержка ей с нашей стороны должна заключаться не в содержании военных сил внутри нее, не в материальной, так сказать, поддержке, а в нравственной, заключающейся в убеждении, что в случае какой-либо попытки на Ташкент права этого города будут защищены и что нарушение их не останется без наказания».

Но в Азии европейскую дипломатию не понимали и рассматривали ситуацию просто – чьи войска стоят в городе, тому город и принадлежит. Кто сильнее, тот и главнее. Так что военный министр Милютин вполне обоснованно писал, что «пока не будет установлено в том крае какое-либо прочное положение, которое

давало бы вес нашему нравственному влиянию, до тех пор мы должны, по необходимости, опираться только на силу материальную. Решившись иметь в нашей власти плавание по всему протяжению Сырдарьи, нельзя ограничивать генерал-майора Черняева устройством только складочных пунктов. Следует разрешить ему строить укрепленные посты, так как без серьезных мер защиты немислимо и обеспеченное судоходство по Сыру...».

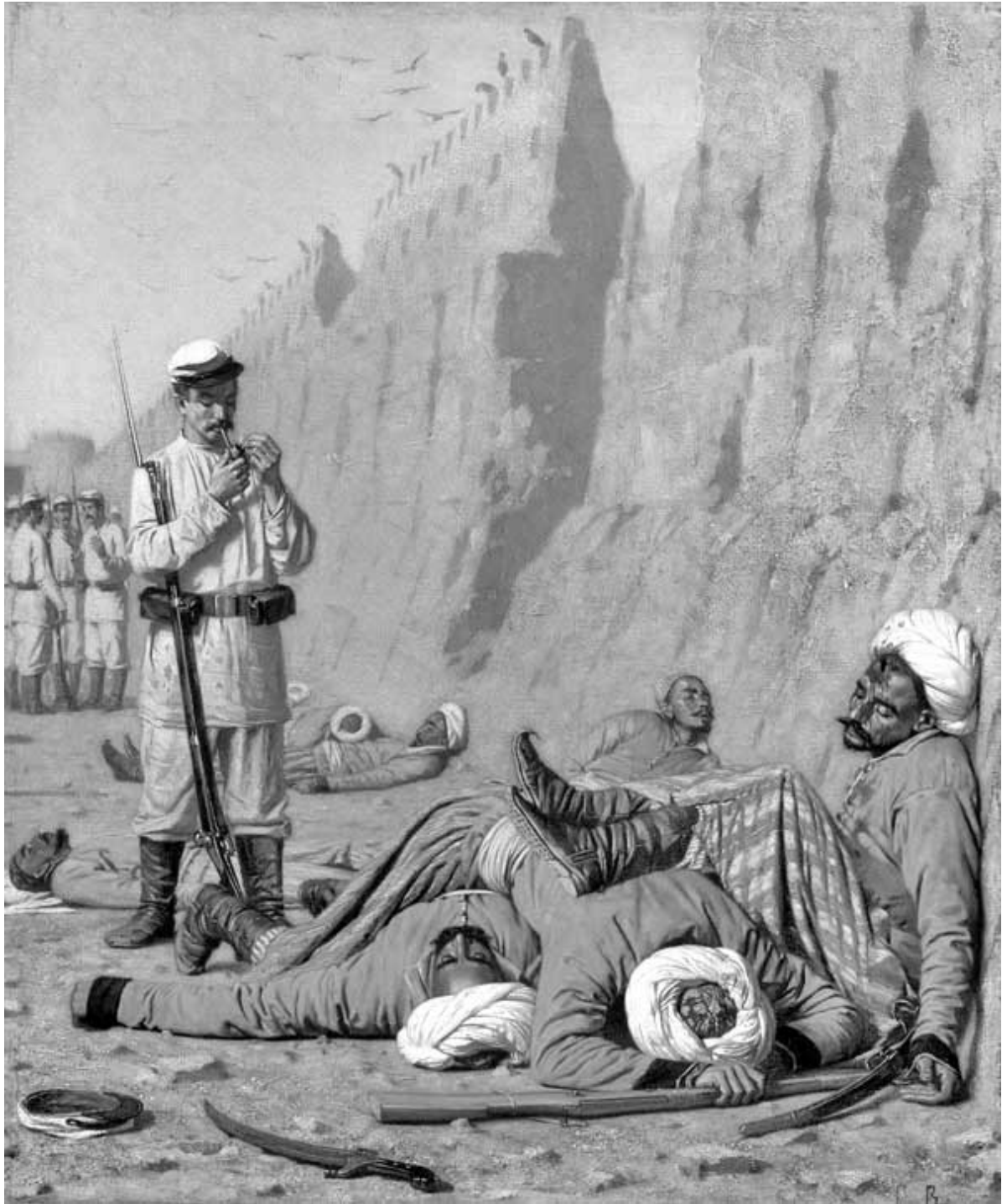
Что же касается возмущения Лондона, то российских военных оно скорее радовало, чем тревожило. Тот же Милютин замечал, что «нам нет нужды просить прощения у министров Британской Короны за каждое наше свершение. Они отнюдь не торопятся совещаться с нами, когда завоевывают целые королевства, оккупируют иностранные города и острова. Мы же не просим, чтобы они оправдывались в своих действиях».

Фактически Российская империя делала то, что еще в 1858 году предлагал Николай Игнатьев. Шла в Азию, забирала Ташкент и ставила военные базы. Причем когда-то предложения Игнатьева действовать в Азии, взяв Бухару в союзники, в столице отвергли, заявив, что эмир – союзник ненадежный. И, кстати сказать, были не настолько уж не правы. Когда Ташкент оказался как бы «ничейным», а фактически уже русским, эмир решил этим воспользоваться. Он вообще продвижение русских воспринял предельно болезненно, что объяснимо. Потому что он просто не мог понять, что для двух держав, схватившихся в борьбе на выживание, азиатские государства были не субъектами, а объектами политики.

Впрочем, есть косвенный признак того, что эмира подтолкнули к войне англичане. И даже приняли в ней небольшое участие. Эмир решил все же вернуть Ташкент не угрозами, так силой оружия. Весной 1866 года он собрал армию более 40 тысяч бойцов и выдвинулся к русским границам. Генерал Черняев в свою очередь решил не ждать, пока противник нанесет удар, и отправил к Бухаре отряд генерала Дмитрия Романовского – 3000 бойцов при 20 орудиях. Это была невероятная, быстрая и победная кампания. 8 мая Романовский разбил бухарские войска при Ирджаре, 24 мая взял Ходжент, 20 июля приступом взял Ура-Тюбе, 18 октября в ходе внезапного и жестокого штурма он взял крепость Джизак. В трех этих штурмах русские войска потеряли почти пятьсот человек, то есть шестую часть личного состава. Причем штурм Джизака был особенно яростным и жестоким. И как раз там русские получили

косвенные подтверждения присутствия англичан, их военных советников, в Коканде и Бухаре.

«Между убитыми встречалось много богато вооруженных воинов, одетых в латы и шлемы с большими кожаными, изукрашенными серебром и золотом щитами. Попадались и такие, которые, судя по лицу и по тонкому белью европейского происхождения, давали повод подозревать в них предприимчивых агентов соперничающей с нами державы. Подозрение это усиливалось еще и тем, что в Джизаке найдено было большое количество револьверов, а также ударных и нарезных ружей европейского образца. Затем были заметны некоторые европейские приемы при обороне крепости (караульная служба, вылазки, очищение эспланады, исправление обвалов); все это заставляло подозревать присутствие в Джизаке англичан».

«После неудачи». В. Верещагин, 1868

После потери Джизака бухарские войска отступили к Самарканду и начали переговоры, которые продолжались почти весь 1867 год. Бухарский эмир пытался собрать новую армию и вел переговоры с Кокандом и англичанами. Российская империя в этот период провела радикальную административную реформу. В 1867 году Туркестанскую область преобразовали в Туркестанское генерал-губернаторство. В него вошли две области: Семиреченская со

столицей в городе Верный и Сырдарьинская со столицей в Ташкенте. Были образованы Туркестанский военный округ и войска на его территории – Первая стрелковая дивизия и 12 линейных туркестанских батальонов. Михаила Черняева, который после взятия Ташкента успел перессориться со всеми коллегами и начальниками, в первую очередь с Оренбургским генерал-губернатором, отозвали в столицу. Первым туркестанским генерал-губернатором был назначен генерал Константин Петрович фон Кауфман. Участник Кавказской войны, а также Крымской, точнее, той ее части, что пришлась на Кавказ. Это он осаждал Карс и вынудил сдать турецкий гарнизон, которым командовал английский офицер Уильям Уильямс.

Потом Кауфман был губернатором Северо-Западного края и командующим войсками Виленского военного округа. Константин Петрович фон Кауфман станет великим реформатором Средней Азии, он покорит Хиву и Коканд. Под его руководством начнется преобразование Туркестана. И это он сделает Среднюю Азию плацдармом для политического и военного давления на Британскую империю.

Глава 12

Нельзя сказать, что в Лондоне и в Калькутте русские успехи в Азии не вызывали тревогу. Вызывали, да еще какую. Но отвечать Петербургу резко и жестко Британская империя была не готова. Принято считать, что причиной тому были два события: афганская катастрофа и восстание сипаев. После двух таких провалов англичане перешли к политике «умелого бездействия». То есть старались удержать то, что уже удалось забрать, не раздражая русских. В конце концов, Центральная Азия далеко от Индии. И от Лондона тем более.

Но можно совершенно уверенно сказать, что была и третья причина, по которой подобная политика возобладала у англичан, – Крымская война, в которой британцы потеряли тысячи солдат и офицеров, истратили миллионы фунтов, но не добились ни одной поставленной цели. Кроме того, англичане впервые столкнулись лицом к лицу с русской армией и результат для них оказался неутешительным. Три года прошли совершенно не так, как планировалось, Россию толком потеснить не удалось, русская армия оказалась готовой к столкновению с англичанами, и будь фронтовая разведка у русских получше, неизвестно, чем бы кончилось дело в Крыму. В Лондоне понимали, что им в целом еще повезло, что в войне принимали участие не только англичане, но и Франция с Турцией. Так что после Крыма им казалось, что лучше уж не раздражать этих русских. В 1875 году, описывая период русского броска в Азию, военный историк Михаил Терентьев замечал:

«Что может привлекать Англию в Кашгар, Бухару и Хиву? Конечно, не торговля, которая едва насчитывает здесь 10 миллионов потребителей, тогда как Англия имеет в Индии, Персии, Авганистане, Белуджистане и Кашмире до 250 миллионов клиентов!»

Стремление к политическому преобладанию, забота об охране своей дорогой колонии – вот истинные причины всех возгласов Англии о притеснении нами ее торговли, о наших завоевательных целях, об опасности, какой подвергается Ост-Индия от нашего соседства и проч. Желание успокоить недоверчивость Англии и не подавать повода к ее протестам заставило нас смотреть сквозь пальцы на множество более или менее крупных нарушений международного права со стороны Хивы,

Бухары, Кульджди и Кашигара. Англия не спустила бы и половины этих правонарушений!

Если бы Англия могла отодвинуть нас назад, она бы давно это сделала, если бы она была в силах остановить нас на теперешних наших позициях – она не медлила бы ни минуты. Ничего этого она сделать не в силах и потому ограничивается протестами и журнальными возгласами, чтобы, по крайней мере, задержать наше движение и подольше сохранить безопасное между нами расстояние. Цель эта вполне ею достигается»^[211].

Важно, что несколько десятилетий до русского броска в Азию в Лондоне и Калькутте множество политиков и политологов делали карьеру на русофобии, обещая, что чуть ли не завтра дикие казаки окажутся на берегах Инда. Но их все не было и не было. И даже во время Сипайского мятежа (а именно «мятежом», а никак иначе – не «восстанием» точно – называли в Англии эти события почти до середины 20 века) русские власти не попытались ситуацией воспользоваться и восставших не поддержали. Ни морально, ни материально. То есть русские оружия, например, индийцам не отправляли. И выходило, что русофобская истерика 1820–1840-х годов была ложной тревогой. Все устали от криков «русские идут», и когда русские и правда пошли, это показалось чем-то вполне обычным. Упомянутый ранее сэр Генри Роулинсон, один из участников той фазы Большой Игры, писал, что «тем, кто помнит русофобию 1838–1839 годов, безразличие британской публики к событиям, происходящим сейчас в Центральной Азии, может показаться одним из самых странных эпизодов современной истории». Однако многим политикам умеренного направления казалось, что наступление России все равно остановить невозможно, а Хива, Бухара и Коканд в любом случае обречены стать частью Российской империи или оказаться под русским протекторатом.

Была и такая точка зрения, что попытка Британии остановить русских приведет к обратному результату – русские займут Азию еще быстрее. Часть членов парламента и даже министров полагали, что лучше иметь под боком русских, пусть даже русские войска, чем государства с малопонятной политикой и далекой от европейских норм моралью. Как Насрулла бухарский казнил Стоддарта и Конолли, помнили многие. Если русские наведут порядок в Центральной Азии, то регион от этого только выиграет и местные рынки, может быть, даже станут доступнее для британских товаров.

Роулинсон, конечно, эту позицию не разделял, и в июле 1865 года он замечал, что положение границ двух империй в Азии весьма и весьма изменилось: *«Во-первых, захватив Синд и Пенджаб, мы сильно продвинули нашу собственную границу. Британская Индия расширила свое политическое влияние на север до Кашмира. В то же самое время русские укрепили свои позиции на Кавказе, после сокрушения имама Шамиля высвободили большие силы для развертывания в других местах и уже начали продвигаться в Туркестан»*^[212]. Русские власти построили железную дорогу от Санкт-Петербурга до Нижнего Новгорода, оттуда огромная пароходная флотилия возила грузы до Астрахани и дальше по Каспию. Случись война, и все триста кораблей могли использоваться для переброски войск и военных грузов. А на Каспии у русских военная группировка. И на Аральском море пароходы, вооруженные пушками. И вот поди тут поверь в миролюбие русских, которые обещали не захватывать Ташкент, а сделали наоборот. При этом тот факт, что британские политики в отношении России вели себя так же – обещали одно, а делали другое, причем долгие столетия, – самих англичан как-то и не смущал.

Как ни странно, но в Британии на какой-то момент и правда решили про русскую угрозу Индии забыть. В их числе были и премьер-министр лорд Джон Рассел, и вице-король Индии (то есть чиновник по управлению Индией) сэр Джон Лоуренс, бывший губернатор Пенджаба. Старый опытный дипломат, знаток Азии, Лоуренс был уверен, что русским не пройти через Афганистан, их войска постигнет такая же участь, какая постигла англичан. То, что русские смогут убедить афганцев пропустить их, он считал маловероятным. Дост Мухаммед помнил, как дорого ему обошлась сама попытка дружить с Петербургом. Лоуренс полагал, что остановить Россию сможет жесткое политическое давление из Лондона. И угроза русской столице с Балтики. Рассуждал он вполне правильно: реши русские напасть на Индию, отправка британского военного флота к Кронштадту вынудила бы царя предпринять оборонительные меры и оставить Индию в покое. Кстати, такой сценарий и был разыгран в начале 80-х годов 19 века.

Впрочем, по мелочи англичане, разумеется, пытались ущипнуть русских. В конце 50-х годов в Лондоне родился было проект укрепления позиций на берегах Каспийского моря. Британский консул в Северной Персии писал статс-секретарю по иностранным делам, что поскольку русские создали акционерное общество

«Меркурий» и открыли пароходство на Каспии, то и англичанам стоит «любой ценой» взять под английский контроль Решт-Энзелийский порт. Консул полагал, что «обладая этим орудием, мы легко овладели бы торговлей всей Средней Азии». Правда, дальше проекта дело не пошло.

А в Центральной Азии именно англичане в 1859–1860 годах финансировали Доста Мухаммеда, когда тот решил отобрать у Бухары приграничные города и небольшие княжества и бекства Южного Туркестана, вроде Кундузского. Они в итоге так и остались афганскими, например, Кунду сегодня – это северо-афганская провинция. Особый интерес для англичан тогда представляли города Чарджуй и Каракуль. Чарджуй, вероятнее всего, планировалось при случае превратить в военную базу, потому что на переговорах в Бухаре члены афганского посольства объясняли, что город нужен им «для оклада военных и продовольственных припасов», о чем русская разведка рапортовала в Петербург. Также агенты сообщали, что британские власти в Индии отправили в Кабул «свыше двадцати офицеров, много оружия и до 14 орудий». Так что когда летом 1859 года афганские войска заняли Кундузское ханство, которое было вассалом Бухары, – это была английская интрига. В русской столице видели это и понимали, чем все закончится, если не предпринять срочных мер. Правда, окончательное решение вызревало долго. Сухозанет писал, например, Гасфорду в 1860 году, что «в отвращение возбуждаемого на Западе мнения о завоевательных намерениях наших в центральной части Азии... в настоящее время признает полезным избегать по возможности наступательных действий на наших сибирских границах». Решительно действовать разрешалось только в случае нападения кокандских войск.

Как уже говорилось, активность англичан в Коканде выглядела в какие-то моменты угрожающей. В 1859 году там побывал английский разведчик, индийский мусульманин Абдул Маджид, который встретился с правителем Коканда, собрал важные сведения об экономическом и политическом положении Кокандского ханства и ведущих туда из Индии путях и доставил их в Калькутту. О подготовке ханства к войне сообщал и генерал-губернатор Западной Сибири. Кокандские посланцы, разъезжая по казахским и киргизским селениям, отбирали у кочевников скот и лошадей для армии. И одним из основных пунктов сбора был определен Ташкент. Так что не случайно спустя пять лет Черняев нанес удар именно по нему.

И еще в 1861 году генерал-майор Аполлон Эрнестович Циммерман отправил в столицу военному министру записку «О положении дел на кокандской границе», в которой однозначно призывал не затягивать с нанесением удара Коканду и не опасаться «гнева Англии», потому что и дальше находиться между войной и миром невозможно. Циммерман писал, что «приобретая преобладающее влияние в Средней Азии, мы тем самым приближаемся к пределам английских владений в Индии и в случае войны с Англией можем угрожать ей с этой стороны, самой для нее чувствительной».

Но в целом политика Англии в Средней Азии и правда все эти годы была довольно сдержанной. Открытой конфронтации с русскими никто не хотел, более того, Россию побаивались, хотя в удовольствии куснуть русского медведя исподтишка англичане себе не отказывали. Разумеется, стоит понимать, что зачастую действия исполнителей на местах не всегда совпадали с общеполитической линией. То есть бывшие сотрудники политического департамента Ост-Индской компании с ее ликвидацией, конечно, никуда не делись. И даже став офицерами Картографической службы (она в том числе занималась и разведкой) или перейдя в разведку Британской Индийской армии, свои взгляды они не изменили. И вероятно, не сильно соглашались с политикой «умелого бездействия», полагая, что бестолковые политики в Лондоне и Калькутте напридумывали себе всяких глупостей, а мы – на всякий случай – полевую работу продолжим. И агентов пошлем, и сведения соберем, и, может, начнем маленькую локальную войну. Большой беды не будет, но русских потревожим.

В 1863 году Среднюю Азию посетил венгерский путешественник и востоковед Арминий Вамбери. Он уже упоминался в этой книге, как упоминался и тот факт, что он был британским разведчиком. Причем документы, свидетельствующие об этом, были рассекречены только в 2005 году. Судьба Вамбери как одного из ярких участников Большой Игры стоит того, чтобы рассказать о ней подробнее. Дата и место его рождения достоверно не известны. В энциклопедиях обычно пишут, что он родился 19 марта 1832 года на Дунае, в селе Дуна-Шердагели. Сам он говорил по-разному, в том числе, что родился в маленьком городке Сен-Георген. Точной даты своего появления на свет он не знал, потому что в то время в Австро-Венгрии было не принято регистрировать рождение детей бедных и тем более еврейских семей. Так что день

его рождения – тоже загадка. Он его зафиксировал по рассказам родных. Вамбери рано лишился отца, в детстве перенес тяжелую болезнь и потом всю жизнь хромал. Несмотря на то что семья была бедная, он получил приличное образование, сначала в коллегии монашеского католического ордена пиаристов в Сен-Георгене, затем в коллегии бенедиктинских монахов. С детства Вамбери знал венгерский, немецкий, словацкий и еврейский языки. Потом он выучил латынь, французский, английский, испанский, итальянский, датский и шведский. К двадцати годам он осилил еще и русский, древнегреческий, начал заниматься турецким, арабским и персидским языками.

I. sorozat

82. szám.

VAMBÉRY ARMIN. 1832—1913.

Orientalista. Egyetemi tanár. Nagyon sok hasznos szolgálatot tett az angol birodalom keleti uramának megszilárdítására.

Востоковед Арминий Вамбери

В какой момент талантливый парень попал в поле зрения английской разведки, сказать трудно. Официальная биография гласит, что на Восток его потянула страсть к языкам и приключениям, а дома ему все равно терять было нечего. И вот, дескать, сел романтик Арминий в 1857 году на пароход и направился в Стамбул. Но скорее всего это было его первое задание по долгосрочному внедрению, и вряд ли он сошел на берег Босфора без гроша в кармане. Некоторое время он искал работу, декламировал в кофейнях турецкие народные романы. Кофейни, надо сказать, в Османской империи были центрами свободы и вольнодумства. Люди собирались там поболтать, сыграть в шахматы и нарды, обсудить последние политические события в стране. Между прочим, как раз из-за этого кофейни в империи несколько раз закрывались по вердикту султана – за вольнодумные разговоры. Это был своего рода аналог современных соцсетей. Так что Вамбери в кофейнях стал бывать не случайно. Это, помимо прочего, было идеальное место для встреч с агентурой, для вербовки и для передачи отчетов. Посидели два мужчины, кофейку выпили, в нарды сыграли, один проиграл и отдал сверток с деньгами. Кто придаст этому значение?

Очень скоро Арминий стал вхож как преподаватель и ученый в дома османских чиновников, аристократии, европейских дипломатов. Именно на основании этого опыта он напишет книгу «Очерки и картины восточных нравов», которая уже цитировалась раньше. Он прожил в Стамбуле четыре года. Преподавал, изучал восточные манускрипты, начал печатать статьи в европейских газетах и журналах, стал издавать научные труды. Его избрали членом-корреспондентом венгерской Академии наук, и вскоре Вамбери решил отправиться в поездку в Среднюю Азию, где хотел изучать «вопрос о происхождении мадьярского языка». Тут, конечно, снова возникает вопрос – он ли сам захотел, или его попросили? Скорее второе. А он как талантливый и увлеченный ученый не отказался посетить загадочные страны.

В конце марта 1863 года Вамбери под именем турка Решид-эфенди выехал из Тегерана в степи Туркмении. Он ехал под видом хаджи, возвращающегося из Мекки, и по дороге присоединился к каравану таких же пилигримов. Вамбери серьезно подошел к выбору одежды: носил войлочную куртку, чалму, потасканные штаны. Он проехал с паломниками почти всю Азию. Через Мазендеран до юго-восточного побережья Каспийского моря. Дальше через Гурген и Атрек, через пустыню Каракумы к Хорезмскому оазису. Он побывал

в Хиве, проплыл по Амударье до Кунграда, откуда снова возвратился в Хиву. Затем отправился, рискуя жизнью, через еще одну пустыню – Кызылкум, и добрался до Бухары. Обратный путь в Персию лежал через Карши, Самарканд, Керки, Андхой, Меймене, Герат и Мешхед. В марте 1864 года, спустя год после начала путешествия, он достиг Тегерана, откуда добрался до Стамбула, а затем и до Пешта.

В том же году он опубликовал книгу о своих приключениях – «Путешествие по Средней Азии», которая сразу же стала бестселлером и была переведена почти на все европейские языки. Первый русский перевод этой книги был опубликован в Петербурге в 1865 году. Правда, не все поверили, что Вамбери был в Азии на самом деле. Например, востоковед и военный Михаил Терентьев в упомянутом труде «Россия и Англия в Средней Азии» прямо обвиняет ученого в подлоге и шарлатанстве.

«Надобно, впрочем, напомнить читателю, что Вамбери уже достаточно уличен многими европейскими путешественниками в том, что его путешествие в Среднюю Азию – чистый вымысел.

Мне, лично, удалось проверить в Самарканде две вещи, уличающие Вамбери в том, что он их не видел и, следовательно, в Самарканде не был: во-первых, он уверяет, будто в эмировском дворце роль трона играет большой синий камень, а на самом деле это великолепный монолит чистейшего белого цвета! Вамбери попался впросак, благодаря названию кук-таш, которое перевел: синим камнем, но по узбекски кук значит также небо и потому вернее было бы выражение «кук-таш» перевести: небесный камень, что и дает разгадку того почтения, с каким туземцы к нему относятся.

Кроме всего этого, на карте, приложенной к путешествию, нарисована между реками Сыром и Зеравшаном какая-то Кизил-Дарья. Всякий мальчик в Самарканде сказал бы Вамбери, что в степи есть «Кизил-кум», т. е. красный песок, и нет ни капли «Кизил-Дарьи», т. е. красной реки. Очевидно, что Вамбери лжет самым бессовестным образом».

Тут справедливости ради стоит заметить, что Терентьев не любил Вамбери как идеологического противника и русофоба, а в книгах Арминия русофобия то и дело ненавязчиво проскакивает. Но все же скорее можно предположить, что Вамбери мог что-то присочинить или умышленно добавить в книгу о путешествии ложную информацию, чтобы скрыть некие важные сведения, понимая, что читать его будут повсюду, в России в том числе. Однако

в Азии он, несомненно, был и ценные для британской короны сведения получил. Его «Путешествие по Средней Азии» наполнено невероятно интересными деталями о быте, религии, отношениях между народами, географии и нравах. В частности, он описывает русскую военную базу на Каспии.

«Ашуря – самая южная точка русских владений в Азии – вот уже 25 лет как перешла окончательно во власть русских, а лучше сказать, с того самого времени, когда их пароходы нагнали страху на туркменских морских разбойников.

Русские держат здесь два больших военных парохода и один маленький, и если бы не эта защита, то не только находящиеся здесь русские суда, но и парусные корабли, направляющиеся из Астрахани, не были бы гарантированы от нападения туркмен. Пока купеческое судно находится в открытом море, ему бояться нечего, но оно очень редко осмеливается приблизиться к берегу без сопровождения парохода, к чьей защите вынуждено прибегать и на обратном пути. Местные власти ревностно и с немалыми издержками стараются, конечно, парализовать разбойничьи поползновения туркмен, и размеры этого бедствия несколько уменьшились, но гарантировать полную безопасность невозможно, и нельзя помешать тому, что многих несчастных персов, а время от времени даже русских матросов, увозят в цепях в Гемюштепе».

И о суровых, часто жестоких нравах, царящих в Азии, Вамбери пишет много и подробно, причем даже по сравнению с Османской империей среднеазиатские властители кажутся настоящими тиранами. Он общался с правителями государств, первыми министрами и простыми людьми на улицах, даже с рабами.

«На базарах в Бухаре и Хиве продаются люди в возрасте от трех до шестидесяти лет, если они из-за каких-либо пороков не именуются калеками. Согласно предписаниям религии, только неверных можно продавать в рабство. Однако лицемерная Бухара не считается с этим, и кроме персов-шиитов, которых Молла Шемседдин (в 1500 г.) объявил неверными, в рабство обращают многих суннитских единоверцев, избиениями и пытками вынуждая их выдавать себя за шиитов.

Для самого раба час, который освобождает его из рук торговца, один из самых счастливых, потому что даже самое жестокое обращение, которое ждет его в услужении, не может быть таким гнетущим и мучительным, как время, проведенное им в лавке, где он всего-навсего предмет торговли. Цена меняется в

зависимости от политических условий, позволяющих туркменам, единственным поставщикам этого товара, направлять свои аламаны в соседние страны. В то время как сейчас самая высокая цена здорового мужчины была 40–50 тилла (соответствует 13 английским шиллингам), после поражения персов при Мерве, где были взяты в плен сразу 18 тыс. персидских солдат, такого мужчину можно было получить за 3 или 4 тилла»^[213].

Несколько раз разведчик был на грани провала. Европейца в нем заподозрили поначалу русские моряки, потом туркмены, потом в Бухаре, где он по-прежнему выдавал себя за турка, к нему подсылали шпионов, пытаясь подловить его на знаниях деталей жизни в Стамбуле. Один раз вышло и вовсе удивительно: он столкнулся с другим разведчиком. Вамбери только не выяснил, на кого тот работает – на англичан, на русских или на кого-то еще.

«Чаще всего этими ищейками были хаджи, которые по многу лет жили в Константинополе и хотели проверить мое знание языка и жизни в этом городе. Долго и терпеливо выслушивая их, я обычно делал вид, что мне это надоело, и просил пощадить меня и не рассказывать о френги. “Я уехал из Константинополя, – говорил я, – чтобы избавиться от этих френги, которые и черта могут лишить разума. И теперь, благодарение Богу, я в благородной Бухаре и не хочу воспоминаниями о них портить себе настроение”. Подобным же образом я отвечал пронырливому мулле Шериф эд-Дину, аксакалу книготорговцев, который показал мне список книг, оставленных у него несколько лет назад русским посланником, а также английские и итальянские бумаги. Я бросил на них презрительный взгляд и сказал: “Хвала Аллаху! Моя память еще не осквернена наукой и книгами френги, как это, к сожалению, часто бывает у константинопольских турок” Однажды ко мне пришел слуга везира с маленьким тощим человеком; я должен был проверить, действительно ли он араб из Дамаска, как он утверждал. Когда он вошел, я тотчас обратил внимание на черты его лица: я счел его европейцем; мое удивление еще более возросло, когда он начал говорить, и я обнаружил, что произношение у него отнюдь не арабское. Он сказал мне, что предпринял паломничество в Хотан (в Китае) к гробу Джафар бен Садыка и на этих днях хочет продолжить путешествие. На его лице во время нашей беседы можно было заметить беспокойство. Мне было очень жаль, что я не смогу его увидеть еще раз, так как я был склонен думать, что он играл такую же роль, как и я»^[214].

Так что напрасно Терентьев так уж сурово обличал путешественника. Но похоже, что русский генерал понимал, кто такой Вамбери на самом деле. Да и понятно, что разозлило русского генерала – надменное отношение и к азиатам, и к русским, которых венгерский ученый открыто именовал главными противниками англичан.

«Шахруд – значительный торговый центр между провинциями Мазендеран и Ирак; в Мазендеран, вплоть до самых берегов Каспийского моря, ведет очень романтичная, но и очень плохая дорога. Окрестности богаты водой, особенно красив ручей Рудишах (Королевский ручей), пресная прозрачная вода в котором со звонким журчанием течет через город. Караван-сараев несколько, и в одном из них расположена фактория большой русской торговой компании “Кавказ”, которая в последнее время почти вытеснила английскую торговлю в Хорасане благодаря импортной торговле Астрахани и Баку через Астрабад. Да, русские обладают огромным влиянием во всей Азии, от Камчатского залива до Константинополя, и ни для кого это влияние не является таким опасным, как для британского льва, которому русский медведь теперь крепко наступает на пятки, и наступит время, когда он вцепится ему в шкуру своими острыми когтями».

Терентьев не пожалел времени, чтобы в своих трудах вступить с Вамбери в заочную полемику и разоблачить его.

«Описывая свое известное путешествие в Хиву и Бухару, он заканчивает его следующими словами: “Мы должны желать полного успеха русскому оружию в Средней Азии, ради торжества европейской цивилизации и во имя человечества”.

Но Вамбери прежде всего шарлатан и никогда не подорожит высказанным убеждением. Если иностранные газеты, почему-нибудь, воспылают ненавистью к России, – Вамбери первый откажется от прежде-сказанных слов и затянет новую песню. Весь вопрос в состоянии газетного рынка: как только с руссолюбием слабо, а с руссофобией твердо – и наш Вамбери тотчас распинается против России, подлаживаясь под общий тон, ради куска хлеба.

В статье его: “Соперничество России и Англии в Средней Азии” встречаются, например, такие прелести: “изучая историю завоеваний России на азиатском материке... мы видим, что всегда и везде вторжению предшествует одна и та же политика интриг и

козней, сеяние семян раздора, подкуп, приманка, при помощи самых неблагоприятных средств”».

В другом месте Вамбери характеризует русских такими словами: *«на всем громадном протяжении, занимаемом русскою азиатскою границей, мы повсюду видим, что русские, и по образованию, и по нравственным качествам, стоят гораздо ниже азиатцев. В русском, как в северном жителе, пожалуй, и больше энергии, чем в чистокровном азиатце, но его неопрятность, его близко подходящая к идолопоклонству религия, его рабский характер, грубое невежество, неотесанные приемы, – все это ставит его гораздо ниже, сравнительно с пронизательным азиатцем. Один образованный таджик в Бухаре говорил мне с презрением о необразованности русских»*^[215].

Удивительная цитата. Она лишней раз показывает, как мало всего изменилось в расстановке сил в мире, как почти не поменялись игроки, как мало изменялись пропагандистские приемы, двойные стандарты и как уж совсем не изменилась основа всей русофобской идеологии: либо польский вариант – русские обычные азиаты, либо вот такой англо-европейский – русские не азиаты этнически, но куда хуже них в своем поведении. Это такой особый формат протестантской морали, где люди делятся по сортам. Высший сорт, понятное дело, – европейцы с американцами, потом средненькие – это Восточная Европа, потом низший сорт – азиаты и негры. И дальше русские. Практически inferнальные существа. Очевидно, что Вамбери очень четко расставляет акценты: европейцы, несомненно, выше всяких там азиатов, не то чтобы по развитию, а в принципе. Они другие люди. Более высокого порядка. В сегодняшней мировой политике это нашло выражение даже в терминологии. Страны третьего мира. Никогда не задумывались, как это звучит? Почему не третьего сорта? Было бы честнее.

Конечно, в Лондоне могли и не соглашаться с русской экспансией, могли возмущаться, но при этом все же понимали – процесс остановить невозможно. Русские пойдут дальше. Причин тому было несколько. Прежде всего Петербург опасался, что Азия может оказаться под контролем англичан, и опасения эти были, как следует из документов, вполне обоснованными. Иметь военные базы англичан у себя под боком русские генералы и политики, конечно, не желали. После потери Черноморского флота Россия нуждалась в новом инструменте, новом способе давления на Англию, и это могла быть только угроза Индии. И не стоит заблуждаться, что у

Российской империи были в Азии цели исключительно гуманитарные, вроде освобождения рабов и пресечение набегов, и геополитические.

Была в этой экспансии и совершенно прагматическая цель. Петербург хотел единолично контролировать азиатские рынки, и богатые ресурсами районы давно рассматривались русскими промышленниками как объект экспансии. Возможность выращивать в регионе хлопок обсуждалась в русской печати давно, и строились предположения, что в случае установления контроля над регионом выращенный там хлопок станет альтернативой американскому. Какое-то время бытовало мнение, что русские товары азиатским государствам нужнее, чем азиатские товары России. В 1858 году была опубликована небольшая «Краткая записка о невыгодном для России положении торговли ее с Средней Азией», автором которой, по всей видимости, был председатель Оренбургской пограничной комиссии Василий Васильевич Григорьев, выдающийся востоковед, ученый, некоторое время занимавший должность главного цензора России. И вот как глава ОПК Григорьев писал, что Средняя Азия больше нуждается в русских товарах, чем Россия в среднеазиатском хлопке и сухофруктах:

«Все означенные товары среднеазиатцы не могут сбывать с выгодой никуда, кроме России: ни в Персию, ни в Афганистан, ни в Индию, ни в Китайский Туркестан товары эти не требуются, ибо страны эти производят их в изобилии. Наоборот, от нас среднеазиатцы вывозят преимущественно такого рода товары, которых по ценам, за какие эти товары приобретаются в России, не могут они получать ниоткуда в мире и которые составляют при этом насущную потребность в Средней Азии. Таковы металлы: железо, медь, чугун и изделия из них; товар кожевенный и деревянный. Без наших произведений среднеазиатцу не в чем будет варить себе пищу, не во что ноги обуть; сверх всего, сбытом нам хлопка своего и фруктов приобретают они и наличные деньги, на которые покупают потом от персиан и афганцев то немногое, что пригодно им из произведений британской промышленности»^[216].

Но со временем все изменилось. Дело в том, что, как уже упоминалось, именно текстильная промышленность была в России наиболее развита. Не металлургия, не кораблестроение. Текстиль. В 1850 году в империи было произведено бумагопрядильной продукции на 16 миллионов рублей, красильной и отделочной – также на 16 миллионов, бумаготкацкой – на 13 миллионов. К 1860

году цифры выросли так: бумагопрядильной продукции произвели на 28,7 миллиона, красильной – на 23,1 миллиона, бумаготкацкой – на 19,3 миллиона рублей.

И понятно, что ежегодно в страну импортировались тысячи пудов хлопка: в 1841–1845 годах – 527 тысяч, в 1846–1850 годах – примерно по 1115 тысяч, то есть более миллиона пудов, в 1851–1856 годах (годы Крымской войны) – полтора миллиона пудов, а в 1856–1860 годах – 2 миллиона 421 тысяча пудов.

Однако с началом Гражданской войны в США импорт хлопка в Россию тут же упал до 1 миллиона 116 тысяч пудов. И вот тогда вопрос о среднеазиатском хлопке встал особенно остро. Его ввоз увеличился втрое, цена на азиатский хлопок на ярмарке в Нижнем Новгороде поднялась с 4–5 рублей за пуд сначала до 7 с половиной рублей, а к 1864 году достигла 24 рублей. Средняя Азия стала рассматриваться как источник важного промышленного сырья. Финансовое и промышленное лобби давило на власть: нам нужна Азия. В министерства финансов и иностранных дел постоянно подавали петиции и докладные записки с ходатайствами о «создании в Средней Азии благоприятных условий для деятельности русского купечества».

Русские газеты и журналы принялись писать статьи под названиями «О бухарском хлопке и возможности разведения хлопчатника на Сырдарье», «Бухарцы и хлопок», журнал «Вестник промышленности» в редакционном «Обзрении промышленности и торговли России» писал, что, с одной стороны, Гражданская война в США дает русской промышленности новые возможности на зарубежных рынках, с другой – нехватка сырья для ткацких фабрик может затормозить рост экономики страны. Автор статьи считал, что теперь в России «побольше подумают о хлопке в тех странах Азии, которые у нас под рукой». В статье «Заметки о Бухаре и ее торговле с Россией» в журнале «Современник» анонимный автор сообщал, что «сбор и вывоз хлопка поглотил в Бухаре всю ее прежнюю производительность, заменил почти весь ее вывозной товар: канаус, сусу, выбойку, готовые халаты и даже фрукты». Автор писал, что правительству стоит быстрее перенести Оренбургскую линию «на границу государства – на Сырдарью». В самой Бухаре на торговле с Россией местная аристократия делала целые состояния. Первоначально отпускная цена на хлопок была полтора рубля. По мере возникновения дефицита она росла, и российские промышленники и фабриканты логично, с точки зрения бизнеса,

рассуждали – зачем платить кому-то за хлопок, когда его можно выращивать самим в этом же регионе. Кроме того, в Бухарском эмирате не было никакой промышленности, чтобы хлопок этот обрабатывать.

«Из земледельческих продуктов, богатство и гордость Бухары составляет хлопок. Бухарский хлопок, бесспорно, лучше коканского и ташкентского и предпочитается хивинскому по нежности и белизне своего волокна, хотя и уступает последнему в длине волокна. Количество возделываемого хлопка в Бухаре возрастает год от году, по мере увеличения вывоза его в Россию.

Относительно мануфактурной производительности Бухары следует сказать, что она находится в первобытном состоянии, хотя и в несколько лучшем, чем в соседних независимых ханствах. Промышленность бухарская не могла развиваться вследствие недостатка технических знаний, которые заторможены законом, считающим всякое знание “вне корана” греховным. Вот почему Бухара, равно как Хива и Кокан, издавна, в промышленном отношении, зависели от России»^[217].

Но была и еще одна причина, почему русская экспансия в Азию продолжалась и усиливалась. И она не поддается каким-либо логическим объяснениям вроде экономики или противостояния с Англией. Проблема была в том, что, начав движение в регион, русские власти просто не имели возможности его остановить. Любое отступление было бы воспринято региональными лидерами – ханами, эмирами, беками, вождями – как слабость России. Любая остановка тоже. Покорив Ташкент, русские не могли не пойти дальше. Этот город с начала 19 века несколько раз переходил от Коканда к Бухаре, каждый раз с кровью, зачисткой местных элит, грабежами и насилием. И в Коканде, и в Бухаре этот город считали своим. Именно поэтому русские права на Ташкент пришлось отстаивать силой оружия. А дальше одни события и действия вызывали к жизни другие. Ташкент наш? Отлично. Но бухарский эмир думает, как его вернуть, и собирает армию. Армию разбили? Но эмир ведет переговоры с англичанами, а кокандский хан тоже готовит вторжение. Русским властям приходилось импровизировать, поступать по обстоятельствам, и это лишний раз доказывает, что никакого четкого, разработанного плана действий в Азии ни у политического, ни у военного руководства России не было. Работал наполеоновский девиз «война план покажет». В отличие от британцев, русский кабинет министров и царь действовали

совершенно бессистемно. И, по сути, вся политика Российской империи в регионе, ответственность за нее легли на плечи одного человека – генерала Кауфмана.

Генерал-губернатор Константин Петрович фон Кауфман принадлежал к клану «силовики» и «ястребов» в российском руководстве. Он входил в ближайшее окружение военного министра Дмитрия Алексеевича Милютина, человека, который имел в те годы невероятное влияние при дворе, который, в числе прочих, был одним из лидеров реформаторского движения в России. Граф Муравьев, тоже покровитель Кауфмана, дал ему такую характеристику: «Хотя с немецкою фамилиею, но истинно православный и русский».

Генерал-губернатор Константин Петрович фон Кауфман

Род Кауфманов вел свою историю с 15 века, его родоначальником считался Освальд Кауфман, живший в Тироле в 1444 году. Его сына Эбергарда император Священной Римской империи Фридрих Третий возвел в 1469 году в рыцарское

достоинство. Фон Кауфманы были частью политической элиты в Австрии, Бранденбурге, при дворе польского короля Станислава-Августа. В России они появились в царствование Екатерины II. Два брата, Август и Теодор, служили в русской армии, воевали под началом Потемкина и Суворова. Сын Теодора – его уже называли на русский манер Петр Федорович – в 9 лет остался сиротой. Императрица назначила ему трех опекунов, в том числе своего секретаря Храповицкого. После шляхетского корпуса его ждала военная карьера: Отечественная война 1812 года, турецкая война 1828 года, венгерский поход под командованием Паскевича. За отличную службу ему пожаловали родовое имение с приличным доходом.

19 февраля 1818 года у Петра Федоровича фон Кауфмана родился сын. Согласно семейной традиции Костю Кауфмана ждала военная карьера. В 14 лет он стал юнкером Главного инженерного училища, в 1839 году в чине инженер-поручика попал в Кавказскую армию и 13 следующих лет воевал с горцами, штурмовал аулы, строил укрепления, изучал культуру и быт Кавказа. Получил два ранения и знак ордена Святого Георгия 4-й степени – за личное мужество в бою.

Крымскую войну Кауфман встретил уже полковником, командиром Кавказского саперного батальона. Причем во время осады Карса он сумел проанализировать запасы гарнизона и заявил представление о запасах того и другого в осажденной крепости. Сделав расчеты, он доложил главнокомандующему Кавказским корпусом Николаю Муравьеву (будущему губернатору Восточной Сибири), что Карс дотянет до ноября, не больше. И на самом деле 16 ноября 1855 года гарнизон капитулировал.

В 1858 году Кауфман был включен в состав Свиты Его Императорского Величества, что означало особое отношение царя к молодому офицеру. В 1860 году Константина Кауфмана назначили директором канцелярии Военного министерства, где он как раз и сблизился с Милютиным. Реформу по реорганизации военных округов, созданию новых военных училищ они начинали вместе. Затем он ненадолго стал генерал-губернатором Привисленского (Северо-Западного) края, а после по рекомендации Милютина – генерал-губернатором Туркестана. При назначении ему были предоставлены огромные полномочия «к решению всяких политических, пограничных и торговых дел, к отправлению в сопредельные владения доверенных лиц для ведения переговоров и к

подписанию трактатов, условий или постановлений, касающихся взаимоотношений России с этими странами». Кауфман долго готовился к новой миссии, изучал документы, беседовал с разведчиками, дипломатами, учеными, подбирал сотрудников. Зная восточные нравы, он основательно подготовился к новому назначению: специалисты роскошно оформили царский манифест, с полномочиями генерал-губернатора. Манифест выглядел вычурно и пугающе, олицетворяя собой мощь и несокрушимость имперской власти. Михаил Терентьев описывал его так:

«Сама грамота в золотом глазетовом переплете, прошнурованная толстыми золотыми шнурами, пропущенными сквозь массивный серебряный вызолоченный ковчежец и залитыми красным воском с вытисненной на нем большой государственной печатью; большие золотые кисти, прикрепленные к концам шнуров; текст, писанный золотом и крупными буквами в рамке из гербов всех губерний и областей России, красивая подпись Императора Александра II – все это вселяло в именитых туземцев, которым Кауфман не упускал случая показать “золотую книгу”, особое к ней почтение и благоговение. Быстро разнеслась молва о “золотой книге” и страшной власти, данной ею Кауфману»^[218].

В Ташкент Кауфман добирался долго. По дороге заезжал в Оренбург, в Омск, в укрепление Верное. Он знакомился с «коллегами» – оренбургским и западносибирским генерал-губернаторами и с подчиненным – губернатором Семиречья. По дороге он еще, конечно, старался изучить, чем живет вверенный ему край, понять, как складываются отношения русских властей и местных элит, как живут поселенцы, казаки, киргизы, как идет торговля. Наконец он приехал в Ташкент. Какое впечатление произвел на него город, можно представить, исходя из записок русского путешественника, публициста и ориенталиста Петра Ивановича Пашино, который посетил город в 1866 году.

«Если кому-нибудь из вас случалось делать путь в три тысячи верст, какой совершил я, вы поймете то наслаждение, которое я чувствовал, отправляясь с последней станции.

– Вот подыметесь на гору, и перед вами предстанет Ташкент, – говорил мне, прощаясь, г. К.

Гора эта мне показалась так велика, что я уже думал, что никогда не доеду до Ташкента.

– Где же Ташкент? – спрашиваю я у ямщика.

– Анду (вот) Ташкент, – сказал ящик, обращаясь ко мне, когда мы начали спускаться с горы.

Где же Ташкент, – подумал я; – тут ничего нет, кроме бесконечного сада. Я сообщил ящику мое недоразумение, и он расхохотался.

– В садах-то и есть дома, – сказал он и долго после этого смеялся.

Действительно, каждому русскому показалось бы странным встретить сад, которому нет конца и края, называющийся городом, без всяких следов построек. Лес этот стоял величественно; ни один листок не шевелился, потому что ветра совсем не было. Пока мы подъезжали к нему, справа и слева открывались небольшие постройки с пашиями, орошаемыми арыками, которые часто перебежали нашу дорогу. Вон направо небольшой дом двухэтажный и около него бахча, обведенная со всех сторон стеною. Этот домик мне так напомнил благодатную Персию с ее бала-ханами, верхними этажами, что я невольно предался воспоминаниям о стране, в которой так приятно провел полтора года. Пересекающие дорогу арыки также напоминают Персию; и в Персии проводится таким же образом вода, как здесь, разница только та, что там нет ни арб, ни телег, потому что ни в одном городе, ни в одном селении нет ни одной улицы, по которой можно было бы проехать на телеге или на арбе. Когда мы начали приближаться к этому бесконечному саду, стала проявляться жизнь. Из-под стен, которые теперь стали видны, выступал огромный караван и несколько крытых арб, в которых помещалась семья караванбашей. Когда мы подъезжали к стенам садов, нам загородили дорогу ослы с бревнами, натянутыми им на шею. Они выходили из какого-то сада, откуда слышались между щебетанием птичек удары топора; самые хозяева садов, заслыша колокольчик, подбежали к стенам, чтобы поглазеть на русского и на его экипаж и сказать ему в случае необходимости: «Аман, аман урус». В садах, в дальнем расстоянии от дороги, находились лачужки – уют здешних садовников. Местами выглядывали и женщины с повязанными на голове платками или без платков вовсе; смуглые лица их чрезвычайно добродушно смотрели на меня. С ними лезли на стену также их ребяташки в длинных рубашках и штанах; головы их были покрыты тюбетейками. Они, негодяи этикие, кричали брань русскому проезжему, они кричали: «Урус – хурус». Хурус значит петух, вся же фраза переводится так:

«русский – петух». Да, русские задали вам, думал я, с шестьюстами штыков такого петуха, которого вы никогда не забудете».

Ташкент, 19 в.

Часть Ташкента, где размещалась резиденция губернатора и русские казармы, была не очень большой. Русские построили дома-

мазанки для офицеров и чиновников, с белеными стенами, посадили пирамидальные тополя. Дом Кауфмана ничем не отличался от жилищ остальных офицеров. Такой же небольшой и довольно неуютный. Именно в нем туркестанский генерал-губернатор написал два письма: хивинскому хану Мухаммед-Рахиму и кокандскому Худояру. Он сообщал о своем назначении и предлагал установить мирные отношения, наладить торговые связи, отказаться от набегов на русские поселения. Эмиру Бухары Кауфман послал копию Царского манифеста о его назначении и проект соглашения между Россией и Бухарой.

Ответных посланий пришлось ждать долго. В феврале 1868 года пришло письмо из Хивы, да и то не от хана, а от его кушбеги – премьер-министра и министра финансов одновременно, где тот в довольно развязной форме наставлял русского губернатора, как тому следует себя вести в отношении Хивы. Чуть раньше пришел ответ от кокандского хана Худояра. Он согласился заключить торговый договор на русских условиях. Для русских купцов устанавливались четкие пошлины на ввозимые товары, им гарантировалось свободное и безопасное пребывание в ханстве, на территории Коканда могли теперь работать российские торговые агенты.

Дольше всех думал, как ему поступить, бухарский эмир Музаффар, сын Насруллы. Как и отец, был он правителем суровым и к власти пришел вопреки родительской воле. Насрулла хотел передать власть внуку. Вот что писал про это бухарский литератор и историк Ахмад Дониш:

«Укрепившись на престоле, эмир Музаффар жестоко расправился с теми, кто ратовал за выполнение завещания. Внук, который по завещанию должен был наследовать Насрулло, тоже сбежал и скрылся из Бухары. Эмир уничтожил всех его сыновей и внуков, и ни один из них не смог спастись в какой-либо области. Очень скоро он сместил с должностей вазиров и других высших чиновников, назначенных отцом, конфисковал их имущество и назначил на их места своих верных людей. Войско и народ были недовольны этими действиями эмира»^[219].

Музаффар понимал, что русские – это серьезный противник, и он пытался собрать нечто вроде военного союза, насколько это в Азии в тех условиях было возможно, учитывая, как там относились к договорам и союзам. Он вел переговоры с Хивой, Афганистаном, уговаривал Коканд, отправлял посланцев в Турцию и даже к англичанам в Калькутту. Турки и англичане от возможности

повоевать с русскими в Азии сразу же отказались. Остальные «друзья» и «союзники» кормили Музаффара обещаниями. При этом сам эмир, может, и отказался бы воевать с русскими, но на него давило местное духовенство, заявляя, что он просто обязан вести войну с кафирами, то есть неверными. Противопоставить себя духовным лидерам он никак не мог. Эмир полагал, что с русскими он сможет справиться, просто собрав большую армию. Ведь группировка под командованием Кауфмана была совсем не велика: чуть больше восьми тысяч солдат и офицеров, общая нехватка личного состава была около трех тысяч человек, в казачьих подразделениях не хватало более четырех тысяч. Было недостаточно артиллеристов и инженеров. Солдаты и офицеры постоянно болели из-за непривычного климата и плохой воды. Все страдали от малярии, хинина, то есть самого простого лекарства от малярии, не было, за год в военных подразделениях умерли почти 800 человек. И в действительности, даже год спустя, в 1869 году, Кауфман писал в столицу Милютину о нехватке личного состава и недостаточной подготовке.

«Администрация свое дело делает, но надо, чтобы она его делала со спокойным духом, а не под влиянием страха за свое существование. Если только есть возможность формировать внутри Империи местные войска, то убедительно прошу Вас, Дмитрий Алексеевич, помогите этим делом. Право дороже будет стоить усмирение какого-нибудь мятежа, или ведение войны, которая возбудиться вследствие слабости нашей, как это бывало до сих пор. Война и мятеж нам очень дорого стоят. Я ведь не Бог знает что прошу. Дайте нам местные войска и 3-ий стрелковый бат[альон] и не расформируйте линейных бат[альо]нов. Если Вы возьмете у меня 2 батальона, кроме казачьего, то это значит другими словами – взять 10 рот с поля битвы; а когда армию свою считаешь ротами, то 10 рот не малая цифра. Я говорю об усилении с такою уверенностью, потому что знаю положение дел и убежден что верно оцениваю его. Одна ошибка, промах какой-нибудь, может поднять здесь многое»^[220].

Бухарские шпионы все это видели и сообщали, что воевать будет не трудно: «Русские вымирают, их осталось очень и очень мало, отчего ярым-падшо решил бежать в Петербург». Ярым-падшо, в переводе «полуцарь», полупадишах – это прозвище Кауфмана. Настолько важной персоной его считали, хотя и пытались с ним не считаться. К весне 1868 года эмир Бухары собрал приличную

группировку. 12 батальонов пехоты, 150 орудий полевой артиллерии, примерно 30 сотен кавалерии. Правда, вооружена армия была вразнобой. У солдат были как кремневые ружья, так и тульские охотничьи двустволки и даже фитильные мушкеты. Боевой подготовкой войск занимались русские дезертиры. Когда войско эмира двинулось к условной, пока не признанной границе, в Ташкенте объявили тревогу.

Первое столкновение с бухарской армией случилось возле Джзака в ночь на 15 апреля. А в конце того же месяца Кауфман с отрядом в 3,5 тысячи человек, 5 сотен казаков при 16 орудиях выдвинулся к Самарканду. Пока отряд шел, к генерал-губернатору стали прибывать переговорщики то от самаркандского бека, то от командующего бухарской армией. Все они убеждали Кауфмана войну не начинать, потому что эмир готов подписать договор. Надо только день-другой переждать, и ответ будет. Понятное дело – бухарцы тянули время. Но Кауфман, все понимая, каждый раз соглашался подождать, считая, что цивилизованные люди и войну ведут цивилизованно. На письма от беков он отвечал так:

«К. П. Кауфман – бухарским бекам.

Лагерь близ Яны-Кургана. 29 апреля 1868 г.

Почтенные беки.

Письмо Ваше я получил. Я остаюсь при прежнем моем желании заключить прочный мир с Бухарою, но пока не получу полного удовлетворения на все мои справедливые требования, буду идти вперед. Чем ближе мы будем друг к другу, тем скорее окончатся переговоры о мире. Поторопитесь выслать утвержденные условия. Если бы вместе с тем приехал ко мне один из Вас, почтенные сановники, для окончательных переговоров со мною, то это ускорило бы развязку дела. Желаю вам добра и спокойствия.

Туркестанский генерал-губернатор и командующий войсками Туркестанского военного округа, генерал-адъютант

К. фон Кауфман»^[221].

В итоге, когда русский отряд дошел до реки Зеравшан, а мирного договора так никто и не привез, Кауфман отдал приказ атаковать. Это произошло 1 мая. Солдаты переходили реку по грудь в воде, казаки встали двумя цепями поперек реки и держались за руки, образовав живую цепь. Она ловила тех, кого течение сбивало с ног. Переправа проходила под обстрелом противника – по русским палили 40 орудий с господствующих высот.

Выходя на противоположный берег, русские солдаты ложились на спину и болтали поднятыми ногами. Так они выливали воду из сапог. Бухарцы, наблюдавшие за этим, догадались, что им открылся секрет русского военного мастерства, что именно в этом залог русских побед. И при следующих стычках с русскими войсками бухарцы пытались повторить этот магический обряд, чтобы победить русских. Хотя успеха им это так и не принесло. Это выглядит как анекдот, но об этом рассказывали все участники туркестанских походов. Так что общее состояние военного дела в Азии вполне можно представить.

Вытряхнув воду из сапог, русские пошли в атаку. Бухарские войска бежали, казаки догоняли их и рубили бежавших. Ахмад Дониш описал этот бой возле Зеравшана так:

«Сражавшиеся нашли необходимым бежать: каждый бежал так, как мог бежать, бежали куда глаза глядят, бросали все имущество, снаряжение. Некоторые бежали в сторону русских, и последние, узнав их положение, накормив и напоив, отпускали их. Эмир, загнув штаны, тоже убежал. Никто не хотел воевать».

Уже 2 мая Кауфман принимал делегацию от духовенства и политической элиты Самарканда. Ему поднесли дары и просили принять город под власть русского императора. Русский художник Василий Верещагин был участником того похода и приехал в Самарканд 2 мая, на следующий день после сдачи города, по приглашению Кауфмана. В книге воспоминаний он подробно рассказывал, как русские генералы осматривали древнюю столицу великого Тамерлана.

«Все мы, “завоеватели” Самарканда, следом за главным начальником отряда генералом Кауфманом, расположились во дворце эмира.

Комнаты генерала Кауфмана и наш дворик сообщались с знаменитым тронным залом Тамерлана, двором, обнесенным высокою прохладною галлереей, в глубине которой стоял и самый трон Кок-таш – большой кусок белаго мрамора, с прекрасным рельефным орнаментом. Сюда, на этот двор, стекались государи и послы всей Азии и части Европы для поклона, заверений в покорности и принесения даров; на этом камне-троне восседая, принимал своих многочисленных вассалов Тимур-Лянг (в буквальном переводе – Хромое железо). Я часто хаживал по этой галлее с генералом Кауфманом, толкуя о местах, нами теперь занимаемых, о

путешественниках, их посетивших, о книгах об них написанных и т. п.»^[222].

Генерал-губернатор Кауфман направил эмиру договор о мире с новыми условиями, а именно с требованием признания всех территориальных приобретений России, сделанных за счет Бухарского ханства, включая Самарканд и Самаркандское бекство. Эмиру предлагалось оплатить все военные издержки. Отвечать он по традиции не стал, а посланных к нему парламентеров казнил. Оба казненных были рабами-персами, которых русские солдаты освободили из невольничьей ямы.

Вообще, то, что русский генерал предлагает мир, в Бухаре восприняли как слабость и трусость. Как и тот факт, что русские не перебили все бежавшие в панике войска эмира. 13 мая Кауфман собрал офицеров на совет, хотя и так было ясно – если эмира не добить, то мир подписан не будет. Войска выступили в сторону Бухары, и через четыре дня отряд под командованием генерала Головачева занял крупный кишлак Катта-Курган. 29 мая генерал узнал, что бухарские подразделения находятся в 10 километрах от него, у городка Зерабулак. Начались нападения на русский лагерь. Головачев попросил подмогу, и Кауфман отправился ему на помощь с отрядом всего-то в 792 человека, при 170 казаках. Утром 30 мая отряд вышел из Самарканда, за 25 часов прошел почти 70 километров и оказался в Катта-Кургане.

«Нападают врасплох». В. Верещагин, 1868

В Самарканде остались 95 саперов, 4 роты пехоты общей численностью 520 человек, 25 казаков и 8 орудий. Кауфман поверил, что самаркандская элита уже вполне лояльна, раз она сама просила его о русском покровительстве. Хотя местная еврейская община и

персы, вечно угнетаемые узбеками, и сообщали о том, что в городе зреет мятеж. За ним стояли сын бухарского эмира, местные беки, имамы. Фанатичные мусульманские проповедники говорили, что каждый должен стать на путь борьбы с неверными. Заранее в глинобитных заборах были прорублены бойницы, заготовлено оружие. Едва Кауфман покинул город, около его стен стали собираться разрозненные отряды. Некоторые историки оценивают общую численность бойцов, шедших отбивать Самарканд, в 65 тысяч человек. Но более реальной кажется другая цифра – 20 тысяч.

1 июня 1868 года восставшие пошли на штурм цитадели. Первый приступ отбили легко, но русским офицерам было ясно – крепостные стены ненадежны, удержать неприятеля будет весьма непросто. Верещагин – кстати сказать, об этом мало известно – активно участвовал в обороне крепости. Он подобрал ружье убитого солдата и в отряде своего приятеля полковника Назарова сражался до последнего дня.

«– Всем нам тут помирать, – угрюмо толкуют солдаты. – О, Господи, наказал за грехи! Как живые выйдем? Спасибо Кауфману, крепости не устроил, ушел, нас бросил...

Я ободрял, как мог: “Не стыдно ли так унывать, мы отстоимся, неужели дадимся живые?” Очень пугали солдат какия-то огненные массы, вроде греческого огня, которые перебрасывали к нам через стены – они падали иногда прямо на головы солдат и многих обжигали.

Насколько далее подошел к стене небольшой отрядец солдат с офицером – это был помянутый полковник Назаров, который, в виду беды, стряхнувшейся над крепостью, благоразумно забыл о своем аресте, собрал в госпитале всех слабых своего батальона, бывших в состоянии держать ружье, и явился на самый опасный пункт. К нему бегут солдаты совсем растерянные.

– Ваше высокоблагородие, врываются, врываются!

– Не бойся, братцы, я с вами, – ответил он с такою уверенностью и спокойствием, что сразу успокоил солдат, очень было упавших духом от этих непрерывных штурмов, сопровождавшихся таким ревом.

С этой минуты мы были неразлучны с Назаровым, за все время восьмидневного сиденья, хорошо памятного в летописях среднеазиатских военных действий»^[223].

Один из увиденных Верещагиным эпизодов лег в основу его знаменитого полотна «Смертельно раненный».

«Другого пуля ударила в ребра, он выпустил из рук ружье, схватился за грудь и побежал по площадке над воротами вкруговую, крича:

– Ой, братцы, убили, убили! Ой, смерть моя пришла!

– Что ты кричишь-то, сердечный, ты ляг, – говорил ему ближний товарищ, но бедняк ничего уже не слышал, он описал еще круг, пошатнулся, упал навзничь и умер – его патроны тоже в мой запас».

Осада продолжалась восемь дней. Восемь дней бесконечных тяжелых боев, под палящим солнцем, на жаре, с минимальными запасами воды и пищи. В обороне принимали участие и русские купцы, прибывшие в Самарканд торговать. Постепенно осажденная русская группировка смогла если не переломить, то выровнять ситуацию. Русские отряды совершали вылазки в город, проводили зачистки, уничтожали наблюдательные пункты противника, во время одной вылазки русские разведчики выжгли целую улицу вдоль стен цитадели. С крыш домов стреляли нападавшие. С них пытались перелезть на стены. Если русский разведчик или участник группы попадал в плен, с ним расправлялись зверски. *«Ужасны были тела тех нескольких солдат, которые зазевались, головы которых были глубоко вырезаны до плеч...»* Это писал Верещагин, сам участвовавший в таких вылазках, в одной он чуть не погиб – был окружен тремя повстанцами и отбилась только с помощью других солдат.

Осада Самарканда показала, насколько глубока пропасть, которая лежит между профессиональной, прошедшей Крым и Кавказ русской армией и полудикой добровольческой армией азиатского государства. Вылазки русских отрядов фактически привели к тому, что это русские контролировали, будучи в осаде, всю ситуацию в городе. Они ликвидировали огневые точки противника, наблюдательные пункты, добывали еду и воду, уничтожали отряды, передвигавшиеся около стен цитадели.

«Пусть войдут». В. Верещагин, 1871–1872 гг.

Ровно в тот же день, когда началась осада, отряд Константина Кауфмана дал решающий бой бухарскому эмиру на Зерабулакских высотах. Особую роль сыграли русская артиллерия, которая работала кучно и точно, подавляя батарею противника, и, конечно, как всегда натиск русских отрядов, построенных в каре. Имея десятикратное превосходство, бухарские войска бежали. Вот описание битвы из книги «Русское знамя в Средней Азии»:

«Дивизион Оренбургской казачьей батареи, под командою есаула Топорнина, выскочил, по приказанию Пистолькорса, на позицию, снялся с передков в 300 шагах от фронта сарбазов и, выпустив гранаты, коими были заряжены его орудия, обстрелял фронт картечью, стреляя по огню. Топорнин сделал восемь очередей картечью; сарбазы отвечали неумолкаемым живым огнем, не трогаясь с места; после ужасной потери в людях, задние шеренги сарбазов стали стрелять прямо вверх вертикально. Это было верным признаком паники, и потому времени терять было нечего. Дан был сигнал к атаке колонне Абрамова, к правому флангу которой присоединился сам генерал Кауфман со свитою и сборной сотней казаков. Роты авангарда стрелкового батальона и 3-го линейного, под командою полковников Пищемука и Баранова, лежавшие у орудий под огнем сарбазов, вскочили на ноги и с криком “ура” бросились на неприятеля; двинуты были также и казаки; артиллерия, сделав свое дело, взяла на передки. Главные силы – 5-й и

4-й батальон и дивизионы батарейный и нарезной, с генералом Головачевым и полковником Абрамовым во главе, двинулись на правую половину сарбазов. Пятый батальон, составлявший наш левый фланг, был атакован бухарскою кавалерией, которая в то же время бросилась на раненых, тянувшихся к перевязочному пункту; несколько человек было порублено. Майор Гриппенберг, переменяя быстро фронт, огнем и штыком отбил конницу, а затем снова повернул вперед».

Обратите внимание на фамилии русских офицеров. Сколько из них на самом деле «русские»? Пищмук, Пистолькорс, Гриппенберг. Люди, чьи деды и прадеды приехали в Российскую империю, или те, что оказались в ней в результате раздела Польши, воюют за Родину, за Россию в тысячах километров от нее. Русский – это не кровь, не этнос в первую очередь. Это в первую очередь вера, и идея, и русские смыслы. Выросший в Луганске Владимир Даль, наполовину датчанин, наполовину немец (его маму звали Мария Христофоровна Фрейтаг), составил канонический толковый словарь «великорусского» языка. Потому что был русским по духу.

После победы перед Кауфманом встал вопрос: а что дальше? Штурмовать Бухару с таким небольшим отрядом было почти невозможно. То есть, наверное, возможно, и будь на его месте Черняев, он непременно пошел бы на новую авантюру. Педантичный и дисциплинированный русский немец Константин Кауфман понимал, что его люди устали от переходов и болезней, а тут еще стали доходить слухи о восстании в Самарканде. В течение всех восьми дней осады командовавший обороной города майор Штемпель посылал Кауфману гонцов, но все они попали в руки восставших и были казнены.

Три дня под Зерабулаком шли совещания, три дня русские не снимали лагерь, держа в напряжении эмира, дабы тот не подумал, что раз русские ушли, то на этот раз точно потому, что очень его испугались. Наконец отряд развернулся и пошел на помощь. Когда он находился примерно в 20 километрах от города, седьмой гонец добрался до Кауфмана и сумел передать ему послание от Штемпеля, причем написано оно было на немецком языке. Там говорилось, что положение отчаянное, что держаться возможности почти не осталось. Кауфман в ответ написал, что он уже на подходе. Гонец смог пробраться назад в город и передать письмо. Из книги русского военного историка:

«Комендант с этой запискою обошел все войска гарнизона, всем читал ее, благодарил защитников за их труды и поздравлял заранее с окончанием геройской защиты цитадели. Громкое “ура” было везде ответом. Трудно представить себе радость храбрых защитников. Некоторые читали вслух молитвы, другие крестились и целовались, поздравляя друг друга...

Услыхав шум в гарнизоне, неприятель усилил огонь, а барабанный бой, шум и крики дали повод предполагать, что неприятель снова собирается большими скопищами; ночь, однако, прошла спокойно.

Въехав в городские ворота, командующий войсками должен был остановиться, пока саперы разбирали бруствер, сооруженный ими в воротах цитадели из огромных мешков с землею.

Несмотря на развалины кругом, пост у ворот имел довольно внушительный вид: высокая баррикада с амбразурой, чрез которую злоеще выглядывала пушка, две башни по бокам, стрелки между зубцами... Зато перед воротами все свидетельствовало об отчаянной схватке: совершенно разрушенные дома, обгоревшие трупы, обглоданные собаками и кошками, которые тут же лакомились своими бывшими хозяевами!.. Тяжелый смрад от разлагавшихся трупов, запах гари, все это громко говорило о той страшной драме, которая на этом месте разыгралась. Лошади фыркали и, наступив в тесноте на хрустевшего под ногами обгорелого сарта, взвизывали на дыбы. Наконец, один угол баррикады был расчищен, и генерал-губернатор въехал в цитадель. Бледные и худые, но принарядившиеся защитники возбуждали к себе невольное участие и уважение – это были больные и слабые 9-го батальона. Тут же был и всегда веселый Назаров; стоял также невозмутимо спокойный барон Штемпель. Генерал остановился в воротах и долго говорил с героями славной обороны, которые, казалось, и не подозревали, что они совершили действительно геройский подвиг».

Окончание осады города обернулось жесткими зачистками и карательными акциями. Из воспоминаний Василия Верецагина:

«Добрейший Кауфман, понимавший, что надобно будет дать пример строгости, очевидно, нарочно провел предыдущую ночь не доходя несколько верст, чтобы дать возможность уйти большому числу народа, особенно женищинам и детям, за то теперь он отдал приказ примерно наказать город, не щадить никого и ничего. Один военный интендантский чиновник, бывший в числе добровольных

карателей, рассказывал, что «вбегает он с несколькими солдатами в саклю, где видит старую, престарую старуху, встречающую их словами: аман, аман! (будь здоров). Видим, говорит, что под рогожами, на которых она сидит, что-то шевелится – глядь! а там парень лет 16; вытащили его и пришибли, конечно, вместе с бабушкою».

Солдаты прочесывали город в поисках тех, кто участвовал в осаде и не успел или не захотел уйти. Задержанных с оружием, со следами пороха на руках, с синяками от прикладов на плече приводили на военно-полевой суд. И там «добрейший Константин Петрович, окруженный офицерами, сидел на походном стуле и, куря папиросу, совершенно бесстрастно произносил: «расстрелять, расстрелять, расстрелять...» Обычно эти факты как-то забывают привести те, кто пишет о зверском подавлении Сипайского восстания англичанами. Хотя война всегда порождает жестокость. Принципиальная разница состояла в том, что англичане пришли в страну за тысячу миль от Лондона, и, собственно, изначально индийцы им ничего плохого не делали. Более того, они даже не знали о существовании Англии. А с русскими было не так. Многие участники туркестанских походов немало прослужили на границе, точнее, на линиях, и отлично знали, как уводят в Азию русских, чтобы продать в рабство, как с русскими там обращаются, и шли в походы с осознанием того, что совершают некое возмездие. Про хлопок или бизнес-интересы крупных фабрикантов они, конечно же, не думали.

Случись восставшим взять Самаркандскую крепость, и по всему Туркестану началось бы восстание. Брожение уже зарождалось в Ташкенте, в Коканде стали думать об ударе в тыл Кауфману. 12 июня генерал-губернатор внезапно получил письмо от эмира Бухары. Музаффар писал, что капитулирует, что он согласен на все условия и просит только об одном – позволить ему поехать в Петербург, потому что он срочно хочет просить русского царя, чтобы тот разрешил ему совершить хадж в Мекку. Кауфман в ответ написал, что такие волнения ни к чему, что эмира никто не хочет лишать власти, а царю достаточно, чтобы эмират стал вассалом России. Брать на себя содержание еще и Бухары никому не было нужно, получить лишний повод для ссоры с Лондоном тоже не хотелось. Вассальный договор казался лучшим решением. Итоговый договор, подписанный эмиром, предполагал и контрибуцию в 500 тысяч рублей, а Самарканд и Катта-Курган стали новым Зеравшанским округом. Уже упомянутый

историк Ахмад Дониш, современник тех событий, писал, что такой итог был в целом закономерным. Ни к чему другому правление Музаффара не могло привести. И то, что пишет бухарский историк, конечно, шокирует. И заодно развенчивает миф о том, что, дескать, русские, придя в Азию, разрушили тысячелетнюю цивилизацию, и царившие там высокие нравы, и религиозные устои. И о том, что, дескать, под пятой русской оккупации Азия только и делала, что деградировала и теряла корни.

«Поскольку эмир был целиком предан пьянству, разврату и плотским удовольствиям, то во все подчиненные крепости от Карши до Кеша назначил аксакалами 155 людей низких, а благородных сместил, опасаясь, как бы они не стали подстрекать к смуте и недовольству.

Для удовлетворения своих желаний, которые для видимости назывались “заботой” о “бедняках” и “государственной мудростью”, [эмир] два раза в год в этих крепостях размещал войско, причем с такой помпой, точно это Тимур направляется в поход на Индию.

С пушками, артиллерией и десятью тысячами воинов направлялись в эти области. Посевы крестьян вытаптывали, постройки подданных разрушали [и только для того], чтобы, простояв [там] четыре месяца, вернуться назад. За это время четыреста-пятьсот аксакалов были заняты тем, что доставляли в крепость проституток. Так же и из города Бухары постоянно курсировали одна за другой десятки арб со специальными людьми вазира, которые были назначены для того, чтобы и ночью и днем доставлять проституток туда, где находился эмир. И эти десять тысяч воинов вместе с обслуживающими их людьми, составляя двадцать тысяч человек, возбужденных [видом] женицин и детей той области, предавались мужеложству и содомитству. А их жены в Бухаре каждую ночь с двадцатью тысячами человек также предавались разврату, “...за исключением того, кого предохранил Аллах”.

Коротко говоря, та часть Мавераннахра, столицей которой является благородная Бухара, стала сплошным Шахристаном Лота. А базар разврата и беспорядка стал настолько оживленным, что страна вскоре уподобилась Египту Фараонов.

Поэтому всевышний сделал эмира слугой, прихвостнем и прислужником русского государства»^[224].

Взятие Самарканда, разумеется, вызвало те самые последствия, которых так опасались русские министры. Лондон выразил недовольство происходящим в Азии, и русский посол получил ноту, Горчаков как-то смог убедить царя Александра, что ситуация с англичанами очень плоха и надо как-то их задобрить. И когда в августе 1868 года Кауфман выехал из Ташкента в Петербург делать личный доклад царю, его встретил фельдкурьер, который вез распоряжение императора вернуть бухарскому эмиру Самарканд и Катта-Курган. Боевой генерал никуда возвращаться не стал и поехал дальше в столицу. Кауфман понимал, в отличие от Горчакова и даже в отличие от императора, что вернуть Азии завоеванное – значит уронить престиж страны. Никто не будет считаться со страной, которая не ведет себя жестко. Впрочем, разве это правило международной политики действует только лишь в Азии? Как сейчас будет выглядеть Россия, если вернет, например, Крым, как этого требуют от Москвы Европа и США? Кто будет всерьез относиться к заявлениям России, к ее действиям?

То же самое происходило и в далеком 1868 году. Кауфман объяснял, что англичане никогда никому не отдают завоеванное (Афганистан не в счет, и то они смогли сделать правителя проанглийским) и Россия будет выглядеть на их фоне бледно, если отдаст Самарканд. Тогда, как рассказывают, Александр II приказал генералу: «Пойди и скажи все это Горчакову». Как и о чем говорили Кауфман и Горчаков, точно неизвестно. Но такая беседа была. И главе МИД пришлось согласиться с волей царя и начать свою войну, дипломатическую, отбивая атаки из Лондона. По возвращении в Ташкент Кауфман говорил своим генералам:

«Наша дипломатия, да и все правительство поддались угрозам и беснованию Англии; выяснилось же главное – полное непонимание положения России в Средней Азии... Да, это бюрократическое невежество наше поразительно. Само беснование Англии должно было не пугать наше правительство, а радовать его.

Если наше движение в Азии приводит англичан в такое неистовство, то, значит, оно верно попало в цель, для кого-то опасную, следовательно, непременно полезную нам. Ведь несомненно, что Англия – враг России и нигде не уязвима, кроме как в Азии. Это узда, которой мы всегда можем сдерживать Англию, готовую нам всюду вредить, что уже и показала она в Крымскую кампанию»^[225].

Самарканд, разумеется, остался под контролем России. Хан подписал мирный договор, а Константин Петрович фон Кауфман

был награжден орденом Святого Георгия 3-й степени. В Николаевском инженерном училище, выпускником которого он был, по распоряжению императора установили мраморную доску с надписью: «Самарканд, 1868» и именем героя Туркестана.

Той же осенью в Бухаре случился мятеж под предводительством сына эмира. Он обратился за помощью ко вчерашним врагам, и по распоряжению Кауфмана начальник Зеравшанского округа генерал Абрамов с небольшим отрядом разбил мятежников под городом Карши, сын эмира бежал в Кабул, а потом в Кашгар.

Эмир, правда, поначалу пытался вести политику как прежде, сам хотел напрямую, минуя Кауфмана, строить отношения с Петербургом, с Турцией и англичанами. Все завершилось в августе 1870 года. Тогда по просьбе эмира русский отряд совершил экспедицию против полунезависимых шахрисабзских беков и занял крепости Шаар и Китаб. После этого эмиру предложили прислать своего представителя, чтобы тот управлял Шахрисабзским оазисом. Это был щедрый жест, и эмир его понял и оценил. Он наконец осознал, что теперь судьба его зависит целиком и исключительно от русских. И только при их поддержке он может сохранить свою власть.

Покорение земель Средней Азии и подписание договоров с Бухарой и Кокандом русские промышленные и финансовые круги восприняли положительно. Было понятно, что на государство легла дополнительная нагрузка, но бизнес видел для себя только новые возможности. Журнал «Русский вестник» писал, что эти завоевания «возбуждают все больший и больший интерес», что перспективы развития отечественной промышленности и торговли определяются тем, «в какой мере мы сумеем приурочить к себе обширные и многолюдные рынки, непосредственно прилегающие ко вновь завоеванным землям».

Либеральный журнал «Вестник Европы» соглашался: «Нам предоставляется новое обширное поле для деятельности, громадный рынок для сбыта изделий Восточной России, несмотря на английскую конкуренцию». В статье говорилось, что правительство недостаточно поддерживает русскую торговлю, которая «должна прокладывать себе путь сама», тогда как торговля британская пользуется широким содействием своего правительства. Русская промышленно-финансовая прослойка, разделяющая западные либеральные ценности, видела перед собой идеальный, с точки зрения бизнеса, пример: англичане и Ост-Индская компания в

Индии. Именно так, по мнению отечественного бизнеса 19 века, должна была вести себя и Россия в Азии. Потому что главная задача бизнеса – извлечение максимальной прибыли, и в этом смысле английская модель была выстроена четко. Русские бизнесмены желали быть похожими на англичан, и, кстати, именно вот это желание превратить свою Родину в «нормальную страну» и стало причиной того, что олигархат поддержал Февральскую революцию 1917 года. Россия для отечественного бизнеса и либеральных политиков никогда не была самодостаточной, уникальной. Ее все время нужно было, оказывается, перестраивать и улучшать по западным образцам, не спрашивая, нужно ли ей это. Эту мысль прекрасно выразил русский философ Иван Ильин, когда рассуждал о стремлении некоторых русских превратить свою страну в нечто подобное западному миру. Ильин рассуждал, впрочем, о политике, но ведь политика от экономики почти неотделима.

«Люди, воображающие, что политический строй есть нечто отвлеченно выдуманное и произвольно изменяемое, что его можно по усмотрению заимствовать или брать “с чужого плеча”, что его стоит только “ввести” и все пойдет как по писанному, обнаруживают сузую политическую слепоту. Они напоминают ту сумасшедшую старушку, которая, живя на курорте, расспрашивала всех подряд, кто чем лечится, и все восклицала: “Вам – это – помогает?! Может быть, и мне – это – попробовать?!” Ответ ей мог быть один: “Да, мне – это – помогает, но вас это может погубить!” ... Ни в медицине, ни в политике – нет всеисцеляющих средств и лекарств.

Так, например, и перед революцией, и в эмиграции были наивные русские люди, которые непременно требовали для России “английской конституционной монархии”... Что же, если они могут превратить Россию в небольшой остров, с морским климатом и всемирным мореплаванием, с тысячелетним прошлым Великобритании, с английским характером, правосознанием, укладом чувства и воли, с английским темпераментом и уровнем образования – то их политическое требование станет осмысленным. А если они не могут произвести такое превращение, – тогда к чему беспочвенные мечты и праздные разговоры?!...»^[226].

Российская промышленная и банковская элиты об Азии рассуждали примерно в этом ключе: чем мы хуже англичан, раз у них получилось выпотрошить Индию, то мы можем сделать то же с

Азией. Впрочем, у правительства был несколько иной взгляд на ситуацию. Расширение скорее выглядело обузой для страны. И никаких выгод от Азии никто не ждал. Лишь «силовики», военный блок, по большей части не любившие Англию, были уверены, что движение в Азию нужно по причинам геополитическим (хотя такого термина никто в те годы еще не знал), хотя они же считали, что эта экспансия принесет определенную выгоду, при том, что придется тратиться на инфраструктуру. И когда «Вестник Европы» призывал активно разрабатывать азиатские месторождения, развивать промышленность и не увлекаться только управленческими задачами, а превратить русское присутствие в экономическое, придать русской политике в этом регионе «характер экономический, промышленный, торговый», то это не сильно расходилось с тем, как видел свои задачи Кауфман.

Потому что через три года после подписания мира с Бухарой Константин Петрович заявил, что «в настоящее время русские товары на бухарских рынках преобладают и смело могут конкурировать с немногими английскими произведениями, встречающимися на рынках Бухары». Это было весной 1872 года. Но именно в это же время Бухару посетил русский «торговый агент», а в действительности разведчик, дипломат, востоковед, Николай Федорович Петровский. Он писал в своем докладе:

«В настоящее время можно с уверенностью сказать, что торговля русским товаром имеет здесь первостепенное место.

На мой взгляд, русского бумажного товара по крайней мере раз в шесть более английского. Я видел на базаре этикетки фабрик Соколова, Богомазова, Сучкова, Истомина, Муравьева, Корнилова, Шереметьева, Мануилова, Сидорова, Морозова, Урусова, Баранова, Зубкова, Борисова, Миндовского, Фокина и Зизина. Затем идут сукно фабрик Осипова, Ремезова и Туляева, плис, парча и бархат, кожи кунгурская и уфимская, юфть, пряжа (ярославская и Лодера), прутовое, полосатое и листовое железо, чугунные котлы, медь, латунь, олово, свинец, меха, медные и железные изделия, фаянсовая посуда, сахар, леденец (преимущественно Кокина), сахарный песок, квасцы (идут большие Ушковские), купорос (синий), нашатырь, сандал (идет тертый), фуксин (первый сорт; второй и третий не идут), стеариновые свечи, писчая бумага, ртуть, мишура, бисер, краски, сундуки и всякая мелочь»^[227].

Но при этом Петровский смотрел на ситуацию в Бухаре совсем не оптимистично и делал выводы из своей поездки довольно

неприглядные. Он считал, что Россия может потерять рынок Азии, если не начнет предпринимать хоть какие-то действия на серьезном, государственном, уровне. Не уровне частных инвестиций, а именно государственном. Он полагал, что необходима четкая программа действий, потому что политическое присутствие в регионе обеспечивается в том числе и через экономику.

«...Наш Ташкент, сам ничего не производящий, останется навсегда тем, чем он в настоящее время: скупщиком и перепродавцом кокандских товаров. Большее значения он иметь не может и не будет. Даже более, я полагаю, что в недалеком будущем он уступит свое место Казале и останется только административным центром.

Совершенно другое дело бухарско-хивинский рынок или, точнее, Бухара. Срединный по своему географическому положению, между Афганистаном, Персией, Россией и нашими, вновь приобретенными азиатскими владениями, рынок этот образует собою огромный меновой двор и склад для всех произведений этих стран, и притом одинаково для всех их доступный. Такое положение дает ему, если не теперь, то в будущем, мировое значение, которое для нас, русских, может иметь (судя по настоящему положению дел) весьма печальный исход, если мы заблаговременно не отнесем к нему разумно».

Об авторе этого документа, Николае Петровском, стоит сказать несколько слов. Он родился в 1837 году и учился во 2-м Московском кадетском корпусе, закончил его, поступил на военную службу в Астраханский гренадерский полк, потом в качестве преподавателя русского языка служил в Александринском сиротском кадетском корпусе, а в 1862 году его арестовали по обвинению в связях с лондонскими пропагандистами – то есть Герценом и Огаревым. Его приговорили к году заключения. Но зачли срок, проведенный под домашним арестом. Он пошел на гражданскую службу в Государственный контроль, затем был чиновником «по особым поручениям» Министерства финансов. На этой должности он часто ездил в Среднюю Азию. И в 1882 году Николай Петровский был переведен в Министерство иностранных дел, назначен консулом в Кашгар, в Китайский Туркестан, где проработал более 20 лет. Петровский был одним из ключевых участников Большой Игры. Он общался с русскими путешественниками и разведчиками, сам написал инструкцию для разведчиков, отправляющихся в Азию, которая была рассекречена только спустя несколько десятилетий.

«Вы, такой-то, посылаетесь в такую-то страну, которую мы мало знаем, для собирания о ней сведений. Для того, чтобы вам легче было собрать сведения, составлены вопросы, на которые вы, по своем возвращении, должны дать ответы. Постарайтесь хорошо понять эти вопросы и запомнить их, здесь же, на месте, чтобы не осталось ничего неясным. Вы будете собирать по этим вопросам сведения от разных лиц, больших и малых, богатых и бедных, умных и несмышленных. Не будет, поэтому, вашей вины, если на некоторые вопросы ответы будут разные.

Передайте их только так, как вы их сами слышали, не прибавляя ничего от себя. Если на какие-либо вопросы нельзя будет ответить, то лучше не отвечать, сказав, что ответа нет, чем выдумывать неправду. За это на вас сердиться не будут.

Вы отправитесь по такой-то дороге, через такие-то города и места. Поезжайте не скоро, не тихо, а так, по тем переходам, как ходят караваны и ездят все путники. Старайтесь хорошо запомнить названия переходов и самую дорогу, по которой поедете, т. е. города, селения, реки, перевалы, которые вы на ней встретите. Все это нам нужно знать, чтобы исправлять и составлять карты всяких земель.

По приезде в страну, куда вы посылаетесь, вы назоветесь, как вам будет удобнее: или торговым прикащиком, приехавшим ознакомиться с базаром, или лицом, разыскивающим своих родственников и должников, или богомольцем, идущим на поклонение к каким-нибудь святым местам...

Не спешите собирать сведения тотчас же после вашего приезда в страну. Сначала осмотритесь, заведите знакомства. Все что можно видеть самому – смотрите сами, а не полагайтесь на рассказы других. Расспрашивайте не спеша, не все вдруг, о чем сказано в вопросах, а понемногу, при каждом удобном случае: у купца про товары, у служилого человека про порядки. Каждый ответ на ваш вопрос и каждый рассказ, который услышите, хорошо обдумайте, чтобы не было ничего для вас неясного или непонятного. Если вы грамотный и сведения можете записывать, но так, чтобы в случае, если у вас их отнимут, никто другой не мог бы их разобрать. Вам нужно поэтому записывать то, что вы узнаете... одним каким-нибудь словом, цифрой, значком, которые только бы вы слышали, узнали и видели. Прослушав все вопросы, вы поймете, что ничего тайного вам узнавать не поручают: обо всем, что сказано в вопросах, можно было спрашивать открыто, если бы

народ той страны, где вы будете, был народ образованный; вы едете секретно и должны скрывать цель вашей поездки только потому, что народ этот не знает русских и не может понять, зачем нам нужны такие сведения, а потому всякого человека, желающего что-нибудь узнать о стране не для чего-нибудь другого, а часто для ее же пользы, считает своим врагом»^[228].

В 1873 году российско-бухарский мирный договор был пересмотрен. Туда добавили пункты о свободном доступе российских купцов и их караванов в любую часть Бухарского ханства, об ответственности местных властей за безопасность русских купцов, о беспошлинном транзите русских товаров, об обмене между Российской империей и Бухарским ханством торговыми и политическими представителями. И как сказал тогда Кауфман, «правительство свое дело сделало», теперь дело за купцами.

Пока развивались эти события, в тысячах километров от Центральной Азии, в Лондоне, зрела обеспокоенность действиями России. От былого благодушия, которое еще присутствовало поначалу, не осталось и следа. И англичанам уже не казалось, что русская экспансия может быть такой безобидной. В Лондоне с ужасом замечали, что действия России в Центральной Азии на самом деле не многим отличаются от действий самой Британии, которая бесконечно расширяла индийские владения. Возражать англичане, конечно, пытались, но хоть русские ответы на эти возражения и были дипломатичны и сдержанны, между строк в них читалось – на себя посмотрите. Сэр Генри Роулинсон убеждал правительство как можно скорее отказаться от политики «умелого бездействия». Он писал:

«Каждый, кто следит за движением русских к Индии по карте Азии, не может не быть поражен тем сходством, которое имеют их движения с операциями армии, открывающей параллели, против осаждаемой крепости. Таким образом, первую параллелью будет русская граница, начерченная двадцать лет назад и идущая от Каспийского моря через Оренбург и Сибирскую линию к северу от степи до Иртыша. Со стратегической точки зрения, эта параллель может быть рассматриваема как обсервационная линия. Вторая параллель, которая будет составлять ее демонстрационную линию, есть граница, готовящаяся в настоящее время, и которая, согласно с планом генерала Романовского, будет идти от Красноводского залива, в середине Каспийского моря, к югу от Хивы

до Оксуса и по течению реки до Памира, включая, таким образом, всю узбекскую территорию и ставя в ее зависимость все воды Оксуса и Яксарта.

Эта параллель на 1000 миль ближе, но она не угрожает прямо Индии, тем более, что авганские горы составляют сильное военное укрепление. Третья параллель, которая будет естественным результатом предварительных операций и на которую Россия когда-нибудь решится, – если переживет революцию в Европе и катастрофу в Азии, – будет идти от Астрабада к юго-восточной части Каспийского моря, затем по персидской границе до Герата, от него через Хазарейские возвышенности к Оксусу, или может быть через Кандагар к Кабулу. Когда она утвердится таким образом, то положение ее будет внушать опасность».

И действительно, те, кто прежде соглашался с пассивной политикой правительства, стали подвергать ее сомнению. Вице-король сэра Джон Лоуренс заявлял: «Россию следует предупредить о недопустимости вмешательства в дела Афганистана или любого другого государства, граничащего с Индией... продвижение к Индии, переходящее некоторый рубеж, повлечет за собой войну с Британией во всех частях света». Сэр Лоуренс предложил поступить почестному – разделить Центральную Азию на британскую и российскую сферы влияния.

В сентябре 1869 года в Гейдельберге состоялась встреча князя Горчакова с лордом Кларендоном, главой британской дипломатии. Министры обменялись мнениями по среднеазиатскому вопросу. Кларендон настаивал на создании в Средней Азии некоего буфера, потому что в отдаленных районах контролировать действия своих же военачальников очень трудно. Генералы честолюбивы и хотят повоевать. Горчаков же заявлял, что в целом Россия не против, но Бухарский эмират таким нейтральным буфером быть никак не может, потому что владения Бухары тогда находились по обе стороны Амударьи. И для нейтральной зоны, по мнению Горчакова, лучше всего подходил Афганистан. Англичанин парировал, что границы Афганистана вообще не определены, а это приведет к новым конфликтам. И даже к войне Англии с Россией.

Горчаков, правда, заверил Кларендона, что русское правительство не имеет задач по продвижению в Центральную Азию и тем более в Индию. Пока шли переговоры, Кауфман отправил Милютину два письма с предложением высадить в Красноводском заливе десант, чтобы основать русское укрепление. Это была, по

сути, подготовка к походу на Хиву. Военный министр согласился с губернатором Туркестана – если уж начали, то надо добивать неприятеля, нечего останавливаться на полпути. Но письма Кауфмана попали к директору Азиатского департамента МИД Петру Николаевичу Стремоухову, который в ответ написал генералу:

«Из Вашего письма я вижу, что Вы смотрите на Красноводск как на средство, облегчающее военную экспедицию в Хиву. Наше министерство и вообще правительство смотрит на него иначе, а именно как на новые ворота для нашей торговли и, в крайнем случае, как на благотворную угрозу или внушение Хиве. Нам было бы желательно, чтобы посредством этого пункта широко развилась торговля, которая своею выгодностью докажет Хиве пользу добрых к нам отношений, а в то же время глупый хан поймет, что и до него добраться теперь уже сравнительно легко. Не дай бог, чтобы нам пришлось идти войною и занимать Хиву; занять легко, а каково будет ее очистить, и неужели же и эту страну присоединить к империи?.. Я полагал бы вооружиться терпением и дать обстоятельствам более обрисоваться. Но ни в коем случае не думать о походе в Хиву и покуда не начинать с нею дипломатических отношений. Я убежден, что неминуемо, рано или поздно, хан пришлет к Вам посольство для объяснений»^[229].

В нескольких строках все страхи русской дипломатии 19 века. И не только. Как бы чего не вышло. Как бы не разозлить англичан. Как бы не рассердить хана. И зачем нам присоединять Хиву к империи? Обижают русских купцов? Ну, ничего. Главное – никого не сердить. И не провоцируйте. Хан пришлет посольство. Полное ощущение, что прошедшие годы так и не научили главного специалиста по Азии тому, как же в этом регионе воспринимают любую взвешенную позицию.

Кауфман и Милютин были в гневе. Они смогли убедить царя, и 5 ноября 1869 года отряд под командованием полковника Николая Столетова – еще одного русского героя Большой Игры – высадился на побережье Муравьевской бухты Красноводского залива. Хива была обречена. Англичане были поставлены перед фактом. Русская экспансия продолжалась.

Глава 13

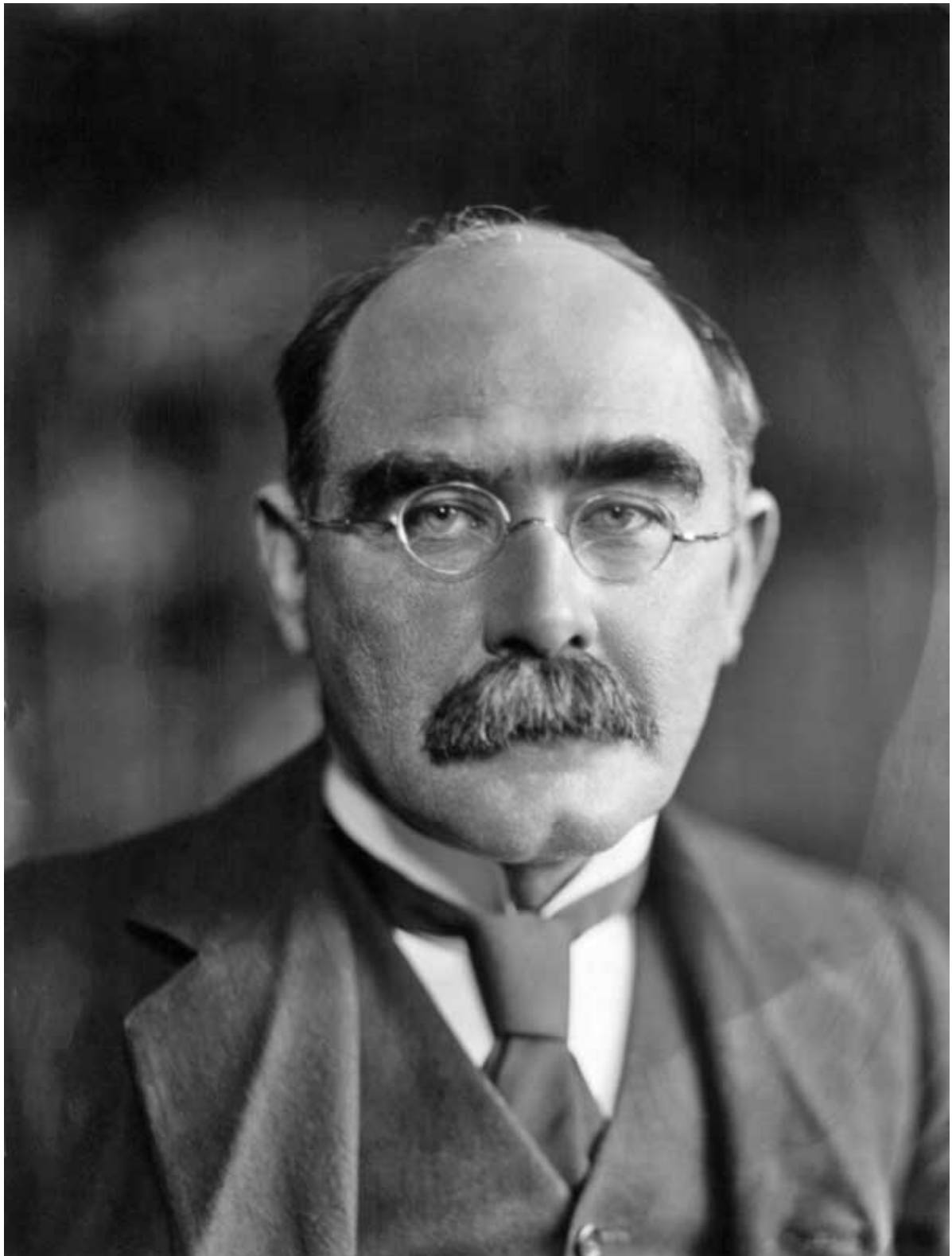
Разумеется, Лондон не просто наблюдал за происходящим в Азии. То есть активные действия в Азии и на Кавказе были и правда на какое-то время «заморожены». Но именно активные действия на уровне государственном. Разведчики империи как работали, так и продолжали работать: собирать информацию, вербовать агентов, писать отчеты, даже не будучи уверенными в том, что их хоть кто-то читает. Это было похоже, пожалуй, на работу ФСБ в ельцинское безвременье. Офицеры работали, невзирая на то, что власть в стране принадлежала непонятно кому, а важные для Родины решения блокировались на высшем уровне. Но офицеры всегда остаются офицерами и продолжают терпеливо работать, потому что верят, что это нужно их стране. В России или Британии, в 20 веке или в 19 – значения не имеет.

Особенно это касалось офицеров Индийской Британской армии, рожденных в Индии. Они с детства слышали разговоры своих отцов, офицеров или колониальных чиновников, с друзьями. И разговоры эти были в том числе о русской угрозе для Индии. О том, что русские готовятся, что они уже пытались и могут снова сделать это. Угроза нападения русских казалась для большей части индийских англичан не просто естественной. Неизбежной. Многие из них никогда не были в Лондоне, не жили в Англии, однако именно им было свойственно обостренное чувство Родины, отчаянный патриотизм. Редьярд Киплинг прекрасно выразил это в одном из своих стихотворений. И он знал, о чем писал, ведь он сам был таким.

Мы пили за королеву,
За отчий священный дом,
За наших английских братьев
(Друг друга мы не поймем).
Мы пили за мирозданье
(Звезды утром зайдут),
Так выпьем – по праву и долгу!
За тех, кто родился тут!

Над нами чужие светила,
Но в сердце свои бережем,
Мы называем домом

Англию, где не живем.
Про жаворонков английских
Мы слышали от матерей,
Но пели нам пестрые лори
В просторе пыльных полей.

Редьярд Киплинг

И британская колониальная разведка продолжала работать, хотя и не столь активно, как прежде, часто при недостаточном финансировании. Но все же. Английские разведчики получали информацию и из Коканда, и из Кашгара, и из Хивы. И они

докладывали – русские, вероятно, готовы к новому броску. Русофобский психоз разжигали консервативные лондонские газеты. Англичане словно забыли о том, что двинуться в Азию русских заставила в том числе и активность их дипломатии и военных в Центральной Азии и Персии. Дипломатия сродни физике – сила действия равна силе противодействия. И англичане получили от Петербурга совершенно логичный ответ на свою активность. Но это их конечно возмущало. Потому что хорошо известно – что можно Западу, того нельзя никому другому. Впрочем, пока вице-королем Индии был Джон Лоуренс, позиция Англии была весьма сдержанной. Лоуренс полагал, что опасность русского похода на Индию сильно преувеличена, кроме того, он был уверен, что противоречия между империями можно уладить дипломатическим путем. Хотя бы потому, что Англия промышленно более развита, чем Россия, и ей есть чем надавить на русских в дипломатическом плане.

Его преемник лорд Мэйо, который прибыл в Индию в начале 1869 года, поначалу тоже придерживался подобной точки зрения. Он полагал, что «если обе державы смогут отбросить в сторону взаимное недоверие и подозрительность, то не будет никаких оснований для того, чтобы интересы России в Азии постоянно сталкивались с нашими». Но сработало несколько факторов. Колониальный раздел мира шел к концу. То есть на планете оставалось все меньше и меньше «ничьих» стран и континентов. В Азии и Африке колониальные державы вырывали друг у друга последние куски пирога. Активная колониальная политика Франции в Северной Африке и Индокитае, укрепление Германии в Европе внушали англичанам сильнейшее беспокойство. Британские политики не могли допустить, что их кто-то обойдет на последнем этапе гонки за мировой гегемонией.

Россия не была в чистом виде колониальной державой. Азия не стала колонией, она превратилась в часть империи. И ее население получило равные права с другими подданными. Византийский принцип «нет пред богом ни эллина, ни иудея» работал и тут, спустя много лет после падения Константинополя. Возможно, именно поэтому расширение территории империи и влияния России так беспокоило англичан. Ведь Россия предлагала совершенно отличный от британского принцип взаимодействия. Или территории становились равноправной – а это очень важно – частью большой страны, или, как в случае с Бухарой, присягнувший на верность властитель получал гарантии невмешательства в его внутреннюю

политику. Он был обязан играть по правилам Петербурга на внешнеполитической арене, но при этом никто не заставлял его кормить оккупационную армию, содержать колониальных чиновников и не превращал его в нелепую марионетку, сочиняя за него законы и управляя его страной. Это не к тому, что Российская империя была идеальной страной, этаким раем земным. Нет. Но она радикально отличалась от Британской принципами взаимодействия с партнерами.

Собственно, и сейчас мало что изменилось. Достаточно вспомнить, как Москва относится к Асаду, как не сдает его, несмотря ни на что, и как американцы обошлись с Саддамом Хусейном, который был их союзником, когда вел войну против Ирака в 1980-е годы. Американцы накачивали его деньгами и оружием. И что с ним стало потом?

К тому же, в середине 1860-х годов в Индии создалось довольно напряженное положение. В стране разразился катастрофический голод, который привел к волнениям. Не таким, конечно, как Сипайское восстание, но после него даже небольшое недовольство приводило англичан в панику. Непрочность своего присутствия в Индии они ощущали отчетливо. Английские генералы и колониальные чиновники считали, что упрочить британское господство можно только одним способом – показать всем силу Британии с помощью оружия, активной дипломатии и жестких мер внутри Индии. Так что отставки Джона Лоуренса добивались многие влиятельные политики. В феврале 1869 года, вскоре после ухода Лоуренса, русский посол в Лондоне Бруннов писал в депеше, что *«система бездействия, которой придерживался вице-король Индии сэр Джон Лоуренс в своей политике по отношению к странам, расположенным за пределами управляемой им территории, приходит к концу. Эту систему, не пользующуюся популярностью не только в Калькутте, но и в Англии, теперь признано необходимым пересмотреть»*.

И хотя лорд Мэйо не был русофобом и даже путешествовал по России и написал двухтомное сочинение о своих странствиях, он вскоре стал склоняться к тому, что от так называемой «политики закрытой границы» («close border policy»), или политики сдерживания, стоит переходить к «наступательной политике» («forward policy») на Среднем Востоке и в Южной Азии. Понятно, что немалую роль в этом сыграли как раз военные и разведчики, которые наверняка с агентурными докладами и картами в руках

доказывали – еще несколько лет бездействия, и мы потеряем Индию. Теперь, правда, понятно, что для многих политиков и генералов это просто был инструмент влияния, способ получить побольше денег на армию, на реализацию проектов в колониях, способ занять место в парламенте. Думаете, что 150 лет назад мир был как-то иначе устроен? Нет, конечно.

То, что в поход на Индию не очень верили и те, кто постоянно кричал «русские идут», демонстрирует хотя бы такой факт. Тот же Генри Роулинсон в 1873 году, вероятно, случайно в одном из своих докладов взял да и заявил, что «Россия пока еще далека от планов вторжения в Индию». Примерно так же высказывались другие английские политики и военные – дескать, Россия пока не готова к походу, но в принципе может это сделать, и вот уже идет в Азию, и, конечно, это не значит, что завтра она атакует нас на Инде и Ганге, но исключать этого нельзя. Это примерно то же самое, что сказать: вот у моего соседа есть нож, он режет им мясо, значит, он может завтра зарезать и меня, надо быть готовым. А лучше его сразу арестовать. Логика железная. При этом англичане отлично понимали, какие объективные проблемы существуют у русских в отношениях с Азией: и притеснения купцов, и русские в рабстве у азиатов, и грабительские набеги из степи.

«Замирение» Бухары стало своего рода поворотной точкой. Началом новой «горячей» фазы Большой Игры. Пока у власти в Индии был Лоуренс, основным фронтом работы для разведчиков был Афганистан. Это вполне вписывалось в политику сдерживания – стране давно отводилась роль буферной зоны.

В 1863 году умер Дост Мохаммед. И по традиции началась междоусобная борьба за престол. В 1868 году сын Доста, Шир Алихан, победил в этом противостоянии и провозгласил себя властелином всего Афганистана. Но это, опять же по традиции, было весьма условным действием. Его главный соперник Абдуррахманхан сбежал в русский Туркестан, да и вожди окраинных племен вовсе не готовы были согласиться с тем, что кто-то там в Кабуле заявляет, будто он и их эмир тоже. Они ведь тут на месте сами себе эмиры. Англичане видели все, что происходит, агенты обрабатывали Шир Али-хана, и в марте 1869 года лорд Мэйо пригласил эмира встретиться с ним на территории Индии. Эмир согласился.

Его встречу обставили подчеркнуто торжественно и пышно. Хотя англичане несколько разочаровали Шир Али-хана. Они пообещали оказать ему любую помощь деньгами, оружием и

снаряжением. А вот договор о сотрудничестве заключать не стали. Все, как обычно. После этого англо-индийское правительство стало рассматривать афганского эмира как почти своего вассала. Ну согласился же взять оружие и деньги даже без договора? Все, значит, попался. Отказался бы? У англичан был готов ответ. Они бы постарались сместить его и заменить кем-то лояльным. Все тот же Генри Роулинсон в тот момент заявлял, что «вмешательство в дела Афганистана сделалось в настоящее время долгом», и даже предлагал в случае чего ввести войска. Ну да. А то вдруг русские захотят захватить Индию, а мы не готовы, мы еще Афганистан не завоевали. Параллельно между Лондоном и Петербургом начались переговоры, где определялись границы Афганистана. Это было еще до дипломатического раунда между Горчаковым и лордом Кларендоном.

Осенью 1869 года в Петербург был командирован чиновник англо-индийской администрации Дуглас Форсайт. Переговоры шли долго, уступать никто не хотел, но в итоге между Форсайтом и русским военным министром Милютиним были установлены следующие соглашения по афганскому вопросу:

«1) Пределом Афганистана считаются те местности, которыми в настоящее время Шир Али-хан действительно владеет. Англия употребит все зависящие от нее средства для того, чтобы не дозволить ему расширять своих границ к северу. 2) Со своей стороны Россия использует свое влияние, чтобы воспрепятствовать Бухаре расширяться за счет Афганистана. 3) Если бы впоследствии Россия была вынуждена действовать враждебно против Бухары и, вопреки своему желанию, заняла бы все это ханство или часть его, – она не предпримет завоеваний в направлении Афганистана, а Англия со своей стороны не допустит афганского властителя тревожить своих северных соседей»^[230].

Все выглядело корректно и даже честно. Но директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел в секретной депеше русскому послу в Лондоне о соглашении с англичанами и их обязательствах написал: «Мы не станем льстить себя слишком большими надеждами в этом отношении».

В начале 1873 года Россия и Англия договорились о северных границах Афганистана. Россия согласилась признать власть афганского эмира над Бадахшаном, Ваханом и Афганским Туркестаном. Территории, традиционно населенные узбеками и таджиками, были, по сути, отданы Афганистану, что, конечно, было

большой ошибкой русской дипломатии. Потому что традиционные связи никуда не делись. И результаты тех ошибок мы ощущаем по сей день. Наркотрафик, например, через таджикско-афганскую границу идет ровно по тем районам, которые разделили 150 лет назад. Ошибкой это было еще и потому, что англичане могли подписать хоть сотню бумаг, но Афганистан они уже считали своей вотчиной. Они снабжали Шир Али-хана современным вооружением, в том числе новейшей горной артиллерией, в его армии появились английские офицеры-инструкторы, англичане даже попытались было поставить свои блокпосты на афганской стороне Хайберского прохода – одного из двух путей в Индию.

Именно в это время англичане снова активизировали свою деятельность в Константинополе, которая было затихла на время после Крымской войны. То есть отдельные успешные агенты, вроде Вамбери, там присутствовали, но системная работа возобновилась примерно в 1868 году. Генерал Николай Игнатъев – тот, что подписал Пекинский договор, – состоял с 1864 по 1877 год русским послом в Турции. В его донесениях, начиная с 1869 года, постоянно сообщается о работе английских разведчиков: напрямую или через турецких коллег. В январе 1869 года Игнатъев сообщал, что британским правительством в Бухару отправлен турецкий панисламист Суави-эффенди в качестве английского шпиона и агитатора. Игнатъев писал: *«На него возложено, как уверяют, тайное поручение, с одной стороны, доставлять в Англию сведения о положении дел в Средней Азии, а с другой – направлять умы тамошних населений в смысле, конечно, нам враждебном».*

В донесениях Игнатъева постоянно указывалось на то, что английская агентура активно работает в среде младотурков, их лидеры были просто завербованы англичанами. Стоит объяснить, кто это были такие. В Российской империи конца 19 века их чаще называли движением «новых османов», впрочем, и «младотурками» тоже. Это было вполне типичное, хотя и мощное буржуазно-либеральное движение. Студенты из состоятельных семей, столичная интеллигенция, банкиры и капиталисты. Боролись они за ограничение султанского абсолютизма и за конституционную монархию. Младотурки считали, что султан должен «царствовать, а не управлять». Короче, чтобы было понятнее – это напоминало нынешнюю российскую несистемную оппозицию, только умную и богатую, но так же жестко ориентированную на Запад. Собственно, младотурки и ориентировались на Англию, потому что видели в ней

идеал той самой вожделенной конституционной монархии и того самого общества, которое они желали бы видеть и у себя. Ну а Англия, конечно, использовала младотурок в своих целях, как сейчас американцы используют российских либералов в своих. Это ни хорошо, ни плохо. Так устроена англосаксонская политика. И вот именно младотурецких активистов англичане использовали для пропаганды враждебных России настроений в различных среднеазиатских государствах. В январе 1873 года Игнатъев сообщил о пребывании в Константинополе бухарского посланника Мирзы Хисаметдина Мирахура, о его встречах с лидерами младотурецкой организации.

*«Отношение российского посланника в Турции генерал-адъютанта Игнатъева директору Азиатского департамента об антирусских происках турецкой агентуры в Средней Азии
25 января 1873 г.*

Вашему превосходительству известно из прежней переписки с императорским министерством о пребывании в Константинополе бухарского посланца Мирзы Гисамеддин Мирахура. Он выехал отсюда обратно в Бухару через Египет и Индию в начале сентября...

“Юная Турция” употребила все свои усилия, чтобы убедить Мирзу Мирахура в необходимости содействовать распространению “просвещения” в бухарском народе посредством турецких книг и даже газет. При отъезде он был снабжен разными изданиями.

На первых порах турецкая литературная пропаганда, конечно, ограничится препровождением сочинений, подходящих под уровень духовного и нравственного развития бухарцев. Но истинная цель ее, разумеется, приучать бухарских фанатиков к излияниям здешней мусульманской и западной печати. “Юная Турция”, равно и английские агенты надеются мало-помалу возбудить враждебные к нам чувства в Средней Азии, пользуясь местным неудовольствием. Нет сомнения, что англо-турецким пропагандистам легко удастся со временем нарушить внутреннее спокойствие страны и даже поколебать власть бухарского эмира и кокандского хана, если они не подчинятся их влиянию.

Долгом считаю довести о вышеизложенном до сведения Вашего превосходительства на тот случай, если бы Вы нашли полезным сообщить данные эти генерал-губернатору нашему в Ташкенте, так как местным властям нашим бесполезно следить за

проявлениями литературной англо-турецкой пропаганды не только в наших владениях, но и у ближайших соседей наших».

Если такие встречи проводятся, то, очевидно, не для того, чтобы обсуждать цены на бухарском базаре. Изучая историю, совершенно иначе начинаешь смотреть на многие сегодняшние события. Например, сразу становится ясно, почему США и Англия именно с помощью Турции давили на Асада и Сирию, почему именно в Турции находили приют кавказские террористы и почему именно оттуда шло их снабжение и финансирование. И конечно, восхищает умение наших противников настолько системно подходить к работе, выстраивать преемственность в разведке и дипломатии.

В другом своем донесении, в июне 1873 года, Игнатъев обращал внимание на то, что жесткая обработка дипломатических представителей среднеазиатских ханств в Турции ведется под видом «культурного» общения.

«Представители этих государств в Константинополе часто собираются у бывшего министра народного образования Ахмед Вефика-эффенди, который, под предлогом подготовки словаря турецко-персидских диалектов, занимается всем, что относится к Средней Азии. А так как известно, что политические взгляды Ахмед Вефика проникнуты симпатией к Англии, то можно легко разгадать, в каком смысле обсуждаются интересы Средней Азии на этих собраниях. Установлены сношения с Вамбери и различными английскими путешественниками... и пытаются убедить мусульман в том, что Великобритания истинная защитница исламизма и что в этом отношении между интересами англичан и интересами Турции существует глубокая солидарность»^[231].

Это донесение Игнатъев писал, когда русские войска уже взяли Хиву и возможности англичан и турецкой разведки в Азии были сильно ограничены.

Русские дипломаты до последнего момента убеждали царя Александра не разрешать военным Хивинский поход. Боялись ссоры с англичанами, боялись последствий в Азии, в случае неудачи, боялись всего. Есть такой миф о «железном канцлере Горчакове», который идеологическим и дипломатическим катком давил всех противников Отечества. Что верно лишь отчасти. Горчаков был человеком очень разным: и жестким, и дипломатичным, и хитрым, а порой кажется, что и наивным. Он, безусловно, был патриотом и точно не был трусом и предателем, как иногда пытаются писать некоторые несознательные отечественные историки. Важно помнить

один факт: князь Горчаков был старше царя и намного старше всех туркестанских генералов и представителей военного руководства империи. И они с их азартом и с их жестким подходом к политике казались ему мальчишками-авантюристами. Он о чем-то договаривался с англичанами, причем переговоры шли тяжело. А потом какой-нибудь генерал шел и брал очередной город и ставил Петербург перед фактом.

Русский офицерский корпус, генералы особенно, не были англофобами, как любят писать английские историки. Они четко разделяли англичан (как народ) и английскую политику. Так вот в английской политике офицеры видели угрозу для России, а на опыте Крымской войны и на изучении материалов Сипайского восстания они убедились, что английская политика уважает только силу. Никакой другой разговор для Лондона не выглядит убедительно.

Константин Петрович фон Кауфман, конечно, с самого назначения понимал, что вопрос с Хивой придется решать жестко. И вариантов у России нет. Причем те, кто объявляет Горчакова мягкотелым политиком, который только ведет переговоры, как-то забывают, что если бы русская дипломатия не определила с англичанами границы влияния афганского эмира Шир-али, то неизвестно, как реагировал бы Лондон на русский поход. Потому что, с одной стороны, эмиру отдали спорные земли, населенные узбеками и таджиками, а с другой – Лондон признал русские претензии на Азию, в том числе и на низовья Амударьи.

Решение о походе на Хиву было окончательно принято в декабре 1872 года. В Петербурге собралось Особое совещание руководителей центральных ведомств с участием начальников Туркестанского и Оренбургского краев, наместника Кавказа и самого Александра II. Великий князь Михаил Николаевич, наместник Кавказа, тогда предложил отправить экспедицию с восточного берега Каспия. Это и ближе, и дешевле, чем из Оренбурга и Ташкента. С мнением сына Николая I согласились. Он на самом деле пользовался уважением в армии. Боевое крещение получил в Крымскую войну, куда его отправил отец, русский император, со словами: «Если есть опасность, то не моим детям избегать ее!» И он на самом деле воевал, а не сидел в штабе. За бой у Инкерманских высот Великий князь Михаил был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. Дальше вся его жизнь была связана с военной службой, именно по его инициативе стали собирать и издавать «Кавказский сборник» –

тома воспоминаний и документов о действиях русской армии на Кавказе и подвигах отдельных солдат и офицеров.

Азиатские генерал-губернаторы с планом похода от Каспия согласились, но добавили, что кавказские отряды не имели походов в пустыне. В итоге решили наступать с трех сторон. 12 декабря 1872 года Александр утвердил план Хивинской экспедиции, командующим назначил генерала Кауфмана, как рассказывают, со словами: «Возьми мне Хиву, Константин Петрович».

Кавказский отряд должен был идти на Хиву с запада, Оренбургский – с севера, Туркестанский – с востока. Маршрут похода проходил в основном по пустыням, и оренбургскому отряду нужно было преодолеть 1400 километров, кавказскому – более 800, туркестанскому – более 1000. К 1 мая 1873 года все три отряда должны были подойти к стенам Хивы.

К началу похода силы отрядов выглядели так: туркестанский насчитывал 5300 человек, оренбургский – 3500, кавказский – 4300 человек. Для передвижения были собраны 20 тысяч верблюдов, 4600 лошадей, из тяжелого оружия в отрядах было 56 орудий и 26 ракетных станков. Для переброски войск по воде использовалась Аральская флотилия из двух пароходов.

Перед походом генералы на совещаниях детально проанализировали все ошибки предшественников. В частности, поход Перовского. Русские генералы внимательно изучили опыт действий англичан в Афганистане и Индии, а также французов в Египте и Алжире. Было по пунктам разобрано – где и в чем они ошиблись, что сделали правильно и как вели боевые действия. Русским генералам, исходя из опыта боев с кокандцами и бухарцами, было понятно, что главным их врагом станет не хивинское войско, а пустыня. И в этот раз к походу готовились основательно. Например, оренбургский отряд по всему маршруту заготовил казахские юрты, провиант, сено и топливо, в войска передали комплекты как летнего, так и зимнего обмундирования. В итоге солдаты прошли по степи менее чем за месяц больше 1000 километров.

Туркестанский отряд подготовился не менее основательно. Там, в частности, организовали и походный лазарет – 14 врачей, 29 фельдшеров. Для перевозки больных подготовили специальные носилки. Кауфман лично распорядился составить инструкцию для офицеров о правилах поведения в походе, где были такие пункты:

«1) В начале похода, покуда еще не наступят жары, не поднимать людей ранее четырех часов утра, а с ночлегов не

выступать ранее шести. С наступлением жаров поднимать до рассвета, чтобы успеть сделать переход до жара. 2) Наблюдать, чтобы люди пили чай по крайней мере два раза в сутки – утром и вечером, а если возможно, то и на привалах. Люди меньше будут пить сырой воды и тем избавятся от расстройств желудка и лихорадок. 3) Водку отпускать только в крайних случаях: в сырую погоду, после больших переходов, трудных работ. Не давать при подъеме с ночлегов и перед встречей с неприятелем. 4) Эшелонным начальникам заботиться о том, чтобы к безводным переходам или где, на ночлеге, предстоит пользоваться дурной водой, – все турсуки, баклаги и бочонки были наполнены водой... 5) В видах предохранения людей от вредных последствий быстрого перехода от дневного жара к ночному холоду наблюдать, чтобы люди вовремя надевали шинели. 6) Озаботиться, чтобы у каждого солдата была кошма для подстилки и покрывки. 7) На ночлегах у колодцев с дурной водой ставить часовых и не давать людям брать из них воду. 8) Пищу варить два раза в сутки: после прихода на ночлег и перед выступлением»^[232].

По чертежам Кауфмана – он был не только талантливым полководцем и администратором, но и прекрасным инженером – уже в 1871 году (это к вопросу о том, когда стали готовить поход на Хиву) на Волге и верфи Аральской флотилии стали производить железные понтоны для переправы через Амударью. Понтон собирался из четырех 100-килограммовых ящиков, это занимало два часа, а собранный из понтонов паром держал 2 орудия и 16 человек. Эти понтоны солдаты прозвали кауфманками. Во время похода их использовали как ящики для продуктов и как корыта для водопоя верблюдов. То есть Кауфман просчитал все так, что даже эти понтоны верблюды не тащили просто так.

1 марта 1873 года туркестанский отряд вышел из Ташкента. Кауфман решил провести войска так, чтобы поменьше передвигаться по территории Бухарского ханства. Он, конечно, был вассалом империи, но раздражать его и указывать его место не хотели. Русские ведь не англичане и строят отношения с партнерами именно по принципам партнерства. Но через несколько дней походную колонну встретили посланцы бухарского эмира. Эмир просил послов передать Кауфману свое удивление тем, что генерал избрал столь далекий путь в Хиву, потому что он, эмир, с радостью поможет русским войскам и пропустит их, а беки районов, через которые войска все же пойдут, по приказу эмира подготовили фураж, топливо

и воду для отряда. Очень показательная история. Через две недели отряд вошел в Кызылкумскую степь, где начинался самый тяжелый этап похода. Ведь к отсутствию воды, жаре, песчаными бурями прибавлялось и еще одно обстоятельство – путь до Амударьи через пустыню не слишком хорошо изведен, а точных карт тогда не было. Вся надежда была только лишь на проводников, киргизов и казахов, а среди них были разные люди, и искренне воевавшие на стороне империи, и погибавшие за нее.

Русский историк Константин Абаза в труде «Завоевание Туркестана» описывает случай, когда киргиз, отправленный Кауфманом с письмом, попал в песчаную бурю и погиб, но понимая, что везет важные документы, он успел установить пику с флажком, чтобы место его гибели смог найти поисковый отряд. А были и такие, кого описывает в своих мемуарах участник похода Максуд Алиханов-Аварский.

«Колодцы на Уст-Юрте показаны на наших картах крайне неверно, но их, надо полагать, не мало. Это подтверждается, между прочим, интересным разговором, бывшим в тот же день между одним Киргизом и подполковником конно-иррегулярного полка Квинтадзе. Надо заметить, что офицер этот Имеретин и христианин, но в течение тридцатилетней службы своей среди горцев олезгинился в такой степени, что трудно не ошибиться в его национальности.

– Ты, кажется, мусульманин? – спрашивает Киргиз подполковника, оглядывая его горский костюм и окладистую бороду.

– Благодарение Аллаху, мусульманин.

– И идешь драться с мусульманами? – продолжал Киргиз с некоторым упреком в голосе.

– Ведут, иду поневоле, – ответил подполковник, желая вызвать на откровенность своего собеседника.

Киргиз помолчал некоторое время и затем проговорил, понизив тон, как бы про себя:

– Кырылсын! (да погибнут)

– Они-то пусть погибнут, – подхватил мнимый мусульманин, – а мы? ...

– Вы не погибнете, – ответил Киргиз почти шепотом, – здесь много колодцев вокруг. Русские записали и знают только те, которые на самом пути. Если они погибнут в степи, вам, мусульманам, мы везде покажем воду, и вы благополучно вернетесь на родину...»

И снова придется прервать повествование, чтобы сказать несколько слов о Максуде Алиханове-Аварском. Бесстрашный русский офицер, как часто бывало в империи, он по национальности не был русским. Максуд Алиханов родился в Хунзахе, бывшей столице Аварского ханства, в семье аварского офицера, детство провел в заложниках у имама Шамиля, после освобождения закончил гимназию в Тифлисе, затем 2-е Константиновское военное училище. А дальше военная служба, походы и бои в Туркестане и на Балканах. Вспыльчивый по натуре, он был как-то разжалован в рядовые за попытку убить в ссоре другого офицера. И он не сломался. Начал службу опять с самых низов. И дослужился до генерала.

В декабре 1905 года Алиханов-Аварский был назначен временным Тифлисским губернатором, в январе 1906 стал временным генерал-губернатором Кутаисской губернии. Революционеры его ненавидели. Он пережил 8 (!) покушений, был ранен взрывом гранаты во время одного из них, но в отставку не подал. После выздоровления, в начале 1907 года, принял командование 2-й Кавказской казачьей дивизией. Максуд Алиханов был убит в Александрополе дашнакскими (то есть армянскими) террористами 3 июля 1907 года. О его смерти много писали. Например, так.

«У всех знавших его долго не изгладится обаятельный облик покойного Александра Михайловича, до конца жизни оставшегося верным религии предков – магометанству. Он обладал спокойным, приятным, твердым характером, огромной памятью, следил за литературой, занимался рисованием и отличался удивительной скромностью.

О себе и о своих подвигах он никогда не говорил, но охотно беседовал о всевозможных злобах дня, обнаруживая недюжинный ум и большую эрудицию. Бесстрашный, верный слову и чести – он умер на своем посту, сослужив своему отечеству доблестную службу, смертью героя. Переход в вечность для него остался незаметен, так быстро застигла его смерть, которой он никогда не боялся, но оставил неизгладимый след в сердцах всех его друзей и знавших его.

Мир праху твоему, вечная тебе благодарность и вечная тебе память, доблестный честный русский гражданин!»

Это цитата из «Книги русской скорби» – документально-литературного альманаха, посвященного памяти жертв революционного террора. Его издавали в Российской империи в

1908–1914 годах по инициативе группы правых русских монархистов. А редакционную комиссию составляли члены «Русского Народного Союза имени Михаила Архангела». То есть те люди, которых в исторической науке еще со времен СССР принято называть националистами, антисемитами, черносотенцами и мракобесами. А между тем в книге нашлось место не только мусульманину Максуду Алиханову. Там в числе сынов русского Отечества назывались и стражник полицейской части ингуш Абдула Мальсагов, и старший городской татарин Бикбулат Мухаметзянов. Их героизм и преданность долгу приводились в качестве примера для подражания русским офицерам.

Максуд Алиханов-Аварский

Итак, русские военные отряды шли с трех сторон на Хиву, преодолевая зной, песчаные бури. Известный степной разбойник Садык, состоявший на службе хивинского хана, пытался отравить

колодцы по пути движения отряда Кауфмана, но отправленный навстречу бандитам отряд казаков отогнал их в глубь песков.

В походе отряд встретил Пасху, это случилось 7 апреля 1873 года. Священником был все тот же отец Андрей Малов (помните штурм Ташкента?). Он устроил походный алтарь в большой палатке. Там собрались офицеры, солдаты стояли под открытым небом. Утром всем раздавали куличи и крашеные яйца – ташкентский купец Громов сумел доставить в отряд 8 тысяч яиц, а русская община города отправила в отряд 16 пудов чаю и 24 пуда сахара. Через несколько дней Кауфман получил сообщение из Казалинска, что туда пришло хивинское посольство. Хан прислал чиновников для переговоров и 21 русского раба. Он пытался так задобрить «ярым-падишаха», но в Казалинске посла не приняли, рабов оставили, а его самого отправили к Кауфману – есть генерал, пусть он и решает. Ханский посол в сопровождении большой свиты двинулся догонять туркестанский отряд. Как принято на Востоке, он ехал не спеша. Чтобы не потерять лицо. А то вдруг русские решат, что он их испугался. И что Хива боится какого-то Кауфмана. Хан никого не боится. Посольство догнало русские войска на четвертый день после того, как те взяли Хиву.

Еще один посол попытался прибыть в оренбургский отряд генерала Николая Александровича Веревкина, героя Крымской войны и Туркестанских походов. Но и там встреча закончилась ничем.

«...Посол поднялся с места с полным сознанием своего достоинства, и с легким, вежливо-холодным поклоном... который при соответствующих обстоятельствах сделал бы честь и любому европейскому дипломату, подошел к генералу и протянул ему что-то завернутое в лист почтовой бумаги.

Переводчик развернул бумагу: в ней оказалось послание Хивинского хана, зашитое в белый коленкор; под коленкором был мешочек из пурпурового атласа, расшитого золотыми узорами, и уже в этом последнем лист серой бумаги с одной исписанной страницей...

Добрые семь восьмых страницы были посвящены перечислению разных добродетелей “головы аламанов Русского Ак-Падишаха”, и только последние строки заключали в себе просьбу “досточтимого, великодушного и т. д. падишаха Хоразма, Сейд-Мухаммад-Рахим-хана” о том, чтобы дали ему три дня на размышление и в продолжение этого времени приостановили дальнейшее движение

наших войск. Хан уведомлял при этом, что он обращался с такою же просьбой и к “ярым-падишаху” (“Пол-царя”. Так называют в Средней Азии туркестанского генерал-губернатора), от которого уже получил будто бы надлежащее согласие. Ответ генерала был так неприветлив, что переводчик замялся.

– Передайте, – повторил генерал, – другого ответа от меня не будет, если не получу приказа от генерала Кауфмана.

Послу сообщили отрицательный ответ, и он уехал видимо взволнованный...»^[233].

24 апреля туркестанский отряд дошел до урочища Хал-Ата, пройдя больше половины пути. Дальше лежал совершенно безводный участок. Около Хал-Аты было построено укрепление имени Святого Георгия. Сделали брустверы, траншеи для стрелков, орудийные позиции и поставили на вершине холма сторожевую башню. В укреплении оставили роту солдат и большую часть грузов. Взяли максимально воды, боеприпасов и двинулись в путь. К 1 мая, ко дню, когда планировалась встреча всех отрядов, туркестанцы к Амударье не вышли. Героический марш по раскаленному аду пустыни продолжался еще 12 дней.

Падали без сил верблюды, на стоянках жгли и уничтожали лишние вещи и обмундирование. Был момент, что даже всерьез обсуждали – не оставить ли тут всю артиллерию? Но отказались от такой идеи и тащили пушки из последних сил.

Последний переход начался 8 мая, и наконец отряд вышел к холмам Уч-Учак, за которыми текла Амударья. У подножия холмов стояла хивинская армия. Расчет был простой и в целом правильный: русские войска шли через пустыню, они измотаны, они бросили большую часть экипировки – хивинцы это знали от своих лазутчиков-туркменов. Но хивинцы знали о том, как воюют русские, и сразу атаковать не решились. Тем более что и отряд Кауфмана вышел к холмам в полной боевой готовности, а на ночь лагерь разбили по всем правилам военной науки. Орудия под прикрытием пехоты заняли все господствующие возвышенности, и ночью отряд отразил несколько атак неприятеля, по хивинской коннице отработала артиллерия и ракетные станки.

С рассветом русские построились в боевые порядки: главная задача дня была дойти до реки. Вариантов не оставалось. Или умереть тут в бою, или отступить в пески. Понятно, что на второе никто не мог согласиться. Кауфман лично объехал боевые порядки, напутствовал солдат: попусту патроны и снаряды не тратить и

помнить, какова главная цель. Прорваться к реке. Отряд двинулся. Хивинцы пытались атаковать, налетали с разных сторон, но русские упорно шли, отбивая атаку за атакой. К восьми утра 11 мая отряд вышел к речной низине, где было небольшое озерцо. Кауфман объезжал подразделения, благодарил солдат и говорил: «Перед такими войсками шапку надо снимать и кланяться». В тот же день русские подошли к Амударье. В Ташкент был отправлен курьер с телеграммой царю:

«Войска Вашего Императорского Величества, составляющие головную колонну Туркестанского отряда, в числе десяти рот и шести сотен, при десяти орудиях и восьми ракетных станках, одолев невероятные трудности, поставляемые природой, в особенности на последней стоверстной жаркой, безводной, с сыпучими песками полосе, разбили хивинское скопище в числе 3500 человек, собравшихся у урочища Уч-Учак для преграждения нам пути к Амударье, и без всяких жертв и потерь благополучно вышли и стали твердою ногою 11 мая на реке Амударье. Неприятель в панике бежал. Состояние здоровья войск блистательное, дух их молодецкий»^[234].

В целом можно было считать, что задача похода на Хиву практически выполнена. Главное было позади. И в этот момент Кауфман начал выяснять, где находятся остальные отряды. А ситуация была такая: оренбуржцы под командованием Веревкина подходили к Хиве, так же как и мангышлакский отряд полковника Ломакина, а красноводский отряд полковника Василия Маркозова был вынужден повернуть назад – жара и жажда заставили его принять такое решение. Как потом выяснилось, проводники нарочно заводили отряд в места, где не было колодцев, и вели его самым трудным маршрутом.

13 мая 1873 года оренбургский и мангышлакский отряды соединились, выйдя из пустыни к Амударье. Вот как описывает эту встречу Алиханов-Аварский:

«Переодевшись в мундиры, мы направились к бивуачным огням. Оренбуржцы еще не спали и их лагерный шум как бы возрастал по мере нашего приближения. Казаки наши затянули хором громкую песню, и с этим шумом мы вступили в странный, по-видимому, лагерь, в котором не было ни одной палатки: это был целый, своеобразный город темных войлочных кибиток, из которых мгновенно высыпал весь народ на необычайное для него зрелище. Несметные, казалось, полчища верблюдов наполняли все

пространство между кибитками и ярко пылавшими кострами и всполошились от диких звуков нашей зурны...

Через минуту мы были в обширной, белой кибитке, в которой могли бы свободно уместиться, по крайней мере, сорок человек; складные кровать, стол и несколько табуретов составляли ее убранство. При нашем входе из-за стола приподнялся маленького роста, одетый в серое пальто, плотный и бодрый старик, с быстрыми живыми глазами и с закрученными кверху седыми усами, генерал-лейтенант Веревкин... Наш добрый Л. казался сильно взволнованным: для него наступила торжественная минута блистательного исполнения поставленной ему задачи – соединения с Оренбуржцами. Он подошел к генералу, прерывающимся голосом отрапортовал о благополучном прибытии и затем представил нас. Генерал пожал всем руки и пригласил сесть...

– Ну, как вы прошли, полковник? – начал генерал.

– Благополучно, ваше превосходительство, и все господа офицеры... весьма усердно...

– Словом, благополучно?

– Благополучно, ваше превосходительство.

– И отлично-с!.. Что и нужно было...»

На подступах к Хиве и отряд Кауфмана, и объединенный отряд под командованием Веревкина хивинцы неоднократно атаковали. Напротив переправы через Амударью было построено укрепление и установлена хивинская артиллерия. Но уровень подготовки бойцов был настолько низкий, что обстрелы не наносили русским отрядам никакого урона. По приказу Кауфмана в ближайшие поселения были разосланы прокламации, где говорилось, что ярым-падишах идет войной, только чтобы наказать хивинского хана. Всем жителям гарантировалась безопасность. И надо сказать, что любые попытки совершить мародерство или расправу над мирным населением строго пресекались. После того как отряду Веревкина сдался городок Мангит, там случились погромы, устроенные казаками и солдатами. Офицеры наводили порядок самыми жесткими методами. Просто стреляли мародеров и погромщиков на месте.

«Был в Мангите, между прочим, и такой случай: проезжают по главной городской улице два офицера в сопровождении конно-иррегулярца. В стороне от них перебегает через переулок и, сильно шатаясь, кидается в ближайший двор высокий старик с обнаженной головой, на которой явственно видны два удара шашки и с которой струится кровь на его лицо и широкую седую бороду; за

ним гонится пьяный казак в белой фуражке с окровавленной шашкой в руке... Офицеров покорило. Один из них бросается в переулочек и загоразживает казаку дорогу.

– Что ты делаешь, мерзавец?!.. Как тебе не стыдно трогать безоружного!

– А они, ваше благородие, нешто мало били наших?

– Вон, негодяй!.. Иначе я тебе как собаке разможжу череп.

– Чаво?... череп?... А шашка для чего?..

Офицер выхватил револьвер и уложил казака на месте...»

18 мая туркестанские части Кауфмана стали переправляться на левый берег Амударьи. За пять дней переправа отряда была завершена, хивинская армия почти не пыталась атаковать. Участники похода были поражены увиденным. Богатые сады, поля и огороды, густые виноградники, широкие арыки. Это так было не похоже на типичную Среднюю Азию, к которой они привыкли. Из воспоминаний русского офицера:

«Все участвовавшие в рекогносцировке были поражены, войдя в район садов, созданных богатыми результатами трудов человеческих рук, и после продолжительного скитания по степям всем казалось, что они переступили границы рая. Поля были возделаны с такой тщательностью и чистотой, которые не случалось видеть в других частях Средней Азии. Все здесь показывало трудолюбие и порядок. Существует мнение, что все, сделанное в ханстве, составляет исключительно результат тяжелых трудовых дней 40 тысяч персидских рабов, освобожденных от ига рабства с приходом нашим в Хиву. Это мнение не вполне верно. Конечно, 40 тысяч человек рабочей силы было большим подспорьем в экономическом быте хивинского населения; тем не менее хивинцы и сами по себе, а особенно узбеки, оседлое население, чрезвычайно трудолюбивы и с замечательной тщательностью и старанием занимаются обработкой своих земель. Прекрасно возделанные поля и пашни узбеков, напоминающие поля Северной Италии, составляют плод и результат усиленных трудов и работы непосредственно самих узбеков»^[235].

Константин Кауфман еще раз издал приказ, категорически запрещающий любые акты мародерства, и распорядился, чтобы офицеры пресекали любые подобные проявления:

«Я строго воспрещаю обижать мирное население и брать у него что-либо бесплатно и произвольно. Я вполне уверен и рассчитываю, что собственно войска мне никогда не придется

укорить в нарушении принятого мной по отношению к мирному населению права, которое я объявил жителям Хивинского ханства в моей прокламации к ним»^[236].

Военный корреспондент американской газеты «Нью-Йорк Геральд» Януарий Мак-Гахан, участвовавший в походе, догнал отряд Кауфмана 17 мая, потом писал: «Да, говоря правду, я и сам удивлен был сдержанностью русских и строгой законностью, руководившей всеми их действиями».

В 20-х числах мая Кауфман установил связь с начальниками оренбургского и кавказского отрядов. Вышел на контакт и хивинский хан. Он присылал послов, которые сначала требовали, чтобы русские убрались из пределов ханства, потом грозил разгромом русским отрядам, потом начал признаваться в любви и дружбе. Но это было уже, когда отряды подошли к стенам Хивы. В последнем письме хан сообщал, что просит три-четыре дня подождать, на город не наступать, потому что он готовит для русских роскошное угощение и «развлекательную программу». По этому поводу офицеры отряда много и остроумно шутили. Между генералами, конечно, шло негласное соревнование – кто первым возьмет Хиву. Кауфман полагал, что это его трофей, остальные считали, что и сами могут доложить императору о победе.

Утром 28 мая без разведки и подготовки войска Веревкина двинулись на штурм и были встречены плотным огнем. Русским пришлось отступить, брошенные на месте тела погибших были хивинцами изуродованы до неузнаваемости. Веревкин был ранен в лицо и сдал командование своему начальнику штаба полковнику Саранчеву. 29 мая между Кауфманом и хивинскими властями были оговорены условия капитуляции. Но с таким поворотом событий был не готов согласиться молодой офицер Михаил Скобелев, он не хотел слышать ни о каком перемирии, он пробил брешь в стене крепости и с двумя ротами двинулся к ханскому дворцу. Веревкин пригрозил ему расстрелом, тот ответил: «Идти назад страшно, стоять на месте – опасно, остается взять ханский дворец». Он его и взял. Кауфман не стал наказывать Скобелева, но и хвалить тоже. Хан Мухаммед Рахим к этому времени бежал из города к кочевым туркменам иомудам. На следующий день русские отряды торжественным маршем вошли в Хиву.

«...Генерал Кауфман вступил в Хиву весьма торжественно. Колонна, предназначенная для этого, состояла из частей всех трех отрядов (9 рот, 7 сотен и 8 орудий) и двинулась с музыкой

Апишеронцев и с развернутыми знаменами. В огромной свите генерала, простиравшейся до 300 всадников, следовали Великий Князь Николай Константинович, герцог Лейхтенбергский Евгений Максимилианович, генералы Головачев, Троицкий, Пистолькорс и Бордовский, посланник при Японском дворе Струве, медицинский инспектор Суворов, американский корреспондент Мак-Гахан, уполномоченные “Красного Креста”, множество адъютантов и чиновников, офицеры всех родов оружия, представители Бухарского эмира и Коканского хана с своими свитами, депутация Хивы с молодым Атаджаном во главе и наконец казаки конвойной сотни и масса всяких переводчиков и джигитов в своих разнохарактерных, ярких костюмах. В сопровождении этой блестящей массы всадников, в которой развевались цветные значки разных отрядных и других начальников, генерал Кауфман вступил в Хазараспские ворота...»^[237].

Оренбуржцы сумели сохранить совершенно новые белые рубахи и шли по городу, как будто не было тысячи километров, пройденных по пустыне. Кауфман появился перед солдатами в полной парадной форме. Он поздравил всех с победой, со славным походом, он благодарил солдат и офицеров от имени императора. Рядом с ним стояли Великий князь Николай Константинович и герцог Евгений Максимилианович Лейхтенбергский. Оба вместе с туркестанским отрядом прошли весь путь от Ташкента. И еще одна деталь, очень характеризующая элиту тогдашней Российской империи: Максуд Алиханов-Аварский в бою был ранен и Кауфман посетил его лично.

«Кауфман выехал из города в сопровождении своей конвойной сотни и посетил лагеря Кавказцев и Оренбуржцев, где также поздравлял и благодарил все части. После этого он навестил генерала Веревкина, а затем и нас, раненых офицеров. В моей кибитке он провел с четверть часа, усевшись на единственный складной табурет, и весьма любезно расспрашивал о состоянии моих ран и о деле, в котором они были получены. Второму посетителю, вошедшему в мое жилище вместе с генералом, сесть было не на что и он прослушал мой рассказ стоя. Между тем оказалось, что это был Великий Князь Николай Константинович, которого походный загар изменил в такой степени, что я не узнал его и принял, по погонам, за капитана генерального штаба из обыкновенных смертных. Его Высочество, как и герцог Лейхтенбергский, посещали нас, раненых, и впоследствии»^[238].

То есть еще раз: Великий князь, родственник царя, спокойно стоял в палатке, потому что там не было стула. Не возмущался. Не шумел. Не требовал особого к себе отношения. Стоял и слушал, о чем говорит Кауфман с раненым офицером. Очень показательно. Особенно по сравнению с тем, как ведут себя нынешние российские чиновники. Какой-нибудь глава района или областной министр.

30 мая была отправлена депеша на имя Императора о взятии Хивы. Гонец повез ее в Ташкент, откуда по телеграфу, который к тому времени дотянули из Верного, ее передали в столицу.

«Войска Оренбургского, Туркестанского и Кавказского отрядов, мужественно и честно преодолев невероятные трудности, поставляемые природой на тысячеверстных пространствах, которые каждому из них пришлось совершить, храбро и молодецки отразили все попытки неприятеля заградить им путь к цели движения, к городу Хиве, и разбив на всех пунктах туркменские и хивинские скопища, торжественно вошли и заняли 29 сего мая навшую пред ними столицу ханства. 30 мая, в годовщину рождения императора Петра Первого, в войсках отслужено молебствие за здоровье Вашего Императорского Величества и панихида за упокой Петра Первого, и подвижников, убиенных в войне с Хивою. Хан Хивинский не выждав ответа от меня на предложение его полной покорности и сдачи себя и ханства, увлеченный воинственною партией, бежал из города и скрывается ныне среди юмудов, неизвестно в какой именно местности. Войска Вашего Императорского Величества бодры, веселы, здоровы»^[239].

Но победа была не полной, пока хан бегал где-то по степи. И Кауфман уговорил Мухаммеда Рахима вернуться в город. 2 июня в Гандемианском саду, загородной резиденции хана, состоялась встреча. Вот как ее описал военный журналист, американец Мак-Гахан.

«Хан человек лет тридцати, с довольно приятным выражением лица, когда оно не отуманивается страхом, как в настоящем случае; Смирненно сидел он пред генералом Кауфманом, едва осмеливаясь поднять на него глаза. генерал Кауфман ростом был чуть ли не на половину меньше хана, и в улыбке, скользившей по его лицу, когда он смотрел на сидящего у его ног русского исторического врага, сказывалась не малая доля самодовольства. Мне казалось, что трудно бы и подобрать более резкое олицетворение победы ума над грубою силой, усовершенствованного военного дела над

первобытным способом ведения войны, чем оно являлось в этих двух муштинах.

– Так вот, хан, – сказал генерал Кауфман, – вы видите, что мы наконец и пришли вас навестить, как я вам обещал еще три года тому назад.

Хан: – Да; на то была воля Аллаха.

Генерал Кауфман: – Нет, хан, вы сами были причиной этому. Если бы вы послушались моего совета три года тому назад и исполнили бы тогда мои справедливые требования, то никогда не видали бы меня здесь. Другими словами, если бы вы делали, что я вам говорил, то никогда бы не было на то воли Аллаха.

Хан: – Удовольствие видеть ярым-падишаха так велико, что я не мог бы желать какой-нибудь перемены.

Генерал Кауфман (смеясь): – Могу уверить вас, хан, что в этом случае удовольствие взаимно. Но перейдем к делу. Что вы будете делать? Что думаете предпринять?

Хан: – Я предоставляю это решить вам, в вашей великой мудрости. Мне же остается пожелать одного – быть слугой великого Белого Царя.

Генерал Кауфман: – Очень хорошо. Если хотите, вы можете быть не слугой его, а другом. Это зависит от вас одних. Великий Белый Царь не желает свергать вас с престола. Он только хочет доказать, что он достаточно могуществен, чтобы можно было оказывать ему пренебрежение, и в этом, надеюсь, вы теперь достаточно убедились. Великий Белый Царь слишком велик, чтобы вам мстить. Показав вам свое могущество, он готов теперь простить вас и оставить по-прежнему на престоле, при известных условиях, о которых мы с вами, хан, поговорим в другой раз.

Хан: – Я знаю, что делал очень дурно, не уступая справедливым требованиям Русских, но тогда я не понимал дела, и мне давали дурные советы; вперед я буду лучше знать, что делать. Я благодарю великого Белого Царя и славного ярым-падишаха за их великую милость и снисхождение ко мне и всегда буду их другом.

Генерал Кауфман: – Теперь вы можете возвратиться, хан, в свою столицу. Восстановите свое правление, судите свой народ и охраняйте порядок. Скажите своим подданным, чтоб они принимались за свои труды и занятия, и никто их не тронет; скажите им, что Русские не разбойники и не грабители, а честные люди; что они не тронут ни их жен, ни имуществ»^[240].

Вообще книгу этого военного репортера «Военные действия на Оксусе и падение Хивы» стоит прочесть любому, кто интересуется военной историей России. А история самого Януария Алоизия Мак-Гахана стоит того, чтобы рассказать о ней, снова ненадолго прервав рассказ о походе. Про таких, как он, говорят: «Это люди, изменившие мир, изменившие ход войны», – и в случае Мак-Гахана это не преувеличение. Если не один из первых, то один из самых ярких военных репортеров 19 столетия родился 12 июня 1844 года в городке Нью-Лексингтон, в штате Огайо. Его родители были выходцами из Ирландии – Джеймс Мак-Гахан и Генриета Дэмпси. Интересный факт: до иммиграции в Америку Джеймс Мак-Гахан служил на судне «Нортумберленд». Именно на нем плененного Наполеона привезли на остров Святой Елены под охрану наемников Ост-Индской компании.

Януарий Мак-Гахан

Когда Януарию было семь, умер отец. Он пошел на заработки, на соседних фермах брался за все, что предложат. Он параллельно учился, в 17 лет переехал в город Хантингтон, штат Индиана, там работал продавцом и учителем. Наверное, когда судьба бросает тебя то туда, то сюда, это неплохо, если в будущем ты выберешь карьеру репортера. В 1864 году Януарий оказался в Сент-Луисе, где устроился в железнодорожную компанию «Юнион Пасифик». Там он познакомился с генералом Филипом Шериданом, героем Гражданской войны со стороны северян. Сам ирландец по

происхождению, генерал проникся расположением к парню и помог ему отправиться учиться в Европу на юриста. Шеридан, стоит сказать, личностью был неоднозначной. Это ему принадлежит знаменитая фраза: «Из всех индейцев, которых я встречал, хорошими были лишь мертвые индейцы», и это он придумал ради подрыва экономического уклада жизни индейских племен массово истреблять бизонов в США.

В декабре 1868 года Януарий прибыл в Брюссель. Но юристом он так и не стал, хотя открыл в себе способности к языкам – он быстро выучил немецкий и французский. Тут в 1870 году началась Франко-прусская война. И это стало моментом рождения военного репортера Мак-Гахана. Генерал Шеридан помог ему устроиться корреспондентом в лондонский офис газеты «Нью-Йорк Геральд».

Он писал яркие и интересные статьи, он в красках описывал поражение французской армии, его стали цитировать. Он стал известным. Его статьи из «Нью-Йорк Геральд» перепечатывали европейские газеты. Когда война закончилась, он смог взять интервью у французского лидера Леона Мишеля Гамбетта и у Виктора Гюго. В марте 1871 года Януарий пробрался в Париж, где началось восстание Коммуны. Его чуть не расстреляли коммунары, потом он попал в руки к французским военным, и освободили его только благодаря вмешательству посла Соединенных Штатов во Франции.

В 1871 году Януарий Мак-Гахан приехал в русскую столицу. Он стал корреспондентом «Нью-Йорк Геральд» в Санкт– Петербурге. Быстро выучил русский, хотя и говорил с типичным американским акцентом, познакомился со многими представителями столичного светского общества, он все же был известным военным репортером. В 1873 году он познакомился с Варварой Николаевной Елагиной, девушкой из старинной дворянской семьи, которая потом станет его женой.

Он на самом деле был отчаянным парнем. Героическим, без преувеличения. Когда он узнал, что русская армия идет на Хиву, то, наплевав на запрет, через Казалинск и форт Перовский отправился догонять отряды, пересек на лошадях пустыню Кызылкум и стал очевидцем капитуляции города. Он тогда познакомился с молодым полковником Михаилом Скобелевым, они будут дружить до конца жизни.

В 1874 году он провел девять месяцев в Испании, снова на войне, а в 1875-м с британским путешественником сэром Алланом

Уильямом Янгом отправился в полярную экспедицию. В 1876 году он повернул ход мировой истории. Это именно его публикации заставили политиков Европы и США обратить внимание на резню, устроенную турками в Болгарии. Но об этом позже. А в 1873 году, во время пребывания в Хиве, он лично пообщался с ханом. Описание этой встречи объясняет многое в том, какова была Азия, когда начиналась русская экспансия. Хан вообще не представлял, какой мир его окружает.

«Он начал разговор вопросом из какой я страны приехал.

– Из Америки, – отвечал я.

– Так, стало-быть, вы не Англичанин? – спросил он с видимым удивлением. Вопрос этот подтвердил мои предположения, что он принимал меня за английского агента.

– Нет, – возразил я; – страна моя гораздо дальше.

– А как далеко?

– За большим морем; 400 дней пути, верблюжьим ходом.

Пораженный, он осведомился, как же я переехал такое большое море.

Тогда я спросил его, не видал ли он русский пароход на нижнем течении Амударьи. Он отвечал, что сам его не видал, но много о нем слышал. Я сообщил ему, что такой-то пароход может переехать то море в десять дней, подвигаясь вперед ровно в сорок раз быстрее верблюда. Затем я ему заявил, что мои земляки изобрели эти пароходы, а также и ту быструю систему сообщения, посредством которой можно бы переслать известие из Хивы в Бухару в какие-нибудь пять минут. Это заявление однако показалось хану совершенно невероятным; я даже думаю, что он счел меня тут великим лгуном.

Когда я ответил на все эти вопросы, он стал расспрашивать меня о Франгистане (Франции) и Англии.

Я начертил приблизительную карту на клочке бумаги, объясняя ему относительное положение Франции, Германии, Англии, России и Индии, и он внимательно в нее всматривался.

Больше всего поразило его из рассказов об Америке то, что тамошний хан царствует всего четыре года и что затем избирается другой хан на место прежнего.

– Да как же хан допускает выбрать другого на свое место? – спрашивал он в удивлении.

– Таков закон; еслиб он не захотел подчиниться закону, народ бы его к тому принудил. – Тут я прибавил, что даже и я, по

возвращении своем домой, могу быть выбран ханом.

Он, однако, взглянул на меня с весьма недоверчивым видом, вероятно, думая, что уж этому-то последнему никогда не бывать»^[241].

И на самом деле хан Мухаммед Рахим государственными делами почти не занимался и свободное время – а другого у него практически и не было – проводил или в гареме, или на охоте. Его советники объясняли ему, что русских бояться не надо, они все равно не пойдут на Хиву войной.

Разобравшись в том, как устроена внутренняя политика Хивы, русские офицеры пришли в выводу, что одним покорением ханства дело еще не завершено, потому что выяснилось, что туркменские кочевники-иомуды играли в политике Хивы слишком важную роль. Они вели полукочевой образ жизни, занимались скотоводством и грабежом, а заодно и работорговлей. Они грабили оседлых земледельцев-узбеков, захватывали персов, пленили русских в приграничных районах и продавали на хивинском невольничьем рынке. Что-либо сделать с кочевниками хан не мог: его войска были слишком неумелы, чтобы воевать с иомудами, а те, понимая это, зачастую определяли политику государства, влияя на принятие решений министрами.

Кауфману было ясно, что после ухода русских войск ситуация вернется на круги своя, и значит, кочевников придется теперь тоже «умирять». Поначалу со старейшинами попробовали вести переговоры, но оказалось, что это совершенно бессмысленно. Они просто не понимали, что за сила пришла покорять Хиву, что за государство Россия и почему это они по требованию какого-то вождя одного из русских племен должны прекращать работорговлю. В 1878 году через персидские земли в Афганистан ехал русский разведчик, полковник Николай Гродеков – в Хивинском походе он был начальником штаба в Мангышлакском отряде Ломакина. И вот как он описывал то, какие беды персы претерпевали от туркменских разбоев.

«Уничтожение торговли людьми в Хиве и Бухаре нанесли страшный удар туркменам: им некуда уже было сбывать свой ясырь. Первые два года после хивинского похода набеги туркмен совершенно прекратились, но потом они возобновились, хотя далеко не в таких размерах, как бывало до 1873 года. Теперь шайка в 100 человек редкость; ходят десятками, по 6-ти человек, по 5-ти. Но тут играет роль, если можно так выразиться, вездесущий туркмен,

который парализует жизнь и под Гератом, и под Мешхедом и Астрабадом. Все воспоминания жителей вертятся в круге туркменских набегов; они даже хронологию свою приурочивают к тому или другому набегу. Подобно тому, как в Западной Европе в Средние века существовала молитва об избавлении людей от нашествия норманнов, так и теперь в Персии и в Гератской области существует молитва об избавлении народа от набегов туркмен. Когда селение узнавало, что я сам участвовал в Хивинском походе, то изъявлениям сочувствия его ко мне не было конца. Населению нечего было объяснять, кто его друг и кто недруг. Десятки тысяч освобожденных из хивинской и бухарской неволи – живое доказательство человеколюбия русского государя».

Но какой ценой далось это умирение туркмен! На требования Кауфмана в 1873 году туркмены ответили молчанием, не отпустили ни одного раба, отказались прислать продовольствие для русских войск. Хан на самом деле таким партнерством тоже давно тяготился. И с радостью рассказал русским офицерам о всех туркменских родах, о том, сколько у них денег, поясняя, что он готов платить контрибуцию, но пусть они разделят с ним нелегкое финансовое бремя. В итоге было решено взыскать с хивинских туркмен 600 тысяч рублей. Сумма огромная, причем срок сбора половины суммы был установлен русскими в 15 дней. Очевидно, что срок был нереальный, но на это и был расчет командования. Туркмены возмутились и заявили, что платить не будут. В ответ Кауфман выдал предписание генерал-майору Головачеву:

«Дабы ближе следить за ходом сборов с иомудов, прошу Ваше Превосходительство отправиться 7-го сего июля с отрядом в Хазават, где и расположить его на удобном месте. Если Ваше Превосходительство усмотрите, что иомуды не занимаются сбором денег, а собираются дать войскам отпор, а может быть, откочевать, то я предлагаю Вам тотчас же двинуться в кочевья иомудов, расположенные по хазаватскому арыку и его разветвлениям, и предать эти кочевья иомудов и семьи их полному и совершенному разорению и истреблению, а имущества их, стада и прочее – конфискованию»^[242].

Суровое, надо сказать, предписание. И тогда, в 19 веке, западная пресса не раз цитировала этот документ как доказательство природной кровожадности русских, вот ведь написано: «предать семьи истреблению». В исследованиях западных историков и по сей день этот приказ трактуется именно так, с широкими обобщениями.

При этом обычно забывают упомянуть о военных преступлениях своих соотечественников, например, в Алжире или в той же Индии. И тут все же стоит упомянуть (нисколько никого не оправдывая), что жестокий приказ Кауфмана был и в истории покорения Туркестана, и в истории русской армии случаем особенным, исключительным. Карательная экспедиция – а именно так и называются подобные операции – это все же не стиль русского офицера. И не стану тут вдаваться в рассуждения, прав ли был Кауфман. Каждый, кто пожелает, может найти ему оправдание и объяснение жестокому приказу. Точно так же, как любой желающий найдет, за что его осудить. Все же мое мнение, что генерал-губернатор Туркестана действовал в уже сложившихся обстоятельствах. И он не мог уйти, не умирив кочевников, которые контролировали хана и его окружение. Другой вопрос, насколько был оправдан столь жестокий подход. Генерал Головачев получил в свой отряд 8 рот пехоты, 8 казачьих сотен, 10 орудий и 8 ракетных станков и двинулся в степь, чтобы остановить туркмен, которые собирались откочевать в сторону Аральского моря. Русский отряд шел через туркменские селения, уничтожая постройки, сжигая запасы зерна. Туркмены пытались отбиваться. Журналист Мак-Гахан, участвовавший в рейде, писал о нем:

«...Мы несемся далее по пустыне подобно урагану.

Я останавливаюсь на минуту, чтоб оглядеться кругом. Вот Туркмен лежит в песке, с головой, пробитой пулей; немного дальше казак свалился на землю с ужасною сабельною раной на лице; там две женщины с тремя или четырьмя детьми, сидят на песке, жалобно плача и рыдая и моля о пощаде; я кричу им на скаку: “Аман, аман”, мир, мир, чтобы рассеять их страх. Еще дальше целая куча арб и телег, ковров и одеял, перемешанных с мешками, наполненными зерном, огромными узлами и вьюками, кухонною посудой и всяким домашним добром.

Сначала я был поражен множеством Туркмен, лежащих недвижно на земле. Я не могу удержаться от мысли, что если все это убитые, то нет на свете более метких стрелков, чем казаки. Однако же немного спустя тайна разъясняется, я замечаю, как один из убитых, по-видимому, Туркмен осторожно приподнимает голову и тотчас же снова принимает прежнее неподвижное положение. Многие из них только притворились мертвыми, и счастье для них, что казаки не открыли обмана.

Несколько сажень далее четыре казака окружили Туркмена. Удар за ударом падают на его голову. Он валится ничком в воду со страшною раной на шее, и казаки скачут прочь. Минуту спустя встречаю я женщину, сидящую у воды, тихо плачущую над мертвым телом мужа. Вдруг моя лошадь делает скачок, от которого я едва не вылетел из седла; слух мой поражен резким, пронзительным, порывистым треском; оглядываюсь и вижу – огненная полоса пронеслась по небу и рассыпалась среди неприятелей. Это не более как ракета, но за ней следует другая, еще и еще, и смешиваясь с воплем женщин и детей, топотом казацких лошадей, блянием овец и коз, ревом животных, которые дико мечутся по равнине, все это представляет целый ад ужасов».

Да, войскам был дан устный приказ женщин и детей не трогать. Но несколько сотен мирных туркмен утонули в озере. Кауфман, вероятно, сам не ожидал, во что превратится его замысел. Он хоть и написал жестокое распоряжение, но, судя по приказу не трогать женщин и детей, не намеревался покровительствовать бойне. И он отправил Головачеву новое предписание: «Если жители не будут уходить с мест своего жительства, а займутся сбором контрибуции, Ваше Превосходительство, приостановитесь их разорять, а будете наблюдать за тем, что делается в их среде...» Там же он написал, что не надо сжигать все подряд запасы зерна.

15 июля туркмены-иомуды вместе с родами гокленов, чаудоров, имралов напали на русский лагерь. Их было около 10 тысяч человек. Атаку удалось отбить, хотя и не сразу. В какой-то момент туркмены стали теснить русских. Но ситуацию спасли две роты стрелков под командованием капитанов Батмана и Рейнау, оба шведы по национальности, воспитывавшиеся в финляндском кадетском корпусе. В походе, в отличие от большинства офицеров, они жили в палатках с солдатами, ели из общего котла. Именно их подразделения оказались наиболее сплоченными и боеготовыми. Потому они смогли четко наладить оборону и стрельбу залпами. Из книги Мак-Гахана:

«...Я очутился на краю фронта и между мной и неприятелем нет ничего. Туркмены надвигаются с запада, где все погружено в глубокую темноту, но я могу различить на расстоянии, может быть, сажень в двадцать темную, нестройную массу всадников, несущихся в галоп. Они визжат, как бесы, и при свете выстрелов я могу видеть их свирепые, темные лица и блеск обнаженных сабель. Мне не нужно много времени, чтобы понять, что я не могу здесь

оставаться; быстро повернув лошадь, я бросаюсь прочь, разрядив прежде по толпе свой револьвер. Почти в ту же минуту рота пехоты подходит с левой стороны.

Они подходят беглым шагом, и движение их несколько напоминает движение заброшенного аркана. Офицер выстраивает их в боевую линию. Я поспешно шпорю лошадь и, становясь позади их, чувствую себя на минуту бесконечно счастливым. Они выстраиваются, левая нога впереди, ружья наготове; через минуту раздается команда: “пли!” и воздух с шумом и свистом пронизывает туча летящих пуль».

Русские войска после этого пошли дальше, снова выжигая и уничтожая посадки селения, запасы зерна. И всюду стычки с туркменами, после которых рыдающие женщины с детьми идут собирать на поле боя тела своих погибших мужей. Это была жестокая, безжалостная война. Но важно, как, например, все тот же Мак-Гахан оценивал действия русских.

«Я должен сказать однако, что случаи насилия против женщин были крайне редки; и хотя Русские сражались здесь с варварами, которые совершали всевозможные жестокости над пленными, что в значительной мере могло бы извинить жестокость со стороны солдат, тем не менее поведение их было бесконечно лучше, нежели поведение других европейских войск в европейских войнах».

Не верить американскому журналисту оснований нет. Он не приукрашивал то, что видел, и кроме того, он ведь был свидетелем действий европейских армий. Видел, например, с какой жестокостью французы подавили Парижскую коммуну. Да и по мнению русского офицера и военного историка Михаила Терентьева, «как бы то ни было, а слепые исполнители воли начальства, несчастные казаки, вероятно, предпочли бы штурмовать самый ад, чем крошить бабье и детвору». И это при том, что Терентьев откровенно не одобрял жестокий рейд по иомудским землям и в отличие от многих современников не искал оправданий ему, не пытался объяснить, что, дескать, исполнители не так поняли Кауфмана. Терентьев полагал, что «приказание истреблять иомудов поголовно было действительно отдано». А вообще, в Европе и США о действиях Кауфмана против иомудов стало известно от американского посла Юджина Скайлера, который путешествовал в это время по Средней Азии и которому случайно в руки попал приказ генерала. Он написал об этом в книге «Путешествие по Туркестану», оригинальное название «Turkistan by Eugene Schuyler».

По мнению Терентьева, карательная акция была совершена для того, чтобы лишить хана силовой поддержки, ведь туркмены были самой боеспособной частью хивинского войска, хотя и не дисциплинированной. Они были этакими преторианцами и янычарами хана. Кроме того, был уж очень велик соблазн раз и навсегда показать потенциальным бунтовщикам в Азии, какой может быть ответ. И заодно покарать туркмен за прошлые набеги на русские села. И вообще, вероятно, многие офицеры для себя нашли внутреннее оправдание: туркмены работоторговцы, крайне жестокие люди, а женщины и дети, даже если и не грабят сами, то ведь живут тем, что украли отцы. Значит, все тогда было сделано правильно. Именно такая точка зрения была изложена Гродековым:

«Что бы там ни писали Скайлер и К^о о жестокостях русских в юмудскую экспедицию 1873 года, во всяком случае приказ генерала Кауфмана об истреблении юмудов есть, по моему мнению, самый человеколюбивый акт, который когда-либо был издан, ибо он клонился к спасению и благополучию миллионов людей. Кто в Азии не благословляет ярым-надишаха?! Я бы посоветовал упомянутым господам проехаться по тому пути, по которому проследовал я. Они бы на своих особах испытали, что такое туркмены. Будучи посажены на цепь, они, конечно, прежде всего обратились бы к русскому правительству с просьбою об освобождении»^[243].

Так что однозначного отношения к карательной акции не было и в 19 веке. Многие справедливо говорили – солдат что, он приказ выполняет. Винить солдата за то, что он воюет, – это абсурд. И стоит добавить еще одну важную деталь: хивинское население разгром туркмен чрезвычайно одобрило, особенно узбеки-земледельцы, натерпевшиеся от туркменских набегов. И Кауфман не был кровожадным человеком. Но он был своего рода идеальным исполнителем. Он знал, что нужно покорить Хиву, а для этого надо ослабить иомудов. Все. Задачу надо выполнять. Иомуды живут по жестоким законам. Пленных не считают за людей. Как с ними поступить, чтобы их усмирить? Проявить такую же жестокость. Все вроде бы логично. Но вот считать ли разгром иомудов славной страницей в истории русского оружия или нет, пусть каждый решает сам.

Когда по совету Кауфмана хан подписал манифест об освобождении 40 тысяч рабов-персов, то это все же как-то снизило накал пропагандистской истерики в Европе и Англии по поводу жестокостей русских. Это был сильный дипломатический ход

России. Тем более что буквально через две недели случилось вот что: отправившиеся домой несколько сотен персов были зверски убиты все теми же туркменскими кочевниками. Так что у русских дипломатов появился сильный аргумент. Картины расправы над несчастными рабами, так и не увидевшими после стольких лет свою родину, публиковали даже английские газеты.

12 августа 1873 года все в той же летней резиденции хивинского хана, в саду Гендемиан, был подписан мирный договор между Россией и Хивинским ханством. По месту подписания договор называли Гендемианским.

Хан признавал себя вассалом России, точнее, как было написано в тексте, «покорным слугой императора всероссийского». Он отказался от самостоятельной внешней политики, принял обязательство не воевать ни с кем без разрешения Петербурга, русские купцы получили исключительные права на торговлю в ханстве, без всяких пошлин. Часть территории ханства на правом берегу Амударьи переходила к России. Хан пообещал «уничтожить на вечные времена рабство и торг людьми» и уплатить русскому правительству контрибуцию в два с лишним миллиона рублей.

«На Хивинское ханство налагается пеня в размере 2.200.000 рублей, для покрытия расходов русской казны на ведение последней войны, вызванной самим ханским правительством и ханским народом. Так как хивинское правительство, по недостаточности денег в стране, и в особенности – в руках правительства, не в состоянии уплатить эту сумму в короткое время, то, во внимание к этому затруднению, предоставляется ему право уплачивать эту пеню с рассрочкой и с расчетом процентов по 5 % в год, с тем чтобы в первые два года в русскую казну вносилось по 100.000 руб., в следующие затем два года – по 125.000 руб., затем два года – по 175.000 руб., а в 1881 году, т. е. через восемь лет – 200.000 руб. и наконец до окончательной расплаты – не менее 200.000 руб. в год. Взносы могут производиться как русскими кредитными билетами, так и ходячею хивинскою монетою, по желанию ханского правительства»^[244].

Амударья превращалась в русскую реку: «Исключительное и свободное плавание по Амударье предоставляется только русским судам, а хивинские и бухарские допускаются только с разрешения русской власти». Чтобы хан вдруг не передумал исполнять договор, на правом берегу реки построили русское укрепление, Петрово-

Александровск, и русский гарнизон при случае должен был вмешаться в любую сложную ситуацию, возникшую в ханстве.

12 августа Кауфман выступил назад в Ташкент. Это на самом деле была уникальная военная операция. Ни одна европейская армия того времени никогда не действовала в таких сложных обстоятельствах и природных условиях, на таком удалении от мест постоянной дислокации. Ташкент встречал победителя 28 сентября 1873 года. В специальных шатрах накрыли банкет, произносили торжественные речи, поздним вечером устроили фейерверк, а на следующее утро генерал-губернатор въезжал в Ташкент через триумфальную арку. Предсказуемую реакцию англичан иронично комментировал Михаил Терентьев:

«Явная трусость, обнаруживаемая англичанами, при каждом нашем шаге, даже не прямо к Индии (Хива, например, совершенно в стороне, но покорение ее обеспечивает дальнейшие шаги вперед), конечно, должна была привести русских к мысли, что наши вечные соперники кричат недаром и что, вероятно, они лучше нас знают, в чем именно заключается для них опасность. Отсюда прямой вывод: если англичане станут, при каком-нибудь случае, в явно враждебные к нам отношения, надо попробовать пощекотать их в Индии... Англичане щекотки боятся в этом месте.

В Хиве мы простояли всего два месяца и покинули ее. Пусть сравнят с этим сами англичане занятие ими Египта на короткий срок, растянувшийся в десятки лет, пусть припомнят также, что Египет ничем перед ними не провинился, тогда как Хива более ста лет всячески задирала нас».

Вообще, конечно, Хивинский поход планировалось начать немного раньше. Еще в 1871 году. Во всяком случае об этом говорили в военной среде, но возникли обстоятельства, которые изменили планы. А именно, вспыхнул Китайский Туркестан, точнее та его часть, которая называется Кашгарией. Как раз там нелегально побывал и работал Чокан Валиханов. Кашгария вспыхнула не без влияния английской агентуры, причем это была агентура, присланная из Индии, и еще в период правления Лоуренса. То есть политика «сдерживания», как я уже говорил, была довольно условной, и разведчики все равно работали.

Итак, еще раз напомним – Кашгария, на юге и юго-западе примыкала к Кашмиру и Афганистану, на северо-западе к русским владениям в Туркестане (сейчас это независимая Киргизия), китайцы покорили Кашгарию в 1760 году, и она стала частью Синьцзяна.

Спустя сто лет здесь стали происходить антикитайские восстания, и в 1864 году началось самое крупное из них. Повстанцы захватили крупнейшие Яркенд, Аксу, осадили Кашгар, они разбили высланные против них правительственные войска. В охваченные восстанием районы приехал известный проповедник из Ферганской долины, то есть из Кокандского ханства, Бузрук-Ходжа. Вскоре он смог захватить власть в Кашгаре, опираясь на «анджанлык», своих земляков, выходцев из Андижана.

Вместе с Бузруком из Коканда приехал Якуб-бек, кокандский полководец и, как показало будущее, довольно умелый политик. Русским он был хорошо знаком: Якуб-бек был комендантом крепости Ак-Мечеть, причем среди окрестного населения он пользовался дурной славой. Султан – правитель восточной части киргизской орды, Ахмед-джан, доносил про Якуб-бека русскому начальству, что «он не знает сегодня, будет ли грабить своих соседей завтра. Все это случается по внезапным приказаниям ташкентского Куш-бека, от которого он зависит, или от собственной нужды в деньгах. И в том, и в другом случае ак-мечетский бек тотчас же посылает всегда готовую шайку на грабеж киргиз, обирает их до последней крайности, и только те ордынцы, которые беспрекословно исполняют при этом все тяжкие требования хищников, не подвергаются насилию». У Бузрук-Ходжи Якуб-бек получил пост главнокомандующего, но постепенно взял под свой контроль всю власть в Кашгаре. Причем скорее потому, что ходжа совсем ничего не смыслил в политике. Русский востоковед Николай Веселовский писал о нем так:

«Якуб-Бек попал в Кашгар случайно. Назначение его дядькою к ходже Бузюрку состоялось не потому, что он занимал видное положение в Коканде или чем-либо заявил себя в государственном управлении, а потому, что наиболее влиятельные и деятельные лица были отвлечены в другую сторону, именно на борьбу с русскими, победоносно двигавшимися к Ташкенту, и послать в Восточный Туркестан просто было некого. Водвориться же там ничего не стоило. С полным только успехом этот, не по заслугам прославленный дядька, изводил ходжей, которые с первых же месяцев по переселении в Кашгар внезапно стали умирать один за другим. Остались в живых совсем не опасные, да и то с удалением на китайскую границу. Для подобной политики не много ума требуется»^[245].

KING YAKOOB BEG.

Якуб-бек кашгарский

Был в биографии Якуб-бека еще один крайне неприглядный факт. Его сейчас очень не любят вспоминать историки в Средней Азии, потому что Якуб Бадаулет ныне считается таким борцом против русской тирании и имперских амбиций. Но дело в том, что в юности у Якуба была довольно позорная профессия – бача. То есть мальчик-проститутка. Бача, как правило, воспитывался особым способом, с раннего детства его учили танцевать, как девушка, одеваться, как девушка, краситься и петь. Бачу приглашали в мужскую компанию, чтобы посмотреть танцы, а потом кто-то из мужчин оставался с танцором наедине. Это омерзительное явление исследовали русские этнографы и ученые. Один из них писал:

«...Мальчики, выполняющие роль бачей, с раннего детства приучаются только к праздной, бездеятельной и разгульной жизни на счет дурных мужчин, известных под именем бачебазов, и таким образом, достигнув возраста 20–25-летнего, они сами обращаются в бачебазов и проматывают все нажитое трудами отцов своих, и затем, не привыкнув ни к какому труду, обращаются к легким промыслам, как то: к обманам, кражам и грабежам, т. е. само население воспитывает в себе вредных членов общества, поощряя их своими приношениями и подарками, расходуя на это все денные заработки в ущерб своим семьям, – я, на основании всего приведенного, предлагаю и. д. младшего помощника и аксакалам разъяснить населению вред, происходящий от бачебазства, и пригласить народ принять участие в искоренении этого зла. Всякий добропорядочный человек, в свободное от труда время, найдет себе развлечение, не противное долгу чести и шариаду»^[246].

Явление это в Средней Азии, особенно в Хиве, Бухаре и Коканде, и даже в Ташкенте, сохранялось и в начале 20 века, о нем с возмущением писали русские газеты в Туркестане:

«Развлечения с бачами до сих пор еще существуют среди туземцев, как и следовало ожидать: одним приказанием не прекратить распространение порока, укоренившегося в народе в течение столетий и находящегося в связи с устройством домашнего быта сартов. Увлечение бачами не только вызывает большие расходы у их обладателей, но иногда оканчивается преступлением – убийством. Так, 7 июля 1890 г. ташкентские сарты: Улуг-ходжа Зиамутдинов, конный барышник 38 лет, Акбар Ахметбаев, Юнус-ходжа Ибрагим-ходжсин, мелкий подрядчик и торговец, и Ахметджан Нурматдинов (21 г.) – все зажиточные,

взяли с собою двух бачей и в компании еще с двумя товарищами сначала катались по городу верхами, потом угощались в увеселительном саду, а когда стемнело, уехали в пустой загородной сад и там изнасиловали обеих бачей, причем один из кутил, балалаечник Саадулла, был убит своими товарищами по кутежу из-за обладания бачой»^[247].

И до сих пор в Афганистане бача – это часть повседневной жизни, например в Кандагаре и Мазари-Шарифе, да и даже в Кабуле, хотя и не так открыто, как в провинции. А для многих подростков в стране стать мальчиком-проституткой – это зачастую единственный способ выжить, не умереть от голода и получить защиту. Потому что если повезло, то можно получить в любовники-бачабоззы какого-нибудь полевого командира. Или сделать серьезную карьеру. Что, кстати, произошло и с Якуб-беком.

Осенью 1864 года восстание перекинулось и на северную часть Синьцзяна, Кульджинскую область. Генерал-майор Колпаковский писал руководству, то есть генерал-губернатору Западной Сибири, что *«в Западном Китае существует совершенная анархия, и положение его совершенно плачевное. Китайцы Илийских поселений и солдаты из тайпинов... скорее сочувствуют инсургентам, чем своему правительству, снабжая их оружием и лошадьми»*.

Китайские власти даже обратились к русским с просьбой оказать помощь в подавлении восстания, но русское правительство заняло строгий нейтралитет. Хотя сам генерал Колпаковский призывал к активному вмешательству в ситуацию в Западном Китае. Он считал, что проще помочь подавить восстание, чем тратить деньги на охрану границы. А такой отряд действительно пришлось отправить. Колпаковский предлагал подойти к решению вопроса радикально: занять Чугучак, Кульджу и Кашгар и основать там русские поселения. Он писал, что таким образом не надо будет платить за содержание факторий, и регион станет русским форпостом против Коканда и англичан. И Колпаковский понимал, о чем писал.

Потому что, когда началось восстание, в Кашгаре тут же объявились английские агенты. В 1865 году из Ладака в Яркенд проник Мухаммед Хамид, пандит, то есть шпион Индийской службы, подготовленный из местного индийского населения. Он собирал сведения о состоянии дел в регионе, и на основании его доклада было решено усилить экономическую экспансию английских товаров через кашмирских купцов. В 1868 году Якуб-бек

сместил Бузрук-Ходжу и взял города Кучи, Курли, Карашар, Куня-Турфан. Поначалу он не называл себя ни шахом, ни эмиром, скромно ограничивался титулом «бадаулет», то есть «счастливый». И правда, для бывшего бачи такая карьера была головокружительной. Как тут не назвать себя счастливым.

В декабре 1868 года в Кашгарию прибыл английский разведчик Роберт Шоу, он лично встретился с Якуб-беком. Причем переговоры проходили в несколько этапов. Поначалу Якуб-бек не хотел принимать англичанина. Он пытался выстроить отношения с Петербургом и даже был готов вести переговоры о признании его как самостоятельного властителя самостоятельного государства. Русские были к этому не готовы. Точнее не собирались злить китайцев, с одной стороны, и признавать власть какого-то проходимца – с другой. И тогда Якуб-бек решил искать союза с Англией. Шоу, конечно, отрицал, что официально представляет правительство, он объяснял, что он вольный путешественник. Бадаулет был хоть и не грамотным и не образованным человеком, но в английской политике разбирался не хуже иных дипломатов. Он заявил Роберту Шоу: «Я рассматриваю вас как брата. От чьего бы вы имени ни говорили, я прислушаюсь». После он добавил: «Королева Англии подобна солнцу, которое согревает все своим сиянием. Я пребываю в холоде, но желаю, чтобы несколько лучей ее сияния упали на меня. Ваше прибытие – большая честь для меня. Я рассчитываю, что вы поможете и мне, и вашей стране». Тогда же Якуб-бек предложил отправить в Британскую Индию посла, Шоу согласился и даже пообещал его сопроводить.

Одновременно с Шоу в Кашгаре оказались еще два разведчика. Первый – один из самых ярких и отважных британских путешественников той эпохи Джордж Хейуорд. Офицер Королевских шотландских стрелков, он, уволившись из армии, подружился с одним из идеологов Большой Игры и борцом с русской угрозой, сэром Генри Роулинсоном, который к тому моменту возглавил Королевское Географическое общество. Общество, конечно, считалось совершенно аполитичным, но Роулинсон был известным русофобом и сумел убедить Хейуорда, что его будущие путешествия – это не просто развлечение, а часть важного политического процесса. Так вот в Кашгарию он попал тоже как путешественник. И тоже вроде бы как по своей инициативе. Но в действительности это было разведздание, правда, не одобренное индийской администрацией: Хейуорда считали авантюристом, и никто из

чиновников не хотел брать на себя ответственность за его жизнь. Якуб-бек, кстати, совершенно не хотел просто так отпускать Хейуорда, потому что тоже понимал – перед ним не просто купец и путешественник, это просто маска. Но Шоу сумел убедить его, что для налаживания отношений стоит позволить Хейуорду спокойно уехать. Якуб-бек тогда отпустил еще одного человека, который показался ему подозрительным. Звали его Мирза Шуджа. Он тоже был английским разведчиком – пандитом, то есть специально подготовленным и образованным индийцем.

Такая идея, использовать местных жителей для ведения разведки в Центральной Азии и Афганистане, на Памире и в Тибете, принадлежала капитану королевских инженерных войск Томасу Монтгомери. После провала Конолли и Стоддарта, после гибели Бернса и еще нескольких агентов вице-король Индии запретил использовать офицеров в качестве разведчиков. Все равно они не могут выглядеть на сто процентов азиатами и рискуют провалить задание и погибнуть. И как результат – Служба Индии (то есть главная структура колониальной администрации), а именно она занималась составлением карт, попала в трудную ситуацию. В не менее сложном положении оказалась и военная разведка. И если в приграничной зоне сведения могли добывать следопыты из Корпуса Разведчиков, о чьих подвигах будет рассказано отдельно, то глубинную разведку осуществлять стало просто некому.

Не исключено, что англичане знали про русский опыт, а именно про миссии Чокана Валиханова, и решили, что могут сделать нечто похожее. Но как всегда более системно. То есть у Российской империи это была разовая акция, англичане же построили работу всерьез и надолго. Хотя возможно, что Монтгомери сам додумался до этого очевидного решения. Разоблачить местных почти невозможно. Маскироваться им не надо. И началась подготовка агентов. Все делалось в строжайшей тайне. Даже в Службе Индии лишь отдельные чиновники знали о существовании пандитов, при том что их настоящие имена оставались засекреченными, их называли условными кличками, а числились они вообще под номерами. Их обучением занимался лично Монтгомери в специальном здании штаба Службы в городке Дехра Дан, в предгорьях Гималаев.

Монтгомери учил пандитов поддерживать постоянный темп движения, чтобы разведчики могли хотя бы примерно фиксировать пройденное расстояние. Хотя в школе придумали способы и

относительно точной фиксации расстояния. Пандиты часто путешествовали под видом паломников, буддистов, реже под видом мусульман. У тех и других всегда были четки, разница лишь в том, что в традиционных буддистских – 108 бусинок, а в мусульманских 99. Монтгомери слегка переделал четки – сделал их на 100 бусин. Это было необходимо для того, чтобы после каждых ста шагов пандит, шедший под видом паломника, перекидывал одну бусину. Ну а что, идет человек, молится. Полный круг четок составлял 10 тысяч шагов. Вечером оставалось только зафиксировать пройденное расстояние. Бумагу для записей прятали в буддистское молитвенное колесо. Или делали тайные пометки в сборниках мусульманских молитв, над определенными буквами. Компасы прятали в молитвенные барабаны. Термометры прятали в посохи «паломников», секстан – в двойное дно дорожных сундуков.

Каждый пандит тщательно учил свою легенду прикрытия, чтобы при случайной встрече с «земляком» в каком-нибудь караван-сараяе он мог без проблем рассказать о «родных местах». Обычно они представлялись бродячими мусульманскими проповедниками, паломниками, торговцами или охранниками караванов. Некоторые экспедиции пандитов продолжались не год и не два. Одного из агентов даже в итоге наградили Золотой медалью Королевского Географического общества за то, что он принес «большой объем положительных знаний по географии Азии, чем кто-либо другой в наши дни». Несколько агентов погибли. Но собранных ими сведений хватило Службе Индии на полтора десятилетия работы по составлению карт и написанию отчетов.

Никто из пандитов не оставил никаких мемуаров, и на самом деле известно о них совсем немного. Большинство из них так и остались навсегда засекреченными агентами Ее Величества. Имена лишь нескольких пандитов и их потрясающие подвиги и приключения публике открыл британский журналист и историк Питер Хопкирк, исследователь Большой Игры, в своей книге «Нарушители на Крыше Мира» (оригинальное английское название *Trespassers on the Roof of the World: The Race for Lhasa*), изданной в 1982 году. Ее стоит прочитать всем, кто владеет английским и интересуется историей уникальной разведки. Впрочем, есть еще одна книга, которую я рекомендую прочесть и которая стала своего рода памятником этим невероятным людям. Это книга Редьярда Киплинга «Ким», перевод которой на русский язык трудно назвать идеальным, но вместе с тем книга все равно остается такой поэмой

Большой Игры. В центре истории – мальчик Ким, Кимбол О’Хара, мальчишка-сирота, сын ирландского солдата. Он зарабатывает на жизнь уличным попрошайничеством и исполнением поручений афганского торговца лошадьми по имени Махбуб Али. А потом выясняется, что купец связан с британскими спецслужбами, что идет борьба за контроль над Азией, которая называется Большой игрой.

Но Ким спал мало, и мысли его были на хиндустан:

“Игру правильно называют Большой! В Кветте я четыре дня прослужил поваренком у жены того человека, чью книжку украл. И это было частью Большой Игры! С Юга – бог знает, из какого далека – пришел махрат, игравший в Большую Игру с опасностью для жизни. Теперь я пойду далеко-далеко на Север играть в Большую Игру. Поистине, она, как челнок, бежит по всему Хинду...”

Ким и сам в итоге становится пандитом и отправляется в Гималаи, где он должен бороться с русскими агентами. Именно этот роман сделал термин «Большая Игра» публичным, а Киплинга – одним из ее пропагандистов. И так часто разные политологи любят многозначительно цитировать эту книгу – «Когда все умрут, тогда только кончится Большая Игра. Не раньше».

Очень жаль, что у нас в России так и не появилось певца Большой Игры, подобного Киплингу. И потому для нас этот период – какая-то абстракция, мы не знаем ничего о захватывающих приключениях русских разведчиков, об их борьбе с пандитами, о героическом покорении Туркестана, о схватках и тайных операциях на горных вершинах и в раскаленных пустынях. А они, конечно же, были, потому что информацию о состоянии дел в Средней Азии англичане получали в том числе и с помощью пандитов.

Но вернемся в Кашгар. Получить в союзники Якуб-бека для англичан означало получить новые возможности. Восточный Туркестан не только превратился бы в базу для противодействия русским, но и мог бы стать ключом к рынкам Бухары и Кульджи. И вскоре Якуб-бек начал получать помощь от англичан и заодно от турок. Последние по-прежнему мечтали создать такой мусульманский союз против России. Хотя империя и деградировала со страшной скоростью, но турецкие султаны все еще считали себя духовной элитой в исламском мире. Англия и Турция признали Якуб-бека эмиром Джиты-шаара, то есть страны семи городов. Так стали называть Кашгарию.

В Петербурге к этой активности отнеслись серьезно. Александр II распорядился перекрыть Якуб-беку и англичанам путь

на север. В 1870 году войска генерала Колпаковского заняли Музартский перевал на Тянь-Шане, а летом 1871 года русский корпус вошел в Кульджу и взял под контроль весь Илийский край. Колпаковский был награжден орденом Святого Георгия 3-й степени. Целью операции в Илийском крае было пресечь возможное распространение восстания на русский Туркестан, объединение Кашгара с Кокандом, и, наконец, Россия не могла позволить себе потерять западнокитайский рынок сбыта своих товаров. А именно это и случилось бы, если бы Кульджа была захвачена Якуб-беком.

Он, кстати сказать, понимал, с кем имеет дело, о том, как русские воюют, имел хорошее представление, и на операцию в Илийском крае отреагировал сдержанно. Отправил к Кауфману переговорщиков, и в 1872 году был заключен даже взаимовыгодный торговый договор.

Туркестанские генералы, особенно Колпаковский, ликовали, ведь они получили то, что хотели, Россия отныне будет закрепляться в Китайском Туркестане. Но их одернули из столицы, отправив указание «избегать всяких мер, клонящихся к упрочению нашего владычества в Илийском крае». До сих пор историки спорят, стоило ли России, а потом СССР закрепляться в Кульдже, оставлять ее себе. Китай ведь даже не очень возражал, если события будут развиваться таким путем. Еще при Сталине этот проект оставался вполне обсуждаемым, когда в Синьцзяне была образована Восточно-Туркестанская республика. И население региона очень долго было пророссийским. Но вышло как вышло.

Китайские войска, конечно же, пытались выбить Якуб-бека из Кашгара, но бои шли трудно, поддержку местного населения они не получали. Летом 1873 года случилось, наконец, долгожданное для Бадаулета событие – в Кашгарию прибыло английское посольство из Индии. Якуб-бек устроил торжественный прием, а британские послы вручили ему письмо от «подобной солнцу» королевы Виктории. Вручили и подарки, вполне в английском духе: батарею артиллерийских орудий, партию винтовок и крупную сумму денег. И опять же в духе англичан, они заявили, что это подарок не их, а турецкого султана Абдул Азиза. Якуб-бек заключил с англичанами союзный договор, по которому они могли делать в Кашгарию практически все, что пожелают.

Английские офицеры и топографы едва ли не открыто разъезжали по стране, составляя карты и собирая сведения о состоянии русских дел, о дорогах, ведущих в русский Туркестан и

Китай. Англичане построили для Якуб-бека даже несколько небольших оружейных заводов, вдруг он захочет повоевать, например, против русских. А тут и оружие есть. Впрочем, если он захочет повоевать против Китая – тоже прекрасно. Туркестанский генерал-губернатор Кауфман неоднократно называл Кашгарию «излюбленным детищем англичан». Правда, с Якуб-беком русские власти выстраивали вполне официальные отношения и, как минимум на бумаге, считали его серьезным и влиятельным политиком. Во всяком случае, переписка с Кауфманом свидетельствует именно об этом. Вот, например, письмо от 1875 года:

«К. П. Кауфман – Якуб-беку.

Высокостепенный Бадаулет.

Пробыв по воле государя императора полтора года в Петербурге, я ныне возвратился в Ташкент и нахожусь необходимым объехать в скором времени Высочайше вверенный мне край.

Свидетельствуя Вам, Бадаулет, мое почтение, имею честь уведомить Вас, что я намереваюсь побывать также и на Нарыне, недалеко от границ Джиты-Шаара, – владений моего доброго соседа. Надеюсь, что установившиеся между нами ныне добрые отношения еще более укрепятся и разовьются на почве взаимного доверия.

По известиям, полученным от посла нашего в Константинополе, посланник Ваш при его величестве султани, Сеид-Якуб, ходатайствовал о разрешении ему отправиться из Константинополя в Петербург, чтобы иметь счастье представить письмо Вашего Высочества его величеству государю императору и затем из столицы нашей чрез Туркестанский край возвратиться в Кашгар.

Августейшему повелителю моему Великому Белому Царю благоугодно было разрешить Вашему посланнику проезд в Петербург, и я не сомневаюсь, что он найдет при высочайшем дворе и в отечестве нашем тот милостивый, ласковый и приветливый прием, который всегда встречают у нас посланные от дружественных держав.

Желаю Вашему высокостепенству здоровья, счастья и всякого благополучия.

*Туркестанский генерал-губернатор, генерал-адъютант
фон Кауфман.*

30 июня 1875 г. г. Ташкент» [\[248\]](#).

Все дипломатические атрибуты и реверансы налицо. И Кашгария названа дружественной державой. То есть никто не считал Якуб-бека партизанским командиром, который даже не заслуживает внимания. В 1873 году Николай Игнатьев встретился в Константинополе с кашгарским послом, который упомянут в письме Кауфмана, и от него он узнал, что англичане, помимо официальных дипломатов и военных топографов, прислали в Кашгарию своего разведчика, грека по национальности, который под видом купца объехал всю страну. Позже выяснилось, что это был сотрудник калькуттской полиции, завербованный для разовой миссии. Кашгарский посол рассказал Игнатьеву, что англичане намерены соорудить в горной местности между Кашмиром и Яркендом свои базы: склады продовольствия и фуража для лошадей, поставить там охрану. Официальная версия: это делается в интересах взаимной торговли, но тут любому было понятно, что такие приготовления нужны для быстрой переброски войск. В это время англичане уже не просто накачивали Кашгар оружием, в армии Якуб-бека появились офицеры индийской армии, военные инженеры, телеграфисты, полицейские инструкторы. Британцы потихоньку брали под контроль армию и чиновников Кашгарии.

Якуб-бек налаживал и тесные связи с Османской империей, турецкий султан дал ему титул «эмира» и тоже прислал особое посольство, а в результате переговоров был объявлен протекторат Турции над Кашгаром. Вскоре появились в обращении кашгарские монеты, где наряду с именем Якуб-бека стояло имя турецкого султана Абдул-Азиза как суверена Кашгара. Тут, правда, стоит пояснить, что все это было весьма условным актом, как-то серьезно помочь Якуб-беку, например прислать войска в помощь, турки на таком огромном расстоянии, конечно же, не могли. Впрочем, он сам неплохо отбивался от китайской армии. Отчасти с помощью английских инструкторов.

Но в 1877 году Якуб-бек неожиданно умер, при весьма странных обстоятельствах. Не исключено, что он был отравлен. В войсках начался разброд, китайцы стали продвигаться все дальше и дальше, и в 1878 году китайская армия захватила Кашгарию. Начались резня и этнические чистки. Страну превращали в выжженное поле. Генерал-губернатор Кауфман заявил китайским властям протест и намекнул, что может и вмешаться, если китайцы не прекратят резню. Десятки тысяч китайских мусульман – уйгур и дунган бежали на русскую территорию от карателей. Население

Кульджи умоляло русских не покидать город и район и спасти их от китайской армии. Потом были затяжные переговоры с Пекином об условиях возвращения Кульджи китайским властям, и произошло это окончательно в 1881 году. Когда это случилось, большая часть дунган и свыше 80 процентов кульджинских уйгур, опасаясь новой расправы со стороны китайцев, переселились в русское Семиречье. Их деревни до сих пор разбросаны у подножий Заилийского Алатау и Тянь-Шаня, много уйгур живут в столице Киргизии, Бишкеке, а уйгурские кафе и рестораны, как правило, считаются лучшими в городе. В Бишкеке вас любой таксист отвезет в кафе «Фаиза» или ресторан «Орзу». Оцените все сами.

Кашгария была не единственной точкой англо-русского напряжения. Все 1860-е годы британцы серьезно укрепляли свои позиции в Персии. Фирма «Братья Линч» получила концессию на судоходство по реке Карун, а первые телеграфные линии и конторы в стране начала строить компания Индо-Европейского телеграфа. В 1870 году англичанин Юлиус Рейтер получил от шаха концессию на постройку железных дорог и разработку ископаемых богатств Персии, причем на льготных условиях. Понятно, что это была не просто экономическая экспансия, а во многом политическая. Сейчас ведь тоже внешняя политика англосаксов строится именно так.

К началу 1870-х годов англичане контролировали всю Южную Персию. Северная часть считалась зоной русских интересов. В Астрабаде была, напомним, русская военно-морская база, в Астрабаде же было русское консульство, торговля в районе шла по русским таможенным правилам. Но англичане, через своих иранских и туркменских агентов, постоянно возили контрабанду в каспийские порты, оттуда ее караванами отправляли в среднеазиатские города. Русский консул в 1872 году писал нашему послу в Тегеран: «Мной замечено, что в последнее время с названными караванами бывали отправляемы в Хиву, в числе прочих товаров, иностранные изделия, доставленные в Персию транзитом через Баку».

Очевидно, что караванщики не просто возили контрабанду. Обычно по заданию разведки они собирали нужную англичанам информацию. В конце апреля 1873 года, когда русские отряды шли к Хиве, по туркменским областям Астрабада и Хоросана совершила поездку английская военная миссия. Главная цель была попытаться проникнуть в туркменский Мерв. Но вожди туркменских племен посовещались и не пустили британцев. Деятельность английской агентуры раздражала русских чрезвычайно. И как раз она стала

одной из причин похода на Хиву, который отложили на два года только из-за восстания в Кашгарии. Для генералов и дипломатов именно Хива казалась наиболее уязвимой, с точки зрения английского влияния. Причем было ясно, что для этого англичанам и воевать не придется. У них есть афганцы. Русскому послу в Лондоне глава Азиатского департамента МИД незадолго до похода Кауфмана писал:

«Всего важнее в этом отношении оградить Хиву, так как в этом ханстве находится нижнее течение Амударьи. Мы ни в каком случае не можем допустить, чтобы на этом пространстве какой-либо пункт на реке был занят афганцами. Всякая попытка с этой целью имела бы самые пагубные последствия. Она заставила бы нас прибегнуть к решительным мерам для ограждения наших торговых и политических интересов, – и мы быстро приблизились бы к началу именно тех затруднений, которых Россия и Англия так искренно желают избежать»^[249].

Новый виток политического противостояния Лондона и Петербурга происходил на фоне не менее важных событий в Европе. Россия вышла из Парижского мирного договора и снова превращалась в черноморскую державу.

Глава 14

К отмене положений Парижского договора 1856 года Российская империя готовилась долго. И существует два полностью противоположных взгляда на эту ситуацию. Одни историки превозносят гений Горчакова, который ловко обманул всех и воспользовался моментом, чтобы усилить позиции России. Другие громят Горчакова в пух и прах, поясняя, что вообще-то никакой он не гений дипломатии и отказаться от условий Парижского мира Россия могла гораздо раньше.

На мой взгляд, кажется, ошибаются и те и другие. Особенно в том, что приписывают поражения или победы на внешнеполитическом фронте исключительно одному человеку. В реальности все было куда сложнее, и центр принятия решения в империи был не один. То есть очевидно, что последнее слово было за царем, но разные группы доводили до него разные позиции. Взять хотя бы покорение Азии. МИД, Минфин смотрели на ситуацию там совсем не так, как генералы. Глава МВД граф Валуев сетовал как-то, что вот, дескать, захватили Ташкент, и непонятно теперь, что с ним делать. Так что и в черноморском вопросе, конечно же, решение принималось коллегиально, исходя из общей ситуации в стране, отношений с европейскими странами и Англией. И вряд ли решиться на столь резкие шаги в отношении выхода из невыгодного для себя договора Россия могла раньше 1870 года. Но к этому моменту в Петербурге увидели, что, например, на русское продвижение в глубь Азии Лондон реагирует болезненно, но сделать фактически ничего не может.

Русская армия к этому времени была модернизирована, получила дополнительный боевой опыт в Азии, опыт, который можно уже было считать уникальным. Военные научились действовать небольшими подразделениями, в отрыве от основных сил, при тесном взаимодействии пехоты, артиллерии и казаков. Это фактически подобие того, что сейчас называется батальонной или ротной тактической группой. К тому же у союзников по Крымской войне, которые в 1856 году выступили гарантами исполнения статей договора, возникла куча своих проблем. В Европе заявила о себе новая сила – Германия. Точнее, тогда еще Северо-Германский союз.

В июле 1870 года Франция решила наказать Пруссию, вокруг которой и шло объединение германских земель, и объявила ей войну.

1 сентября того же года французская армия потерпела поражение под Седаном, вскоре пал и Париж. Российская империя в этой ситуации сохраняла нейтралитет, точнее вооруженный нейтралитет против Австрии, которая хотела бы выступить против Пруссии, но опасалась реакции Петербурга. Александр II пообещал германскому канцлеру Отто фон Бисмарку, что в случае вмешательства Австрии Россия выдвинет к ее границе 300-тысячную армию и, если понадобится, даже «займет Галицию». Бисмарк же сообщил в Петербург, что Россия может рассчитывать на поддержку Германии в пересмотре Парижского трактата. И когда Франция была повержена, в Петербурге решили, что настал тот самый подходящий момент для односторонней отмены унизительных статей Парижского договора. Многие министры возражали и заявляли, что делать этого нельзя ни в коем случае, что Англия этого не простит. Но военные понимали, что Англия не будет воевать, если не найдет союзника в Европе. А с этим, в текущей ситуации, были сложности.

19 октября 1870 года российским послам в Европе и в Англии был направлен циркуляр Горчакова. Повторюсь, Александр Горчаков писал документ не по своей личной инициативе. Он излагал мысли, сформулированные императором и частью политической элиты, военными в первую очередь. А суть документа была простая – Петербург больше не считает себя связанным обязательствами, ограничивающими права страны на Черном море.

«В самом деле: в то время, как Россия разоружалась в Черном море и даже, посредством декларации, включенной в протоколы конференции, прямодушно воспрещала самой себе принятие действительных мер морской обороны в прилежащих морях и портах, Турция сохраняла право содержать в Архипелаге и в проливах морские силы в неограниченном размере; Франция и Англия могли по-прежнему сосредоточивать свои эскадры в Средиземном море.

Его императорское величество не может допустить, чтобы безопасность России была поставлена в зависимость от теории, не устоявшей перед опытом времени, и чтобы эта безопасность могла подвергаться нарушению, вследствие уважения к обязательствам, которые не были соблюдены во всей их целостности.

Государь император, в доверии к чувству справедливости держав, подписавших трактат 1856 года, и к их сознанию собственного достоинства, повелевает вам объявить:

что е.и.в. не может более считать себя связанным обязательствами трактата 18-го марта 1856 года, насколько они ограничивают его верховные права в Черном море;

что е.и.в. считает своим правом и своей обязанностью заявить е.в. султану о прекращении силы отдельной и дополнительной к помянутому трактату конвенции, определяющей количество и размеры военных судов, которые обе прибрежные державы предоставили себе содержать в Черном море;

что государь император прямодушно уведомляет о том державы, подписавшие и гарантировавшие общий трактат, существенную часть которого составляет эта отдельная конвенция;

что е.и.в. возвращает, в этом отношении, е.в. султану права его во всей полноте, точно так же, как восстанавливает свои собственные.

При исполнении этого поручения, вы употребите старание точно определить, что наш августейший монарх имеет единственно в виду безопасность и достоинство своей империи. – В мысли е.и. величества вовсе не входит возбуждение восточного вопроса. В этом деле, как и во всех других, он только желает сохранения и упрочения мира. Он не перестает, по-прежнему, вполне признавать главные начала трактата 1856 года, определившие положение Турции в ряду государств Европы. Он готов вступить в соглашение с державами, подписавшими этот договор: или же для подтверждения его общих постановлений, или для их возобновления, или для замены их каким-либо другим справедливым уговором, который был бы признан способным обеспечить спокойствие Востока и европейское равновесие».

В переводе с языка дипломатии на доступный русский язык этот документ звучал бы так: Россия больше не собирается выполнять ваш договор и унижаться перед вами, дорогие коллеги. Турецкий султан имеет право также не соблюдать более договор – мы достаточно сильны, чтобы при случае поставить его на место. Если у кого-то есть возражения, то мы готовы отстаивать свою позицию. Интересно, как? Нет, правда, хотите узнать? Надеемся, что вы не станете этого делать.

В дипломатии имеет значение не только то, что и когда сделано, но и то в какой форме. А в этом случае форма была самая что ни на есть вызывающая и оскорбительная для партнеров. Эта было такое «иду на вы» сообщение, что Россия вернулась в большую мировую

политику – хотят этого или не хотят. И циркуляр произвел эффект сродни тому, что произвела декларация о воссоединении России с Крымом в 2014 году. В европейских столицах возмущались, обсуждали, осуждали, но дело тем и ограничилось, вся «война», которой так боялись некоторые члены кабинета, свелась к переписке и гневным заявлениям.

А на имя Александра II после публикации этого циркуляра начали поступать приветственные телеграммы со всей России. И снова напрашиваются аналогии с 2014 годом. Особенно широко решение русского правительства поддержали в Новороссии и в Бессарабии, ведь там больше чем в других регионах ощущали опасения из-за, по сути, никак не прикрытых южных рубежей империи. И редкий случай – даже либеральная печать хвалила царя и правительство, а особенно Горчакова. Именно тогда ему стали приписывать эту русскую победу, именно тогда стала рождаться легенда о «железном канцлере», хотя, повторяюсь, решение было выработано коллективно, окончательное «да» сказал, конечно же, император. Поэт Федор Тютчев тогда написал восторженные строки, посвященные Горчакову:

Да. Вы свое сдержали слово:
Не сдвинув пушки, ни рубля,
В свои права вступает снова
Родная русская земля.
И нам завещанное море
Опять свободною волной,
О кратком позабыв позоре,
Лобзает берег свой родной.

Анна Тютчева, дочь поэта, фрейлина императрицы Марии Александровны и воспитательница ее младших детей, писала в ноябре 1870 года в своем дневнике:

«С одной стороны, эта смелая выходка русского правительства льстит русскому, столь пострадавшему политическому самолюбию, с другой стороны, все страшатся войны, к которой мы, вероятно, не довольно подготовлены. Курс сильно упал.

Наше московское общество колеблется между чувством польщенного народного самолюбия и страха войны. Оно надеется, что правительство наше предвидело шансы войны и готово их встретить. Я это не думаю, зная хорошо несостоятельность

нашего государственного люда. Мы польстились на уверение Бисмарка, что эта выходка нам сойдет с рук, а пруссакам-то только и нужно было вмешать нас в неприятную историю. Помогать-то нам они откажутся с полным правом, что мы с Англией, Австрией и Турцией так легко не справимся, а наше ослабление их прямой расчет. Английские газеты, в особенности "Times", ужасно восстают против намерения России и говорят, что нужно ему воспрепятствовать во что бы то ни стало».

Насколько мало все изменилось. Вот даже реакция высшего общества на циркуляр, которое «колеблется между чувством польщенного народного самолюбия и страха войны». И вот курс опять же упал. Это Анна писала про курс рубля. Вот что беспокоило высшие и образованные слои. Страх потерять хамон и пармезан.

Но уж очень эффектным был циркуляр, уж очень жестким по форме и по сути. И понятно, что писать такое может позволить себе лишь очень уверенная в себе держава. И всем лишь оставалось признать, что попытка изолировать Россию на международной арене провалилась. В очередной, впрочем, раз. Россия вновь стала проводить активную политику на Ближнем Востоке и на Балканах. Окончательно позицию России признали на конференции в Лондоне, куда собрались представители держав, подписавших договор 1856 года. 13 марта 1871 года была подписана Лондонская конвенция, которую признали Российская империя, Османская империя, Германия, Австро-Венгрия, Англия, Италия, Франция. Россия официально получила возможность вернуть Черноморский флот.

Море перестало быть нейтральным, превратившись в зону русских интересов. Хотя флот по-прежнему не имел права проходить через Босфор и Дарданеллы, а вот суда союзных Османской империи держав такое право получили. То есть победа была, но могла она быть и более убедительной. И Горчаков внес свой вклад, но единолично. И конечно, правы те историки, которые полагают, что Россия могла и несколькими годами раньше начать восстанавливать флот. Не официально, разумеется, но все же. Хотя, с другой стороны, в то время был четко обозначен вектор русской политики – Восток. И, на мой взгляд, наша дипломатия была в целом готова действовать сразу по двум направлениям. Но не было такого решения сверху. Так что не совсем корректно как перехваливать Горчакова, так и делать его главным виновником русских провалов. Потому что есть письмо Александра II, в котором, жалуя Горчакову титул светлости за эту

дипломатическую победу, он писал вполне ясно, что Горчаков лишь воплотил в жизнь задумки императора:

«Князь Александр Михайлович!

Ныне минуло ровно пятнадцать лет с того дня, как подписан парижский трактат, на который Россия вынуждена была согласиться в силу обстоятельств. С тех пор ход событий, совершившихся в западной Европе, настолько поколебал основания сего международного договора, что на одной лишь России оставалось соблюдение тягостных для ее достоинства условий, имевших предметом ограничение исконных ее прав на Черном море. Эти события, изменившие во многом положение дел в Европе и ослабившие, тем самым, обязательную силу парижского трактата, внушили Мне мысль заявить иностранным державам всю неправомерность условий, которые не только наносили ущерб ее материальным интересам, но оскорбляли, с тем вместе, государственное и национальное ее достоинство. Выполнение Моей мысли принадлежит вам.

Во внимание к столь достохвальным вашим заслугам, Я признаю справедливым украсить носимое вами и нисходящим вашим потомством княжеское достоинство титулом Светлости. Даруя вам сие высшее отличие, Я желаю, чтобы это доказательство Моей признательности напоминало вашему потомству о том непосредственном участии, которое, с самого вашего поступления в управление министерством иностранных дел, принималось было вами в исполнение Моих мыслей и предначертаний, клонящихся непрестанно к обеспечению самостоятельности и упрочению славы России»^[250].

Так что русское движение в Азию происходило на фоне вот такого поворота и в европейской политике. То есть Российская империя усиливалась везде, где только было можно. Даже если рассмотреть хронологию, то выглядело это так: русские соединяют оборонительные линии, русские начинают движение на юг, захватывают опорные пункты и забирают территории Кокандского ханства, покоряют Ташкент и затем Самарканд, потом подчиняют Бухару, превращая ее в вассала, высаживают десант в Красноводском заливе, после этого заявляют, что более не намерены следовать условиям Парижского договора, причем в такой форме, что из ряда вон, и затем вводят войска в Синьцзян. И это все за каких-то одиннадцать лет, с 1860 по 1871 год. Слово «паника» вряд ли в полной мере передает те чувства, которые испытывали многие

британские политики в те годы. Русский медведь стал показывать клыки. И стало ясно, что он вовсе не сидит на цепи после Крымской войны. Это, оказывается, была иллюзия. Самообман. Он все эти годы наращивал мышцы и мясо, а теперь зло смотрит по сторонам, словно силясь вспомнить, кто пытался захватить его тайгу.

И политический союз с Якуб-беком у англичан получился не оттого, что глава Кашгара был такой уж влиятельный и сильный политик, а оттого, что оказалось, что в Азии, в русском подбрюшье, Лондону и опереться-то толком не на кого. И когда англичане послали к Якуб-беку упомянутое ранее посольство сэра Дугласа Форсайта, не случайно состояло оно из политических и военных советников, торговых экспертов, полицейских инспекторов и других специалистов. Делегация насчитывала 350 человек и 550 вьючных животных, считая эскорт, охрану из Корпуса разведчиков, переводчиков, секретарей, клерков и слуг. Потому что всю антироссийскую линию обороны надо было создавать с нуля. И англичане работали. Еще весной 1872 года Кауфман пишет Милютину о том, что в Азии неспокойно. Во всей Азии, у границ русского Туркестана в том числе.

«Весенние слухи по обыкновению начинают тревожить и в особенности со стороны Бухары, откуда опять начинаются толки о каком-то соглашении между Бухарою, Хивою и Кашгаром, для единовременного нападения на нас; и будто кабульский эмир обещал свое содействие войсками и пр. и пр. Веры этому давать нельзя, я не теряю уверенности, что это есть нелепость и разъяснится дело, как и в прошлом году, тем не менее лазутчики разосланы. Впрочем мы готовы на всякий случай. Толкуют даже об английских эмиссарах в Бухаре. Я бы считал великою победою, если бы мне удалось уладить с Хивою и Кашгаром без драки. Это была бы настоящая победа над Среднею Азиею».

И как показало время, без драки не обошлось. Хоть и писал Константин Петрович, что готовится к войне на всякий случай, но, похоже, и сам не верил, что сможет решить все проблемы миром и переговорами. Посмотрим дальше на хронологию событий. Итак, русские создают новую военную инфраструктуру в Туркестане. Это на фоне слухов об английских агентах, на фоне войны в Кашгаре и Синьцзяне. В 1873 году покорена Хива, и рядом с ней появляется военный гарнизон. Еще раз вдумайтесь – всего два года прошло, как Россия вышла из Парижского договора, и Европа и Лондон это проглотили. И вот покорена столица государства, которое было

угрозой для русских южных рубежей. За два года Россия вернула себе Черное море и получила контроль над навигацией в низовьях Амударьи и почти полный контроль над восточным берегом Каспия. Русские отряды Кауфмана были в 800 километрах от Герата. То есть в десятидневном переходе до ворот, ведущих в Индию.

Изданіе А. Мюнстера. С. П. Бург

G. A. Milutin

D. MILUTINE.

Военный министр Дмитрий Милютин

Британским политикам вновь казалось, что зря они так легко отказались от мыслей, изложенных в книгах Вильсона, Муркрофта и Киннейра, что правы были Конолли и Бернс. Британский посол в русской столице писал в отчете: «С захватом Хивы русские заложили надежную базу, с которой могли угрожать независимости Персии и Афганистана и таким образом создать постоянную опасность для нашей Индийской империи». Другое дело, что в Лондоне категорически не могли принять мысль, что русские и не двинулись бы в Азию, если бы Англия не проявила к ней столь значительный интерес. Пока вице-королем Индии был Лоуренс, понимание этого еще сохранялось. Командующий индийскими войсками генерал Уильям Мэнсфилд писал: «Тревога, проявленная в отношении России, влияющей на британские интересы в Индии, более неблагоприятна, чем это возможно описать. Как военная и обширная политическая держава, мы буквально ничего не опасаемся со стороны России, независимо от того, останется ли она в ее существующих пределах или распространит свою власть даже до наших собственных границ. Большой вред наносят те, кто по любому поводу проповедует ложь о нашей слабости в Индии. В той стране мы непобедимы, если только будем искренни сами с собой. Если мы выбираем для себя проведение агрессивной политики, то можем продвинуться и утвердиться везде, где только захотим». Но те времена прошли.

Кстати сказать, англичане были возмущены не только русской экспансией, но и выходками русского МИД. Потому что он стал вести себя так, как обычно вели себя сами британцы. А именно врали, недоговаривали, поступали так, как считали нужным, и только потом ставили перед свершившимся фактом. И, напомним: когда Лондон возмутился Хивинским походом, в ответной ноте Санкт-Петербург заверил британское правительство, что оккупация носит только временный характер. И только потом англичане случайно выяснили детали соглашения между Кауфманом и ханом Хивы о том, что хан признавал себя вассалом империи. Англичане негодовали из-за того, как гнусно обманули их русские. А князь Горчаков тогда написал:

«Лондонский кабинет, похоже, полагает, основываясь на факте наличия нескольких наших добровольных и дружеских сообщений о наших взглядах относительно Центральной Азии,

особенно о нашем неизменном стремлении не превращать завоевания или аннексии в постоянную политику, что мы связаны по отношению к ним какими-то однозначными обязательствами по этому поводу».

То есть в переводе на русский – вы там ничего не перепутали? Вы действительно решили, что мы будем еще и отчитываться за свои действия? Именно это английских политиков и возмущало более всего. Возмущает и сейчас. Когда ЕС и США признают независимость Косово – это акт торжества демократии. Когда Россия признает независимость Крыма и воссоединяется с ним – это аннексия. То есть русская дипломатия, по мнению Запада, обязана играть в поддавки. А когда она поступает иначе, это вызывает возмущение и неприятие. Странно, не правда ли?

Чтобы не сильно провоцировать Британию, Горчаков все же успокоил Лондон, написав:

«Его Императорское Величество не имеет намерений расширить границы России в Центральной Азии, ни со стороны Бухары, ни со стороны Красноводска и Атрека. Мы не имеем никаких причин поступать подобным образом. Напротив, Император считает любое расширение границ в тех местах противоречащим нашим интересам... Распоряжения Императора вполне официально были изложены Его Императорским Величеством военным властям, отвечающим за их исполнение».

Англичане уже русским не верили и стали на всякий случай готовиться к возможному вторжению в Индию. Что характерно, генералы, даже самые оголтелые «ястребы» и англофобы, такую возможность не рассматривали вовсе. Теоретические разработки, конечно, существовали, а также рассуждения о том, как можно было бы Индию захватить или поднять восстание. Но именно теоретические. При этом русские силовики откровенно занимались тем, что сейчас принято называть словом «троллинг». Они делали все, чтобы в Лондоне русскую угрозу Индии воспринимали всерьез, чтобы понимали: захоти Кауфман с Милютиным, и все, и казаки поят лошадей в Инде. И вот такой политический «троллинг» приносил свои результаты. Англичане к войне готовились по-настоящему. Понимали русские генералы, насколько всерьез их воспринимают в Лондоне или нет, – сказать трудно. Скорее всего да, понимали. Во всяком случае Терентьев в своем труде в 1875 году пишет вполне однозначно, что русские базы в Азии – это способ заставить англичан уважать международное право:

«...Граница наша с Бухарою не окаймлена ни горами, ни реками, а между тем бухарцы сидят смирно, и границу эту уважают. Почему так? – А потому, что на дороге мелькают русские штыки!

В самом деле: из за чего мы бьемся?

И в Европе, и в Азии, мы бьемся из за того, чтобы соседи дали нам возможность жить в мире и спокойствии, дали нам возможность устраивать свои внутренние дела, развивать свои естественные средства, свою промышленность и торговлю, – без всего этого невозможно достигнуть нравственного и материального благосостояния, единственной цели всякого государства.

И так, мы бьемся из-за мира, но мир не приобретается сложа руки, а завоевывается.

Международное право, возникшее из права силы, из права войны и, наконец, из права победы, держится только страхом наказания – страхом возбудить против себя сильное большинство. Если этого страха нет, то все законы этого права попираются без дальних околичностей».

И после захвата Хивы вопрос создания из Персии дополнительно буфера против русских войск в Англии и в Индии рассматривали серьезно. Лорд Нордбрук, вице-король Индии (они в тот период менялись довольно часто), писал:

«Англия не имела союзнических обязательств защищать Персию силой оружия и при этом не должна вдохновлять ее на действия, которые могут показаться подозрительными Афганистану, стране, чьи интересы идентичны индийским. Даже если бы Англия пожелала, она не смогла бы защитить Северную Персию от российского вторжения. Расстояние от залива слишком велико, Кавказ рядом, и Персия настолько не способна защищать себя, что Англия не в состоянии, по моему мнению, гарантировать целостность тех провинций. Маловероятно, что любая из великих европейских держав будет рассматривать нападение России на Персию как повод к войне. А война между Великобританией и Россией без посторонней помощи невозможна, так как ни одна из держав не находится в таком положении, чтобы причинить какой-либо серьезный ущерб другой. Наша позиция, как представляется, состоит в том, чтобы убеждать Персию в том, что она может получить от нас материальную помощь...»

В случае осуществления Россией значительной аннексии персидской территории я не исключаю, что может возникнуть

причина для войны между Англией и Россией. Англия заинтересована в поддержании свободной связи между Англией и Индией, а попытки расширения российской территории, или российский протекторат, вплоть до берегов Персидского залива стали бы настолько непосредственной угрозой Индии, что это, по моему мнению, должно оправдать применение оружия с целью сохранения нашего существующего сейчас превосходства в Персидском заливе. Но Правительству Ее Величества при подобных обстоятельствах должна быть предоставлена свобода действий, и оно должно быть освобождено от всех прежних обязательств»^[251].

Один из членов совета вице-короля заявил тогда следующее: «... я, со своей стороны, в течение всей своей жизни имея возможности узнать российские чувства, не поверю ни в какую такую лояльность вообще ни со стороны Российского правительства, ни со стороны его должностных лиц или даже нации в целом».

Но толком никаких решений о судьбе Персии ни Лондон, ни Калькутта не приняли, просто не рискнули накачивать армию деньгами, или направлять инструкторов, или настраивать шаха на войну против России. Англия продолжала бомбардировать Россию меморандумами, нотами, запросами, вопросами, то есть вела бумажную и дипломатическую войну. А Российская империя тем временем присоединила Кокандское ханство. Случилось это в 1875 году.

Вообще, Петербург вполне устраивала ситуация, сложившаяся в отношениях с Кокандом к тому моменту. Хан Худояр был вполне лоялен, понимал, что Англия далеко и даже Индия не очень близко, а русские в одном дневном переходе. С Российской империей хан не воевал и даже заключил такой договор о протекторате, который сделал его практически вассалом Петербурга. Покорять Коканд не было смысла. А главное, на это не было денег. В бюджете не хватало средств даже на восстановление Черноморского флота, не то что на подчинение новых земель. Но проблема была в том, что хан Худояр был очень, очень алчным человеком. И потому он вводил все новые и новые налоги, заставлял подданных работать на себя бесплатно, у людей отбирали продовольствие, товары, орудия труда. Известен такой факт: когда три десятка крестьян не пришли рыть ханский арык, потому что убрали свой скудный урожай, их зарыли по шею в землю и оставили в таком положении умирать. Заодно хан решил, что ему можно немного пограбить русских купцов.

В Ташкенте все эти безобразия видели, и Кауфман предупредил зарвавшегося хана, что добром дело не кончится: *«Лучшие люди идут против Вас, и народ неспокоен. Если Вы не перемените образа вашего управления народом и будете неласково обращаться с русскими, то я Вам предсказываю дурной конец»*^[252].

Хан, как это принято на Востоке, никого не слушал, и в 1875 году началось восстание, к которому присоединился сын Худояра, наследник престола Насреддин. Но во главе заговора стояли трое: Абдуррахман Автобачи, сын одного из прежних регентов хана, его звали Мусульман-кул, мулла Исса-Аулие и брат хана, правитель Маргелана Султан-Мурад-бек. И в принципе в Ташкенте к событиям отнеслись поначалу спокойно – мало ли бунтов видела Азия. Тем более вся Азия знала, что когда-то Худояр казнил Мусульман-кула и у его сына были основания хана не любить. Вмешиваться в эту смуту не собирались. Но восстание приняло религиозную окраску. Потому что исламские богословы, проповедовавшие на стороне восставших, обвинили во всем Россию и русских. Дескать, это их волю выполнял Худояр, творя свои беззакония. А к чему ведут подобные проявления, можно посмотреть на примере хотя бы Украины. Или Сирии. Враг, потому что не тот нос. Потому что москаль, и у него не мова, а язык. Враг, потому что читает намаз не так. Враг, потому что не христианин, мусульманин, еврей. Примитивные схемы работают наиболее эффективно. Когда волнения в Коканде только начались, Михаил Скобелев попросил снова перевести его служить в Туркестанский военный округ. Он был уверен, что войны не избежать. Русский военный историк и военный инженер Алексей Николаевич Маслов, участник Хивинского похода, Русско-турецкой войны 1877–1878 годов и похода на Геок-Тепе, сослуживец генерала Скобелева, в своем труде «Завоевание Ахал-Теке» приводит отрывок из биографии Скобелева, которую тот не успел завершить. А вот как раз события в Коканде генерал описать успел подробно. Позволю себе обширную цитату:

«Лично я, томимый жаждой деятельности, отчаиваясь на скорое начало военных действий, решился предложить генерал-губернатору двинуться в Кашигар, через все ханство Кокандское и представить ему военно-стратегическое описание Ферганы и Кашигара. Генерал-губернатор сначала колебался, но, как часто бывает, неожиданный случай помог нам: на Чаткале, в верховьях реки Ангрена, на самой границе русско-кокандских владений, поднял знамя бунта против хана родной его племянник Абдулкерим-бек.

Разбитый ханскими войсками, Абдулкерим бежал в русские пределы, где и был схвачен. Генерал-губернатор, стремясь к сохранению мирных отношений, которые настоятельно требовались от Петербурга, решился выдать Абдулкерим-бека Худояр-хану и воспользоваться этим случаем, чтобы вновь посоветовать хану изменить свое отношение к народу, а также доставить нам возможность изучить ханство Кокандское и доступы в Каишгар через Алайский Тянь-Шань. Посланником к Якуб-хану был назначен я, а посланником к Худояр-хану – покойный статский советник Вейнберг. Генерал-губернатор снабдил нас письмами и богатыми подарками на сумму более 20 000 рублей; посольство до Коканда должно было следовать вместе. Простившись с генерал-губернатором, мы двинулись в путь 10 июля 1875 г., оставив Ташкент во всем блеске его беззаботной, даже роскошной полуазиатской-полуевропейской жизни; войска округа стояли в лагере по садам, состоялось распоряжение о предстоящем отпуске бессрочно отпускных, которых, помнится, в этом году впервые хотели отправить не пешком, а на верблюдах. Словом, ничто не предвещало близость грозы.

В Ходженге присоединился к нашей миссии Абдулкерим-бек и при нем конвой в 22 сибирских казака, и мы торжественно двинулись, везде встречаемые властями и провожаемые с большим почетом.

Абдулкерима везли в арбе, и бедный мальчик грустно смотрел кругом, убежденный, что дядя немедленно прикажет его зарезать. То обстоятельство, что у Вейнберга в кармане было письмо, в котором генерал-губернатор именем Государя требовал помилования Абдулкерима, было ему неизвестно. Въехали в Коканд мы вечером и остановились в доме мирзы Хакима – парваначи (имеется в виду кокандский Посол. – Прим. авт.), который встретил нас крайне радушно и гостеприимно. Правда, кормили сальным азиатским пловом и изюмом, но в шампанском недостатка не было.

Город Коканд произвел на меня волшебное впечатление: дворцы, сады, мечети, богатейший базар, – все это ставит Коканд в ряду лучших азиатских городов. Коканд не уступает Самарканду. Разумеется, аудиенция у хана не могла состояться очень скоро, тому препятствовал азиатский этикет. Принимал он нас, кажется, 17-го числа, окруженный двором более чем в 5000 человек. Все окружающее хана представляло вид азиатской пышности, и

только сам повелитель встретил нас скромно, сидя в уголку одной из великолепных арабских зал дворца. Хан сидел даже не на ковре, а на старой истрепанной кошме, одет он был в зеленый халат, на голове громадная белая чалма. Когда мы вошли, Худояр играл четками и, не спуская глаз с Корана, шептал молитву. Как было установлено, мы с Вейнбергом сели, не ожидая приглашения хана, что, видимо, было ему неприятно, засим Вейнберг, передав хану письмо генерал-губернатора, объяснил ему, что мы привели на двор Абдулкерима-бека и что отныне его племянник находится в его руках. Хан молча кивнул головой и приказал ввести Абдулкерим-бека; бледный как смерть, вошел юноша и, не доходя до хана саженой пятнадцать, повалился в ноги и громко стал кричать: «Девлет зарет бу сын!» («О великий государь!»). Хан несколько минут равнодушно на него смотрел и совершенно спокойно при нас отдал приказание отвести его к палачам и казнить на дворе. Этого только и дождался Вейнберг; спокойно попросил он обождать хана с исполнением приказания, пока не прочтет второе письмо генерал-губернатора. Хан молча прочел письмо, изменился в лице, но тут же с редким самообладанием сказал нам, что просьба его друга для него закон, и приказал отпустить Абдулкерима на все четыре стороны. Во время движения от Ходжента к Коканду мы очень полюбили Абдулкерим-бека, а потому, во избежание случайностей, предложили ему оставаться при посольстве. 17 июля в Коканде все казалось спокойным. Правда, наш домохозяин мирза Хаким казался особенно задумчивым, но, по азиатскому обычаю, он ни слова не проронил при нас о событиях дня.

Вечером 19 июля мирза Хаким наконец решился нам сообщить, что вся восточная часть ханства восстала против правительства, насильно завладела наследником престола, бывшим тогда андижанским беком; что сборищем восставших командует ближайший любимец хана Худояра, Абдуррахман-автобачи, что бек маргиланский и некоторые другие объявили себя также против хана и что в данную минуту около 30 тысяч инсургентов с артиллерией находятся в двух переходах от столицы.

Все продолжавшиеся более и более тревожные слухи из города и с базара заставили меня предложить начальнику миссии поехать на базар и посмотреть, что там делается.

Г. Вейнберг согласился.

Какую перемену нашел я в городе! На всех улицах густые массы, очевидно пришлого вооруженного пешего и конного народа; все

указывало на близость кровопролития. Толпы дервишей и мулл виднелись на всех перекрестках людных улиц; все они при виде гяуров (я ехал с казаком) отплевывались и, брэнча четками, громко напевали, обращаясь к толпе, стихи из Корана. Все кофейни были переполнены, и массы пьяных от курения опиума и хашиша шатались по улицам. Я заехал в оружейный ряд большого базара, но тут пробраться я не мог, так как толпа была сплошная и, как мне показалось, еще более возбужденная; в лавках недоставало рук точить оружие. В эти дни оружейники, как говорили, очень нажились».

Русское посольство оказалось в той же ситуации, в которую некогда попали в Кабуле англичане или посольство Грибоедова. Ханская личная гвардия по-тихому сбежала, в крепости оставалось около 500 человек охраны. Пятитысячная армия, вооруженная в том числе и артиллерией, уже не подчинялась хану. Худояр понимал, что его часы сочтены, а придворные думали, как бы его зарезать, чтобы разграбить казну. Но хан закрылся в покоях и не выходил. Михаил Скобелев в это время ездил с казаками по городу и набрасывал план-схему Коканда. Все равно придется город отвоевывать, рассуждал он. Русские послы решили выйти из Коканда и забрать хана с собой. Вот не смогли они бросить бездарного и жадного руководителя на растерзание толпе. Вероятно, это такая русская традиция – не бросать никого, даже вот таких вот «союзничков».

A. I. Kostomarov

Генерал Михаил Скобелев

Утром 22 июля 1875 года русский отряд сквозь распаленную толпу добрался до ханского дворца. Через несколько часов из дворца вышла колонна – небольшой конвой, дальше на 80 арбах сам хан и его жены, наложницы и казна. Замыкали процессию казаки со Скобелевым во главе. Но за городом стояла мятежная армия, пришлось прорываться. Точнее продираться – солдаты и офицеры ханской армии кинулись грабить обоз, казаки не препятствовали и стреляли, лишь когда нападать пытались на них или на хана. Заодно ехавший с русским посольством Мирза Хаким объяснил кокандским военачальникам: «Что вы делаете, дураки? Разве можно стрелять в русских? Если вы нам сделаете вред, то придут русские войска и вы не узнаете места, где был Коканд...» Учитывая, что все знали, как воюют русские, посольство тронуть побоялись. Возле крепости Махрам посольство и хана встречал русский отряд – полторы сотни штыков и казаки. Хан Худояр плакал от радости и послал Кауфману письмо из Ходжента, куда его привезли и определили место жительства.

«6 реджеба 1292 г. (26-го июля 1875 г.)

Дорогие мои гости, гг. Вейнберг и полковник Скобелев, а также Мирза-Хаким-перваначи, выехали вместе со мной и, несмотря на несколько раз повторявшееся преследование бунтовщиков и перестрелку, не отставали от меня. На подобный поступок способны лишь русские. Когда мои собственные приближенные изменяли и бежали, они стойко следовали за мной, и, не будь их, может быть, я не добрался бы до русской границы. Офицеров (при Скобелеве состоял подп. Руднев) этих прислала мне судьба, и я никогда не забуду услугу, оказанную мне русскими людьми.

Бог милостив. Скоро устроит наше свидание. Ханство Кокандское и я сам находимся в вашей власти»^[253].

Скобелева по представлению Кауфмана за эту операцию наградили «за геройское, достойное русского имени поведение» золотой саблей с надписью «За храбрость». Через несколько дней после возвращения посольства стало известно, что кокандские повстанцы вторглись на русскую территорию Туркестанского края. Русским был объявлен, как писали в документах, «джехад», и лидеры восстания призывали выгнать неверных прочь с исконных земель ислама, отбить у русских Ташкент и другие кокандские города. Вторжение началось 5 августа, и, судя по всему, повстанцы

имели вполне продуманный план. Он был настолько толковым, что невольно задаешься вопросом, не подсказал ли кто кокандцам, как им стоит вести войну. Учитывая все обстоятельства, такое вполне возможно, но прямых доказательств внешнего участия в Кокандской войне нет.

А план был такой: ударами по нескольким направлениям рассечь Туркестанский край и отсечь его от России. Почти синхронно были совершены нападения на почтовые станции. Там были схвачены и зверски зарезаны несколько русских офицеров и военных чиновников. К 1875 году движение по дорогам Туркестана стало безопасным, и все ездили без охраны. 8 августа военный врач Петров и прапорщик 2-го линейного батальона Васильев были окружены шайкой кокандцев в местечке Нау, на почтовой станции. Они долго отстреливались, потом были схвачены бандитами и зарезаны. Шестилетняя дочь Петрова, которая ехала вместе с отцом, видела, как ему отрезали голову. Несчастную девочку увезли в Коканд, и только через три недели ее удалось вернуть оттуда. По поручению императора ее позже определили за казенный счет в столичный сиротский приют.

Станционный смотритель, бывший солдат стрелкового батальона Степан Яковлев, около суток защищал в одиночку свою почтовую станцию. Он уничтожил более тридцати бандитов, пока не погиб. В 1877 году на месте его гибели была установлена памятная плита: *«Бессрочно отпускной 3-го Туркестанского стрелкового батальона стрелок Степан Яковлев. Убит шайкой кокандцев, защищая Мурза-Рабатскую почтовую станцию 6 августа 1875 года. Доблестному туркестанскому воину на память, пожертвоваваниями проезжающих».*

Не ответить на такое Российская империя не могла. Началась Кокандская война, которая длилась почти полгода. Первым городом, который принял на себя удар, был Ходжент. Воевало все русское население, потому что гарнизон был небольшой. Но подкрепление пришло скорое, атаку отбили, и началось вторжение в Коканд. Михаил Скобелев командовал отрядом из 8 казачьих сотен, сведенных по две в 4 дивизиона. Константин Кауфман командовал основным корпусом – 16 рот пехоты, 20 орудий, 8 ракетных станков и 8 казачьих сотен. Против них было около 60 тысяч восставших.

22 августа русские войска взяли кокандскую крепость Махрам. Казаки под командованием Скобелева преследовали бежавших защитников крепости на протяжении 12 километров и рубили их без

всякой пощады. В крепости было захвачено 39 орудий, 1500 ружей, склады пороха, свинца, большие запасы продовольствия, 224 лошади. Скобелев получил сабельное ранение ноги. Потери кокандцев точно не известны. В одной статье так и писали:

«Потерю неприятеля в деле под Махрамом трудно определить в точных цифрах. В укрепленной позиции и в крепости Махраме найдено и погребено с лишком 100 трупов; на поле за Махрамом, где неприятель попал под шашки казаков, погребено, под наблюдением отрядных джигитов, до 1,000 тел; конвойною сотнею генерала фон-Кауфмана порублено до 100 человек, при преследовании вниз по реке. Сколько неприятель потерял всадников, действовавших против нашего отряда со стороны гор, равно как и число их раненых, неизвестно. Множество кокандцев потоплено в Сырдарье. Словом, погром вышел жестокий в возмездие за дерзкое нарушение нашей границы, за вторжение в наши пределы и беспокойство наших подданных»^[254].

В советские годы было принято считать, что, дескать, кокандцев разбили потому, что никто не хотел воевать за феодальную верхушку. На самом деле просто русская армия воевать умела, а кокандские повстанцы – нет. Причем громили их не только русские. В деле под Махрамом отличились три бывших шахризьбских бека – Джура-бек, Баба-бий и Сеид-бек. В 1870 году, когда русская армия вошла в шахризьбские бекства, все трое бежали в Коканд, но потом вернулись, поселились в Ташкенте и в итоге, осмотревшись, попросились на русскую службу. И в поход на Коканд они отправились с разрешения Кауфмана. Махрамский разгром оказал позитивное воздействие на разгоряченные умы сторонников священного джихада против неверных. И напрасно автобачи призывал не снижать накала борьбы. Многие поняли, что такая священная война им не нравится, что закончится она может для них совсем грустно, и моджахеды стали разбегаться по кишлакам. К Кауфману принялись приезжать послы от лидеров восстания, привозить подарки. Он писал Милютину:

«Махрамский погром действительно решил участь Кокандского ханства. Прибыв в г. Маргелан, со всеми свободными силами, я принял депутацию от города, наложил на все Маргеланское бекство пеню в 125 т[ысяч] тиллей, что составляет, считая по наименьшему курсу по 4 р – 500 т[ысяч] р[ублей]. Пеня эта наложена за то, что, несмотря на мои объявления, главный

предводитель и двигатель газа[ва]та Абдуррахман Автобачи, стоял 10 дней у Маргелана и не был схвачен и приведен ко мне.

Правый берег р. Сырдарьи и далее вверх по правому же берегу р. Нарына мы должны занять и нашими войсками и нашим управлением; одно без другого не может быть; без нашего управления народом, нельзя войскам зимовать, учиться, словом, жить тою нормальною жизнью, которая делает их людьми и хорошими слугами государя. Кстати сказать, войска наши такая прелесть, что нельзя себе представить ничего лучшего. Ведут они себя совершенно так, как государь император изволил выразиться: “Верно, храбро и честно”»^[255].

Как раз тогда кокандцы отпустили и захваченных русских людей, в том числе и дочь доктора Петрова. Кокандский хан Насреддин тоже прислал послов с извинениями, но русские войска упорно продвигались к Коканду. У Кауфмана уже была директива от властей империи Кокандское ханство добить. Военный министр Милютин описывал, как принималось это решение. Он вместе с императором ехал из Петербурга в Москву, когда была получена телеграмма от Кауфмана о том, как идет отражение кокандского вторжения, и о том, что необходимо теперь решать вопрос с оккупацией Коканда. Император согласился за пять минут:

«Дело довольно серьезное, – новое усложнение в нашей азиатской политике, новые против нас крики в Англии! Государь принял это известие совершенно равнодушно как последствие, которого он ожидал, и не колеблясь разрешил готовить войска для отправления в Туркестанский край. Таким образом, в пять минут, без всяких рассуждений решился вопрос о присоединении к империи новой области – ханства Кокандского»^[256].

Коканд не оказал сопротивления. Хан Насреддин подписал мирный договор. Северная часть ханства по правому берегу реки Нарын с центром в Намангане отошла к России. Кокандский хан стал вассалом империи. Начальником Наманганского отдела губернаторства стал Скобелев, получивший звание генерал-майора. Но проблема была в том, что главные вдохновители священной войны оставались не пойманы, и за Абдуррахманом-автобачи началась настоящая охота. Тем более что русским стало известно, что Абдуррахман-автобачи (это, кстати, не совсем правильное написание, правильно «офтобачи» – одна из придворных должностей, но уж будем писать, как принято в отечественной традиции еще с 19 века) перед тем, как поднять восстание, побывал в

Мекке, а потом в Константинополе. И вот оттуда он привез идеи священной войны. А из Мекки он привез символ джихада, о чем писали русские газеты.

«Уже поездка Абдурахмана в Мекку была задумана с этой целью; там, на гробе пророка, автобачи испросил благословения на свой подвиг и был даже снабжен лоскутом от знамени Магомета, – с тем чтобы, вдохновив народ этой реликвией, Абдурахман поднял его не только против хана, дружившего с нами, русскими, но вообще против неверных, т. е. нас же»^[257].

То есть он ехал в Мекку – а это в те годы территория Османской империи, никакой Саудовской Аравии в помине не было – уже с некой идеей. А там его идею поддержали и как-то направили в очень выгодное англичанам и туркам русло. Но повторюсь, никаких прямых доказательств того, что за восстанием стояли агенты Лондона, нет. Или пока нет.

Как только русские войска после подписания договора с ханом Насреддином ушли за Сырдарью, мятеж вспыхнул вновь. Еще более масштабный, еще более жестокий. Хан бежал под защиту русских от вчерашних союзников. Конец 1875 года для Скобелева стал большим испытанием. Он без конца воевал в разных районах Кокандского ханства. Воевал он жестоко, безжалостно уничтожая противника, без содрогания выжигая кишлаки, которые поддерживали боевиков. Я не оговорился, по сути это были боевики, а автобачи – типичный полевой командир, этакий игиловец XIX века. Не хочу и не вправе оправдывать жестокость Скобелева. Но стоит повторить, что действия русских войск были ответом на вторжение в Туркестанский край. Не реагировать – значило показать, что ты согласился с унижением на уровне государства. Реагировать вполсилы – значит также показать свою слабость. Русские либералы того времени действия Скобелева сильно не одобряли, в том числе и чиновники разных ведомств, работавшие в Туркестане. То есть кокандские казни русских пленных их не сильно возмущали. Они их не замечали. Но вот рейды Скобелева – это же другое дело. Ничего вам это не напоминает?

Михаил Скобелев зачищал город за городом – Андижан, Наманган, Ош, разгромил в ночном рейде большой лагерь спящих повстанцев. Повстанцы в ответ всякий раз, когда им попадал в руки русский пленный, зверски казнили его. Так принял мученическую смерть унтер-офицер 2-го Туркестанского стрелкового батальона Фома Данилов, захваченный в плен кипчаками. Ему предлагали

перейти служить в армию автобачи, потом пообещали сохранить жизнь, если он примет ислам. Он отказался, ответив, что «изменить он кресту не может и, как царский подданный, хотя и в плену, должен исполнить к царю и к христианству свою обязанность», и 21 ноября 1875 года он был зверски казнен в Маргелане.

Абдуррахман-автобачи стал терять поддержку населения и был вынужден сдаться Скобелеву, тот гарантировал неприкосновенность полевому командиру и его семье. Кауфман распорядился «Абдуррахмана-афтобачи с семейством и с движимым имуществом отправить, когда возможно, из Ташкента в Россию, где по воле Государя будет жить спокойно». В годы СССР автобачи превратился трудами советских историков в этакого азиатского Робин Гуда, борца с колониальной оккупацией, в Большой советской энциклопедии про него писали, что автобачи – «один из руководителей национально-освободительного Кокандского восстания 1875–76 против царизма». Вот как много все же зависит от идеологии. И хотя главный боевик сдался, генералам было ясно – выхода нет, придется Коканд присоединять.

Кауфман направил военному министру «Записку о средствах и действиях против Коканда в 1876 г.», где говорилось:

«Настоящее ненормальное хаотическое состояние в Кокандском ханстве, несомненно, отражается на всем экономическом быте и строе Русского Туркестана. Непрекращение с нашей стороны такого состояния в Кокандском ханстве, подрывая наш престиж в Средней Азии, дискредитирует веру всего здешнего населения в нашу силу». Царь согласился сразу, подтвердив свою прежнюю позицию. Занять ханство было приказано генералам Колпаковскому и Скобелеву. Телеграмма Кауфмана содержала недвусмысленные инструкции: *«Бывшее Кокандское ханство переименовать в Ферганскую область. Начальником области – Скобелев. Насреддина пока Ташкент. Кауфман».*

Существует такая историческая байка – Колпаковский приказал Скобелеву подойти с отрядом к Коканду не ранее 19 февраля, чтобы приурочить взятие города ко дню восшествия на престол Александра II. Скобелев делить лавры от победы не собирался ни с кем, тем более, что это он внес решающий вклад. Находясь в Намангане, он решает никого не слушать и, как в Хиве в одиночку когда-то идет на штурм дворца, так и тут один отправился в Коканд. Конный отряд был такой: две казачьи сотни, две с половиной роты конных стрелков, два орудия и два ракетных станка. За сутки он

прошел почти сто километров и утром 7 февраля уже оказался возле Коканда.

А через два дня, 9 февраля, отправил в Ташкент Колпаковскому (Каумфан был в Петербурге) депешу:

«Имел честь почтительно доносить Вашему Превосходительству пятого февраля образовании двух отрядов, согласно воле генерала Кауфмана, и движении Коканду. Депешу Вашу четвертого февраля получил седьмого, к сожалению шестнадцати верстах Коканда, когда узнал, что хан выезжает ко мне навстречу. Свидание произошло в кишлаке Акмулла. Бывший хан, пораженный нашим неожиданным появлением, повиновался объявленной ему воле Государя. Вчера доставил Коканда 29 орудий, остальные во власти войск в Коканде.

При движении отряда жителям кишлаков объявлялось о принятии в подданство Великого Государя. Принимали объявление с восторгом.

Окончательное умиротворение ханства произойдет лишь тогда, когда Ваше Превосходительство, высший представитель русской власти в Средней Азии, прибудет в Коканд.

Прибытия Вашего жду с нетерпением, дабы получить указания для введения прочного порядка в Ферганской области...»^[258].

Но есть иная версия того, что и как сделал Скобелев. Когда он прискакал в Коканд, то сил его для взятия города было, конечно, недостаточно. И когда ханские чиновники спросили, зачем пожаловал начальник Наманганского отдела, Скобелев ответил, что просто заскочил в гости, чаю попить, о жизни поболтать. 8 февраля, то есть на следующий день, он узнал, что его основной отряд находится в трех часах хода от Коканда. И вот тогда Скобелев пошел к хану, они и правда попили чаю, поговорили, а когда ординарец принес записку, что пехота и артиллерия уже у городских ворот, Скобелев просто объявил хану, что принято решение ликвидировать его ханство, а сам он поедет жить в Ташкент. Якобы хан, услышав это, разрыдался. А русские стрелки уже взяли под контроль основные точки в городе – площади, перекрестки, ворота.

Получалось, что за 10 лет, прошедших со взятия Ташкента генералом Черняевым, русская власть распространилась на территорию размером в половину тогдашних Соединенных Штатов Америки. Проживали в Туркестане 1 171 514 человек. Русская южная граница оцетинилась штыками от Кавказа до Коканда, точнее, до Кульджи. Войска Кауфмана стояли в 200 километрах от

Кашгара, в 1000 километрах от Кабула и 1700 от Лахора. Вообще-то расстояния огромные. Но английским русофобам так не казалось. Им виделось иное. Что там, вдали за рекой Амударья, или как ее чаще называли англичане на древнегреческий манер – Окусус, русские орды готовятся выйти в поход. Скобелев, казаки, Кауфман, начитавшись трудов Терентьева – а в Лондоне с его творчеством были вполне знакомы, – уже точат шашки и собирают обозы. Я ничуть не преувеличиваю. Дословно, вот так, конечно, никто не говорил, но атмосфера в Лондоне, в политических кругах, царила очень близкая к описанному.

Кроме того, за год до событий в Коканде английский офицер сэр Томас Эдвард Гордон, прибывший в Кашгар с посольством Форсайта, отправился назад в Индию с небольшой экспедицией кружным путем – через Памир и Вахан. Он после поездки выпустил интереснейшую книгу, которую почти сразу перевели на русский под названием «Путешествие на Памир» и выпустили в Петербурге. Ее оригинальное название *The Roof of the World being the narrative of a journey over the high plateau of Tibet to Russian frontier* («Крыша Мира. Повествование о путешествии на высоких плато Тибета к русской границе»).

Подполковник Гордон и его отряд преодолели Памир за три недели. В составе экспедиции были и настоящие ученые, не только офицеры. Но главная задача отряда была простая – выяснить, нет ли на Памире дорог, используя которые русские войска могут попасть в Индию. И оказалось, что да, есть. При определенных условиях, если правильно выбрать время, выждать погоду, то армия пройдет, и кавалерия тоже, и даже артиллерия. Гордон заявлял, что русским перейти Памир будет не трудно. Хотя бы потому, что русской армии вообще что-либо невозможное для других сделать не трудно. А выйдет армия недалеко от города Гилгит, это сейчас северо-запад Пакистана, часть штата Кашмир. Русские смогут пройти также через княжество Читрал, оно тогда было полунезависимым и стало частью колониальных владений только в 1911 году^[259], а до индийской границы русская армия дойдет дней за пятнадцать. Полковник Гордон выяснил, что на Памире и в Северном Афганистане регулярно бывают русские торговцы, какие-то русские караваны, что русская агентура работает в этом горном районе весьма активно. То есть привез он в Калькутту сведения тревожные и неприятные.

По мнению индийской администрации, было бы логично попробовать решить проблему зыбкой границы с помощью

поддержки махараджи Кашмира, который считался тогда полунезависимым государством. Вроде Хивы в русском Туркестане. Можно было бы профинансировать махараджу, чтобы он жестче обозначил свое присутствие в Читрале и обязал бы своих агентов собирать нужные сведения. Но проблема состояла в том, что доверять махарадже англичане не были готовы. Англичане знали, что правитель Кашмира тайно отправил своих доверенных людей в Ташкент, чтобы наладить контакты с русскими.

Но стратегически княжество Читрал, примыкавшее с северо-запада к Афганистану, было очень нужно англичанам. Через перевалы там шли пути не только на Памир и в Бадахшан, оттуда можно было попасть и в Джелалабад. В итоге в 1876 году правитель Читрала Аман уль-Мульк объявил о вассалитете по отношению к кашмирскому махарадже. С помощью англичан Аман уль-Мульк завоевал Гилгит, и там был построен английский форт. Но это было позже, а в то время, когда Гордон вернулся из экспедиции, сэр Дуглас Форсайт тоже приехал от Якуб-бека. Форсайт заявил вице-королю, что дела обстоят довольно плохо: вся Азия видит, как русские громят ханов, захватывают их территории, а англичане молчат. И это может заставить многих местных правителей переориентироваться на русских, то есть на тех, кто ведет себя более дерзко и воюет бесстрашно. Нормальное дело в Азии – ориентироваться на того, кто сильнее. Но тревога была обоюдной. Лондон и Калькутта беспокоились, потому что оказалось – Памир русским не преграда и потому что теперь у русских слишком много влияния и слишком много территории под контролем. А Петербург и Ташкент были раздражены поездками британцев в Кашгар, экспедициями на Памир, странными связями кокандских религиозных лидеров с Константинополем. Недоверие росло с обеих сторон. И это теперь можно рассуждать, что беспокоиться смысла не было, потому что понятна общая картина. А тогда все выглядело угрожающе.

Важную роль во внешней политике сыграла смена кабинета министров в Лондоне. Весной 1874 года, после падения либерального правительства Гладстона, к власти пришло правительство тори, а премьером стал Бенджамин Дизраэли. Политик, скажем так, разделяющий очень и очень своеобразную идеологию. Ему принадлежит такое крылатое выражение: «Все есть раса. Другой истины нет. Невежество – ваша сила». Или такое: «Рабочий класс Англии гордится тем... что он хранит свою империю». Некоторые исследователи германского национал-

социализма вполне всерьез называют Бенджамина Дизраэли одним из духовных отцов нацистской идеологии. Ученый Карл Шмитт идеологию Гитлера как раз описывал, как «дизраэлизм буйно помешанного германизма». И действительно, Дизраэли заявлял, что права англичанина стоят выше абстрактных прав человека, он считал, что Британская империя несет свою особую миссию. Слово «раса» он особенно ценил, заявляя, что «опыт блуждания по всем окольным и ложным путям истории сводится к одному решению: все есть раса... Истина в том, что как прогресс, так и реакция – только слова, выдуманные для мистификации миллионов. Они ничего не значат, они – ничто... Все есть раса». Задолго до Гитлера и до печей Освенцима он говорил, что «упадок расы неизбежен... если только она... не избегает всякого смешения крови».

Этот премьер Великобритании был близким другом королевы Виктории и убежденным русофобом. Он открыто говорил, что Бог действует через расы, подводя слушателей к мысли, что это Бог определил англичанам править миром. Он как-то сумел соединить ветхозаветные идеи богоизбранности евреев с британскими представлениями об избранности английских пуритан. *«Те, кто обретает причастие у Бога, могут... принадлежать только к священной расе».* Надо сказать, что подобные идеи в Британии конца 19 – начала 20 века были очень и очень популярны. В книге об английском патриотизме можно вычитать такой пассаж:

«У любого приличного человека при одной мысли о браке (англичанки) с негром должна кипеть кровь... Столь модное нынче естественное равенство, принявшее форму космополитического братства... если бы и могло стать реальностью, испортило бы великие расы и полностью погубило бы гений мира»^[260].

Дизраэли в одной из своих книг писал о мечте «жить в арийской стране, среди людей арийской расы, возвращать к жизни... арийский символ веры». А Суэцкий канал он называл «естественной разделительной границей» между всякими недоразвитыми народами и «Великой расой». Он сумел сделать идею империализма популярной в массах, сделать идею колониализма выгодной для каждого подданного Короны, потому что говорил о расовом превосходстве всех англичан – и лордов, и рабочих, и последнего бомжа – над недоразвитыми нациями. И каждый англичанин имеет свое право на то, чтобы получать что-то от эксплуатации огромных пространств империи. Это совпало по времени с получением избирательного права рабочими, и в одной из программных речей

Дизраэли говорил о том, что рабочий класс Англии особенно горд тем, «что принадлежит к империи», что рабочий класс в Англии «отвергает политические принципы космополитизма». Он сумел вложить в головы рабочих мысль о том, что империализм напрямую связан с улучшением их социального положения. И в этом он тоже в значительной степени стал духовным наставником германских нацистов. Либеральные идеи он считал угрозой империи, а еще большей угрозой Дизраэли считал русских, которых он называл «монгольской расой». Ничего не напоминает?

Вот такой интересный человек с такими широкими и нестандартными взглядами стал главой британского кабинета министров, и внешняя политика страны сделала поворот в полном соответствии с новой идеологией. Надо сказать – и это очень важно: убеждения Дизраэли полностью разделяла и королева Виктория, которая была, вероятно, самым русофобским британским монархом. Дизраэли, который так долго критиковал своих предшественников за слабость перед русскими, собирался ситуацию менять. Пришло время жесткой наступательной политики. Именно поэтому премьер-министр предложил королеве принять титул «императрицы Индии» в 1877 году, чтобы закрепить территории за Англией. Чтобы юридически Индия считалась уже почти Британией.

Дизраэли полагал, что главное в азиатской политике для Лондона – это не дать русским упрочить позиции в Афганистане, открыть в Кабуле постоянную миссию. А например, между Кауфманом и афганским эмиром Шер Али-ханом шла довольно оживленная переписка. В 1876 году новым вице-королем Индии стал назначенец Дизраэли лорд Литтон, прежний, лорд Нортбрук, ушел в отставку, резко осудив планы в отношении Афганистана. Он заявил кабинету министров, что активизация любой деятельности в этом направлении подвергает Британию риску «новой ненужной и дорогостоящей войны» с афганскими племенами. Хотя и сам он, пока был при власти, довольно активно пытался на ситуацию в Афганистане повлиять. В сентябре 1873 года на встрече с афганскими посланниками он попытался договориться о допуске английских резидентов в различные афганские города. То есть, по сути, попросил поделить суверенитетом. Шер Али-хан отказался, и англичане решили его сместить, а на его место назначить Якуб-хана, бывшего тогда правителем Герата.

Недалекий и жадный правитель – как раз то, что требовалось, – был недоволен деятельностью Шер Али. Английские агенты

несколько раз приезжали к Якубу, вели с ним переговоры, о которых стало известно эмиру. Он не стал долго думать и посадил заговорщика в тюрьму. Вице-король лорд Нортбрук потребовал освобождения «видного оппозиционера» (шучу, конечно, формулировки такой не было, но по сути все выглядело именно так) «во имя дружбы британского правительства». Шер Али отказался. Англичане проглотили раздражение, но выводы сделали. В ноябре 1875 года лорд Нортбрук снова получил из Англии предписание все же добиться от Кабула согласия на прибытие английской миссии в Кабул. Но он попытался объяснить Лондону, что не стоит слишком давить на Шер Али, что кончится это плохо. И в итоге сменился вице-король.

Правительство Дизраэли вело наступательную политику по всем направлениям. В обстановке строгой секретности англичане выкупили 40 процентов акций Суэцкого канала. Англичане хотели полностью контролировать эту транспортную артерию, которая в разы сокращала путь из Англии в Индию. И после выкупа акций Британия стала самым крупным акционером Суэцкого канала. В 1870 году была открыта новая прямая телеграфная линия между Калькуттой и Лондоном. Это был подводный кабель, который, как справедливо полагали англичане, станет практически неуязвим для противника, русских в первую очередь, и, кроме того, новая линия позволяла более плотно контролировать дела в колонии.

В новой индийской политике лорду Литтону предписывалось создать оборонительный союз с участием не только Афганистана, но и Белуджистана. Сейчас территория этого государства разделена между Ираном, Пакистаном, Афганистаном и в любой момент может стать новой горячей точкой в Южной Азии. Тогда же там шла борьба за престол, которую смог прекратить английский агент капитан Роберт Сендмен. Человек храбрый и отчаянный, он, вооруженный одним револьвером, зимой 1875 года объехал вождей повстанцев и убедил их прекратить конфликт. В знак благодарности за поддержку хан Белуджистана отдал Британии область, примыкающую к стратегически важному Боланскому перевалу, и город Кветта. Сейчас это территория Пакистана. В поздравительном письме уже майору Сендмену, назначенному британским представителем при хане, лорд Литтон писал:

«...Я полагаю, что в дальнейшем Кветта будет местом нашего наиболее важного разведывательного отдела в отношении внешней политики; и действительно, как только усмирение Келата будет

полностью гарантировано, вашей главной дипломатической задачей в этом ханстве будет расширение и распространение нашего влияния... в направлении Кандагара».

То есть Афганистан англичане потихоньку обкладывали со всех сторон. В Читрале и Гилгите они имели лояльных властителей, Кветту получили в пользование. На самом деле Шер Али-хан был не так уж и против заключить союз с англичанами. Но они сами все испортили и, по сути, подтолкнули к тому, чтобы искать контакты с Кауфманом.

Лорду Литтону было поручено как-то наладить отношения с эмиром, но для того была недопустимой сама мысль о присутствии где-либо в Афганистане британских чиновников. А лорд Солсбери потребовал от нового вице-короля именно этого: *«Британские власти должны получить санкцию эмира на немедленное создание постоянных английских резидентств в Афганистане».*

А Шер Али снова отказался принять английских дипломатов в Кабуле, аргументируя это тем, что тогда ему придется принять и русских, если они запросят встречи. В Калькутте решили, что эмир скорее всего уже о чем-то договорился с Ташкентом. На самом деле, никаких договоров даже и близко не было. Но Литтон в личном письме в августе 1876 года сообщал, что намерен действовать жестко, что если Шер Али «не докажет, что он наш лояльный друг, мы вынуждены будем считать его нашим врагом и обращаться с ним соответствующим образом». Литтон был уверен, что и до военного столкновения с русскими два шага. В сентябре 1876 года он пишет лорду Солсбери, государственному секретарю по делам Индии:

«Перспектива войны с Россией очень возбуждает, но как Индия отнесется к этому, меня несколько не тревожит. Если это случится, то лучше теперь, чем потом. В этой части мира мы вдвое сильнее России и располагаем гораздо лучшими базами для нападения и обороны... вокруг северных границ Индии можно разлить огненное море, подстрекая ханства подняться против их российских хозяев»^[261].

Литтон был таким же идейным русофобом, как и Дизраэли, российское самодержавие он искренне ненавидел с самой юности, полагая его образцом деспотизма. Сам же он был человеком радикально либеральных убеждений. И он совершенно всерьез писал о войне, потому что считал, что иного пути для двух держав нет. А вот тот же лорд Солсбери, хоть и считал Россию опасным соперником, но был уверен, что войны избежать можно. Это ему

принадлежит знаменитая, наполненная едкой иронией фраза, адресованная генералам: «Много недоразумений проистекает от повсеместного использования мелкомасштабных карт. Если бы благородный лорд использовал карту крупномасштабную, он нашел бы, что расстояние между Россией и Британской Индией не в палец с небольшим, а вполне достаточной величины». Солсбери был уверен, что никакого вторжения в Индию русские не планируют, но если они закрепятся в Афганистане, это уже создаст массу проблем, хотя бы потому, что англичанам придется держать наготове армию на западных рубежах индийских колоний. Он высказался по этому поводу вполне ясно: «Россия может предложить афганцам грабить Индию. Мы же не можем предложить им ничего, потому что в Туркестане грабить нечего».

Это был период совершенно открытого, жесткого противостояния, которое началось после покорения Хивы и развилось после присоединения Коканда. За тем, что говорят и пишут в русской столице, англичане следили весьма пристально. В 1876 году в Калькутте был издан английский перевод двухтомного труда Михаила Терентьева «Россия и Англия в Средней Азии». Перевод вышел менее чем через год после российской публикации книги. Пассажи Терентьева многие в Лондоне и Калькутте сочли русской программой действий. То есть раз книгу написал военный, выпустил в столице, то это неспроста. Хотя стоит признать, что Михаил Африканович излагал мысли весьма для Лондона тревожные.

«Отбросим же всякие увертки и взглянем на вопрос посмелее. Зачем мы забрались в Азию?»

Какая польза от наших завоеваний?

Отвечу вопросом же: отчего такого вопроса не задают ни в Оренбурге ни на Урале?

Скажут: а потому, что там за Азию-то кресты получают...

– Совсем не то: а потому, что там теперь жить можно без опасения за каждый час свой.

И так первая выгода, какой мы достигли, – заключается в обеспечении приуральской окраины.

Вторая выгода заключается в обеспечении нашей торговли. Доказательством служат следующие цифры: до 1850 года из Азии привозилось товару на 800,000 р. в год, а вывозилось туда из России на 600,000, через 17 лет, т. е. в 1867 привоз дошел до 13 миллионов, а вывоз до 16 1/2 миллионов и это не смотря на ряд войн с Бухарой и

Коканом, не смотря на запрещение, наложенное на бухарскую торговлю, по настояниям Черняева!

Третья выгода, достигнутая нами, состоит в том, что с теперешних позиций мы можем не только в проектах, но и в действительности – угрожать Британской Индии. В этом отношении среднеазиатские владения наши служат нам только этапом для дальнейшего движения, станцией, где мы можем отдохнуть и собраться с силами.

Ост-индская компания есть не что иное, как болезненный нарост на прекрасном челе Индии – паразит, питающийся лучшими соками плодороднейшей и богатейшей страны в мире.

Нарост этот может быть удален только хирургической операцией. Индусы пробовали в 1857 г. произвести эту операцию сами, но оказались недостаточно искусными. Теперь они ждут хирурга с севера, торопят его своими просьбами, проповедуют о нем в своих храмах...»

Историк Большой Игры Питер Хопкирк в своей книге, изданной в 1990 году, делал очень странный вывод, что «в России, где печатное слово жестко регулировалось цензурой, издание могло увидеть свет, только если мысли полковника были одобрены на высочайшем уровне. Весьма вероятно, что оно было предназначено только для внутреннего пользования, а не для глаз британцев... Книга Терентьева ясно отразила настроения русских»^[262]. Из этой цитаты можно сделать вывод, что английские представления о России как о стране, где злобная охранка или чекисты в ушанках следят за всеми инакомыслящими и, чуть что, сразу хватают и тащат бунтаря в Сибирь, мало изменились. Книга Терентьева увидела свет по причинам очень простым – ее были готовы покупать. Она была актуальна в свете борьбы России и Англии на международной арене. Точно так же, по коммерческим причинам, в Петербурге печатали книги Мак-Гахана или книги участников Туркестанских походов.

Однако пассаж про то, что индусы ждут «хирурга с севера», английским чиновникам и политикам очень и очень не понравился. Тем более что они понимали – контакты между русскими генералами и индийскими махараджами, владыками полунезависимых княжеств, есть, что русская разведка после Сипайского восстания не сидит сложа руки. Вот, собственно, почему Калькутта не могла доверять владыке Кашмира? Потому что там точно знали, что в ноябре 1865 года в Ташкент добрались два человека – Абдуррахман-хан ибн Сеид Рамазан-хан и Серафаз-хан ибн Искандер-хан, двое уцелевших

членов секретного посольства, отправленного махараджей княжества Джамму и Кашмир Рамбир Сингхом в Россию. Они не смогли довести послание махараджи, потому что по дороге на миссию напали и письмо изъяли. А еще несколько посланцев погибли или разбежались. И это нападение вряд ли устроили обычные разбойники. Целью миссии было «изъявление дружбы» русскому императору и налаживание торговых связей. МИД России занял позицию выжидательную – посланцам не говорили ни «да», ни «нет», потому что сотрудники МИД, как водится, боялись внешнеполитических осложнений. А вот кашмирцы изо всех сил старались наладить контакт с русскими. В архивах сохранилось даже письмо, отправленное ими Александру II после неудачного покушения на него, совершенного террористом Каракозовым.

«Господь Вседержитель!

Белому Царю да умножит Господь милость свою и продлит жизнь его.

Мы, Абдурахман Хан и Серафраз Хан, посланцы махараджи Римбирсинг, восседающего на престоле в Джамму и владетеля Кашмира, дерзаем доложить Всемилостивейшему и самодержавнейшему Царю всея России и Туркестана, величием и могуществом равному Александру Македонскому, Величайшему Императору Александру Николаевичу, что когда дошел слух до державного уха нашего повелителя, что русские войска вошли в Кокандские пределы, он отправил нас к начальнику победоносной армии, чтобы мы заявили ему поздравление с победами и, возвратись назад, сказали, что мы видели, дабы вслед за сим отправить к особе Вашего Величества посольство с дарами в знак дружбы и привязанности.

В настоящее время, по небезопасности в пути, мы шестой месяц находимся при войсках Ваших и на днях услышали, что один проклятый злоумышленник выстрелил в Ваше Величество из пистолета и что Всемилосерд Господь особу Вашу спас от смерти. Надеемся, что если бы целая тысяча подобных негодяев дала залп из ружей, то и тогда бы ни одна пуля не задела Высокой особы Вашей, ибо имеете под сенью Вашего Величества столько тысяч ляков (каждый ляк 100 тыс.) народа, ежеминутно занятого молитвами о здравии и благоденствии своего Милосердного правителя. По случаю спасения Вашего от грознейшей опасности Вашей особы, мы осмеливаемся думать, что Вы извините нашу дерзость заявить Вашему Величеству нашу искреннюю радость. Письмо в г.

Ташкенте. Да сохранил Его Господь во все века под покровительством Вашим».

Уж каких там осложнений боялись русские дипломаты, понять решительно невозможно. Но в итоге посланцы махараджи отбыли домой ни с чем. У английских историков можно найти упоминания, что все же русские агенты тайно посетили Кашмир и встречались с Рамбир Сингхом.

А вот в русских архивах таких сведений вроде бы нет. Но не все архивы открыты, это во-первых. Во-вторых, сотни важных секретных документов по работе разведки в Туркестане просто исчезли в годы Гражданской войны. Так, например, словно растворился архив русской дипломатической миссии в Кашгаре. Все указывает на то, что в 1920 или 1922 году им завладели английские шпионы. А так, кто знает, может, и правда были встречи махараджи с посланцами Кауфмана.

И вероятно, что если не полевая работа, то как минимум деятельность по сбору информации в Афганистане русской разведкой велась. Иначе придется согласиться с тем, что тревога англичан по поводу того, что страна может попасть под русское влияние, была просто плодом русофобской паранойи. А деятельность самих англичан тревожила все больше и больше уже Шер Али-хана. Ему невольно вспоминалась судьба Дост Моххамеда. В 1876 году эмир пишет турецкому султану:

«Ваше величество... не одобряли сказанное в последнем моем письме, что дружба англичан – слово, написанное на льду, но теперь Ваше величество могли на собственном опыте убедиться, как мало надо верить в их дружбу, и Вы видите, что англичане постоянно оставляют своих друзей в их несчастье на произвол судьбы»^[263].

В ответ на предложения англичан принять у себя посольство эмир выдвинул встречную идею об отправке в Индию афганского посольства. Потому что он, дескать, хочет узнать, какие «благородные стремления зародились снова в благородном сердце английского правительства». Одновременно с этим эмир усилил контакты с Россией. Он отправил письмо Кауфману, в котором заявлял, что «дружба афганского владетеля с могущественной и сильной Россией никогда не разъединится». Шер Али судорожно искал союзника. Персия на эту роль не годилась, потому что была совершенно не самостоятельна. Ханства Средней Азии оказались под русским контролем. Оставалась только Россия. И англичане, понимая это, давили на Кабул, как могли. Лорд Литтон пообещал,

что в случае отказа Шер Али от сотрудничества с Калькуттой «ничто не помешает Англии объединиться с Россией для того, чтобы совместными силами совершенно стереть Афганистан с лица земли».

В конце января 1877 года в Пешаваре начались переговоры между представителем Шер Али, афганским посланником Нур Мухаммед-ханом, и послом вице-короля Индии Льюисом Пелли. Англичанин привез с собой проект договора: афганское правительство допускает британских офицеров в Кабул и английские гарнизоны на границу. В обмен – дружба и финансовая помощь. В ответ Нур Мухаммед передал слова эмира, что тот скорее умрет, чем согласится на такие условия. Он сказал, что эмир еще передал следующее: «Британская нация великая и могучая, и афганский народ не может сопротивляться ее силе, но народ имеет свою волю, независим и ценит свою честь выше жизни». Афганцы не сильно ошибались в оценке деятельности английских представителей. Джордж Дуглас Кэмпбелл, в 1869–1874 годах министр по делам Индии, писал:

«Правительство наше, тщательно заботилось о том, чтобы иметь своих агентов, политических и военных, в тех странах, которые еще не подпали под его власть. Обязанности этих агентов были самые скромные: поддерживать правильные сношения, содействовать развитию торговли, но мало-помалу они начинали вмешиваться во внутренние дела того государства, в котором находились, а подобное вмешательство оканчивалось обыкновенно тем, что в одно прекрасное утро это государство переходило под власть Англии. Даже относительно тех областей, которые, по-видимому, сохраняли независимость, следует заметить, что присутствие в них наших так называемых «резидентов» приводило к тому, что они делались там средоточием власти»^[264].

Во время переговоров Нур Мухаммед умер, Шер Али послал другого представителя, но Литтон запретил продолжать переговоры, даже если представитель прибудет в Пешавар. Вскоре офицерам и генералам англо-индийской армии было приказано вернуться в свои части, в северном Пенджабе стали концентрировать войска, через Инд стали наводить переправы. В марте 1877 года из Кабула отозвали английского представителя. Вице-король писал в Лондон:

«...Может наступить время (и не в далеком будущем), когда для укрепления британского господства в Индии будет абсолютно необходимо предпринять военную оккупацию Западного

Афганистана (с согласия правителя этой страны или без него), включая важную Гератскую крепость. Положение нынешнего эмира, очевидно, очень непрочное, и возможно, что ход событий приведет к расчленению его королевства и созданию отдельного ханства в Западном Афганистане, которое можно будет вполне реально поставить под британское влияние и протекторат»^[265].

Шер Али-хан

На дипломатическом фронте Лондон подключил старых партнеров. Османов. Турецкий султан по просьбе британских дипломатов отправил Шер Али несколько писем с предложением «соединиться с англичанами для общих военных действий против

русских». Султан вообще по-дружески советовал не ссориться с могущественной державой и разрешить англичанам построить несколько крепостей на границе. Потом в Кабул приехали турецкие дипломаты, чтобы снова уговаривать Шер Али воевать с русскими. Расходы на посольство оплатили английские власти в Калькутте. Эмир оказался в сложнейшей ситуации – давили на него со всех сторон, и как бы он ни поступил, действие оказалось бы неправильным. Разреши англичанам строить крепости – это Шер Али-хан осознавал четко, – завтра они разместят там гарнизоны, а потом и заберут у него страну. Не разреши – так англичане начнут войну. И он, может, и согласился бы на какие-то половинчатые условия, вроде английского протектората, но эмир понимал, что народ его не поддержит. И в таком случае его снесут с трона свои же. Причем быстрее англичан. Кауфман писал Милютину в Петербург, что именно позиция населения, англичан ненавидевшего, и не дала эмиру ничего сделать, как ни старались посланцы Калькутты и Османской империи. А скоро туркам стало не до афганских проблем. Потому что Россия начала с ними войну. И война эта удивительным образом перекликается с теми событиями, что происходят на Востоке сегодня.

Летом 1875 года на Балканах началось антитурецкое восстание. Его центром стала Южная Герцеговина. Считается, что причиной были непомерные налоги – официально 12,5 % со сбора урожая, фактически учитывая взятки, откаты, поборы и прочее, крестьяне отдавали почти половину. Турецкие сборщики налогов и податей по привычке стали вести себя как каратели, а крестьяне на этот раз не стали терпеть и дали отпор. Начались столкновения, турки отправили войска, которые тоже неожиданно для себя осознали, что крестьянское терпение лопнуло, – началась партизанская война. Мужчины ушли в ополчение и начали из лесов бить надоевших турок, а старики, женщины и дети сотнями побежали в Черногорию и Далмацию.

Вообще весь 19 век Балканы лихорадило – сербы и черногорцы (по сути, те же сербы) пытались сбросить ненавистную турецкую власть. В 1804 году турецкие наместники в Сербии, чтобы уничтожить сопротивление в корне – они думали, что именно это поможет, – казнили десятки сербских политических лидеров и священников. В сербскую историю этот эпизод вошел под названием «Сеча кнезова». Даже переводить не надо, и так смысл понятен. Результат получился совершенно обратный – началось Первое

сербское восстание, которое продолжалось до 1813 года. Так что к концу 19 века турецкая власть на Балканах была зыбкой, но гниющая империя отчаянно и жестко пыталась удержать регион. В 1875 году восстание распространилось по всей Герцеговине, потом перекинулось на Боснию, восставшие сражались с турецкими войсками и местными мусульманами-боснийцами, поддерживавшими турок. Помощь восставшим христианам присылали из многих славянских стран и земель.

И тут в 1876 году восстание вспыхнуло и в Болгарии. А там положение христиан было еще более тяжелым. Дело в том, что в 60-е годы, после окончания Кавказской войны, более 100 тысяч черкесов перебрались в Османскую империю, и поселили их как раз в Болгарии. Причем поселили с конкретной целью, чтобы черкесы стали своего рода контролерами за местным населением. И когда болгары восстали, турецкая армия, точнее, башибузуки – ее иррегулярные части, – и черкесы принялись подавлять его с чудовищной жестокостью. И Европа этого не заметила, не захотели видеть этого и в Лондоне. Точнее, так: в Лондоне официально закрыли глаза на резню. Сделали вид, что ничего не происходит. Хотя русский МИД точно знал, что Лондон фактически дал карт-бланш своим союзникам-туркам на карательную зачистку. Во всяком случае Александр Гирс, русский дипломат того времени, писал, что глава посольства Британии в Константинополе сэр Генри Эллиот прямо потворствовал турецким властям:

«...Сама Порта, сознавая важность положения и необходимость энергического подавления, не следовала ли она совету своих друзей? Лучший друг ее, пользовавшийся ее наибольшим доверием, хранил ли он молчание в эту критическую минуту? Этому трудно поверить. Действительно известно, что сэр Генри Эллиот, узнав о восстании и боясь новых опасных осложнений, первый дал Порте совет потушить мятеж, “не разбирая средств”. Это не было тайной ни для кого, пока не узнали, каким образом Порта воспользовалась данным советом. Понятый и осуществленный иначе, совет этот был бы в сущности хорош. Но всякий совет, будь он сам по себе прекрасен, становится пагубным и роковым, как скоро применяется людьми, лишенными такта. Быть может, сэр Генри не знал, что Порта прибегнет к черкесам, быть может, он не знал, на что эти дикари способны».

О том, что болгар зверски вырезают целыми селами, в Европе поначалу не знали. Ну или не хотели знать. Слухи, конечно,

доходили, но отрывочные. Тем более что рассказывать было особенно некому – турки вырезали всех, кого могли. Первые, очень неточные сообщения о том, что якобы где-то в Болгарии турецкие войска кого-то убили, появились в английских газетах в начале мая. И на них внимания не обратили. Но вдруг случилось то самое, что принято называть красивой и заезженной фразой – «один человек изменил ход истории». Но в данном случае все было именно так. И человек этот был не кто иной, как все тот же отчаянный американский журналист Януарий Мак-Гахан. Он дружил с Юджином Скалером – американским дипломатом, автором книги о Туркестане, которую я упоминал раньше. Скалер как раз в начале июня 1876 года прибыл в Константинополь на должность секретаря американской дипмиссии, а также генерального консула. В Константинополе тогда работал американский миссионерский колледж, и учившиеся в нем болгарские студенты и преподаватели собрали информацию о событиях на Родине и передали ее британскому послу. Посол на это не отреагировал никак. Почему, понятно. Он ведь сам давал «отмашку» резать всех. Тогда болгары передали информацию в английские газеты The Times и London Daily News. Первая ничего публиковать не стала, а вторая все же напечатала статью, и было это в конце июня 1876 года. В Лондоне начался политический скандал.

26 июня зверства турок стали предметом обсуждения в парламенте, оппозиция требовала расследования, Дизраэли заявлял, что не стоит доверять ненадежным источникам, что нет никакой резни, что все это «болтовня из стамбульских кофеен». Но оппозиция все же настояла на своем, и британское правительство было вынуждено поручить Уолтеру Барингу, второму секретарю своего посольства в Константинополе, провести расследование. Преподаватели американского колледжа уже не верили англичанам и попросили американского посла в Турции, Горация Мейнарда, провести свое собственное расследование. Тот отправил в Болгарию Скалера. И в это время в Константинополь приехал для освещения сербско-турецкой войны Януарий Мак-Гахан. Скалер предложил Мак-Гахану поехать в Болгарию, и репортер, конечно же, согласился. В поездку с ним отправился немецкий корреспондент и второй секретарь посольства России в Константинополе, князь Алексей Церетели. В течение трех недель они ездили по Болгарии и документировали зверства, совершенные турками в селах и городах. В отчете Скалер написал:

«...Со всех сторон были человеческие кости, черепа, ребра, и даже целые скелеты, головы девочек, с до сих пор заплетенными в косы длинными волосами, кости детей, скелеты до сих пор, заключенная в одежде. Мы видели дом, пол которого был белым от пепла и обуглившимся костям заживо сожженных там тридцати человек. Мы видели место, где Трендафил (Трендафил Тошев Керелов, староста села Батак. – Прим. авт.) был приколот копьем, затем сожжен и похоронен на этом же месте. Мы видели ужасные ямы, заполненные гниющими трупами. Мы видели плотину мельницы, заполненную опухшими трупами. Мы видели здание школы, где двести женщин и детей, укrywшихся в нее, были сожжены заживо. Мы видели церковь и кладбище, заполненные тысячами полусгнивших трупов, отгороженные забором высотой в несколько футов места, заполненные кучами рук, ног и головами, торчащими из-под камней, которые тщетно были брошены там, чтобы скрыть их, и во всем этом пространстве стоит страшное зловоние...»

Бойня в селе Батак была одним из самых шокирующих моментов, описанных в репортажах Мак-Гахана. На момент начала восстания там жили около 9 тысяч человек, мужчины почти сразу ушли в ополчение, но отряды ополченцев были быстро уничтожены, у них просто не хватало оружия. После этого в Батак вошли турецкие каратели. Местного духовного лидера и старосту Трендафила Тошева Керелова казнили самым зверским образом. Выкололи глаза, вырезали язык, вырвали все зубы и еще живым посадили на кол. Потом жгли заживо около часа. Потом началась бойня всех жителей без разбора. Младенцев они насаживали на штыки и пики и так ездили по городу. 200 детей и женщин, которые спрятались в школе, сожгли в здании заживо. Молодых женщин и девушек насиловали, а последний насильник должен был зарезать жертву. Несколько сотен жителей Батака попытались спрятаться в церкви, стояла жара. В церкви люди умирали от духоты, осада церкви продолжалась три дня. Чтобы заставить защитников сдаться, башибузуки закинули внутрь ульи с пчелами, потом зажгли, люди стали выбегать, чтобы спастись, и тут же попадали в руки карателей. Из 9 тысяч человек спаслись около 1200. Мак-Гахан, пораженный увиденным и услышанным, описал все в своих репортажах. Он писал, что видел трупы молодых девушек, сложенные вдоль дороги, что видел мать, сжимающую в руках головы трех своих детей.

«...Мы натянули поводья, закричав от ужаса. Прямо перед нами возвышалась гряда черепов, которые лежали вперемежку с другими частями человеческих тел... На всех телах были только женские рубахи. Они все были женщинами или девушками. Я насчитал свыше 100 голов, без учета тех, которые лежали внутри гряды. Все они были отсечены от тел, все тела были без голов. Каждую из этих женщин обезглавили.

...Городок лежал на расстоянии 100 ярдов от нас. Не уцелела ни одна крыша, ни одна стена. По другую сторону дороги лежали детские тела с ужасающими следами от ударов ятаганами на их маленьких головках. Количество убитых детей невероятно, просто огромно...

...Мы подъехали к церкви. Сначала мы не заметили ничего особенного. Но разносившееся зловоние было настолько сильным, что мы едва смогли посмотреть вокруг. И тут – то, что мы посчитали камнями и мусором под копытами наших лошадей, в действительности оказалось огромной кучей человеческих трупов, присыпанных тонким слоем земли. Весь церковный двор был покрыт ими, высотой от 3 до 4 футов. Из этой чудовищной гробницы проступали головы, ладони, кисти, ноги, ступни и руки. Маленькие кудрявые головки виднелись тут и там, маленькие детские ручки, протянутые так, словно они молили о помощи...»^[266].

Юджин Скалер и Мак-Гахан писали, что одичавшие собаки бегали по селу и обгладывали трупы, что в селе не осталось ни одного целого дома. Официальный отчет Скалера и статьи Мак-Гахана произвели невероятный эффект. Английская публика была шокирована и возмущена, да впрочем, не только английская. По всей Европе люди были поражены тем, что узнали от отважного американца. Оппозиция в английском парламенте требовала объяснений от правительства. Европа не могла поверить, что такие зверства творятся совсем рядом, под боком. Хотя, с другой стороны, не могла поверить, но ничего особенно не делала. И вот тут тем более интересно, как реагировали высшие политические круги в Англии и Франции – странах – союзницах Османской империи.

Политики, Дизраэли в их числе, стали оправдывать турок. Говорили, что дескать, да, ребята перестарались, но ведь и болгары тоже восстали, а их вооруженные боевики убивали турецких солдат. И башибузуков. Ну вот турки и расстроились. Горячая кровь, и все такое. И совсем не турки убивали болгар, а сами же болгары. Болгарские предатели-коллаборационисты. Были и такие.

Власовщина – это ведь понятие вневременное. Русский писатель Федор Михайлович Достоевский был поражен и возмущен цинизмом Запада, который был готов защищать турок, и не только по политическим мотивам, но и потому, что торговые интересы казались важнее каких-то там болгар.

«Десятки, сотни тысяч христиан избиваются как вредная паршь, сводятся с лица земли с корнем, дотла. В глазах умирающих братьев бесчестятся их сестры, в глазах матерей бросают вверх их детей-младенцев и подхватывают на ружейный штык; селения истребляются, церкви разбиваются в щепы, все сводится поголовно – и это дикой, гнусной мусульманской ордой, заклятой противницей цивилизации. Это уничтожение систематическое; это не шайка разбойников, выпрыгнувших случайно, во время смуты и беспорядка войны, и боящаяся, однако, закона. Нет, тут система, это метод войны огромной империи. Разбойники действуют по указу, по распоряжениям министров и правителей государства, самого султана. А Европа, христианская Европа, великая цивилизация, смотрит с нетерпением... “когда же это передавят этих клопов”! Мало того, в Европе оспаривают факты, отрицают их в народных парламентах, не верят, делают вид, что не верят. Всякий из этих вожаков народа знает про себя, что все это правда, и все наперерыв отводят друг другу глаза: “это неправда, этого не было, это преувеличено, это они сами избili шестьдесят тысяч своих же болгар, чтоб сказать на турок”. Но отчего же это все, чего боятся эти люди, отчего не хотят ни видеть, ни слышать, а лгут сами себе и позорят сами себя? А тут, видите ли, Россия: “Россия усилится, овладеет Востоком, Константинополем, Средиземным морем, портами, торговлей. Россия низринется варварской ордой на Европу и “уничтожит цивилизацию” (вот ту самую цивилизацию, которая допускает такие варварства!)”»^[267]

Донецкие ополченцы сами обстреливают Донбасс. Масштабы резни христиан, устроенной ИГИЛом в Мосуле, сильно преувеличены. Русские войска в августе 2008 года напали на беззащитную Грузию. Сирийская армия уничтожает мирных повстанцев, чтобы удержать любой ценой у власти Асада. Большинство граждан СССР были рады приходу гитлеровских войск в 1941 году. Болгарская резня – дело рук болгарских повстанцев. Не правда ли, как же это все похоже? Идеологические схемы, придуманные Западом много столетий назад, ничуть не изменились. Не изменилась и отечественная либеральная публика. Как в 2014

году она больше переживала из-за курса рубля и потери санкционной продукции, как в 2015-м она переживала, что из-за операции в Сирии мы теперь окончательно поссоримся с Западом, так и в 1876-м отечественные либералы боялись, что Российская империя на резню отреагирует жестко.

«В последнее время многие говорили о том, что в интеллигентных слоях наших, после летних восторгов, явилось охлаждение, неверие, цинизм и даже озлобление...

Тут стучат про вред войны в отношении экономическом, пугают крахами банков, падением курсов, застоём торговли, даже нашим военным бессилием не только перед Европой, но и перед турками, забывая, что турецкий башибузук, мучитель безоружных и беззащитных, отрезыватель мертвых голов, по русской пословице – “молодец против овец, а против молодца и сам овца”, что наверное и окажется...

Дело прямо понимается ими как бы за мимолетный какой-то капризик, который можно прекратить когда угодно: “Порезвились, дескать, и довольно, а теперь бы и опять за дела” – биржевые, разумеется».

Еще не дожидаясь никаких решений правительства, на Балканы засобирались русские добровольцы. Ехали в Сербию, под командование русского генерала. Герой Туркестана Михаил Черняев прибыл в Белград в июне 1876 года. Присутствие русских добровольцев сыграло огромную роль, не с точки зрения военной науки, но их присутствие давало жителям Балкан колоссальную моральную поддержку. 20 июня 1876 года Сербия и Черногория, поддерживая восстание в Боснии и Герцеговине, объявили Турции войну. В Сербию приехали около 7000 русских добровольцев.

«Русские офицеры едут в Сербию и слагают там свои головы. Они умирают в сражениях десятками и выполняют свое дело героически. Они славят русское имя в Европе и кровью своею единят нас с братьями. Нет, это не авантюристы: они начинают новую эпоху сознательно. Это пионеры русской политической идеи, русских желаний и русской воли, заявленных ими перед Европою»^[268].

Эти «пионеры русской воли» ехали за тысячи километров, ехали воевать с турками в чужую страну. Не за деньги. Не за награды. Не за должности. Ехали потому, что не могли поступить иначе. Потому что не могли спокойно слышать, что где-то озверевшие нелюди сажают детей на кол.

Ехали со всей России. Ветераны Крымской и Кавказской войн, Туркестанских походов. Немолодые отставные офицеры. Ехали и мещане, и студенты. Это был тот же порыв, что у тех, кто весной и летом, бросив все, уезжал на Донбасс, потому что после Дома профсоюзов и Славянска не мог стоять в стороне. И в конце 1876 года Достоевский много писал про добровольцев и Восточный вопрос. Позволю себе привести обширную цитату, потому что она невероятно актуальна и сегодня, и возникает ощущение, что написано это не в конце 19 века, а буквально вчера:

«...Главная сущность всего дела, по народному пониманию, заключается несомненно и всецело лишь в судьбах восточного христианства, то есть православия. Народ наш не знает ни сербов, ни болгар; он помогает, и грошами своими и добровольцами, не славянам и не для славизма, а прослышав лишь о том, что страдают православные христиане, братья наши, за веру Христову от турок, от “безбожных агарян”; вот почему, и единственно поэтому, обнаружилось все движение народное этого года. В судьбах настоящих и в судьбах будущих православного христианства – в том заключена вся идея народа русского, в том его служение Христу и жажда подвига за Христа. Жажда эта истинная, великая и непереставаемая в народе нашем с древнейших времен, непрестанная, может быть, никогда, – и это чрезвычайно важный факт в характеристике народа нашего и государства нашего.

В этом отношении Европа, не совсем понимая наши национальные идеалы, то есть меряя их на свой аршин и приписывая нам лишь жажду захвата, насилия, покорения земель, в то же время очень хорошо понимает насущный смысл дела.

Не в том для нее вовсе дело, что мы теперь не захватим земель и обещаемся ничего не завоевывать: для нее гораздо важнее то, что мы, все еще по-прежнему и по-всегдашнему, неуклонны в своем намерении помогать славянам и никогда от этой помощи не намерены отказаться».

А правительство Российской империи решение о начале войны приняло не сразу. Дело в том, что все предшествующие годы в Европе формировались новые военно-политические союзы. Британия хотела дружить с кем угодно против Германии. Россия же пыталась как раз с помощью Германии решать свои проблемы, отчасти понимая, что это не постоянный союз. Но тем не менее 29 апреля (10 мая) 1876 года Александр II прибыл в Берлин, где шли

трехдневные переговоры канцлера Горчакова, Бисмарка и австро-венгерского министра иностранных дел Дьюлы Андраши. Три державы решили посотрудничать против турок и англичан, что было вполне логично.

1 (12 мая) 1876 года свет увидел меморандум трех императоров – Александра II, Франца-Иосифа I и Вильгельма I. В документе говорилось, что Османская империя сможет сохранить целостность, и державы не против этого, но при «облегчении участия христиан». И были предложены пункты соглашения, которые могли бы ситуацию исправить:

«1. Возвращающимся беженцам будут предоставлены материалы для восстановления домов и церквей, и будет обеспечено пропитание до тех пор, пока они будут в состоянии жить своим трудом.

2. Поскольку распределение пособий будет зависеть от турецкого комиссара, последний должен будет действовать в согласии со смешанной комиссией, о которой упоминается в ноте от 30 декабря, для того, чтобы гарантировать серьезное применение реформ и контролировать их выполнение. Эта комиссия должна быть под председательством герцеговинца-христианина и должна состоять из местных уроженцев, представляющих обе религии страны; они должны быть избраны, как только перемирие приостановит военные действия.

3. В целях избежания всяких столкновений, в Константинополе будет дан совет сосредоточить в нескольких подлежащих определению пунктах турецкие войска, хотя бы до успокоения умов.

4. Христиане останутся при оружии, так же как и мусульмане.

5. Консулы или делегаты держав будут наблюдать за проведением реформ вообще и в частности за мероприятиями, касающимися возвращения беженцев.

Если бы при доброжелательной и горячей поддержке великих держав и при помощи перемирия, на этих основаниях, могло бы быть достигнуто соглашение и немедленно проведено в жизнь путем возвращения беженцев и избрания смешанной комиссии, это явилось бы важным шагом по пути к умиротворению.

Если бы, однако, срок перемирия истек, прежде чем усилия держав достигли намеченной цели, три императорские двора сочли бы необходимым подкрепить их дипломатическое выступление санкцией соглашения о принятии действительных мер, которых в таком случае требовало бы положение вещей в интересах

всеобщего мира и ради предотвращения дальнейшего развития зла»^[269].

И пусть никого не смущает, что в переговорах сама Османская империя участия не принимала. Нормальное дело в мировой политике – заочно решать судьбу более слабого субъекта. Тем более что Австро-Венгрия была тоже отчасти Балканской страной, поскольку граничила там с Османской империей. Северный Белград уже был австрийским. Там, в районе Земун, до сих пор архитектура радикально отличается от архитектуры южной части города, и вообще вся северная часть Сербии, включая Воеводину, архитектурно ближе к австрийской традиции.

Три державы, как следует из документа, более чем прозрачно намекали: дорогие турки, у нас уже есть понимание, что с вами сделать, когда наступит нужный момент. И лучше вам сейчас начать с нами переговоры. Во избежание. Правительство Франции и Италии меморандум поддержали, а вот Англия, конечно же, высказалась против. В первую очередь потому, что не могла допустить даже мысли о том, что Россия усилится на Балканах. И все бы ничего, и можно было бы вызвать новый вал русофобии и ура-патриотизма, начав рассказывать о русской угрозе Индии и миру вообще, если бы не статьи Мак-Гахана в Daily News. Потому что после того, что он описал, Дизраэли, даже при всем желании, не мог убедить никого, что Лондон должен поддержать Османскую империю. Хоть словом, хоть делом.

Лидер либеральной оппозиции Гладстон издал брошюру «Болгарские зверства», где, выражаясь нынешним неформальным языком, «жестко наехал» на правящий кабинет за туркофильскую политику, которая позорит страну. В парламенте оппозиция требовала жесткой реакции на резню в Болгарии. Возмущение резней высказывали Чарльз Дарвин, Оскар Уайльд, Виктор Гюго. Это происходило на фоне переворота в самой Турции, где был свергнут и убит султан Абдул-Азиз, а его место занял Мурад V. В августе низложили и Мурада, а его место занял брат Абдул-Хамид. Петербург продолжал вести переговоры с Веной и Берлином, выжидая и пытаясь понять, стоит ли вмешиваться в конфликт на Балканах, точнее, в войну в Сербии.

Большие державы делили Турцию, которая еще пока не собиралась никуда разваливаться, все лето и осень 1876 года. Что достанется Сербии, что Черногории, что получит Австрия и кому достанется Бессарабия. Британия же пыталась придумать, как не

допустить русского усиления в регионе. Дизраэли на ходу менял тактику – если Османскую империю не спасти, то надо участвовать в ее разделе. Ну подумаешь, союзник. Не справился – значит, воспользуемся. Настоящий стервятник найдет применение даже дохлому ишаку. Он говорил, что приемлемый вариант – это «раздел балканской добычи между Россией и Австрией при дружеских услугах Англии». По плану Дизраэли Константинополю отводилась особая роль, он «с соответствующим районом должен быть нейтрализован и превращен в свободный порт под защитой и опекой Англии по примеру Ионических островов». Дизраэли плевать было на турецкую независимость, ему важно было сохранить контроль над путями, ведущими в Индию. И британский Форин-офис официально заявил, что совсем не против автономии Болгарии и Боснии.

В июле – августе сербская армия провела несколько неудачных для нее сражений. 26 августа Сербия обратилась к европейским державам с просьбой о посредничестве для прекращения войны. Османской империи был выдвинут совместный ультиматум. Ее заставили объявить перемирие и пойти на переговоры, но Турция начала торг – как будет выглядеть мирный договор, торговаться с полумертвой империей никто не пожелал. Державы вели переговоры между собой. Турцию продолжили заочно делить. Россия предлагала Австрии и Англии оккупацию Болгарии русскими войсками и ввод флотов в Мраморное море. Вена и Лондон не соглашались. 3 октября в Ливадии Александр II провел секретное совещание. Там было решено готовиться к войне с Турцией, основной удар нанести по Константинополю. Хотя и дипломаты пока что продолжали действовать.

15 октября 1876 года в Ялту приехал английский посол в России лорд Август Лофтус. Он побеседовал с Горчаковым и потом с императором. Александр дал «священное честное слово», что не хочет захватывать Константинополь (через 12 дней после совещания, где было решено его атаковать), и пообещал, что если русские войска войдут в Болгарию, то только на время, чтобы защитить христианское население. Он сказал, что если Россия и Англия имеют общую цель – защитить христиан и поддержать мир в Европе, то к чему Лондону беспокоиться? Александр заявил послу: «России приписывают намерение покорить в будущем Индию и завладеть Константинополем. Есть ли что нелепее этих предложений? Первое из них – совершенно неосуществимо, а что касается до второго, то я снова подтверждаю самым торжественным образом, что не имею ни

этого желания, ни намерения». Отчего русский царь обманывал посла? А отчего англичане обманывали русских, говоря, например, что не имеют интересов в Средней Азии? Такова политика.

Насколько верили друг другу русский император и британский дипломат, можно только предполагать. Наверное, настолько же, насколько верят друг другу Сергей Лавров и Джон Керри. И красивых слов было сказано много, но тогда по Восточному вопросу так и не договорились. А после этих переговоров Бенджамин Дизраэли произнес речь, в которой сказал, что Англия старается поддержать мир в Европе и что независимость и территориальная целостность Турции чрезвычайно важны, а «если Англия хочет мира, то ни одна держава лучше ее не подготовлена к войне, и если Англия решится на войну, то только за правое дело и, конечно, не прекратит ее, пока право не восторжествует». То есть Лондон через Дизраэли обозначил, что готов побороться за «независимую» Турцию или наложить лапу на турецкое наследство. Второе даже скорее.

В начале октября закончился срок перемирия. 17 октября 1876 года под Дьюнишем сербская армия была наголову разбита турками. Сербия была на грани гибели. Для Петербурга становилось все более очевидно – отсидеться не получится. Придется вмешиваться в войну, потому что иначе это сделают англичане. И потому что иначе можно потерять лицо, что в политике весьма опасно. Поскольку почти официально не раз было заявлено, что Россия готова быть спасительницей и покровительницей славян, что она хранительница православной традиции, вариантов для маневров в этой ситуации у Петербурга не было. У тебя под носом убивают нацию – за то, что православные, что не хотят предавать свою идентичность. И как тут не вмешаться?

18 октября русский посол в Константинополе граф Николай Игнатьев предъявил Османской империи ультиматум. Он потребовал заключения перемирия на 2 месяца. И сказал, что император ждет ответа в течение 48 часов. 20 октября в Кремле Александр II приказал произвести частичную мобилизацию 20 дивизий. Константинополь дрогнул и условия русских принял. В декабре началась созванная по инициативе России Константинопольская конференция. Но официальный Константинополь заявил, что в империи принята конституция, там признается равенство религиозных меньшинств в империи, и никакие решения конференции Турция выполнять не будет.

В январе граф Игнатьев заявил, что вся ответственность за последствия войны, если она начнется, будет лежать на Турции, которая сорвала переговоры. Вскоре в Будапеште была подписана секретная конвенция, которая обеспечивала нейтралитет Австро-Венгрии, если Россия начнет войну против Турции. В обмен Австро-Венгрии давалось право ввести войска в Боснию и Герцеговину, и она давала свое согласие на участие Сербии и Черногории в войне на стороне России. Россия же обещала Австрии, что не введет войска в Боснию, Герцеговину, Сербию и Черногорию. А в марте 1877 года в Лондоне представителями Великобритании, Австро-Венгрии, Германии, России и Франции был подписан протокол по выходу из Восточного кризиса. Турции рекомендовалось провести дополнительные реформы, дать автономию Балканским государствам. Решение в большей или меньшей степени поддержали все. Каждая страна по своим причинам, и даже Дизраэли согласился подписать ее с указанием, что Россия должна будет немедленно приступить к демобилизации армии. Но по настоянию других посланников фразу дополнили: «Как только явится уверенность в том, что турецкое правительство подчинится советам Европы». Турция заявила, что это вмешательство во внутренние дела государства. И что выполнять она ничего не будет.

24 апреля 1877 года император Александр II подписал манифест об объявлении войны Турции. И на этой войне ярко засияла звезда генерала Михаила Скобелева. Не последнюю роль в его судьбе сыграл Константин Петрович фон Кауфман. За год до турецкой войны он писал министру Милютину из далекого Ташкента о том, что там происходит. И казалось бы, где Балканы, а где Азия. Но нет. Все настолько тесно связано, все переплетено, и неизбежность войны в Европе ощущается даже тут, и влияние Турции.

«К. П. Кауфман – Д. А. Милютину

Ташкент. 2 ноября 1876 г.

...Генерал Скобелев ведет дело оч[ень] хорошо. Он серьезно занялся управлением страны. Летом нынешнего года он оказал великую услугу умиротворением кочевников на Алае и совершил это можно сказать без выстрела. Всякий другой мог бы и не понять моих требований – избегать военных действий. Генерал Скобелев доказал кара-киргизам, что они не могут с нами драться, не найдут нигде себе убежища от нас. Войска наши перенесли трудности в этом горном походе невероятные; никогда на Кавказе не приходилось переваливать войскам через такие высокие перевалы,

как напр[имер] 14 400'. Они еще раз доказали, что в руках хорошего начальника они способны делать чудеса. Военная прогулка на Алае была подвигом, заслуживающим великой похвалы. Кара-киргизы смирились, но для того, чтобы иметь возможность ходить в горы с значительными отрядами, без затруднений и в кратчайшее время, разрабатывается дорога из Гульчи в долину Кизил-Су.

Время настает быть может оч[ень] трудное. Я только что получил известие, что в Бухару прибыли какие-то люди из Константинополя, навезли много газет и распустили их в народ, который наслаждается, читая все о победах мусульман над кафирами. Подготовка эта может нехорошо отозваться. Народ здесь оч[ень] восприимчив и события совершаются чрезвычайно быстро.

Мне неизвестно теперь как складываются дела в Европе, но по всему надо полагать, что будет война. Если действительно это так, то здешние войска надо усилить. Мы бы могли совершить отсюда такую демонстрацию со стороны Алая, которая могла бы дать выгодный оборот для нас английской политике. Само собою, что надо выслать сюда раннею весною, по крайней мере одну дивизию пехоты с бригадою артиллерии и бригадою казаков. Если, одновременно с нами, Кавказская армия могла бы двинуть часть войск в Мерв, тогда, может случиться, что англичане двинутся к Герату, а это, по мнению моему, даст индийскому населению мысль о восстании. Для англичан это могло бы быть гибелью; едва ли они решатся рисковать Индиею. Вопрос для них слишком серьезный. Наша демонстрация – это такая сила, о которую разобьется вся нынешняя политика Англии. Впрочем, я не знаю, как она стоит в эту минуту. Газеты все врут, да и читаем мы их месяцем позже, а меня ни о чем не извещают. Между тем, казалось бы, забывать нас не следует.

При настоящих обстоятельствах в Европе, я конечно молчу о своей личности, не время беспокоить собою государя императора, я как солдат, должен быть готов в такое время несмотря ни на что, идти куда царь укажет, сидеть где царь повелит и потому всякий вопрос о личности моей – устраняю. Но Вы поймете, Дмитрий Алексеевич, каково мне будет сидеть здесь без другого дела, кроме наблюдения за эмирами, когда другие будут драться на турецких или на других европейских полях»^[270].

Но уже в 1878 году Константин Петрович осознал, что не «наблюдение за эмирами» было его основной задачей. Вовсе нет. Он

должен был стать кошмаром для англичан.

Глава 15

В Лондоне долго не верили, что Россия начнет войну, но когда стало ясно, что Петербург решение принял, то еще до оглашения манифеста, 19 апреля 1877 года, министр иностранных дел Англии лорд Дерби отправил ноту Горчакову. В ней говорилось, что русский император «отделился от европейского соглашения» и что последствия такого поступка будут весьма непредсказуемыми. Как всегда – Россия виновата во всем уже потому, что она Россия. Горчаков просто не стал отвечать на депешу. Тогда лорд Дерби вручил русскому послу в Лондоне ноту, где говорилось о том, что если военные действия перекинутся на некоторые страны, то Англия перестанет занимать нейтральную позицию и вступит в войну России с Турцией. Понятно, на чьей стороне. Места в ноте были перечислены – половина географической карты. Суэцкий канал, Египет, Константинополь, Босфор, Дарданеллы и Персидский залив.

Горчаков в ответ написал (есть немало историков, которые пишут, что он просто струсил, а англичане блефовали, воевать им было нечем и некому), что Российская империя признает Суэцкий канал важным для всемирной торговли и понимает, что там есть английские интересы и что войны там не будет. И на Персидский залив русское правительство не претендует. В итоге военное ведомство даже отдало приказ отозвать русские эскадры из Атлантики, из Средиземного моря и с Балтики. А их присутствие могло серьезно изменить ход войны. Удары по турецким морским коммуникациям неизбежно подорвали бы тыл противника. Но воевать пришлось на суше. Существует мнение, что Петербург мог легко наплевать на все крики из Лондона. И ничего не произошло бы. Все равно англичане не влезли бы в войну. Однако события 1878 года, когда русско-британская война все же чуть не началась, показывают обратное. Так что в Российской империи имели основания опасаться войны на два фронта, к чему страна была не готова.

О Русско-турецкой войне 1877–1878 годов написаны сотни книг, опубликованы десятки мемуаров. И пожалуй, нет смысла тут подробно разбирать ход кампании. Поэтому лишь вкратце напомним, как она протекала. В ночь с 14 на 15 июня 1877 года русская армия форсировала Дунай и вошла в Северную Болгарию, громя гарнизоны и разрозненные отряды противника. В очередной раз в истории

русско-турецких отношений все заканчивалось типично: русские начинали лупить армию Османской империи, руководители которой до войны обещали уничтожить этих русских гяуров буквально одним полком. Русских солдат болгары встречали как освободителей. Люди плакали от счастья, понимая, что все закончилось: не надо больше бояться этнических чисток, карателей, что жизни их детей больше ничто не угрожает. Болгары видели, что их шли освободить такие же православные славяне. Другое дело, что болгарская политика потом не была наполнена благодарностью к России. В двух мировых войнах Болгария сражалась против России, политика Болгарии сегодня тоже, скажем так, не слишком русофильская. Но это политика и политики. А обычные люди, болгары, и сегодня помнят, кто и какой ценой спас их от турецкого гнета. И гениальный Федор Достоевский писал, что, конечно, «братские» народы нас же первыми и предадут, но нет у России другого цивилизационного пути, нет другого выбора, кроме как встать на защиту славян и христианства. И война эта не столько за Болгарию и Сербию. Она за Россию.

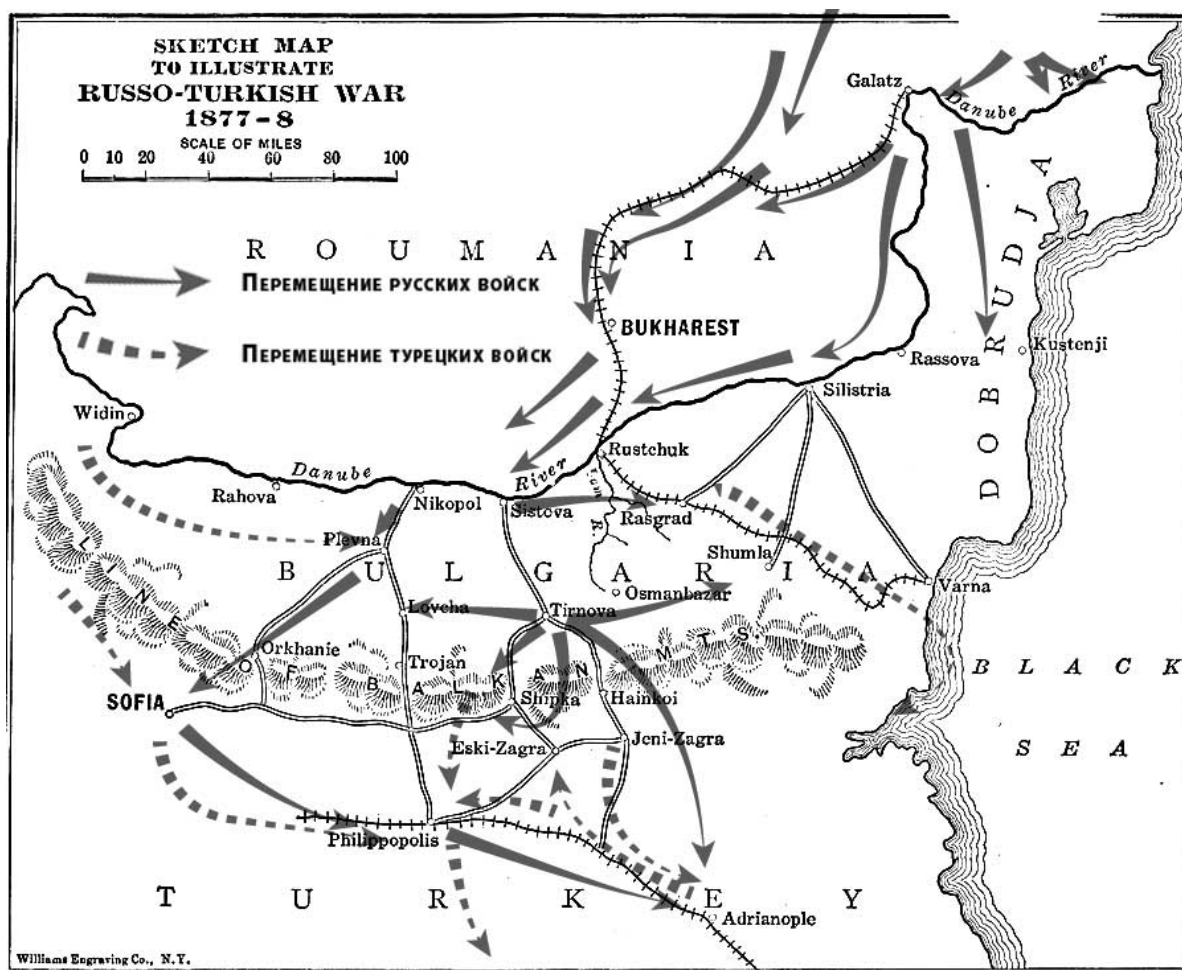
«Оставить славянскую идею и отбросить без разрешения задачу о судьбах восточного христианства значит, все равно что сломать и вдребезги разбить всю Россию, а на место ее выдумать что-нибудь новое, но только уже совсем не Россию. Идею эту не видят и не признают теперь разве уж самые слепые из русских европейцев, да вместе с ними, и к стыду их, биржевики. Биржевиками я называю здесь условно всех вообще теперешних русских, которым, кроме своего кармана, нет никакой в России заботы, а потому взирающих на Россию единственно с точки зрения интересов своего кармана. Они кричат теперь хором о торговом застое, о биржевом кризисе, о падении рубля. Но если б эти биржевики наши были настолько дальновидны, чтоб понимать кое-что вне своей сферы, то они бы и сами догадались, что если б Россия не начала теперешнюю войну, то было бы им же хуже. Чтоб были “дела”, даже биржевые, надо, чтоб нация жила в самом деле, то есть настоящею живою жизнью и исполняя свое естественное назначение, а не была бы гальванизированным трупом в руках биржевиков. Если б мы не начали теперешней войны после всех цинических и обидных нам вызовов врагов наших и если б мы не помогли истязуемым мученикам, то сами же себя стали бы презирать. А самопрезрение, нравственное падение и за ним цинизм – мешают даже “делам”. Нации живут великим чувством и

великою, всех единящею и все освещающею мыслью, соединением с народом, наконец, когда народ невольно признает верхних людей с ним заодно, из чего рождается национальная сила – вот чем живут нации, а не одной лишь биржевой спекуляцией и заботой о цене рубля. Чем богаче духовно нация, тем она и материально богаче...»^[271].

Еще раз внимательно прочтите этот отрывок. Он, правда, про Россию 19 века? Или это все по-прежнему про нас, про современных людей? И возмущенные операцией в Сирии и поддержкой Донбасса биржевики, и самопрезрение. Русский историк и публицист Константин Аполлонович Скальковский (на самом деле, он был, прежде всего, блестящим горным инженером) очень точно выразил суть войны против Турции в статье, посвященной Горчакову.

«Существует мнение, что войны 1853–1856 годов и 1876–1877 годов были делом прихоти. Русские будто бы взяли да и пошли бить бедного турку. Так толковать мировые события невозможно. Эти две войны, тяжелые для нас – потому, что мы наделали кучу ошибок по части дипломатии, финансов, генерального штаба, интендантства и так далее, оказались, как всегда, не готовыми к войне и в выборе лиц руководились фавором и протекцией – в сущности были неизбежны и необходимы. Это лишь два звена в той цепи войн, которая началась еще с Куликовской битвы и окончится лишь тогда, когда славянская рать в том или в другом виде приведет Россию к открытым морям. Люди с узкими воззрениями смеются, что у нас есть интересы в Сирии, и в Малой Азии, и в Афганистане, и в Индии, и в Китае. Но почему же не кажется им странным поведение англичан, которые свои интересы отыскивают и преследуют и в Южной Африке, и на разных островах Австралии и в Бирме, хотя никакого отношения эти места собственно к границам Великобритании не имеют. Между тем теперь, не держа в руках прямо или косвенно Дарданелл, мы всю южную границу России оставляем без защитную от внезапного нападения»^[272].

И снова – это будто про нас. Люди с узкими воззрениями снова смеются. И снова клеймят Россию.

Карта Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Наступление в 1877 году первое время шло удачно и стремительно. Хотя армия к войне с материально-технической точки зрения была очень плохо подготовлена. В составе русской армии воевали и подразделения болгарского ополчения, состоявшего из шести батальонов. Русские войска продвигались на юг, чтобы в кратчайшие сроки занять горные проходы через Балканы и выйти на оперативные просторы в Южную Болгарию. Особенно важно было занять Шипкинский перевал, откуда шла кратчайшая дорога на Адрианополь. И сначала это удалось – десятитысячный отряд под командованием генерала Иосифа Владимировича Гурко после двухдневных ожесточенных боев перешел хребет, вышел на южную сторону и овладел древней болгарской столицей городом Тырново. Турецкие войска в панике отходили. Но 7 июля турецкий отряд под командованием Осман-паши, переброшенный от сербской границы, после марш-броска занял крепость Плевну в Северной Болгарии. Из-за угрозы флангового удара движение русских войск через Балканы было приостановлено, а попытки выбить османов из Плевны

успехом не увенчались. Началась осада Плевны, а турки перешли в наступление по всему фронту, чтобы выбить русских из Южной Болгарии.

В августе начались кровопролитные бои за Шипку – город, прикрывающий южный вход в Шипкинский перевал. Турки наступали при пятикратном превосходстве, русские солдаты отбивали по 10–14 атак в день. Но в итоге Шипкинский проход остался в руках русских. Руководил героической обороной генерал Федор Радецкий. Под Плевной русская армия несла тяжелые потери. Прибывший туда герой Севастополя генерал-инженер Эдуард Иванович Тотлебен пришел к выводу, что крепость не взять и выход один – полная блокада крепости.

Пришла осень, потом зима, Плевна оставалась в руках турок, русские держали Шипку. Но какой ценой! До 400 человек в день получали обморожения. С сентября по декабрь 1877 года на Шипке от болезней и обморожений умерли 9,5 тысячи человек.

В конце ноября у турецкого корпуса в Плевне закончилось продовольствие. Командующий Осман-паша приказал прорываться, но столкнулся с жестким сопротивлением русских. 28 ноября 1877 года Плевна была взята. У русских в плену оказались 43 тысячи турецких солдат. Это был перелом. И русское командование приказало, чтобы не терять оперативной инициативы, идти через Балканы, в снег и стужу, в холод, по опасным перевалам, не дожидаясь весны. Потому что турки и рассчитывали на то, что русские этого не сделают.

13 декабря главные силы русской армии во главе с генералом Иосифом Гурко вышли через перевал Чурьяк в поход на Софию. Шел то дождь, то снег, оттепель сменялась морозом, потом снова оттепелью, мела метель, а потом все снова замерзло. В некоторые дни температура падала до минус 25 °С. Солдаты тащили пушки на руках, лошадей вели так, чтобы они не переломали ноги. Турки не ожидали от русских такого ужасного коварства. После 8-дневного перехода отряд Гурко спустился в Софийскую долину, повернул на запад и 19 декабря выбил в упорном бою турок с Ташкесенской укрепленной позиции. 23 декабря 1877 года русские войска освободили Софию и двинулись на Филиппополь, ныне это город Пловдив.

Тем временем войска Южной группы войск генерала Федора Федоровича Радецкого, именно под его командованием сражался на той войне генерал Михаил Скобелев, перешли Балканы в таком же

отчаянном марше через обледенелые хребты, над глубокими пропастями, и с ходу ударили в тыл укрепленного турецкого лагеря в районе Шейново, откуда турки блокировали Шипку. Как раз Скобелев (который вовсе не командовал всей группировкой войск, как заблуждаются многие, прочтя сомнительные по качеству и фактуре исторические детективы) тут применил тактику, весьма не характерную для того времени. Тем более с учетом его личного боевого опыта, когда в Азии русские солдаты шли в наступление колоннами или в каре, оцетинившись штыками. А на войне против турок, у которых была хорошая артиллерия и мощное стрелковое вооружение, по его приказу солдаты атаковали цепями и быстрыми перебежками. В результате боев у Шипки и Шейново 27–28 декабря 1877 года была разбита и капитулировала 30-тысячная турецкая группировка.

Вообще вторая половина войны – это торжество русского духа и русского оружия. Русская армия воевала отчаянно. В бою под Филиппополем отряд графа Шувалова перешел вброд реку Марицу в 8-градусный мороз и, закрепившись на берегу, провел затяжной позиционный бой. А в это время остальные силы также вброд переходили реку. Отступавшую турецкую армию просто безжалостно добивали. Лейб-гвардии Литовский полк в ночной атаке ворвался в ряды отходивших военных и вырубил пехотную бригаду, захватив 23 орудия. А утром 7 января полторы турецкие дивизии у Караджалара атаковал Донской полк генерала Грекова.

Пока турок добивали у Филиппополя, группировка Радецкого тоже не теряла времени. Скобелев отправил свою конницу в глубокий рейд на Адрианополь. Это были три полка 1-й кавалерийской дивизии под командованием генерала Струкова. 2 января драгуны захватили железнодорожный узел Семенли. Турецкая армия оказалась отрезанной от коммуникаций. Струков шел по тылам противника, захватывал склады продовольствия и вооружения. 8 января мощная крепость Адрианополь была захвачена без боя. Хотя в крепости было 70 исправных орудий, защищать ее было некому. Турки просто разбежались. Вскоре обе русские группировки соединились и двинулись в сторону Константинополя.

Война шла и в Закавказье, где группировкой командовал Михаил Таризелович Лорис-Меликов. Русские войска отбили у турок крепости Баязет, Ардаган, нанесли серьезный удар турецкой армии и 6 ноября 1877 года взяли крепость Карс. Позднее русская армия овладела Батумом и блокировала Эрзерум. А дальше, после русских

побед на Балканах и успехов на Кавказе, разгром турецкой армии стал очевиден для всех. Зимний переход русской армии через Балканы сильно повлиял на моральное состояние турок. То есть они просто не поверили, когда русские свалились им на голову, когда их никто не ждал. Воевать с таким коварным и суровым противником, поняли турецкие полководцы, им не так нравится, как резать мирных болгар. Турецкое правительство попросило Лондон о мирном посредничестве, но Россия отказалась – какие тут нам посредники? Мы и сами справляемся.

Хотя вопрос «что делать с проливами и Константинополем» для русского командования и правительства империи оставался открытым. Как часто бывает в России, стратегический план действий отсутствовал. Сначала победим, а там разберемся. И генералы с дипломатами видели ситуацию совершенно по-разному. Еще в конце декабря 1877 года командующий русской армией на Балканах Великий князь Николай Николаевич, брат царя, получил от турецкого военного министра Реуф-паши телеграмму. Турки хотели узнать – на каких условиях может быть заключено перемирие. На что Николай Николаевич ответил, что он тут ни при чем и все решает император.

2 января 1878 года уже он сам, то есть Александр II, получил телеграмму от султана Абдул Гамида II. Тот сообщал, что он глубоко скорбит об обстоятельствах, вызвавших войну, и теперь он назначил представителя для переговоров и очень надеется, что русский император прикажет прекратить военные действия. На что Александр II ответил – он не менее султана желает мира, но пока Турция не примет предварительных условий, ничего не получится.

Но переговоров требовали и британские дипломаты. А еще они требовали русских гарантий, что военные действия не затронут берега проливов. Александр II пишет брату:

«Пока уполномоченные турецкие не примут безусловно наших предварительных кондиций для мира, о перемирии и речи быть не может и военные действия должны продолжаться со всевозможною энергиею. Да поможет нам Бог довершить начатое святое дело, как мы того желаем для пользы и достоинства России».

8 января 1878 года послы все же приехали к Великому князю Николаю Николаевичу, и он огласил им предварительные условия мира. Выглядели они так:

Болгария в пределах болгарской национальности и никак не меньших против тех, что были намечены константинопольской Конференцией, составит автономное княжество, платящее дань султану, но пользующееся христианским народным правлением, народной милицией, с выводом из ее пределов турецких войск.

Черногория, Румыния и Сербия признаются не зависимыми от Турции и получают за счет нее земельное приращение.

Боснии и Герцеговине даруется автономное управление с достаточными гарантиями, при ближайшем участии в определении их соседней с ними Австро-Венгрии.

Такие же преобразования вводятся во всех прочих подвластных Турции областях с христианским населением.

Турция отдает России участок Бессарабии, крепости Ардаган, Карс, Баязет и Батум с их округами. Ну и платит денежную контрибуцию. Узнав условия, послы сказали, что это «конец Турции». На следующий день они дали ответ, что готовы принять часть условий, и то с оговорками. Николай Николаевич пояснил им, что сейчас у Турции не та ситуация, чтобы торговаться, и что Россия продолжит войну, даже если турки примут все условия, пока Александр лично не прикажет боевые действия остановить.

Он отправил царю телеграмму, где написал:

«...Ввиду быстро совершающихся событий, неожиданно скорого движения наших войск, возможного в эту же минуту занятия нами Адрианополя и неоднократно высказанного тобою желания о безостановочном движении вперед наших войск, испрашиваю, как мне поступить в случае подхода моего к Царьграду, что легко может случиться при панике, которою объято турецкое население от Адрианополя до Стамбула включительно, а также что делать в следующих случаях: 1) Если английский или другие флоты вступят в Босфор? 2) Если будет иностранный десант в Константинополе? 3) Если там будут беспорядки, резня христиан и просьба о помощи к нам? 4) Как отнестись к Галлиполи (Галлиполийский полуостров, на проливе Дарданеллы. – Прим. авт.), с англичанами и без англичан?»^[273].

Русские генералы, да и командующий, были уверены, что не стоит долго ждать ответа от турок и надо идти на Константинополь, а если получится, то и занимать его.

«Сами уполномоченные Порты говорят, что их дело и существование кончены, и нам не остается ничего другого, как занять Константинополь. При этом, однако, неизбежно занятие

Галлиполи, где находится турецкий отряд, чтобы предупредить, если возможно, приход туда англичан и при окончательном расчете иметь в своих руках самые существенные пункты для разрешения вопроса в наших интересах».

Военный министр Дмитрий Милютин писал в дневнике, что известие о срыве переговоров с турками и возможном взятии древней столицы Византии царя обрадовало, он даже сказал: «Если суждено, то пусть водружают крест на Св. Софии!»

12 января император отправил брату телеграмму:

«Изложенные в трех твоих шифрованных телеграммах от 10-го января соображения относительно дальнейшего наступления к Константинополю я одобряю. Движение войск отнюдь не должно быть останавливаемо до формального соглашения об основаниях мира и условиях перемирия. При этом объяви турецким уполномоченным, что если в течение 3-х дней со времени отправления ими запросной телеграммы в Константинополь не последует безусловного согласия Порты на заявленные нами условия, то мы уже не признаем их для себя обязательными. В случае, если условия наши не приняты – вопрос должен решиться под стенами Константинополя.

В разрешение поставленных тобою на этот случай четырех вопросов предлагаю тебе руководствоваться следующими указаниями:

По 1-му. В случае вступления иностранных флотов в Босфор войти в дружественные соглашения с начальниками эскадр относительно водворения общими силами порядка в городе.

По 2-му. В случае иностранного десанта в Константинополе избегать всякого столкновения с ним, оставив войска наши под стенами города.

По 3-му. Если сами жители Константинополя или представители других держав будут просить о водворении в городе порядка и охранения личности, то констатировать этот факт особым актом и ввести наши войска.

Наконец, по 4-му. Ни в каком случае не отступать от сделанного нами Англии заявления, что мы не намерены действовать на Галлиполи. Англия, со своей стороны, обещала нам ничего не предпринимать для занятия Галлипольского полуострова, а потому и мы не должны давать ей предлога к вмешательству, даже если бы какой-нибудь турецкий отряд находился на

полуострове. Достаточно выдвинуть наблюдательный отряд на перешеек, отнюдь не подходя к самому Галлиполи.

Ввиду твоего приближения к Царьграду, я признал нужным отменить прежнее распоряжение о съезде уполномоченных в Одессе, а вместо того приказал генерал-адъютанту графу Н. П. Игнатьеву немедленно отправиться в Адрианополь для ведения совместно с Нелидовым предварительных переговоров о мире в главной квартире»^[274].

В тот же день граф Игнатьев выехал из Петербурга. А русские войска в это время стояли уже совсем рядом с Константинополем, и султан приказал своим дипломатам немедленно принять все русские условия. Он отправил телеграмму еще и Александру II, а тот приказал брату «ускорить заключение перемирия, дабы отвратить нарекания. Приближение к Константинополю не должно отнюдь входить в наши виды, коль скоро Порта приняла наши условия». 19 января 1878 года предварительные условия мира были подписаны, хотя по воспоминаниям турецкий дипломат Намык-паша долго не мог решиться подписать протокол, который он считал смертным приговором Османской империи.

А в Лондоне на все происходящее смотрели с ужасом. Русские занимали стратегические позиции на Балканах. «Если русские возьмут Константинополь, королева будет так оскорблена, что, наверное, сразу отречется от престола». Это королева Виктория писала премьеру Дизраэли. Принцу Уэльскому она заявляла: «Я не думаю, что обойдется без схватки с... этими отвратительными русскими... что состоятся какие-либо соглашения или что мы когда-либо станем друзьями! Они будут всегда нас ненавидеть, а мы никогда не сможем им доверять». Надо было что-то делать, как-то не позволить русским выиграть войну. Как-то поучаствовать в разделе османского наследства. Для англичан покорение Константинополя русской воле и русский контроль, хотя и косвенный, над проливами и Балканами, были равносильны смерти империи. Это означало, что дальше британское владычество вообще на всем Востоке будет зависеть уже полностью от российской доброй воли. Британская империя по сути своей, особенно после Сипайского восстания, была карточным домиком. Хоть и очень прочным на вид. Имперские власти удерживали только ключевые пункты на побережьях и в различных провинциях. Но фактически Индия была конгломератом полузависимых княжеств, которая держалась на системе непрямого

управления. И в такой ситуации любое нарушение связей между колонией и метрополией могло быть губительно.

11 января 1878 года британский кабинет министров принял решение отправить флот в Дарданеллы. Лорд Дерби заявил русскому послу Шувалову, что это делается (внимание!) для обеспечения безопасности проживающих в Константинополе англичан, а то вдруг турки начнут погромы. А Дизраэли призвал все великие державы последовать примеру Англии и тоже послать флоты в проливы.

Понятно, что в английскую версию никто не поверил. И всем было ясно, что отправка эскадры сразу же после заключения перемирия между Россией и Турцией нарушает все международные договоры и обязательства самой Англии. 29 января Александр продиктовал телеграмму главнокомандующему:

«Из Лондона получено официальное извещение, что Англия на основании сведений, об опасном будто бы положении христиан в Константинополе, дала приказание части своего флота идти в Царьград для защиты своих подданных. Нахожусь необходимым войти в соглашение с турецкими уполномоченными о вступлении и наших войск в Константинополь с тою же целью. Весьма желательно, чтобы вступление это могло исполниться дружественным образом. Если же уполномоченные воспротивятся, то нам надобно быть готовыми занять Царьград даже силою. О назначении числа войск предоставляю твоему усмотрению, равно как и выбор времени, когда приступить к исполнению, приняв в соображение действительное очищение турками дунайских крепостей».

Но Горчаков и Милютин уговорили царя изменить текст, и в итоге была отправлена другая телеграмма, где было уточнено – занять Константинополь русскими войсками можно, только если англичане попытаются высадить десант.

«В случае, если бы англичане сделали где-либо вылазку, следует немедленно привести в исполнение предположенное вступление наших войск в Константинополь. Предоставляю тебе в таком случае полную свободу действий на берегах Босфора и Дарданелл, с тем, однако же, чтобы избежать непосредственного столкновения с англичанами, пока они сами не будут действовать враждебно».

О телеграмме стало тут же известно – позицию царя озвучил МИД, и в Лондоне поднялась новая волна паники. Глава английского Форин-офиса лорд Дерби запросил Горчакова, зачем Россия хочет захватить Константинополь. Горчаков ответил, что по той же самой

причине, по какой британское руководство отправляет эскадру. Но русское правительство считает своим долгом покровительствовать не только своим подданным в Царьграде, но и всем христианам вообще. А еще Горчаков напомнил англичанам, что их эскадра хочет войти в проливы без разрешения Османской империи, и поэтому нечего Лондону грозить русским войной: *«Пусть британское правительство поступает, как ему угодно. История, а быть может, и современники изрекут свой приговор этому полному отсутствию логики и этому презрению ко всеобщему миру».*

Но Лондон решил идти до конца, и англичане заявили, что английская эскадра войдет в Босфор и Дарданеллы, даже если для этого придется применить силу. 31 января 1878 года Александр II телеграфировал турецкому султану:

«Я только что получил телеграмму вашего величества от сегодня в полдень. Я остаюсь в прежнем дружественном и миролюбивом расположении, но мне трудно согласовать то, о чем вы меня просите, с сообщением, полученным от английского правительства. Оно дает мне знать, что, несмотря на отказ в фирмане, часть английского флота войдет в Босфор для ограждения жизни и имущества британских подданных. Если английская эскадра вступит в Босфор, мне нельзя будет не ввести временно в Константинополь часть моих войск. Ваше величество обладаете в слишком высокой степени чувством собственного достоинства, чтобы не сказать себе, что если произойдет вышеозначенный случай, то я не могу поступить иначе».

Все последующие недели шла дипломатическая переписка, бумажная война – султан умолял англичан не вводить эскадру и не ссорить его с русскими, русских он умолял не вводить войска в Константинополь. Лондон отвечал, что беспокоится о безопасности христиан, а Петербург отвечал, что если англичане хоть одного человека высадят на берег, Константинополь падет. Султан оказался в сложном положении, его страна могла превратиться в театр военных действий, причем ему пришлось бы выбирать, на чьей стороне – России или Англии – быть. Постоять в сторонке не вышло бы.

Русские дипломаты уговаривали султана вместе выступить против англичан и дать разрешение на занятие Константинополя. Но он такого разрешения не дал, и перемирие позволило туркам укрепить группировку на подступах к столице. А британская эскадра находилась в пятидесяти милях в заливе Мраморного моря. Русская

армия, по договоренности с турками, заняла местечко Сан-Стефано, чтобы контролировать подходы к столице.

А тем временем произошло следующее: увидев, что Россия завязла в дипломатической возне, и, видимо, не без консультаций с Лондоном, 23 января 1878 года австрийский министр иностранных дел Андраши предложил Горчакову собрать в Вене конференцию по Балканам. И сам тут же разослал приглашения правительствам всех великих держав. Горчаков написал ему в телеграмме:

«Россия несла одна всю тяжесть войны, и дорого обошлись ей победы, которые сломали упорство турок и вынудили их подчиниться воле Европы. Она имела бы преимущественное право пригласить уполномоченных прочих держав собраться в Петербурге, но русский двор не руководится в данном случае побуждениями честолубия или тщеславия. Он предпочитает созвать конференцию в каком-либо городе, не принадлежащем ни одной из великих держав, с тем, чтобы приняли в ней участие сами первенствующие министры, руководящие политикою своих государств»^[275].

Бисмарк выразил готовность содействовать в проведении конференции. А тем временем 19 февраля 1878 года в Сан-Стефано был подписан мирный договор между Россией и Турцией. Предварительный. Он совершенно менял европейскую карту и расстановку сил. У Турции оставались Константинополь, Адрианополь, Солунь, Эпир, Фессалия, Албания, Босния и Герцеговина. Вся Болгария становилась княжеством, со своей милицией и народным самоуправлением. Турецкие войска должны были покинуть Болгарию. Русские войска оставались там на два года. Турция признавала независимость Черногории, Румынии и Сербии. Контрибуция России состояла из земельных уступок и выплаты 310 миллионов рублей. Великий князь Николай Николаевич писал в телеграмме брату:

«Имею счастье поздравить ваше величество с подписанием мира. Господь сподобил нас, государь, окончить предпринятое вами великое, святое дело. В день освобождения крестьян вы освободили христиан из-под ига мусульманского».

Казалось, что это победа. Но вот именно казалось. Англия категорически отвергла саму возможность признания договора в таком виде. И на Берлинский конгресс – а Бисмарк предложил провести его именно там – согласилась ехать только при условии того, что там Сан-Стефанские соглашения будут подробно

обсуждены. Австро-Венгрия тоже возмутилась договором. Она ведь хотела половину Балкан получить себе.

Россия стала готовиться к войне с Австро-Венгрией, но в первую очередь с Англией. Царь писал брату в телеграмме:

«Ввиду явно враждебного расположения Англии, которая ищет предлогов к разрыву, необходимо приостановить отправление гвардии и гренадер и принять решительные меры к воспрепятствованию прорыва англичан через Босфор. Прошу тебя, не теряя времени, обдумать во всей подробности и сообщить мне твой план действий. Можно ли надеяться на содействие турок или исполнить помимо их?»

Военная элита России в тот момент почти не сомневалась, что война начнется в ближайшие несколько месяцев. Русско-британская война, и еще неизвестно, на чью сторону встанут Турция и Австрия. Что скажет Германия? На самом деле, если бы политическое руководство действовало решительнее и жестче, то многих проблем можно было бы избежать. Стоило, вероятно, не рассуждать, а с ходу занять Константинополь, и уже потом оттуда вести переговоры с Лондоном. Но, повторюсь, стратегическое долгосрочное планирование и тщательный анализ – это слабое место российской политики. 18 марта 1878 года Александр телеграфирует Николаю Николаевичу:

«Разрыв с Англией почти неизбежен. Мы должны неотлагательно все приготовить к решительным действиям и только тогда, когда все будет готово, потребовать от Порты категорического ответа: как намерена она действовать в случае враждебных действий Англии? Если заодно с нами, то немедленно должна передать в наши руки укрепления Босфора, по крайней мере, на европейском берегу, и войти с тобою в соглашение о распределении ее военных сил. Если же она сочтет себя слишком ослабленною для участия в войне против Англии, то должна, сдав нам означенные укрепления, прекратить все вооружения, распустить или удалить войска, затрудняющие наши действия, разоружить остающиеся в Черном море суда и поставить их в те порты, которые будут нами указаны, и воспретить своим подданным всякое участие во враждебных нам действиях. В том и другом случае мы не должны вступать в самый Константинополь, но утвердиться только на берегах Босфора, заняв несколько пунктов, чтобы эшелонировать заграждения».

Но война не началась. Потому что Бисмарк все же собрал в Берлине международный конгресс, и России ничего не оставалось, как согласиться на пересмотр Сан-Стефанского договора, потому что воевать с Англией уже было бессмысленно. В отличие от русских, у англичан с планированием всегда все было отлично. Как и с умением интриговать. Пока русский царь с братом обсуждал, добивать Турцию или нет и с кем она вступит в союз в случае англо-русской войны, 23 мая Англия подписала секретный договор с Турцией об оборонительном союзе, так называемую Кипрскую конвенцию. Великобритания получила право на оккупацию Кипра, право контролировать проведение турецким правительством реформ в Малой Азии. Но взамен Лондон обязался «силой оружия» сохранить границы в Азии, если Россия потребует их исправления вне пределов, определенных в Сан-Стефано. Заодно англичане заключили соглашение с Австрией, которое определило общую линию поведения на конгрессе в Берлине.

Русскому правительству не оставалось ничего, кроме как согласиться на пересмотр Сан-Стефанского договора. После долгих консультаций, после долгих переговоров в разных составах 1 июля был подписан Берлинский трактат. Болгария была разделена на три части: вассальное княжество от Дуная до Балкан с центром в Софии, автономную провинцию Турции Восточную Румелию и Македонию, которую просто вернули туркам. Фракия и Албания тоже остались за Турцией. Турция обязалась провести реформу местного самоуправления в некоторых христианских регионах. Была признана независимость Черногории, Сербии и Румынского княжества. Австро-Венгрия добилась права на оккупацию Боснии и Герцеговины. Россия отказывалась от Баязета и Алашкертской долины. Ей остались только Карс и Батуми, который должен был стать порто-франко (портом с режимом свободной торговли). Русские войска должны были покинуть Болгарию через 9 месяцев. Русскую победу растащили по кускам, и они достались европейским стервятникам. И вовсе не в силу коварства англичан. А в силу неумения планировать и нерешительности высшего руководства Российской империи.

Но нельзя сказать, что так уж совсем ничего не делалось. Попытка переломить ход событий была. Все же Большая Игра чему-то научила русских чиновников и военных. И пока шли переговоры с турками, пока готовился конгресс в Берлине, к Туркестане и

Афганистане разворачивалась шпионская интрига и шла подготовка в удару по британским владениям в Азии.

Это была совместная инициатива генерала Кауфмана и Милютин. В тот момент, когда английская эскадра разворачивалась в Мраморном море, в Петербурге на Особом совещании у императора Александра II обсуждали вопрос: не следует ли одновременно с подготовкой к противостоянию с Англией на сцене европейского театра военных действий предпринять меры военного характера на среднеазиатских границах империи. И мысль была логичная – раз англичане так боятся русского похода в Индию и постоянно пугают всех русской военной угрозой своей самой богатой колонии, то не стоит ли на самом деле нанести там удар. Обсуждали эту тему долго, но в итоге совещание пришло к выводу, что *«предпринимать большое военное движение к стороне Индии с целью решительно поколебать английское владычество в этой стране в настоящее время было бы неудобно и нежелательно, с одной стороны, потому что большинство военных сил империи необходимо иметь в готовности для других, еще более настоятельных потребностей, обусловленных настоящим политическим положением дел в Европе, а с другой – потому что оно повело бы к такому напряжению военных и финансовых средств государства, которое после принесенных громадных жертв только что оконченной победоносной войны было бы крайне тяжело для народа»*^[276].

Но при этом совсем от плана не отказались. Просто было решено не воевать с Англией в Азии, а создать видимость угрозы, предпринять *«некоторые военные меры, служащие как для военного обеспечения спокойствия в наших среднеазиатских областях и предохранения их от внешнего покушения, так и для того, чтобы военными приготовлениями нашими и высылкой отрядов к известным пунктам сделать такое впечатление на Англию, чтобы она могла опасаться за спокойствие своих владений в Индии и тем парализовать военные силы ее в этой стране»*.

План действий был выработан к 8 апреля 1878 года, и Милютин представил царю Доклад по Главному штабу о мерах, принимаемых на среднеазиатских границах на случай разрыва с Англией. 10 апреля император одобрил план военных, и в Туркестане началось движение войск. И важно понимать – в столице и правда полагали, что туркестанская операция будет только демонстрацией силы. Но можно говорить с уверенностью почти стопроцентной, что Константин Петрович фон Кауфман все воспринимал всерьез, как

реальный марш на Индию, как реальная война против англичан. Во всяком случае, все его действия в тот период показывают это. Вероятно, он полагал, что по сложившейся уже схеме он сначала введет войска в Афганистан или атакует английские части, а потом доложит в столицу, найдя своим действиям достойное объяснение. И это было не только мнение Кауфмана. Его сподвижник и ученик Михаил Скобелев составил набросок проекта похода на Индию еще в 1877 году, до отъезда на войну. Это было частное письмо Скобелева.

«Как бы счастливо ни велась кампания в Европе и Азиатской Турции, на этих театрах войны трудно искать решения восточного вопроса. Чистосердечное поведение Англии, согласное видам нашего правительства, насколько я понимаю вопрос, конечно, повело бы к удовлетворению законных требований наших, а потому, мне кажется, не следует разделять понятия о войне с Англией. Англия, не объявляя нам формально войны, но, посылая своих офицеров в турецкие ряды и помогая Турции средствами, тем самым будет находиться с нами в войне.

Не лучше ли воспользоваться нашим новым, могущественным, стратегическим положением в Средней Азии, нашим сравнительно гораздо лучшим против прежнего знакомством с путями и со средствами в обширном смысле этого слова в Азии, чтобы нанести действительно нашему врагу смертельный удар, в том случае (сомнительном), если явные признаки того, что мы решились действовать по самому чувствительному для англичан операционному направлению не будут достаточны для того, чтобы побудить их к полной уступчивости.

Не мне, конечно, позволительно обсуждать, с какими средствами можно оборонять Закавказье от вторжения турецкой армии, а также насколько беспомощное положение христианского населения в Турции дозволило бы, в случае объявления войны, дунайской армии оставаться в безусловно оборонительном положении; но, во всяком случае, беру на себя смелость высказать убеждение:

1) Что если вторжение в Индию с 18 тысячным корпусом, при современном состоянии английской власти в Азии, представляется делом хотя и рискованным, но возможным и желанным, то таковое вторжение с 50 тысячным корпусом никакого риска не представляет.

2) Что на Каспийском море с ранней весны мы обладаем всеми средствами к быстрому сосредоточению 30 тысячного отряда в Астрабаде и обеспечению его необходимым продовольствием.

3) Что страна от Астрабада к Герату и к Кабулу представляется во всех отношениях удобною для движения значительных сил. При соответствующем политическом давлении на Персию, можно будет базироваться в продовольственном отношении на Хоросан (Закавказье, Закаспийский отдел и Персия дадут средства передвижению).

4) Что туркестанский военный округ, при усилении его 6-ю полками сибирского казачьего войска, 3-мя полками оренбургского войска, 6-ю ротами пехоты и 1-ю батареей из Западной Сибири (войска эти могут прибыть в Туркестан, т. е. Ташкент к весне) может выдвинуть до 18,000 для наступления к Кабулу с соответствующей артиллерией.

5) Что движение из Самарканда к подножию Гиндукуша возможно и что переход от Хулума, через Хейбек, Курем, Бамиан и перевалы Кара-Котель, Дентан-Шикен, Ак-Робак, Калуйский, Хаджигакский и Унна, в долину реки Кабул-Дарья, также возможен. Хотя и есть указания на то, что полевая артиллерия (батарейные орудия) проходила через эти перевалы без приспособлений, Шир-Али в настоящее время не доволен англичанами.

Английских войск в Индии едва ли более 60,000 при соответствующей артиллерии и, что войска из туземцев скорее угроза, чем поддержка для своих властителей.

Даже прикосновение к границам Индии незначительных сил может иметь результатом поголовное восстание в стране и гибель Британской империи.

В настоящую минуту, казалось бы, следовало обратить на все вышеизложенное внимание.

27-го января 1877 года.

Город Коканд, без 10 м. 1 ч. Утра»^[277].

Был и другой проект Скобелева, который более широко известен, он работал над ним в Болгарии. И это проект с детальной проработкой похода, с расписанными маршрутами, количеством необходимых сил и средств. Скобелев был уверен, что рано или поздно Российская империя неизбежно столкнется с Англией. И надо быть к этому готовыми.

В значительной степени действия и предложения Кауфмана в 1878 году были схожи с тем, что предлагал Скобелев. Вероятно, они

не раз говорили на эту тему, идея была близка обоим генералам. В январе 1879 года Кауфман представил Милютину «Общий очерк положения дел в 1878 году на границах Туркестанского военного округа и в азиатских владениях с ним сопредельных», где он подробно описал, какие действия были им предприняты для создания давления на Англию. И сами судите, насколько это похоже на письмо Скобелева.

«В предписании 13 апреля № 10 г-на военного министра было передано высочайшее повеление о тех мерах, которые должны были быть приняты в крае на случай разрыва с Англией.

Этими мерами были: 1. Усиление войск края, 2. Соответствующие сношения с владельцем Афганистана, 3. Высылка отрядов к Шир-абаду и к Мерву и 4. Отправление эмиссаров в Афганистан и в северную часть Индии.

Для усиления войск края еще 10 апреля, в день получения телеграммы о сем, сделаны были распоряжения о призыве запасных чинов в округе и сформировании резервных рот, как из запасных, так и из сверхкомплекта. Всех резервных рот было сформировано 15, а именно: в Семиреченской области – 4, в Ташкенте – 2, в Ферганской области – 3, в Зеравшанском округе – 4 и в Аму-дарьинском отделе – 2. Кроме того, сформированы были: в г. Ташкенте 2 резервных (№ 1 и № 2) батареи 4 и 1 ракетная полубатарея.

Сосредоточение войск к г. Самарканду и к пограничному нашему пункту – урочищу Джам началось по окончательном изготовлении их к походу, движение же вперед предполагалось начать по выяснении положений, в которые стали бы к нам Бухара и Афганистан.

Хотя в первой половине мая был получен ответ на письмо, посланное еще в сентябре 1877 года к эмиру Афганскому с обыкновенным приветствием для поддержания добрых между нами отношений, но ответ этот весьма любезный не заключал никакого намека на отношение эмира к англичанам несмотря на то, что в январе месяце вновь было отправлено другое письмо к Шир-Али хану уже с вопросом об этом. Шир-Али хан, получивши январское письмо, ответил только на сентябрьское. Такая медлительность в переписке была обычным приемом эмира Афганского, он иначе не отвечал на послание, как только по получении нового. Поэтому, чтобы выяснить отношение к нам Афганистана, при предполагавшемся движении вперед генерал-майор Столетов по приезде в Ташкент был отправлен в Кабул, и ему поручено было

поставить категорически вопрос кабульскому эмиру о том, какие ему удобно будет установить отношения к нам, и выставить все выгоды доброй дружбы к нам и союза»^[278].

Генерал Столетов Николай Григорьевич

Генерал Николай Григорьевич Столетов считается одним из видных участников Большой Игры. Выпускник физико-математического факультета Московского университета, он не

планировал становиться военным. Но когда началась Крымская война, он уехал добровольцем воевать в Севастополь. Инкерманское сражение, бой на Черной речке, оборона 4-го бастиона. Жизнь бывшего студента радикально изменилась. Он закончил Николаевскую военную академию, а дальше война на Кавказе, Туркестанские походы (помните Красноводский десант Столетова?), война 1877–1878 годов, где как раз Столетов командовал болгарским ополчением. И вот именно его отправили с миссией в Кабул, к эмиру Шер Али-хану, с предложением о военном союзе и дружбе против англичан. На самом деле есть немало косвенных доказательств того, что будущий поход на Индию Кауфман воспринимал всерьез. В отчете для Милютин есть такие строки:

«В числе мер, долженствовавших быть принятыми в крае на случай войны с Англией, входило отправление эмиссаров в Афганистан и северную часть Индии. Что касается посылки эмиссаров в Индию, то в крае не было таких людей, на которых можно было бы возложить какие-либо серьезные политические поручения с шансами на успех. Командующий войсками округа надеялся, о чем было доложено г. военному министру в рапорте за № 4073, что таких людей мог нам указать Шир-Али хан при установлении его дружественных отношений к нам или же такие люди сами бы явились, когда увидели бы наше появление на Амударье»^[279].

То есть Кауфман полагал – и не без оснований, – что движение русских войск спровоцирует брожения в самой Индии и приведет к восстаниям против англичан. Вот он, «хирург с Севера», пришел вырезать «опухоль». Но в целом стоит признать – стратегического плана действий в Азии у русских по традиции не было. Действовали наобум, по принципу – война план покажет. Хотя важно понимать, что Столетова в Кабул отправлял даже не Кауфман. И не Милютин. Лично Александр II. Евгений Константинович Андреевский, боевой товарищ Столетова по турецкой войне, а позже флигель-адъютант Его Величества, в книге воспоминаний очень подробно описал миссию в Кабул.

«Явившись в назначенный час, я был вновь представлен государю, – рассказывал Н. Г. Столетов. – Его величество поручил мне передать Шир-Али-хану, что ему будет дана полная поддержка, и что ему следует держать себя относительно англичан так же, как держал себя его гордый отец Дост-Мохамед; “Скажи ему – продолжал государь: – что я вполне уверен в нем и в его умении, а

потому, в свою очередь, жду от него лишь той корректности, которая даст Кауфману полное спокойствие относительно нашей границы. Шир-Али должен знать, что, при нынешних условиях, очень многое зависит от него самого; англичане не позволят себе ничего по отношению к Афганистану не только из-за того, что будут видеть мою поддержку, – они должны видеть с его стороны вполне уверенный тон и отважное поведение, в котором он должен ясно показывать свою надежду на нас; они прекрасно помнят урок, данный им Дост-Мохамедом и его сыном Акбаром – братом Шир-Али. Все начертанное и условленное нами раньше в прежних наших переговорах ему надлежит твердо соблюдать; я его поддержку нравственно и материально; нового ты ему не везешь ничего, подтверждаешь лишь старое, подтверждаешь то, что охотно подтверждаю и я; надеюсь, что это его ободрит, пусть же он приложит столько старания, сколько мы проявляем готовности искренно напрячь все усилия к его пользе.

Кланяйся же Кауфману и ему в точности повтори все мною тебе сказанное. Поезжай с Богом; пиши часто и подробно Дмитрию Алексеевичу.

– На этот счет я дал подробные указания; генерал Кауфман их обстоятельно дополнит, – доложил военный министр.

“После того государь меня трижды перекрестил, поцеловал и отпустил”, – нередко вспоминал Н. Г. Столетов»^[280].

На месте, в Ташкенте, Николай Григорьевич получил от Кауфмана куда более четкие указания.

«В Ташкенте генерал-адъютант К. П. фон-Кауфман, всегда издавна казавшийся Н. Г. Столетову крайне симпатичным, давая ему инструкцию, просил тщательно ее записать; много эта инструкция содержала повторений того, что уже довелось получить в Петербурге.

– Вы отправляетесь в столицу Афганистана – в гор. Кабул к эмиру Шир-Али-хану, – сказал К. П. Кауфман: – дабы скрепить с ним наши дружественные отношения, выяснить ему происходящие от того для него выгоды и, по возможности, заключить с ним союз на случай вооруженного столкновения нашего с Англией.

Эмир возмущен насилием англичан, занявших Кветту и Келат; англичане же ссылаются на то, что их беспокоят происки эмира к восстановлению населения всего Белуджистана против них. На этом держится между ними вражда, грозящая сделаться непримиримой; англичане считают себя в праве за все зло,

причиняемое ими же Афганистану, требовать полного к себе доверия со стороны Шир-Али-хана.

Вам, – продолжал К. П. Кауфман, – предстоит, главным образом, постараться укрепить в эмире это его недоверие к действиям англичан и поощрить его к оказанию им дальнейшего сопротивления, уверив его, что возможно не только вытеснение англичан из Кветты и Келата, но и возвращение ему всего Белуджистана. Сосредоточение наших войск на Амударье не должно смущать эмира; это дружественная ему сила, которая во всякое время может ему помочь положить предел всяким вмешательствам англичан в его внутренние дела.

Развейте в эмире ясное понятие о громадной разнице нашей политики на востоке и английской. Мы, защищая свои пределы от хищников, даем им почувствовать свою силу, – мирных владельцев всесторонне поддерживаем, охраняя их власть, англичане же все расстраивают в видах достижения своих меркантильных целей».

Встречать Столетова на афганскую границу приехало специальное посольство эмира Шер Али, он выслал конвой для сопровождения русской делегации, прислал лошадей, верблюдов, несколько экипажей и лично для Столетова слона. На нем русский дипломат и ехал до самой столицы. Ехали они почти двенадцать дней, и у Столетова была возможность посмотреть страну, в каждом городе посольство торжественно встречали, и после пышных приветствий у русских интересовались – все ли в порядке, не надо ли кого наказать за недостаточное почтение или неоказание услуги. А если кто-то «дерзнул на это, оказался бы изменником, злейшим врагом Афганистана и его эмира». На подъезде к Кабулу начались еще более пышные встречи. На главной дороге Столетова ждали министры и высшие сановники, по пути стоял почетный караул, а разместили посольство в небольшом дворце эмира. Это все произошло 18 июня, в тот же день к вечеру генерал Столетов был торжественно со всей миссией принят Шер Али. На другой день в дворцовой мечети торжественно молились о здравии русского императора и о благополучии его державы. Из воспоминаний Столетова:

«Пробыл я собственно в Кабуле пять недель и все время – гостем эмира, который показал массу радушия, гостеприимства, а под конец даже и дружбы. Почти каждый день я бывал у него; официальные разговоры велись через присяжных переводчиков, но наши простые беседы, ставшие впоследствии дружескими,

происходили на тюркском наречии, а то и просто на турецком языке. Мы беседовали обо всем; эмир оказался очень сведущим в самых разнообразных вопросах религии, философии; много он говорил о христианстве, ясно различал другие христианские религии от православной; много беседовал об Иисусе Христе, сопоставлял его и разных пророков с Магометом и Абубекром.

Касаясь вопросов политики, он всегда с большой симпатией и с глубоким уважением упоминал имя государя Александра Николаевича; относительно себя выразил сожаление о том, что после кончины отца своего очень скоро поддался влиянию, советам и воздействию англичан, которые его пленили главным образом тем, что выказывали на каждом шагу и при каждом удобном случае полнейшее и как будто самое искреннее уважение именно к его отцу, Досту-Мохамеду; он каялся, что был оплетен и что лишь через много лет понял, в какую ловушку они его захватили в своем стремлении извлекать выгоды для себя, а тем самым поставили его во враждебное положение и к другим народам Средней Азии и к Белому царю; последнее составляет безгрешнейшее горе всего его царствования и всей его жизни.

– Вы поймете, – говорил Шир-Али: – в какой степени я должен быть бесконечно благодарен царю Александру, внявшему моим домогательствам и протянувшему мне руку; ведь для этого он должен был по-христиански подавить в себе все чувства злобы и ненависти, отбросить мысль о мести, а затем сердечно, чисто простить мне мои грехи, преступления и заблуждения»^[281].

Но в итоге оказалось, что рука дружбы русского царя была только обманом. Русские предали Шер Али. И очень скоро. Еще раз посмотрим на расстановку сил – в Европе обострение из-за Турции, готовится Берлинский конгресс, русские войска в Туркестане выдвигаются к границе, а Столетов приезжает в Кабул. И ведет переговоры. А результатом была конвенция между Россией и Афганистаном, в первой статье которой говорилось: «Российское императорское правительство считает государство Шер Али-хана, эмира Афганистана, государством независимым и желает, как с другими независимыми государствами, иметь с ним дружественные отношения, по старой дружбе». А в последней статье содержались такие слова: «Друг государства Шер Али-хана, эмира Афганистана, должен считаться другом императорского Российского правительства, и враг государства Шер Али-хана, эмира

Афганистана, должен считаться врагом Российского правительства, равно и наоборот».

А в это время на Берлинском конгрессе Россия сдавала одну позицию за другой. Русскую победу разбирали на кусочки. Перетрусивший Горчаков уговаривал царя все подписать, что и было сделано. Александр II тоже боялся новой войны, он боялся злить англичан и действовал нерешительно. Русский царь боялся плохих последствий. В том числе и потому, что – вынужден еще раз проговорить это – стратегическим планированием и анализом ситуации никто не занимался. Кауфман получил приказ отозвать русскую группировку от границы и вернуть части к местам постоянной дислокации. Он был разъярен, но приказ выполнил. Тягаться с англичанами в Азии русское руководство не сочло возможным. А в Кабул была отправлена депеша с приказом Столетову вернуться в Ташкент, оставив большую часть миссии в Афганистане. Из воспоминаний Столетова:

«Вдруг я получил от К. П. Кауфмана депешу, в которой было сказано, что, в виду настояний нашего посла в Лондоне о необходимости не доводить дела до полного расстройств наших отношений к правительству королевы Виктории, – государю императору благоугодно было повелеть отозвать из Кабула наше чрезвычайное посольство, о чем предписывалось в дружеских словах сообщить эмиру, а затем выбыть в Ташкент.

Мне жаль было покидать этого человека; я к нему привык и успел привязаться; кроме того, что видна была какая-то беспомощность, угнетавшая его, он показался мне до крайности симпатичным и чистым; если же когда-нибудь во мне прорывалось какое-либо сомнение, что все же рядом с этим в нем есть лукавство, неискренность и хитрость, свойственные восточному человеку, то невольно и единственно лишь из-за того, что, как бы то ни было, восточным человеком он по рождению был и оставался. Но вообще ни в чем он не дал мне повода видеть в нем резко обозначившимися какие бы то ни было качества восточных людей»^[282].

Конечно, английская разведка донесла вице-королю Индии Эдуарду Литтону о визите Столетова в Кабул. И конечно, в Калькутте и в Лондоне были взбешены и напуганы происходящим. Повторялась ситуация сорокалетней давности. Глядя из дня сегодняшнего и имея перед глазами полную картину происходившего тогда в Азии, можно уверенно говорить – если бы не трусость и предательство высшего руководства Российской

империи, можно было бы без особых проблем получить поддержку Шер Али и его одобрение даже на размещение русского гарнизона в Кабуле или других городах Афганистана. Отвечать англичанам было бы нечем. Русско-афганский союз коренным образом изменил бы ситуацию в регионе. Но что теперь мечтать о несбывшемся.

Тогда в августе 1878 года Литтон потребовал от эмира Шер Али принять английское посольство генерала Невилла Чемберлена. В ответ эмир заявил, что в Афганистане траур по случаю смерти наследного принца Абдулладжана, принять англичан он никак не может, и продолжил общаться с русской миссией. Но еще за год до этого, 22 июня 1877 года, Бенджамин Дизраэли, получивший титул лорда Биконсфильда, писал королеве Виктории:

«Лорд Биконсфильд считает, что если Россия должна быть атакована из Азии, то войска должны быть отправлены в Персидский залив, и императрица Индии должна приказать своим армиям очистить Среднюю Азию от москвитов и загнать их в Каспий. Мы имеем хороший инструмент для осуществления этого в лице лорда Литтона, который и послан туда с этой целью».

И собственно тогда же, за год до миссии Столетова, лорд Литтон предложил статс-секретарю по делам Индии три способа решения афганской проблемы:

«1. Обеспечить посредством страха или надежды такой союз с нынешним эмиром, который эффективно и навсегда устранил русское влияние из Афганистана. 2. Если это не удастся, следует быстро и публично лишить нынешнего эмира всякой поддержки, разгромить Афганское государство... и на место его теперешнего правителя посадить властителя, более дружественно настроенного к нашим интересам и более зависящего от нашей поддержки. 3. Захватить и удержат такую часть афганской территории, какая в случае провала обеих изложенных выше мер предосторожности будет совершенно необходима для постоянного сохранения нашей северо-западной границы»^[283].

Так что вопрос – быть войне или нет – был решен давно. Она должна была начаться после провала Пешаварских переговоров. Не началась только из-за кризиса на Балканах. Летом – осенью 1878 года просто у англичан возник железный повод. Весной 1878 года Литтон писал в Лондон о том, как видит будущее Афганистана:

«Пока продолжается мир, мы не можем пользоваться мечом, а наша дипломатия несостоятельна. Поэтому объявление войны явилось бы случаем, который может никогда не повториться, если

мы его упустим... Я убежден, что политика создания в Афганистане сильного и независимого государства, над которым мы не можем осуществлять никакого контроля, является ошибкой. Если вследствие войны или смерти нынешнего эмира, которая, конечно, явится сигналом для конфликта между соперничающими кандидатами на престол, мы будем иметь возможность (а она может внезапно возникнуть в любую минуту) разделить или сломать кабульскую державу, я искренне надеюсь, что мы не упустим такую возможность»^[284].

Так что когда английские историки пытаются убедить кого-либо в том, что именно миссия Столетова подтолкнула Лондон к решению о начале новой войны в Афганистане, – это, конечно, полная ерунда.

Чтобы обострить ситуацию, лорд Литтон связался по телеграфу с Лондоном и, получив одобрение, приказал отправить миссию в Кабул, причем если ее не будут пускать – применять силу. Генерал сэр Невилл Чемберлен, старый пограничник, с эскортом в 250 солдат из Корпуса разведчиков отправился ко входу в Хайберское ущелье. На ближайшем афганском укреплении Али-Масджид афганский офицер Файз Мухаммед-хан отказался пропустить англичан без прямого приказа из Кабула. Файз Мухаммед-хан заявил, что получил приказ в случае необходимости стрелять по нарушителям границы. Но раз он давно знает офицеров и Чемберлена в том числе, то они могут просто спокойно уйти.

Это был отличный повод начать войну с Афганистаном, к которой британцы и так уже готовились давно. Лорд Литтон стал убеждать кабинет министров не тратить времени впустую и объявить войну немедленно. Но в Лондоне решили действовать более гибко и для начала предъявили эмиру ультиматум: если до конца дня 20 ноября он не извинится в полной мере за отказ от приема британской миссии, будет война. Ко времени истечения срока ультиматума ответа от Шер Али получено не было. На следующий день английские войска начали наступление на Кабул с трех направлений. Вторая Англо-афганская война началась. Через десять дней эмир все же прислал письмо с извинениями, но приглашения делегации в нем так и не было. Литтон был настроен наказать афганского правителя так, чтобы впредь никто не пытался вести с англичанами двойную игру. А заодно показать Санкт-Петербургу, что тут зона британских интересов. И ничьих больше.

В середине ноября английские войска вторглись на афганскую территорию и, не встретив организованного сопротивления

афганцев, начали быстрое продвижение в глубь страны. В первых числах декабря войска генерала Стюарта заняли Кандагар, генерал Робертс овладел Пейвар-Котальским и Шутугарданским перевалами, а Браун – Джелалабадом. Эмир обратился за помощью к Кауфману. Он не знал, что через три дня после возвращения Столетова в Ташкент генерал Кауфман, выслушав отчет о поездке, отправил его в Петербург, а также в столицу ушло послание министру Милютину, где Кауфман просил *«передвинуть в округ не менее двух пехотных дивизий и четыре казачьих полка, начать передвижение нынешней же зимой»*. Константин Петрович писал, что иного выхода у России нет, что *«уклониться от этого проекта – значит отдать Афганистан не только английскому влиянию, но, может быть, и полному подчинению... Все это покажет Афганистану и Индии английскую силу и могущество и наше сравнительное бессилие. Мы сами себе закроем в этом случае среднеазиатский театр действий при разрыве с Англией, а этот театр действий, по моему убеждению, для нанесения решительного удара Англии возможен только при условии союза с Афганистаном. Едва ли мы можем быть опасны для Англии, иначе как при условии мирного пути от реки Амударьи до границ Индии. При этом условии среднеазиатский театр действий приобретает важность первостепенную. Обеспечить себе возможность действовать на этом театре нам необходимо ввиду будущего окончательного решения восточного вопроса»*^[285].

Особое совещание в Петербурге инициативу рассмотрело и решило Кауфману отказать. Милютин написал ему:

«Совещание пришло к заключению, что нам никак не следует прямо идти на войну с Англией из-за настоящего столкновения ее с Афганистаном... На основании всего вышеизложенного государем императором благоугодно было повелеть дать туркестанскому генерал-губернатору приказание, чтобы он посоветовал эмиру во избежание несвоевременной войны идти на примирение»^[286].

Но Кауфман не сдавался и убеждал начальство, что нужно поддержать Шер Али:

«У Шер Али-хана есть свои шансы на успех... Мы могли бы отсюда рискнуть поддержать его с меньшими средствами, чем те, которые исчислены были мною в записке, представленной по этому вопросу с генералом Столетовым... Позволю себе думать, что все существующие и могущие еще быть затруднения в делах наших в Европе идут от Англии, и все они разрешались здесь. Будь мы

вовремя сильны в Средней Азии, мы могли бы достигнуть и на Балканском полуострове, и в Малой Азии всего, что нам нужно...»^[287].

В ответе Милютин написал, что с Кауфманом все согласны, все понимают – он прав. Так и надо бы поступить, но *«тем не менее государь император не изменил твердого своего намерения поддерживать европейский мир до последней крайности и не допустит, чтобы повод к решительному разрыву с Англией был поднят с нашей стороны. Столкновение с этой державой в Азии было бы сигналом общей и упорной войны при обстоятельствах и обстановке крайне для нас невыгодных»*.

А английская армия шла к Кабулу, почти не встречая сопротивления. Афганские войска в беспорядке отступали. От русских помощи не было, эмир понял, что его предали. Тогда Шер Али-хан сначала решил дать решительное сражение на подступах к столице. Но глава русской миссии генерал Разгонов убедил эмира не делать этого, потому что англичане могут обойти Кабул с запада и отрезать ему пути отступления в Афганский Туркестан. Он посоветовал эмиру бежать из столицы и уже с севера страны готовить контрнаступление или вести партизанскую войну.

13 декабря эмир выехал из Кабула, назначив правителем в столице своего сына Якуб-хана, который до этого находился в тюрьме. Вслед за ним город покинула и русская военная миссия. В феврале 1879 года Шер Али-хан умер в городе Балхе, где находилась его временная ставка.

Эмиром был провозглашен Якуб-хан, перед которым стоял непростой выбор: возглавить войну против англичан либо пойти с ними на соглашение. Он выбрал последнее, потому что давно был связан с английской агентурой. Да и потому что сил и средств воевать у него не было. Ему никто не подчинялся. Племенные вожди эмиром его не считали.

Соглашение о мире было подписано эмиром в селении Гандамак, там, где за сорок лет до этого остатки кабульского гарнизона сражались до последнего патрона и пошли в последнюю яростную атаку на афганцев. К негодованию англичан, на подписание соглашения Якуб-хан и его главнокомандующий прибыли одетыми в российские мундиры. Гандамакский трактат превращал Афганистан в английского вассала. Внешняя политика должна была согласовываться с Калькуттой, только с разрешения Англии Афганистан имел право вступать в переговоры с другими

странами. В Кабуле размещалось английское посольство, английские офицеры имели право в любой момент посещать любой пункт афганской границы. Рынки Афганистана открывались для английской торговли. Под контроль англичан переходили несколько приграничных округов, Хайберский и Мичнийский перевалы. Кабул оказался менее чем в 100 километрах от ближайшего британского гарнизона. Лондон и Калькутта поздравляли друг друга с победой, с тем, как им удалось обставить «этих русских», особенно царя Александра, к которому они испытывали личную глубокую неприязнь.

Послом в Кабул был отправлен Луи Каваньяри, сын одного из наполеоновских генералов, прекрасный офицер-пограничник, один из командиров Корпуса разведчиков, то есть, по сути, офицер спецназа, хорошо знавший Азию и местные нравы. Перед отъездом в Афганистан ему дали рыцарское звание. Впрочем, немало чиновников в Индии сомневались, что все уже закончилось. Слишком легко эмир согласился подписать договор с англичанами. А первая война тоже поначалу казалась легкой прогулкой. Бывший вице-король сэра Джон Лоуренс, узнав о назначении Каваньяри, мрачно заметил: «Всех их перебьют».

Миссия в Кабул состояла из 75 бойцов Корпуса разведчиков под командованием лейтенанта Уолтера Гамильтона, а штат Каваньяри состоял из двух европейцев, секретаря и врача. В Кабул они прибыли 24 июля 1879 года. По традиции Каваньяри провезли по столице верхом на слоне. Не знаю наверняка, но это могло показаться ему мрачным предзнаменованием, ведь так возили и Виткевича, и Бернса. Советские исследователи обычно писали, что английская миссия вела себя вызывающе и дерзко, чем провоцировала гнев племенных вождей. В действительности Каваньяри не так уж много успел сделать. Он встречался с эмиром и проводил, как сказали бы сейчас, «политические консультации». И правда, Каваньяри вел себя как подобает победителю, он ведь приехал в страну, подписавшую унижительный для себя договор. Но дело скорее было не в этом, а в том, что общая ситуация в стране была критическая, эмиру на улицах открыто кричали, что он продал Афганистан «за одну арабскую лошадь». Он не влиял ни на армию, ни на племенных вождей, а раздражение подписанный договор вызвал огромное.

Духовные лидеры на пятничных проповедях начали призывать народ к священной войне. И 6 августа 1879 года в Кабуле начались массовые выступления солдат и горожан. Советские исследователи

называли это «массовой демонстрацией против британских колониалистов». Толпа несколько часов митинговала, афганские солдаты «шли по городу с обнаженными саблями и возбужденно высказывались об эмире и его английских гостях...». Солдаты, обозленные трехмесячной задержкой жалованья, решили, что во всем виноваты англичане. Афганские чиновники советовали Каваньяри и его людям не покидать стен миссии.

3 сентября 1879 года Каваньяри отправил Литтону телеграмму о том, что в Афганистане «все в порядке». Это сообщение не успело дойти до Индии, а связь с афганской столицей прервалась. В городе началось восстание. С криками «Убьем посла, а за ним и эмира!» отряды солдат и горожан двинулись к зданию британской миссии. Англичане открыли огонь. Первым выстрелил Каваньяри. Афганские солдаты стали стрелять в ответ. Якуб-хан пытался уговорить озверевшую толпу прекратить нападение. Он послал военного министра Дауд-хана, но того избили и прогнали. Луи Каваньяри возглавил атаку, чтобы отогнать нападавших, и был убит. Афганцы подвезли две пушки и открыли огонь, но лейтенант Гамильтон тут же совершил вылазку и отбил пушки. Вскоре был смертельно ранен врач миссии. В течение нескольких часов лейтенант Гамильтон и оставшиеся в живых разведчики вели бой, хотя к тому времени уже горела половина миссии. Афганцы прорвались внутрь, и Гамильтон погиб в рукопашной схватке. В живых оставались чуть больше десяти сипаев из Корпуса разведчиков. Афганцы предложили им сдаться, потому что готовы пощадить их, раз они не англичане. Сипаи пошли в атаку. Погибли все до одного. Потом будет установлено, что в течение двенадцатичасового боя сипаи из Корпуса разведчиков смогли уничтожить около 600 человек. В официальном отчете говорилось:

«Летопись какой армии и какого полка может показать более яркий образец храбрости, чем то, что совершила эта маленькая группа разведчиков. Своим подвигом они снискали вечную славу не только в полку, но и во всей британской армии».

Это весьма показательная история, особенно для тех отечественных ура-патриотов, которые любят рассказывать нелепые байки про не умеющих воевать «пиндосов» и «тупых англичан». В их военной истории, конечно, куда меньше ратных подвигов, чем в истории России. По объективным причинам. Но подвиги были. И бой отряда Корпуса разведчиков тому пример.

Корпус разведчиков – это особое подразделение, о котором стоит рассказать отдельно. Его создателем считается британский резидент в Лахоре сэр Генри Монтгомери Лоуренс. Он был как раз «индийским британцем» – родился на острове Цейлон, с 17 лет находился на военной службе в полку бенгальской артиллерии, участвовал в Первой англо-бирманской войне, потом служил налоговым инспектором, дальше его приметил Ост-Индская компания, его взяли в политический отдел и сделали британским резидентом в Афганистане и Непале. И вот во время работы в приграничных территориях он подумал – а почему бы не сформировать подразделение из воинственных пуштунов. Создавать его поручили лейтенанту Гарри Барнетту Ламсдену, который, как и Лоуренс, был «местным» англичанином. Родился на борту корабля Британской Ост-Индской компании, отец полковник, и детство прошло в Бенгалии, в военном городке. В 1838 году Ламсден начал службу в 59-м Бенгальском полку туземной пехоты, участвовал в Первой англо-афганской войне, в двух англо-сикхских войнах. В 1846 году он стал помощником Лоуренса и 14 декабря того же года официально возглавил сформированное им подразделение – Корпус разведчиков.

Задачи у Корпуса были широкие – сбор разведывательных данных о ситуации в пограничных территориях для британского военного командования, охрана границ Северо-Западной Индии. Сейчас это территория Пакистана, так называемая Северо-Западная пограничная провинция. Формирование Корпуса разведчиков началось неподалеку от старинного города Пешавара. По задумке Ламсдена в Корпусе разведчиков изначально были и пехотные, и кавалерийские части. Поначалу в нем было две пехотные роты и кавалерийский взвод. Но в 1848 году началась Вторая англо-сикхская война (англичане решили окончательно забрать себе наследство Ранджит Сингха), и Корпус увеличили до трех пехотных рот и трех кавалерийских взводов.

Корпус разведчиков сыграл в той войне очень важную роль. Ламсдена и его бойцов вызвали в Лахор еще в начале 1848 года и поставили задачу сбора информации о подготовке восстания. Затем Корпус участвовал в нескольких сражениях, в том числе осаде города Мултана – оплота сикхов. И между прочим, именно Ламсден впервые в истории британской армии на территории Индостана ввел для своих подчиненных форму цвета хаки.

После войны, в 1851 году, Корпус разведчиков включили в состав формируемых Пенджабских иррегулярных сил. Там служили мусульмане, сикхи, индусы, и командовали ими британские офицеры. Когда началось Сипайское восстание, Корпус был расквартирован в приграничном городе Мардане. Получив приказ выдвинуться к Дели, 13 мая 1857 года бойцы Корпуса отправились в путь и за 26 дней добрались до Дели. Это был беспрецедентный переход, к тому же бойцы Корпуса с ходу вступили в бой, принимая активное участие в штурме, демонстрируя высокую выучку, бесстрашие и боевую слаженность. К концу боевых действий в Дели отряд потерял больше половины личного состава – 350 человек из 600.

В 1857 году подразделение получило название Корпус разведчиков Пенджабских иррегулярных сил, через семь лет его переименовали в Корпус разведчиков Пенджабских пограничных войск. А в 1876 году по распоряжению королевы Виктории подразделение стало называться Королевы Отдельный Корпус разведчиков Пенджабских пограничных войск. Шефом Корпуса разведчиков стал принц Уэльский. После героического боя в Кабуле на месте постоянной дислокации Корпуса, в Мардане, был создан мемориал памяти. В последующей войне в Афганистане Корпус принимал самое активное участие. В 1901 году подразделение было выведено из Пенджабских пограничных войск, а стало просто Королевы Виктории Отдельным Корпусом разведчиков. Позже его переименовали в отдельный полк, который стал основой пограничных войск Пакистана. Вот, кстати, мало кто знает, что стихотворение Киплинга «Баллада о Востоке и Западе», которое начинается так часто цитируемой строкой «О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут», по одной из версий посвящено как раз Корпусу разведчиков. Там есть строчка, которая прямо указывает на это, на английском она звучит так:

«Then up and spoke the Colonel's son that led a troop of the Guides:
Is there never a man of all my men can say where Kamal hides?»

А в русском переводе она выглядит так:

«Но вышел и молвил полковничий сын, что разведчиков водит отряд:
Неужели никто из моих молодцов не укажет, где конокрад?»

Так вот в английской версии «troop of the Guides» – это почти точное название Корпуса разведчиков. В реальности он назывался «Corps of Guides». А все остальное про него, про сына полковника Гарри Ламсдена. И суть стихотворения в том, что герой, сын полковника, где-то на Северо-Западных границах умиряет местные племена. Точнее находит способ подружиться с конокрадом, а его сын становится бойцом отряда разведчиков.

«И свистом сыну он подает знак, и вот, как олень со скал,
Сбежал его сын на вереск долин и, стройный, рядом встал.
“Вот твой хозяин, – Камал сказал, – он разведчиков водит отряд,
По правую руку его ты встань и будь ему щит и брат.
Покуда я или смерть твоя не снимем этих уз,
В дому и в бою, как жизнь свою, храни ты с ним союз.
И хлеб королевы ты будешь есть, и помнить, кто ей враг,
И для спокойствия страны ты мой разоришь очаг.
И верным солдатом будешь ты, найдешь дорогу свою,
И, может быть, чин дадут тебе, а мне дадут петлю”.
Друг другу в глаза поглядели они, и был им неведом страх,
И братскую клятву они принесли на соли и кислых хлебах,
И братскую клятву они принесли, сделав в дерне широкий надрез,
На клинке, и на черенке ножа, и на имени Бога чудес.
И Камалов мальчик вскочил на коня, взял кобылу полковничий сын,
И двое вернулись в форт Букло, откуда приехал один».

И снова приходится констатировать – как же жаль, что у нас не было своего «русского Киплинга», своего певца Большой Игры.

После разгрома миссии в Кабуле уже через несколько часов Калькутта распорядилась начать карательную операцию. Генерал Фредерик Робертс выдвинулся с войсками в сторону Кабула. Якуб-

хан прислал ему письмо с предложением самому наказать мятежников. На что англичанин ответил:

«После недавнего происшествия великая британская нация не удовлетворится, если британская армия не войдет в Кабул и там не поможет Вашему Величеству назначить такие наказания, каковые столь ужасные и трусливые действия заслуживают».

Якуб-хан тогда лично приехал в английский лагерь. Снова пытался уговаривать, но его не стали особенно слушать. И вообще на Робертса эмир не произвел впечатления.

«Я сказал ему, что я не могу исполнить его желания, но что если мне придется брать город приступом, то женщинам и детям будет дано время оставить его.

Мои слова, видимо, крайне опечалили Якуб-хана. Оказывается, что он оставил Кабул столь поспешно, что даже не захватил с собою палатки, я, если бы ему удалось убедить меня не идти далее, то он, без сомнения, тотчас возвратился бы в Кабул. Как бы то ни было, для него была поставлена палатка посреди нашего лагеря, и были приняты все меры к возможно лучшему его содержанию.

Когда прибыли, наконец, его палатки, то он просил позволения поставить их вне лагеря, на что я согласился, приказав, однако, поставить возле его палатки такой же караул, какой стоял у меня якобы для того, чтобы оказать ему почет, а в сущности для того, чтобы иметь возможность наблюдать за всеми его движениями.

Можно себе представить, как мне было неприятно присутствие в нашем лагере Якуб-хана, который мог сообщить кабульским властям самые точные сведения о нашей численности и движениях. А что он был уверен в нашем поражении, то об этом можно было судить по тому, что его в начале не только дружественное, но даже низкопоклонное обращение со мною сделалось, по мере приближения к Кабулу, вызывающим и надменным»^[288].

В начале октября Робертс все же дошел до Кабула и почти сразу же посетил место, где погибли Каваньяри и бойцы Корпуса разведчиков.

«Стены дома, в котором оно помещалось, истыканные пулями, свидетельствовали об энергичном нападении и о продолжительной обороне. На полу были кровавые пятна, а в пепле очага были найдены груды человеческих костей. Можно себе представить, что испытали мои солдаты при виде этого, и как трудно было

сдержатъ проявление ихъ чувствъ ненависти и вражды противъ виновниковъ злодейскаго покушения»^[289].

Генералъ приказалъ начать поискъ останковъ английскихъ офицеровъ, а заодно ему предстояло решить судьбу Якуб-хана. Понять – тотъ специально бездействовалъ или организовалъ нападение на миссию. 12 октября самъ эмиръ пришелъ къ генералу и определилъ свою судьбу. Робертс в своей книгѣ «Сорокъ одинъ годъ в Индiи. Отъ субалтерна до главнокомандующаго» такъ описываетъ этотъ эпизодъ:

«12-го числа, рано утромъ, онъ явился ко мнѣ в палатку, когда я еще не былъ одетъ, и попросилъ у меня свиданiя. Я предложилъ своему царственному посетителю единственный бывшiй у меня стулъ, на который онъ селъ, и тотчасъ заявилъ мнѣ, что онъ решилъ отказаться отъ престола, это решение его принято твердо, что жизнь его самая жалкая и что онъ скорее согласится косить сѣно в англiйскомъ лагере, нежели быть правителемъ Афганистана».

28 октября 1879 года былъ обнародованъ манифестъ объ отреченiи шаха отъ престола, и черезъ несколько дней онъ и главные его министры были отправлены в Индiю, афганскiй престолъ остался вакантнымъ, и генералъ Робертс временно принялъ на себя высшее управление военными и политическими делами в Афганистане. До отреченiя онъ успѣлъ немало пообщаться с Якубомъ по поводу взаимоотношенiй Шер Али и русскихъ, и генералъ пришелъ къ выводу, что англiчане успѣли в самый послѣднiй моментъ остановить русскiй удар по Индiи, или, какъ минимумъ, русскую провокацию. И вообще, влияние Россiи в регионе было возмутительно велико.

«Было бы излишне приводить какое-либо доказательство в подтвержденiе того факта, что Шир-Али, по той или другой причинѣ, отдалялся отъ насъ в послѣднiе годы своего царствованiя и сталъ склоняться в пользу союза с Россiей, но мнѣ кажется, что связь, существовавшая между возникшимъ, более теснымъ сближенiемъ Россiи с Кабуломъ и размеромъ враждебнаго отношенiя к намъ эмира не была до сихъ поръ оценена какъ должно. Сказанное Якуб-ханомъ проливаетъ на этотъ вопросъ некоторый светъ, и его слова (о томъ, что эмиромъ поддерживались с 1873 г. сношенiя с русскими) подтверждаются темъ, что мы встрѣтили в Кабуле гораздо более русскихъ, нежели англiчан. Афганскiе сардари и офицеры были одеты в мундиры русскаго покроя, в казначействѣ оказались русскiе деньги, на базарахъ продавались русскiе товары и хотя дороги, ведущiе в Среднюю Азию, были, конечно, не лучшiе техъ, которые вели

в Индию, но Россия воспользовалась ими лучше, нежели мы для того, чтобы завязать торговые сношения с Афганистаном.

Преобладание русских денег и товаров в Кабуле и обширные военные приготовления, которые делались Шир-Али последние годы, составляют любопытный комментарий к всему рассказанному Якуб-ханом. Разрыв, происшедший между нами и Шир-Али, дал нам возможность обнаружить и предотвратить серьезный заговор, угрожавший спокойствию и безопасности Индийской империи.

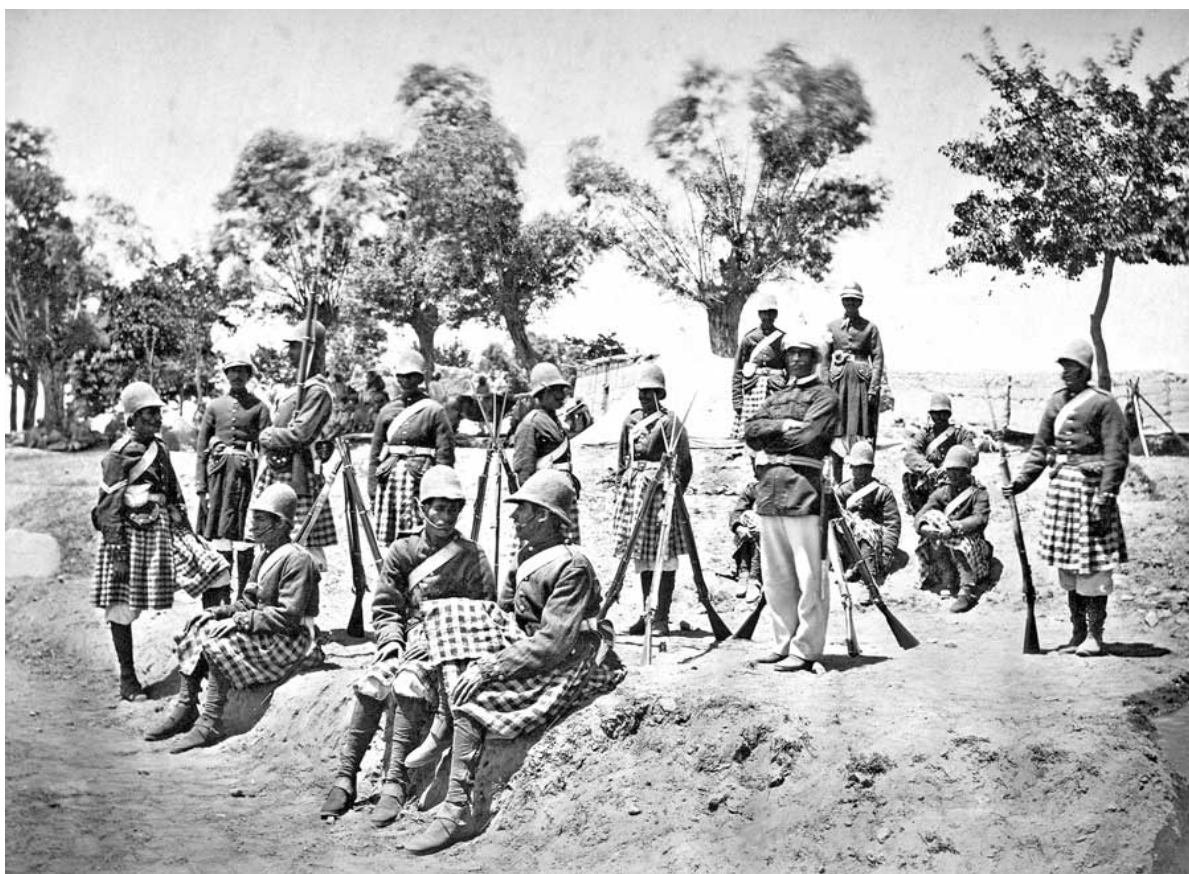
Изобилие русских денег и товаров в Кабуле было доказательством возраставшего сближения России с Афганистаном. У меня не было доказательств того, что русские деньги были ввезены туда каким-либо иным путем кроме торговли».

Естественно, Робертс перевешал всех, кого считал причастными к расправе над английской миссией. Причем на многих повешенных просто донесли – англичане щедро платили за информацию об участниках нападения. Положим, вину городского старшины Кабула, который тащил через весь город голову Каваньяри, доказывать сильно не надо было. Но насчет вины остальных казненных сомнения были даже у английских офицеров. Вообще, ничего такого уж особенного Робертс не сделал. Кауфман ведь так же сурово наказывал бунтовщиков в Самарканде. И англичанин не сделал того, что ему предлагал лорд Литтон – а тот считал необходимым сжечь Кабул дотла.

Но война этим не закончилась. Племенное ополчение афганцев стало продвигаться к Кабулу с трех сторон – севера, юга и запада. В нескольких районах были совершены нападения на английские подразделения, Робертс приказал было контратаковать афганцев, но понял, что недооценил их численность. В окрестностях Кабула английские отряды были разбиты. Тогда он стянул силы в столицу и стал готовиться к отражению атаки. Британский гарнизон численностью в 6500 человек располагался на окраине Кабула в Ширпурском укрепленном лагере. Афганцев собралось около 100 тысяч. Но англичане были отлично подготовлены, вооружены новейшими винтовками и двумя пулеметами Гатлинга, у них были полевые и горные пушки, а у афганцев никакой артиллерии не было вовсе. От шпионов Робертс точно знал, когда афганцы собираются напасть. В ночь на 23 декабря весь британский гарнизон не спал и ждал атаки. Афганцы пошли на лагерь за час до рассвета. Бой шел четыре часа, когда некоторые вожди поняли, что надежды на победу потеряны, и стали отступать. За ними бросилась конница Робертса,

безжалостно рубя убегающих. Афганцы потеряли 3000 человек, британцы только 5.

Но и это была не победа. Потому что, пока англичане стояли лагерем, ожидая решительного сражения, восставшие грабили Кабул и убивали лояльных англичанам сановников и вождей. Так что опираться Робертсу было особенно не на кого. Но помощь пришла с неожиданной стороны.

Вторая англо-афганская война

Дело в том, что в изгнании в Самарканде под русским покровительством жил принц Абдуррахман, внук Дост Мохаммеда, племянник Шер Али. Он бежал после того, как дядя захватил трон, который должен был достаться ему. Это про него писал Столетов, что «Абдуррахман готовится отплатить нам самую черной неблагодарностью». Его долго держали под жестким контролем, не позволяя ехать в Афганистан, чтобы не усиливать раскол в обществе на фоне вторжения. Но учитывая меняющуюся ситуацию, русские власти решили рискнуть и дали санкцию на отъезд Абдуррахман-хана, рассчитывая, что он утвердится в Южном Туркестане, или, если смотреть с нынешней точки зрения, – Северном Афганистане.

В начале 1880 года Абдуррахман-хан переправился через Амударью и прибыл в Южный Туркестан. У него тут были серьезные связи, много сторонников, и он довольно быстро смог поставить регион под свой контроль. Но против англичан он никаких действий не предпринимал. А в Лондоне и Калькутте решили, что можно воспользоваться случаем. Военный атташе России в Лондоне писал Милютину, что правительство возлагало большие надежды «на возможность возвести на престол в Кабуле Абдуррахман-хана».

И несмотря на то, что Абдуррахман казался русским политическим проектом, англичане просчитали все правильно. Он не был пророссийским, не был пробританским, он был афганским лидером. С достаточной харизмой, с достаточным образованием и пониманием международной обстановки. Англичане знали, что он не станет им доверять на сто процентов, но еще меньше он готов доверять русским. Начались переговоры, и соглашение было достигнуто. Англичане покидали Кабул, забирали гарнизон, представителем короны в столице оставался политический агент из индийских мусульман. Абдур Рахман обязался не поддерживать никаких отношений с любой иностранной державой, кроме Британии. А Британия обязалась не вмешиваться в дела на всей его территории. Абдуррахман-хану пришлось признать некоторые статьи Гандамакского договора относительно территориальных уступок, и 22 июля 1880 года он был публично объявлен эмиром.

Но как часто бывает в Афганистане, на деле он был пока еще относительным правителем, потому что далеко не все территории признали его власть. Такому повороту событий предшествовало одно обстоятельство: в Британии сменилось правительство. Бенджамин Дизраэли и его партия тори потерпели полный политический разгром. К власти после шести лет пребывания в оппозиции вернулись либералы Гладстона. Лорд Литтон был отставлен с поста вице-короля Индии с уничижительными формулировками. Афганская война стала переломным этапом во внутривнутриполитической жизни Англии. И не то чтобы Гладстон не верил в русскую угрозу Индии. Но он был уверен, что Дизраэли сам спровоцировал русских на активные действия в Кабуле.

Почти сразу после того, как Абдуррахман был объявлен эмиром, в Герате началось восстание. Аюб Хан, двоюродный брат Абдуррахмана, был страшно обижен тем, что трон достался не ему. И он объявил войну неверным англичанам, их пособнику – брату и призвал изгнать британцев из страны. Аюб Хан собрал

восьмитысячную армию и двинулся к Кандагару, по дороге получая подкрепления. Почему он двинулся на Кандагар, а не на Кабул? А дело в том, что, пока длилась оккупация Афганистана, английское правительство превратило Кандагар в квазигосударство, поставило во главе лояльного сардара, который оказался в полной зависимости от Калькутты. Его права ограничивались возможностью иметь собственный совет и чеканить монету. Английское казначейство выделило специальные средства для организации армии нового «кандагарского государства», британские офицеры занимались обучением солдат. Кандагар был нужен англичанам как запасной вариант – этакий плацдарм для атаки на Кабул, если новый эмир вдруг начнет вести себя слишком независимо. Кроме того, присутствие в Кандагаре позволяло держать под контролем торговые пути. Аюб Хан рассуждал примерно так же – это плацдарм для атаки на Кабул.

Когда известие о походе достигло Кандагара, туда на помощь небольшому британскому гарнизону был выслан отряд в 2500 человек под командованием бригадного генерала Джорджа Берроуза. Точной информации о силах Аюб Хана не было, англичане даже не знали, что у него есть современная артиллерия. Решающий бой произошел у небольшой деревни Майванд, чуть к западу от Кандагара. Генерал Берроуз решил атаковать, не поняв даже, что численность войска Аюб Хана превышает 20 тысяч человек. Когда генерал понял, что ошибся, было уже поздно. Аюб Хан оказался толковым военачальником, во всяком случае он занял до боя господствующие высоты, разместив там артиллерию, причем его артиллеристы были так хорошо обучены, что потом англичане говорили, будто за Аюба воюют русские наемники.

Битва при Майванде длилась несколько часов, часто переходя в рукопашные схватки. Из 2446 англичан были убиты и ранены 1109 (среди них 29 офицеров), а 338 человек – пленено афганцами. Многие из читателей, тех, что постарше, конечно, помнят советский фильм «Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона» режиссера Игоря Масленникова. И помнят, каким там был доктор Джон Ватсон. Немного наивный, глуповатый, но самоотверженный и честный. А каким его видели первые читатели Конан Дойля? Что они сразу понимали про доктора? Вот как сам герой книги рассказывает о себе в произведении «Этюд в багровых тонах»:

«В 1878 году я окончил Лондонский университет, получив звание врача, и сразу же отправился в Нетли, где прошел

специальный курс для военных хирургов. После окончания занятий я был назначен ассистентом хирурга в Пятый Нортумберлендский стрелковый полк. В то время полк стоял в Индии, и не успел я до него добраться, как вспыхнула вторая война с Афганистаном. Высадившись в Бомбее, я узнал, что мой полк форсировал перевал и продвинулся далеко в глубь неприятельской территории. Вместе с другими офицерами, попавшими в такое же положение, я пустился вдогонку своему полку; мне удалось благополучно добраться до Кандагара, где я наконец нашел его и тотчас же приступил к своим новым обязанностям.

Многим эта кампания принесла почести и повышения, мне же не досталось ничего, кроме неудач и несчастья. Я был переведен в Беркширский полк, с которым я участвовал в роковом сражении при Майванде. Ружейная пуля угодила мне в плечо, разбила кость и задела подключичную артерию. Вероятнее всего я попал бы в руки беспощадных гази, если бы не преданность и мужество моего ординарца Мюррея, который перекинул меня через спину вьючной лошади и ухитрился благополучно доставить в расположение английских частей.

Измученный раной и ослабевший от длительных лишений, я вместе с множеством других раненых страдальцев был отправлен поездом в главный госпиталь в Пешавер».

То есть для англичанина, читавшего эти строки в 1887 году, когда «Этюд» был опубликован, Джон Ватсон – это не милый растяпа. Это ветеран «локального конфликта», колониальной войны. Не самый удачливый, не добившийся ни славы, ни медалей, но все же человек, выживший в аду Майвандского разгрома. Не Рэмбо, конечно, не герой голливудского боевика, но человек с определенным набором навыков, знаний, с особым мироощущением. Человек, на глазах которого гибли товарищи, который, вероятно, рубился с афганцами в рукопашной схватке. И понимая это, на доктора и сам смотришь совершенно иначе: в паре Холмс/Ватсон – один аналитик, мыслитель, а второй боец, но при этом человек, не лишенный наблюдательности, которому можно поручить и важные задания, связанные с подбором информации, как, например, в деле о смерти сэра Баскервиля. Это удивительно увлекательное занятие – изучать портрет героя или реального человека на фоне эпохи.

После разгрома англичан при Майванде Аюб Хан решил захватить Кандагар. Гарнизон стал готовиться к осаде, и чтобы избежать удара с тыла, британцы просто выгнали из города всех

мужчин-афганцев. В Индию послали телеграмму: *«Полное поражение и разгром сил генерала Берроуза. Большие потери среди офицеров и рядовых»*.

Вскоре мрачное известие достигло Кабула. Английские части как раз в это время начинали передислокацию в Индию, и конечно, тут же было решено их туда не отправлять, а послать десятитысячную группировку во главе с Робертсом под Кандагар. Расстояние 510 километров английские подразделения – пехота, конница, артиллерия, полевой госпиталь, обоз – прошли за 20 дней. Это был невероятный марш, и перепуганный Аюб Хан позиции возле Кандагара оставил и даже отправил Робертсу письмо о том, что вообще произошло недоразумение, а он готов с англичанами дружить. Но Робертс, конечно, ему не поверил, слушать не стал, он был суровый и серьезный вояка. Группировка прямо с ходу вступила в бой с афганцами, и перелом в сражении наступил после свирепой атаки 72-го шотландского полка и 2-го полка гуркхских стрелков. Аюб Хан бежал в Герат. В итоге он вообще покинул Афганистан, перебравшись в 1888 году в Британскую Индию, где ему назначили пенсию от правительства Великобритании.

После двух сражений, где Робертс убедительно разгромил превосходящие силы афганцев, престиж Британии в Азии был восстановлен. На кабульском троне сидел сильный и вполне лояльный англичанам эмир, власть которого была подкреплена победами английского оружия. Афганистан все же стал почти тем, чем его хотели сделать в Калькутте целых 20 лет, – буферным государством, защищающим границу Индии. А это было по-прежнему актуально, потому что, пока англичане разбирались в афганском вопросе, русские продолжили экспансию в Центральной Азии, все больше приближая свои границы к зонам английского влияния.

В 1876 году туркмены-текинцы попытались было перейти в подданство Персии. Русские дипломаты предупредили шахских чиновников, что Петербург этому будет не рад. В 1877 году был совершен поход на текинцев, но русский отряд скоро отступил из-за нехватки продовольствия. Туркмены восприняли это как победу – русские же ушли. Но для военного и политического руководства стало ясно – в сложившейся ситуации, особенно на фоне событий в Афганистане, России придется сдвигать границу еще дальше на юг, потому что огромные пространства от Каспия до Амударьи не могут долго быть ничьими. Они станут или русскими, или английскими.

Или, как вариант, афганскими, что фактически означает косвенный контроль англичан над регионом.

21 января 1879 года Особое совещание в составе командующего Кавказским военным округом Великого князя Михаила Николаевича, военного министра Милютин, нового главы МИД Николая Гирса (после провала Берлинской конференции Горчаков ушел в отставку) принимает решение о походе на район Геок-Тепе.

Для похода собрали отряд в 7000 пехотинцев, 2900 кавалеристов при 34 орудиях. Начальником экспедиции был назначен генерал Николай Ломакин, опытный военный, участник Хивинского похода. Ломакин сильно торопился выдвинуться в Геок-Тепе и тщательной подготовкой пренебрег. Хотя он, судя по документам, отдавал себе отчет в том, что противник его будет серьезный. И считалось, что подготовился он неплохо. И силы неприятеля оценил, и отряд серьезный собрал, и резерв подготовил.

В реальности все пошло немного не по-написанному. Войска не заготовили достаточно провианта и фуража, не была проведена разведка позиций противника, и самое главное, штурм крепости 28 августа 1879 года решили организовать, что называется, «в лоб». Артиллерия была разбросана по всему периметру стен, штурмовые лестницы русские не заготовили, а туркмены, как и ожидалось, показали себя храбрыми бойцами и при первой же возможности пошли в контратаку. Потери русских войск были очень большими для Туркестанского театра военных действий: 188 убитых и 276 раненых. Туркмены захватили более 600 новейших винтовок Бердана. Ломакин пытался рапортовать начальству, что ничего страшного не произошло, что противник сломлен и психологически подавлен, а в войсках, наоборот, царит боевое настроение. Когда в столице узнали подробности провального штурма, то Ломакина, конечно, отстранили от командования. Милютин писал в дневнике:

«Неудача наша поднимет дух противника, уронит наш престиж в крае и будет радостью для наших европейских врагов... Счастливее нас англичане: все невзгоды для них обращаются в выгоду. Есть известия уже о вступлении английских войск в Кабул».

Другое дело, что англичане были не очень уж счастливые. Затяжная афганская война вряд ли их очень уж радовала. Но так или иначе смириться с поражением от туркмен Российская империя не могла. Во всяком случае группировка «силовиков» в правительстве – Милютин, Гирс и генерал Николай Обручев, начальник Главного штаба, убеждали коллег, что «всякий шаг назад в Азии был бы

гибельным». Милютин высказывался более определенно по поводу туркменских земель:

«Без занятия этой позиции Кавказ и Туркестан будут всегда разъединены, ибо остающийся между ними промежуток уже и теперь является театром английских происков, в будущем же может дать доступ английскому влиянию непосредственно к берегам Каспийского моря. Занятие англичанами Кветты и Кандагара, быстрая постройка ими к этому пункту железной дороги от Инда и стремление их быстро водвориться в Герате ясно означают тот кратчайший путь, на котором должно состояться русско-английское столкновение или примирение»^[290].

В итоге Александр II подписал указ о новой экспедиции 1 марта 1880 года. Командующего для этой миссии император выбрал лично, и это был Михаил Скобелев. Сыграло свою роль и его участие в войне с турками, и знание Азии. Скобелев участвовал в подготовке плана похода лично, прочел все донесения Ломакина, собрал все доступные сведения об Ахал-Текинском оазисе, изучил опыт действий английских войск в Афганистане. В указе об экспедиции Александр II писал:

«Не отступать от раз принятого плана; не делать крайне опасного шага назад, который в глазах Европы и Азии был бы выражением нашей слабости, дал бы еще большую смелость нашим противникам и мог бы обойтись России еще несравненно дороже, чем предполагаемая экспедиция. Идти к цели систематично, ничем не рискуя... Начальником экспедиции назначить командира четвертого армейского корпуса генерал-адъютанта Скобелева».

К экспедиции Скобелев готовится тщательно. Заказывает опреснители для соленой воды. Узнав, что англичане во время войны в Афганистане использовали солнечный телеграф – гелиограф, заказывает себе такие же для связи между подразделениями. Как писали в военных книгах той поры, «гелиограф есть оптический прибор, с помощью которого небольшими наклонами зеркала на горизонтальной оси производят сверкания в условной последовательности, чем изображают знаки и буквы азбуки. Средняя дальность гелиографирования нашими аппаратами – до 25 верст».

На каждую тысячу солдат он берет 10–12 орудий. Каждый солдат имел по две пары сапог, заготовили зимние вещи, а именно 25 тысяч полушубков, 10 тысяч вязаных фуфаяк, теплые сапоги, рукавицы из верблюжьей шерсти. Военные грузы для экспедиции везли на берег Михайловского залива на Каспии, оттуда в аул Бами,

расположенный в 120 километрах от Геок-Тепе. Аул был точкой сбора русского отряда, и к ноябрю 1880 года там собрали больше 100 пудов провианта, 20 тысяч пудов овса, 2 миллиона патронов, тройной комплект зарядов и снарядов. Сам аул Бами превратили в укрепленный военный лагерь. И чтобы солдаты без дела не теряли боевого навыка, Скобелев требовал постоянно заниматься стрельбой и тактической подготовкой. Для офицеров он написал специальную инструкцию, вот краткие выдержки из нее:

«Обстановка, среди которой приходится нам действовать, такова: Бой за местные предметы предстоит ожесточенный. Неприятель храбр и искусен в одиночном бою; стреляет метко и снабжен хорошим холодным оружием; но он действует в рассыпную, в разброд или отдельными кучами, мало послушными воле предводителя, а потому неспособными, не смотря на свою подавляющую многочисленность, к единству действия и маневрированию массами».

«Будем бить противника тем, чего у него нет. Воспользуемся дисциплиною и нашим скорострельным оружием. Будем бить противника сомкнутым, послушным, гибким боевым порядком, дружными, меткими залпами и штыком, всегда страшным в руках людей, сбитых дисциплиной, чувством долга и круговой порукой в одно могучее тело – колонну».

«Атаки неприятельской конницы встречать соответственной переменной фронта, если это окажется нужным, и залпами с близкого расстояния; рекомендую также строить каре, даже батальонное если обстоятельства позволят».

1 июля 1880 года Скобелев проводит разведку боем. Лично ведет отряд на подступы к крепости. 344 пехотинца, 311 казаков и орудия. Операция продолжалась неделю, по итогам Скобелев пришел к выводу, что нужна еще более тщательная подготовка, что штурм с ходу не получится, что надо вести полномасштабную осаду и придется производить минные работы для подрыва стен. Все лето и осень шло пополнение запасов. Одновременно с этим русский гарнизон в Бами отбивал нападения текинцев. Завоз снаряжения Скобелев снова контролирует лично. Он ездит по всей линии снабжения, даже несколько раз переплывает Каспий, чтобы понять, как там, на Кавказской стороне, все налажено.

13 ноября 1880 года Скобелев издает приказ, суровый и мотивирующий:

«Остановить исполнение Высочайшей Государя Императора воли не могут ни невзгоды зимнего похода, ни усиленные болезни, ни кровопролитные столкновения с неприятелем. Еще есть время; пусть по честному убеждению все недостаточно сильные духом и телом оставят ряды наши: без них, слабых энергией, мы станем еще дружнее, еще крепче и вновь прославим отечественные знамена, вверенные Государем Императором нашей стальной выносливости, нашему русскому мужеству».

26 ноября началось выдвижение отряда к Геок-Тепе, в 22 километрах от которого был создан опорный пункт Самурское. Связь между пунктами осуществляется по закупленным гелиографам. Участник похода генерал Александр Верещагин, брат художника, описывал их применение:

«Не прошло двух суток, как Петрусеви́ч приводил в Самурское транспорт, у нас распространяется слух, что он убит под Геок-Тепе. Я бегу на гелиографную станцию, которая помещалась на передней стенке капы и переговаривалась с отрядом, и прошу запросить начальника гелиографов, капитана Максимовича, насколько слух справедлив. Через четверть часа получаю ответ от Максимовича: “Генерал Петрусеви́ч убит и похоронен”»^[291].

Скобелев провел тщательную разведку, выяснив максимум возможного о войсках противника: состав, настрой, слаженность. Стоит сказать, что генерал и сам проводил как-то разведывательные мероприятия. После заключения перемирия с турками в 1878 году он, переодевшись в гражданскую одежду, ходил по улицам Стамбула, изучал, записывал, готовился к возможному штурму.

По Геок-Тепе он заставил всех высших провести разведку боем со своими подразделениями, чтобы изучить в боевых условиях местность и тактику туркмен. При этом о штурме речь не идет, русские строят редуты, укрепляют позиции батарей, роют траншеи. К 28 декабря вырыты две параллели, то есть осадные траншеи, ведущие к городской стене. И в ту же ночь текинцы атаковали русские укрепления. Всю ночь русская артиллерия работала по крепости, нагоняя ужас на защитников. Потери в ходе ночной атаки составили 5 офицеров и 91 рядового. Головы убитых текинцы унесли с собой в крепость. В ответ Скобелев передвигает лагерь на 500 метров ближе к стенам крепости. Военный историк, генерал Александр Гейнс описывал действия генерала после атаки:

«Генерал Скобелев, прибывший с резервами, тотчас же начал обходить траншеи, везде с ласковой улыбкой, составлявшей его

характерную физиономическую черту в бою, благодарил солдат за молодецкое дело, за отбитие неприятеля; при этом мы имели случай видеть, какое поразительное влияние он имеет на войска: везде, где он проходил, солдаты веселели и даже местами пошучивали»^[292].

Ночью 30 декабря туркмены снова атаковали русских. 53 погибших, захваченное горное орудие, боеприпасы, и еще текинцы взяли в плен русского бомбардира-наводчика Агафона Никитина. Они хотели заставить его вставлять в гранаты запальные трубки. Но не смогли. Он был из семьи старообрядцев, крепкий духом и верой человек. Ему отрубили пальцы на ногах и на руках, отрезали уши, вырезали кожу со спины, но он не предал товарищей и не стал стрелять по ним.

Скобелев приказал ускорить работы по продвижению к стенам крепости, потому что ночные атаки, конечно, ослабили боевой дух русских солдат и офицеров. Надо было срочно переходить к решительным, но осозанным действиям.

К 5 января 1881 года до стен оставалось около 100 метров, и Скобелев потребовал начать рыть минную галерею – подкоп под стену. Он пишет приказ: *«Все мнения, клонящиеся к отсрочке осады, я отвергаю, и все действия, которые могут отклонить приближение штурма, я не допускаю. Вперед, вперед, вперед! С нами Бог. Никакой литературы, в бой!.. Осада ни в коем случае не будет снята; штурмы будут повторяться до последней крайности. Отступления же из-под Геок-Тепе ни в коем случае не будет».*

Солдат и офицеров генерал воодушевляет личным примером. Он каждую ночь в окопах, по его приказу артиллерия пускает ракеты, чтобы освещать местность, а солдаты подсказывают, что лучше бы им не в окопах сидеть, ждать нападения, а отойти чуть назад и оттуда стрелять по текинцам, когда они перелезают бруствер. В ночь на 5 января разведка доложила о том, что туркмены готовят вылазку. Около 12 тысяч человек пошли под прикрытием темноты на русские траншеи, но солдаты, стоя в 30–50 метрах за ними, просто расстреливали атакующих из ружей и пушек. Очевидец, уже упомянутый мной военный инженер генерал Алексей Маслов, так писал об этом:

«“Ро-та, пли! Ро-та, пли!”; остервенелый крик текинцев, напоминающий вой зверей, и торжественный марш Ширванского полка, играющий где-то и как-то оригинально звучащий среди всей этой дьявольской кутерьмы»^[293].

Войска Скобелева потеряли 11 человек убитыми, туркменские потери исчислялись сотнями. Больше ночных атак не было. А тем временем саперы рыли галерею. Все тот же Маслов красочно описал, как это выглядело:

«Минная галерея, склоняясь, идет вперед с таким расчетом, чтобы пороховая камера пришлась под стеной на глубине двух сажень. Здесь очень тесно: из галереи постоянно передают мешки с землей; одни их подхватывают, другие относят назад, ссыпают на брустверы и опять идут за мешками.

В галерее темно, и только в конце тускло светятся постоянно горящие свечи. Вдоль галереи сидят, с небольшими промежутками, рабочие, которые передают друг другу мешки с землей. Впереди раздаются глухие удары мотыги и поскребывание лопаты; здесь работают минеры. Жара и духота страшные; на лицо садится пар от дыхания и подземная сырость; свечи оплывают и горят тускло, и совсем бы потухли, если бы не приток свежего воздуха из вентиляционного рукава. С работающих пот льет градом, но отдыхать некогда»^[294].

В ночь с 7 на 8 января крепость подвергли массированному обстрелу. Пушки проббили брешь, текинцы ее заделали под огнем. 10 января Скобелев проводит репетицию штурма – боевое слаживание частей перед решающей атакой. Саперы заложили и подорвали заряды около стен, орудия открыли стрельбу по стенам, и одну из пробоин специальная, как тогда было положено по осадной науке, брешь-батарея держала открытой больше суток.

В полночь на 12 января была дана команда к штурму. Во главе двух штурмовых колонн были поставлены известные в войсках офицеры – полковники Куропаткин и Козелков, отвлекающий маневр был поручен колонне подполковника Гайдарова. Большой резерв оставался в распоряжении самого Скобелева. В семь часов утра началась артподготовка, в 10 часов 30 минут были завершены минные работы, и подрыв стены назначили на 11 часов 20 минут. Все подразделения отвели подальше от головных траншей, чтобы не перебило осколками разрушаемой стены. Очевидец событий, генерал Уральского казачьего войска Александр Лазаревич Гуляев, участник, пожалуй, всех главных Туркестанских походов, описывал это так:

«По нашей траншее то и дело сновали взад и вперед саперные и инженерные офицеры. Скоро они протянули провод и сказали нам, что все готово для взрыва. В 11 часов нам было приказано очистить траншею и идти скорее назад к Охотничей кале»^[295]. Сотня была

поставлена в самой кале, у гальванического аппарата. Инженерные офицеры Рутковский и Маслов смотрели на часы, “Ну, казачки, сказал Маслов стоявшей сотне, вот через 40 секунд взорвем стену”. Настало томительное ожидание... Полагали, что будет страшно оглушительный гром. Но вот, среди артиллерийской канонады, раздался особенный какой то подземный глухой удар, земля под ногами заколебалась, и громадные глыбы стены поднялись к небу. Некоторые видели в этой земляной массе взлетевших людей...

Пальба артиллерии внезапно смолкла. Несколько секунд была тишина. Но вот раздался барабанный “бой к атаке”, музыка ударила какой то залихватский марш и ширванцы ринулись на штурм.

Кругом загремело “ура”. Мы побежали занимать опять головные траншеи, которые после взрыва были не узнаваемы»^[296].

Многих солдат штурмового отряда засыпало осколками, кого-то контузило. Но все пошли в атаку. Инженерный офицер Маслов, упомянутый Гуляевым, тот самый генерал и писатель, рассказывал о штурме так:

«Кучка удалцов, текинцев, теснясь во внутреннем рву, бросились очертя голову отбивать обвал, и между обеими сторонами завязалась перестрелка в упор и рубка шапками... В это время охотники Воропанова уже взобрались за правый парапет и, то перестреливаясь, то схватываясь холодным оружием, наступали по стене. На позиции музыка играла марш и стройно, с барабанным боем подступали резервы... В толпе солдат и офицеров, теснившихся на вершине и по скату обвала, раздалось громкое, бешеное “Ура!”, сверкали штыки и сабли, в облаке дыма и пыли развевалось ширванское знамя^[297] (то есть знамя Ширванского батальона. – Прим. авт.). Раздавались крики “Туров^[298] сюда подавай! Орудие, орудие сюда!” – и саперы с лихорадочной быстротой, бросая в толпу землей, расчищали лопатами въезд и площадку для орудия. Поднесли туры и мешки. Артиллеристы, перетаскивая на руках горные пушки через высокую плотину, тянули их к обвалу.

Во рву располагался перевязочный пункт. Наконец-то войска увидели внутренность Денгиль-Тепе^[299]!»

Скобелев сам едва не бросился в бой, его удержали. Но, собственно, бой был не очень долгим, закончили его за два часа, и еще несколько часов военные проводили зачистку крепости. Солдаты вели себя жестко и даже жестоко, стараясь отомстить за зверски

убитых товарищей. Назначенный комендантом крепости генерал Верещагин писал в мемуарах:

«В стороне, за большой, совершенно новенькой белой кибиткой, заметны фигуры двух солдат с синими околышами. Они спорят между собой из-за текинского мальчика, лет четырех. Один хочет заколоть ребенка, другой не дает, хватается за штык и кричит:

– Брось, что малого трогать – грех!

– Чего их жалеть? Это отродье все передуть надо, мало что ли они наших загубили! – восклицает солдат и замахивается штыком. Завидя нас, они оба скрываются между кибитками, а мальчишка уползает в какое-то отверстие в земле. Таких отверстий или нор я нашел потом множество по всей крепости. Под конец осады текинцы стали спасаться от наших бомбардировок в землянках, наподобие тех, какие роют кроты.

Вон партия солдат, человек 5–6, подходит к одной землянке. Она представляет собой как бы берлогу и помещается под землей, только круглое отверстие или вход в нее чернеет издали. Из землянки доносится чей-то плач. Солдаты останавливаются, наклоняются, прислушиваются, толкуют между собой, просовывают в отверстие ружья и стреляют в темноту, на голос. Крики сначала замирают, но затем усиливаются. Солдаты хохочут, дают еще несколько выстрелов и, по-видимому, совершенно довольные, двигаются дальше.

Навстречу им, тихонько пробираясь между опрокинутыми кибитками, разоренными землянками, разбросанной домашней рухлядью и хламом, тянется длинная вереница кубанских казаков. У каждого из них в руках по ребенку, а у некоторых и по два. Малютки, в крошечных тюбетейках на головах, в страхе жмутся к своим суровым охранителям»^[300].

Вслед за бежавшими из крепости текинцами Скобелев послал казаков и драгун. Они гнали туркмен больше 15 километров и рубили всех, кто не успевал скрыться. Женщин и детей вернули в крепость. По данным Скобелева, погибли около восьми тысяч текинцев из примерно 30 тысяч, находившихся в крепости. Через три дня по приказу командующего отряд генерала Куропаткина выдвинулся в сторону Ашхабада и других кишлаков оазиса, имея задачу привести туркмен к покорности русской власти. Вместо двух лет, предусмотренных первоначальным планом, экспедицию против текинцев провели за 9 месяцев. Территория Российской империи увеличилась на 30 тысяч квадратных километров. Маленькая деталь

– в этом походе, в осаде Геок-Тепе, принимали участие и сестры милосердия. Среди них была и одна юная графиня. Фамилию она носила Милютина. Да, это была дочь военного министра империи. Она ухаживала за ранеными и больными наравне с прочими медсестрами. Вот примерно так и формируется элита страны. Точнее должна формироваться. В понимании, что такое настоящая жизнь и что такое служение Отечеству.

Впрочем, покорение туркмен этим не закончилось. Хотя население Ахалтекинского оазиса смирилось, присягнуло русскому царю, к Александру II отправилась делегация текинцев. А Скобелев, хоть и громил их нещадно, был восхищен их мужеством и отвагой. Он говорил: «Текинцы такие молодцы, что свести несколько сотен такой кавалерии под Вену – не последнее дело».

В 1882 году начальником Закаспийской области был назначен генерал-лейтенант Александр Виссарионович Комаров, участник Туркестанских походов. Он, конечно, не мог не обратить внимания на туркменский город Мерв, который все еще находился вне зоны русского влияния. Туда на переговоры был отправлен Максуд Алиханов-Аварский. После дуэли тот, напомним, был разжалован и находился в звании штабс-ротмистра. Он посетил Мерв первый раз тайно, под видом купца, в 1882 году, в течение нескольких недель он вел там работу со старейшинами, племенными лидерами, вождями, общался, собирал информацию. В конце 1883 года Алиханов вновь отправился в Мерв, но уже как русский офицер, что было неожиданностью для многих тамошних туркмен, они ведь помнили его как обычного торговца. Но на этот раз он прямо объяснил им, что привез предложение от русского царя и им стоит его выслушать. Причем он ясно дал понять – русские власти знают, что здесь бывают англичане, что они обещают покровительство и поддержку туркменам. Но лучше им быть вместе с Россией. Приведу подробный рассказ самого Алиханова о том, как это было:

«Около десяти часов утра 1-го января 1884 года все съехавшиеся ханы, кетхуды, ахсакалы всех родов и колен Мервских текинцев, в числе около трехсот человек, уселись огромным кольцом, на равнине, за аулом ханши. За ними сплошной стеной теснились две-три тысячи любопытных, а в середине круга был разостлан для меня небольшой коврик. Войдя в средину один, я произнес громко по-туркменски:

– Привет вам, уважаемые ханы и представители мервского народа!

Затем, опустившись на ковер, я продолжал так:

“Вы, собравшиеся здесь, представляете совет лучших умов Мервского народа. Сегодня решится его судьба. Она – в ваших руках, потому что будет зависеть от степени вашего благоразумия и осмотрительности. Приглашаю вас, поэтому, выслушать меня с должным вниманием. От сильнейшего государства в мире я уполномочен предъявить вам нечто чрезвычайное... Слушайте!

Прошло три года с тех пор, как русские завоевали Ахал. В течение этого времени никто не посягал на вашу независимость и вам была дана полная возможность жить мирно, в качестве добрых соседей. Это было сделано между прочим и потому, что Мерв сам по себе не представляет особого соблазна, и величайшему в мире русскому государству совершенно безразлично, принадлежит ему этот край или нет. Но русские убедились за те же три года, что жить мирно – не в ваших привычках... Вы привыкли иметь дело с слабыми персами и, несмотря на свежий еще геок-тепенский урок, забыли, к сожалению, что русские – не персы. Ни одно солидное государство не потерпело бы под боком у себя вашего образа жизни. России и подавно нечего с вами церемониться!.. И вот, настал момент, когда она считает, что вы должны немедленно и безпрекословно сделаться подданными Белого Царя, или же приготовиться встретить через две недели русские войска. Итак, выбирайте: благоденствие мирной жизни, или – безпощадная война, которая, смею вас уверить, может стереть с лица земли не только вас, но и самое имя Мерва!..

Теперь я забуду на минуту, что я русский офицер, и буду говорить с вами частным образом, в качестве вашего единове́рца.

Обсудив спокойно русское требование, вы можете принять его – или решиться на войну. Скажу вам откровенно, что я лично и все подобные мне русские офицеры будем рады войне. Война с вами, при вашей численности и вашем оружии, была бы для нас только забавой, которая, однако, принесет многим славу, чины, ордена, деньги, словом – все, о чем мечтает каждый русский военный. Но вы – не русские офицеры, ваше положение иное, и совершенно различны последствия ожидают вас, смотря по тому, на что вы решитесь... Подумайте об этом...

Я знаю, люди несведущие, а может быть и недобросовестные, вселили в вас убеждение, что русские, как гяуры, не терпят мусульман и силою обратят вас в христианство. Не верьте этому!.. Мусульманские царства Казанское и Астраханское присоединены в

России несколько столетий тому назад, Крым – более ста лет в подданстве России, а многия провинции Кавказа – десятки лет. Тем не менее, жители этих стран и сегодня – мусульмане, и почище вас!.. Отец мой, – посетивший Мекку и Медину, – служил сорок лет и дослужился до чина генерала; я служу двадцать лет. Мы оба, слава Богу, мусульмане, а подобных вам – почти четырнадцать миллионов у Белого царя... Нет, русские не преследуют мусульман, им нет дела до религии, они требуют только верного подданства и доброго поведения. Скажу более, строгое соблюдение правил всякой веры внушает русским только уважение...

Для окончательного уяснения вам истины, скажу два слова и об англичанах, так как знаю, что между вами есть люди, болтающие об Англии...

В какую бы страну ни направились русские, им постоянно приходится слышать, что местное население подстрекалось к сопротивлению каким-нибудь английским эмиссаром, введившим народ в заблуждение щедрыми обещаниями денег, оружия и даже войска. Не верьте таким людям. Обещания их всегда оказывались пустыми словами и ни разу не помешали русским придти и силою оружия принести в исполнение свою угрозу.

Еще недавно вы дали бывшему здесь О’Доновану, за вашими печатями, огромную бумагу о том, что согласны быть подданными Англии. Почему же после этого англичане не пришли и не водворили порядка между вами? Потому что, имея на шее такую обузу, как Индия, хотя и с обабившимися индусами, они не в силах это сделать. Откуда они придут к вам, когда вас окружают земли, не принадлежащая Англии? А откуда придут русские – вы очень хорошо знаете. В ожидании вашего ответа, в трех переходах отсюда, на Карры-бенге, стоят передовыя их войска, за которыми повалит к вам столько тысяч, сколько царской душе будет угодно... Знайте это!

Итак, подданство или – война?.. Я уверен, что вопрос этот уже решен в голове каждого из вас, и потому, для совещания и передачи мне ответа, даю вам полчаса времени”.

Пока я говорил, в кругу царило молчание; в серьезных лицах представителей и окружавшей толпы можно было читать только напряженное внимание и некоторое впечатление. Но когда, окончив речь, я поднялся с места, вдруг со всех сторон раздались громкие восклицания:

– Баракялла (спасибо)!!!

Это было хорошее предзнаменование.

Минут через двадцать, которых я прождал не без некоторого колебания между надеждой и сомнением, мне дали знать, что ответ готов. Я снова занял свое место.

– Ну, кого вы избрали для передачи мне ответа?

– Мехтем-Кули-хана! – слышались голоса с разных сторон.

Он сидел в кругу, между представителями рода Векиль.

– Мехтем-Кули-хан, – обратился я к нему, – в чем состоит ответ Мервского народа?

– Представители Мерва, – произнес он среди всеобщего молчания, – единогласно постановили принять подданство Белого царя...»

В Лондоне и Калькутте были возмущены поведением русских. Новость о том, что Мерв теперь русский, ну или лояльный России, британскому послу сообщил Николай Гирс, как бы между прочим. Посол не нашелся даже что ответить. Другое дело, что возмущение англичан выглядело как-то странно, учитывая, что за год до этого, в 1883-м, эмир Абдуррахман-хан с их помощью занял Пендинский оазис на реке Муртабе, то есть подвинул свои посты ближе к русским границам, а упомянутый Алихановым агент побывал в Мерве и пытался агитировать туркмен против России. И если в Лондоне полагали, что Петербург этого не заметит, то ошиблись. Российская империя на вызов ответила. Хотели? Ну вот вам. #МервНаш.

Глава 16

Присоединение Мерва в британской историографии принято называть словом аннексия, что в целом понятно. Если демократическая Британская империя захватывает Пенджаб или ведет войну в Афганистане, то это просто колониальная политика. Естественный ход вещей. А если Мерв признает власть русского царя без единого выстрела, то тут налицо нарушение международного права. Реакция на события в Азии была бурной. Английская пресса рвала и метала, обвиняя русских в коварстве, а своих политиков в мягкотелости. Британский военный атташе в Санкт-Петербурге написал, что русские генералы планируют захват Герата. При этом Лондон был полностью вовлечен в войну в Судане, где английская армия завязла и несла большие потери. Там погиб генерал Чарльз Гордон – участник Опиумных войн и осады Севастополя.

Английские политологи той поры принялись писать новые книги о русской угрозе. Одна за другой появились «Российское наступление на Индию» и «Русские в Мерве и Герате и их силы вторжения в Индию». Их автором был Чарльз Марвин, корреспондент лондонской газеты «Глоб» в Санкт-Петербурге. Он хорошо знал русский язык, общался со многими высшими чиновниками, писал просто и убедительно, причем он был совершенно искренне уверен в том, что намерения России не ограничиваются Средней Азией и им нужно срочно что-то противопоставить. Были и книги военных аналитиков – Деметриуса Боулгера «Среднеазиатские вопросы», полковника Мейлисона «Русско-афганский вопрос и вторжение в Индию», выходили сотни брошюр, статей, комментариев в газетах.

Отличился и Арминий Вамбери – он приехал из Австро-Венгрии в Лондон, где выступал на политических митингах против «русской угрозы», давал интервью о том, что русские могут превратить Азию в зону сплошной войны, некий анонимный доброжелатель (ну бывает такое, просто понравились человеку труды Вамбери) дал ему в распоряжение роскошную квартиру с поваром, слугами и винным погребом. Он пробыл в Англии три недели, потом вернулся в Будапешт и за 20 дней написал очень важную и своевременную книгу «Будущая борьба за Индию». Там не было ничего нового, никаких оригинальных мыслей. Все то же самое

про русскую угрозу, происки в Азии, про русское коварство и так далее. Но вышла книга вовремя. И тут же стала бестселлером года.

И в это же время была выпущена еще одна книга, точнее, брошюра, о русской угрозе и методах противодействия ей. Вышла она небольшим тиражом под грифом «секретно». Ее автором был генерал-майор сэр Чарльз Мэткальф Макгрегор, и называлась она «Оборона Индии». Как многие английские участники Большой Игры, он родился в Индии, а точнее, в Агре, в августе 1840 года. Его дед, генерал-майор Джеймс Макгрегор, служил в Бенгальской кавалерии, и Чарльз, конечно, не мог выбрать другую карьеру. Он закончил военный колледж Мальборо в Англии и в январе 1857 года поступил в 57-й пехотный туземный полк Бенгальской армии. Вскоре началось Восстание сипаев, Чарльз участвовал в подавлении мятежа, в частности в сражении при Лакхнау, был ранен, но остался в строю. В последующие годы он выполнял особые миссии – совершал военные экспедиции в отдаленные районы Индии, в Бутан, в Китай, ездил в Афганистан и Персию. Во время Второй англо-афганской войны Макгрегор был командиром 3-й пехотной бригады Кабульско-Кандагарского корпуса, и вместе с Робертсом он громил Аюб хана под Кандагаром.

19 ноября 1880 года Макгрегор стал генерал-квартирмейстером индо-британских войск и заодно начальником разведывательного департамента. Лучшего кандидата на эту должность было и не найти. Работу разведслужбы генерал жестко систематизировал. Прежде всего он перенес штаб разведки в Симлу, поближе к Средней Азии и Памиру. Основную задачу для штаба он определил как сбор и оценка информации о российских войсках в регионе. Кроме того, разведчики переводили на английский язык все доступные российские источники: книги, статьи, перехваченные письма. За сбор полевой информации отвечали офицеры погранслужбы и Корпуса разведчиков, информацию они передавали в политический департамент. За картографическую работу отвечала Служба Индии (встречается и другое название – Индийская служба), та самая, за которой числились пандиты. Но четкой координации между службами и обмена информацией не было. Макгрегор попытался эту работу систематизировать, хотя и безуспешно.

Чиновникам политического департамента, да и Службы Индии не сильно понравилось, что генерал лезет в их дела. И кроме того, многие не разделяли этих паникерских настроений про русскую угрозу или были уверены, что русскую армию можно будет

остановить на самых дальних подступах. И тогда Макгрегор решил показать коллегам, что Индия совершенно незащищена. Летом 1883 года, имея доступ ко всем отчетам разведки, приступил к написанию книги «Оборона Индии». Он собирал материалы почти год, консультировался с коллегами, подолгу и часто разговаривал со своим другом генералом Робертсом, сидел над картами, высчитывал расстояния, анализировал возможности русской армии, исходя из хода боевых действий в Азии, на Балканах и на Кавказе. И в июне 1884 года его книга с таблицами, картами и приложениями увидела свет в Симле, где ее напечатали в штаб-квартире разведки.

Макгрегор считал, что русская атака на Индию будет совершена с пяти направлений. Русские пройдут через Герат, через Центральный Афганистан, провинцию Бамиан к границе, через Кабул к Хайберскому ущелью, и две колонны пойдут с севера через Читрал и Гилгит. Генерал предположил, что русским будет достаточно собрать группировку в 95 000 человек, а индийская армия не сможет противостоять русским. И дело не в количестве, а в качестве боевой подготовки. Поэтому Макгрегор писал, что штат индийской армии следует увеличить, что английским войскам надо срочно занять Герат и поставить гарнизон в Кандагаре. Еще он обратил внимание на то, что русские строят сеть железных дорог в Средней Азии, и делают это быстро и качественно.

Генерал писал, что договориться с русскими не получится никогда и единственный способ спасти ситуацию – это давить на Петербург через Германию, Австрию и Турцию. «Я торжественно заявляю о моем убеждении, – писал он, – что реальное урегулирование англо-российского вопроса невозможно до тех пор, пока Россию не вытеснят с Кавказа и из Туркестана». Книга была напечатана по личной инициативе генерала, и он разослал ее влиятельным политикам в Лондоне и Калькутте. Реакция получилась не совсем та, на которую рассчитывал Макгрегор. Премьер Гладстон был рассержен, он считал, что генерал превысил полномочия, правительство распорядилось приостановить рассылку книги, отосланные экземпляры изъяли. Но уже скоро одна из копий книги попала в руки русской разведки, которая, стоит признать, умела работать. Книгу внимательно изучили, а в 1891 году и вовсе издали в Петербурге на русском языке.

Но, конечно, прежде всего с ней ознакомились русские военные аналитики и востоковеды. В числе ее первых читателей были генералы Терентьев и Соболев. И вообще, русская военная разведка

в эти годы вовсе не бездействовала. А то может сложиться впечатление, что вот, дескать, у англичан и пандиты были, и секретные службы, и аналитика, и великие разведчики, а у Российской империи ничего. В действительности в России была и своя аналитика, часто ей занималось Императорское Русское географическое общество. Были и разведчики, не хуже, а даже лучше английских.

Имя одного из них мы знаем с детства, его портрет мы видели в школьном учебнике географии. Звали его Николай Михайлович Пржевальский. Выпускник Академии Генерального штаба, он считается одним из родоначальников современной оперативной разведки. Как минимум в России. Потому что англичане тоже работали по схожей схеме. Считается, что Пржевальский предложил Генштабу вести самостоятельную разведку, то есть самому выезжать в экспедицию, собирать информацию под видом научных изысканий. До этого просто собирали информацию, военно-научные экспедиции проводились редко. Скорее они были научно-дипломатические, как, скажем, поездка Игнатьева в Хиву и Бухару. Того, что начал делать Николай Михайлович, не делал никто раньше.

Н. Пржевальский

Николай Михайлович Пржевальский

В 1867–1869 годах он совершает экспедицию по Дальнему Востоку. Он едет на вновь присоединенные по Пекинскому договору территории и наносит на карту области вдоль рек Амур и Уссури. Причем едет он туда в разгар так называемой «Манзовской войны». Манзами называли местных китайцев, которые жили на территории теперь уже Российской империи, но сохраняли китайское подданство. Активная русская колонизация многим не нравилась, не нравилось и то, что новая администрация вводила новые правила на

территориях, и в ответ банды китайцев грабили месторождения золота, местные племена нападали на русских колонистов. Капитан Пржевальский участвовал в боях, причем удачно, и после этого его назначили старшим адъютантом штаба Приамурского военного округа, то есть начальником одного из отделов штаба. А дальше его снова вызвали в столицу и поставили задачу готовить экспедицию в Центральную Азию. Она продолжалась три года – с 1870 по 1873-й. И важно понимать, как готовили экспедиции. Подбором личного состава занимался Пржевальский, а окончательно согласовывал его военный министр Милютин. Организатором считалось Географическое общество, но вот оплачивал экспедиции Военно-ученый комитет Генерального штаба, часть функций этого комитета выполняет сегодня Главное разведывательное управление ГШ.

И по возвращении из экспедиции Пржевальский написал два отчета. Один – для Русского географического общества, другой – в Генеральный штаб. Итак, первая трехлетняя экспедиция Пржевальского прошла на территории Монголии и Центральной Азии. С 1870 по 1873 год русские путешественники изучали эти территории, в то время как совсем рядом с ними, в Синьцзяне, не утихало восстание, начавшееся в 1864 году. И в этом смысле разведывательная работа Пржевальского была крайне важна для империи, потому что надо было понимать, насколько стабильна ситуация внутри Китая и на его окраинах.

Вторая центральноазиатская экспедиция Пржевальского, так называемая Лобнорская, от озера Лобнор, прошла с 1876 по 1877 год в еще более сложных условиях. Озеро расположено в Синьцзяне, точнее, на Кашгарской равнине. То есть экспедиция ехала туда, где шла война, где разъезжали такие же английские «исследовательские» отряды, где в армии Якуб-бека были британские советники, а сама армия была вооружена английским оружием. Но при этом шла война уйгур с китайцами. Пржевальский даже встречался с Якуб-беком, и тот, видимо, понимал, что перед ним не просто путешественник.

Третья центральноазиатская, или первая Тибетская, экспедиция Пржевальского проходила в самый разгар кризиса в регионе, с 1879 по 1881 год. Русские войска на Амударье, Столетов в Кабуле, война в Афганистане. И в регионе, конечно, разведчиков, как русских, так и английских, было полно. В Лхасу, столицу Тибета, Пржевальский, впрочем, не попал, хотя и стремился туда. Его просто не пустило местное правительство, но он все же собрал огромное количество не только военной, но и научной информации. Именно после этой

экспедиции он сообщил первые сведения о новом виде лошадей, ранее неизвестном науке, позднее их назвали лошадьми Пржевальского.

Четвертая центральноазиатская, или вторая Тибетская, экспедиция продолжалась три года, с 1883 по 1886-й, отряд выехал из Кяхты, прошел на Тибетское плоскогорье, исследовал истоки Желтой реки, а вернулась экспедиция в город Каракол.

По пути в новую экспедицию Николай Михайлович заболел, точнее, он уже отправился в путь, испытывая недомогание. Это был брюшной тиф, и 20 октября 1888 года Пржевальский скоропостижно скончался. Его похоронили, согласно завещанию, на берегу озера Иссык-Куль. Сейчас там расположен музей путешественника, стоит памятник, и до распада СССР город Каракол назывался Пржевальском. Проникновенное эссе на смерть великого путешественника написал Антон Павлович Чехов:

«Н. М. Пржевальский, умирая, просил, чтобы его похоронили на берегу озера Иссык-Куль. Умиравшему Бог дал силы совершить еще один подвиг – подавить в себе чувство тоски по родной земле и отдать свою могилу пустыне. Такие люди, как покойный, во все века и во всех обществах, помимо ученых и государственных заслуг, имели еще громадное воспитательное значение. Один Пржевальский или один Стэнли стоят десятка учебных заведений и сотни хороших книг.

Такие люди, как Пржевальский, дороги особенно тем, что смысл их жизни, подвиги, цели и нравственная физиономия доступны пониманию даже ребенка. Всегда так было, что чем ближе человек стоит к истине, тем он проще и понятнее. Понятно, чего ради Пржевальский лучшие годы своей жизни провел в Центральной Азии, понятен смысл тех опасностей и лишений, каким он подвергал себя, понятны весь ужас его смерти вдали от родины и его предсмертное желание – продолжать свое дело после смерти, оживлять своею могилою пустыню... Читая его биографию, никто не спросит: зачем? почему? какой тут смысл? Но всякий скажет: он прав»^[301].

Экспедиции Пржевальского можно назвать глубоким рейдом разведотряда на территорию вероятного противника. Во всяком случае, многое похоже. Сначала все четко планировали, определяли задачи, прорабатывали маршрут, определяли необходимые для решения задачи силы и средства. Придумывали, как в случае необходимости можно будет связаться со своими. В экспедиции

Пржевальского уходили только добровольцы. И это понятно – два или три года им предстояло провести в неизведанных местах. Общая протяженность маршрутов всех путешествий разведчика и географа составляет 31 500 километров.

Состав отряда был, как правило, такой: три – пять офицеров, столько же солдат, до десяти казаков, переводчик. Проводники нанимались из местных жителей в случае необходимости. На каждого путешественника выделялось по винтовке и по два револьвера. Пржевальский лично смотрел до выхода, как складываются отношения среди коллектива. Если было необходимо, менял состав. Временами от основных сил отряда высылали дозоры на расстояние до 100 км, а иногда экспедицию разделяли на два отряда, каждый из которых выполнял свою задачу. Обычно впереди основного отряда шел небольшой дозор. И сейчас разведчики или спецназ работают по такой же схеме.

Отношения путешественников с местными жителями складывались по-всякому. Кто-то приглашал в гости, угощал, кто-то просил о помощи, кто-то хотел узнать, зачем едут посланцы «белого царя». А кто-то пытался ограбить или убить. Стычки и нападения случались не так уж и редко. Так что у путешественников были в том числе и боевые награды. Какую информацию везли из путешествий? Понятно, что все, касающееся географии: карты, исследования климата, породы в горах и пустынях, колодцы и реки. Есть книги Пржевальского о его поездках. Они вполне доступны, легко читаются. Но вот какие еще писал путешественник отчеты, можно только догадываться. Понятно, что Пржевальский составлял карты, собирал информацию о войсках на посещаемых территориях, о состоянии дел во внутренней политике, о присутствии эmissаров в других странах. Однако те самые другие, особые, отчеты, засекречены до сих пор и хранятся в специальных архивах.

Николай Михайлович Пржевальский был важным участником Большой Игры. Он был удивительным разведчиком и глубоким ученым. И мы незаслуженно мало знаем и говорим о нем.

К 1885 году ситуация в Центральной Азии обострилась настолько, что едва не переросла в англо-русскую войну. Понятно, что сами англичане воевать не собирались, они полагали, что это сделает эмир Абдуррахман-хан. В 1881 году он разбил войска Аюб хана и присоединил Гератский оазис. Он объяснил всем бекам, что не потерпит своеволия. Он по-восточному жестоко наводил порядок в стране: кто не хотел подчиняться центральной власти, лишался как

казны, земли, дворцов или жизни. Абдуррахман разогнал расплотившиеся после войны шайки, провел административные и военные реформы, создав более-менее приличную армию, перевел под контроль государства сбор налогов.

Но для него проблема была в том, что он слишком зависел от англичан. Еще при назначении на пост англичане передали Абдуррахман-хану письмо вице-короля Индии, который указал, что эмира будут поддерживать, если «эмир будет неуклонно следовать советам правительства Британской империи в своих внешних сношениях». И военные реформы Абдуррахман проводил на деньги англичан. Примерно как сейчас Афганистан реформирует армию на деньги, выделенные из американского бюджета.

Калькутта очень приветствовала присоединение Герата, и при одобрении Индийского правительства в 1883 году Абдуррахман-хан ввел войска в три небольшие памирские княжества: Рушан, Шугнан и Вахан. Они когда-то были вассалами Кокандского ханства. А потом стали независимыми. Ввод афганских войск прямо противоречил англо-русским договоренностям 1873 года, когда было решено реку Амударью считать границей Афганистана. Понятно, что на такое Абдуррахман не мог решиться без «отмашки» из Лондона.

Эта военная кампания проходила под контролем русской военной разведки. Как раз в 1883 году, в разгар событий, в Западный Памир была снаряжена экспедиция под руководством капитана Генерального штаба Дмитрия Васильевича Путята. Молодой офицер, выпускник Николаевской академии Генерального штаба (он окончил ее по первому разряду, то есть на «отлично»), был сразу по окончании учебы произведен в капитаны Генерального штаба и прикомандирован к штабу Туркестанского военного округа офицером для поручений. Словом, он стал разведчиком. В 1882 году он прошел практику при Ташкентской обсерватории, потом провел рекогносцировку в пустынях Каракум и Кызылкум. А весной 1883 года Путята был назначен начальником Памирской экспедиции.

По схеме, отработанной Пржевальским, был подобран личный состав. Три офицера, конвой из двенадцати казаков и восемь киргизов. Организацией похода занимался начальник Ферганской области генерал Абрамов, а официальной целью были заявлены научные изыскания, для чего были подготовлены письма к правителям Шугнана и Вахана. 8 июня отряд вышел из города Ош и отправился в долгое путешествие по Памиру и Кашгару. В этом походе было пережито немало – правители княжеств сначала не

хотели пускать русских, потом решили, что это передовой русский отряд, а где-то дальше идут основные силы, чтобы воевать с афганцами. Кашгарские власти пытались задержать разведчиков, но были вынуждены отпустить их после трехдневного разбирательства. Путята в итоге добрался до ваханского правителя и посетил его столицу, городок Кала-и-Пяндж. Ваханский правитель просил Путяту о покровительстве России и о введении войск, но у капитана не было полномочий принимать такие решения. А вот англичане именно после этих переговоров стали давить на Абдурахмана, чтобы он ускорил военную операцию.

Отряд бесстрашных разведчиков то соединялся, то разделялся на две группы, которые выполняли разные военно-политические задачи. При этом постоянно велось картографирование местности. Разведгруппа вернулась в Маргелан в конце ноября 1883 года. Результаты работы получились внушительными. С научной точки зрения в том числе. Были определены 12 астрономических пунктов и измерены барометрические высоты около 400 точек, было обследовано 47 000 квадратных верст на Памире, и после этого русское внешнеполитическое и военное ведомства стали ставить вопрос о границах с Афганистаном на Памире.

А еще в ходе экспедиции удалось собрать сведения разведывательного характера о политической ситуации, событиях в памирских бекствах, причем в отчете Путята обратил особое внимание на то, что местное население к афганцам относится плохо и хотело бы получить русский протекторат. Но писал он это уже в тот момент, когда в бекствах стояли афганские войска. Так что Мервская операция Алиханова была больше ответом России на английские выходы.

На вторжении в Памирские бекства Абдурахман не остановился. То есть он, может, и хотел бы, потому что в целом неприязни к русским не испытывал. Но вот англичане считали иначе и полагали, что если они финансируют эмира и его страну, то ему стоит делать то, что хотят в Калькутте и Лондоне. А там хотели провокаций. И место для провокаций нашлось. Называлось оно Пендинский оазис. Он находился на реке Кушке, на линии русско-афганского разграничения, и считался спорной точкой, переговоры о принадлежности которой все никак не могли закончиться. Понятно, что Россия вела переговоры не с Кабулом. Петербург о границах Афганистана говорил с Лондоном. После присоединения Мерва первый шаг сделали англичане. Под предлогом уточнения северных

границ Афганистана они отправили на Кушку военно-дипломатическую миссию во главе с генералом Лемсденом. Английские топографы заодно исследовали переправы через Амударью, и вообще «дипломатическая» миссия была очень убедительной – несколько сотен солдат и офицеров. Сначала англичане объехали север Афганистана, встречались с вождями племен, старейшинами, выясняли настроения, чтобы понять – случись война с русскими, афганцы пойдут воевать или нет.

Но и Российская империя тоже отправила свою «дипломатическую» миссию под командованием генерала Александра Виссарионовича Комарова, который был тогда начальником Закаспийской области. Англичане приказали Абдуррахману отправить на границу афганские войска. Началось противостояние дипломатов в погонах на Кушке. Сопровождалось оно перепиской между Лондоном и Петербургом. Россия заявляла, что оазис Панджшех принадлежит ей на том основании, что она владеет Мервом. Лондон отвечал, что не все так однозначно, поверьте, не все хотят присоединения к России. На границе шли свои бумажные баталии. Переписывались и генералы отрядов – русского, афганского и начальник английской миссии. Причем тут тон переписки сильно отличался. На словах разгневанный генерал Комаров приказал афганским отрядам немедленно удалиться. Афганский командующий отказался. Комаров обратился к генералу Лэмсдену и у него потребовал, чтобы афганские отряды убрались из русского оазиса. Лэмсден тоже ответил отказом.

Сохранившаяся переписка между русскими и британскими офицерами невероятно захватывающая.

*«От Генерала Сэр Питера Лемсдена Подполковнику Алиханову.
Калэ-и-Моур, 19-го февраля н. ст. 1885 г.*

Подполковник Риджуэ представил мне полученное им вчера от Вас письмо. Я не могу не высказать своего удивления по поводу тона, в котором оно написано, и должен прибавить, что, после вчерашнего объяснения моего с представителем Эмира, я нахожу, что мною исчерпаны все средства к удержанию Афганцев от принятия мер, которые они могут признать необходимыми для защиты своих прав.

Мне удалось склонить афганское военное начальство отодвинуть свои передовые посты к Уруш-Душану, и приказания по этому предмету будут сегодня отправлены к начальнику передового

афганского поста, причем ему будет вменено в обязанность не высылать даже разъездов далее означенной местности.

При всем том, считаю долгом предупредить Вас, что я нахожусь в невозможности побуждать Афганцев к дальнейшим уступкам или же доле их сдерживать, а вместе с тем и заявить Вам, что, в случае наступательных движений русских разъездов или войск за Аймак-Джары, неминуемо произойдет столкновение.

В заключение имею честь уведомить Вас, что в посланной в Лондон телеграмме я указал на серьезный кризис, вызванный Вашими замыслами, и что, во всяком случае, я надеюсь, что Вы не решитесь вступить на путь, который, помимо столкновений между Россией и Афганистаном, мог бы вызвать и разрыв между находящимися ныне в дружественных отношениях Россией и Англией.

Имею честь и пр. П. Лемсден»^[302].

А вот ответ подполковника Алиханова, который к этому времени был уже восстановлен в звании и назначен первым начальником Мервского округа Закаспийской области. Ответ простой и бесхитростный. Прямо вот читается между строк такое понятное и знакомое «ты зачем так дэрзко мне сказал, а?».

«От Подполковника Алиханова Генералу Сэр Питер Лемсдену.
8 февраля 1885 г.

Глубокоуважаемый Генерал Лемсден, Комиссар Ее Величества Королевы великобританской.

Приветствую Вас, сообщаю Вам, что письмо Ваше было получено мною. Ответ мой короток. Будете ли Вы довольны или нет, но мне приказано занять русскими войсками Даи-Кепри, и приказание это я выполняю. Мы не желаем вражды, но, если другие начнут воевать с нами, то, с своей стороны; мы готовы к этому.

Я человек служивый, с политическими делами не знаком, и потому не имею ничего иного сообщить Вам.

Подполковник Алиханов, Начальник округов Мерва, Серакса и Иолотан»^[303].

Если все хотят войны, то она непременно случается. Хотя российское правительство дало клятвенную гарантию, что российские войска не станут атаковать оазис Панджшех – если афганцы не будут провоцировать – и даже запретило Комарову вести боевые действия. А расстояние между русскими на восточном берегу Кушки и афганцами на западном было чуть больше полутора

километров. И что бы там ни решали в столицах, на месте все выглядело иначе.

13 марта Комаров предъявил командующему афганскими войсками ультиматум: отводите войска, или выгоним силой. А тем временем отношения между англичанами и афганцами сильно обострились, причем афганцы даже стали угрожать англичанам. И Лемсден с большей частью своей команды перебрался поближе к Герату, к персидской границе, чувствуя, что дело может кончиться плохо. Как писали в русском военном докладе, «его поспешное передвижение к персидской границе, форсированные переходы днем и ночью под проливными дождями и по невылазной грязи походили на поспешный и скрытный побег».

18 марта 1885 года срок ультиматума истек. Афганцы не ушли. И даже не собирались. Более того, как потом писал сам Комаров, они все пять дней окружали его лагерь. Англичане позднее утверждали, что это русские окружали афганцев. А вот генерал Александр Гейнс описывал эти события так:

«Тут началась комедия, так дорого стоившая афганцам. Поощряемый английскими офицерами, особенно капитаном Устом, афганский генерал стал обращаться и с Комаровым и его отрядом с чисто азиатским высокомерием. Афганцы перешли на левый берег Кушки и двинулись навстречу Комарову. На флангах русской позиции и в тылу нашего отряда появились афганские отряды, которые охватывали нас и грозили подавить нас своею многочисленностью.

Тогда генерал Комаров решился дать хороший урок нахалам-афганцам и их учителям. Беспристрастие заставляет меня, однако, заметить, что решимость генерала Комарова, как она ни была необходима в данную минуту, подкреплялась, как мне кажется, тайными инструкциями главноначальствовавшего на Кавказе князя Дондукова. Так должно было быть непременно. И я это утверждаю, потому что знаю Дондукова и знаю также, что ему, по разъяснении дела, послано весьма резкое замечание.

Чтобы выбиться из сдавливающего его афганского кольца, генерал Комаров два раза требовал от афганского генерала, чтобы он убрал свои войска на правый берег Кушки. Получивши решительный отказ, генерал Комаров двинул весь отряд вперед, но был встречен огнем и атакой афганской кавалерии»^[304].

Когда русские пошли вперед, при этом не произведя ни единого выстрела, у афганцев не выдержали нервы. Они принялись стрелять, ранили лошадь одного из казаков. Русские стали стрелять в ответ и

рассеяли всю конницу противника. Афганская пехота сражалась дольше. Но через несколько часов дрогнула и отступила, понеся потери в 600 человек. Потери войск Комарова составляли только 40 человек погибшими и ранеными. Командовавший тремя сотнями казаков и туркменскими добровольцами Алиханов гнал отступавших, точнее убегавших, врагов несколько километров. В телеграмме начальству Комаров доложил:

«Нахальство Афганцев вынудило меня, для поддержания чести и достоинства России, атаковать 18-го марта сильно укрепленные позиции их на обоих берегах реки Кушка. Полная победа еще раз покрыла славою войска Государя Императора в Средней Азии.

Афганский отряд регулярных войск, силою в 4000 человек, при 8-ми орудиях, разбит и рассеян, потеряв до 500 ч. убитыми, всю артиллерию, два знамени, весь лагерь, обоз и запасы. Английские офицеры, руководившие действиями Афганцев, но не принимавшие участия в бою, просили нашего покровительства; к сожалению, посланный мною конвой не догнал их; они были увезены в Баля-Мургаб бежавшею афганскою кавалериею. Афганцы сражались храбро, энергично и упорно; оставшиеся в крытых траншеях даже по окончании боя не сдавались; все начальники их ранены или убиты. Хладнокровие, порядок и храбрость, выказанные войсками в бою, выше всякой похвалы; милиция Мервского округа, вооруженная одними саблями, геройски сражалась рядом с казаками в первой линии; по окончании боя я перешел на левый берег Кушка; сегодня ко мне явится депутация от пендждинских Сарыков, ищущих покровительства России»^[305].

Уже потом, когда начался разбор полетов на высшем уровне, когда дипломаты обеих сторон делали все для того, чтобы не случилось большой войны, генерал Комаров отсылал издевательские докладные в духе «а мы что, мы ничего, они сами начали, сами виноваты», зная, что читать их будут и в Лондоне тоже. Говоря современным языком, он троллил англичан.

«От Генерал-Лейтенанта Комарова Генерал-Адъютанту Обручеву.

Серахс, 6-го апреля 1885 г.

Телеграмма, запрещающая занятие Пенджэ, получена мною 11-го марта; командуя лично передовым отрядом, я не объявлял в общее сведение. Подполковник Закржевский, с моего разрешения, разговаривал, переписывался с английскими офицерами совершенно частно. Я не признал за ними права вести официальные переговоры

и с своими требованиями обращался непосредственно к Командующему афганским отрядом. Подполковник Алиханов с одною сотнею Туркмен ездил по направлению к Мор-Кала по нашему берегу; пробраться в Пенджэ не имел даже в виду; днем идти с сотнею, вооруженною одними саблями, в тыл четырех тысячного отряда не мыслимо. На высоту правого берега Мургаба ходила только одна рота; она даже не поравнялась с нашими постами левого берега; когда Афганцы начали наступление, то она, согласно данного приказа, вернулась в лагерь. При постоянных передвижениях, на сотни верст, я лишен возможности аккуратно представлять периодические донесения, но о всем, заслуживающем внимания, доношу по возможности. Необыкновенные разливы рек и каналов прервали сообщения, переправы возможны лишь для искусных пловцов. Нового нет ничего.

Генерал-Лейтенант Комаров»^[306].

С английскими офицерами, которые были инструкторами у афганцев, и правда вышла ситуация трагикомичная. Когда под ударами русских афганцы были вынуждены поспешно отступать, их британские соваветники поняли, что свою злость за поражение солдаты будут вымещать на них – и могут попросту убить. Они попросили помощи у Комарова. Он великодушно согласился их принять, но не успел. Они просто бежали. Глава русского МИД Гирс описал это в телеграмме послу в Лондоне Егору Егоровичу Стаалю. Собственно, эту версию Стааль должен был озвучить Форин-офису. Вчитайтесь. Каждая строчка язвительна донельзя.

*«От Статс-Секретаря Гирса Тайному Советнику Стаалю.
С.-Петербург, 28-го марта 1885 г.*

Войска наши атаковали позиции Афганцев лишь вследствие вызывающих, неприязненных действий со стороны последних. Нанеся Афганцам поражение, Генерал Комаров возвратился на левый берег Кушка. Английские офицеры, руководившие действиями Афганцев, но не принимавшие участия в бою, нашлись вынужденными, вследствие поражения, просить Генерала Комарова о покровительстве; но, так как они увлечены были в бегстве, то посланный на помощь им русский отряд не мог догнать их. Об обстоятельствах этих я сообщил Сэр Э. Торнтону.

Гирс»^[307].

Но вот политикам в Лондоне было не до смеха. Они-то планировали, что все будет иначе, что русские станут долго думать и решать, воевать им или нет, что Петербург не станет обострять

ситуацию, что Россию можно будет втянуть в войну (русские пойдут до Герата, а это скандал, их можно будет обвинить в агрессии) или что афганцы возьмут Мерв, а дальше надо будет их только поддержать дипломатически. А вышло все иначе. Комаров разбил противника, вошел в оазис, взял под контроль сопредельные территории и закрепился на позициях. Обвинять русских в агрессии было сложновато, хотя это делали очень активно. Но оазис-то был ничей, то есть спорный. Так что не всегда в дипломатии сложные вопросы можно решить за один день или одним десантным полком. Например, многие недоумевают, почему в 2008 году русская армия не вошла в Тбилиси, хотя и могла. А вы просто сравните ситуации.

Но на тот момент большинство политиков в Лондоне, да и в Европе и даже в США, были уверены, что война между двумя огромными державами неизбежна. Премьер-министр Гладстон осудил русских, сказал, что они устроили резню афганцев, назвал это актом бессмысленной агрессии и обвинил русскую армию в захвате афганской территории. Правительство получило кредит в 11 миллионов фунтов – самая большая сумма, выделенная на войну со времен осады Севастополя. Министерство иностранных дел заготовило ноты на случай начала боевых действий. Королевский военно-морской флот был переведен в состояние полной готовности и получил приказ держать под контролем все передвижения русских флотов. На Дальнем Востоке британский флот получил распоряжение занять Порт Гамильтон в Корее, чтобы использовать его как базу для действия против Тихоокеанского флота и атаки на Владивосток. Английские генералы стали готовить удар по Кавказу с помощью Турции, а также заброску агентуры на Кавказ и в Азию, чтобы поднять восстание против русских властей, причем на религиозной почве.

Лондон официально заявил Петербургу, что любое движение в сторону Герата будет означать войну. Персидский шах убеждал Британию захватить Герат прежде, чем это сделают русские. При этом добавлял, что, если начнется война, он будет соблюдать нейтралитет. Вице-король Индии приказал двинуть к афганской границе 25-тысячную группировку войск. Газета «Нью-Йорк Таймс» вышла со словами на первой полосе «Англия и Россия СРАЖАЮТСЯ», а начиналась статья словами: «Это – война». Биржи в США и Европе лихорадило, рубль снова упал.

Но война не началась. В английской историографии считается, что это британские дипломаты смогли выправить ситуацию, провели

переговоры, консультации, но это правда лишь отчасти. Основных причин, по которым война не случилась, было две. И у этих причин были имена и должности – эмир Абдуррахман и император Александр III.

Афганский эмир хоть и зависел от англичан, но был человеком восточным, умелым интриганом, от природы хитрым и дальновидным. Иллюзий по поводу англичан он не питал, он их любил не больше русских и понимал, что при первой же возможности они его «кинут». Благо примеры были. В этом смысле политическая судьба Хамида Карзая, которого американцы поставили управлять Афганистаном в 2001 году, сильно напоминает судьбу Абдуррахмана. Карзай тоже оказался заложником ситуации. И американцев он не очень любил, и понимал, что его страна для них просто площадка, полигон, но сделать ничего особо не мог. Хотя периодически огрызался и, например, демонстративно отказывался встречаться с Бараком Обамой на американской военной базе. Вот и Абдуррахман нет-нет, да перечил Лондону и ставил англичан в идиотское положение. Более того, эмир ведь долго жил в русском Туркестане и понимал боевые возможности русской армии. Поэтому воевать с русскими серьезно, по-настоящему он не хотел вообще. Одно дело провокация на границе, другое – долгосрочная военная кампания. Есть версия, что он вообще был не осведомлен о том, что в Пендинском оазисе готовится провокация, что англичане сделали все у него за спиной.

Потому что, когда произошел бой, сам Абдуррахман-хан гостил в городе Равалпинди. Это сейчас территория Пакистана, город, который был первой столицей страны, расположенной недалеко от столицы нынешней. Есть даже такая шутка у европейских дипломатов, работающих в Исламабаде: «Где начинается настоящий Пакистан? В 20 километрах от столицы». Уж больно не похож отстроенный в 60-е годы по проектам военных инженеров Исламабад на восточный город, уж больно он нетипичный. Афганский эмир приехал в Равалпинди для встречи с новым вице-королем Индии лордом Дафферингом. Ему тут же подарили 20 тысяч ружей, 3 артиллерийские батареи и различное военное снаряжение и, конечно, дали денег.

Когда случился конфликт на Кушке, англичане стали уговаривать эмира на немедленный ввод в Афганистан британских войск. Они говорили, что он должен наказать русских, что такое простить нельзя. Абдуррахман-хан кивал, соглашался, но воевать

отказывался. Он неожиданно заявил, что у него нет притязаний на эти спорные территории. Они же спорные? Ну вот и стоит ли из-за какого-то клочка земли войну затевать? А так да, русские, конечно, злодеи. Один из членов английской комиссии, той, что бежала после боя, известный нам по переписке Лемсдена с Алихановым полковник Риджуэй говорил, что, по мнению Абдуррахман-хана, весь Пендинский оазис не стоил войны, а собираемые там подати не окупят расходов по управлению им.

Хитрый эмир понимал, что если сейчас начнется война, то страну его в итоге года через два-три разделят Россия и Англия. А сам он будет доживать свой век где-нибудь тут же в Равалпинди, как доживал когда-то Шах Шуджа. Советский историк Нафтулла Халфин приводит такое описание переговоров Дафферина с Абдуррахман-ханом:

«Вице-король. Теперь уже вполне и достоверно известно, что Россия приготавливает войска на Кавказе и в Мерве; но весь мир хочет вести с ней войну. Необходимо, чтобы вы питали доверие к нашему государству.

Эмир. Лично я отношусь к нему с полным доверием, но этого доверия нет у населения Афганистана. Может быть, оно и явится, когда страх исчезнет из их сердец...

Вице-король. Если вы примете от нас помощь войсками, то они будут даны.

Эмир. Я не советовался об этом с моим народом, а потому не знаю, даст он свое согласие или нет.

Вице-король. Из вашего ответа видно, что вы отказываетесь от помощи наших войск.

Эмир. Я не отказываюсь от вашей помощи войсками, но я не могу дать вам ответ на предложение, которое не довел до сведения своего народа...

Вице-король. Можете ли вы поручиться, что население Афганистана примет помощь наших войск для защиты от России?

Эмир. Требование, которое я сегодня обещаю исполнить, не предупредив о нем население Афганистана, может быть не принято им завтра»^[308].

В итоге Абдуррахман-хан сказал вице-королю, что «... необходимо сообщить членам вашей комиссии, чтобы они уступили России те части границ Афганистана, которые ныне являются предметом распри между нами и русскими... Та часть границы,

которая теперь должна отойти к России, не принадлежит к территории Афганистана...».

Англичане поняли, что втянуть Афганистан в войну не получится. А кроме того, император Александр III продемонстрировал англичанам, что войны он не хочет, но и не боится. На военные приготовления Лондона он ответил тем же: приказал привести в состояние боевой готовности Балтийский флот, генерала Комарова демонстративно похвалил и наградил. Кстати сказать, тогда в России часто рассказывали, что, дескать, Комаров английских военных советников на Кушке не упустил, что они не просто убежали, что якобы их поймали и по приказу Комарова выпороли нагайками казаки и только после этого дали покинуть территорию оазиса. Эту байку можно услышать и сейчас, но на самом деле ничего подобного не было. А Британия была и так унижена, без порки офицеров. Александр III приказал дипломатам объяснить английским коллегам, что Россия не отступит и, если надо, оазис удержит силой, что он свою позицию не изменит, пусть делают что хотят. И даже из переписки видно, как жестко и уверенно вели себя представители русского МИД, ощущая железную волю государя. Россия не демонстрировала вообще никакого беспокойства из-за британских военных приготовлений.

В итоге в Лондоне посчитали, во что им обойдется война с Россией, при том, что больше никто в эту войну влезать не хотел. Даже Афганистан. И англичане отступили. В сентябре 1885 года была достигнута договоренность об определении северо-западной границы Афганистана, а через два года стороны подписали окончательный протокол, по которому определялась русско-афганская граница. Это потом была южная граница СССР, а сейчас это южные границы Туркмении, Узбекистана и Таджикистана, установленные русскими и англичанами, когда всех этих трех республик и в помине не было.

Отношения Абдуррахмана с англичанами заметно испортились. Они понимали, что эмир никогда не станет их марионеткой, а эмир всякий раз давал им понять, что стремление английского правительства сделать из Афганистана колонию до добра не доведет. Как-то раз британцы позвали его на переговоры по строительству железной дороги до Кабула (закончились они, кстати, ничем, эмир отказался дать разрешение) и показали ему Ходжа-Амранский туннель, пробитый в горах, возле города Кветта. Кто-то из посланников вице-короля спросил эмира, не вызывает ли у него

изумление такое сложное техническое сооружение. Вопрос, разумеется, был с подтекстом, англичане хотели показать Абдуррахману, какая пропасть в техническом развитии разделяет две страны. И Абдуррахман-хан дерзко ответил: *«Если я проткну острым кинжалом изумительно правильную дыру в вашей спине, то вряд ли это вызовет у вас изумление моему искусству».*

Эмир был жестоким, хитрым, прагматичным. Он наводил порядок в своей стране самыми жуткими методами. Зачастую он не мог не сделать того, что от него требовали англичане, но он не был дураком и слабаком. А русские после боя на Кушке превратили ее в самую южную военную базу в Российской империи (впрочем, она была таковой и в СССР). Гарнизон формировали таким образом, чтобы его можно было использовать для возможного дальнейшего продвижения в южном направлении. Словосочетание «поход на Индию» открыто не звучало, но всем было ясно, для чего в Кушке сосредоточена в огромных количествах артиллерия, которую можно применять при осаде крепостей и укрепленных районов. В Афганистане таких крепостей не было. Вот разве что Герат. Да и в Индии крепостей хватало.

Генерал Леонид Николаевич Соболев, автор труда «Англо-афганская распря. Страница из истории восточного вопроса», герой Балканской войны, получивший Георгиевский крест за сражение под Шипкой, тогда, после событий в Пендинском оазисе, писал:

«Давно ли политики и военные люди Англии и России считали поход русских в Индию химерою, бредом больного воображения? Давно ли между Россиею и британскою Индиею лежали необозримыя пустыни и высокия горы, находившияся во власти воинственных мусульман? Воображение англичан, даже мрачно настроенное, не могло представить себе, что все эти страшные препятствия окажутся ничто перед слабым давлением России. Прошло с небольшим четверть столетия, то есть одно мгновение в смысле истории, и все разом переменилось. Мы стоим близъ Герата, близъ этих прославленных ворот Индии, и главное препятствие, туркменская пустыня, еще недавний театр кровопролитных войн, оглашается ныне свистом локомотива, а сыпучие безводные пески скреплены стальными рельсами. Воинственные афганцы, одержавшие несколько крупных побед в войнах с англичанами, при первом столкновении с русскими штыками бежали в паническом страхе.

Целый ряд последовательных ошибок политических деятелей Великобритании поставил последнюю в опасное положение. Предприятие, еще недавно казавшееся химерою, ныне оказывается возможным. Если спокойно рассчитать все расстояния, отделяющая долину Инда от центров расположения русской армии, и время, необходимое на прохождение русских войск через Афганистан, то любой стратег и политик признает, что поход в Индию не только возможен, но и не представит особых затруднений»^[309].

В Калькутте это понимали куда лучше, чем в Лондоне и Петербурге. И разграничением по Амударье русско-британское противостояние не завершилось. Две державы стали лишь с еще большим подозрением смотреть на действия противника в Центральной Азии. Потому что там оставалось что делить. Взоры разведчиков и дипломатов обратились к Памиру.

Это было более чем логично. Как англичане понимали, что при определенных условиях русские смогут перебросить войска через этот район и оказаться в Индии, так и русское командование в Ташкенте и Петербурге видело для себя угрозу в том, что этот район проходим и в обратную сторону. Кроме того, границы на Памире фактически отсутствовали, и потому лишь условно считалось, что это зона русского влияния и русских интересов. Она могла быть так же и английской, и афганской. Вопрос был лишь в том, кто первый договорится с местными вождями и беками и установит свои посты. Блестящий русский разведчик Бронислав Людвигович Громбчевский в своем докладе о Памире писал:

«Я вовсе не хотел бы вселить убеждение, что дорога чрез Памиры есть самый удобный путь в Индию. Наоборот, я глубоко убежден, что в случае столкновения с Индией, главные силы русских войск будут двинуты со стороны Закаспийской области чрез Герат и частью из Туркестана чрез Бамьян на Кабул. Но думаю, что посылка чрез Памиры в Кашимир 3–4 тысячного корпуса не только вынудит англичан отказаться от мысли воспользоваться кашмирскими войсками для борьбы с Россией, но, в силу недовольства кашмирцев англичанами усиленного низложением в настоящее время кашмирского магараджи, заставит англичан выделять часть войск из внутренней Индии для наблюдения за Кашимиром. Таким образом, появление даже небольшого отряда русских войск со стороны Памиров отвлечет громадные силы у

англичан и в значительной степени облегчит задачу главного операционного корпуса.

Как долина Большого Алая справедливо может считаться этапным пунктом для движения русских на Памиры и далее за Гиндукуш, так, в свою очередь, долина озера Шива поможет англичанам снарядиться для дальнейшего похода в русский Туркестан»^[310].

Лишь труднодоступность района была причиной того, что взялись за него всерьез только в конце 19 века. Но изучали Памир на протяжении всего столетия. Английский разведчик и путешественник Хейурд, тот, что когда-то оказался в плену у властителя Кашгарии Якуб-бека, составил карту Восточного Памира и первым описал орографические черты Восточного Памира. Кстати, когда в июле 1870 года разбойники убили Хейурда с целью ограбления, то англичане сочли, что это было дело рук русской агентуры. За изучение Восточного Туркестана и Памира Хейурд был посмертно удостоен медали Королевского географического общества.

Под видом купца в 1873–1874 годах Памир посетил пандит Хавильдар^[311]. Он провел картографирование верховий Окса, побывал в Кулябе. Другой пандит, Мухтар Шах, воспитанник Томаса Монтомери, в 1879 году проник в княжества Шугнан и Рушан. За это он был награжден золотой медалью Международного географического конгресса.

Русские исследователи стали посещать Памир после 1873 года. Как уже говорилось, обычно это были военно-исследовательские экспедиции. Путешественники, отправленные в регион Русским географическим обществом, или сами были офицерами, или имели офицеров в составе отряда. И обычно их сопровождали казаки. Военная топография как у англичан, так и у русских была частью разведывательной службы, и системными исследованиями Центральной Азии занимался Корпус Военных топографов. В нем было специальное отделение – Военно-топографического депо, офицеры которого изучали дороги, тропы, реки, горные перевалы на предмет их пригодности для перемещения войск. Непосредственно на Памире эту деятельность вело Четвертое Съемочное отделение Военно-топографического отдела штаба Туркестанского военного округа. Первыми детальное исследование северо-востока Памира провели офицеры Съемочного отделения под командованием штабс-капитана Родионова.

После покорения Коканда в 1876 году военно-научная экспедиция под командованием Михаила Дмитриевича Скобелева отправилась на Северный Памир. Подполковник Корпуса военных топографов Лебедев составил тогда первую подробную и точную карту района.

В 1877–1878 годах прошла памирская экспедиция русского зоолога и географа Николая Алексеевича Северцова, в составе которой тоже были военные топографы. Примерно в те же годы русский геолог Иван Васильевич Мушкетов исследовал Памиро-Алайскую горную страну, Ферганскую котловину, стык Алайского и Ферганских хребтов, а также Зеравшанские ледники. И с ним тоже ездили военные топографы.

В 1879 году на Памир отправился русский путешественник Василий Федорович Ошанин, а военным топографом с ним был начальник Съёмочного отделения штаба Туркестанского округа штабс-капитан Родионов. Они исследовали Гиссар, Каратегин, Алай и открыли величайший ледник Памира, дав ему имя русского ботаника, друга Ошанина – Алексея Федченко.

В 1883 году состоялась Памирская экспедиция капитана Путяты, которая упоминалась чуть раньше. В 1886 году Южный Памир посещала русская экспедиция, которая исследовала весь правый берег Амударьи и Пянджа.

Знаменитые русские натуралисты и путешественники Григорий Ефимович и Михаил Ефимович Грум-Гржимайло совершили четыре путешествия на Памир. Но был человек, ныне незаслуженно забытый, который сыграл особую роль в исследовании Памира и в Большой Игре. Это Бронислав Людвигович Громбчевский, цитату из его доклада я привел чуть раньше. Он написал его по возвращении из экспедиции 1888 года.

Родился Бронислав Людвигович 15 января 1855 года в семейном поместье в Ковенской губернии. По национальности он был поляк, но всю жизнь верно и преданно служил России, отчего его имя сейчас в Польше стараются не упоминать. Почему так случилось у нас? У меня нет ответа на этот вопрос, лишь есть глубокая досада и чувство стыда. Громбчевский закончил русскую классическую гимназию в Варшаве, потом Варшавское пехотное юнкерское училище. По окончании получил звание прапорщика и был переведен на службу в 14-й Туркестанский линейный батальон. Он участвовал в Алайском походе под руководством Скобелева в 1876

году, в маневрах на афганской границе в 1878 году, когда Кауфман отправил отряды для создания видимости угрозы прорыва в Индию.

В 1888 году Громбчевский стал чиновником – был помощником начальников уездов, потом секретарем Российского императорского пограничного комиссара по разграничению Ферганской области с Кашгарией. Затем стал старшим помощником начальника Ошского уезда и старшим чиновником особых поручений при военном губернаторе Ферганской области.

А в конце 1885 года состоялась первая экспедиция Громбчевского, точнее, поездка. Отправившись в пограничные районы Тянь-Шаня, он заехал в Южную Кашгарию, и, вероятно, это была своего рода проверка, потому что после этого он прошел стажировку на физическом факультете Санкт-Петербургского университета, где изучал основы геодезии и практику в Пулковской обсерватории. А после, в 1888 году, его послали в экспедицию в княжество Канджут, расположенное на севере от границ Британской Индии. Громбчевский проехал почти 2500 километров, он с севера видел одну из величайших вершин мира – К2 и дал ей название «пик Цесаревича Николая». Правитель Канджута (современное названием Хунза) Сафдар-Али-хан принял Громбчевского торжественно и радостно. Он попросил офицера передать российскому императору просьбу о принятии его в подданство России и о снабжении оружием, потому что британцы и кашмирцы вот-вот захватят и покорят его княжество, а он этого не хотел бы. Громбчевский имел на этот счет свое мнение:

«Памиры с прилегающими к ним местностями имеют несомненную важность для России. Я считаю не менее необходимым поддерживать дружественные отношения с мелкими ханствами, расположенными на южных склонах Гиндукуша.

Соглашаясь вполне, что державе столь могущественной как Россия неуместно вступать в письменные сношения с такими мелкими и непривычными сдерживать свои обязательства ханами, как например владетель Канджута, я, близко изучив характер азиатов, полагал бы полезным, ради поддержания престижа и обаяния России, удовлетворять их мелкие просьбы. Так, два года тому назад канджутский хан убедительно просил подарить ему хотя бы 100 берданок и 2 горных орудия. Казалось бы, что просьбу эту можно было бы удовлетворить частно, не связывая себя никакими обязательствами, напр. в виде подарка за гостеприимство и радушие, оказанные мне, русскому офицеру, и

моему небольшому конвою во время бытности нашей за Гиндукушем»^[312].

Насчет хана Громбчевский был совершенно прав. В борьбе за трон тот убил своих отца и мать и еще двух родственников скинул в пропасть. Деньги в казну его государства поступали в основном от грабежей караванов, на которые он сам и посылал своих разбойников. Англичане, конечно, были обеспокоены появлением русского отряда за условной границей русских владений. И устранять угрозу империи – а были получены сведения, что Громбчевский пообещал чуть ли не прислать инструкторов и оружие Сафдару-Али, – принялись немедленно. В 1889 году в Канджут была отправлена военная миссия, и Сафдар-Али-хан признал над собой формальный британский контроль. Именно формальный.

«Английскому агенту удалось заключить договор, на основании которого владетель Канджута за ежегодную субсидию в 15,000 рупий встал к ост-индскому правительству в такие же отношения, в каких находятся к нему и другия вассальные ханства сев. Индии. Сафдер-Али-хан, сообщив мне письмом о договоре, горько жаловался на старшин своих, которые, будучи подкуплены англичанами, отказались драться и променяли родину на золото. Насколько вновь заключенный с Англией договор непрочен, можно судить из того, что после подписания договора, канджутский хан два раза письмами приглашал меня посетить его, а капитан Younghusband с нескрываемой злостью рассказывал мне летом 1890 г. в Яркенде, что канджутский хан, подписав договор и получив субсидию, на приглашение посетить Индию ответил: «Я и мой Великий Покровитель ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР III – мы в Индию не ездим»^[313].

Но в Петербурге на предложение присоединить еще и это княжество даже не отреагировали. Не было ни денег, ни возможности, ни желания провоцировать англичан из-за стратегически не особенно важного района. И в итоге, понимая, что подписанный договор – это вещь непрочная, в 1891 году англичане окончательно и уже вполне реально подчинили себе княжество.

Летом 1889 года Громбчевский снова отправился на Памир с группой в шесть казаков. В это время в регионе шла война. Восстал Северный Афганистан, и княжества Шугнан и Рушан снова перестали подчиняться афганцам, и те снова их захватывали. И это была настоящая резня.

«Обратное завоевание Северного-Авганистана закончено было к половине Июля 1889 г., при чем вновь захвачены были и все памирские ханства. Завоевание это сопровождалось невероятными зверствами. Казни производились ежедневно. Деревни выжигались, а поля вытравлялись лошадьми. Все девушки и более красивые женщины в стране были отобраны и частью отправлены к эмиру Абдурахману, частью же розданы войскам в жены и наложницы. Население изнемогало под авганским гнетом, а в перспективе ожидался голод и связанные с ним бедствия. Вообще эмир Абдурахман в жестокости превзошел всякие границы».

В конце октября 1889 года во время этой экспедиции Бронислав Громбчевский встретил своего конкурента. Его звали Френсис Янгхазбенд, это его в своем докладе русский офицер упомянул под именем «капитан Younghusband», он был английским разведчиком, офицером, сыном офицера. Янгхазбенд родился 31 мая 1863 года в небольшом городке в Северо-Западной пограничной провинции Британской Индии. Как многие участники Большой Игры, он был индийским англичанином. Он закончил Королевский военный колледж в Сандхерсте, получил звание младшего лейтенанта, но почти сразу стал выполнять разведывательные задания. Возможно, потому, что он был племянником другого разведчика, Роберта Шоу, который с детства был его кумиром.

Бронислав Людвигович Громбчевский

Молодой офицер знал наизусть книгу Макгрегора «Оборона Индии» и был согласен, что русская угроза с севера более чем реальна. Янгхазбенд пересек Центральную Азию из Пекина в Яркенд, он исследовал пустыню Каракорум и в 1889 году отправился на Памир. По некоторым данным, изначально у него была задача следить за Громбчевским. Они в итоге встретились – русский офицер в сопровождении казаков и британец – в сопровождении гурхов. Причем это Громбчевский пригласил англичанина посетить русский

лагерь, отправив к нему посыльного с запиской. Они общались несколько дней. По воспоминаниям обоих, много выпивали и, конечно, говорили о соперничестве между двумя державами в Азии. Но в целом оба остались довольны друг другом. Один убедился, что русские готовят поход на Индию, другой точно понял – англичане хотят оттяпать Памир.

Интересно, что Янгхазбенд порекомендовал новому русскому другу пойти дорогой, которую он якобы уже изучил. Оказалось, что дорога была очень опасная и трудная, там не было ни травы для лошадей, ни топлива для костров, сам Громбчевский потом еще долго болел и ходил на костылях. А он, кстати сказать, показал англичанину перед отъездом самую точную на тот момент русскую карту Памира. Но тем не менее, Громбчевский к Янгхазбенду относился тепло, считал его товарищем и, даже оказавшись после революции в Варшаве, переписывался с ним. Есть данные, что он отправил англичанину свой архив, попросил его посмотреть бумаги и, возможно, даже вместе издать что-то. Англичанин на письмо не ответил.

В 1891 году русское правительство решило, что с Памирским вопросом тянуть больше нельзя. Надо четко определяться, чей он и в каких пределах. Туда была отправлена военная экспедиция полковника Михаила Ионова. Российские власти не хотели допустить, чтобы Памир был поделен между Великобританией и Китаем, и приняли решение немедленно взять его под свой контроль. В Маргелане был сформирован отряд из разведчиков 2-го, 7-го, 15-го, 16-го и 18-го Туркестанских линейных батальонов, также в него входили 30 казаков из 6-го Оренбургского полка. На Памир отправился и Громбчевский с военными топографами.

А в Калькутте приняли решение снова отправить в регион Френсиса Янгхазбенда. То есть он вызвался сам, и это сочли логичным.

Русский и английский отряды столкнулись 14 августа 1891 года. Англичанин вспоминал: «Когда я выглянул из палатки, то увидел примерно двадцать казаков с шестью офицерами, которые везли с собой российский флаг». Янгхазбенда пригласили в русский лагерь, где объяснили, что теперь это российская территория. Впрочем, все было в рамках приличия. Английского гостя накормили, как водится, напоили и выдворили не сразу, а лишь через три дня. Причем Ионов силу не применял. Просто приехал с конвоем казаков к небольшому лагерю Янгхазбенда и попросил удалиться с теперь уже русской

территории. Англичанин ответил, что раз вариантов нет, то он уходит. При этом отряд Ионова арестовал британского лейтенанта Девинсона, того отправили под конвоем в Маргелан. Вскоре после этого отряд Ионова прибыл назад в город Ош.

Британский посол в Петербурге заявил протест, что, конечно, русских не очень испугало. Протестом больше, протестом меньше, значения не имеет. Всем было ясно, что воевать Англия не готова. Хотя для вида отряд Ионова отозвали, при этом британскому послу объяснили, что это полковник сам по своей инициативе выгнал Янгхазбенда, а вообще никто ему таких полномочий не давал. Англичане вряд ли удовлетворились таким типично русским объяснением в духе «страна у нас большая, что там на окраинах делают начальники, не разберешь», тем более что вскоре Лондону стало известно, что полковника Ионова наградили и повысили в звании по личному распоряжению императора.

Генерал Михаил Ефремович Ионов

В начале 1892 года на Памире снова появились афганцы и теперь уже и китайцы, которые полагали, что также имеют права на регион. Вскоре в Петербурге было созвано Особое совещание по «Памирскому вопросу», на котором приняли решение отправить на Памир новый отряд, снова под командованием Ионова, но на это раз отряд усиленный. В его составе теперь было четыре пехотные роты, уже три сотни оренбургских казаков, два орудия и команда саперов.

2 июня 1892 года отряд Ионова выступил из Маргелана и через две недели достиг озера Рангкуль. Расположенный там отряд китайских войск бежал, не вступая в бой. В конце июня Ионов получил сведения, что афганцы установили свой пост около озера Яшилькуль, а китайцы готовятся атаковать его лагерь конницей. Ионов разделил отряд, и сам 12 июля в непростом бою, где русским пришлось идти врукопашную, уничтожил афганский пост. А капитан Скерский выбил китайцев из укрепления Ак-Таш в верховьях реки Оксу.

В конце лета Ионов с основными силами отправился в Фергану, а на Памире осталось русское укрепление и отряд в 160 человек пехоты и 40 казаков. Отряд Ионова, помимо войны и геодезической разведки, впервые провел фотосъемку ландшафтов Памира. Фотографом отряда был офицер Борис Леонидович Тагеев, он потом написал о памирских походах книги. Одна так и называется: «Памирские походы», другая – «Русские над Индией». Биография Тагеева заслуживает отдельной книги, это история невероятно захватывающая, он был разведчиком, востоковедом, авантюристом. Был репрессирован и расстрелян в 1938 году. Его книгу «Русские над Индией» можно смело рекомендовать всем, кто заинтересуется историей присоединения Памира. Например, бой отряда Ионова с афганцами там описан чрезвычайно красочно и подробно.

Во время этой экспедиции Ионов создал управление туземным населением Памира. Первым начальником стал Громбчевский.

Весной 1893 года на Памир прибыл отряд капитана Зайцева, усиленный казаками и артиллерией. Зайцев встретился с афганцами и предупредил их, что не стоит им рисковать и переходить на русскую территорию. Но их отряды снова стали заходить в Шигнан и Рушан, пытаться собирать дань с местного населения. Дело еще было в том, что памирцы по вероисповеданию в основном исмаилиты, и афганские военные воспринимали войну на Памире как религиозную войну с неверными, и как раз поэтому они проявляли особую жестокость. Все лето 1893 года русские отряды

пытались выловить отряды афганцев. В августе отряд капитана Ванновского у кишлака Емц так наткнулся на афганский отряд. Соотношение сил было 1 к 5 в пользу афганцев. Русские приняли бой, противник отошел. Считается, что тогда впервые в отечественной военной истории были применены в реальных условиях винтовки Мосина. Михаил Ионов в отчете писал:

«Я считаю долгом сказать, что Памиры на юг от Гиндукуша силою обстоятельств признаны за нами, и китайские власти Кашигарии фактически не посягают уже предъявлять свои права на владение им.

Точно так же бывшие ханства Рошанское и Шугнанское, голосом народа, признаны принадлежащими России, и авганцы, занимая на правом берегу Пянджа только Кала-и-Вомар, фактически не владеют Шугнаном и Рошаном, а только грабят и насильничают в этих бесправных и беззащитных местностях. Дай Бог, чтобы поскорее настало то время, когда эти, принадлежащие России по договору 1873 года, местности фактически закрепятся за Россиею с проведением пограничной черты»^[314].

Англичане, конечно, тоже не сидели без дела. Они то уговаривали афганцев начать войну с русскими, то пытались втянуть в войну Китай. Но снова у них ничего не получилось. Хотя сами они провели несколько экспедиций на Памир, их разведгруппы прошли путем отряда Иопова и даже эксгумировали убитых и похороненных русским отрядом афганцев.

Россия продолжала укреплять свои позиции в регионе. Повышенный до генерал-майора Ионов в 1894 году был назначен начальником всех русских отрядов на Памире. Это были не то чтобы очень внушительные силы, но вполне достаточные для того, чтобы отбить атаки афганцев или китайцев, – 21 офицер, 420 рядовых, 120 казаков.

Все лето 1894 года на Памире работали военные топографы, в их числе группа начальника штаба Памирского отряда подполковника Юденича, того самого, который позже станет одним из лидеров «Белого движения». В середине августа русские подразделения начали движение в сторону Хорога, в Шугнан отправился резервный отряд под командованием самого Иопова. 23 августа в Хороге русские отряды соединились, зачистив регион от групп вооруженных афганцев.

Местные жители встречали русские войска с откровенной симпатией, даже с радостью, потому что считали, что русские смогут

их наконец-то защитить от южного соседа. Понятно, что не гуманитарные задачи решала российская власть на Памире, войска пришли сюда укреплять южные рубежи империи, а не спасти памирцев от геноцида. Но вышло, что они сделали именно это. И потому памирцы к русской власти всегда были крайне лояльны. В тот день, когда Ионов вошел в Хоруг, местные старейшины прислали ему письмо.

«Начальнику русского отряда от хоругских жителей.

Донесение

Уведомляем вас, что здесь спокойно. Афганцы в пятницу прошли через Хоруг, сели на лодки и переправились за Пяндж. Притесняемые афганцами, мы принуждены были прятаться по горам и ущельям. Теперь же мы при вашей помощи воспрянули духом и начинаем выходить в свои селения. Семьи же наши пока остаются в горах. Все жители ждут приказаний ваших и с радостью готовы служить вам.

1312 года. Сафара 28-го, пятница»^[315].

Кстати сказать, после войны с Афганистаном, геноцида устроенного афганцами, численность памирцев восстановилась только в 30-е годы 20 века, уже при Советской власти, до уровня 70-х годов 19 века. Ныне Памир является частью Таджикистана, но его население вовсе не относит себя к таджикам, во всяком случае значительная его часть. Они по-прежнему считают себя рушанцами, шугнанцами, ваханцами, говорят на своих языках (хотя официальный язык там, конечно, таджикский), исповедуют исмаилизм и внешне очень сильно отличаются от жителей Курган-Тюбе или Ходжента. Происхождение не только памирцев, но и проживающих в Афганистане нуристанцев или пакистанского народа калашей является большой загадкой. Откуда в горах Памира и Гиндукуша взялись светловолосые, рыжие, голубоглазые и зеленоглазые мужчины и женщины, ученые не могут установить до сих пор.

Поход 1894 года окончательно убедил англичан, что битву за Крышу Мира они проиграли и ее придется уступить русским. Максимум, чего удалось добиться Лондону, – это не пустить русских на южную сторону Памира, в Гилгит, Читрал и Хунзу. Но англичане решили, что отношения с Россией сейчас обострять не стоит. В Европе год от года усиливалась Германская империя, большая война становилась все более очевидной. И Лондон стал склоняться к тому, чтобы создать с Петербургом временный союз. Ни о какой искренней

дружбе речи не шло, во всяком случае со стороны англичан. Им снова нужен был паровой каток, ударная сила, таран, чтобы воевать на европейском континенте. Русские годились для этого лучше всего. Почему Петербург пошел на союз с Лондоном и был ли этот союз неизбежен – это другой вопрос.

Памирская кампания 1894 года еще раз показала англичанам, что такое русская армия и на что она способна. В этой книге походы Ионова укладываются в три страницы. А как в реальности воевали русские солдаты и офицеры? На огромной высоте, в условиях малоизученной местности, при отсутствии стабильного тылового снабжения. Чего стоит только переход конно-горной батареи через перевал Акбайтал на высоте 4593 метра над уровнем моря. Сейчас далеко не каждый альпинист может похвастаться покорением таких высот, а тут простые солдаты без всякого снаряжения тащили на себе и коней, и пушки. Воевали в трудных погодных условиях, и даже форму приходилось модернизировать под ситуацию. Солдаты и офицеры носили под рубахами шерстяные фуфайки, киргизские широкие штаны навывпуск перетягивали у щиколотки ремнями, чтобы снег не попадал за голенища, обязательно каждый обзаводился папахой или суконной шапкой с меховыми наушниками.

Понятно, что множество факторов заставило англичан согласиться на переговоры по определению границы на Памире. Длились они почти два года, и в итоге река Пяндж окончательно была признана границей между Афганистаном и Российской империей. И огромный вклад в то, что это произошло, внес наказной атаман Семиреченского казачьего войска, генерал Михаил Ефремович Ионов. Его имя помнят только специалисты по истории Туркестана и военной истории, а ведь в том числе Ионову мы обязаны тем, что ближайшие к нашим границам базы ИГИЛ или движения Талибан находятся сейчас за Пянджем и Амударьей, а не в Ташкенте и не на Памире. Генерал Ионов всю жизнь провел в Туркестане. Поход на Бухару, поход в Хиву, восстание в Коканде, и вот потом Памир. Он был губернатором Семиреченской области, пока не вышел в отставку. Его сыновья тоже стали офицерами, и в истории семьи отразилась история страны. Александр стал видным деятелем «Белого движения» и РОВС, Владимир воевал на фронтах Первой мировой, в Гражданскую пошел за красных, умер в 1946 году.

А вот дата смерти генерала Ионова точно неизвестна, как и обстоятельства смерти. Одно время считалось, что он был убит под

Кульдшой в бою с отрядами Красной армии. Но по другим данным, он хладнокровно принял революцию и якобы даже преподавал в одном из пехотных училищ Красной армии, а умер у себя дома, в пригороде Верного (нынешняя Алма-Ата) в 1924 году.

Разграничением на Памире занимались две комиссии – русская и английская. Встретились они 22 июля 1895 года. С обеих сторон в комиссиях были военные топографы. В английском отряде было почти 200 сипаев и несколько английских офицеров. С российской стороны комиссию возглавлял полномочный военный губернатор Ферганской области генерал-лейтенант Павел Швейковский. С ним прибыли 11 офицеров, 33 рядовых, представитель МИД империи, несколько офицеров Генштаба и военный оркестр. Ну кто еще может затащить военных музыкантов в горы, где еще два года назад не было ни границ, ни постов, ни европейцев? Только русские.

Англо-русская комиссия работала в атмосфере удивительно непринужденной. Всем было понятно, что здесь собрались закончить работу по разделу Азии, что где-то на высшем уровне все давно решено, так что ругаться смысла нет. Члены комиссий часто устраивали совместные застолья, соревнования. Чемпионом Памира по стрельбе стал английский майор. Англичане также предложили посостязаться в беге. Русские отказались. Но предложили посоревноваться в джигитовке, борьбе и в кулачному бою. Тут отказались англичане. Решили, что будут перетягивать канат. Русские выиграли. Все работы по картографированию и определению границы были завершены к 12 сентября 1895 года. И как писали в советских справочниках, *«в 1895 году две капиталистические державы завершили хищнический раздел азиатского региона»*.

Весной 1896 года результаты делимитации и демаркации границы России с Афганистаном были ратифицированы правительствами Великобритании и Российской империи. Единственное условие, на котором настояли англичане и на которое согласились русские, – это оставить часть Вахана за Афганистаном, чтобы между русской и английской зонами влияния в Азии была какая-то относительно нейтральная земля. Посмотрите на карту Афганистана, найдите на северо-востоке страны провинцию Бадахшан. А на востоке провинции вы увидите длинный «отросток», разделяющий Таджикистан и северные районы Пакистана. Поищите, и вы найдете там, на севере Пакистана, и Гилгит, и Хунзу, и Читрал. Посмотрите на северо-восток от «отростка», и взгляд упрется в Кашгар. Вот, собственно, для чего англичане настояли, чтобы

оставить под афганской властью этот так называемый Ваханский коридор – высокогорную территорию длиной около 300 километров и шириной до 57.

Этот кусок земли в долинах рек Памир, Вахан и Пяндж с малочисленным населением, суровым климатом и почти полной изоляцией от внешнего мира стал барьером на пути русской экспансии на юг. Или британской на север. От периода Большой Игры 19 века Афганистану досталась и еще одна нерешенная проблема – граница с Пакистаном. Точнее, ее отсутствие. 2640 километров границы Кабулом не признаны официально.

В 1893 году британское правительство направило в Кабул для переговоров с Абдуррахман-ханом специальную миссию. Ее возглавил Мортимер Дюранд, секретарь вице-короля Индии по иностранным делам. Ему поставили задачу: понять позицию эмира по «памирскому вопросу», то есть узнать, готов ли он сражаться за Памир или намерен уступить русским, и определить восточную границу Афганистана.

Оказалось, что Абдуррахман-хан насчет действий русских на Памире больших возражений не имел. Просто боялся всерьез сталкиваться с русской армией, понимая, что закончится все так же, как на Кушке. И когда Ионов через год окончательно выбил афганские отряды с Памира, эмир даже не сделал никаких заявлений по дипломатической линии.

Даже взять под афганскую юрисдикцию Ваханский коридор его пришлось уговаривать. Он сразу понял, что это только создаст новые возможности для английских провокаций, а отвечать опять придется ему. Но в итоге Абдуррахмана все же уговорили за дополнительную плату на содержание двора взять Вахан себе.

Что касается восточной границы, то тут проблема была серьезнее. Британские политики полагали, что контроль над территориями расселения восточноафганских племен поможет им контролировать все горные проходы, ведущие из Афганистана. Это позволяло влиять и на ситуацию в Кабуле, и на племена приграничья, и на ситуацию в Персии. Дюранд действовал по обычной схеме – «если вы не согласитесь, то они вас зарежут». То есть в случае согласия обещал бонусы лично Абдуррахману, а именно ежегодную субсидию, в случае отказа – войну. Тем более что на границе, в Северной Индии, происходила концентрация британских войск. Английские газеты писали, что несговорчивый эмир сам создает себе проблемы. Не правда ли, похоже на политику

США и Англии уже в наше время в Сирии и Ливии? Даже на Украине.

После долгих переговоров эмир согласился подвинуть афганскую границу западнее, и в ноябре 1893 года Абдуррахман-хан и Мортимер Дюранд подписали соглашение о «достижении взаимопонимания» по поводу индо-афганской границы. Афганистан должен был «отказаться от каких бы то ни было претензий на Сват, Баджаур и Читрал, а также от прав на Вазиристан и Чагай». Все перечисленные территории – это сейчас Западный Пакистан. Новая граница получила название «линии Дюранда».

Примерно 4 миллиона человек оказались отрезаны от родных и близких новой границей. И остаются отрезанными по сей день. И потому Абдуррахман среди афганцев и сейчас считается, пожалуй, самым непопулярным главой государства. Некоторые прямо говорят, что он продал страну, что можно было не соглашаться и воевать с англичанами. Тем более что воевать все равно пришлось, но уже в 1919 году, внуку эмира, Аманулле-хану, который и вывел страну из-под контроля Калькутты после Третьей англо-афганской войны.

Памирским разделением две империи закрыли на время проблемную страницу в отношениях, а бывший яблоком раздора Афганистан получил границы, в которых он находится и сегодня. И вообще, по сути, Афганистан, который мы знаем, является прямым результатом Большой Игры.

Сама Игра, впрочем, не закончилась. На Дальнем Востоке британцы принялись вооружать Японию, чтобы ослабить позиции России. Но это, как мне кажется, отдельная история, лишь косвенно имеющая отношение к Большой Игре. Хотя традиционно историки считают всю историю борьбы за Дальний Восток частью общего процесса. Так или иначе, на мой взгляд, дальневосточное противостояние стоит рассматривать в отдельном исследовании, и гораздо шире, чем русско-японско-английское противостояние за контроль над Китаем. Потому что речь шла, да и идет (там ведь тоже ничего не закончилось), о контроле над всем Азиатско-Тихоокеанским регионом.

А в начале 20 века Россия и Британия договорились и по персидскому вопросу. Хотя переговоры были трудные. Никто не хотел отступать, и главное, обе стороны были уверены, что сил отстоять свои интересы у них хватит. Мнение персидского шаха, конечно, никто не спрашивал. Такая вот она была, колониальная эпоха. В итоге было принято решение: империи заявили, что

уважают независимость Персии, что третьи страны смогут там торговать и иметь дипломатическое присутствие. Но фактически Лондон и Петербург согласились разделить Персию на две зоны влияния. Россия получила север и центр, включая Тебриз и Исфахан, Англия – юг, с нефтяными полями, включая жизненно важный проход в Персидский залив. Небольшая часть осталась как бы нейтральной, таким буфером, вроде Ваханского коридора.

Многие, кстати, не понимают, почему в 1943 году встреча лидеров антигитлеровской коалиции прошла именно в Тегеране. А вот как раз поэтому. Даже в советские годы Москва имела серьезное влияние в Иране, как и Лондон, и помимо всего прочего, это еще была и часть политической традиции. Продолжение Игры. Сделкой 1907 года остались недовольны многие, и прежде всего персы, потому что переговоры шли у них за спиной. На их мнение было всем наплевать. Недовольны были и «ястребы» политики, и генералы в обеих столицах. И там, и там подозревали, что старый противник их обставил. Известный русофоб лорд Керзон, в 1906 году оставивший пост вице-короля Индии, писал про соглашение с русскими по Персии:

«Оно отдает все, за что мы боролись годами, и выбрасывает это оптом, поистине цинично в своем безрассудстве... усилия и жертвы целого столетия, и ничего или почти ничего взамен»^[316]. Русским, заявлял он, досталась лучшая и большая часть Персии, доля Англии была маленькой и экономически бесполезной. Ему не нравилось и соглашение по Афганистану. Другой профессиональный русофоб, Арминий Вамбери, который в то время жил в Будапеште на британскую пенсию, писал в английское Министерство иностранных дел: *«Мне все это не нравится. Вы заплатили слишком высокую цену за временный мир, за такой, какой есть, и унижение не увеличит британский престиж в Азии. Вы проявили излишнюю осторожность перед лицом ослабленного, больного противника, хотя Британия в этом не нуждалась»*^[317].

Как все же любят на Западе видеть Россию ослабленной и больной. Даже если она вполне здорова и крепка. И кстати, британцы не раз и не два, к своему разочарованию, убеждались, что позиции русских в Азии куда прочнее, чем их позиции в Индии.

Когда на Памире закончила работу разграничительная комиссия, британский генерал Монтагу Гилберт Герард, чтобы быстрее лично отчитаться перед правительством о проделанной работе, решил не возвращаться в Индию. Оттуда было сложно выбираться: сначала в

Калькутту, потом пароходом в Лондон. Он решил с русскими ехать в Ташкент, оттуда поездом до Петербурга или Москвы. До Лондона он мог так добраться недели за две. Заодно ему, как военному, было, конечно, интересно посмотреть, насколько у русских развита инфраструктура, как быстро они смогут перебросить войска. В Оше британцев встретили салютом и парадом гарнизона. Путешествуя до Ташкента, генерал был крайне удивлен – Туркестанский край показался ему довольно процветающим. Русские власти, как он успел заметить, не слишком вмешивались в традиционный образ жизни местного населения. Но при этом русская экспансия оказала сильное цивилизаторское влияние на весь среднеазиатский регион.

И конечно, генерала восхитили русские железные дороги. Хотя не только его. Строить железные дороги в регионе русские начали в 1880 году по приказу генерала Скобелева. Когда готовилось наступление на Геок-Тепе, предполагалось, что именно так будут возить из Красноводска боеприпасы и снаряжение. Для укладки сформировали специальный железнодорожный батальон. Но дело в том, что операция была рассчитана на два года. Скобелев справился куда быстрее. А сеть железных дорог стала опутывать Туркестанский край. Закаспийская железная дорога прошла от Красноводска до Ашахабада, Новой Бухары, к 1888 году она достигла Самарканда, в 1898 дошла до Андижана, а через год и до Ташкента. В 1906 году была запущена новая, Оренбург-Ташкентская железная дорога. К 1915 году были построены ветки, охватывающие Ферганскую долину с севера и Бухарский эмират с юга.

На обслуживании железных дорог в крае в 1899 году были задействованы 5529 человек. При этом чиновников в штате железной дороги было немного. Цифры ужаснут сегодняшних менеджеров РЖД. Туркестан в 1899 году курировал 21 классный чиновник. Еще в штате дороги были 4 священника, 10 врачей и 36 учителей. При этом дорога имела 311 паровозов и 4552 вагона. На всем протяжении Закаспийского пути было построено 99 станций, 96 мостов, организовано водоснабжение, а также построены училища, мастерские, дома для рабочих и инженеров. Возле станций возникали зеленые поселки, где рядом жили русские и местные – таджики и узбеки. К 1911 году население, проживавшее близ дороги, составило 57 тысяч человек.

До 1887 года дорога приносила только убытки. В 1888 году принесла первую прибыль – 31 тысячу рублей. Через десять лет, в 1898 году, прибыль составила 2 076 000 рублей золотом. В 1900 году

– 3 644 299 рублей, а с 1900 по 1912 год чистая прибыль выросла до 33,3 миллиона рублей.

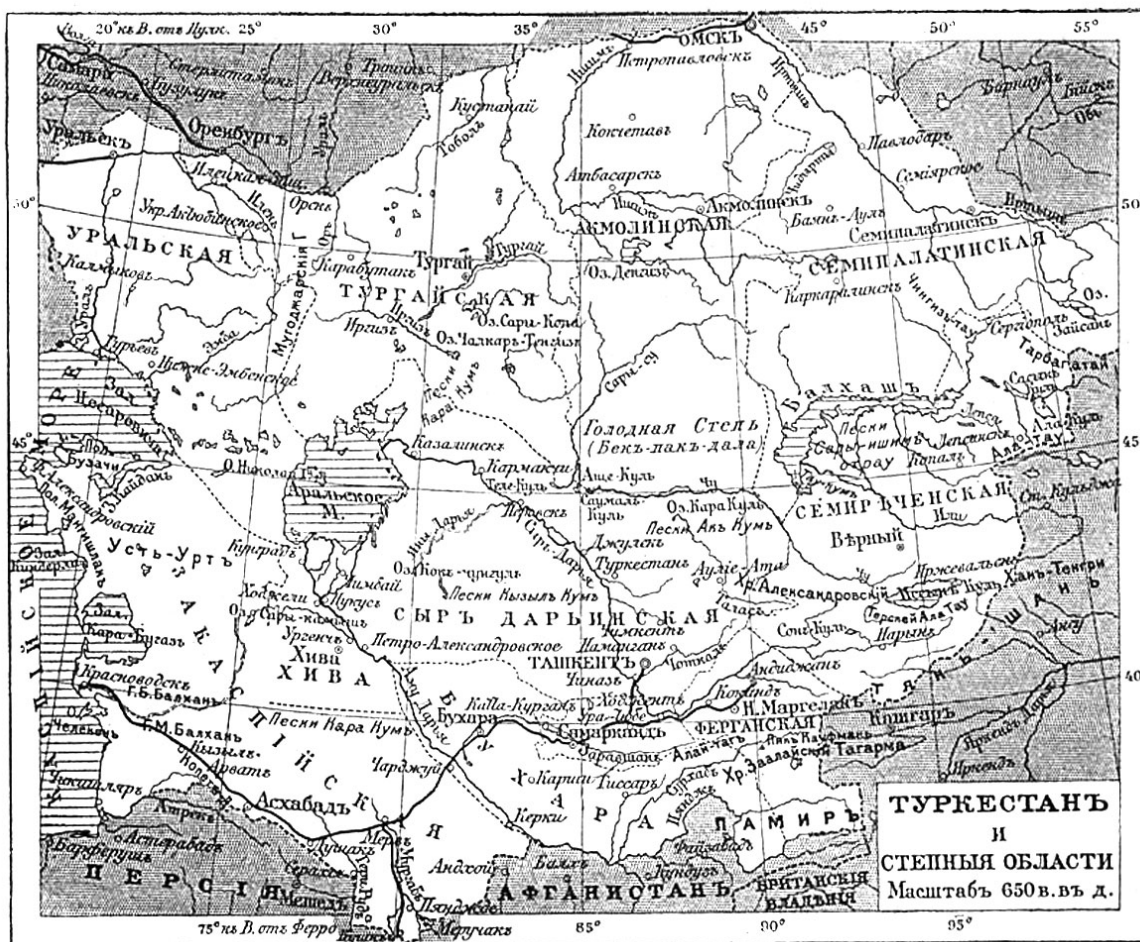
И вот тогда, когда дорога принесла первые доходы, летом 1888-го, в Среднюю Азию отправился молодой человек. Начинающий политик, аристократ, будущий вице-король Индии Джордж Натаниэл Керзон. Он проехал поездом через всю Россию, от Петербурга до Москвы и Нижнего Новгорода, потом в Баку, оттуда на колесном пароходе он перебрался в Красноводск. Там Керзон отправился на восток по новой российской железной дороге. Маршрут пролегал через Геок-Тепе Ашхабад, Мерв, Бухару и Самарканд. Сначала почти 300 миль колея проходила параллельно и близко к персидской границе. Железная дорога, как заметил Керзон, обладала большими возможностями для переброски войск.

Джордж Натаниэл Керзон был любознательным человеком – все, что видел, записывал, при необходимости сходил и осматривал все, что ему интересно, потом ехал дальше следующим поездом. Потом это стало основой его труда «Россия в Центральной Азии и англо-русский вопрос». Мерв молодому политику не понравился. Особенно не обрадовали его туркмены, щеголявшие в русских мундирах. Он написал:

«Ничто не оставило большего впечатления завершенности завоеваний России, чем зрелище этих людей, только восемь лет назад ожесточенных и решительных врагов России на поле боя, а теперь носящих форму ее армии, делающих карьеру на царской службе и пересекающих Европу, чтобы приветствовать Большого Белого Царя как своего властелина»^[318].

Бухара и Самарканд впечатлили его своей особой восточной красотой и экзотикой. Не понравилось ему русское присутствие там. В Бухаре, например, его как почетного гостя разместили в здании российского посольства. Но сам Керзон считал, что Бухара управляется именно отсюда, что коварные русские уже почти подменили собой эмира. На самом деле, русские настолько не вмешивались в жизнь вассального эмирата, что еще в начале 20 века в Бухаре фальшивомонетчиков скидывали со специальной башни (зверства ИГИЛ, говорите?) и устраивали публичные казни государственных преступников с отрезанием голов. Побывал Керзон и в Ташкенте, где его, конечно, впечатлила русская часть города, но при этом он все же пришел к выводу, что чиновники тут сплошь казнокрады, англофобы, всем заправляют военные, а Ташкент долго служил убежищем для «пошатнувшихся репутаций и разрушенных

состояний, возможность восстановления которых была связана исключительно с полем битвы». То есть все русские авантюристы от власти приехали в Азию. И все же он был вынужден признать – российское правление принесло мусульманским народам Средней Азии немалые выгоды, новая железная дорога будет способствовать экономическому росту региона, цивилизационные усилия русских дают плоды. И главное – они в чем-то более умелые колонизаторы.

Карта Туркестанского края конца 19 века

К чему я написал это все – о железной дороге, о поездке Керзона? К тому, что в годы после распада СССР в бывших союзных республиках Средней Азии возникла новая историческая мифология, суть которой, если кратко, сводится к следующему: жили себе великие цивилизации Востока, никого не трогали, были высокоразвитыми. А потом пришли русские варвары и колонизаторы и все сломали и уничтожили. Об этом пишут книги, об этом рассказывают в учебниках. В Туркменистане, скажем, ежегодно отмечается национальный День памяти – день траура по погибшим

12 января 1881 года при защите крепости Геок-Тепе от русских оккупантов. И судя по всему, в Туркменистане дня памяти, посвященного погибшим в неволе рабам, нет. Но это не к тому, что одни хорошие, а другие плохие. Это к тому, что история стала инструментом политики. Впрочем, однобокой трактовкой грешат нередко и наши российские историки. И потому, хотя бы кратко, нельзя не сказать, что же изменило в Средней Азии русское присутствие.

Да, русское правление в Туркестане не было идеальным. Все присущие бюрократии элементы – коррупция, казнокрадство, хищения, пренебрежение нуждами местного населения – имели место. И об этом писали не только англичане. Русский путешественник и военный географ, генерал-майор Михаил Иванович Венюков очень подробно в одной из работ разбирал подобные отвратительные примеры.

«Уездное начальство, т. е. то, которое стоит ближе всего к народу, так сказать, удалено от глаз и контроля администрации центральной. По назначении на должность, офицеры вступают на путь азиатских порядков и злоупотребляют своею властью, считая себя почти вне всякой ответственности. Поразительный тому пример мы видим в деле управления Кураминским уездом, который прилегает к Ташкенту. Начальник его, полковник Колзаков, собрал в один год 90.000 рублей разными незаконными налогами и все их прожил, кроме других еще, казенных денег. Он был, однако же, в восьми верстах от дома генерал-губернатора, и всем было известно, что он живет открыто, дает обеды и ужины, играет в карты, одним словом, живет так, как было бы невозможно жить на одно жалованье в 2.400 рублей. В числе прочих нововведений, в видах благосостояния края, открыты были сберегательные кассы; но последовавшим распоряжением генерал-губернатора деньги эти разрешено обратить на административные нужды уезда. Фонд, состоявший приблизительно из 22.000 рублей, исчез совершенно, и неизвестно куда; в отчете об этой сумме упоминается лишь отделка дома местного уездного начальника. Деньги выжимаются у туземцев во всякое время и под всякими предлогами; так, напр., вполне нелегальным образом запрещено кому бы ни было переезжать через Сырдарью в каком бы ни было месте, кроме указанных, под угрозой ссылки в Сибирь. А указанные переправы находились на откупу у приятелей уездного начальника. Когда же наконец дело это слишком огласилось, губернатор вынужден был

обратить на него внимание и удалил начальника из уезда; но вместо всякого взыскания он перевел его в другую местность, на том основании, что считает его за весьма полезного офицера»^[319].

Некоторые исследователи труды Венюкова не слишком воспринимают, потому что он хоть и носил погоны, но был идейным либералом, тайно сотрудничал с Герценом и писал статьи в «Колокол», а выйдя в отставку, тут же уехал из России, чтобы никогда не возвращаться. И конечно, некоторые ситуации Венюков описывал не без преувеличений. Но это не отменяет того, что проблемы в освоении Азии и управлении Азией у России были. И рассказывать о том, что русские власти только и делали, что заботились о местных жителях, как минимум, не слишком честно. Но дело в том, что, конечно, негодяи среди чиновников были и есть. Но все же Российская империя так и не создала в Средней Азии систему тотального ограбления населения и систему унижения местных традиций и разрушения основ общества.

Есть один яркий пример того, как имперские власти старались находить общий язык и выстраивать отношения с местными элитами. Жила когда-то на Алае – районе, который является частью Памиро-Алайской горной системы, царица алайских киргизов Курманжан Датка. Про нее сейчас много пишут в Средней Азии, и она действительно заслуживает этого. Курманжан Датка была уважаемой и влиятельной. При ней алайских киргизов не смог подчинить кокандский хан Худояр. Формально считалось, что Алай – вроде как часть ханства. Фактически это была совершенно независимая территория. Уважал Курманжан Датку и бухарский эмир Муззафар. Когда русские присоединили Кокандское ханство, Курманжан Датка и шестеро ее сыновей возглавили войну против русских войск. Война шла южнее современного Оша, в горах, первый бой с русскими произошел 25 апреля 1876 года. Отряды Датки были разбиты. Она пыталась сопротивляться дальше, командовала отрядами. Но 29 июля того же года ее пленили и препроводили в русский штаб в Маргелан. Там ее принял генерал Михаил Скобелев. Принял не как пленницу, а как дорогую гостью – угостил, пообщался, назвал матерью «стольких храбрых сыновей», сделал подарки. Датка долго разговаривала с русским генералом. И в итоге она отправила сыновьям письмо, чтобы они прекратили сопротивление. Скобелев пообещал взамен помиловать участников боевых действий. И он слово сдержал.

Курманжан Датка

Курманжан Датка официально объявила о присоединении земель алайских киргизов к Российской империи. Ей пожаловали чин полковника русской армии, четыре из пяти новообразованных

волостей на территории Алая перешли под управление ее сыновей. Пятый сын отправился в Мекку, но умер по дороге. И долгое время русские власти не трогали привычный уклад жизни семьи Датки и закрывали глаза на то, что дети ее занимаются контрабандой и мутными делишками на территории Кашгара. Имперские чиновники понимали – тут так жили столетиями, со временем все исправится. Но потом случилась одна роковая неприятность. Вот что писал про это публицист, революционер-народоволец Иван Павлович Ювачев:

«В следующих, 1893–1895 годах престарелой датхе пришлось выдержать жестокое испытание.

Горные орлы-киргизы Алая с давних времен жили хищничеством. Забравшись на “небесные горы” (Алай – отроги Тянь-Шаня) под “крышу неба” (Памир), они зорко следили за добычей в окрестных горах. С востока от них китайский Кашгар, с запада бухарский Дарваз и Каратеген, с севера расстилается плодородная Ферганская долина. Есть где пожить барантою! [320] Но с приходом русских волей-неволей пришлось им сдерживать себя. Отряды солдат и казаков строго оберегали караванные пути. Тогда удалство киргизских батырей вылилось в другую форму – в занятие контрабандой.

Пылкий Камчи-бек, один из сыновей Датхи, сосредоточил в своих руках всю перевозку контрабандных товаров через границу Кашгара. Давно его подозревала в этом русская администрация, но изловить увертливого киргиза не удавалось. Однажды пропал таможенный объездчик с двумя стражниками. Потом следствие выяснило, что они встретились с партией киргизов-контрабандистов, которые не успели скрыться от них. Чтобы избавиться от ареста и суда, киргизы убили объездчиков и сожгли их трупы. Кроме удалого, горячего Камчи-бека и молодого внука датхи, совсем мальчика, Арслан-бека, как начальников шайки контрабандистов арестовали еще за укрывательство Махмуд-бека, правителя гульчинской волостью, и Мирза-Паяса, его племянника. Всего арестовано было по этому делу 21 человек.

Престарелая мать беков, Курбан-Джан-датха, сама поехала в Новый Маргелан хлопотать за них перед военным губернатором Повало-Швейковским. Ее допустили только в областную тюрьму на свидание со своими сыновьями и внуками, но не вняли ее униженным слезным мольбам. Суд состоялся над киргизами, и двое из них – Камчи-бек и Палван, были приговорены к смертной казни, а Махмуд-

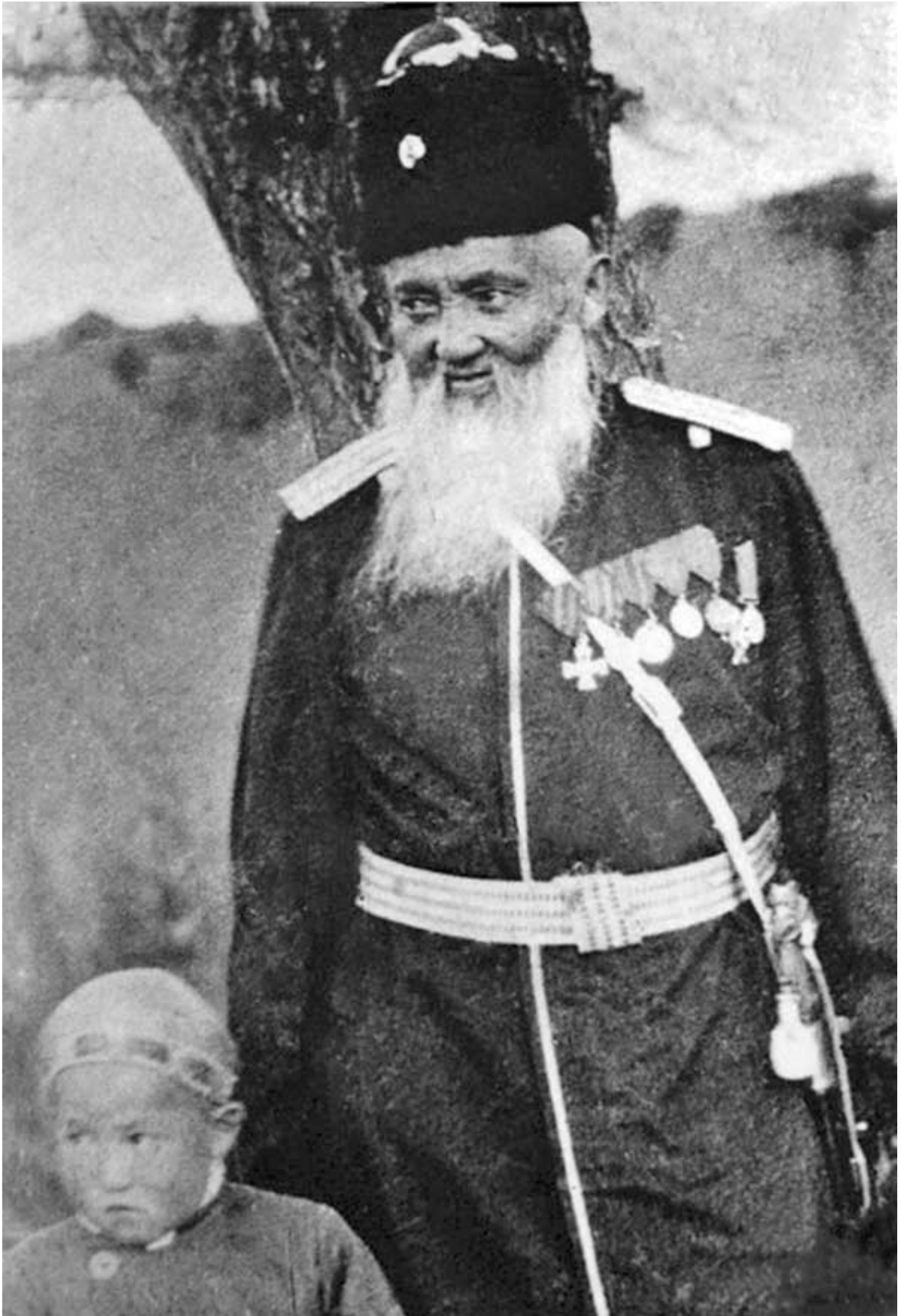
бек, Мирза-Паяс и Арслан-бек – в ссылку в Сибирь на каторжные работы»^[321].

После казни сыновей Курманжан удалась в деревню и стала жить тихой, почти отшельнической жизнью. Сохранилось несколько ее фотографий, сделанных незадолго до смерти, в 1906 году. Пожилая женщина задумчиво смотрит куда-то перед собой, словно вспоминая сына. Сделал эти фото, кстати сказать, Карл Густав Маннергейм, будущий президент Финляндии и союзник Гитлера, а тогда офицер русского Генерального штаба, выполнявший особую миссию в Азии.

Сейчас историки и политологи в Азии порой говорят о жизни Курманжан Датки, пытаются представить ее несчастной жертвой царизма. Но еще раз – власти не трогали ее детей, хотя все знали про них, пока те не убили русского офицера. И вот тут же на ум приходит биография другого киргиза, который участвовал в войне против Датки, на стороне русской армии. Более того, он окружил отряд Датки и помог ей вести переговоры с русскими. Звали его Шабдан Джантаев, в народе его чаще называли Шабдан-батыр. Он родился в семье киргизского феодального правителя, служил при дворе кокандского хана, воевал против русских, после взятия в 1862 году кокандских крепостей Ак-Суу и Мерке чуйские киргизы признали власть русского царя. Джантаев стал помогать русским чиновникам, или, как писали после его смерти, *«на действительной службе не состоял, но в качестве добровольного милиционера, во главе содержимого на свой счет отряда лихих наездников из числа своих сородичей не раз оказал услугу, отмеченную начальством нашим войскам при движении их в глубь Средней Азии»*.

Он воевал под командованием Скобелева в Коканде. Подавлял бунты кокандской знати. Он «первый из кара-киргизского рода удостоен был награждения: знаком военного ордена и степени, а затем серебряной медалью в память покорения Кокандского ханства». В 1883 году ему пожаловали казачий чин войскового старшины, это равноценно званию полковника. В 1883 году Шабдан-батыр был приглашен на церемонию коронации императора Александра III в столицу империи. Он занимался проблемами образования среди киргизов, смог открыть частное медресе, отправлял детей из небогатых семей учиться в Русскую Школу Грамматики в город Верный. Он добивался того, чтобы в состав законодательных органов вошли и представители коренных народов.

Сегодня в Бишкеке есть памятники обоим – и Курманжан Датке, и Шабдан-батыру. Но какие разные это судьбы!

Шабдан-батыр

В Российской империи чванство и глупость чиновников тоже не являлись общей практикой. И многие критиковали того же Милютина. Но почти никто из критиков не отправил детей на войну, как отправил свою дочь военный министр. И Туркестаном все же управляли очень разные люди, не только вымогатели и коррупционеры. Иначе никогда в Туркестане не появились бы новые города, железные дороги, оросительные каналы (между прочим, Туркестан по размерам сети оросительных каналов занимал второе место в мире после Индии), не задымили бы фабрики, не открыли бы двери – в том числе и для местного населения – больницы, библиотеки. Более того, русское правительство сильно ограничивало переселение русских в Туркестанский край, как раз потому, что не хотело земельных конфликтов с местным населением. Разрешение властей на колонизацию края было дано не сразу, а только в конце 19 века.

Сейчас на окраинах, например, Бишкека, в селах с русскими названиями вроде Лебединовки все еще живут потомки тех, кто перебрался сюда из Малороссии году так в 1898-м. К 1917 году в Туркестане жили около 500 тысяч русских, это примерно 7 % от общего населения края. И русские внесли огромный вклад в его устройство и развитие. Словосочетание Русский Туркестан имеет очень глубокий смысл. Эта земля полита и русским потом, вспахана и русскими руками. В этой земле лежат русские кости, и на ней живут русские люди, которые считают ее своей Родиной.

Конечно, сейчас в Азии стараются не вспоминать, что именно имперские власти стали строить и открывать русско-туземные школы, давать детям и подросткам светское образование на очень приличном уровне и что часто там преподавали молодые русские учителя, вчерашние студенты – энтузиасты и романтики, которые были уверены, что своим трудом они смогут победить тех самых косных и коррумпированных чиновников, создав новое образованное азиатское общество. А вот исламское духовенство протестовало и требовало закрытия школ. Потому что считало, что там ученики набираются ереси и что школы разрушают традиционные исламские ценности.

И не случайно крупное восстание 1898 года, случившееся в Андижане, имело исключительно религиозную подоплеку, хотя в советские годы было принято считать, что оно являлось частью «национально-освободительной борьбы народов Туркестана». Организатором восстания был Дукчи-ишан, неграмотный суфий,

проповедник, обладавший тем не менее огромным влиянием. И были серьезные основания полагать, что Андижанский бунт был спровоцирован внешними силами. Упомянутый ранее Иван Ювачев рассказывал об этих событиях:

«Вдруг приезжает из Турции какой-то неизвестный авантюрист Абдул-Джалил. Он визирует свой паспорт в Маргелане и Оше и едет к Дукчи-ишану в качестве посланника с письмом от турецкого султана. Абдул-Джалил, передав ишану халат от владыки правоверных, зеленое знамя и волос пророка Магомета, убеждал его объявить газават. Дукчи долго сомневался в подлинности грамоты от султана и скромно замечал: “как это я, ничтожный человек, мог быть известен султану?” Только со вторым приездом Абдул-Джалила он, наконец, поддался обману и стал проповедовать войну с неверными. Восстание было рассчитано на легкомыслие фанатичного народа. Вместо оружия были розданы чудесные веретена, которые должны были превратить неприятельские пули и ядра в воду»^[322].

18 мая 1898 года повстанцы напали на русские казармы, но войска отбили атаку. Восстание подавили очень быстро – Дукчи-ишан попал в плен, власти задержали более 500 человек, из них 18 были повешены.

Это было одно из двух крупных восстаний в Средней Азии против русской власти. Второе произошло в 1916 году, и вот оно как раз было прямым результатом деятельности русских чиновников, которые массово и бестолково стали конфисковать у местного населения земли, причем происходило это на фоне и без того сложной экономической ситуации, вызванной Первой мировой войной. И еще одной причиной стало то, что казахов и киргизов попытались призвать в армию, к чему они были совершенно не готовы. И это тоже важно понимать – никакой объединяющей идеологии, приемлемой для всех подданных, Российская империя так и не создала. При всех положительных изменениях, которые произошли в Средней Азии, многие ее жители не начали ощущать себя частью большой страны. А вот в годы СССР это произошло. Советская власть смогла дать людям новые смыслы, показать новые возможности, запустить невероятные прежде социальные лифты. И в 1941 году сотни узбеков, казахов, таджиков и киргизов пошли на фронт защищать свою советскую Родину. Взять хотя бы Панфиловскую дивизию, оборонявшую Москву.

Да, русское покорение Средней Азии было далеко не безоблачным. Были и бунты. В годы СССР это называли проявлениями «национально-освободительного движения», но, по сути, это бандиты, привыкшие жить грабежом, принимались воевать против властей, которые им этого делать не давали. Во всяком случае в Коканде в 1876 и 1877 годах это было именно так.

Но никогда в Туркестанском крае не случилось ничего подобного Восстанию сипаев, которое пережили англичане. Никогда Туркестан не был территорией, управляемой какой-то частной компанией. И достаточно сравнить статистику – сколько фабрик и заводов было в Азии до прихода русских и сколько после, сколько было светских учебных заведений и сколько появилось потом. То же самое с газетами, библиотеками, больницами. А сколько приносил дохода хлопок? Да, конечно, одна из основных задач покорения Туркестана была решена. Центром производства хлопка стала Ферганская область, но сеяли везде, в 1916 году хлопчатником в Туркестане был занят 31 % всех орошаемых земель, к этому же моменту доля среднеазиатского хлопка на внутреннем рынке составила почти 70 %, а производство хлопка-волокна – 20 миллионов пудов. Россия становилась не зависимой от экспорта хлопка. При этом для тех, кто его возделывал, при правильном подходе он давал до 140 % дохода с десятины.

Развитие в крае хлопководства привело к созданию хлопкоочистительной и маслобойной промышленности. К 1914 году в Туркестане работало 220 хлопкоочистительных и 30 хлопкомаслобойных предприятий. Хлопковое масло использовалось в технических нуждах. Хотя и плов на нем готовить отлично получается. В маслобойном производстве были заняты более 12 тысяч рабочих, а сумма выработки маслобойных заводов оценивалась в 18 миллионов рублей. И это цифры только по одной отрасли. А ведь еще выращивали пшеницу, ловили рыбу в Аральском море (да, когда-то это было возможно), занимались скотоводством, производством шелка, даже производство меда в крае приносило прибыль большую, чем в России. Масштабы преобразований в Азии не могли не поражать воображение даже тех, кто был категорически против присоединения. Известный писатель и путешественник Евгений Львович Марков после путешествия по железной дороге в Закаспийской области замечал:

«Я никогда не был сторонником завоеваний и присоединений к России азиатских стран. Не раз выступал я в печати со словом

осуждения этой политики, с точки зрения собственно русских интересов. Но если уже нам суждено историей нести тяжёлый крест цивилизования полудиких азиатских племен, если в судьбах нашего народа предначертано ему водворять своим потом и кровью мир и порядок в странах вечного волнения и насилий, то нужно признать, что величайшею из наших побед над разбойничьею Азией, величайшим завоеванием нашим в странах далекого Турана, – была эта железная цепь в полторы тысячи верст, которою мы привязали Азию к Европе. Поразительное впечатление произвела постройка железной дороги на туземцев Средней Азии.

Постройка Закаспийской железной дороги была таким наглядным подвигом русской силы, бесстрашия, мудрости, пред которым побледнела в воображении восточного человека слава всяких Тамерланов и Искандеров.

Она, вместе с тем, открыла туземцам новые широкие способы к промыслам всякого рода, к мирной выгодной наживе, показала им самым осязательным и убедительным для них образом все преимущество твёрдого государственного порядка и цивилизованных учреждений над невежественным и необеспеченным бытом их прошлого. Пока не было железной дороги, Россия была не в силах внести в прочно установившуюся жизнь старых азиатских ханств существенно новых промышленных начал. Только рельсовый путь мог дать громадный толчок среднеазиатской торговле и зародить в промышленных центрах Азии крупные фабричные и заводские предприятия, развивающиеся теперь не по дням, а по часам»^[323].

При этом долгое время Туркестан был дотационным регионом Российской империи. В край вкладывали и вкладывали миллионы рублей. И в русском обществе по этому поводу существовали разные мнения. Одни говорили, что бессмысленно развивать новые окраины, когда, скажем, в Малороссии или Поволжье дорог нормальных нет, другие полагали, что рано или поздно вложения в Азию окупятся. Тот же либеральный Венюков хоть чиновников и не любил совершенно, но был согласен, что присутствие в Азии необходимо. Критиковал же власти он не только за коррупцию, но и за «отсутствие общего политического и стратегического плана действий в Туркестане», причем он полагал, что проблемы начинаются на самом верху:

«Сам министр иностранных дел, князь Горчаков, до такой степени был мало знаком с Азией, что, напутствуя Кауфмана в

Хиву, просил его “не ходить туда (из Ташкента) через Кашигар!” А когда по улыбке Кауфмана заметил, что сказал глупость, то наивно прибавил: “Я, может быть, сказал какой-нибудь вздор; вы извините. Я азиатскими делами не занимаюсь; на это у меня есть Стремоухов. Я смотрю только за тем, чтобы нам из-за Средней Азии не поссориться с Англиею”»^[324].

Но все же доминирующим было такое мнение: да, Туркестанский край требует вложений. Да, они немалые. И конечно, не всем очевидно, зачем это нам нужно. Но, по сути, страна платит за национальную безопасность. Михаил Терентьев формулировал это так:

«Жертвуя ежегодно для поддержания своего положения в Средней Азии, мы выигрываем в политическом отношении, потому что приобретаем влияние на голос Англии, а затем выигрываем и в экономическом отношении, ибо сберегаем сотни миллионов, какие нам пришлось бы истратить на то же самое путем войны.

После татар, поляков и шведов, соперниками нашими в Европе сделали англичане. Европейская война стоит всегда сотен миллионов, да еще сопряжена с большим риском. Риск этот, кроме потерь в людях, выражается еще и контрибуцией. Как прежде Англия пользовалась каждым случаем, чтобы втянуть нас в войну, так теперь она семь раз подумает, раньше чем рискнет на это.

Возможно ли было бы, не занимая хорошей позиции в Азии, разорвать парижский трактат?

Едва ли. Во всяком случае дело не обошлось бы без войны, а война унесла бы по крайней мере 100 миллионов. Если эти 100 миллионов остались у нас в кармане, то это случилось между прочим и благодаря нашему положению в Азии.

И так, чем ближе мы к Индии, тем осторожнее обращается с нами Англия, тем меньше у нас противников в Европе, тем менее вероятность навлечь на себя войну. Все это выражается в цифрах государственных расходов – более или менее значительным минусом.

Миллионы, кидаемые нами на Азию, сберегут нам сотни миллионов в Европе»^[325].

Подробный разбор того, что сделала Россия в Средней Азии и сколько туда было вложено, не является задачей этой книги. Но работ на данную тему в последние годы было издано немало. Среди них я особо хотел бы выделить книгу Евгения Александровича Глуценко «Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования». Это блестящий, подробнейший труд, в котором буквально по полочкам

разложено, что и как делала русская администрация. И сколько это стоило Российской империи.

Как уже говорилось в начале книги, в традиционной исторической науке, особенно английской, период Большой Игры имеет четкие временные рамки: 1856–1907 годы. Якобы русско-британский союз, обусловленный укреплением Германии, положил конец великому противостоянию. Питер Хопкирк в своем труде, посвященном Большой Игре, так и писал:

«В августе 1914 года, когда англичане и русские сражались как союзники и в Европе, и в Азии, казалось, что так. Все оставшиеся подозрения были быстро забыты, когда два старых соперника объединили силы, чтобы изгнать немцев и турок со своих азиатских территорий и сфер влияния. Впервые сипай и казак не поглядывали друг на друга с подозрением и опаской через горы и пустыни в самом центре Азии, а сражались плечом к плечу. Их общая цель состояла в том, чтобы выбить новых соперников с Кавказа, из Персии и Афганистана – взрывоопасных регионов, от которых зависела безопасность и Британской Индии, и центральноазиатских владений царя».

Насчет «сражались плечом к плечу» – это, конечно, сильное преувеличение. Как и заявление о том, что Большая Игра завершилась в 1907 году. Она затихла, замедлилась, но она не может прекратиться. Потому что уходят империи, но остаются интересы. Уходят лидеры, но остаются геополитические задачи. И конечно, как только ослабленная Российская империя рухнула, не пережив двух революций подряд, тут же Игра разгорелась с новой силой.

В жарком августе 1918 года к границе Персии подходил отряд. За спиной у него был тяжелый поход от границ Индии, из Белуджистана вдоль ирано-афганской границы в Мешхед. Но сипай и бойцы Корпуса разведчиков были для таких переходов подготовлены. Подойдя к границе, где еще недавно развевался русский триколор и которую теперь почти никто не охранял, английский экспедиционный отряд в составе 28-го полка легкой кавалерии и 19-го пенджабского полка под командованием генерала Уилфреда Маллесона пересек границу Персии и вошел на территорию Закаспийской области. Лондон все же получил то, к чему так стремился долгие столетия. Английские войска вошли в Ашхабад, установили контроль над железной дорогой до Красноводска.

Английские историки обычно утверждают – все это не имеет отношения к Большой Игре. Это отдельный исторический эпизод. И вообще, корпус генерала Маллесона был отправлен в Туркестан вовсе не для захвата территорий. А для защиты британских позиций в Азии, для «обороны Индии». Потому что, дескать, еще шла Первая мировая война, и Германия совместно с Турцией могла нанести удар по главной британской колонии.

Через полгода англичан выбили из Ашхабада и погнали за Амударью части Красной армии. Но параллельно в Ташкент отправился английский разведчик Фредерик Бейли, а потом именно англичане накачивали оружием и деньгами среднеазиатских басмачей, которые фактически были обычными джихадистами, исламскими боевиками. Было многое, но это и правда другая история. Новый виток Большой Игры, который так еще пока и не завершен.

Заключение

В эту книгу не вошло многое. Объем материалов по истории русско-британского противостояния и по русскому присутствию в Азии на самом деле огромен. И физически в одной работе невозможно рассказать обо всем.

И кто-то справедливо спросит: «Что же автор не рассказал подробно о русском консульстве в Кашгаре?» Кому-то не понравится, что в книге слишком мало уделено внимания, ну, например, Турции, а кто-то сочтет обидными высказывания современников о быте Средней Азии. А еще кто-то упрекнет, что я рассказал о подвиге Котляревского, но о подвиге майора Монтрезора упомянул лишь вскользь.

Но мне казалось важным сделать две вещи. Во-первых, показать общий вектор, объяснить, как развивалась ситуация, как и из чего рождалась русофобия, как шло это противостояние Востока и Запада, России и Англии. И наверное, найдутся те, кто, прочтя книгу, сам углубится в первоисточники, сравнивать, открывать для себя что-то, прежде неизвестное, и кто, возможно, решит для себя: «Ну точно, надо было вот об этом тоже написать, а он не сделал. Тоже мне, писатель». И это будет очень здорово.

Во-вторых, мне хотелось рассказать (ну или напомнить тем, кто уже знал) о людях, которые служили России, о простых казаках Иканской сотни, о егерях Карягина, о генералах и разведчиках, о тех, кто, рискуя собой, отправлялся в неисследованные города и земли, потому что это было нужно Родине. Эти люди когда-то сделали все, что смогли, все, что от них зависело, чтобы их страна жила в мире, чтобы ее уважали и чтобы с ней считались. И они заслуживают того, чтобы мы их помнили, чтобы мы их знали, чтобы мы гордились ими. Если это удалось, значит, книга была написана не зря.

notes

Примечания

Климент Адамс. Первое путешествие англичан в Россию // Отечественные записки. Часть 27. № 77. 1826.

Текст воспроизведен по изданию: Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Москва, 1937.

Маркс К. Разоблачения дипломатической истории XVIII века // Вопросы истории. 1989.

Платонов С. Ф. Москва и Запад в XVI–XVII веках. Л.: Книгоиздательство «Сеятель», 1925.

Цит. по: *Брикнер А. Г.* Иллюстрированная история Петра Великого. СПб. Издательство: Тип. П. П. Сойкина, 1902–1903.

6

Там же.

Цит. по: Северный Край. Журнал, издаваемый Вологодским Обществом изучения Северного Края. Книга № 1. Январь – февраль 1922.

Известия англичан о России XVI в. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских. № 4. Москва, 1884.

Платонов С. Ф. Москва и Запад в XVI–XVII веках. Л.: Сеятель, 1925.

Текст воспроизведен по изданию: Первые сорок лет сношений между Россией и Англией. 1553–1593. СПб., 1875.

Старина и новизна // Исторический сборник. Кн. 14. Москва. 1911.

Виргинский В. Проекты превращения Северо-восточной России в английскую колонию в XVII веке // Исторический журнал. № 11 (Ноябрь). 1940.

Виргинский В. Проекты превращения Северо-восточной России в английскую колонию в XVII веке // Исторический журнал. № 11 (Ноябрь). 1940.

Лыжин Н. П. Столбовский договор и переговоры, ему предшествовавшие. СПб., 1857.

ПСРЛ. Т. 34. Бельский летописец. С. 259.

ПСРЛ. Т. 34. Бельский летописец. С. 259.

Фруменков Г. Г. Соловецкий монастырь и оборона Поморья в XVI–XIX вв. Архангельск, 1975.

Ульянов Н. И. Скрипты. Анн-Арбор, 1981.

МД. Хив. ст-цы 1641 г. ноября 17 – 1644 г. августа..., лл. 251.

Памятники дипломатических и торговых сношений московской Руси с Персией / Под ред. Н. И. Веселовского. Т. 1. СПб., 1890.

Цит. по: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен.
М.: Эксмо. 2009.

Цит. по: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен.
М.: Эксмо, 2009.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М.: Эксмо, 2009.

Чичагов П. В. Записки. М.: Российский фонд культуры, 2002.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М.: Эксмо, 2009.

Оболенский Г. Л. Император Павел I. М.: Русское слово, 2001.

Шильдер Н. К. Император Павел Первый. СПб., изд. А. С. Суворина. 1901.

Там же.

Шильдер Н. К. Император Павел Первый. СПб. Суворина. 1901.

Александренко В. Император Павел I и англичане. (Извлечение из донесений Витворта.) Русская старина, 1898.

Лев Лурье. 22 смерти. 63 версии. БХВ-Петербург. 2011.

Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. М.: Мысль, 1998.

АВПРИ, ф. Канцелярия, д. 6741, л. 117–118об.

Там же.

ЦГАДА, ф. Посольский приказ. Сношения России с Персией, 1637 г., д. 3, лл. 8–10, 15–17.

ЦГАДА, ф. Посольский приказ. Сношения России с Персией, 1637 г., д. 3, лл. 8–10, 15–17.

Вернадский Г. Московское царство. В 2 ч. Ч. 1. Тверь – М.: Леан, Аграф, 1997.

Архив ЛОИИ. Астраханские акты, док. № 7090, л. 1.

ЦГАДА, ф. Посольский приказ. Сношения России с Индией, 1646 г., д. 1, лл. 30–31. Отпуск.

ЦГАДА, ф. Посольский приказ. Сношения России с Индией, 1646 г., д. 1, лл. 1–11. Отпуск. Список с грамоты – там же, лл. 137–145. Другой список – ф. Сношения России с Бухарой, кн. 4, лл. 105–110.

ЦГАДА, ф. Посольский приказ. Сношения России с Индией, 1646 г., д. 1, лл. 1–11. Отпуск. Список с грамоты – там же, лл. 137–145. Другой список – ф. Сношения России с Бухарой, кн. 4, лл. 105–110.

Там же, кн. 4, лл. 172 об. – 178.

ЦГАДА, ф. Посольский приказ. Сношения России с Индией, 1675 г., д. 1, л. 159. Подлинник. Список – ф. Сношения России с Бухарой, кн. 6, лл. 47 об. – 50.

ЦГАДА, ф. Посольский приказ. Сношения России с Бухарой, 1675 г., д. 2, лл. 388–389. Подлинник.

Бартольд В. История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925.

ЦГАДА, ф. Посольский приказ. Сношения России с Бухарой, 1622 г., д. 1, лл. 15–16. Подлинник. Оpubл.: Сборник князя Хилкова. СПб., 1879. С. 396 (Статейный список И. Д. Хохлова. С. 388–446).

1716 г. февраля 22. – Сказка А. Семенова, слуги обер-инспектора Рижской таможни И. Исаева, о поездке его в 1695–1699 гг. в Персию и Индию с С. Маленьким. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 35, ч. 1, лл. 21–27 об. Подлинник. Оpubл. в сб.: Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. Т. I. СПб., 1871. С. 215–220.

Разные бумаги генерал-майора Тевкелева об Оренбургском крае и о киргиз-кайсацких ордах // Временник императорского Общества Истории и Древностей Российских. Кн. 13. 1852.

Алехторов А. История Оренбургской губернии. Оренбург, 1883.
С. 16–17.

Разные бумаги генерал-майора Тевкелева об Оренбургском крае и о киргиз-кайсацких ордах // Временник императорского Общества Истории и Древностей Российских. Кн. 13. 1852.

Добромыслов А. Материалы по истории России. Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края. 1734 г. Т. 1. Оренбург, 1900.

АВПР, ф. 122, 1734 г., д. 4, лл. 5–14. Копия.

Малиновский А. Ф. Известие об отправлениях в Индию российских посланников, гонцов и приездах в Россию индийцев с 1469 по 1751 год. СПб., 1900.

Текст воспроизведен по изданию: Журнал путешествия мичмана Никифора Полубояринова в Индию в 1763–1764 гг. // Труды Института истории, естествознания и техники. Т. 27. 1959.

Журнал путешествия мичмана Никифора Полубояринова в Индию в 1763–1764 гг. // Труды Института истории, естествознания и техники. Т. 27. 1959.

Ефремов Ф. С. Странствование Филиппа Ефремова в Киргизской степи, Бухарии, Хиве, Персии, Тибете и Индии и возвращение его оттуда чрез Англию в Россию. Казань, 1811.

Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, вероисповеданий и прочих достопамятностей. Ч. IV – О народах монгольских, об армянах, грузинах, индийцах, немцах, поляках и о владычествующих россианах с описанием всех именованний казаков, также история о Малой России и купно о Курляндии и Литве. 2-е изд. СПб., 1799.

Потто В. А. Кавказская война. М.: Центрполиграф, 2007.

Потто В. А. Кавказская война. М.: Центрполиграф, 2007.

Потто В. А. Кавказская война. М.: Центрполиграф, 2007.

Потто В. А. Кавказская война. М.: Центрполиграф, 2007.

Описание царства Англичан на Берегах Гангеса // Вестник Европы. Ч. 7. № 4. 1803.

Обозрение Киргиз-кайсакской степи (часть 1-я), или Дневные записки в степи Киргиз-кайсакской 1803 и 1804 годов // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. V. Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX века. Алматы. 2007.

Путешествие Мир Иззет Уллы в Кокандское ханство в 1812 г. // Труды Среднеазиатского государственного университета им. В. И. Ленина. Новая серия. Вып. 78. 1956.

Ниязатов М. Россия на Востоке. Противостояние великих держав (XIX век). Петербургское Востоковедение, 2014.

Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным степям. XVIII–XIX века // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. VI. Алматы, 2007.

Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах гвардейского Генерального Штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров. М.: тип. Августа Семена, 1822.

Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах гвардейского Генерального Штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров. М.: тип. Августа Семена, 1822.

РГВИА, ф. 35, оп. 3, д. 1083, л. 3–6 об. Автограф.

Русская старина. Т. 64. СПб., 1889.

Moorcroft W., Trebeck G. Travels in the Himalayan Provinces of Hindustan and the Panjab; in Ladakh and Kashmir; in Pashawar, Kabul, Kunduz, and Bokhara by William Moorcroft and George Trebeck, from 1819 to 1825. Vol. I. L., 1841.

Русские путешественники в Индии. XIX – начало XX в.
Документы и материалы. М.: Наука, 1990.

О шальной фабрике воронежской помещицы Веры Андреевны
Елисейевой // Журнал мануфактур и торговли. 1827. № 9.

АВПР, ф. СПб. Главный архив, 1–9, 1812–1830 гг., д. 5, л. 1–2об.

Там же. II-3, 1811–1819 гг., д. 5, л. 24а-24а об.

АВПР, ф. СПб. Главный архив, 11–3, 1811–1819 гг., д. 5, л. 40–41.

АВПР, ф. СПб. Главный архив, П-3, 1811–1819 гг.

Русские путешественники в Индии. XIX – начало XX в.
Документы и материалы. М.: Наука, 1990.

Внешняя политика России XIX – начала XX века. Сер. II. Т. III (XI). Москва, 1979, док. № 84.

Moorcroft W., Trebeck G. Travels in the Himalayan Provinces of Hindustan and the Panjab; in Ladakh and Kashmir; in Pashawar, Kabul, Kunduz, and Bokhara by William Moorcroft and George Trebeck, from 1819 to 1825. Vol. I. L., 1841.

Ibid.

АВПР, ф. СПб. Главный архив, П-11, оп. 50, 1819 г., д. 4, л. 152.

Архив внешней политики России (АВПР), ф. СПб. Главный архив, П-11, он. 50, 1819 г., д. 4.

Хлобустов О. М. Госбезопасность России от Александра I до Путина. М.: Изд. дом Ин-Фолио, 2008.

Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. Предисл.
Н. А. Халфина. М.: Наука, 1975.

Там же.

Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. Предисл. Н. А. Халфина. М.: Наука, 1975.

Демезон П. И. Записки о Бухарском ханстве. М.: Наука, 1983.

Демезон П. И. Записки о Бухарском ханстве. М.: Наука, 1983.

Там же.

Там же.

Хлобустов О. М. Госбезопасность России от Александра I до Путина. М.: Изд. дом Ин-Фолио, 2008.

Ульянов Н. И. Скрипты. Анн-Арбор, 1981.

Хлобустов О. М. Госбезопасность России от Александра I до
Путина. М., 2008.

Потто В. А. Кавказская война. М.: Центрполиграф, 2007.

Там же.

Потто В. А. Кавказская война. М.: Центрполиграф, 2007.

Потто В. А. Кавказская война. М.: Центрполиграф, 2007.

Потто В. А. Кавказская война. М.: Центрполиграф, 2007.

Доклад поручика И. Носкова князю А. С. Меншикову о состоянии Персии (1827 г.). РГВИА. Ф. 446. Оп. 1. Д. 3.

Ходасевич В. Ф. Грибоедов. «Возрождение». 1929.

Потто В. А. Кавказская война. М.: Центрполиграф, 2007.

Дипломатическая поездка Али-Юз-Баши Карабагского к Аббас-Мирзе: из архивных материалов о миссии А. С. Грибоедова в Иране // Известия АН АзССР. Серия общественных наук, № 8. 1962.

Там же.

Хонкирк П. Большая Игра против России: Азиатский синдром.
М.: Рипол Классик. 2004.

Автобиография А. О. Дюгамеля. Русский архив. 1885, кн. 5. С. 83–84.

Число женщин, сгоревших с мужьями своими в Индии в 1823 г.
// Московский телеграф. Ч. 10. № 13. 1826.

Терентьев М. А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб.: тип. П. П. Меркулева, 1875.

Хопкирк П. Большая Игра против России. М., 2004.

Лазарев М. П. Документы. Москва, 1952.

Хопкирк П. Большая Игра против России. М., 2004.

ГАФКЭ, ф. I, А, д. № 133, л. 6. На французском языке.
Документы подготовлены к печати Е. В. Александровой.

ГАФКЭ, ф. 11, д. № 1195, лл. 2–3. На французском языке.

ГАФКЭ, ф. Константиновской миссии, картон № 636 («Depesches de la cour»), лл. 13–17.

115

ГАФКЭ, ф. Константиновской миссии, картон № 637, д. № 3 лл.
5–8.

ГАФКЭ, ф. 3, д. № 889, л. 7.

117

Ф. 16, д. 5413, л. 1. Подлинник.

Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 8.
С. 768.

Ф. 548, оп. 3, д. 184, лл. 32–33, 36. Подлинник.

Цит. по: *Бэлл Дж.* Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов. Т. 2. Нальчик: Эль-Фа, 2007.

Цит. по: Из истории происков иностранной агентуры во время кавказских войн // Вопросы истории. № 11. 1950.

Вамбери А. Очерки и картины восточных нравов. СПб.: типография тов. «Общественная польза», 1877.

Англо-русский инцидент со шхуной «Виксен» (1836–1837 гг.) // Красный архив. № 5 (102). 1940.

Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. Т. 5. СПб., 1896.

Хопкирк П. Большая Игра против России. М., 2004.

Хопкирк П. Большая Игра против России. М., 2004.

Путешествие в Бухару: рассказ о плавании по Инду от моря до Лагора с подарками великобританского короля и отчет о путешествии из Индии в Кабул, Татарию и Персию, предпринятом по предписанию высшего правительства Индии в 1831, 1832 и 1833 годах лейтенантом Ост-Индской компанейской службы, Александром Борнсом, членом Королевского общества. Москва, 1848.

Хопкирк П. Большая Игра против России. М., 2004.

Путешествие в Бухару: рассказ о плавании по Инду от моря до Лагора с подарками великобританского короля и отчет о путешествии из Индии в Кабул, Татарию и Персию, предпринятом по предписанию высшего правительства Индии в 1831, 1832 и 1833 годах лейтенантом Ост-Индской компанейской службы, Александром Борнсом, членом Королевского общества.

Путешествие в Бухару: рассказ о плавании по Инду от моря до Лагора с подарками великобританского короля и отчет о путешествии из Индии в Кабул, Татарию и Персию, предпринятом по предписанию высшего правительства Индии в 1831, 1832 и 1833 годах лейтенантом Ост-Индской компанейской службы, Александром Борнсом, членом Королевского общества.

«Я удовлетворю совершенно мою страсть к приключениям...».
Письма И. В. Виткевича к В. И. Далю // Гостиный двор, № 16. 2005.

«Я удовлетворю совершенно мою страсть к приключениям...».
Письма И. В. Виткевича к В. И. Далю // Гостиный двор, № 16. 2005.

Записки о Бухарском ханстве. Отв. ред. Н. А. Халфин.

Записки о Бухарском ханстве. Отв. ред. Н. А. Халфин.

Записки о Бухарском ханстве. Отв. ред. Н. А. Халфин.

ΓΑΟΟ: φ. 6, οπ. 7, № 738, лл. 7–8 об.

Записки о Бухарском ханстве. Отв. ред. Н. А. Халфин.

«Я удовлетворю совершенно мою страсть к приключениям...».
Письма И. В. Виткевича к В. И. Далю // Гостиный двор. № 16. 2005.

«Я удовлетворю совершенно мою страсть к приключениям...».
Письма И. В. Виткевича к В. И. Далю // Гостиный двор. № 16. 2005.

Нейман К. Ф. Афганистан и англичане в 1841 и 1842 годах.
Москва, 1848.

Инструкция Виткевичу от 14 мая 1837 г. Акты Кавказской археографической комиссии, т. 8, док. 874.

Халфин Н. А. Провал британской агрессии в Афганистане (XIX в. – начало XX в.). Москва, 1959.

Хопкирк П. Большая Игра против России. М., 2004.

144

Там же.

Хопкирк П. Большая Игра против России. М., 2004.

Сеид Касем Ризития. Афганистан в XIX веке. Пер. с персидск.
Москва, 1958.

Россия под надзором: Отчеты III Отделения 1827–1869. Москва, 2006.

Поход в Хиву в 1839 г. (Из записок участника) // Исторический вестник. № 8. 1898.

Хонкирк П. Большая Игра против России.

Поход в Хиву в 1839 г. (Из записок участника) // Исторический вестник. № 8. 1898.

Хлобустов О. М. Госбезопасность России от Александра I до Путина. Москва, 2005.

Нейман К. Ф. Афганистан и англичане в 1841 и 1842 годах.

Dr. Brydon's Report on the British Retreat from Kabul in January 1842: an Important Historical Document, *Afghanistan, Historical and Cultural Quarterly*, 20 (Kabul, 1967).

АВПР, ф. Гл. архив. 1–9, д. 5, лл. 483–487.

Ар. Оренб. в. нач. Гл. шт. Оренб. корп. 1841 г. № 95.

Халфин Н. А. Провал британской агрессии в Афганистане
(XIX в. – начало XX в.).

Посольство в Хиву подполковника Данилевского в 1842 г. // Военный сборник. № 5. 1866.

Посольство в Хиву подполковника Данилевского в 1842 г. // Военный сборник. № 5. 1866.

159

Там же.

Посольство в Хиву подполковника Данилевского в 1842 г. // Военный сборник. № 5. 1866.

Халфин Н. А. Политика России в Средней Азии (1857–1868).

Семенов А. А. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII-го столетия по 1868 год. СПб.: Типография И. П. Глазунова и компании.

Халфин Н. А. Политика России в Средней Азии (1857–1868).

Неболсин Г. П. Статистическое обозрение о внешней торговле России. Ч. 2. СПб.: Типография Департамента внешней торговли.

Неболсин Г. П. Статистическое обозрение о внешней торговле России. Ч. 2. СПб.: Типография Департамента внешней торговли.

Небольсин П. И. Очерки торговли России с странами Средней Азии, Хивой, Бухарой и Коканом (со стороны Оренбургской линии). СПб., 1856.

Халфин Н. А. Политика России в Средней Азии (1857–1868).

Небольсин П. И. Очерки торговли России с странами Средней Азии, Хивой, Бухарой и Коканом (со стороны Оренбургской линии). СПб., 1856.

Халфин Н. А. Политика России в Средней Азии (1857–1868).

Халфин Н. А. Политика России в Средней Азии (1857–1868).

171

Путешествия по Киргизским степям и Туркестанскому краю.
СПб., 1896.

Халфин Н. А. Политика России в Средней Азии (1857–1868).

173

Там же.

Теофил Латинский. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Описание очевидца Теофила Латинского (Теффикбея), полковника и командира польского отряда в стране независимых горцев. Нальчик: Эль-Фа, 1995.

Теофил Латинский. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Описание очевидца Теофила Латинского (Теффикбея), полковника и командира польского отряда в стране независимых горцев. Нальчик: Эль-Фа, 1995.

Россия и Англия в Афганистане. (Из записок фельдмаршала лорда Робертса.) // Русская старина. № 4. 1902.

Взгляд на историю и современное состояние Ост-Индии.
Н. А. Добролюбов. Собрание сочинений в девяти томах. М.:, ГИХЛ,
1962.

Поход русской армии в Индию // Русская старина. № 6. 1886.

Взгляд на историю и современное состояние Ост-Индии.
Н. А. Добролюбов. Собрание сочинений в девяти томах. М.: ГИХЛ,
1962.

Донесение русского военного агента в Лондоне полковника Игнатьева Н. П. военному министру о сипайском восстании. РГВИЛ, ф. 431, оп. 1, д. 21, л. 551–581.

26 июля 1857 г. – Донесение русского военного агента в Лондоне полковника Игнатьева Н. П. военному министру о сипайском восстании // РГВИЛ, ф. 431, оп. 1, д. 21, л. 551–581.

От Дельги до Канпура. Эпизод из истории восстания в Ост-Индии. (Дневник англичанки) // Русский вестник. № 10. 1857.

Военное обозрение // Военный сборник. № 5. 1859.

Верещагин В. В. Скобелев. Русско-турецкая война 1877–1878 гг.
М.: Даръ, 2007.

Андреев А. Р. Последний канцлер Российской империи.
Александр Михайлович Горчаков. М.: Белый волк. Облиздат, 1999.

Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г. флигель-адъютанта полковника Н. Игнатъева. СПб., 1897.

Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г. флигель-адъютанта полковника Н. Игнатъева. СПб., 1897.

Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г. флигель-адъютанта полковника Н. Игнатъева. СПб., 1897.

Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г. флигель-адъютанта полковника Н. Игнатъева. СПб., 1897.

Залесов Н. Г. Посольство в Хиву и Бухару полковника Игнатъева в 1858 году // Русский вестник. № 3. 1871.

191

Там же.

Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г. флигель-адъютанта полковника Н. Игнатъева. СПб., 1897.

Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г. флигель-адъютанта полковника Н. Игнатъева. СПб., 1897.

Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г. флигель-адъютанта полковника Н. Игнатъева. СПб., 1897.

Вестник Русского географического общества. Ч. 21, 1857,
приложения. С. 7.

Халфин Н. А. Политика России в Средней Азии (1857–1868).

Халфин Н. А. Политика России в Средней Азии (1857–1868).

Отчет Русского географического общества за 1865 г. СПб., 1866.

Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата, 1984–1985.

Валиханов Ч. Ч. «О мусульманстве в Степи». Собрание сочинений в пяти томах. Т. 4.

Керсновский А. А. История Русской армии. М.: Голос, 1992.

Русское знамя в Средней Азии // Исторический вестник. № 4.
1899.

Русское знамя в Средней Азии // Исторический вестник. № 4.
1899.

Керсновский А. А. История Русской армии. М.: Голос, 1992.

Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках: Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1964.

Цит. по: *Широкопад А. Б.* Россия – Англия: неизвестная война, 1857–1907. М.: АСТ, 2003.

Полферов Я. Позорное дело // Исторический вестник. № 12. 1904.

Глуценко Е. А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. М.: Центрполиграф. 2010.

Глуценко Е. А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. М.: Центрполиграф. 2010.

Глуценко Е. А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. М.: Центрполиграф. 2010.

Терентьев М. Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1875.

Хонкирк П. Большая Игра против России. Азиатский синдром.

Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. М.: Наука, 2003.

Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. М.: Наука, 2003.

Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии. Спб., 1875.

Залесов Н. Г. Посольство в Хиву и Бухару полковника Игнатъева в 1858 году // Русский вестник. № 2. 1871.

Костенко Л. Ф. Путешествие в Бухару русской миссии в 1870 году // Военный сборник. № 12. 1870.

Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. Т. I–III. СПб., 1906.

Дониш А. История мангитской династии. Душанбе, 1967.

220

НИОР РГБ. ф. 169. к. 65. д. 23.

221

ОПИ ГИМ. ф. 282. (Собрание документов Музея Революции.)

Верещагин В. В. На войне в Азии и Европе. Ленанд, 2016.

Верещагин В. В. На войне в Азии и Европе. Ленанд, 2016.

Дониш А. История мангитской династии. Душанбе, 1967.

Цит. по: *Широкопад А. Б.* Россия – Англия: неизвестная война, 1857–1907. М.: АСТ, 2003.

Ильин И. А. О русском национализме. РФК. 2000.

Цит. по: *Глуценко Е. А.* Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. М.: Центрполиграф, 2010.

«Вы посылаются в страну, которую мы мало знаем». Разведывательная «программа» русского консула в Кашгаре Н. Ф. Петровского // Документы русской истории. № 6 (60). 2002.

Глуценко Е. А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. М.: Центрполиграф, 2010.

Сборник договоров России с другими государствами (1856–1917). Государственное издательство политической литературы, 1952.

Штейнберг Е. Л. История британской агрессии на Среднем Востоке. М.: Воениздат, 1951.

Терентьев М. А. Хивинские походы русской армии. 1875 год.

Алиханов-Аварский М. Поход в Хиву (кавказских отрядов). 1873.
Степь и оазис. СПб.: Паровая скоропечатня Я. И. Либермана, 1899.

Туркестанские войска и условия их бытовой походной и боевой жизни // Военный сборник. № 5. 1875.

Лобысевич Ф. И. Описание Хивинского похода 1873 года. СПб., 1898.

Алиханов-Аварский М. Поход в Хиву (кавказских отрядов). 1873.
Степь и оазис. СПб.: Паровая скоропечатня Я. И. Либермана, 1899.

Алиханов-Аварский М. Поход в Хиву (кавказских отрядов). 1873.
Степь и оазис. СПб.: Паровая скоропечатня Я. И. Либермана, 1899.

Алиханов-Аварский М. Поход в Хиву (кавказских отрядов). 1873.
Степь и оазис. СПб.: Паровая скоропечатня Я. И. Либермана, 1899.

Гродеков Н. И. Хивинский поход 1873 года. Действия кавказских отрядов. СПб.: тип. В. С. Балашова, 1883.

Мак-Гахан Я. А. Военные действия на Оксусе и падение Хивы.
М.: В Университетской типографии (Катков и К^о), 1875.

Мак-Гахан Я. А. Военные действия на Оксусе и падение Хивы.

Терентьев М. А. Хивинские походы русской армии, 1875 год.

Гродеков Н. И. Поездка ген. шт. полковника Гродекова из Самарканда через Герат в Афганистан (в 1878 году) // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. V. СПб., 1883.

Мак-Гахан Я. А. Военные действия на Оксусе и падение Хивы.

Веселовский Н. Бадаулет Якуб-бек, аталык Кашгарский. СПб., 1898.

Остроумов Н. П. Общая характеристика сартов / Сарты. Этнографические материалы. Ташкент, 1896.

Васильев Н. Смерть из-за бачи. Из местной судебной хроники.
Прилож. к газете «Окраина». Самарканд, 1891.

248

ОПИГИМ. Ф. 307 (Н. И. Гродеков). Оп. 1. Д. 44. Л. 1–2.

249

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6810 (доверительное письмо от 1 ноября 1869 г., № 3649). Л. 41.

Андреев А. Р. Последний канцлер Российской империи.
Александр Михайлович Горчаков. М.: Белый волк, 1999.

Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004.

Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России. Москва, 1965.

Толбухов Е. Скобелев в Туркестане (1869–1877) // Исторический вестник. № 10. 1916.

Военные действия против кокандцев в 1875–1876 гг. СПб., 1876.

«Войска наши такая прелесть, что нельзя представить ничего лучшего». Первый туркестанский генерал-губернатор: 12 лет переписки // Документы русской истории. № 2 (62). 2003.

Дневник Д. А. Милютина. Т. 1. М., 1950.

Карзин Н. Абдурахман-автобачи // Нива. 1876. № 10.

Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. Санкт-Петербург. 1906.

Читрал оставался независимым, по крайней мере формально, вообще удивительно долго. Он был присоединен к Пакистану только в 1969 году. Читрал является уникальным регионом мира, где на небольшой площади живут совершенно разные этносы, с разными языками. Там и по сей день сохранилась традиционная гиндукушская религия – уникальное политеистическое верование. В традиционных представлениях гиндукушцев мир ограничивается совокупностью долин, населенных ими. За их пределами лежат «нечистые» земли Хаоса, населенные демонами и мусульманами.

Esme Wingfield-Stratford, *History of English Patriotism*, II.

Цит. по: *Хонкирк П.* Большая Игра против России.

Хопкирк П. Большая Игра против России.

Соболев Л. Н. Англо-афганская распря. СПб., 1885.

История сношений Англии с Афганистаном, рассказанная англичанином // Русский вестник. Т. 142. 1879.

Цит. по: *Халфин Н. А.* Провал британской агрессии в Афганистане (XIX в. – начало XX в.).

«MacGahan, Januarius Aloysius» The Turkish Atrocities In Bulgaria, Letters of the Special Commissioner of the «Daily News» J. A. MacGahan, Esq., with An Introduction & Mr. Schuyler's Preliminary Report» (1876).

Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1876 год.

Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1876 год.

Сборник договоров России с другими государствами (1856–1917).

«Войска наши такая прелесть, что нельзя представить ничего лучшего». Первый туркестанский генерал-губернатор: 12 лет переписки // Источник. Документы русской истории. № 2 (62). 2003.

Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1877 год.

Скальковский К. А. Наши государственные и общественные деятели. СПб., 1891.

Широкопад А. Б. Россия – Англия: неизвестная война, 1857–1907. М.: АСТ, 2003.

Цит. по: *Широкопад А. Б.* Россия – Англия: неизвестная война, 1857–1907. М.: АСТ, 2003.

Цит. по: *Широкопад А. Б.* Россия – Англия: неизвестная война, 1857–1907. М.: АСТ, 2003.

РГВИА, ф. 1396, оп. 2, д. 2195, л. 7–15; Русско-индийские отношения, 1997.

Проект М. Д. Скобелева о походе в Индию // Исторический вестник. № 12. 1883.

278

РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 6919, л. 69–95.

279

РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 6919, л. 69–95.

Андреевский Е. К. Из записок за сорок семь лет // Исторический вестник. № 10. 1912.

Андреевский Е. К. Из записок за сорок семь лет // Исторический вестник. № 10. 1912.

Андреевский Е. К. Из записок за сорок семь лет // Исторический вестник. № 10. 1912.

Цит. по: *Халфин Н. А.* Провал британской агрессии в Афганистане (XIX в. – начало XX в.).

Халфин Н. А. Провал британской агрессии в Афганистане
(XIX в. – начало XX в.).

Широкопад А. Б. Россия – Англия: неизвестная война, 1857–1907.

286

Там же.

287

Там же.

Россия и Англия в Афганистане. (Из записок фельдмаршала лорда Робертса) // Русская старина. № 4. 1902.

Россия и Англия в Афганистане. (Из записок фельдмаршала лорда Робертса) // Русская старина. № 4. 1902.

Кнорринг Н. Н. Белый генерал. М.: Патриот, 1992.

Верещагин А. В. Дома и на войне. 1853–1881: Воспоминания и рассказы. СПб., 1886.

Гейнс А. К. Очерк боевой жизни Ахалтекинского отряда 1880–1881 гг. СПб., 1882.

Маслов А. Н. Завоевание Ахал-Теке. СПб., 1887.

Маслов А. Н. Завоевание Ахал-Теке. СПб., 1887.

То есть к крепостице, занятой разведчиками-наблюдателями. Словом «кала», то есть крепость, участники похода называли небольшие укрепленные дома с башней и высокими стенами, и правда напоминающими крепости. Такие дома и сейчас строят в Южной Азии, например в горных районах Афганистана.

Гуляев А. Г. Поход на Амударью и в Текинский оазис уральских казаков в 1880–1881 годах. Уральск, 1882.

То есть знамя Ширванского батальона.

298

Тур – специальная крепкая корзина, применялась для устройства укрепленных позиций, ниш для снарядов.

299

Второе название Геок-Тепе. Точнее название внутренней крепости оазиса.

Верещагин А. В. Дома и на войне. 1853–1881: Воспоминания и рассказы. Спб., 1886.

301

Новое время. 1888. № 4548. 26 октября.

Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией 1872–1885. СПб., 1886.

Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией 1872–1885. Спб., 1886.

Гейнс А. К. Заметка по поводу англо-русских недоразумений в 1885 году // Собрание литературных трудов Александра Константиновича Гейнса. Том III. СПб., 1899.

Шеманский А. Д. Бой на Кушке и его 25-летний юбилей 18/III 1885 г. – 18/III 1910 г. СПб. В. Березовский, 1910.

Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией 1872–1885. СПб., 1886.

Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией 1872–1885. СПб., 1886.

Халфин Н. А. Провал британской агрессии в Афганистане
(XIX в. – начало XX в.)

Соболев Л. Н. Возможенъ-ли походъ Русскихъ в Индію?. М.,
Типографія Окружнаго Штаба, 1901.

Доклад подполковника Б. Л. Громбчевского, читанный в Николаевской Академии Генерального Штаба 14 марта 1891. Москва. 1891.

Вероятнее всего, это не настоящее имя, а кличка. Оперативный псевдоним. Потому что «хавильдар» – это звание в армии Британской Индии, аналог сержанта.

Доклад подполковника Б. Л. Громбчевского, читанный в Николаевской Академии Генерального Штаба 14 марта 1891. Москва. 1891.

Доклад подполковника Б. Л. Громбчевского, читанный в Николаевской Академии Генерального Штаба 14 марта 1891.

Материалы Архива востоковедов ИВР РАН о движении летучего отряда полковника Ионова на р. Бартанг в Рушане. 1893 г. Письменные памятники Востока. № 1 (12). 2010.

Тагеев Б. Л. Русские над Индией. Очерки и рассказы из боевой жизни на Памире. СПб., 1900.

Хонкирк П. Большая Игра против России.

317

Там же.

Хопкирк П. Большая Игра против России.

Венюков М. И. Исторические очерки России со времени Крымской войны до заключения Берлинского договора. 1855–1878. Том 1. Лейпциг, 1878.

Угон скота у тюркских кочевых народов как способ мести за обиду или вознаграждения за причиненный ущерб. В 19 веке понятие стало шире. Под барантой понималось вымогательство, бандитизм, то есть элементы организованной преступности.

Ювачев И. Курбан-Джа-Датха, кара-киргизская царица Алая // Исторический вестник. № 12. 1907.

Ювачев И. Курбан-Джа-Датха, кара-киргизская царица Алая // Исторический вестник. № 12. 1907.

Россия в Средней Азии: Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям, Каспийскому морю и Волге. СПб., 1901.

Венюков М. И. Исторические очерки России со времени Крымской войны до заключения Берлинского договора. 1855–1878. Том 1. Лейпциг. 1878.

Терентьев М. А. Россия и Англия в Средней Азии.

Table of Contents

Андрей Медведев Война империй Тайная история борьбы Англии против России	11
Пролог	12
Глава 1	15
Глава 2	52
Глава 3	92
Глава 4	123
Глава 5	168
Глава 6	205
Глава 7	236
Глава 8	280
Глава 9	344
Глава 10	386
Глава 11	438
Глава 12	479
Глава 13	521
Глава 14	571
Глава 15	623
Глава 16	677
Заключение	732
Примечания	733
1	734
2	735
3	736
4	737
5	738
6	739

7	740
8	741
9	742
10	743
11	744
12	745
13	746
14	747
15	748
16	749
17	750
18	751
19	752
20	753
21	754
22	755
23	756
24	757
25	758
26	759
27	760
28	761
29	762
30	763
31	764
32	765
33	766
34	767
35	768
36	769

37	770
38	771
39	772
40	773
41	774
42	775
43	776
44	777
45	778
46	779
47	780
48	781
49	782
50	783
51	784
52	785
53	786
54	787
55	788
56	789
57	790
58	791
59	792
60	793
61	794
62	795
63	796
64	797
65	798
66	799

67	800
68	801
69	802
70	803
71	804
72	805
73	806
74	807
75	808
76	809
77	810
78	811
79	812
80	813
81	814
82	815
83	816
84	817
85	818
86	819
87	820
88	821
89	822
90	823
91	824
92	825
93	826
94	827
95	828
96	829

97	830
98	831
99	832
100	833
101	834
102	835
103	836
104	837
105	838
106	839
107	840
108	841
109	842
110	843
111	844
112	845
113	846
114	847
115	848
116	849
117	850
118	851
119	852
120	853
121	854
122	855
123	856
124	857
125	858
126	859

127	860
128	861
129	862
130	863
131	864
132	865
133	866
134	867
135	868
136	869
137	870
138	871
139	872
140	873
141	874
142	875
143	876
144	877
145	878
146	879
147	880
148	881
149	882
150	883
151	884
152	885
153	886
154	887
155	888
156	889

157	890
158	891
159	892
160	893
161	894
162	895
163	896
164	897
165	898
166	899
167	900
168	901
169	902
170	903
171	904
172	905
173	906
174	907
175	908
176	909
177	910
178	911
179	912
180	913
181	914
182	915
183	916
184	917
185	918
186	919

187	920
188	921
189	922
190	923
191	924
192	925
193	926
194	927
195	928
196	929
197	930
198	931
199	932
200	933
201	934
202	935
203	936
204	937
205	938
206	939
207	940
208	941
209	942
210	943
211	944
212	945
213	946
214	947
215	948
216	949

217	950
218	951
219	952
220	953
221	954
222	955
223	956
224	957
225	958
226	959
227	960
228	961
229	962
230	963
231	964
232	965
233	966
234	967
235	968
236	969
237	970
238	971
239	972
240	973
241	974
242	975
243	976
244	977
245	978
246	979

247	980
248	981
249	982
250	983
251	984
252	985
253	986
254	987
255	988
256	989
257	990
258	991
259	992
260	993
261	994
262	995
263	996
264	997
265	998
266	999
267	1000
268	1001
269	1002
270	1003
271	1004
272	1005
273	1006
274	1007
275	1008
276	1009

277	1010
278	1011
279	1012
280	1013
281	1014
282	1015
283	1016
284	1017
285	1018
286	1019
287	1020
288	1021
289	1022
290	1023
291	1024
292	1025
293	1026
294	1027
295	1028
296	1029
297	1030
298	1031
299	1032
300	1033
301	1034
302	1035
303	1036
304	1037
305	1038
306	1039

307	1040
308	1041
309	1042
310	1043
311	1044
312	1045
313	1046
314	1047
315	1048
316	1049
317	1050
318	1051
319	1052
320	1053
321	1054
322	1055
323	1056
324	1057
325	1058